

ТАИНЫ
ДРЕВНИХ
ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ГРЭМ
ХЭНКОК

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОЙ РЕЛИКВИИ

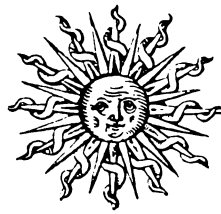
КОВЧЕГ ЗАВЕТА

ЗНАК И ПЕЧАТЬ

ТАИНЫ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ГРЭМ
ХЭНКОК

КОВЧЕГ ЗАВЕТА

«ЭКСМО»
Москва
2006

УДК 930.85/82-343
ББК 63.5/82.3(0)
X 99

Graham HANCOCK
THE SIGN AND THE SEAL
A quest for the lost ark of the covenant

Перевод с английского *А. Блейз*
Оформление обложки *Е. Савченко*

Хэнкок Г.
X 99 Ковчег Завета / Грэм Хэнкок; [пер. с англ. А. Блейз]. — М.: Эксмо, 2006. — 608 с.: ил.

ISBN 5-699-19265-4

Ковчег Завета, который древние израильтяне почитали как воплощение самого Господа, как знак Его присутствия на земле и орудие Его неизъяснимой воли — один из самых знаменитых и загадочных библейских артефактов. По преданию, в этом выложенном чистым золотом ларце хранились каменные скрижали, на которых перстом Бога были написаны десять заповедей. Только Моисей и царь Соломон, знавший «науки египетские», могли управлять ковчегом и при помощи него беседовать с Всевышним.

В тайну ковчега пытались проникнуть многие. Она вдохновила охотников за сокровищами на организацию многочисленных экспедиций. Поисками древней реликвии занимались крестоносцы, тамплиеры, иезуиты, масоны, нацисты. И лишь английскому исследователю Грэму Хэнкоку, автору бестселлеров «Следы богов» и «Власть Талисмана», удалось обнаружить следы утраченного ковчега. На основе исторических документов и свидетельств, более поздних, нежели библейские тексты, Хэнкок установил, что на самом деле представлял собой ковчег Завета, а также куда он мог исчезнуть после смерти Соломона и где находится сейчас.

УДК 930.85/82-343
ББК 63.5/82.3(0)

ISBN 5-699-19265-4

© Graham Hancock, 1992
© Перевод. А. Блейз, 2006
© Издание на русском языке. Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2006

БЛАГОДАРНОСТИ

В первую очередь я хотел бы поблагодарить Кэрол, с которой мы шли по жизни рука об руку целых десять лет. Она принесла мне бесценные дары. Наш брак распался раньше, чем вышла эта книга, но я надеюсь, что дружба окажется долговечнее. Спасибо и вам, мои дети, — Шон и Лейла, Люк и Габриэлла. Поиски, так увлекшие вашего отца, дорого обошлись вам, но я обещаю возместить утраченное. Я чрезвычайно признателен Дональду и Мюриэль Хэнкокам, Джеймсу Маколею и Гарольду Элборну за постоянную поддержку и интерес к моим исследованиям, за чтение рукописи в процессе работы и за все полезные советы и предложения. Кроме того, я хотел бы выразить благодарность за тот бесценный вклад, который внесли в эту работу мои друзья: Колин Скиннер, Кэролайн Ласко и Клэр Ласко. Они не только читали рукопись на разных этапах и высказывали важные замечания, но и поддерживали и утешали меня в трудные времена, с бесконечным терпением относясь ко всем моим выходкам. В Эфиопии моим другом и коллегой стал профессор Ричард Пэнкхерст. Я счастлив, что мне выпала честь сотрудничать с ним так тесно. В Англии мне оказали неоценимую помощь несколько научных сотрудников: Сэди Мэн, Алекс Макинтайр, Клэр Уайз, Дэвид Местекки и Джулия Холлауэлл. Огромный интерес к этому проекту и внимание, выходящее далеко за рамки служебных обязанностей, проявили мои редакторы по обе стороны Атлантики: Том Уэлдон из издательства «Хейнеман», Джим Уэйд из «Краун» и Джон Пирс из канадского издательского дома «Даблдэй».

Я благодарен и многим другим людям, оказавшим мне поддержку в различных областях. Некоторые из них пожелали остаться неизвестными, а другие, надеюсь, простят мне, что я не привожу здесь полный список имен, ибо он получился бы слишком длинным. Однако в заключение я должен с особой благодарностью и признательностью упомянуть одну из моих помощниц — Санту, которая сделала большинство фотографий для этой книги и которая спасла мне жизнь.

Грэхем Хэнкок, март 1992 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ЭФИОПИЯ, 1983 год

ЛЕГЕНДА

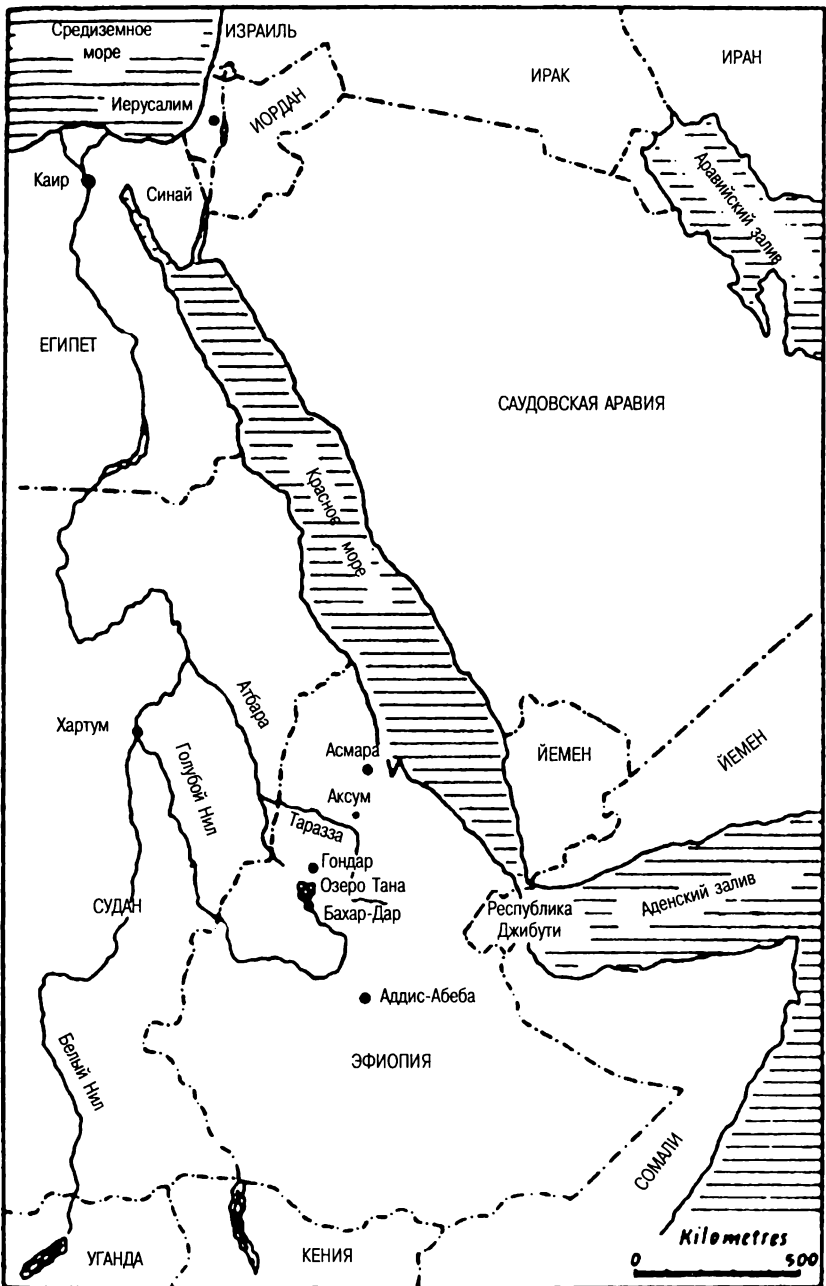
ПОСВЯЩЕНИЕ: 1983

Смеркалось, и в воздухе Эфиопских нагорий уже разливалась прохлада, когда появился монах. Он вышел из часовни, приблизился ко мне шаркающей походкой, сутулясь и опираясь на молитвенный посох, и внимательно выслушал представившего меня переводчика. Он говорил на местном языке тигригна. Затем он стал расспрашивать обо мне и о моих планах: откуда я приехал, чем я здесь занимаюсь, христианин ли я и что мне от него нужно.

Я подробно отвечал на все вопросы и вглядывался сквозь полумрак, стараясь рассмотреть как следует лицо моего собеседника. Небольшие, глубоко посаженные глаза с молочным отблеском катаракты; черная кожа, изрезанная глубокими морщинами... Монах был бородатый и, вероятно, беззубый — говорил он невнятно, хотя и звучным голосом. Но наверняка я мог сказать о нем только одно: при всей своей дряхлости — а ему, похоже, было лет сто, — он сохранил ясность ума и учинил мне допрос отнюдь не из праздного любопытства. Удовлетворившись моими ответами, он наконец снизошел до рукопожатия. Его рука была сухой и тонкой, как папирус, а от его плотных одеяний слабо, но отчетливо веяло священным запахом ладана.

Как только с формальностями было покончено, я перешел к делу. Указав на здание, чей смутный силуэт маячил позади нас в полутьме, я промолвил:

— Одна эфиопская легенда утверждает, что ковчег Завета находится здесь... в этой часовне. Я слышал, что вы — хранитель ковчега. Это правда?

— Правда.

— Но в других странах никто в это не верит. Ваши легенды вообще мало кому известны, но те, кто их слышал, считают, что это выдумки.

— Люди могут верить, во что им вздумается. И говорить, что им угодно. Правда в том, что у нас действительно хранится священный *Табот*, то есть ковчег Завета, и я — действительно его хранитель...

— Позвольте сразу уточнить, — перебил я. — Вы имеете в виду *настоящий* ковчег Завета? Тот самый деревянный ящик, украшенный золотом, в который пророк Моисей вложил скрижали с десятью заповедями?

— Да. Сам Господь начертал десять слов закона на двух каменных скрижалях. Затем Моисей вложил их в ковчег Завета, который сыны Израиля с тех пор носили с собой в своих скитаниях по пустыне и при завоевании Земли обетованной. Он даровал им победу во всех сражениях и сделал их великим народом. Затем царь Соломон поместил его в святая святых храма, воздвигнутого им во Иерусалиме. Но вскоре его забрали оттуда и перевезли в Эфиопию...

— Расскажите, как это случилось, — попросил я. — Из ваших преданий я знаю только о царице Савской, которая, как считается, правила Эфиопией. Я читал легенды, повествующие о ее знаменитом путешествии в Иерусалим. В них говорится, что она зачала от царя Соломона и родила сына, блистательного царевича, который позднее похитил ковчег...

Монах вздохнул.

— Этого царевича звали Менелик, что на нашем языке означает «сын мудреца». Он был зачат в Иерусалиме, но родился в Эфиопии, куда царица Савская вернулась, как только узнала, что понесла от Соломона. Когда Менелику исполнилось двадцать лет, он отправился из Эфиопии в Израиль ко двору своего отца. Там его сразу признали и приняли с великими почестями. Но по прошествии года старейшины той земли начали ему завидовать. Они возмутились, что Соломон так щедро осыпает его милостями, и потребовали, чтобы он вернулся в Эфиопию. Царь согласился, но поставил условием, что сопровождать Менелика в этом путешест-

вии будут перворожденные сыновья всех старейшин. Среди этих сыновей был Азария, сын израильского первосвященника Садока. Именно Азария, а вовсе не Менелик, и похитил ковчег Завета из святого святых Иерусалимского храма. Израильские юноши признались в этом Менелику, когда они уже отъехали далеко от Иерусалима. Услышав это, он понял, что им не удалось бы совершить столь дерзкое деяние, если бы этого не пожелал сам Господь. Поэтому он разрешил своим спутникам оставить ковчег у себя. Так ковчег Завета и попал в Эфиопию, в наш священный город... и с тех пор остается здесь.

— И вы хотите сказать, что эта легенда соответствует действительности?

— Это не легенда. Это чистая правда.

— Но почему вы так в этом уверены?

— Потому что я — хранитель. Я знаю истинную сущность реликвии, вверенной моим заботам.

Некоторое время мы сидели молча, пока я пытался осмыслить эти невероятные, невозможные откровения, которые этот монах преподносил мне так рассудительно и спокойно. Затем я спросил, каким образом и почему именно его назначили на эту должность. Он ответил, что это избрание — великая честь для него, что его избрал своим преемником предыдущий хранитель и что сам он, в свою очередь, на смертном одре должен будет назначить преемника себе.

— Какими достоинствами должен будет обладать этот человек?

— Любовь к Богу, чистота сердца, чистота разума и тела.

— А кому-нибудь еще, кроме вас, — спросил я, — дозволено видеть ковчег?

— Нет. Только мне.

— И его никогда не выносят из часовни?

Прежде чем ответить на этот вопрос, хранитель долго молчал, но затем, наконец, сказал, что в далеком прошлом реликвию выносили из часовни во время всех самых великих церковных праздников. Но с недавних пор она стала покидать свое место всего раз в году — во время церемо-

нии, известной как *Тимкат*, которая проводится ежегодно в январе.

— Значит, если я вернусь сюда в следующем году в январе, то смогу увидеть ковчег?

Монах взглянул на меня в каком-то странном замешательстве и произнес:

— Ведь вы знаете, в стране сейчас беспорядки, гражданская война... У нас плохое правительство, народ против него, и с каждым днем война все ближе. Вряд ли в таких обстоятельствах настоящий ковчег вынесут наружу. Мы не можем так рисковать... Кроме того, даже в мирное время вы не сможете увидеть его. На мне лежит обязанность тщательно заворачивать Ковчег в плотную ткань перед выносом на процессию...

— Зачем вы его заворачиваете?

— Чтобы оградить от него мирян.

Помню, как я попросил переводчика уточнить эти последние озадачившие меня слова: действительно ли монах имел в виду, что именно мирян нужно ограждать от ковчега? Или же ковчег от мирян?

Через некоторое время я получил ответ:

— Чтобы оградить мирян. Ковчег очень могуществен.

Великая тайна Библии

В ветхозаветные времена израильтяне почитали ковчег Завета как воплощение самого Господа, как знак и печать Его присутствия на земле, как оплот Его могущества и как орудие Его неизъяснимой воли¹. Каменные скрижали, на которых были написаны десять заповедей, хранились в специально изготовленном деревянном ковчеге длиной в три фута девять дюймов, а высотой и шириной в два фута три дюйма². Внутри и снаружи он был обложен чистым золотом, а на обоих концах тяжелой золотой крышки были сделаны херувимы, покрывавшие ее крыльями и обращенные друг к другу лицами³.

Библейские и другие древние источники говорят, что от ковчега исходило сияние огня и света, он вызывал раковые

опухоли и сильные ожоги, ровнял горы с землей, останавливал течение рек, уничтожал целые армии и опустошал города. Эти же источники не оставляют сомнений, что долгое время ковчег являлся краеугольным камнем развития иудейской веры: ведь на самом деле первый храм в Иерусалиме был возведен царем Соломоном лишь для того, чтобы построить «дом покоя для ковчега Завета Господня»⁴. Однако в период между X и VI вв. до н. э. эта бесценная и могущественная уникальная реликвия исчезла из святой святых Иерусалимского храма, и Священное Писание ни словом об этом не обмолвилось — словно ее никогда не существовало. Есть основания предполагать, что он исчез задолго до того, как в 587 году до н.э. армии Навуходоносора сожгли Иерусалим. Когда евреи возвратились после Вавилонского пленения в 538 году до н.э. и возвели второй храм на руинах первого, ковчега в нем, разумеется, не было. И, похоже, вавилоняне не забрали его с собой в качестве трофея.

Ричард Эллиот Фридман, профессор древнееврейского языка и сравнительного религиоведения Калифорнийского университета, описывая в 1987 году исчезновение священной реликвии как «одну из великих тайн Библии», выражает мнение, которое разделяют многие ученые:

«Не существует сведений, что ковчег был увезен, уничтожен или спрятан. Не встречается даже каких-либо замечаний, наподобие: «А затем ковчег исчез, и что с ним случилось, неизвестно», или: «И по сей день никто не знает, где он находится». Самая важная, по мнению Библии, вещь на свете просто исчезла со страниц истории»⁵.

И это действительно так. При внимательном чтении Ветхого Завета можно обнаружить более двухсот отдельных упоминаний о ковчеге Завета *вплоть до времен Соломона* (970—931 гг. до н.э.); но после правления этого мудрого и великолепного царя о ковчеге почти ничего не говорится⁶. И это, разумеется, и есть основная проблема, подлинная историческая загадка: дело не в том, что бесследно исчез невероятно ценный золотой ящик (в конце концов, люди есть люди), а в том, что — при столь огромной религиозной значимости — его исчезновение окружа-

ет столь неправдоподобное, абсолютное молчание. Словно черная дыра в космосе или изображение на негативе, он опознается в поздних книгах Ветхого Завета только тем, что его больше нет, — короче, замечен лишь своим отсутствием.

Следовательно, вполне разумно допустить, что ковчег могли каким-то образом скрыть, — и придумали это жрецы и книжники, чтобы навсегда сохранить в тайне место, где спрятана священная реликвия. В эту тайну пытались проникнуть многие. Она вдохновила охотников за сокровищами на организацию нескольких экспедиций (и все они оканчивались неудачей), а также создателей одного из наиболее успешных голливудских фильмов — «В поисках утраченного ковчега» с Харрисоном Фордом в главной роли Индианы Джонса, — впервые вышедшего на экраны США и Европы в 1981 году.

В то время я жил в Кении и не имел возможности посмотреть этот фильм, пока наконец в начале 1983 года он не появился в кинотеатрах Найроби. Я получил большое удовольствие от авантюрных приключений в сочетании с демонстрацией мастерской работы археологов, и, помню, подумал тогда, какова была бы сенсация, если бы кто-то действительно нашел ковчег. Всего несколько месяцев спустя я отправился в длительную поездку по Эфиопии, во время которой предпринял путешествие на северо-запад, в охваченную войной провинцию Тиграй. И именно там, в Аксуме — в «священном городе эфиопов», как его называют⁷, — я встретился с монахом-хранителем, о котором уже упоминал здесь.

1983: страна в состоянии войны

28 мая 1991 года, после многолетней жестокой борьбы, правительство Эфиопии было наконец свергнуто мощным объединением повстанческих сил, среди которых ведущая роль принадлежала Народному фронту освобождения Тиграя. Когда я приехал в Аксум в 1983 году, НФОТ был всего лишь небольшим партизанским отрядом, а священный го-

род, хотя и осажденный, оставался еще под контролем правительства. Кроме меня, иностранцев здесь не видели с 1974 года, когда группе британских археологов пришлось покинуть страну из-за революции, в результате которой император Хайле Селассие был свергнут и власть захватил один из самых кровавых африканских диктаторов, подполковник Менгисту Хайле Мариам.

К сожалению, разрешение на свободный въезд в Аксум я получил не благодаря собственной инициативе или особой предприимчивости, но потому что тогда я работал на Менгисту. В 1983 году, в результате делового соглашения с правительством Менгисту, о чем я позже весьма сожалел, я занялся составлением богато иллюстрированного издания об Эфиопии — книги по заказу правительства Менгисту в целях провозглашения единства, лежащего в основе культурного многообразия страны и с особым акцентом на древней исторической целостности политических областей, границы которых так настойчиво пытались перекроить повстанцы. Прежде чем я приступил к работе, было условлено, что книга не должна явно выражать правительственные интересы, и в моем контракте оговаривалось также, что в ней не будут восхваляться или осуждаться какие-либо личности (в том числе и Менгисту). Однако я не питал иллюзий по поводу взглядов главных лиц режима на этот проект, понимая, что они не стали бы оплачивать счета и не позволили бы мне посетить исторические места, закрытые для других, если бы не сочли мою работу полезной.

Но, даже заручившись поддержкой правительства, добраться до Аксума оказалось делом нелегким. О том, чтобы ехать туда на машине, не могло быть и речи: на главных дорогах и вокруг самого священного города активно действовали повстанцы. Оставался единственный вариант — лететь самолетом. Вместе со своей женой, а также с исследовательницей Кэрол и моим фотографом Дунканом Уиллетсом я вначале приехал в Асмару, столицу Эритреи, где надеялся, что мы сможем пересечь линию фронта на одном из базировавшихся здесь военных самолетов.

Расположенная на высоком плодородном плоскогорье, возвышающемся над зловещим пустынным побережьем Эритреи, — очень привлекательное место в явно выраженном романском духе, что неудивительно, так как она была оккупирована итальянскими войсками еще в 1889 году и оставалась итальянским форпостом вплоть до 1950 года, когда Эритрея освободилась от колониальной зависимости и вошла в состав Эфиопии⁸. Повсюду, куда ни кинешь взгляд, сады полыхали всеми красками буйно цветущей бугенвиллии и джакаранды, а в теплом, пронизанном солнечными лучами воздухе безошибочно ощущались ароматы Средиземноморья. И еще одно, что сразу бросалось в глаза, — множество советских и кубинских «военных советников» в камуфляже, разгуливающих с «калашниковыми» по благоухающим тенистым бульварам.

Однако советы, которые эти крутые парни давали эфиопской армии, боровшейся против эритрейских сепаратистов, казались нам не слишком подходящими. Госпитали Асмары были переполнены ранеными, а среди правительственных чиновников, с которыми мы встречались, нарастали напряженность и пессимизм.

Беспокойство наше усилилось, когда спустя несколько дней мы встретились в ночном баре роскошного отеля «Амбасоира» с двумя пилотами из Замбии, которые работали сейчас в «Эфиопских авиалиниях». Они предполагали, что в течение шести месяцев будут стажироваться на коммерческих авиарейсах. На самом же деле им пришлось доставлять раненых в госпитали Асмары с передовых позиций Тиграя и Эритреи. Летчики пытались избавиться от этой опасной работы, однако, обнаружив приписку мелким шрифтом в своих контрактах, поняли, что обязаны ее выполнять.

После нескольких недель почти непрерывных вылетов на старых пассажирских «DC-3», переоборудованных для перевозки раненых, оба пилота оказались контужены, и сейчас их трясло от злости и раздражения. Они сказали нам, что теперь им приходится топить свое горе в бутылке:

— Не засну ночью, если не напьюсь в стельку, — признался один из них. — Все это стоит у меня перед глазами.

Он стал рассказывать об одном подростке, который потерял левую ногу, подорвавшись на мине, — тем утром мальчика втащили на борт его самолета, — и еще об одном молодом солдате, которому взрывом гранаты снесло полчерепа.

— Страшнее всего — осколочные ранения... огромные раны на спине, на животе, на лице... это ужасно... иной раз весь салон залит кровью... Мы перевозим за один рейс до сорока раненых, что гораздо больше, чем может поднять наш «Дуглас», но приходится рисковать: не бросать же их умирать там.

Второй пилот добавил, что им приказывали совершать по три-четыре вылета ежедневно. На прошлой неделе он дважды бывал в Аксуме, и оба раза его самолет попадал под пулеметный огонь.

— Это действительно опасный аэродром — полоса покрыта гравием и окружена холмами. НФОТ постоянно сидит там и, когда мы приземляемся или взлетаем, обстреливает нас почти в упор. Их не обманывают цвета «Эфиопских авиалиний». Они знают, что мы тоже в этой войне...

Очень довольные, что встретили сочувствующих им иностранцев (не русских и не кубинцев!) и могут поделиться с ними своими горестями, замбийцы вначале даже не спросили, чем мы здесь занимаемся. И их очень позабавило, когда они узнали, что мы готовим к изданию богато иллюстрированный альбом по заказу правительства Эфиопии. Тогда мы объяснили, что нам нужно добраться до Аксума.

— Зачем? — ошеломлённо спросили они.

— Видите ли, это одно из древнейших археологических мест, и именно там впервые появилось христианство в Эфиопии. Аксум был столицей Эфиопии на протяжении многих столетий. Наша книга очень проиграет, если мы не отразим в ней этого.

— Мы могли бы подбросить вас туда, — предложил один из пилотов.

— То есть, когда отправитесь в следующий раз за ранеными?

— Нет. Вас наверняка не пустят на этот рейс, но послезавтра туда должна отправиться делегация высшего военно-

го начальства для инспекции гарнизона. А потом вам, может, удастся поймать попутную машину. Все зависит от того, какие условия вы выторгуете в Аддис-Абебе. Почему бы вам не попробовать?

В Аксум

Почти весь следующий день мы провели в телефонных переговорах с Аддис-Абебой. Дело было рискованное, но в конце концов, благодаря влиянию министра, непосредственно ответственного за наш проект, мы сели в самолет, о котором говорили наши друзья-замбийцы. Правда, не они были нашими пилотами, этот борт для короткого перелета в Аксум вел полностью эфиопский экипаж.

Пока мы ждали утреннего рейса из аэропорта Асмары, отложенного на час и за время тридцатипятиминутного перелета я успел проглядеть исторические материалы и убедился, что Аксум действительно стоило посетить.

В ранних исторических документах Аксум упоминается как важный международный центр. Так, в 64 году н.э. анонимный автор греческого руководства по торговле, известного как «Периплы Эритрейского моря», обращается к правителю Аксума как к «государю, всех превосходящему и знающему греческий»⁹. Несколько столетий спустя некий Юлиан, посланник римского императора Юстиниана, описывал Аксум яркими красками, называя его «величайшим городом всей Эфиопии». Царь его, добавлял он, был почти обнажен, в одном лишь льняном, расшитом золотом одеянии, едва прикрывавшем чресла, и усеянных жемчугом ремешках на животе и спине. Руки его унизывали золотые браслеты, шею обвивало золотое ожерелье, а голову венчал льняной тюрбан, также расшитый золотом, с обеих сторон которого свисало по четыре ленты. Принимая верительные грамоты посла, этот монарх стоял на высокой четырехколесной повозке, обшитой листовым золотом, которую тащили четыре слона¹⁰.

В VI веке н.э. много путешествовавший христианский монах Косьма Индикоплевст добавил красок к впечатлени-

ям Юлиана. Посетив этот эфиопский город, он сообщил, что «царский дворец с четырьмя башнями» украшали «четыре медные фигуры» единорогов, а также чучело носорога, «набитое соломой». Еще он видел нескольких жирафов, которых поймали «по приказанию царя еще молодыми и приручили для его забавы»¹¹.

Эти картины варварского великолепия весьма характерны для столицы наиболее значительного государства того времени, располагавшегося между Римской империей и Персией, — государства, чьи торговые корабли доходили до самого Египта, Индии, Цейлона и Китая. В IV веке христианство стало государственной религией Эфиопии.

Предание об обращении Эфиопии в христианство сохранилось в трудах византийского теолога IV века н.э. Руфиния, которого высоко ценят современные историки. Некий Меропий, христианский купец, которого Руфиний называет «тирским философом», некогда совершил путешествие в Индию, взяв с собой двух сирийских юношей, которых обучил «гуманитарным наукам». Старшего из них звали Фрументий, а младшего — Эдесий. На обратном пути через Красное море их корабль был захвачен у эфиопского побережья как ответная мера против Восточной Римской империи, нарушившей договор с народом этой страны.

Меропий погиб в сражении, но юноши спаслись. Их доставили ко двору царя Аксума, Элла Амиды, который вскоре сделал Эдесия своим виночерпием, а Фрументия, более смышленного и благоразумного, — своим казначеем и секретарем. Царь привязался к юношам и оказывал им почести; однако он вскоре умер, оставив вдову и малолетнего сына-наследника, Эзану. Перед своей кончиной Элла Амида даровал обоим сирийцам свободу, и теперь вдова со слезами на глазах умоляла их не покидать ее, пока сын не войдет в возраст. В особенности она просила о помощи Фрументия, ибо Эдесий, при всей своей верности и чистосердечии, был слишком простодушен.

В последующие годы влияние Фрументия в Аксумском царстве возросло. Он отыскивал иноземных торговцев-христиан и убеждал их «устраивать в различных местах молельни, в которых они могли бы молиться». Он также

обеспечил их «всем необходимым, предоставив места для построек, и всемерно способствовал взращиванию семян христианства в стране».

Приблизительно в то время, когда Эзана вззошел наконец на трон, Эдесий возвратился в Тир. Фрументий же отправился в Египет; в Александрию, бывшую тогда важным центром христианства, где известил архиепископа Афанасия о столь великом труде, совершенном им в Эфиопии во имя веры. Молодой человек просил архиепископа «найти достойного человека и послать его епископом в Эфиопию, где уже собралось много христиан». Тщательно взвесив слова Фрументия и согласившись с ним, Афанасий заявил на церковном соборе: «Кого другого мы найдем, в котором дух Господень, как в тебе, сумевшем совершить подобное?» И потому он «дал ему посвящение и приказал возвратиться Божьей милостью туда, откуда он прибыл»¹².

Таким образом, Фрументий возвратился в Аксум как первый эфиопский христианский епископ и продолжил там свою миссионерскую деятельность, которая была вознаграждена, когда в 331 году н.э. сам царь обратился в христианство. Дошедшие до нас монеты времен царствования Эзаны свидетельствуют о переходе страны к христианству: на более ранних изображены полумесяц и круг — растущая и полная луна, а на более поздних отчетливо вычеканен крест (одни из древнейших монет с этим христианским символом)¹³.

Аксум был колыбелью эфиопского христианства и столицей эфиопского царства с самого начала своего возникновения и приблизительно до X века н.э., однако интерес к нему, связанный с нашим проектом, оказался гораздо шире. В этом городе, как я прочитал, мы смогли бы найти множество красочных развалин еще дохристианских времен, имеющих большое значение для археологии (в том числе остатки нескольких великолепных дворцов), а также хорошо сохранившиеся монументы, благодаря которым город приобрел такую известность. Его древние обелиски более чем двухтысячелетней давности свидетельствуют, что здесь достигли высокого уровня искусства и архитектуры гораздо раньше, чем любая другая цивилизация Черной Африки. Но

не одни лишь эти материальные артефакты являлись свидетельствами уникальности Аксума. К моему удивлению, я обнаружил в справочных материалах, что здесь, согласно эфиопским легендам, в одной небольшой часовне при особо почитаемой церкви хранится ковчег Завета. Легенды были связаны с утверждениями эфиопов, что именно в этом месте находилось царство библейской царицы Савской, но историки обычно отмахивались от этого факта, считая его нелепым вымыслом.

Лишь совсем недавно, увидев первый фильм об Индиане Джонсе «В поисках утраченного ковчег», я был заинтригован предположением (хотя и весьма сомнительным), что самая драгоценная и таинственная ветхозаветная реликвия, считавшаяся утерянной на протяжении почти трех тысячелетий, могла действительно храниться в городе, который я собирался сейчас посетить. Поэтому я решил, что не уеду из Аксума, пока не узнаю как можно больше об этой странной легенде, и с новым интересом взглянул вниз, когда летчик объявил, что Аксум сейчас прямо под нами.

Спуск «DC-3» к узкой посадочной полосе далеко внизу был крайне необычен и довольно опасен. Вместо плавного захода на посадку, пилот прямо с высоты бросил самолет вниз по спирали, все время удерживая его над городом. Как объяснил один военный, летевший с нами, это было необходимо, чтобы снайперы, засевшие в соседних холмах, не успели взять нас на прицел. Я вспомнил, как замбийские летчики рассказывали о постоянных обстрелах их самолета, когда они приземлялись в Аксуме, и молча молился, чтобы этого не случилось с нами. Не очень приятно было ощущать, что ты в сотнях футов над землей пристегнут ремнями к непрочному сиденью в узкой металлической трубе и в любой момент ожидаешь, как засвищут пули, пробивая пол и стены салона.

К счастью, тем утром все обошлось, и мы благополучно приземлились. Я помню красный гравий посадочной полосы, пыль, взметнувшуюся из-под колес, когда они коснулись земли, и множество вооруженных до зубов эфиопских солдат в военной форме, которые пристально разглядывали нас, пока самолет вырливался к стоянке. Я заметил еще одну

вещь: по обе стороны посадочной полосы были вырыты траншеи и множество ям, замаскированных камуфляжными сетками, из-под которых торчали стволы тяжелых артиллерийских орудий. Помню и несколько бронетранспортеров, выстроившихся в линию у вышки, и с полдюжины советских танков. Чуть поодаль, на бетонированной площадке перед ангаром стояли два военных вертолета «МИ-24», вооруженные ракетами, явно различимыми под короткими плавниками стабилизаторов.

На протяжении всего визита в Аксум нас ни на миг не покидало ощущение тревожной напряженной атмосферы осажденного города. Нам разрешили остаться здесь всего на одну ночь, но казалось, будто время тут остановилось.

Дворцы, катакомбы и обелиски

Наша работа началась сразу же по прибытии. У трапа нас встретил пожилой господин, абиссинец с роскошной окладистой бородой и в слегка поношенном костюме-тройке. Он представился на несколько своеобразном, старомодном английском, назвавшись Берханом Мескелом Зелелью, и объяснил, что с ним связались по радио из Аддис-Абебы и приказали быть нашим гидом и переводчиком. Как он сообщил, министерство культуры наняло его на службу, чтобы он «приглядывал за древностями Аксума». В этом качестве он помогал археологам из Британского института Восточной Африки, чьи раскопки некоторых наиболее интересных развалин города были прерваны революцией 1974 года¹⁴.

— Как замечательно снова увидеть здесь англичан спустя столько времени! — воскликнул он, когда мы представились.

Мы забрались в старомодный желто-зеленый «Лендровер», в ветровом стекле которого виднелись два аккуратных пулевых отверстия.

— К счастью, все остались живы, — успокоил нас Зелелью, заметив наш взгляд.

Я нервно усмехнулся. Мы отъехали от аэродрома, и я стал объяснять цель нашего приезда, перечислил все исторические места, которые мы хотели бы посетить, и заметил, что весьма заинтригован утверждением, будто Аксум является местом, где ковчег Завета нашел свое последнее пристанище.

— Вы полагаете, ковчег находится здесь? — спросил я.

— Разумеется.

— И где именно?

— Он хранится в часовне недалеко от центра.

— Эта часовня очень старая?

— Нет. Ее построили по распоряжению нашего последнего императора... кажется, в 1965 году. А прежде реликвия хранилась в святая святых соседней церкви Св. Девы Марии Сионской... — Зелелью помолчал и затем добавил: — Между прочим, Хайле Селассие проявлял особый интерес к этому... Он был двести двадцать пятым прямым наследником Менелика, сына царицы Савской и царя Соломона. Именно Менелик привез ковчег Завета в нашу страну...

Я был готов отправиться в часовню прямо сейчас, но Зелелью убедил меня, что спешить не стоит:

— Вас и близко не подпустят к ковчегу. Там, где он хранится, — святая земля. Монахи и другие жители Аксума охраняют это место и без колебаний убьют любого, кто попытается проникнуть туда. Только одному человеку позволено входить в часовню — это монах, отвечающий за сохранность ковчега. Мы попытаемся встретиться с ним сегодня попозже, а вначале давайте осмотрим дворец царицы Савской.

Предложение было заманчивым, и мы, согласившись, свернули на ухабистую, сплошь покрытую рытвинами дорогу. Если б мы проехали по ней до конца, сотни миль на юго-запад, через гигантские горные пики и долины гор Сымен, она привела бы нас к городу Гондар на озере Тана. Мы остановились на открытой местности, всего в миле от центра Аксума, в пределах видимости хорошо укрепленного военного поста, которым, как объяснил Зелелью, отмечалась граница сектора, находящегося под контролем прави-

тельства. Он выразительно взмахнул в сторону соседних холмов:

— Дальше везде НФОТ, так что мы не проедем. Жаль... Там много интересного... Вон, прямо за поворотом дороги, гранитные каменоломни, где вырубались все стелы. Одна так и осталась, частично вырубленная из скалы. А еще там есть прекрасное изображение львицы, высеченное в камне. Очень древнее. Еще дохристианских времен. Но, к сожалению, мы не сможем увидеть его.

— А далеко отсюда? — пытаюсь справиться с соблазном, спросил я.

— Очень близко, меньше трех километров. Но военные не пропустят нас через КПП, а если и пропустят, нас наверняка схватят партизаны. Даже здесь не стоит находиться слишком долго. Снайперы НФОТ заметят, что вы иностранцы, примут за русских и откроют стрельбу... — Зелелью улыбнулся: — Что весьма нежелательно, ведь так? Ну, пойдете.

Он повел нас в поле к северу от дороги, и вскоре мы начали спотыкаться об остатки того, что некогда, вероятно, было внушительным строением.

— Это дворец царицы Савской! — с гордостью объявил Зелелью. — Согласно нашим преданиям, ее звали Македа, и Аксум был ее столицей. Я знаю, что иностранцы вообще не признают царицу Савскую эфиопкой. И все же ни одна страна не имеет на нее больше прав, чем наша.

Я спросил, работали ли здесь когда-либо археологи, чтобы проверить достоверность легенд.

— Да, в конце 1960-х Эфиопский институт археологии провел здесь несколько раскопок... Я помогал им в раскопках.

— И что вы обнаружили?

Зелелью сделал скорбную мину.

— Пришли к мнению, что дворец недостаточно древний, чтобы считаться резиденцией царицы.

То, что раскопали археологи и что мы сейчас некоторое время изучали, было развалинами большого основательно-го здания с прочными каменными стенами на хорошем известковом растворе, с глубоким фундаментом и внушитель-

ной дренажной системой. Мы увидели хорошо сохранившийся пол, вымощенный каменными плитами, — Зелелью сказал, что здесь находился большой тронный зал, — и множество лестничных колодцев, свидетельствовавших о существовании по крайней мере одного верхнего этажа. Здесь были также купальни замысловатой конструкции и неплохо сохранившееся помещение кухни с двумя кирпичными печами.

Через дорогу, в поле перед дворцом, мы осмотрели множество грубо вытесанных гранитных стел; некоторые, более пятнадцати футов высотой, стояли, другие — лежали разбитые. Большинство стел было безо всякой отделки, но одну, самую большую, опоясывали четыре высеченные в ней горизонтальные полосы, украшенные сверху рядом рельефных кругов — словно выступающих торцов балок здания, построенного из камня и дерева. Жители города считали, как сказал нам Зелелью, что этот грубый обелиск был установлен на могиле царицы Савской. Однако раскопки под обелиском не проводились, и сейчас все поле отдали фермерам, которые выращивали здесь урожай для гарнизона Аксума. Беседуя, мы заметили приближающихся к нам двух крестьянских мальчиков с буйволом, впряженным в деревянный плуг. Не обращая внимания на историю, лежавшую буквально у них под ногами, и явно безразличные к нашему присутствию, они стали пахать.

Закончив фотосъемку и сделав записи, мы поехали назад, к центру города, а затем свернули на северо-восток, к еще одному дворцовому комплексу, находившемуся на вершине холма, откуда открывался прекрасный обзор. Это было строение в виде квадрата, каждая сторона которого достигала двухсот футов. На его давно обрушившихся стенах сохранялись признаки четырех угловых башен — возможно, тех самых, которые, по описанию монаха Косьмы, были украшены в VI веке медными фигурами единорогов.

Зелелью повел нас вниз по каменным ступеням в подземные галереи и камеры под крепостью, потолки и стены которых были сложены из массивных отшлифованных гранитных блоков, точно подогнанных на стыках без известкового раствора. По местному преданию, сказал Зелелью,

это холодное мрачное подземелье служило сокровищницей императора Калеба (514—542 гг.) и его сына Гэбре Маскаля. При свете фонарика мы разглядели пустые каменные сундуки, в которых некогда хранилось несметное богатство — золото и жемчуг¹⁵. Отсюда, скрытые за толстыми гранитными стенами, в глубину холма тянулись другие, еще не раскопанные помещения.

Наконец мы покинули крепость на вершине холма и направились в центр Аксума по дороге, покрытой гравием. Уже в самом конце спуска мы задержались и сделали снимки большого, глубокого, открытого резервуара для воды, высеченного в красном граните на склоне холма. К нему вели грубо обтесанные ступеньки. Резервуар этот, известный как Май Шум, показался нам очень древним, и мы не ошиблись: Зелелью подтвердил, что здесь находилась купальня царицы Савской.

— По крайней мере, так здесь считают. Но с приходом христианства его использовали для церемонии крещения во время празднования Богоявления, которое мы называем *Тимкат*. Крестьяне до сих пор каждый день приходят сюда за водой.

И в подтверждение своих слов он указал на группу женщин, осторожно спускающихся по истертым от времени ступеням, которые несли на голове сосуды из тыквы.

Уже давно перевалило за полдень: мы совсем забыли о времени. Зелелью посоветовал поторопиться, ведь завтра первым рейсом мы должны были улетать в Асмару, а еще многое нужно было посмотреть.

Следующая цель нашего приезда находилась рядом — так называемый «Парк стел», несомненно представлявший особый интерес для археологов. Мы осмотрели и сфотографировали удивительные ряды гигантских обелисков, высеченных из цельных гранитных глыб. Самый массивный из них рухнул на землю, как предполагалось, более тысячи лет назад, и сейчас перед нами лежала груда его обломков. Но в свои лучшие времена этот колосс высотой в сто десять футов возвышался над всем пространством вокруг. Помню, я прочитал в самолете, что, по приблизительным подсчетам, он весил более пятисот тонн. Считается, что этот обелиск,

воздвигнутый в древние времена, вырублен из самого крупного цельного куска камня, когда-либо добытого в каменоломнях.

Эта тщательно обтесанная, лежащая сейчас на земле стела изображала высокое стройное сооружение в тринадцать этажей — каждый этаж завершался искусным подобием окон и другими деталями и отделялся от следующего рядом символических торцов балок. У основания стелы можно было различить фальшивую дверь с замком и дверным кольцом, безупречно вырезанные в камне.

Еще один упавший обелиск, гораздо меньших размеров и сохранившийся целым, был, как сообщил Зелелью, украден во время итальянской оккупации 1935—1941 гг., с огромными трудностями доставлен по приказу Муссолини в Рим и водружен рядом с аркой Константина. Этот обелиск, также искусно высеченный, представляет большую художественную ценность, и правительство Эфиопии ведет кампанию по его возвращению. Третий же монолит, украшенный рельефами, к счастью, остался на своем месте в «Парке стел».

Взмахом руки наш гид указал на возвышающуюся каменную иглу более семидесяти футов высотой, увенчанную шлемом, изогнутым в виде полумесяца. Мы обошли иглу кругом и обнаружили, что, подобно ее огромному соседу, она тоже походила на обычное строение — в данном случае — на девятиэтажную башню. И опять же, главным украшением фасада обелиска служило некое подобие окон и деревянных балок, горизонтально уложенных в воображаемые стены. Промежутки между этажами были обозначены рядами символических торцов балок, и, кроме того, сходство с домом усиливалось наличием фальшивой двери.

Остальные стелы различных размеров располагались вокруг этого изысканного монумента, и все они явно представляли собой предметы развитой и процветающей культуры. В Черной Африке нигде не найдется сооружений, хотя бы отдаленно напоминающих эти. Аксум — это великая загадка. Прошлое его неизвестно, источники, вдохновлявшие на создание его памятников, давно забыты.

Храмовая часовня

Через дорогу напротив «Парка стел», на широкой площади, огороженной стеной, находились две церкви: одна древняя, а другая явно новой постройки. Обе они, как сообщил Зелелью, были посвящены Св. Деве Марии Сионской. Новую церковь с куполообразной крышей и высокой колокольней в виде обелиска построил Хайле Селассие в 1960-х гг. Другая же была возведена в середине XVII века императором Фасиледэсом, который, как и многие эфиопские цари и до него и после, был коронован в Аксуме и относился с почтением к этому священному городу, хотя и не сделал его своей столицей.

Новый «кафедральный собор» Хайле Селассие не вызвал у нас никакого интереса и даже произвел неприятное впечатление своей претенциозностью. Но постройка Фасиледэса привлекла нас: ее башенки и зубчатые стены с бойницами представлялись «не то домом Господним, не то замком». Несомненно, эта церковь принадлежала к той древней эфиопской традиции, где стирались различия между военным и культовым стилем.

В тускло освещенном помещении мне удалось разглядеть несколько поразительных фресок, и среди них — изображения сцен из жизни Девы Марии, Распятия и Вознесения Христа, а также легенды о святом Герасиме, которому приписывалось создание мрачной эфиопской церковной музыки. На этой выцветшей от времени фреске Герасим представлен играющим перед царем Гэбре Маскалем. Ступню святого пронзила стрела, выпавшая из рук царя, но они оба так зачарованы звуками систра и барабана, что не замечают этого.

Неподалеку от старой церкви находились развалины здания — должно быть, некогда весьма крупного, но сейчас на его месте остался лишь высокий фундамент. Как объяснил Зелелью, это были остатки *оригинальной* церкви Святой Девы Марии Сионской, построенной еще в IV веке н.э., когда Аксумское царство обратилось в христианство. В 1535 году, около двенадцати столетий спустя, ее сровнял с землей фанатичный мусульманский завоеватель Ахмед Гран

(«Левша»), орды которого пронесли по Африканскому Рогу от Харара на востоке, и на какое-то время над христианством в Эфиопии нависла угроза уничтожения.

Незадолго до разрушения «первой Святой Девы Марии», как называл эту церковь Зелелью, ее посетил странствующий португальский монах Франсишку Алвариш; позже я искал его записи о ней и нашел только одну сохранившуюся:

«Она очень велика, имеет пять довольно широких и очень длинных сводчатых нефов, и все своды перекрыты, а потолок и стены расписаны; в ней также есть клирос наподобие наших... Вокруг этой загородной церкви выложена плитами, похожими на надгробные камни, очень широкая дорожка с высокой оградой, и окружена она, словно городской стеной, еще одной высокой оградой»¹⁶.

Зелелью точно указал дату начала строительства первой церкви Святой Девы Марии — 372 год н.э.¹⁷, а это значит, что она вполне могла быть самой ранней христианской церковью в Черной Африке. Прекрасная базилика с пятью нефами считалась с момента своего торжественного открытия самым священным местом в Эфиопии еще и потому, что была построена как приют для ковчега Завета, который, если верить легендам, появился в стране задолго до рождения Иисуса и наверняка был присвоен христианами иерархами, когда новая религия была официально принята в Аксумском царстве.

Когда Алвариш посетил церковь Святой Марии в 1520-х гг., — став, таким образом, первым европейцем, записавшим эфиопский вариант легенды о царице Савской и рождении ее единственного сына Менелика¹⁸, — ковчег все еще находился в святой святых древней церкви. Однако он недолго оставался там. В начале 1530-х гг., когда вторгшиеся в Эфиопию войска Ахмеда Грана подступили к Аксуму, священную реликвию перенесли в «другое место хранения» (куда точно, Зелелью не знал). Таким образом она уцелела и не стала военным трофеем мусульман, подвергших в 1535 году город разграблению.

Сто лет спустя, когда в империи был восстановлен мир, ковчег торжественно возвратили и поместили во второй

церкви Святой Марии, построенной Фасиледэсом рядом с руинами старой церкви. Там он, вероятно, и оставался вплоть до 1965 года, когда Хайле Селассие перенес его в новое, более надежное место — в часовню, возведенную одновременно с грандиозным собором и пристроенную к церкви XVII века. Именно у часовни Хайле Селассие монах-хранитель и рассказал мне эту удивительную историю о ковчеге, предупредив о его «могуществе».

— Какое могущество? — спросил я. — О чем вы?

Хранитель застыл, словно внезапно насторожившись. Последовало молчание. Потом он хмыкнул и спросил меня:

— Вы видели стелы?

— Да, — ответил я, — видел.

— Как вы думаете, каким образом они были подняты?

Я признался, что понятия не имею.

— С помощью ковчега, — таинственно прошептал монах. — Ковчега и Божественного огня. Люди никогда не смогли бы сделать это сами.

Возвратившись в столицу Эфиопии Аддис-Абебу, я воспользовался возможностью провести некоторое исследование исторической достоверности легенды, поведенной монахом-хранителем. Мне хотелось выяснить, существовала ли хоть какая-то возможность, что царица Савская была царицей Эфиопии. И если да, то могла ли она действительно совершить и путешествие в Израиль во времена Соломона, около трех тысяч лет тому назад? Могла ли она зачать от иудейского царя? И родила ли ему сына по имени Менелик? И, что самое важное, мог ли этот сын отправиться в Иерусалим молодым человеком, провести там год при дворе своего отца, а затем вернуться в Аксум с ковчегом Завета?

РАЗОЧАРОВАНИЕ

Мне нужно было понять, действительно ли Аксум являлся местом последнего пристанища ковчега, но в 1983 году все мои вопросы не встретили в Аддис-Абебе особого одобрения. Не прошло еще и девяти лет после свержения Хайле Селассие (и восьми после того, как его задушили подушкой по приказу подполковника Менгисту Хайле Мариама, захватившего власть), и в воздухе столицы все еще витал дух революционного ура-патриотизма. Повсюду также ощущались недоверие, ненависть и явный страх: люди еще слишком хорошо помнили конец 1970-х, когда силы Менгисту развязали «красный террор» против тех, кто пытался восстановить монархию. Субсидировавшиеся государством эскадроны смерти прочесывали улицы, вытаскивали из домов подозреваемых и казнили их на месте. Прежде чем получить право на захоронение тел, семьи жертв этих зачисток должны были возместить стоимость пуль, которыми убили их родственников.

В этой атмосфере, порожденной зверствами и жестокостью, мне и пришлось заняться предварительным исследованием, касающимся темы ковчега, явно связанного с последним эфиопским императором и династией Соломона, к которой он принадлежал. Насколько тесна была эта связь, мне стало ясно, когда один мой коллега передал мне самиздатовскую копию документа, составленного в период расцвета власти и популярности Хайле Селассие, — пересмотренной конституции 1955 года. Созданный с целью поддержать «современного эфиопа, чтобы приучить его

принимать участие в управлении всеми государственными делами» и «в огромном деле, которое в прошлом эфиопским монархам приходилось выполнять одним», этот замечательный образец законотворчества содержал следующее недвусмысленное подтверждение древнего монаршего божественного права на власть:

Императорский титул навечно закрепляется за родом Хайле Селассие I, который по прямой линии восходит к династии Менелика I, сына эфиопской царицы Савской и царя Иерусалима Соломона... В силу Его Императорской Крови, а также полученного Им помазания, личность Императора священна, Его титул неприкосновенен и власть Его неоспорима¹.

Я сразу же понял, что Зелелью, наш гид в Аксуме, прав, по крайней мере, в одном: император действительно утверждал, что является двести двадцать пятым потомком Менелика по прямой линии. Более того, лишь очень немногие эфиопы из тех, с которыми я разговаривал в Аддис-Абебе, даже наиболее революционно настроенные, сомневались всерьез в сакральной генеалогии Соломоновой династии. И даже ходили слухи, что президент Менгисту сам сорвал с руки мертвого Хайле Селассие кольцо Соломона и теперь носит его на среднем пальце, — словно надеясь, что с его помощью обретет часть харизмы своего предшественника и его магические способности, которыми, как считалось, тот обладал.

Подобные слухи и пересуды были довольно любопытны. Но они не удовлетворяли мое желание получить достоверные сведения о ковчеге Завета и его мистической связи со свергнутой «династией Хайле Селассие I». Проблема заключалась в том, что большинство моих знакомых эфиопов были слишком напуганы, чтобы сообщить мне обо всем, что знали, и они тут же умолкали, как только я упоминал о ковчеге, о прежнем императоре и вообще обо всем, относящемся к предреволюционному периоду, что можно было истолковать как бунтарство. Мне удалось добиться некоторого успеха, лишь когда в Аддис-Абебу прибыл из Англии мой эрудированный коллега, профессор Ричард Пэнкхерст,

которого я пригласил в соавторы книги, готовящейся для правительства Эфиопии.

Внук знаменитой суфражистки Эмелин Пэнкхерст и сын Сильвии Пэнкхерст, героически сражавшейся на стороне абиссинского сопротивления в период итальянской оккупации 1930-х годов, Ричард до сих пор считается ведущим историком, специализирующимся по Эфиопии. Во времена правления Хайле Селассие он основал Институт эфиопских исследований при университете Аддис-Абебы, к которому все относятся с большим уважением. Вскоре после революции 1974 года профессор Пэнкхерст вместе с семьей покинул страну и теперь жаждал наверстать упущенное. Наш проект по изданию книги вполне отвечал его интересам, и он на несколько дней прервал свою работу в Королевском Азиатском обществе в Лондоне, чтобы обсудить наше сотрудничество.

За застенчивыми, почти извиняющимися манерами этого высокого сутулого мужчины, скрывались, как мне уже было известно, огромная уверенность в себе и замечательное чувство юмора. Он обладал обширными познаниями в истории Эфиопии, и первым делом я обсудил с ним вопрос о ковчеге Завета и явно абсурдное утверждение, что он может находиться сейчас в Аксуме. Считает ли профессор, что для этого предания существуют хоть какие-то реальные основания?

Он ответил, что легенда о Соломоне и царице Савской, которую я слышал в священном городе, имеет древнее происхождение. Существует множество ее вариантов, как устных, так и письменных. Среди последних самый древний, дошедший до наших дней, содержался в рукописи XIII века, известной под названием «*Кебра Нагаст*», которая высоко почитается и, по убеждению большинства эфиопов, говорит лишь «правду, только правду и ничего, кроме правды». Однако, как историк, Ричард не мог признать достоверность легенды: ведь уже почти точно было установлено, что родина царицы Савской — Аравия, а не Эфиопия. И все же он допускал возможность, что легенда могла содержать «некие крупницы истины». В античные времена существовали достаточные документальные подтверждения связей Эфио-

пии и Иерусалима (хотя и не таких давних, как во времена Соломона), и, несомненно, эфиопская культура сохранила сильный «привкус» иудаизма. Самое лучшее свидетельство тому — проживающая в стране группа местных евреев, фалаша, обитающих в горах Сымен к югу от Аксума и на берегах озера Тана. Существуют также широко распространенные обычаи (многие из них абиссинские христиане разделяют со своими соседями — фалаша), которые хотя бы отчасти свидетельствуют о ранних связях с иудейской цивилизацией: обрезание, следование запретам в пище, очень близкие к изложенным в Книге Левит. В изолированных сельских общинах до сих пор соблюдают Шаббат (т.е. субботу, а не воскресенье) как святой день.

Мне уже было известно о существовании фалаша, и я сделал официальный запрос (хотя еще не получил ответа) о разрешении посетить хотя бы одну из их деревень и произвести там фотосъемки во время нашей следующей экспедиции к озеру Тана, а оттуда — к северу, в Гондар, и, если удастся, — также и в горы Сымен. Я почти ничего не знал о так называемых «черных евреях Эфиопии» и попросил Ричарда рассказать мне о них подробней.

Он ответил, что своим обликом и одеждой фалаша почти во всем похожи на прочих абиссинских горцев. Их родной язык — также местный диалект языка агау, некогда широко распространенного в северных провинциях, но сейчас быстро замещающегося *lingua franca*, межэтническим вариантом амхарского. Короче говоря, единственное, чем отличаются фалаша, это религией — несомненно, иудейской, хотя и весьма архаичной, идиосинкразического типа. Их приверженность древним обычаям, давно уже забытым в других местах, заставила многих романтически настроенных, экзальтированных путешественников объявить фалаша «потерянным коленом Израилевым». А в последнее десятилетие это мнение получило официальное благословение главных иерусалимских раввинов ашкенази и сефардов, вполне недвусмысленно определивших фалаша евреями, — статус, предоставляющий возможность получения израильского гражданства в соответствии с законом о возвращении.

Но, спросил я, откуда же впервые появились фалаша? И каким образом они оказались в центре Эфиопии, почти в двух тысячах миль от Израиля?

Ричард признал, что на эти вопросы ответить нелегко. По мнению большинства ученых, в I—II веках н.э. некоторая часть евреев переселилась в Абиссинию из Юго-Западной Аравии, а затем они обратили в свою веру несколько местных племен, потомками которых и считаются теперь фалаша. И верно то, добавил он, что в результате преследования евреев римскими оккупантами Палестины в I веке н.э. в Йемене создавалась крупная еврейская община, поэтому теоретически вполне допустимо, что миссионеры и торговцы пересекали узкий Баб-эль-Мандебский пролив Красного моря и появлялись в Эфиопии. Но все же Пэнкхерст не располагал никакими историческими свидетельствами, подтверждающими это предположение.

— Но что же говорят сами фалаша?

Ричард усмехнулся:

— Разумеется, что они — потомки царя Соломона... В основном их легенда не отличается от христианской, но она разработана несколько детальней. Если мне не изменяет память, они утверждают, что от царя Соломона зачала не только царица Савская, но и ее служанка... Таким образом, Соломон стал отцом не только Менелика, но еще и его единокровного брата, который и основал династию фалашских царей. Все остальные эфиопские евреи считаются потомками телохранителей перворожденных сыновей старейшин Израиля, которые сопровождали Менелика с ковчегом Завета.

— И вы считаете, что их утверждение, будто ковчег был похищен из храма Соломона в Иерусалиме и привезен в Аксум, действительно может быть правдой?

— Если честно, нет, — скривился Ричард. — Это совершенно невозможно. На самом деле, Аксума даже *не существовало* в тот период, когда все это, как предполагается, могло случиться. Этого города просто не было. Ведь Соломон умер... не скажу точно, но приблизительно в 940-х или 930-х гг. до н.э. Если Менелик был его сыном, то он должен

был привезти ковчег в Аксум в это же время... возможно, лет на десять-пятнадцать раньше. Но он никак не мог этого сделать. Видите ли, Аксум был основан не ранее III века до н.э., может, даже не ранее II века — иными словами, спустя семь-восемь столетий *после* предполагаемого похищения ковчега.

— Значит, можно поставить крест на всей этой истории?

— Пожалуй... Хотя я допускаю, что ковчег могли вначале привезти в какое-либо другое место Эфиопии, которое в преданиях, передававшихся из поколения в поколение, позже стали связывать с Аксумом. В легенде существует множество других анахронизмов и неточностей. Вот почему до сих пор ни один серьезный историк или археолог не тратил время на ее исследование... Однако не все, что фалаша говорят о себе, — чистая фантазия; некоторые аспекты их происхождения заслуживают дальнейшего изучения.

— Какие, например?

— Утверждение, как я уже упоминал, что в Эфиопии некогда существовала династия еврейских царей... Если мы вернемся, скажем, к XV—XVI векам н.э., то обнаружим массу доказательств. И, возможно, их монархический строй существовал еще задолго до этих времен. Евреи действительно некогда были в этой стране силой, с которой считались: порой они даже вели успешные войны с христианскими правителями ради сохранения своей независимости. Однако с годами они постепенно ослабли и начали исчезать. Известно, что численность их значительно снизилась между XV и XVIII веками. И, к сожалению, с тех пор фалаша неуклонно приходят в упадок. Сейчас их осталось, возможно, не более двадцати тысяч, и большинство пытается перебраться в Израиль.

Мы с Ричардом работали вместе в Аддис-Абебе следующие три дня, и я извлек огромную пользу из детальных сведений о культуре и истории Эфиопии, которые он дал мне. Затем он вернулся в Лондон, а мы с Кэрл и Дунканом отправились в путешествие на озеро Тана, в Гондар и горы Сьмен.

Таботы: точные копии ковчега

Выехав из Аддис-Абебы в разбитой «Тойоте Лендкрузер», предоставленной нам правительством, мы взобрались по огромному склону горы Энтото среди густых эвкалиптовых зарослей и затем проехали много миль к северо-западу по высокогорной открытой местности, поросшей вереском.

В Дебра-Либанос (это название означает «Гора Ливан») мы остановились, чтобы сфотографировать церковь XVI века, где собрались тысячи паломников, восславляющих Текла Хайманот, эфиопского святого, известного своими чудесами. Мы увидели, как обычно застенчивые и консервативные мужчины и женщины сбрасывали свои одежды, чтобы нагими совершить омовение в святом источнике. Одержимые требовательным духом собственного религиозного рвения, они казались зачарованными, потерянными для мира.

Продвигаясь дальше к северу, мы пересекли Голубой Нил (зрелище, захватывающее дух!) и наконец прибыли в Бахар-Дар, небольшой городок на южной оконечности озера Тана — огромного внутреннего моря Эфиопии. Здесь мы провели несколько дней, бесцельно бороздя воды озера, у берегов поросшего камышом, на большом дизельном катере, предоставленном нам Морским управлением. Мы посетили некоторые из двух десятков монастырей, находившихся на бесчисленных островах, и сфотографировали их уникальные коллекции древних рукописей, украшенных цветными рисунками, изображения святых и фрески.

Нам рассказали, что в этих монастырях, благодаря их естественной изоляции, в тревожные времена нередко укрывали художественные ценности и священные реликвии из всех концов страны. Однако главное предназначение монастырей — это обеспечение покоя и уединения их обитателям. Один монах сообщил мне, что он двадцать пять лет не покидал свой крошечный лесистый островок и не намерен когда-либо покинуть его.

— Уединившись, я обрел истинное счастье. Все прожитые здесь дни я хранил верность Богу и буду хранить ее, по-

ка не умру. Я отринул мирскую жизнь и свободен от ее соблазнов.

Каждая монашеская община имела свою церковь, и эти здания, обычно круглой, а не прямоугольной постройки, зачастую были очень старыми. Их окружала пешеходная дорожка под тростниковым навесом безо всякой ограды по сторонам; затем шел внутренний двор (*к'ане махлет*), богато украшенный росписями, а за ним находился второй дворик (*кеддест*, которым пользовалась община), окружавший, в свою очередь, огражденное стенами центральное помещение (*мак'дас*), где находилась святая святых.

Я уже бывал прежде во многих эфиопских церквях, но именно здесь, на озере Тана, я впервые начал понимать все значение святая святых. Оказалось, что во всех этих внутренних святилищах, куда дозволялось входить лишь самым главным священникам, находился предмет особо священный. В монастыре Кебран-Габриэль XIV века я спросил через переводчика, которого предоставило нам правительство, что это за священный предмет.

— Это *табот*, — ответил мне девяностолетний Абба Хайле Мариам.

Слово показалось мне знакомым, и после минутного размышления я вспомнил, что слышал его в Аксуме, когда, сидя у храмовой часовни, беседовал с монахом-хранителем: так по-эфиопски назывался ковчег Завета.

— Что это означает? — спросил я переводчика. — Не имеет ли он в виду ковчег Завета? Пару недель назад мы были в Аксуме, и нам сказали, что ковчег находится там... — Я умолк, весьма озадаченный, и растерянно закончил: — Не понимаю, как он может находиться также и здесь...

Последовало долгое обсуждение, в которое вовлеклись еще несколько монахов. Я уже почти отчаялся узнать что-либо полезное от этих людей: еще совсем недавно спокойные и замкнутые, они сейчас оживленно спорили, ни на минуту не умолкая. Но в конце концов, благодаря моим дальнейшим расспросам и переводчику, картина начала проясняться.

По-видимому, в каждой православной церкви в Эфиопии есть собственная святая святых, и в каждом из них на-

ходится *табот*. Никто не утверждает, что какой-либо из этих предметов на самом деле — ковчег Завета. Существует лишь один истинный ковчег, который известен как *Табота Сион*. Его привез в Эфиопию Менелик во времена Соломона, и теперь он хранится в храмовой часовне в Аксуме. Все другие *таботы* в стране — просто копии священного и неприкосновенного оригинала.

Однако эти копии имеют очень важное значение. Проявляясь символически на разных уровнях, *таботы* являются полным воплощением сверхчувственной святости. Как старательно объяснил мне Абба Хайле Мариам во время нашей беседы в Кебран-Габриэль:

— Здесь освящают не столько церкви, сколько *таботы*; без *табота* в своем сердце, в святая святых, церковь лишь пустая оболочка — мертвое здание, не лучше и не хуже любого другого.

Черные евреи Эфиопии

Закончив работу в островных монастырях, мы возвратились в Бахар-Дар, а затем отправились на север вдоль изогнутого восточного берега озера Тана — в город Гондар, основанный в XVII веке Фасиледэсом, тем самым императором, который заново построил церковь Св. Марии Сионской в Аксуме. В пути у меня было время поразмышлять о традиции таботов, о которой я только что узнал. По крайней мере, думал я, весьма занимательно и необычно, что эфиопские христиане придают ковчегу Завета такое огромное значение, что испытывают необходимость помещать его копии в каждой своей церкви. Ведь ковчег был дохристианской реликвией и не имел ничего общего с учением Христа. Так что же здесь происходит?

И неизбежно я снова задумался об обоснованности утверждений жителей Аксума относительно царицы Савской, царя Соломона и их сына Менелика. Возможно, все же существуют какие-то основания для этих легенд. Присутствие в стране местных черных евреев, происхождение которых словно окутывала тайна, также интриговало, и, вполне ве-

роятно, все это было как-то связано между собой. Поэтому я с нетерпением ожидал посещения поселков фалаша, которые должны были сейчас все чаще встречаться нам.

Но прежде чем мы покинули Гондар, местный чиновник предупредил нас, чтобы мы ни в коем случае не пытались расспрашивать и фотографировать эфиопских евреев. Это крайне расстроило меня. Еще больше я был раздосадован, когда наш переводчик и официальный гид объяснил причину запрета. С совершенно искренним выражением лица он сказал:

— В этом году правительство решило сделать вид, что фалаша не существует. А если они не существуют, то не с кем и разговаривать и некого фотографировать. Это явное противоречие.

Менее чем через десять минут после выезда из города я заметил звезду Давида на крыше деревенской хижины в маленьком поселке у дороги.

— Послушай, Балча, — обратился я к переводчику. — Разве это не дом фалаша?

Балча — умный, деликатный и высокообразованный человек, прошедший несколько лет в США, весьма успешно справлялся с правительственной службой, хотя его также явно раздражали идиотские указы бюрократов из Аддис-Абебы и вообще вся эта официальная секретность. Хотя мы уже проехали селение фалаша, я решительно попытался убедить его вернуться.

В замешательстве он искоса взглянул на меня:

— На самом деле это не так просто. Трудно предугадать даже за день, что могут предпринять наши боссы... В конце прошлого года я привез канадскую киногруппу в эту самую деревню... Они интересовались евреями и имели все официальные разрешения и все прочее. Так или иначе, они там везде порыскали, задали кучу вопросов о религиозной свободе, политических преследованиях и тому подобном — и все это мне пришлось переводить. А потом меня арестовала полиция безопасности и посадила в тюрьму на несколько недель, обвинив в содействии антигосударственной пропаганде. Вы хотите, чтобы это повторилось снова?

— Нет, конечно же, нет! Но я уверен, что никаких проблем не возникнет. Ведь мы здесь работаем на правительство и стараемся издать достойную книгу о людях и культуре этой страны. Это совсем другое дело.

— Не скажите. В прошлом году, когда я приехал сюда с киногруппой, фалаша официально существовали: правительство не отрицало этого, но я все равно оказался в тюрьме. В этом году считается, что евреев в Эфиопии нет, так что, думаю, если я привезу вас в одну из их деревень, у меня будут серьезные неприятности.

Мне пришлось признать, что логика Балчи безупречна. Местность вокруг становилась все более гористой, и, пока мы пробирались по ней, я попросил его объяснить мне официальную позицию — если это возможно.

Проблема частично заключается в том, ответил он, что большинство «боссов» в Аддис-Абебе принадлежит к господствующей амхарской этнической группе. Фалаша живут в основном в провинциях Гондар и Годжам, которые являются оплотом амхаров. В результате между двумя народами возникла напряженность. В прошлом здесь время от времени происходила резня, а также постоянные экономические преследования, и евреев до сих пор презирают их амхарские соседи. После революции предпринимались некоторые усилия для улучшения ситуации, но члены правящей элиты продолжают испытывать некоторое чувство коллективной вины и не желают, чтобы иностранцы «совали в это свой нос». Более того, с начала 1980-х официальная паранойя значительно обострилась из-за сильных антиправительственных настроений среди приезжающих сюда американских и британских евреев, которые открыто и громко выражают озабоченность положением фалашей.

— Это считается вмешательством в наши внутренние дела, — объяснил Балча.

Из нашей беседы я понял, что существовали и другие, более сложные соображения. Инстинктивно понизив голос, — хотя наш водитель не знал английского, — Балча сообщил, что в Аддис-Абебе находится штаб-квартира Организации африканского единства и что Эфиопия присоединилась к другим африканским странам, разорвавшим

дипломатические отношения с Израилем после последней арабо-израильской войны. Однако между обоими государствами существуют тайные связи: израильтяне оказывают определенную военную помощь режиму. В ответ на это сотням фалаша разрешено ежегодно эмигрировать в Израиль. Однако проблема заключается в том, что тысячи их, пересекая границу, бегут нелегально в лагеря для беженцев в Судан, откуда надеются со временем перебраться по воздуху в Тель-Авив.

В результате сложилась весьма деликатная ситуация. С одной стороны, правительство опасается, что его тайная сделка с Израилем — обмен людей на оружие — может раскрыться в любой момент, вызвав огромные неприятности в рамках ОАЕ, а с другой — факт, что огромное количество эфиопских граждан привлекают в лагеря для беженцев в соседней и не слишком дружественной стране, вызывает большое возмущение. Поэтому, как сказал Балча, «важные персоны в Аддис-Абебе» выглядят так, словно полностью утратили контроль над ситуацией — что на самом деле так и есть, только они не желают открыто признать это.

В последующие три дня у меня почти не было времени обсуждать вопрос о фалаша. Наше путешествие привело нас в центр гор Сымен — в дикую афро-альпийскую местность, лежащую более чем в шести тысячах футов над уровнем моря. Нередко высота эта доходила до девяти тысяч футов, а в некоторых местах — и до тринадцати тысяч. Исполин горного хребта, увенчанный снежной шапкой пик Рас-Дашен возвышался на четырнадцать тысяч девятьсот десять футов — самая высокая точка в Эфиопии и четвертая по высоте на всем Африканском континенте.

Лагерь, который мы разбили на высоте в десять тысяч футов в качестве базы для наших исследований и фотосъемок, ночью весь промерзал, и нам приходилось поддерживать огромный костер. Однако по утрам, как только утренний туман рассеивался под лучами восходящего солнца, воздух наполнялся теплом, и перед нами, куда ни кинь взгляд, открывался удивительный сюрреалистический пейзаж, изрезанный ущельями и трещинами, глубокими долинами и возвышающимися одиноко торчащими скалами, —

результат древней сейсмической активности, сопровождавшейся миллионами лет эрозии.

Наши вылазки часто приводили нас далеко, в необитаемые пустоши, на высоту более двенадцати тысяч футов. Однако в более низких местах мы нередко замечали признаки человеческого обитания: луга, на которых паслись овцы, козы и крупный рогатый скот; террасы на склонах, засеянные зерновыми. При виде этих крошечных участков возникало ощущение очень древней, давно установившейся земледельческой крестьянской культуры, которая, по-видимому, не претерпела почти никаких изменений за последнее столетие или даже тысячелетие.

Нам встретилось несколько селений фалаша, которые по настоянию Балчи мы старались обходить стороной. Но в основном здесь жили амхары — правда, не деревнями, а небольшими поселениями из одной большой семьи, обычно по шесть и менее домов. Как правило, дома их были круглыми, построенными из плетней, обмазанных глиной, или иногда из камня, с конической соломенной крышей, которую поддерживал деревянный центральный столб.

Крестьяне, с которыми мы встречались и беседовали, были бедными, а иногда почти нищими, и жизнь их полностью зависела от земли и подчинялась годовому циклу. Но, тем не менее, в них чувствовалось достоинство и гордость — и это потому, как сказал нам Балча, что они — и не без оснований — считают, что принадлежат к «господствующему народу». На протяжении более чем семисотлетнего периода, с 1270 года и вплоть до свержения императора Хайле Селассие, все, кроме одного, правители Эфиопии были амхарами. Более того, именно их родной язык, амхарский, принят в стране в качестве государственного.

И неудивительно, что амхарская культура, основанная на почти всеобщей преданности христианской вере, имела огромное влияние. За несколько прошедших столетий целые племена и народы «амхаризировались», и процесс этот продолжается до сих пор во многих регионах Эфиопии. В такой ситуации, заключил Балча, кажется чудом, что таким подчиненным группам, как фалаша, вообще удалось выжить и сохранить свою индивидуальность.

В глубине души человек независимый, Балча (через несколько лет он эмигрирует в США) удивил нас на обратном пути в Гондар, когда приказал шоферу остановиться у той самой деревни фалаша, которая встретила нас в начале поездки.

— Идите, — сказал он. — Даю вам десять минут. — И, сложив руки на груди, сделал вид, что задремал.

Как только мы выбрались из «Лендкрузера», нас окружили женщины и дети с приветствиями: «Шалом! Шалом!» — как быстро выяснилось, это было почти единственное еврейское слово, которое они знали. Так как Балча наотрез отказался переводить, у нас поначалу возникли некоторые проблемы с общением, однако вскоре мы нашли юношу, немного говорившего по-английски, и за небольшую плату он согласился показать нам деревню.

Но особенно глядеть здесь было не на что. Растянувшаяся вверх по склону от дороги, эта деревня под названием Велека была грязной и кишела мухами. Многие жители, тесно окружившие нас, похоже, решили, что мы евреи и приехали, чтобы забрать их в Израиль. Некоторые подбегали к нам с полными горстями сувениров — в основном сделанными из обожженной глины изображениями звезды Давида и, по-видимому, постельных сцен с Соломоном и царицей Савской. Горестная серьезность, с которой они навязывали их, тронула меня, и я спросил нашего проводника, как давно приезжали сюда иностранцы, чтобы купить у них сувениры.

— С прошлого года никого не было, — ответил он.

За короткое время, которое было в нашем распоряжении, мы сфотографировали все, что смогли: ткацкий станок, поставленный над углублением в земле; куски железа, разбросанные вокруг костра, в колышущемся пламени которого кузнец выковывал обух топора; хижину, где обжигали глину; еще одну хижину, где женщина занималась гончарным делом. Амхары, как сказал нам позже Балча, презирают подобные низкие ремесла, в их языке даже слово *табиб* — «работающий руками», означает также: «гот, у кого дурной глаз».

Когда мы покинули Велеку, я чувствовал себя совершенно опустошенным. Ричард Пэнкхерст рассказывал мне о средневековой истории фалаша, к тому же я был заинтригован возможной связью этого народа с легендой о ковчеге Завета, которую слышал в Аксуме, и потому я питал довольно нелепые надежды. Романтик в душе, я лелеял мечту о встрече с величественной древней иудейской цивилизацией. Однако реальность оказалась намного прозаичней: я столкнулся с деградировавшей крестьянской культурой, весьма старательно потворствующей восторженности иностранцев. Даже их молитвенный дом, который фалаша называли *мезгид*, оказался заполнен дешевыми подарками из Израиля: коробки с мацой были сложены грудой в одном углу, а Тору, напечатанную на иврите в Тель-Авиве, здесь никто не смог бы прочитать.

Уже перед самым отъездом я купил миниатюрную статуэтку, изображающую Соломона и царицу Савскую в постели. Она до сих пор хранится у меня. Помню, как в тот момент я подумал, что низкое качество работы и сентиментальный образ как нельзя более символизируют ущербность самой легенды. Обманутый в своих надеждах и разочарованный, я сердито глядел в окно «Лендкрузера», пока мы ехали обратно к Гондару.

«Удар милосердия»

К концу 1983 года я полностью утратил интерес к претензиям Аксума на право обладания ковчегом Завета. Но последний удар — «удар милосердия» был, однако, нанесен мне не жалкой деревенькой фалаша, а тем, что я разрешил один вопрос, все еще остававшийся спорным после завершения наших полевых работ — вопрос о *таботах*, копиях ковчега, хранящихся в каждой христианской эфиопской церкви. Этот обычай поразил меня, и я захотел узнать о нем побольше.

Тему эту я поднял поздней осенью 1983 года, когда нанес визит Ричарду Пэнкхерсту в его доме в фешенебельном лондонском районе Хэмпстед. За чаем с бисквитами исто-

рик подтвердил, что *таботы* действительно считаются копиями ковчега, и добавил:

— Весьма любопытная традиция. Насколько мне известно, ни в одной другой ветви христианства не было подобного прецедента.

Я спросил, не знает ли он, как давно *таботы* используются в Эфиопии. Он честно ответил, что понятия не имеет.

— Впервые в истории об этом упомянул, возможно, отец Франсишку Алвариш, который в XVI веке посетил север страны. Однако очевидно, что он был свидетелем очень древнего обычая.

Ричард достал с книжной полки тоненькую книжку, напечатанную в 1970 году, под названием «Эфиопская православная церковь».

— Это официальное церковное издание, — сказал он. — Давайте посмотрим — может, оно что-то прояснит.

Алфавитного указателя в книжке не было, и мы вначале проверили главу «Освящение церкви», где я прочел:

«Освящение церкви — величавая, впечатляющая церемония, ритуалы которой символизируют священное предназначение церковного здания. Многие части службы являются очень древними... С особой торжественностью вносится Табот, *или ковчег, предварительно освященный патриархом, — главная особенность церемонии*»².

В другой главе, «Церковные здания», я обратил внимание на следующий отрывок: «Именно *табот* придает святость церкви, в которую его помещают»³. И, наконец, я обнаружил в глоссарии слово *табот* — оно определялось просто как «ковчег Завета».

Я спросил Ричарда, имеет ли он представление, как выглядят *таботы*.

— В Библии говорится, что настоящий ковчег Завета был деревянным ящиком, обложенным чистым золотом, размером приблизительно с чайную коробку. Соответствуют ли *таботы* этому описанию?

— Боюсь, что нет. Мирянам, разумеется, вообще не дозволяется их видеть. Даже когда *таботы* выносят во время церемонии, они всегда завернуты в ткань. Но они явно

меньшего размера, чем описывает Библия. Хотя зачем строить догадки? Вы можете увидеть *таботы* в Британском музее. Они были похищены из Эфиопии в девятнадцатом веке во время экспедиции Напьера в Магдалу и привезены в Англию. Думаю, сейчас они не экспонируются, но их можно найти в Этнографическом хранилище в Хэгни.

На следующее утро, сделав несколько телефонных звонков, я отправился на Орсман-роуд, 1, где находилось Этнографическое хранилище — современное и весьма непривлекательное здание, довольно хорошо охраняющееся.

— Порой сюда пытаются проникнуть и кое-что стащить, — объяснил мне смотритель.

Он поднял меня в лифте на один из верхних этажей, а затем провел в огромное помещение, снизу доверху заполненное рядами металлических стеллажей с картотекой. Они разделялись только узкими проходами, слабо освещенными лампами дневного света. Смотритель порылся в объемистом каталоге, что-то невразумительно бормоча себе под нос.

— Думаю, здесь, — сказал он наконец. — Пойдемте.

Пока мы шли, у меня перед глазами неотвязно стояла заключительная сцена фильма «В поисках утраченного ковчега», в которой священную реликвию запечатывают в деревянный ящик и сваливают на федеральном складе среди тысяч других безымянных контейнеров. Пару раз мы повернули не в ту сторону среди лабиринта полок, но наконец прибыли на место. Здесь, с некоей церемонностью, смотритель выдвинул... большой ящик.

Меня охватила дрожь волнения, когда он открыл его. Однако внутри не оказалось ничего, что хотя бы отдаленно соответствовало моим представлениям о ковчеге Завета. Разделенные листами гофрированного картона, в ящике лежали девять деревянных пластин, одни квадратные, другие прямоугольные, длиной и шириной не более восемнадцати дюймов и толщиной не более трех дюймов. В большинстве своем ничем не примечательные, но все с надписями — как я определил, на языке геэз, древнем литургическом языке Эфиопии. На нескольких пластинах были также выгравированы кресты и другие эмблемы.

Я попросил смотрителя проверить каталог. Возможно, он ошибся, и перед нами нечто совсем другое?

Прищурившись, он взглянул на листок, который держал в руке:

— Нет. Никакой ошибки. Это и есть ваши *таботы*. Из коллекции Холмса. Доставлены Британской экспедицией из Абиссинии в 1867—1868 гг. Так здесь и говорится.

Я поблагодарил его за хлопоты и ушел, довольный, что наконец довел это дело до конца. И эти жалкие куски дерева считались точными копиями священной реликвии, хранящейся в храмовой часовне Аксума? Чем бы ни была эта реликвия, теперь абсолютно ясно: это не ковчег Завета.

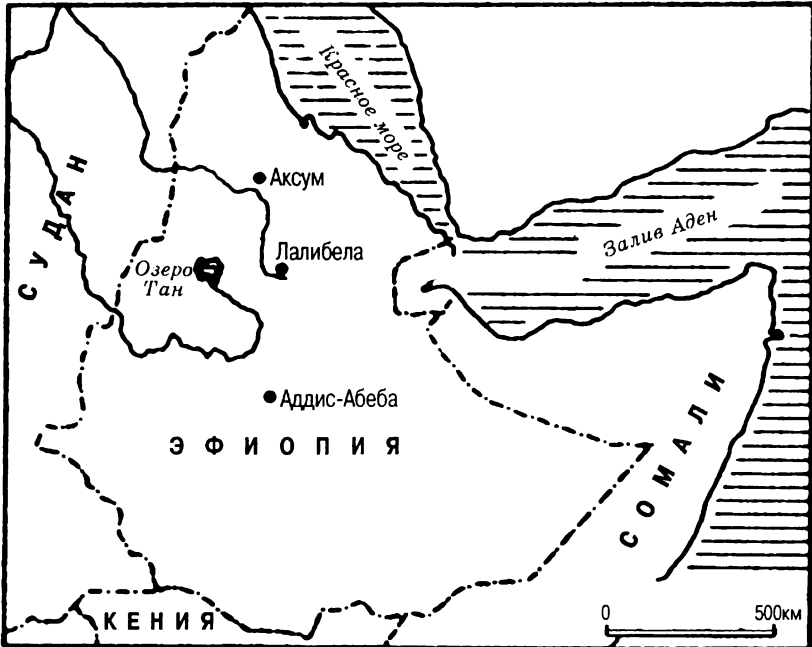
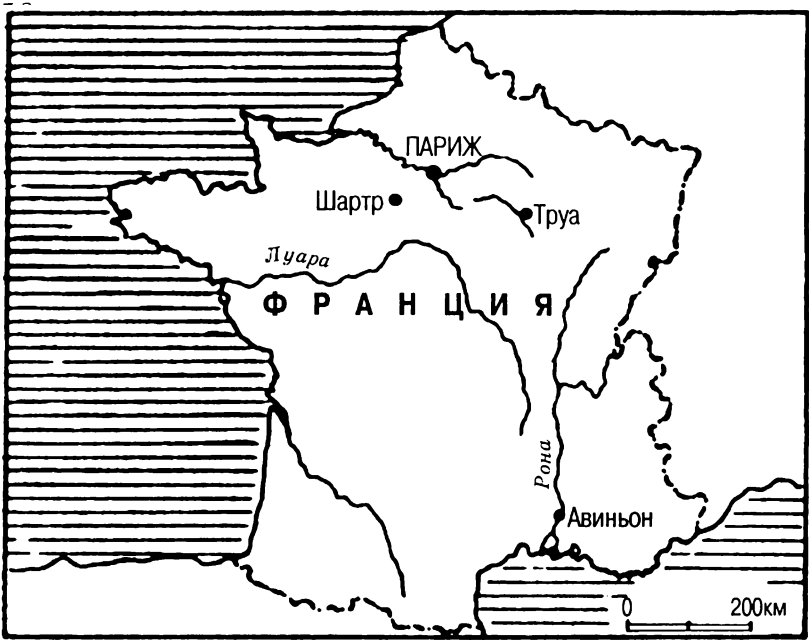
«Вот и все», — помню, подумал я, когда вышел на Орсман-роуд и поспешил к своей машине сквозь мрачную пелену дождя.

Но как же я ошибся!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ:

ЕВРОПА, 1989 год

СВЯТОЙ КОВЧЕГ И СВЯТОЙ ГРААЛЬ

ШИФР ГРААЛЯ

В 1983 году я посетил Аксум и из первых рук узнал, что Эфиопия дерзко претендует на звание последнего пристанища ковчега Завета. В то время я жил в Африке. В 1984 году я вместе с семьей переехал в Англию, а в последующие годы я продолжал регулярно навещать в Аддис-Абебу, готовя ряд изданий по заказу эфиопского правительства и укрепляя контакты с людьми, находившимися у власти, в том числе и с президентом Менгисту Хайле Мариамом. У диктатора была плохая репутация из-за нарушений прав человека, но я старательно искал дружбы с ним и в результате добился ряда полезных привилегий, в частности доступа ко многим делам, обычно закрытым для иностранцев. Если бы у меня было желание углубиться в изучение загадки ковчега, у меня, несомненно, были бы для этого все возможности. Но меня эта тайна уже не интересовала. Поэтому я не почувствовал ни малейшего сожаления, когда в конце 1988 года силы Народного фронта освобождения Тиграя провели массированное наступление на Аксум и всего за один день кровавых рукопашных боев овладели им, уничтожив и взяв в плен более двух тысяч военнослужащих правительства. В то время я был настолько тесно связан с режимом Менгисту, что успех повстанцев означал: доступ в священный город мне теперь закрыт. Но у меня и не было особых причин туда стремиться. По крайней мере так я думал тогда.

Царица Савская в Шартре

Большую часть второй половины 1988-го и первую четверть 1989 года я работал над составлением комментария к иллюстрированной книге об истории северных областей Эфиопии, религиозных церемониях и обычаях населявших их народов. Эта работа готовилась не по заказу правительства, а по инициативе двух пользовавшихся международной известностью фотографов и моих близких приятельниц — Анджелы Фишер и Кэрол Бекуит¹.

Мне предстояло провести довольно глубокое историческое исследование ряда этнических групп, в том числе и тех самых фалаша — туземных черных евреев Эфиопского нагорья, с которыми я впервые встретился в 1983 году. Поскольку они сыграли определяющую роль в развитии абиссинской религиозной культуры, я счел необходимым изучить один древний текст, к которому еще давно привлек мое внимание профессор Ричард Пэнкхерст. Этот текст под названием «Кебра Нагаст» («Слава царей») был написан в XIII веке н.э. на языке геэз. Он содержит самый древний из дошедших до нас вариантов рассказанной мне в Аксуме истории царицы Савской и царя Соломона, рождения их сына Менелика и похищения ковчега Завета из первого храма в Иерусалиме. Английский перевод был сделан в 20-е годы нынешнего столетия сэром Уоллисом Баджем, бывшим хранителем египетских и ассирийских древностей в Британском музее. Он давно не переиздавался, но я сумел раздобыть фотокопию, внимательно изучил ее и постоянно обращался к ней на разных стадиях работы над своей книгой.

Моя рукопись была готова в конце марта 1989 года. В апреле мы с семьей отправились в отпуск во Францию. В Париже мы взяли напрокат машину и поехали на юг без заранее продуманного маршрута. Первую остановку сделали в Версале, где провели пару дней, осматривая дворец и замок. Затем отправились в Шартр — чудный старинный город в департаменте Эр и Луар, известный своим готическим собором, посвященным, как и великая церковь в Аксуме, Святой Богородице Марии.

Шартр был крупным христианским центром по крайней мере с VI века, и, в частности, центром культа Мадонны с IX века, когда Карл Лысый из династии Каролингов подарил городу его самую ценную религиозную реликвию — покрывало, которым пользовалась Мария во время родов. В XI веке сгорела построенная Карлом Лысым церковь, и на ее фундаменте был построен новый, гораздо больший кафедральный собор, следуя классическим романским канонам, подчеркивающим горизонтальную прочность. Он также был сильно поврежден пожаром. Позже, на протяжении XII и XIII вв., сохранившаяся коробка здания была значительно видоизменена и наращена в новом, «летащем», стремящемся вверх стиле, который получил название готического. В самом деле, высокая северная башня Шартрского собора, строительство которой закончилось в 1134 году, считается первым в мире образцом готической архитектуры². За следующие два десятилетия была добавлена южная башня, как и другие элементы, вроде выходящих на запад Королевских врат. Затем в ходе бурного строительства в 1194—1225 гг. были созданы остальные элементы несравненного готического здания, которые остались нетронутыми и практически неизменными до сих пор³.

Когда мы всей семьей посетили Шартр в апреле 1989 года, меня меньше всего интересовала история кафедрального собора, а привлекала его захватывающая, чудесная красота. Это настолько грандиозное сооружение и с таким количеством сложных скульптурных украшений по стенам, что мне подумалось: не хватит и жизни на знакомство с ним. Мы планировали осмотреть и другие достопримечательности и решили задержаться в городе только на три дня, прежде чем продолжать путешествие на юг.

Большую часть этих трех дней я провел, медленно прогуливаясь вокруг собора, постепенно впитывая в себя сверхъестественную, божественную атмосферу — замечательные витражи, иллюстрирующие библейские истории и создающие во внутренних помещениях странную игру света; загадочный лабиринт, вымощенный брусчаткой, в центре здания; арочные контрфорсы, поддерживающие взмывающие ввысь стены; остроконечные арки и ошелом-

ляющее ощущение гармонии и пропорциональности, вызываемое изяществом и живостью архитектуры.

В путеводителях подчеркивалось, что здесь не было ничего случайного. Все здание было тщательно и четко спроектировано как ключ к глубоким религиозным таинствам. Так, например, архитекторы и каменщики использовали гематрию (древнееврейский шифр, заменяющий цифры буквами алфавита), дабы «обстоятельно объяснить» литургические фразы во многих ключевых размерах здания⁴. Точно так же скульпторы и стекольщики, обычно выполняя указания церковного начальства, тщательно запрятали сложные послания, касающиеся человеческой природы, прошлого и пророческого значения Священного Писания в тысячах разнообразных рисунков. Статуи и окна представляют собой произведения искусства и красоты, на поверхностном уровне доставляющие удовольствие глазу и несущие моральное руководство. Вызов же заключается в более глубоком проникновении в смысл и в расшифровке информации, скрытой под более очевидным толкованием той или иной скульптурной группы или узора витражей⁵.

Поначалу меня не очень-то убедили подобные аргументы, и мне трудно было признать, что за внешним обликом здания скрывается некий глубокий смысл. Однако, постепенно вникая в суть во время нескольких экскурсий, проводившихся специалистами, я начал понимать, что это огромное сооружение и в самом деле является неким подобием «книги в камне» — эдаким замысловатым ребусом, который можно толковать на нескольких разных уровнях.

Поэтому вскоре и я включился в игру и попытался вычислить более глубокий смысл ряда скульптурных групп, привлекших мое внимание. Приходя к выводу, что я выявил истинное содержание какой-то композиции или сцены, я проверял себя по путеводителям.

Потом случилось нечто неожиданное. Я зашел перекусить в расположенное напротив южного портала собора кафе «Царица Савская». В моей памяти еще было свежо воспоминание о «Кебра Нагаст», в которой излагалась эфиопская легенда о царице Савской, и я спросил официанта, почему кафе получило такое название.

«Потому что на портале напротив есть скульптура царицы», — объяснил он.

Заинтересовавшись, я пересек улицу и поднялся по нескольким ступенькам прекрасного портала, состоявшего из широкой центральной арки между двумя более узкими «фонарями». Здесь почти на каждом квадратном дюйме кладки были установлены сотни и сотни статуэток и множество скульптур в полный рост. Я все никак не мог обнаружить скульптуру, изображающую царицу Савскую. Сверившись с захваченными путеводителями, я прочитал в самом подробном из них — «Шартр: путеводитель по собору» — указание, где следует ее искать:

«Во внутреннем архивольте внешней арки установлены двадцать восемь статуэток царей и цариц Ветхого Завета: здесь можно узнать Давида с его арфой, Соломона со скипетром и царицу Савскую с цветком в левой руке. Наверху четыре бородатых старших пророка беседуют с четырьмя безбородыми младшими пророками»⁶.

В книге сообщалось также, что весь южный портал был сооружен в первой четверти XIII века — того самого, когда в Эфиопии была написана «Кебра Нагаст», рассказывающая историю царицы Савской, Менелика и похищения ковчега.

Меня это обстоятельство поразило как любопытное совпадение, и поэтому я с немалым интересом рассмотрел статуэтку царицы Савской. Однако я не заметил в ней ничего особенного, не считая того, что она казалась здесь не на месте — в августейшем обществе еврейских правителей и пророков. Я знал, что, согласно «Кебра Нагаст», царица была обращена в иудаизм⁷ и что в относительно кратком библейском описании ее визита в Иерусалим этот факт не упоминается. В 10-й главе III Книги Царств и 9-й главе II Книги Паралипоменон — единственных местах, где она упоминается в Библии, — царица прибывает ко двору Соломона язычницей и уезжает все той же язычницей⁸. Поэтому присутствие ее на портале кажется странным — если только строители собора не были знакомы с эфиопской историей ее обращения. Но это представляется совершенно невероятным: в Ветхом Завете вообще не упоминается, что она

могла прибыть из Эфиопии, и большинство ученых считает, что она была южноаравийской царицей и прибыла из Савы, или Сабеи, которая располагалась на территории нынешнего Йемена⁹.

Может быть, я и оставил бы без внимания эту деталь, если бы не прочел дальше в путеводителе, что на северном портале помещена вторая статуя царицы Савской. Северный портал был сооружен также в 1200—1225 годах, и в декоре его подробно отражены многие темы Ветхого Завета¹⁰.

Ковчег и надписи

Я провел два часа у северного портала, пытаюсь расшифровать запутанные истории, изображенные средствами скульптуры.

Левый «фонарь» содержал несколько изображений Девы Марии с младенцем Христом и ветхозаветными пророками — Исайей, Даниилом и другими. Были представлены там и нравоучительные истории, повествующие преимущественно о победе добродетелей над пороками, а также изображения добродетелей тела и души, описанных известным святым Бернаром Клервоским (XII век).

В центральном «фонаре» господствует группа ветхозаветных патриархов и пророков, в первую очередь фигура Мельхиседека — таинственного священника-царя Салимского, как он описан в 14-й главе Книги Бытия и 110-м псалме¹¹. Там же присутствуют Авраам, Моисей, Самуил и Давид, а также Елисей и святой апостол Петр. Другие сцены изображают райский сад с четырьмя реками и коронованную Деву Марию, восседающую на небесном троне рядом с Иисусом.

Царицу Савскую я нашел в правом «фонаре». На этот раз речь шла не о малозаметной статуэтке, как на южном портале, а о статуе в полный рост. Она стояла рядом с фигурой Соломона, что в контексте библейской истории неудивительно. Мое внимание сразу же привлекло то, что у ее ног

сгорбился африканец, описанный в одном из путеводителей как «ее слуга-негр»¹², а в другом — как «ее раб-эфиоп»¹³.

Больше никаких подробностей не было. Но этого мне хватило, чтобы понять: скульпторы, работавшие над северным порталом Шартрского собора в XIII веке, несомненно, пытались поместить царицу Савскую в африканский контекст. Значит, я уже не мог с прежней легкостью отвергнуть возможность того, что скульпторы были знакомы с эфиопскими преданиями о царице, которые именно в XIII веке были собраны в «Кебра Нагаст». По крайней мере, это могло объяснить, почему языческая царица получила подобное отображение в декоре христианского собора: как было отмечено выше, только «Кебра Нагаст», но не Библия, описывает ее как обращенную в истинную веру патриархов. В то же время возник другой трудный вопрос: каким путем могла эфиопская легенда проникнуть в Северную Францию еще в начале XIII века?

Именно эти мысли обуревали меня, когда я обнаружил на колонне между центральной аркой и правым «фонарем» скульптуру, произведшую на меня еще большее впечатление. Это был миниатюрный — не более нескольких дюймов в высоту и в ширину — ящик или сундук на повозке, под которым прописными буквами были выбиты слова:

ARCHA CEDERIS

Осматривая колонну против часовой стрелки, я затем обнаружил отдельную, плохо сохранившуюся сценку: мужчину, склонившегося над таким же сундуком или ящиком. Здесь также имелась надпись, довольно трудно различимая:

НІС АМІСІТІУР АСНА СЕДЕРІС (или, возможно,
НІС АМІТТІТІУР АСНА СЕДЕРІС, либо НІС АМІТІТІУР АСНА
СЕДЕРІС, либо даже НІС АМІГІТІУР АСНА СЕДЕРІС).

Буквы были архаичными по начертанию и почти неразборчивыми. Я понял, что надпись, должно быть, сделана на латыни или каком-то ее варианте. Поскольку в свое время, когда мне было тринадцать лет, учителя побудили меня оставить изучение этого языка (из-за моей явной к нему не-

способности), я даже не попытался перевести надпись толком. Но все же мне показалось, что слово «ARCHA» должно означать «ковчег». Я обратил внимание на то, что ящик или сундук, изображенный в скульптуре, имеет как раз такие размеры (в пропорции с другими фигурами), что и ковчег, описанный в Книге Исход¹⁴.

Если мое предположение правильно, рассуждал я, тогда сам факт изображения ковчега в нескольких футах от образа царицы Савской подкреплял гипотезу о том, что строители Шартрского собора могли испытать — пока еще непонятным образом — влияние эфиопских преданий, собранных в «Кебра Нагаст». То, что скульпторы поместили царицу в явно африканский контекст, придавал этой гипотезе гораздо большую достоверность, чем я мог себе представить, пока осматривал южный портал. Поэтому я решил установить, действительно ли на колоннах изображен ковчег, и выяснить значение латинских надписей.

Я присел у северного портала и принялся изучать путеводители. Только в двух из них упоминались украшения на интересовавших меня колоннах. В одном не давалось никакого перевода надписей, но подтверждалось, что вышеописанные сценки действительно связаны с ковчегом Завета¹⁵. В другом давался следующий перевод, который я нашел интересным, но и довольно странным:

ARCHA CEDERIS: «Вы должны действовать через ковчег».

NIS AMITTUR ARCHA CEDERIS: «Здесь вещи идут своим чередом; вы должны действовать через ковчег»¹⁶.

Даже моей школьной латыни достало, чтобы предположить, что эти переводы, скорее всего, неправильны. Поэтому я решил обратиться за разъяснением к специалисту и тут же сообразил, что через несколько дней буду проезжать поблизости от дома весьма квалифицированного знатока латыни — профессора Питера Ласко, историка искусств и бывшего директора Института Курто при Лондонском университете, проводившего теперь по полгода на юге Франции. Отец моего близкого друга, Ласко всю свою жизнь изучал церковное искусство и архитектуру Средневековья и

вполне мог дать мне квалифицированное объяснение или по крайней мере подсказать направление дальнейших поисков.

Поэтому я аккуратно переписал надписи, а потом постарался зарисовать весь северный портал. Рисуя, я заметил еще одну, видимо, немаловажную деталь: панно с ковчегом, установленное на несущих колоннах фасада, расположено точно посередине между Мельхиседеком — ветхозаветным священником-царем, фигура которого помещена в центральном пролете, — и статуей царицы Савской, господствующей в правом пролете. Я даже обнаружил, что могу начертить правильный треугольник, соединяющий три скульптурных изображения: Мельхиседек и царица Савская по углам длинного основания и ковчег Завета на вершине.

И это было не все. Изучая расположение образов в двух пролетах, я обнаружил, что ковчег на повозке движется *от* Мельхиседека *прямо к* царице Савской, вдоль стороны нарисованного мною треугольника. Принимая во внимание таинственный характер большинства шартрских скульптур и то, как различные фигуры нередко располагаются бок о бок, дабы поведать нам свои истории и донести некую информацию до нашего сведения, я рассудил, что это расположение отнюдь не случайно. Напротив, все это выглядело как еще одно доказательство, подтверждающее мою гипотезу о том, что строители Шартрского собора испытали влияние эфиопской легенды о царице Савской, рассказанной в «Кебра Нагаст». Хотя для окончательных выводов было еще слишком рано, но все же казалось вполне вероятным, что иконография северного портала отражала именно предание о том, что ковчег Завета был перевезен из Древнего Израиля (представленного священником-царем Мельхиседеком) в Эфиопию (представленную царицей Савской).

Вот почему я уделил особое внимание статуе Мельхиседека, прежде чем покинуть северный портал. Зарисовывая ее, я заметил новые детали. В правой руке Мельхиседека, например, имелось кадило, весьма похожее на те, что я видел на службах в эфиопских церквах (во время которых обычно сжигалось много благовоний). В левой же руке царь-священник держал чашу или кубок на длинной ножке, в кото-

ром находилась не жидкость, а нечто вроде твердого цилиндрического предмета.

Я снова обратился к своим путеводителям, но не смог найти ни одного упоминания кадила, мне попались лишь противоречивые объяснения смысла чаши. Один источник утверждал, что Мельхиседек представлен здесь как предвестник Христа и что чаша и предмет в ней изображают «хлеб и вино — символы Святого причастия»¹⁷. В другом путеводителе фотография статуи сопровождалась подписью: «Мельхиседек несет чашу Грааля, в которой находится Камень». Затем добавлено (довольно загадочно):

«Это отсылает нас к поэме Вольфрама фон Эшенбаха, которого считали — хотя и бездоказательно — тамплиером и для которого Грааль был Камнем»¹⁸.

На этом я покинул северный портал и присоединился к жене и детям в садах за великим собором. На следующий день мы выехали из Шартра на юг к Бордо и Биаррицу. Затем, свернув на восток к Лазурному берегу, мы въехали в департамент Тарн и Гарона поблизости от Тулузы. Там с помощью хорошей карты удалось разыскать дом искусствоведа Питера Ласко, которому я дозвонился еще из Шартра и который выразил готовность побеседовать со мной о скульптурах на северном портале, скромно добавив, впрочем, что не считает себя специалистом в этой области.

Эфиопский след?

Я провел целый вечер в доме Питера Ласко в деревне Монтегю де Керси. С этим импозантным седовласым человеком мы встречались уже несколько раз, и он знал, что я, как писатель, специализируюсь на Эфиопии и Африканском Роге. Поэтому он первым делом спросил меня, почему я вдруг заинтересовался средневековыми французскими соборами.

Я рассказал о своей гипотезе, согласно которой виденные мной на северном портале скульптуры были изваяны под влиянием «Кебра Нагаст».

— Мельхиседек со своей чашей может представлять ветхозаветный Израиль, — заключил я. — Он был священником-царем Салимским, а ряд ученых отождествляют Салим с Иерусалимом¹⁹. Тогда царица Савская с ее африканским слугой может представлять Эфиопию. Между ними мы видим ковчег, который перевозят в направлении Эфиопии. Стало быть, это означает, что ковчег был переправлен из Иерусалима в Эфиопию, — об этом и говорится в «Кебра Нагаст». Что вы об этом думаете?

— Откровенно говоря, я думаю, что это противоречит здравому смыслу.

— Но почему?

— Ну что ж... Полагаю, эфиопские предания могли-таки проникнуть в Европу еще в XIII веке. Была по крайней мере одна научная монография, в которой делается предположение, что такое могло случиться. Но сам я очень сомневаюсь в этом. Даже если история «Кебра Нагаст» была известна в Шартре в то время, я не понимаю, для чего кому-то вздумалось изложить ее на языке иконографии собора. Это было бы весьма странно, особенно в связи с северным порталом, который посвящен главным образом ветхозаветным предтечам Христа. Именно поэтому, кстати, там помещен Мельхиседек: он отождествляется с Христом в Послании к Евреям²⁰.

— На изображении он держит чашу, в которой виден какой-то цилиндрический предмет.

— Возможно, так изображен хлеб... хлеб и вино Святого причастия.

— Об этом говорится в одном из моих путеводителей. В другом же этот кубок отождествлен с чашей Грааля, а цилиндрический предмет в ней назван камнем.

Питер Ласко насмешливо приподнял бровь:

— Первый раз в жизни о таком слышу. Это звучит еще более натянуто, чем ваша гипотеза эфиопского следа... — Он помолчал, размышляя, потом добавил: — Есть, правда, одна штука. В той монографии, которую я упомянул... в которой говорится о проникновении эфиопских идей в средневековую Европу...

— Да?

— Как ни странно, но речь идет о чаше Грааля. Если память мне не изменяет, в ней говорится, что описанная Вольфрамом фон Эшенбахом чаша Грааля, — правда, у него это камень, а не чаша, — несет на себе отпечаток влияния эфиопской христианской традиции.

Я даже подался на стуле вперед:

— Это интересно... В моем путеводителе также упоминался Вольфрам фон Эшенбах. Кто он такой?

— Один из первых средневековых поэтов, заинтересовавшихся чашей Грааля. Он написал на эту тему целую книгу под названием «Парсифаль».

— Не так ли называется и опера?

— Да, опера Вагнера — он написал ее под впечатлением от книги Вольфрама.

— А этот Вольфрам... когда он жил?

— В конце XII — начале XIII века.

— Другими словами, в то самое время, когда строился северный портал Шартрского собора?

— Да.

Мы оба помолчали, потом я сказал:

— Упомянутый вами научный труд, в котором утверждается, что на Вольфрама оказали влияние эфиопские предания... Вы случайно не помните его названия?

— Э-э-э... нет. Боюсь, что нет. Я читал его лет двадцать назад, если не раньше. Мне кажется, автора звали Адольф какой-то там... Точно не помню. Вольфрам был немцем, так что вам, наверное, следует поговорить со специалистом по германской литературе позднего Средневековья.

Решив про себя, что так и поступлю, я спросил Питера, не поможет ли он мне с переводом надписей, заинтриговавших меня в Шартре. В моем путеводителе, сообщил я ему, «ARCHA CEDERIS» переведено как «вы должны действовать через ковчег», а «NIC AMITITUR ARCHA CEDERIS» — как «здесь вещи идут своим чередом; вы должны действовать через ковчег». По мнению Питера, этот перевод был совершенно неправильным. «ARCHA» определенно означает «ковчег», а «CEDERIS» — скорее всего, искаженное «FOEDERIS», означающее «завет». Таким образом, «ARCHA CEDERIS» пере-

водится просто и логично — «ковчег Завета». Однако возможен и другой вариант: слово «CEDERIS» — форма глагола *cedere*, означающего «отступаться», «бросать» или «уезжать». В таком случае «ARCHA CEDERIS» можно перевести как «ковчег, от которого вы отступитесь» (или «который бросите», или «отошлете»).

В более длинной надписи проблема состояла в неясно прописанной четвертой букве второго слова. В моем путеводителе делалось предположение, что речь идет о единичной «Т», но, скорее всего, это сокращение двойной «Т» (поскольку латинского слова «AMITITUR» с единичной «Т» не существует). Если же имелась в виду двойная «Т», тогда фразу следовало читать: «NIC AMITITUR ARCHA CEDERIS», что означает что-то вроде «вот отпускают его, ковчег, от которого вы отступитесь»; либо, — если «CEDERIS» — это искаженное «FOEDERIS», — «вот отпускают его, ковчег Завета».

Возможно также, что четвертой буквой второго слова была «С» (это даже казалось более вероятным). Тогда фраза выглядела бы так: «NIC AMICITUR ARCHA CEDERIS», что можно перевести: «Здесь спрятан ковчег Завета» либо «Здесь спрятан ковчег, от которого вы отступитесь» («который бросите» или «отошлете»).

— Даже слово «спрятан» нельзя считать окончательным вариантом, — заключил Питер, захлопнув свой латинский словарь. — В этом контексте «AMICITUR» может также означать «прикрыт», хотя это выражает примерно ту же мысль. Короче, не знаю. Все это похоже на ребус.

Я был с ним полностью согласен. Вся эта штука походила-таки на головоломку — но я жаждал ее разгадать.

В оставшиеся дни нашего отпуска во Франции я постоянно возвращался мыслями к северному порталу Шартрского собора. Я никак не мог забыть реликвию на повозке, направлявшуюся к царице Савской; не мог я и выкинуть из головы возможность того, что сценка указывала на путешествии в Эфиопию.

Я понимал, что погряз в диких гипотезах, не имеющих никакого научного подтверждения, и полностью соглашался с доводом Питера Ласко, что скульпторы Шартра не мог-

ли позволить себе поддаться влиянию эфиопской легенды при выборе темы. Но тогда следовало рассмотреть еще более интригующую возможность: создатели северного портала (называвшегося также «входом для посвященных»²¹) могли изобразить здесь зашифрованную «карту» для грядущих поколений — карту, которая намекала на местонахождение самого священного и ценного во всем мире сокровища. Быть может, они знали, что ковчег Завета был отослан из Израиля во времена Ветхого Завета, а затем спрятан (или скрыт) в Эфиопии. Быть может, таково истинное значение этих миниатюрных скульптур с их головоломными надписями. В таком случае напрашивались действительно ошеломляющие выводы, а предания Аксума, которые я так легкомысленно отверг в 1983 году, заслуживали повторного, более внимательного изучения.

Мария, Грааль и ковчег

Вернувшись из Франции в конце апреля 1989 года, я поручил своему помощнику по научной части заняться поиском упомянутого Питером Ласко научного труда. Я знал лишь, что он мог быть написан неким Адольфом и связан с возможным эфиопским влиянием на произведение Вольфрама фон Эшенбаха о Святом Граале. Я не знал, где, когда и на каком языке был издан этот труд, но посоветовал своему помощнику связаться с университетами и разузнать, есть ли у них специалисты по германской средневековой литературе, которые могли бы помочь в этом деле.

В ожидании результата я приобрел ряд «рыцарских романов» о Граале, в том числе «Повесть о Граале» Кретьена де Труа, написанную в 1182 году, но так и не законченную²²; «Смерть Артура» — эпопею, написанную сэром Томасом Мэлори в середине XV века²³; и, наконец, «Парцифалья», которого Вольфрам фон Эшенбах написал, как считается, где-то между 1185 и 1210 годами²⁴ — в период, почти точно совпадающий с главным этапом строительства северного портала Шартрского собора.

Я принялся за чтение. Поначалу самой доступной мне показалась эпопея Мэлори, поскольку она послужила отправной точкой для ряда историй и фильмов, рассказывавших о поиске Святого Грааля, которыми я наслаждался еще ребенком.

Я моментально обнаружил, что Мэлори представил идеализированное, облагороженное и, прежде всего, христианизированное описание «единственного истинного поиска». Рассказ Вольфрама, напротив, был более мирским, точнее описывал реальное поведение людей и — самое главное — был совершенно свободен от новозаветного символизма в том, что касалось самого Грааля.

Мэлори описывал святую реликвию как «золотой сосуд», который подавала «прекрасная чистая дева» и который содержал «толику крови Господа Нашего Иисуса Христа»²⁵. Таков был образ, долго и бережно хранимый в народной памяти, где Грааль изображался в виде чаши (обычно той самой, в которую Иосиф Аримафейский собрал несколько капель крови Христа, когда страдающий Спаситель висел на кресте).

Я сам находился под столь сильным влиянием такого представления, что мне трудно было даже подумать о Граале как о чем-то ином, кроме чаши. Обратившись же к «Парцифалу» Вольфрама фон Эшенбаха, я нашел подтверждение того, что узнал еще во Франции, а именно: реликвия — которую, как и у Мэлори, несла дева, — описывалась здесь как *камень*:

Грааль, он тем и знаменит,
 Что человечью жизнь хранит.
 Тот, кто на камень глянет,
 Пусть знает: хоть побьют, хоть ранят,
 Семь дней уж точно он не умрет!
 Это известно наперед.
 Достаточно лишь посмотреть —
 И невозможно умереть
 В течение недели!
 Диво, в самом деле!..

...Исполнен к людям доброты,
Грааль сохраняет их черты
До самой старости молодыми...»²⁶

Я был поражен этой странной и захватывающей образностью, и в моем мозгу занозой засел вопрос: почему в «Смерти Артура» Грааль назван сосудом, а в созданном гораздо раньше «Парцифале» недвусмысленно описывается как камень? В чем тут дело?

Я продолжил свое расследование и узнал от одного специалиста по приключенческой литературе, что Мэлори в «Смерти Артура» «лишь красочно излагал тему, значения которой в действительности не понимал»²⁷. Эта тема была подробно разработана в «Парцифале» Вольфрама и «Повести о Граале» Кретьена де Труа²⁸ — произведениях, которые на двести лет старше «Смерти Артура».

Подбодренный этой подсказкой, я принялся за незаконченную повесть Кретьена и прочитал в ней следующее описание Грааля — первое в литературе (по сути дела, и в истории вообще). Как у Вольфрама и Мэлори, здесь драгоценный предмет тоже носила девица:

«Как только она вошла с граалем в руках, вспыхнул такой яркий свет, что свечи померкли, как звезды блекнут при восходе солнца и луны... Грааль... был из чистого золота [и] был украшен самыми разнообразными драгоценными камнями — самыми роскошными и дорогими, какие встречаются в море и на земле»²⁹.

Нигде в рукописи Кретьена не говорится прямо, что Грааль представлял собой чашу. Из контекста, однако, вытекало, что автору он представлялся именно сосудом. В нескольких местах Кретьен упоминает «короля-рыбака», которому «подавали пищу в граале»³⁰, а позже добавляет: «Ему подавали в граале одну-единственную освященную облатку, и та поддерживала его жизнь в полном цвету, столько велика святость этого грааля»³¹. Позже я узнал, что само слово «грааль» — производное от старофранцузского «gradale» (и латинского «gradalis»), означавшего «широкий, с углублени-

ем, сосуд, в котором подается изысканная пища». В разговорной речи времен Кретьена «gradale» часто произносилось как «greal». А на юге Франции слова «grazal», «grazau» и «grial» вплоть до наших дней используются для обозначения разного рода емкости³².

Таковы истоки представления Мэлори о священном Граале как о сосуде. Кроме упоминания «освященной облатки», Кретьен не дает никакой прямых указаний на связь с христианством (даже в упоминании о «святости» Грааля, ибо та вполне может быть связана с Ветхим Заветом, а не с Новым³³). Подобно Вольфраму, французский поэт вовсе не упоминает о крови Христа и даже не намекает на то, что реликвия служила для ее хранения.

Выходит, что образ «святой крови», связывавшийся с Граалем в народной культуре, был добавлен более поздними авторами, — расширявшим, но и в какой-то степени заземлявшим изначальную тему. Углубившись еще немного в этот предмет, я смог убедиться в том, что этот процесс «христианизации» происходил с подачи монашеского ордена цистерцианцев³⁴. В свою очередь, цистерцианцы находились под большим влиянием святого Бернара Клервоского, который вступил в орден в 1112 году и, по мнению многих ученых, являлся самым крупным религиозным деятелем своего времени³⁵.

Тот же святой Бернар, обнаружил я, сыграл важную роль в развитии и распространении ранней готической архитектуры (этот деятель достиг вершины влияния в 1134 году, когда возводилась парящая северная башня Шартрского собора, и постоянно подчеркивал принципы священной геометрии, примененные в этой башне и во всем великолепном здании)³⁶. Бернар скончался в 1153 году, но его проповеди и идеи еще много лет продолжали служить основным источником вдохновения для дальнейшего развития готической архитектуры, а также скульптуры, образцы которой я видел на северном портале Шартрского собора³⁷.

Главным связующим звеном между ранними, нехристианскими вариантами истории о Граале и новозаветным толкованием времен Мэлори стал сборник «Поиски Свято-

го Грааля», составленный цистерцианскими монахами в XIII веке³⁸. Больше того, хотя святой Бернар уже умер к тому времени, когда было положено начало этой антологии, в ней явственно видно его влияние. К этому выводу я пришел потому, что в своих многочисленных писаниях этот священнослужитель выдвинул на обсуждение мистический взгляд на кровь Христа, включенный составителями «Поисков» в новое понятие о Граале³⁹. С тех пор «камень» Вольфрама был предан забвению, а «сосуд» Кретьена наполнился кровью Христа.

Что мне показалось интересным в этой идее, так это то, как ее тут же начала толковать Церковь. В церковных гимнах, проповедях и апостольских посланиях следующие поколения христиан по всей Европе старались приравнять Грааль в символическом плане к Святой Деве Марии, которой — не забывая я — был посвящен Шартрский собор. Такая религиозная аллегория подкрепляется следующей аргументацией: Грааль (согласно «Поискам» и более поздним вариантам легенды) содержал кровь Христа; до рождения Мария содержала Христа в своем чреве; следовательно, Грааль является — и всегда был — символом Марии⁴⁰.

В соответствии с подобной логикой Мария *Theotokos*, или Богородица, была священным сосудом, который содержал Дух, ставший плотью. Так в Лоретанской литании⁴¹ XVI века ее называют *vas spirituale* («духовный сосуд»), *vas honorabile* («благородный сосуд») и *vas insigne devotionis* («исключительный сосуд набожности»)⁴².

Почему этот символизм привлек мое внимание? Да просто потому, что в Лоретанской литании Пресвятую Деву называют также «arca foederis»⁴³, что, как я уже знал, означало на латыни «ковчег Завета». Я углубился в изучение этого совпадения и обнаружил, что упомянутое словосочетание фигурирует не только в литании. В XII веке святой Бернар Клервоский также недвусмысленно сравнивал Марию с ковчегом Завета в ряде своих трудов⁴⁴. Еще в IV веке святой Амвросий, епископ Медиоланский, выступил с проповедью, в которой утверждал, что ковчег был пророческой аллегорией Марии: точно так же, как он содержал Ветхий Завет в ви-

де десяти заповедей, так и она содержала Новый завет в виде тела Христова⁴⁵.

Далее я обнаружил, что подобные понятия сохранились до XX века и вплетены в ткань современного христианского богослужения. В Израиле, например, я увидел небольшую, но красивую доминиканскую церквушку, построенную в 1924 году и посвященную «Деве Марии, ковчегу Завета». Церквушка стоит на дороге Тель-Авив — Иерусалим. Ее семиметровую колокольню венчает полноразмерное изображение ковчега. Стены внутри здания украшены несколькими полотнами с изображением святой реликвии. Объяснение (вполне в духе св. Амвросия) ее посвящения и символизма дала мне настоятельница церкви сестра Михаила: «Мы сравниваем Марию с Живым ковчегом. Мария была матерью Иисуса, господина Закона и Завета. Скрижали с десятью заповедями Закона были помещены в ковчег Моисеем; так же Бог поместил Иисуса в чрево Марии. Вот почему она — Живой ковчег.

Мне показалось весьма знаменательным, что и ковчег, и Грааль — внешне столь несхожие — тем не менее неоднократно сравниваются с одним и тем же библейским персонажем. Если Мария — и «Живой ковчег», и «Живой Грааль», размышлял я, тогда это наводит на мысль, что два священных предмета в действительности могут оказаться *одним и тем же*.

Такая потрясающая перспектива поразила меня до глубины души. Какой бы притянутой за уши ни казалась эта мысль, она все же проливает интересный свет на выбор образов и расположение статуй на северном портале Шартрского собора. Если я прав, тогда чаша Грааля с камнем внутри, которую держит в руке Мельхиседек, изображает на одном уровне Марию, а на другом призвана служить эзотерическим символом ковчега Завета и помещенных в него скрижалей.

Подобная интерпретация, чувствовал я, добавляла значительный вес гипотезе о том, что остальная иконография северного портала указывает на перемещение святой реликвии в Эфиопию. Однако я отдавал себе отчет, что не имею

серьезных оснований для столь ответственного вывода: в моем распоряжении были только совпадения, догадки и мощное интуитивное чувство, что я подобрался к чему-то существенному.

Я всегда был склонен прислушиваться к своей интуиции. И все же мне показалось, что для тщательного исследования, требующего больших затрат и времени, необходимы гораздо более прочные основания, нежели несколько удачных совпадений и предчувствий.

Ждать пришлось недолго. В июне 1989 года мой помощник наконец сумел отыскать научный труд, который, по словам Питера Ласко, подсказывал возможность эфиопского влияния на описание Грааля в «Парцифале» Вольфрама фон Эшенбаха. Этот труд вдохновил меня на поиски, которые поглотили следующие два года моей жизни.

Литературное влияние или нечто большее?

Статья, озаглавленная «Новые данные о восточных источниках «Парцифала» Вольфрама», была напечатана в 1947 году в академическом журнале «ПМЛА» («Публикации Американской ассоциации современных языков»)⁴⁶. Ее автором была Хелен Адольф, известный медиевист, проявлявшая особый интерес к литературному происхождению образа Грааля. Она выдвинула гипотезу (выразив признательность двум специалистам-предшественникам⁴⁷), согласно которой Вольфрам, несомненно находившийся под сильным влиянием Кретъена де Труа, должен был также «знать, помимо кретъеновской, историю Грааля в восточном обрамлении»⁴⁸.

Приступив к изучению работы Хелен Адольф, я уже знал из своих исторических изысканий, что Кретъен де Труа по существу «изобрел» Грааль в 1182 году. Прежде этот образ не встречался ни в истории, ни в мифологии. Многие специалисты в данной области соглашались с тем, что существовали более ранние легенды, связанные, например, с магическими котлами, поисками приключений и подвигами короля Артура и его рыцарей, — легенды, из которых при-

дворные поэты и рассказчики черпали сведения для своих историй о Граале⁴⁹. Эти более древние предания, передававшиеся из уст в уста, из поколения в поколение, были слишком хорошо известными, слишком «опробованными и проверенными», короче говоря, слишком знакомыми всем без исключения, чтобы придать творческий импульс новому циклу романов, начало которому положил Кретьен в конце XII века.

Великий французский поэт так и не закончил свою знаменитую «Повесть о Граале». Спустя лишь несколько лет Вольфрам фон Эшенбах воспользовался этим добрым начинанием, расширив и закончив историю своего предшественника, одновременно довольно грубо обвинив Кретьена в ее «дурном изложении» и заявив, что «истинной историей» является его собственный текст на немецком языке⁵⁰.

Подобные заявления кажутся странными, поскольку Вольфрам явно заимствовал многие подробности из «Повести о Граале» и в целом сохранил верность ее сюжету и персонажам⁵¹. Есть лишь одно очевидное отличие — причудливое нововведение, превратившее Грааль в камень. Причина такого новшества представляется ряду ученых настоящей загадкой. Речь не может идти о простой ошибке Вольфрама — он был слишком умным и точным рассказчиком, чтобы допустить ошибку столь вопиющую. Отсюда следует единственный разумный вывод: Вольфрам описал реликвию таким образом по какой-то особой, известной только ему причине.

Именно этим вопросом задалась в своей короткой статье Хелен Адольф. И предложила ответ, показавшийся мне весьма интригующим. Тем или иным образом, предполагает она, Вольфрам получил доступ к «Кебра Нагаст», прочел историю переправки ковчега из Иерусалима в Аксум и решил включить ее элементы в своего «Парцифалья». Влияние было лишь «косвенным», решила Хелен. Станный же характер описанного Вольфрамом Грааля можно проследить до использования «в каждой Абиссинской церкви так называемого *табота* — куска дерева или камня»⁵².

Адольф объясняет, что подобная практика восходит к религиозным канонам, установленным в «Кебра Нагаст», и это мнение я полностью разделяю. В 1983 году я узнал, что «*табот*» — это местное название священной реликвии (каковой считали ковчег Завета), якобы привезенной Менеликом из Иерусалима и теперь хранящейся в приделе храма в Аксуме. Более того, позже я обнаружил, что (как подтверждает и Адольф) в каждой эфиопской православной церкви имеется свой собственный *табот*. Эти предметы, часто называвшиеся *копиями* аксумского оригинала, представляли собой не ящики или сундуки, а пластины. Все виденные мною таботы были деревянными. Но, продолжив свое расследование, я обнаружил, что многие действительно изготавливались из камня⁵³.

На основе ряда сравнений Адольф убедилась в том, что Вольфрам также знал об этом и его Грааль-камень восходит к эфиопскому *таботу*. Кроме того, она указала, что не все персонажи в «Парцифале» были заимствованы у Кретьена де Труа: у Вольфрама появилось несколько дополнительных фигур загадочного происхождения, мысль о которых вполне могла заронить в него «Кебра Нагаст». Адольф не смогла дать убедительного объяснения тому, каким образом немецкий рассказчик познакомился с «Кебра Нагаст», и лишь неуверенно предположила, что в Европу ее могли принести странствующие евреи. В средневековый период, указывает она, «евреи были не только посредниками между арабами и христианами в целом. Они испытывали особый интерес к Эфиопии, где составляли в то время, как и по сей день, значительную часть населения»⁵⁴.

Я счел аргументы Адольф убедительными, но крайне неполными. Она ограничивается специфической областью литературной критики, и ее, естественно, заботили чисто литературные вопросы. Вознамерившись доказать возможность связи между «Кебра Нагаст» и «Парцифалем» (при «косвенном влиянии» первой на последнего), она с облегчением остановилась сразу же, как только добилась своей цели. Однако я был очень благодарен ей: она открыла мне

глаза на нечто гораздо более волнующее, нечто бесконечно более важное.

На основе вышеприведенных сравнений между ковчегом Завета, Святым Граалем и Марией-Богородицей я начал задаваться вопросом, действительно ли ковчег и Грааль столь отличны друг от друга, как это представлялось на первый взгляд. Если Грааль Вольфрама наводит на мысль о влиянии эфиопских преданий о ковчеге, размышлял я, тогда есть шанс, что здесь скрыто нечто большее, нежели то, о чем догадалась Адольф. Короче говоря, я стал задаваться вопросом, не мог ли немецкий поэт преднамеренно выстроить свой фантастический образ Грааля как своего рода «кодовое обозначение» реального исторического ковчега. Если это так, тогда поиск, являющийся центральной темой «Парцифалья», мог также представлять собой «кодовое обозначение», которое, подобно таинственной карте клада, указывает путь к последнему пристанищу самого ковчега.

К тому времени меня уже немало заинтриговала и возможность того, что схожий «код» в изображениях на северном портале Шартрского собора (правда, изваянный из камня, а не записанный в книге) намекает на реликвию, увезенную в Эфиопию. Поэтому с изрядным волнением и даже энтузиазмом я попытался «расшифровать» «Парцифалья».

Божественные писания, законы и прорицания

Прежде всего я задался целью установить, мог ли Грааль Вольфрама действительно представлять собой зашифрованное сообщение о ковчеге Завета. Поэтому я решил отложить пока дальнейшее изучение «эфиопского следа», гипотезу о котором рассматривает Хелен Адольф, и взяться за поиски прямых параллелей между характеристиками Грааля и свойствами ковчега, описанными в Ветхом Завете и других древнееврейских источниках. Продолжать исследо-

вание имело смысл только в случае, если эти параллели окажутся убедительными.

В первую очередь я заинтересовался тем, каким образом Вольфрам превратил чашу или сосуд Грааля (из описания Кретьена) в камень. Мне еще подумалось, что описание Грааля у французского поэта было достаточно расплывчатым и туманным, чтобы Вольфрам смог придать этому смутному понятию о священном сосуде форму, подходящую для его целей, — т.е. *определить* этот сосуд, говоря не прямо о нем, а о его *содержимом*.

Ковчег Завета, в конце концов, тоже был сосудом и сохранил камень — точнее, две каменные плиты, на которых рукою Бога были записаны десять заповедей. Поэтому мне показалось любопытным то, что Грааль Вольфрама, подобно скрижалям Закона, являл время от времени небесную записку, устанавливавшую определенные правила⁵⁵.

Обнаружились и другие совпадения, например пророческая функция Грааля для полагающейся на него общины:

И вот однажды на Граале
Мы чудо-надпись увидели:
Где рыцарь счастье принесет
И нам Анфортаса спасет,
Вопрос несчастному задавши...
Пред камнем на колени павши,
Могу сказать, дыша едва,
Пытались вникнуть мы в слова,
Что друг за другом проступали
На избавительном Граале...
Вот смысл примерный этих слов:
Он будет лишь тогда здоров,
Когда вопрос, исполнясь ласки,
Задаст приезжий без подсказки
И чьих-то просьб, а целиком
Лишь состраданием влеком!..
Тогда с одра Анфортас встанет...
И... королем быть перестанет.
Грядут иные времена!
Так возвещали письма...⁵⁶.

Ковчег также часто служил оракулом, подавая советы, имевшие решающее значение для выживания народа Израиля. В Книге Судей, где личность самого Бога нередко полностью сливается с индивидуальностью ковчега, я нашел следующее указание:

«И вопрошали сыны Израилевы Господа (в то время ковчег Завета Божия находился там, и Финеес, сын Елеазара, сына Ааронова, предстоял пред ним): выходить ли мне еще на сражение с сынами Вениамина, брата моего, или нет? Господь сказал: идите; Я завтра предам его в руки ваши»⁵⁷.

Нашел я дальше в Библии и другое место, в котором утверждается, что ковчег уже редко говорит и что «видения» теперь стали «не часты». И все же, когда пророк Самуил «лежал в храме Господнем, где ковчег Божий», голос из святой реликвии произнес предостережение: «Вот, Я сделаю дело в Израиле, о котором кто услышит, у того зазвенит в обоих ушах»⁵⁸.

Ковчег объявлял свои пророчества не только устно и в видениях. Подобно Граалю, он временами также использовал письменное слово — например, для передачи царю Давиду плана храма, который должен был воздвигнуть его сын Соломон⁵⁹.

Вес греха, золотой телец и камни с неба

В ходе своего исследования я открыл и многие другие свойства, связывающие Грааль с ковчегом и, в особенности, со скрижалями. Примером может служить то, как чудесным образом меняется вес реликвии. Согласно Вольфраму,

Тяжел сей камень, чтоб вы знали!
И не поднимет его, не возьмет
Купно весь человечесий род,
Который свои прегрешенья множит:
Лишь чистая дева поднять его может!..⁶⁰

Здесь, чувствовал я, прослеживается связь с древнееврейской легендой о том, как пророк Моисей спустился с горы Синай с каменными скрижалями, на которых были записаны божественные слова десяти заповедей. Придя в стан сынов Израиля, пророк застал тех за поклонением золотому тельцу, что было ужасным грехом.

Он вдруг увидел, как письмена исчезли со скрижалей, и одновременно почувствовал их огромный вес, ибо, пока на них были божественные письмена, они несли на себе вес скрижалей, и те не обременяли Моисея, но с их исчезновением все изменилось»⁶¹.

В зашифрованном тексте Вольфрама также фигурирует золотой телец — причем в таком контексте, что я просто ощутил, как автор преднамеренно использует этот образ для выражения идеи, которая еще в большей степени отождествляет Грааль с ковчегом:

«Там жил язычник по имени Флегетан (прочел я в 9-й главе «Парцифалья»), известный своими достижениями. Этот человек был потомком Соломона, чадом рода Израилева, восходящего к древним временам... Он писал о чудесах Грааля. Флегетан, поклонявшийся тельцу как богу, был язычником по отцу... [и] сумел определить для нас удаление и возвращение каждой планеты и время ее полного обращения по своей орбите. Все люди подвержены влиянию планет. Язычник Флегетан видел собственными глазами — и говорил об этом с благоговением — скрытые в созвездиях тайны. Он объявил, что имеется некая вещь, именуемая «Грааль», название которой он без особого труда прочитал по звездам. Ангелы оставили ее на земле, а затем поднялись выше звезд, словно присущая им невинность побудила их вернуться на небеса»⁶².

Важным в этом отрывке мне представляется то, что для объявления о *небесном* происхождении Грааля в повествование вводится некий Флегетан (с любопытной родословной, восходящей к Соломону и евреям-язычникам).

Почему это важно? Да просто потому, что в ряде самых серьезных научных исследований Библии утверждалось, что скрижали, хранившиеся в ковчеге Завета, были в

действительности двумя обломками *метеорита*⁶³. И это вовсе не какое-нибудь сугубо современное толкование, с которым не могли бы согласиться Моисей и жрецы-левиты — служители ковчега. Напротив, известно, что с древних времен семитские племена поклонялись камням, «упавшим с неба»⁶⁴.

Лучшим примером этого обычая, сохранившегося до наших дней, может служить особое почитание мусульманами священного «черного камня», встроенного в угол стены Каабы в Мекке. Каждый паломник, совершающий хадж в Святую землю, целует этот камень, который, по словам пророка Мухаммеда, *упал с неба* на землю и был изначально вручен Адаму для поглощения его грехов после изгнания из райского сада. Позже ангел Гавриил подарил его ветхозаветному патриарху Аврааму. В конце концов этот камень стал краеугольным камнем Каабы — «живого сердца» исламского мира⁶⁵.

Геологи не сомневаются в метеоритном происхождении «черного камня»⁶⁶. Также считается, что *пары* священных камней, которые назывались «*вефили*» и которые носили с собой доисламские арабские племена в своих странствиях по пустыне, были аэролитами. Признается, что существует прямая линия культурной передачи, связывающая эти *вефили* (которые часто хранились в переносных ковчегах) с «черным камнем» Каабы и со скрижалями Закона, хранившимися в ковчеге Завета⁶⁷.

Позже я обнаружил, что *вефили* были известны в средневековой Европе как *lapis betilis*. Это название

«...имело семитское происхождение, и позднее греки и римляне почитали их как священные камни, обладающие божественной жизнью, камни, наделенные душой; они играли роль во всевозможных суевериях, в колдовстве и предсказании будущего. Это были метеоритные камни, упавшие с неба»⁶⁸.

В таком контексте трудно представить, что Вольфрам лишь предавался игре воображения, когда указывал на метеоритное происхождение Грааля-камня. Он не только ввел специально для этого указания персонажа по имени Фле-

гетан, но и дал через несколько страниц странный вариант названия Грааля — «*Lapsit exillis*»⁶⁹. Я нашел несколько толкований истинного значения этого псевдолатинского названия⁷⁰, но наиболее достоверным представляется его происхождение от *lapis ex caelis* («камень с неба»), *lapsit ex caelis* («он упал с неба») или даже от *lapis, lapsus ex caelis* — «камень, упавший с неба»⁷¹. В то же время мне представляется, что исковерканные слова «*Lapsit exillis*» достаточно похожи на «*lapis betilis*», чтобы заподозрить немецкого поэта в преднамеренной (и характерным образом закодированной) игре слов.

Благословения, сверхъестественный свет и сила выбора

Совершенно иную область для сравнений предлагает неоднократно повторяющееся у Вольфрама описание Грааля как источника благодати и изобилия для соприкасавшихся с ним людей, чистых сердцем⁷². Приведу в качестве примера следующий отрывок из 5-й главы «Парцифалья»:

Грааль в своей великой силе
Мог дать, чего б вы ни просили,
Вмиг угостив вас (это было чудом!)
Любым горячим иль холодным блюдом,
Заморским или местным,
Известным исстари и неизвестным,
Любою птицей или дичью —
Предела нет его величью.
Ведь Грааль был воплощеньем совершенства
И приизбытком земного блаженства...⁷³

Мне это описание показалось весьма похожим на древний талмудический комментарий, в котором сказано:

«Когда Соломон доставил ковчег в Храм, все золотые деревья, имевшиеся в Храме, наполнились влагой и в изобилии дали плоды к великой выгоде и радости священников»⁷⁴...

Еще более тесное соответствие между ковчегом и Граалем обнаруживается в сверхъестественном *свечении*, свойственном, как говорят, обоим предметам. Святая святых Храма Соломона (где хранился ковчег до его таинственного исчезновения), согласно Библии, — место, в котором царил «мгла»⁷⁵. Талмудические источники, тем не менее, указывают: «Первосвященник Израиля входил и выходил *при свете, исходящем от Священного ковчега...*» Это было удобно; однако все изменилось, когда реликвия исчезла: с тех пор первосвященник «передвигался ощупью в темноте»⁷⁶.

Следовательно, ковчег был источником сверхъестественного света: он испускал ослепительные лучи, как то подтверждают многие места в Библии⁷⁷. Точно так же Грааль Кретьена (что, полагаю, Вольфрам воспринял с удовольствием, поскольку это дало ему часть образности, связанную с сосудом, которую он дополнил затем образом камня) излучал свечение, «столь яркое... что свечи померкли, как звезды блекнут при восходе солнца и луны»⁷⁸.

Кроме того, Грааль Кретьена был изготовлен из «чистого золота»⁷⁹, в то время как ковчег был обложен «чистым золотом внутри и снаружи»⁸⁰ и покрыт крышкой также «из чистого золота»⁸¹. Но свою способность излучать свет ковчег и Грааль получали не от этого драгоценного металла. Скорее, она была связана с тем, что обе реликвии были насыщены огненной небесной энергией. И именно эта энергия (излучаемая скрижалями после того, как на них рукою Бога были записаны десять заповедей) озарила лицо Моисея внушающим суеверный страх сверхъестественным светом, когда он спустился с горы Синай:

«Когда сходил Моисей с горы Синая, и две скрижали откровения были в руке у Моисея при сошествии его с горы, то Моисей не знал, что лице его стало сиять лучами... И увидел Моисей Аарон и все сыны Израилевы, и вот, лице его сияет, и боялись подойти к нему»⁸².

На мой взгляд, нельзя считать простым совпадением то, что Грааль-камень Вольфрама при первом его упоминании

в «Парсифале» несл в руках некая Репанс де Шой, лицо которой «излучало такое сияние, что все вообразили, будто встает солнце»⁸³.

Герой с небесным предназначением

Репанс де Шой была «принцессой»⁸⁴ и обладала «совершенной непорочностью»⁸⁵. Но самое важное заключалось в том, что Грааль *избрал* ее. «Ту, которой Грааль позволил нести себя, — объясняет Вольфрам, — звали Репанс де Шой... Только ей дозволял Грааль нести себя, и никому иному»⁸⁶.

Подобные фразы наводят на мысль, что реликвия обладала чем-то вроде сознания. С этим было связано и другое качество: «Ни один человек не может завоевать Грааль, — утверждает Вольфрам в 9-й главе «Парцифалья», — кроме того, кому это предназначено небом»⁸⁷. Эта мысль особо подчеркивается в 15-й главе: «Ни один человек не мог завоевать Грааль силой, кроме того, который призван к этому Богом»⁸⁸.

Эти два представления — что Грааль обладает способностью выбора и что он являлся наградой, на которую могли рассчитывать только «избранники неба», — имели величайшее значение в вольфрамовской концепции. Более того, я пришел к выводу, что прецеденты обоих представлений заложены в библейских описаниях ковчега Завета. В Книге Чисел (10:33), например, ковчег *выбирает* маршрут, которым предстояло следовать по пустыне сынам Израилевым, и место, где им следовало остановиться. А в I Книге Паралипоменон дается указание на определенных «избранных небом» людей для несения ковчега:

«...Никто не должен носить ковчега Божия, кроме левитов, потому что их избрал Господь на то, чтобы носить ковчег Божий и служить Ему во веки»⁸⁹.

Но наиболее тесные соответствия между ковчегом Завета и Граалем Вольфрама, наделенным сознанием и руководствующимся небесным избранничеством, я нашел не в Библии, а в «Кебра Нагаст», где излагается история доставки

ковчега в Эфиопию. В авторитетном английском переводе сэра Э.А. Уоллиса Баджа⁹⁰ я обнаружил фрагмент, где священная реликвия описывается едва ли не как особа женского пола (которая, как и всякая леди, запросто может передумать):

«Что же до слов твоих о путешествии ковчега Завета в их город, в страну Эфиопскую, то, если Бог пожелал того и она сама пожелала того, никто не смог бы воспрепятствовать ей; ибо по своей воле она пошла и по своей воле вернется, если того пожелает Бог»⁹¹.

Затем я заметил указания на то, что реликвия якобы обладает разумом и что честь ее хранения означала небесное предназначение:

«Ковчег идет по воле своей, куда пожелает, и нельзя его забрать с места его, если он не того пожелает»⁹².

«Без воли Бога ковчег Божий не остановится ни в каком месте»⁹³.

«Но избраны Господом люди Эфиопии. Ибо там есть обиталище Бога — *небесный СИОН*⁹⁴, *ковчег Его Завета*»⁹⁵.

Не менее важны и найденные мною в 60-й главе «Кебра Нагаст» долгие сетования Соломона, узнавшего о том, что его сын Менелик похитил ковчег из святого святого Иерусалимского храма. В минуту горчайшей печали Соломону явился ангел и спросил:

«Почему ты так печален? Это случилось по воле Бога. Ковчег... был отдан... твоему первенцу...» И царь был успокоен этими словами и сказал: «Да исполнится воля Бога, а не воля человека»⁹⁶.

Не именно ли это, задался я вопросом, имел в виду Вольфрам, когда написал: «Ни один человек не мог завоевать Грааль силой, кроме того, который призван к этому Богом»? Иными словами, если Грааль действительно был криптограммой ковчега, то не сам ли Менелик послужил немецкому поэту прототипом «небом назначенного» героя?

В поисках ответа на этот вопрос я еще раз перечитал «Парцифалья». Но я искал не свидетельства литературного влияния «Кебра Нагаст», как то сделала Хелен Адольф, а некие четкие ключи, спрятанные в тексте и указывавшие на Эфиопию. Я хотел знать, есть ли хоть что-то, что позволяло бы отождествить Эфиопию с той самой загадочной *Terre Salvaesche*⁹⁷ Вольфрама — страной Грааля и, следовательно, страной ковчега.

КАРТА КЛАДА

Чтение «Парцифалья» весной и летом 1989 года навело меня на мысль об одной поразительной возможности: чаша Грааля могла быть изобретена в качестве сложного символа ковчега Завета. Это привело меня к еще одной гипотезе, а именно: за «избранником неба» Вольфрама фон Эшенбаха могла скрываться другая фигура, которая, будучи узнанной, укажет путь к тайне местонахождения ковчега, — фигура, реальную личность которой поэт скрыл под слоями загадочных и порой преднамеренно вводящих в заблуждение деталей. Такой фигурой, заподозрил я, мог быть не кто иной, как сын царицы Савской и царя Соломона Менелик I, который, согласно абиссинским легендам, доставил ковчег Завета в Эфиопию. Если в этих рассуждениях есть рациональное звено, считал я, тогда есть и надежда найти скрытые в «Парцифале» дополнительные ключи, часто затемненные ложными следами, разбросанные по отдельным главам и нарочито туманные и двусмысленные, но все же способные послужить подтверждением эфиопского «следа» при условии, если их собрать вместе и докопаться до их смысла.

Черное дерево и слоновая кость

Первые из таких ключей я уже обнаружил в главе «Парцифалья», в которой говорится о далекой земле Зазаманке, где обитают чернолицыцы «мавры»¹. В эту землю прибыл странствующий европейский рыцарь Гамурет, «дитя анжуйских королей»², и влюбился там в королеву Белакану³.

В имени «Белакана» я не мог не увидеть отражение «Македы» — эфиопского имени царицы Савской, которое я узнал, когда в 1983 году посетил Аксум. Я также знал, что ту же царицу мусульмане называли «Билкис»⁴. Поскольку я к тому времени уже близко познакомился с пристрастием Вольфрама к неологизмам и с его склонностью изобретать новые и причудливые имена на основе старых имен, мне показалось опрометчивым полностью отвергать возможность того, что «Белакана» могла представлять собой сочетание слов «Билкис» и «Македа», — и вдвойне опрометчивым ввиду того, что поэт называл ее «черной королевой»⁵.

Когда я пристальнее вчитался в историю любовной связи Белаканы и Гамурета, подробно описанной в первой главе «Парцифалья», то обнаружил новые отражения истории о царе Соломоне и царице Савской в «Кебра Нагаст», а также в других, отличающихся меньшими вариациями эфиопских легендах. В этой связи я посчитал неслучайным, что Вольфрам постарался ясно показать, что Гамурет, подобно Соломону, был белым, а Белакана, подобно Македе, — черной.

Например, после прибытия «светлокудрого» анжуйского рыцаря⁶ в Зазаманку Белакана говорит своим служанкам: «Его кожа отличается цветом от нашей. Я только надеюсь, что это его не расстраивает»⁷. Его это не очень расстраивало, ибо в последующие недели их роман расцвел пышным цветом, и в конце концов парочка уединилась в дворцовых покоех:

Она сняла с него доспехи,
Придворных дам отправив прочь..
Любви высокие утечи
Герой познает в эту ночь.
Покрыто соболями ложе,
Струится лунный свет в окно.
Что значит разность цвета кожи,
Когда сердца слились в одно?⁸

Влюбленные поженились. Поскольку Белакана была некрещеной язычницей, а Гамурет — христианином и его ожидало еще много рыцарских подвигов, он бежал из Заза-

манки, когда королева «уже была недель двенадцать тяжелой»⁹, оставив ей только следующее письмо:

Охвачен болью нестерпимой,
Пишу тебе, моей любимой.
Я от тебя бежал, как вор,
Украд последний твой укор.
Вина моя не знает меры.
Ах, будь с тобой одной мы веры,
Не совершил бы я побег
И вместе были б мы навек.
Но та, что правит Зазаманкой,
Увы, не стала христианкой,
И я с тобою расстаюсь
И Богу за тебя молюсь¹⁰.

Прошло много времени, а Гамурет все страдал от раскаяния, ибо «черная дама была ему дороже жизни»¹¹. Позже он заявит:

Опутан ложью окаянной,
Я о себе самом узнал,
Что, обвенчавшись с Белаканой,
От черноты ее бежал!
Словами гнусного навета
Я насмерть ранен неспроста:
Светлее солнечного света
Была мне эта чернота!¹²

Но оставим до поры до времени Белакану и Гамурета и обратимся к их ребенку:

От Гамурета с Белаканой
На свет явился мальчик странный:
Он — видно, Бог того хотел —
Был столь же черен, как и бел,
Пятнистой наделенный кожей,
На мать и на отца похожий.
И, белые целуя пятна
На теле сына своего,
Она звала, звала того,
Кто не вернулся к ней обратно...

...Его прозвали Лесорубом:
 Являя в битвах чудеса,
 Он копий целые леса
 Ломал на рыцарских турнирах.
 Щиты и латы были в дырах
 У тех, кто смел сражаться с ним...
 Да, в битвах был неукротим
 Сей Лесоруб, сей рыцарь смелый,
 Под стать сорокам черно-белый
 (И белолиц и чернолиц),
 Отважный воин Фейрефиц¹³.

Вольфрам не мог бы найти более яркого способа подчеркнуть, что Фейрефиц был полукровкой — плодом союза черной женщины и белого мужчины. Этот полукровка Фейрефиц призван был сыграть главную роль в «Парцифале». Его отец, любвеобильный Гамурет, вернулся в Европу после бегства от Белаканы и сочетался браком с другой царицей — некой Герцелойдой, приложив усилия к тому, чтобы она побыстрее забеременела. Вскоре он оставил и ее, отправившись на поиски новых приключений, покрыл себя неувядаемой славой в ряде битв и в конце концов погиб. А что же Герцелойда?

...дней четырнадцать спустя
 Необычайное дитя
 Она рождает в страшной муке.
 Сын крепконогий, большерукий,
 Богатырям иным под стать,
 Красавец княжеской породы,
 Едва не свел в могилу мать.
 Ужасны были эти роды...¹⁴

Этот сын, единокровный брат Фейрефица, и стал Парцифалем — героем, давшим свое имя истории Вольфрама¹⁵.

В «Кебра Нагаст» и других имеющих отношение к делу эфиопских легендах я нашел многочисленные параллели сложных взаимоотношений Гамурета, Белаканы, Фейрефица, Парцифала и т.д. Эти параллели часто носили косвен-

ный характер. Тем не менее я уже ожидал поразительных намеков от Вольфрама и обретал все большую уверенность в том, что он выстраивал цепочку следов, которые сквозь расставленные ловушки и лабиринты приведут меня в конце концов в Эфиопию.

Постоянные указания на контраст черноты и белизны Белаканы и Гамурета были недвусмысленными с самого начала «Парцифаля». В «Кебра Нагаст» речь идет о схожей паре влюбленных — о царе Соломоне и царице Савской. Подобно Гамурету и Белакане они уединились в спальне¹⁶. Как и в истории Гамурета и Белаканы, один из влюбленных (на сей раз Македа) покинул другого и отправился в долгое путешествие¹⁷.

Как и в истории Гамурета и Белаканы, плодом их союза стал сын-полукровка — в данном случае Менелик¹⁸. Раз за разом в «Кебра Нагаст» подчеркивается тот же контраст черного и белого. Например, Соломон выслушивает упреки за похищение Менеликом ковчега в следующих выражениях:

«Твой сын умыкнул ковчег Завета, твой сын, которого ты породил, которого зачала из чужого народа, с той, на которой Бог не велел тебе жениться, от эфиопской женщины, что была не твоего цвета, не из твоей страны и к тому же черная»¹⁹.

Кроме того, что Менелик и Фейрефиц были полукровками, между ними имелись и дополнительные параллели. Среди прочего вызывает интерес само имя «Фейрефиц». К какому языку оно принадлежит и что оно могло бы значить? Я проверил и обнаружил, что у литературных критиков имелись устоявшиеся представления на этот счет. Большинство склонно видеть в странно звучащем имени типичный неологизм Вольфрама, основанный на французских словах *vair fils*, означающих буквально «пегий сын»²⁰. Последователи другой школы не менее убедительно производят его от слов *vrai fils* — «истинный сын»²¹.

В «Кебра Нагаст» я не смог найти сравнения, прямо отражающего этимологию (хотя в главе 36 Соломон объявля-

ет, когда ему представляют Менелика в первый раз: «Смотрите все, вот мой сын»)»²². В несколько отличном, но столь же древнем эфиопском варианте той же легенды (переведенном на английский в 1904 году профессором Эрно Литманом из Принстонского университета) о встрече Соломона и Менелика я нашел такое место:

Менелик тут же подошел к нему и взял его руку, дабы поприветствовать его. И тогда Соломон изрек: «Ты мой истинный сын!»²³

Иными словами, *vrai fils!*

Хитрые приемы

Подобные совпадения все больше утверждали меня в мысли, что Вольфрам в самом деле связал своего Фейрефица с Менеликом. Почему он так поступил? Не потому же, рассуждал я, что он находился под влиянием «Кебра Нагаст» (как еще в 40-х годах предположила Хелен Адольф²⁴), а, скорее, потому, что он знал о последнем пристанище ковчега Завета в Эфиопии и решил зашифровать это знание в «Парцифале»; таким образом последний стал литературной «картой клада», где Грааль представляет собой косвенное обозначение ковчега Завета.

Вольфрам любил изобретательные трюки — своеобразные словесные фокусы, столь же загадочные, сколь и развлекательные. Я, однако, чувствовал, что начинаю проникать во многие из его обманов и распознавать ловушки, которые он так часто расставляет на пути читателей, дабы отвлечь их от тайны, скрытой в центре его повествования. Поэтому я совершенно спокойно принял тот факт, что не Фейрефиц занимался поисками Грааля и не Фейрефиц удостоился чести найти бесценную реликвию. Иначе намек был бы слишком прямым и очевидным. Кроме того, Вольфрам не мог позволить язычнику, полукровному сыну черной царицы, стать героем рыцарского романа, написанного для развлечения христиан средневековой Европы.

В свете этого, решил я, хитроумный немецкий поэт и позволил не Фейрефицу, а именно белому и прекрасному Парцифалю добраться до *несуществующего* Грааля — единственного предмета, который должен был по-настоящему заинтересовать большинство читателей. Но для немногих посвященных именно *истинный сын* Фейрефиц должен был указать путь к ковчегу.

Однако я понимал, что мне понадобятся более серьезные доводы в пользу моей гипотезы, нежели ряд простых совпадений, какими бы интригующими они ни были. Поэтому я взялся за головоломную задачу еще раз «прочесать» всего «Парцифалья» в поисках весомых аргументов.

В конце концов я нашел то, что искал. По предыдущему прочтению я помнил, что Фейрефиц женится на Репанс де Шой²⁵ — чистой и прекрасной носительнице Грааля, которая на протяжении всей истории то появляется, то исчезает, окутанная аурой святости и силы. На этот раз я наткнулся на весьма значимую подробность, содержащуюся в одной строке, на которую я раньше не обратил внимания: в финале истории Вольфрама сын Фейрефица и Репанс де Шой получил имя небезызвестного «пресвитера Иоанна»²⁶.

Мне сразу же стало ясно, что это — важнейшая подсказка. Я знал, что первые посетившие Эфиопию европейцы именовали местных монархов именно этим титулом — «пресвитер Иоанн»²⁷. Я также знал, что легендарным основателем самозваной «Соломоновой» династии, к которой принадлежали эти монархи, был Менелик I, предполагаемый сын Соломона и царицы Савской. Поэтому я не мог не взволноваться, прочитав, что Репанс де Шой родила Фейрефицу «сына по имени Ионн» и — что еще важнее:

Он людям из восточных стран
Известен как «монах Иоанн».
От монаха Иоанна пошли
Все христиане-короли,
Что правят на Востоке...²⁸.

Было бы прекрасно, если бы в тот момент я смог доказать, что страна Грааля — *Terre Salvaesche*, Дикая земля, — и была страной, которой правил пресвитер Иоанн. Такая прямая связь заметно подкрепила бы по крайней мере мою теорию «карты клада» в применении к труду Вольфрама. К сожалению, в «Парцифале» не было ни малейшего подтверждения этой точки зрения: местонахождение Дикой земли описывалось в самых смутных и неопределенных выражениях, и не было даже намек на то, что ею правил пресвитер Иоанн.

Я был уже готов признать, что зашел в весьма малопривлекательный тупик, когда обнаружил, что существует еще одна средневековая немецкая эпическая поэма, в которой пресвитер Иоанн становится-таки хранителем Грааля. Эта поэма под названием «Der Jungerer Titurel» («Младший Титурель») была написана в настолько похожем на «Парцифаль» стиле, что ученые уже с XIII века приписывали ее самому Вольфраму²⁹. Сравнительно недавно, однако, выяснилось, что она принадлежит перу более позднего автора. Как полагают, это некий Альбрехт фон Шарфенберг, написавший «Младшего Титуреля» между 1270 и 1275 годами (примерно через полстолетия после смерти Вольфрама) и *взавший за основу ранее неизвестные отрывки книги Вольфрама*³⁰. Альбрехт так тесно отождествлялся со «своим учителем»³¹, что даже назвался Вольфрамом, «не только взяв его имя и тему, но и заимствовав особенности его повествования и даже подробности его собственной биографии»³².

Я знал, что в средневековой литературе существует такая традиция: более поздние авторы нередко дополняли и завершали работы своих предшественников. «Парцифаль» Вольфрама и сам заимствован из оригинальной истории Кретьена де Труа о Граале. Теперь же оказывалось, что завершил эту историю третий поэт — Альбрехт, и в этом завершении Грааль обрел свое последнее пристанище.

Этим пристанищем, как четко указывается в «Младшем Титуреле», стало царство пресвитера Иоанна³³. Мне показалось весьма примечательным то, что подобное утверждение имеется в посвященной Граалю литературе и, еще важнее,

оно было сделано учеником Вольфрама, явно имевшим доступ к его заметкам и наброскам. Это, по моему мнению, могло являться одним из тех хитрых приемов, к которым «учитель» прибег, дабы не обнародовать слишком открыто свой эфиопский секрет в «Парцифале» и в то же время гарантировать передачу этого секрета грядущим поколениям.

Быть может, этот вывод был надуманным, быть может, нет. Однако он побудил меня принять всерьез беглое упоминание Вольфрамом о пресвитере Иоанне и продолжать весьма утомительное, но в конечном итоге плодотворное исследование.

Его целью был поиск ответа на один-единственный вопрос: мог ли Вольфрам иметь в виду *эфиопского* монарха, упомянув о пресвитере Иоанне?

На первый взгляд ответ должен был быть отрицательным: в самом деле, Вольфрам прямо утверждает, что пресвитер Иоанн родился в «Индии»³⁴ — стране, которой якобы правил Фейрефиц и в которую он с Репанс де Шой вернулся после приключений, описанных в «Парцифале».

Картина осложняется дальнейшим указанием на то, что «Индия» была также известна как «Трибалибот» («Здесь мы называем ее Индией, а там это Трибалибот»³⁵). Выше в тексте я нашел места, в которых Фейрефица называли «владыкой страны Трибалибот»³⁶, что звучало достаточно достоверно, поскольку я уже знал, что его сын, «пресвитер Иоанн», впоследствии сменил его на троне Трибалибот-Индии. Но я не забывал и о том, что сам Фейрефиц был сыном Белаканы — королевы «Зазаманки». Поэтому и не удивился, узнав, что Вольфрам также называл Фейрефица «королем Зазаманки»³⁷.

Единственный разумный вывод из подобной мешанины экзотических титулов и названий состоял в том, что «Зазаманка», «Трибалибот» и «Индия» были на деле одним и тем же местом. Но могла ли это быть Эфиопия? Не разумнее ли было предположить, что Вольфрам имел в виду Индостан, тем более что он напрямую называет здесь Индию?

Я решил исследовать реальную, историческую родословную «пресвитера Иоанна» в надежде на то, что она прольет дополнительный свет на проблему.

Реальный царь

Имя «пресвитер Иоанн», как обнаружил я, не было известно до XII века, до тех пор, пока европейские крестоносцы не заняли Священный город Иерусалим на длительный период, на целых восемьдесят с лишним лет (в конце концов, в 1187 году, они были изгнаны сарацинами). Историки полагают, что первое упоминание пресвитера Иоанна относится примерно к середине указанного периода — к 1145 году, и встречается оно в «Хронике» епископа Оттона Фрейзингенского. Ссылаясь на сведения, полученные от сирийского священника, епископ пишет о некоем «Иоанне — царе и священнослужителе [*res et sacerdos*]», христианине, жившем на «крайнем Востоке», где он повелевал огромными армиями, которые якобы желал прислать в помощь защитникам Иерусалима. Этот «пресвитер Иоанн — он сам желал, чтобы его так называли», был очень богат; его скипетр был вырезан из цельного изумруда³⁸.

Позже, уже в 1165 году по Европе ходило письмо, якобы написанное самим пресвитером Иоанном и адресованное «ряду христианских царей, в частности, византийскому императору Мануилу и римскому императору Фридриху»³⁹. Полное самых нелепых, прямо-таки фантастических пассажей, это многословное послание утверждало, среди прочего, что царство пресвитера разделено на четыре части, «ибо именно столько существует Индий»⁴⁰.

Следующий эпизод относится к 1177 году, когда папа Александр III направил (из Венеции) письмо своему «дражайшему сыну во Христе Иоанну, просвещенному и великолепному царю индийцев»⁴¹. Хотя папа считал, что он отвечает автору письма 1165 года, он дает ясно понять, что получил информацию о «пресвитере» из другого источника. Например, он говорит о своем личном враче — «лекаре Филиппе», с которым в Иерусалиме якобы сблизилась

эmissары пресвитера. Примечательно, что эти эmissары, названные «достопочтенными лицами от монаршего двора», выразили желание своего правителя получить в подарок нечто, что даже не было упомянуто в письме 1165 года, — придел в церкви Гроба Господня в Иерусалиме⁴². Отвечая на эту просьбу, папа отмечает:

«Чем благороднее и великодушнее ты поведешь себя и чем меньше будешь похваляться своим богатством и властью, тем с большей готовностью мы рассмотрим твоё желание получить [придел] в церкви Гроба Господня в Иерусалиме»⁴³.

В указанных документах 12-го столетия многое озадачивало. Из них с очевидностью явствовало только одно: пресвитер Иоанн в своих ранних воплощениях был явно связан с «Индией». Копнув глубже, я смог удостовериться, что так оно и было: раз за разом царство «Пресвитера» называлось «Индией» или — еще свободнее — «Индиями».

Тем не менее было совершенно очевидно, что ни один из средневековых правителей не имел ни малейшего представления о точном местонахождении этой Индии или Индий. Не менее ясно было и другое: когда они говорили об Индии, они редко имели в виду сам полуостров Индостан. Большинство упоминаний явно связывалось с каким-то другим местом, может быть, в Африке или где-то еще, хотя, похоже, никто не знал, где именно.

По мере углубления в предмет, я начал понимать возможные причины всей этой неопределенности: на протяжении тысячелетия с лишним до самого первого упоминания Пресвитера Иоанна существовала большая терминологическая путаница, при которой «Индия» часто путалась с «Эфиопией». В самом деле, с I века до н.э. (когда Вергилий писал о Ниле, берущем истоки в «Индии») и по крайней мере до Марко Поло, когда все страны на берегах Индийского океана все еще назывались «Индиями»⁴⁴, термины «Эфиопия» и «Индия» явно использовались как взаимозаменяемые.

Классическим примером могут служить труды Руфиния, византийского теолога IV века, описавшего обращение Эфиопии в христианство, о чем я читал в 1983 году⁴⁵. Под-

робности этого важного трактата (в том числе такие географические названия, как Аксум, и такие известные истории личности, как Фрументий и царь Эзана) развеяли все сомнения относительно того, что Руфиний действительно говорил об Эфиопии, хотя постоянно называл ее «Индией»⁴⁶.

Это происходило, как объяснил один историк, потому, что «первые географы всегда рассматривали Эфиопию как западную часть великой индийской империи»⁴⁷. Больше того, та же географическая ошибка в сочетании с любопытными письмами, ходившими в XII веке, помогла, похоже, создать впечатление, что пресвитер Иоанн был азиатским, то есть именно индийским царем.

Это впечатление, хоть и ошибочное, было столь устойчивым, что сохранялось еще довольно долго после того, как «пресвитер» перестал быть мифической фигурой, а его владения были локализованы с определенностью на Африканском Роге. В конце XIII века, например, Марко Поло пролил некоторый свет на общепринятую «мудрость» своего времени, написав, что «Абиссиния — это большая провинция, именуемая средней или второй Индией. Этой страной правит христианин»⁴⁸. Точно так же в XIV веке флорентийский путешественник Симоне Сиголи все еще писал о «Престо Джованни» как о монархе, обитавшем в Индии: его «Индией» оказалась земля, которая граничила с владениями египетского султана, а царя этой страны описывали как «хозяина Нила»: считалось, что он мог управлять течением Нила на территории Египта⁴⁹. Еще позже, когда в XVI веке в Эфиопию отправилась первая официальная португальская миссия, ее члены надеялись познакомиться с «Пресвитером Иоанном Индийским». Официальный отчет об этой миссии был написан монахом *Франсиску Алваришом*, который высадился в порту Массауа на берегу Красного моря в апреле 1520 года и затем провел шесть лет в путешествии по Эфиопии. Несмотря на этот физически изнурительный тур по части Африканского материка, название его отчета продолжало отражать старую терминологическую путаницу: «Достоверная информация о странах пресвитера Иоанна Индийского»⁵⁰.

В своем высокоученном и весьма содержательном труде Алвариш постоянно называет императора Эфиопии «Пресвитером» или «Пресвитером Иоанном»⁵¹. Я также установил, что и гораздо раньше, в 1352 году, францисканец Джованни де Мариньолли, папский посол в Азии, писал в своей «Хронике» об «Эфиопии, в которой живут негры и которую называют землей Пресвитера Иоанна»⁵². Схожим образом в 1328 году брат Иордан Каталанский называл императора Эфиопии «*quem vos vocatis Prestre Johan*»⁵³. Позже, уже в 1459 году, составленная братом Мауро знаменитая карта известного в то время мира отмечала крупный город в границах нынешней Эфиопии подписью: «*Qui il Preste Janni fa residentia principal*»⁵⁴.

Рассматривая все эти противоречивые документы, я был буквально ошеломлен: иногда пресвитер Иоанн недвусмысленно связывался с Эфиопией; в других случаях его местонахождение устанавливали в Эфиопии, но говорили о нем как о правителе «Индий»; порой же его помещали в самой Индии или где-то еще дальше на востоке. При всей этой путанице, похоже, существовал реальный пресвитер Иоанн, герой всей этой мифологии, который, несомненно, должен был быть правителем Эфиопии — единственного христианского царства, существовавшего за пределами Европы в Средние века, и потому единственно возможной страны, которую Вольфрам мог называть «Индией», управляемой «Пресвитером Иоанном» — христианином и сыном Фейре-фица и Репанс де Шой.

В поисках окончательного, как я надеялся, подтверждения я обратился к Британской энциклопедии, в которой говорилось:

«Вполне вероятно, что с очень давних времен имя «пресвитер Иоанн» приписывалось именно абиссинскому царю, хотя какое-то время такое отождествление затруднялось преобладавшим влиянием азиатской версии. В основе двойной локализации, несомненно, лежало смешение Эфиопии с Индией, восходившее ко временам Вергилия или, возможно, к еще более древнему периоду»⁵⁵.

Мне показалось примечательным то, что статья в энциклопедии заканчивалась ссылкой на обмен письмами между папой и пресвитером Иоанном, состоявшийся, как отмечалось выше, во второй половине XII века:

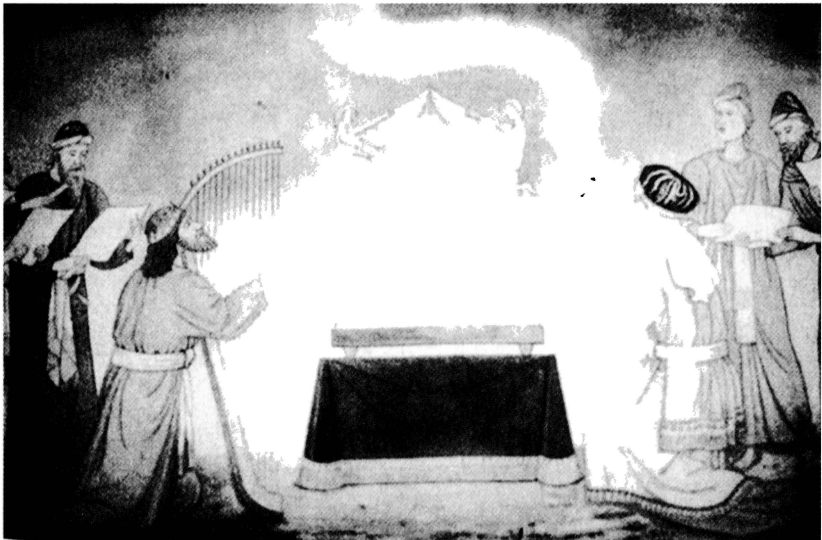
«Каким бы смутным ни было представление папы Александра III относительно географического положения властелина, которому он писал из Венеции в 1177 году, единственным реальным адресатом письма мог быть только царь Абиссинии. Следует заметить, что «досточтимые лица от монаршего двора», с которыми познакомился на востоке лекарь Филипп, должны были быть представителями некой реальной власти, а не какого-то фантома. Должен был существовать реальный царь, который заявлял во всеулышание о желании получить в пользование придел в Иерусалиме. Более того, нам известно, что эфиопская церковь долгое время владела часовней и алтарем в церкви Гроба Господня»⁵⁶.

Это действительно так. На деле, как я вскоре узнал, часовня и алтарь первоначально были переданы Эфиопии в 1189 году, но не папой (который к тому времени утратил возможность оказывать подобные милости), а мусульманским полководцем Саладином, который в 1187 году отобрал Иерусалим у крестоносцев. И самое важное заключалось в следующем: Эфиопская православная церковь получила особые привилегии служения при церкви Гроба Господня благодаря тому, что к Саладину напрямую обратился не кто иной, как сам царь Эфиопии⁵⁷.

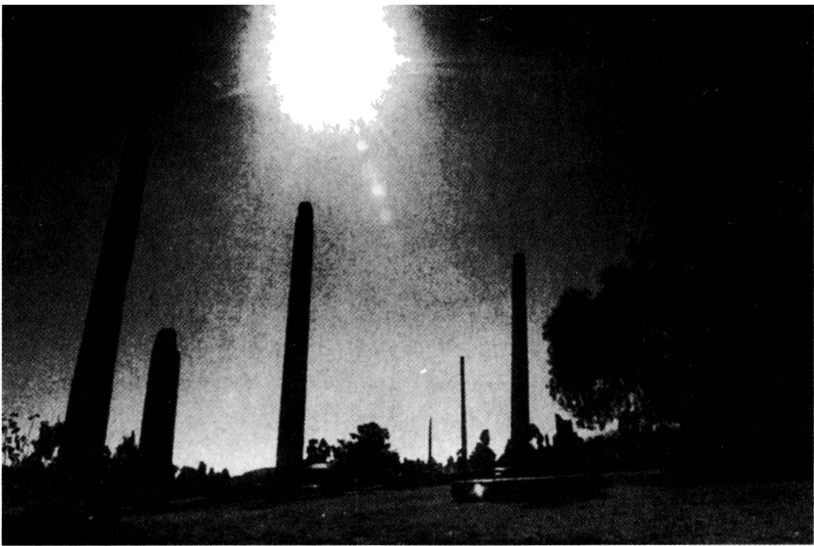
Эти события имели место всего за десятилетие до того, как неизвестные каменщики оставили в северной Франции загадочные изображения Грааля, ковчега Завета и эфиопской царицы Савской на северном портале Шартрского собора, и также лишь за десятилетие до того, как Вольфрам фон Эшенбах начал писать своего «Парцифалья». Мне представлялось маловероятным, что подобные совпадения были просто совпадениями. Напротив, я теперь чувствовал, что у меня набралось уже достаточно косвенных свидетельств в пользу моей гипотезы о том, что скульптуры Шартра и замечательная эпическая поэма Вольфрама явно были задуманы как «карты кладов» для посвященных. И хотя клад на

1. Царь Соломон и царица Савская — иконография Эфиопской православной церкви. Согласно преданию, их сын похитил ковчег Завета из Иерусалимского храма и перевез в Эфиопию.

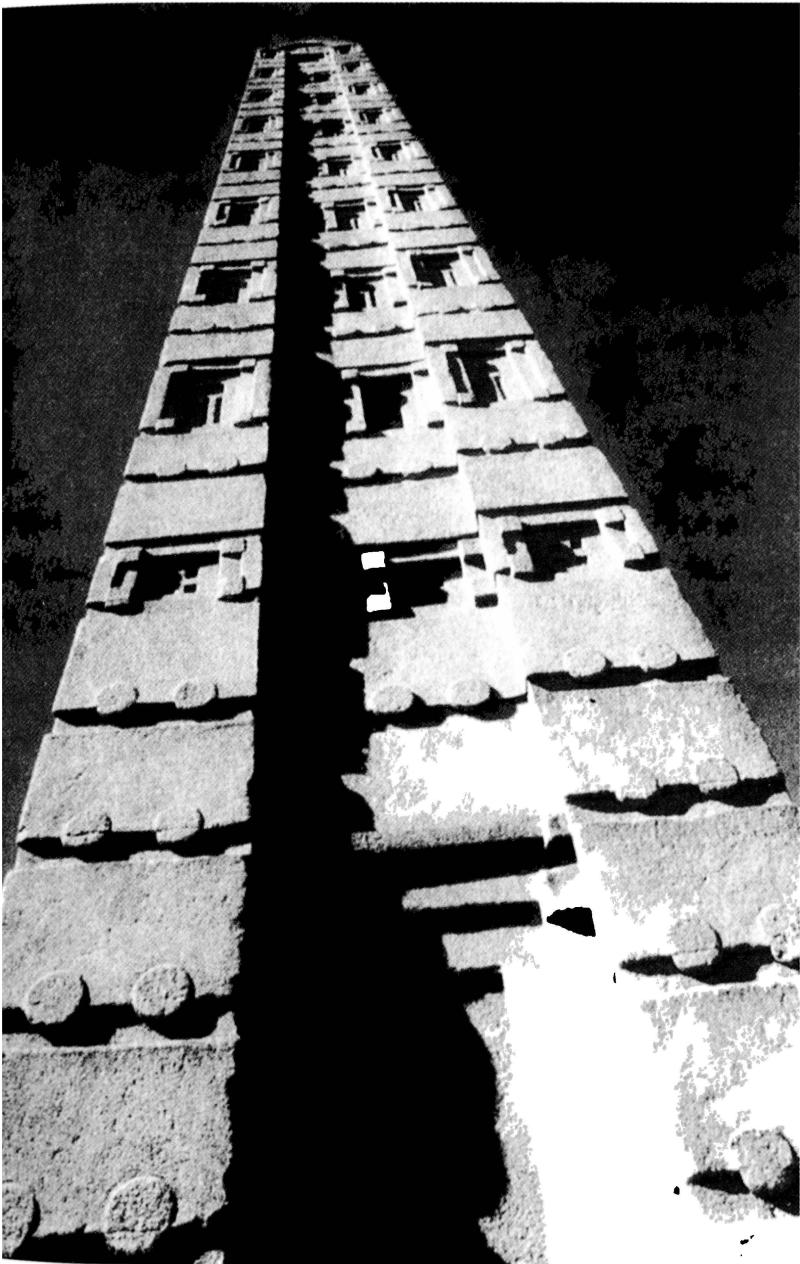
2. Поклонение ковчегу Завета в ветхозаветные времена (фреска из Израиля). Почитавшийся как знак и залог присутствия Божьего на земле, ковчег был самой священной реликвией раннего иудаизма.

3. Основная группа стел в Аксуме.

4. Фрагмент упавшей стелы. Весом около 500 тонн и высотой более 30 метров, эта стела являлась самым крупным цельным куском камня из всех, что когда-либо были добыты в древних каменоломнях.

Согласно аксумским преданиям, эта стела была установлена помощью ковчега Завета. Ее высота — более 20 метров, вес — около 300 тонн.

6. *Вверху слева:* эфиопский портрет покойного императора Хайле Селассие, свергнутого в 1974 году.

7. *Вверху:* повстанческий плакат с изображением зверств президента Менгисту, преемника императора.

8. *Внизу справа:* произведения традиционного искусства фалаша: любовные сцены с царем Соломоном и царицей Савской. Хайле Селассие считал себя 225-м прямым потомком от этого союза.

9. *Внизу слева:* рыночная торговка фалаша.

10. Христианский священник охраняет вход в Святая Святых в одной из островных церквей на озере Тана.

11. Шартрский собор, Франция. Один из старейших и самых красивых шедевров готической архитектуры, внезапным и необъяснимым образом расцветшей в XII веке н. э.

12. Статуя Мелхиседека, древнеизраильского царя-священника, украшающая северный портал собора в Шартре. Согласно некоторым предположениям, чапа в его руке — это Святой Грааль, а предмет в ней — мистический камень.

13. Царица Савская (*в центре*) с эфиопским невольником у ног. Северный портал собора в Шартре.

14. Композиция на северном портале Шартрского собора: погрузка ковчега Завета на повозку.

15. Фрагмент загадочной надписи под композицией с ковчегом.

них не отмечен крестом, мало сомнений в том, что все они указывают на Эфиопию — землю пресвитера Иоанна, страну, которая предоставила последнее пристанище вымышленному Граалю, и, следовательно (если моя теория верна), страну, в которой может быть найден ковчег Завета — реальный предмет, символизируемый Граалем.

Но теперь возникли новые вопросы.

- Каким образом в конце XII века информация о хранении ковчега в Эфиопии могла дойти до немецкого поэта и группы французских скульпторов?
- Что объединяло того и других? Они просто *должны* были быть связаны каким-то образом, раз и тот, и другие стали авторами произведений искусства, в которых было закодировано одно и то же послание.
- И, наконец, почему кто-то рассказал о тайне местопребывания ковчега в поэме и скульптурах? Я уже пришел к выводу, что это было сделано, дабы обеспечить передачу секрета грядущим поколениям. Но в то же время шифр, особенно использованный Вольфрамом, было исключительно трудно разгадать. Мне самому при использовании современных средств исследования, удалось продвинуться относительно далеко только потому, что я побывал в Аксуме и тем самым был предрасположен признать, что ковчег может находиться в Эфиопии. В XII и XIII веках никто не имел подобного преимущества. Отсюда вытекает, что закодированное послание Парцифалья никак не могло быть расшифровано в Средние века — если только не было людей, имевших доступ к весьма специфической и конфиденциальной информации. Поскольку нет смысла разрабатывать код, который никто не смог бы разгадать, мне показалось логичным предположить, что такие люди существовали. Но кто это мог быть?

И я нашел-таки одну группу европейцев, вполне подходящих под указанные условия. Будучи частью оккупационной армии крестоносцев, они сохранили массовое присут-

ствии в Иерусалиме в XII веке: они находились там в 1145 году, когда впервые получили хождение легенды о Пресвитере Иоанне, и все еще оставались там в 1177 году, когда посланцы царя Эфиопии посетили Священный город, дабы заполучить алтарь в церкви Гроба Господня. Таким образом, вполне вероятен прямой контакт эфиопов и членов европейской группы.

Занимающая нас группа была в высшей степени скрытной и регулярно пользовалась кодами и шифрами в своих обширных международных связях. Мало того, эта же группа была связана с развитием и распространением в Европе готической архитектуры (особенно с архитектурой и иконографией Шартрского собора). И, наконец, самое важное: Вольфрам фон Эшенбах несколько раз *упоминал* эту группу, используя название, с которым я столкнулся, рассматривая чашу Грааля, которую скульпторы северного портала Шартрского собора поместили в левую руку внушительной статуи царя-жреца Мельхиседека⁵⁸ (кстати, практически *единственное* изображение Мельхиседека во всей средневековой Европе⁵⁹).

Так как же называлась эта необычно влиятельная, мощная и много путешествовавшая группа?

Ее полное официальное название было «Бедные рыцари Христа и храма Соломона»⁶⁰, но ее члены были больше известны как тамплиеры, или рыцари-храмовники. В основе своей это был духовный орден или орден воинствующих монахов, и на протяжении большей части XII века его штаб-квартира находилась в Иерусалиме на месте храма Соломона, на том самом месте, откуда ковчег необъяснимо исчез еще во времена Ветхого Завета.

БЕЛЫЕ РЫЦАРИ, ЧЕРНЫЙ КОНТИНЕНТ

По мнению Эммы Юнг — психоаналитика, лектора и жены знаменитого психиатра Карла Густава Юнга, посвященный Святому Граалю литературный жанр появился в конце XII века как-то сразу и неожиданно. В исследовании легенды о Граале, проведенном по поручению Фонда Юнга, она утверждала, что за этим неожиданным и драматичным событием должно было стоять нечто весьма важное. Юнг даже предположила, что в первых двух произведениях этого жанра — «Сказании о Граале» Кретьена де Труа и «Парцифале» Вольфрама как бы «удалось пробиться к некоему подземному потоку»¹. Что мог представлять собой этот «подземный поток»?

Ответ, мне думается, следует искать в том периоде истории, когда стали появляться романы, посвященные Граалю. Все же это была эпоха Крестовых походов, эпоха, которая впервые привела европейцев к тесным контактам с арабской и иудаистской культурами и к оккупации Иерусалима христианскими армиями на протяжении восьмидесяти восьми лет (с 1099 года до отвоевания Священного города Саладином в 1167 году). Свой вариант истории Грааля Кретьен написал в 1182 году — на восемьдесят третьем году оккупации Иерусалима. Вскоре после его отвоевания Вольфрам фон Эшенбах приступил к работе над своим «Парцифалем».

Поэтому я не мог не прийти к заключению, что эти ранние варианты рыцарского романа о Граале были основаны на каком-то событии либо на материале, ставшем извест-

ным в тот период, когда Иерусалим находился под полным контролем европейских сил. Я весьма внимательно изучил текст «Парцифалея» на предмет какого-либо подтверждения этой догадки и обнаружил, что Вольфрам неоднократно упоминал некоего человека по имени Киот, на сведения которого он полностью полагался и который, к счастью,

...человеком был просвещенным,
 Но, что важней: он был крещеным!
 А лишь крещеному дано
 Открыть, что для других — темно,
 И силы неба охраняли
 От некрещеных суть Граалья...²

Это далеко не единственное место в «Парцифале», где немецкий поэт намекает на то, что за его Граалем кроется нечто большее, чем может показаться на первый взгляд. Я уже знал, что это «нечто большее» вполне могло быть ковчегом Завета — реальным предметом, скрывавшимся за красивым надуманным символом. Теперь же, изучая многочисленные ссылки на «Киота», я сообразил, что именно этот загадочный персонаж, личность которого так и не была раскрыта, мог посвятить Вольфрама в тайну того места в Эфиопии, где прятали ковчег. В одном месте упоминается «Киотова первооснова»³, — значит, это был весьма важный источник информации. Но кем же он был?

В «Парцифале» нашлось несколько очевидных ключей. Здесь о Киоте говорилось как о «великом мастере»⁴ и давалась подсказка, что его родным языком был французский⁵. Но дальше подобных намеков автор не шел. Поэтому я обратился к литературоведам и обнаружил, что кое-кто из них довольно точно опознал в Киоте французского поэта двенадцатого века Гийома Прованского, который совершил паломничество в Иерусалим незадолго до того, как Священный город был захвачен сарацинами⁶, и одно время находился при дворе императора Священной Римской империи Фридриха Барбароссы⁷.

Я обратил внимание на этот последний факт, поскольку знал, что Фридрих, подобно Вольфраму, был немцем по ро-

ждению (до своего избрания императором в 1152 году он был герцогом Швабии⁸). Я знал также (см. предыдущую главу), что тот же Фридрих был одним из двух монархов, названных по имени среди ряда христианских царей, которым в 1165 году было адресовано «письмо пресвитера Иоанна».

Позже в ходе своего исследования я узнал кое-что еще, имевшее немаловажное значение: Гийом-Киот был тесно связан с рыцарями-тамплиерами⁹, которые, в соответствии с работой Эммы Юнг, «считались хранителями храма Соломона»¹⁰. Я также узнал, что именно из этого храма во времена Ветхого Завета таинственно исчез ковчег Завета. Поэтому меня взволновало открытие, что в «Парцифале» Вольфрам описал *хранителей Грааля* как «тамплиеров»¹¹ и похвально отзывался о них:

Святого Мунсальвеша стены
Храмовники иль тамплиеры —
Рыцари Христовой веры —
И ночью стерегут и днем:
Святой Грааль хранится в нем!¹²

Были ли «тамплиеры» Вольфрама теми же, что и члены известного военного ордена того же названия?

Я обнаружил, что слово, переведенное на английский как «*Templars*», звучало на средневековом верхненемецком языке «Парцифалья» как «*Templeis*»¹³. Ученые спорили о том, что именно означало это слово. Но все были согласны, что этот термин был «очевидным вариантом правильных форм *templarius, templier*, англ. *Templar*»¹⁴ и что вольфрамовский «орден рыцарей на службе Грааля» мог быть отождествлен с орденом тамплиеров»¹⁵.

Тут я припомнил, что в одном из приобретенных мной при посещении Шартрского собора путеводителей говорилось о «Вольфраме фон Эшенбахс, которого считали тамплиером, хотя тому нет никаких доказательств»¹⁶. В ходе дальнейшего исследования я смог установить, что по этому поводу действительно ходили упорные слухи¹⁷. Я также обнаружил, что несколько уважаемых ученых вы-

двинули предположение, что немецкий поэт мог и сам посетить Святую землю в период работы над «Парцифалем»¹⁸.

На пути к сокровищу?

Меня заинтриговало утверждение Эммы Юнг, что тамплиеры во времена Вольфрама «считались хранителями храма Соломона». Я не понимал, как это могло быть. Однако, приступив к изучению истории ордена, я выяснил, что его официальное название («Бедные рыцари Христа и храма Соломона») объяснялось тем, что штаб-квартира тамплиеров в Иерусалиме находилась на вершине горы Мориа, где стоял храм Соломона до его разрушения вавилонянами в 587 г. Храм был построен в X веке до н.э., и его очевидным и *единственным* предназначением было, как сказано в Библии, служить «домом покоя для ковчега Завета Господня»¹⁹.

Отождествив себя с храмом Соломона, рыцари тем самым, подумалось мне, отождествили себя и с ковчегом Завета. И это ощущение укрепилось, когда я начал изучать историю ордена.

Орден тамплиеров был основан девятью французскими дворянами, добравшимися до Святой земли в 1119 году — двадцать лет спустя после захвата Иерусалима европейскими армиями. Историк XII века архиепископ Вильям Тирский отмечал, что «главными и самими выдающимися» в той девятке «были досточтимый Гуго Пайенский и Годфруа де Сент-Омер»²⁰.

Далее я обнаружил нечто интересное: Гуго Пайенский, первый Великий магистр ордена²¹, родился в деревушке Пайен в восьми милях к северу от города Труа в старинном французском графстве Шампань²². Более того, похоже, что все девять основателей были родом из одной и той же области²³. Отметим здесь несколько совпадений.

1. Шартр с его замечательным собором был — как в XII, так и в XIII веке — владением графов Шампаньских²⁴.

2. Один из девяти первых рыцарей — Андре де Монбар (позже ставший пятым Великим магистром) был дядей Святого Бернара Клервоского²⁵, также родившегося в Шампани. Этот необычайно влиятельный духовник проявлял особый интерес и к готической архитектуре, и к романам о Граале²⁶.
3. Город Труа, расположенный неподалеку от места рождения первого Великого магистра тамплиеров Гуго Пайенский, был также и родиной Кретьена де Труа — «изобретателя» Святого Грааля.
4. Гуго де Пайен был кузеном графа де Шампань²⁷, который в 1125 году вступил в орден тамплиеров²⁸.
5. Когда Кретьен де Труа получил известность в конце XII века, его главной покровительницей стала графиня де Шампань²⁹.

Обратив внимание на эту цепочку совпадений, я с еще большим интересом продолжил изучение ранней истории тамплиеров.

В ней было немало необычного. Самым, пожалуй, странным было то, как девять первых рыцарей были приняты царем Иерусалима Балдуином I в 1119 году. По прибытии в Священный город они сразу объявили ему о своем намерении устроить свою штаб-квартиру на Храмовой горе³⁰, на которой монарх совсем недавно сделал из мечети Аль-Акса свой царский дворец. Как ни странно, он немедленно удовлетворил просьбу рыцарей, предоставив им для исключительного пользования значительную часть бывшей мечети и ее внешних строений, прилегавших к знаменитой Скальной мечети и входивших в пределы когда-то стоявшего там храма Соломона³¹.

С тех пор, подобно современным археологам, занимающимся крупными раскопками, в этом поистине бесценном месте жили, ели, спали и трудились рыцари. В самом деле, на протяжении почти семи лет после своего прибытия они редко покидали это место и непреклонно отказывались принимать кого-либо извне. В публичных высказываниях они заявляли, что их миссия в Святой земле заключается в

том, чтобы «охранять от бандитов дорогу от побережья к Иерусалиму»³². Однако мне не удалось найти доказательства того, что они действительно делали хоть что-то для выполнения указанной миссии на протяжении тех семи лет; напротив, как отмечал один авторитетный историк, «новый орден явно мало что делал»³³ в тот период. К тому же простая логика подсказывает, что девять человек едва ли могли защитить кого-либо на дороге длиной почти в пятьдесят миль, а их так и оставалось девять, пока в 1125 году в орден не вступил граф де Шампань. Более того, члены более древнего и гораздо большего военного ордена рыцарей Святого Иоанна уже занимались охраной паломников еще до прибытия тамплиеров³⁴.

Напрашивался поэтому вывод: Гуго Пайенский и его товарищи имели иную, незаявленную цель. Как отмечено выше, они в основном держались границ Храмовой горы в первые семь лет своего временного пребывания в Иерусалиме, а это, без сомнения, наводит на мысль, что они руководствовались иными мотивами, связанными именно с этим местом.

С самого начала они вели себя скрытно, и не было никаких достоверных свидетельств о том, чем они занимались на самом деле. Представлялось вполне вероятным, что они что-то там искали, и это подозрение окрепло, когда я узнал, что они действительно использовали свое пребывание на Храмовой горе для проведения широкомасштабных раскопок.

Поскольку сегодня на Храмовой горе находятся третья и четвертая по значению святыни ислама — Скальная мечеть и мечеть Аль-Акса, современные археологи так и не получили разрешения поработать там. В последние же годы группы израильских археологов вели раскопки с южной стороны горы, где и нашли вход в тоннель, который, как они установили, был выкопан тамплиерами в XII веке³⁵. В официальном отчете археологи указывали:

«Тоннель ведет в гору на глубину примерно тридцати метров от южной стены и заблокирован камнями и мусором. Мы знаем, что он идет у дальше, но мы строго придерживались

правила: не копать в пределах Храмовой горы, находящейся ныне под мусульманской юрисдикцией, не получив разрешения соответствующих мусульманских властей. В данном случае они разрешили нам только измерить и сфотографировать открытую часть тоннеля, но не вести дальнейшие раскопки. Закончив нашу работу, мы завалили выход из тоннеля камнями»³⁶.

И это все, что было известно или сказано о тоннеле тамплиеров. Археологи сумели лишь подтвердить, что он продолжается дальше, чем им разрешили забраться. Поскольку он вел с юга в глубь горы, я понял, что он вполне мог достигать самого центра святых мест и проходить непосредственно под Скальной мечетью, находящейся примерно в сотне метров к северу от мечети Аль-Акса.

Скальная мечеть, как я обнаружил, получила свое название от лежащего внутри нее огромного камня, известного евреям как «Шетийя» (буквально «основание»). Когда в X веке до н.э. на том самом был возведен храм Соломона, ковчег Завета поставили на Шетийю, которая стала частью пола святая святых³⁷. В 587 году до н.э. храм был разрушен вавилонянами, которые увели в плен большую часть населения Иерусалима. Не осталось, однако, каких-либо свидетельств того, что завоеватели захватили и ковчег; напротив, он словно растворился в воздухе³⁸.

Позже появилась легенда, дававшая вероятное объяснение случившемуся, — объяснение, с которым согласились большинство евреев. По этой легенде, за мгновение до того, как вавилонские мародеры ворвались в святая святых, священная реликвия была спрятана в тайной, засыпанной пещере под самой Шетийей³⁹.

Поскольку эта легенда воспроизводилась в ряде талмудических и мидрашских свитков и в популярном откровении, известном под названием «Видение Баруха»⁴⁰, которые еще были широко распространены в Иерусалиме в XII веке, мне пришло в голову, что тамплиеры досконально знали эту интригующую легенду. Более того, дальнейшее исследование помогло мне установить, что они вполне могли знать ее до 1119 года, когда официально появились в Иерусалиме. Основатель ордена Гуго Пайенский совершил еще в 1104

году паломничество в Святую землю вместе с графом де Шампань⁴¹. Оба вернулись во Францию и, как было известно, находились там вместе в 1113 году⁴². Три года спустя Гуго снова отправился в Святую землю, на этот раз один⁴³, и снова вернулся на родину — теперь уже для того, чтобы собрать еще восемь рыцарей, которые и сопровождали его в путешествии 1119 года и образовали ядро ордена тамплиеров.

Чем больше я размышлял над очередностью событий, тем вероятнее представлялось мне, что Гуго и граф де Шампань могли во время своего паломничества в 1104 году услышать о том, что ковчег Завета мог быть спрятан где-то внутри Храмовой горы. Если это так, рассуждал я, тогда не могло ли случиться, что они составили план поисков священной реликвии? И не объясняет ли это ту решительность, с которой девять рыцарей взяли под свой контроль Храмовую гору в 1119 году, как и многие другие странности их поведения в первые годы существования ордена?

Косвенное подтверждение своей догадки я нашел в принадлежащем перу Эммы Юнг авторитетном и заслуживающем доверия исследовании легенды о Граале. В своих отступлениях от основной темы автор утверждает, что захват Иерусалима в XII веке европейцами был инспирирован, по крайней мере отчасти, верой в то, что в этом городе спрятана некая могущественная, священная и бесценная реликвия. Юнг указывает далее:

«Это глубоко укоренившееся представление о спрятанном сокровище способствовало тому, что призывы освободить Гроб Господень пробудили столь широкий отклик [и] придали столь мощный импульс Крестовым походам, если только не оно само побудило к их организации»⁴⁴.

В то время не могло существовать реликвии более ценной или более священной, чем ковчег Завета, который в столетии, необычайно одержимом поиском религиозных реликвий⁴⁵ вполне мог считаться высшей наградой. Поэтому мне представляется не просто возможным, но и весьма вероятным, что Гуго Пайенский и его соратник граф Шампаньский действительно руководствовались желанием

найти ковчег и ради достижения этой цели могли организовать орден тамплиеров и взять под свой контроль Храмовую гору.

Если так оно все и было, тогда их постигла неудача. В XII веке, как выразился один историк, «знаменитая реликвия имела огромную цену»⁴⁶. Обладание столь уникальной реликвией, как ковчег Завета, принесло бы дополнительно огромную власть и престиж ее владельцам. Отсюда вытекает: если бы тамплиеры нашли ковчег, они бы обязательно доставили его с триумфом в Европу. Так как этого не случилось, мне представляется вполне логичным заключить, что они не нашли реликвию.

Однако слухи утверждали, что они нашли-таки *что-то* за семь лет интенсивных раскопок на Храмовой горе. Ни один из этих слухов не имеет никакого археологического подтверждения, но некоторые из них были действительно интригующими. Согласно одному мистическому трактату, в котором делалась попытка определить, чем действительно занимались тамплиеры в Иерусалиме в 1119—1126 годах,

«истинная задача девяти рыцарей заключалась в том, чтобы заполучить определенные реликвии и рукописи, содержащие суть тайных догматов иудаизма и Древнего Египта, некоторые из которых могли быть доставлены туда во времена Моисея... Не приходится сомневаться в том, что [они] выполнили эту частную задачу и что полученное ими таким образом знание передавалось из уст в уста в тайных кружках ордена»⁴⁷.

В поддержку столь привлекательного утверждения не было представлено никаких документированных доказательств. В том же источнике я с интересом обнаружил одно имя, с которым сталкивался несколько раз в своем исследовании, — святой Бернар Клервоский. Именно он, утверждалось в этом источнике (тоже бездоказательно), послал девять рыцарей в Иерусалим⁴⁸.

Я знал уже, что Бернар был племянником одного из девяти рыцарей-основателей. Мне также было известно, что в 1112 году он присоединился к ордену цистерцианцев, в 1115 году стал аббатом⁴⁹ и занял довольно высокое положение во французских религиозных кругах уже к 1119 году,

когда первые тамплиеры прибыли в Иерусалим. Поэтому я посчитал неразумным с ходу отвергать возможность того, что он сыграл определенную роль в формулировании их задачи. Эта догадка получила подтверждение, когда я взялся за исследование того, что происходило с тамплиерами после первых, весьма любопытных лет их существования.

Компромисс?

В конце 1126 года Гуго де Пайен неожиданно покидает Иерусалим и возвращается в Европу в сопровождении не кого иного, как Андре де Монбара⁵⁰ — дяди святого Бернара. Рыцари прибыли во Францию в 1127 году, а в январе 1128 года приняли участие в самом значительном в ранней истории тамплиеров событии. Речь идет о синоде в Труа, созванном с четкой целью заручиться официальной поддержкой ордена тамплиеров со стороны церкви⁵¹.

В связи с этим собором меня особенно заинтересовали три вещи. Во-первых, он состоялся в родном городе поэта, который несколько лет спустя изобретет чашу Грааля; во-вторых, на нем председательствовал святой Бернар в качестве секретаря⁵², а в-третьих, в ходе заседаний собора сам Бернар составил официальный устав рыцарей-храмовников, который с тех пор направлял развитие ордена⁵³.

Если мои подозрения были оправданны, то получалось, что первые девять рыцарей изначально занимались раскопками на Храмовой горе в Иерусалиме. Какие бы вещи они ни откопали там, к 1126 году стало ясно, что им не удастся найти основной предмет поиска — ковчег Завета. Понимание этого вынудило их задуматься о будущем. В частности, раз они утратили смысл своего существования, следовало ли им распустить орден или действовать и дальше?

История свидетельствует, что они действительно испытывали в 1126 году кризис самоопределения, который все же сумели преодолеть, решив действовать дальше и заручившись поддержкой святого Бернара. На Труйском соборе он составил устав тамплиеров и добился со стороны церк-

ви поддержки их экспансии. Впоследствии, в ряде проповедей и ярких панегириков вроде «*De laude novae militiae*»⁵⁴ он всячески рекламировал молодой орден, используя собственный престиж и влияние для обеспечения его успешной деятельности.

Результаты превзошли все ожидания. В орден вступали новые рекруты со всей Франции, а затем и из других стран Европы. Состоятельные патроны дарили ордену земли и деньги, и стремительно росло его политическое влияние. К концу XII века орден стал феноменально богатым, руководил сложнейшей международной банковской сетью⁵⁵ и располагал владениями по всему известному тогда миру.

И все это происходило благодаря, в какой-то степени, выступлению святого Бернара в 1128 году и его постоянной помощи в последующие годы. Подыгрывал ли он тамплиерам из чистого альтруизма? Или они дали ему что-то взамен?

Вспомним, что именно в 30-е годы 12-го столетия на французской сцене неожиданно и таинственно появилась готическая архитектура, что Бернар был инициатором распространения готической формулы и что ходили упрямые слухи, указывающие на то, что тамплиеры получили в Иерусалиме доступ к какому-то важному древнему мистическому знанию. Я не мог не задаться вопросом: а не было ли это результатом своеобразного обмена? Рыцари, несомненно, потерпели неудачу в поисках ковчега Завета. Но что, если в ходе своих раскопок на Храмовой горе они обнаружили какие-то свитки, рукописи, расчеты или планы, связанные с самим храмом Соломона? Что, если эти открытия включали некие утраченные архитектурные секреты геометрии, пропорции, равновесия и гармонии, которые были известны строителям пирамид и других великих памятников древности? И что, если тамплиеры поделились этими секретами со святым Бернаром в обмен на его восторженную поддержку их ордена?

Подобные размышления не были лишены оснований. Тем более что одна из связанных с тамплиерами странно-

стей состояла в том, что они были великими архитекторами. В 1139 году папа Иннокентий II (кандидатуру которого, кстати сказать, также энергично поддержал святой Бернар⁵⁶) даровал ордену уникальную привилегию: право строить собственные церкви⁵⁷. Этой привилегией тамплиеры широко пользовались: ими были созданы прекрасные культовые постройки, часто круглые в плане, наподобие Темпл-черч в Лондоне.

Рыцари также зарекомендовали себя как превосходные военные строители. Их замки в Палестине были исключительно хорошо спроектированы и практически неприступны. Среди этих внушительных крепостей выделялся Атлит (Шато Пелерен, или Замок паломника), который, как я узнал позже, был построен в 1218 году четырнадцатым Великим магистром тамплиеров Гильомом Шартрским⁵⁸, в самом имени которого видна связь с великим готическим собором.

Сооруженный к югу от Хайфы на окруженном с трех сторон морем мысе, Атлит в свою лучшую пору располагал источником пресной воды, собственными садами и огородами и даже собственной бухтой и судоверфью с пирсом длиной в двести футов. Сарацины часто осаждали его, но так и не смогли взять. Он мог дать убежище четырем тысячам человек. Его массивные стены, возведенные на необычайно глубоких фундаментах, имели более девяноста футов в высоту и шестнадцать футов в толщину⁵⁹ и были сложены так искусно, что от них до сих пор сохранились крупные секции. В 1932 году там производил широкомасштабные раскопки археолог К.Н. Джонс. Он пришел к выводу, что архитекторы и каменщики тамплиеров далеко опередили обычных средневековых строителей и были «исключительно» хорошими мастерами даже по современным меркам⁶⁰.

Тамплиеры много строили и в Иерусалиме, где они продолжали держать свою штаб-квартиру на Храмовой горе вплоть до того, как Священный город был вновь захвачен мусульманами в 1187 году. Я вычитал, что в 1174 году паломничество в Иерусалим совершил немецкий монах Тео-

дерик, который сообщает, что все здания в районе Скальной мечети все еще находятся «во владении солдат тамплиеров»⁶¹. И добавляет:

«Они стоят гарнизоном в этих и других принадлежащих им зданиях... Под ними находятся конюшни, возведенные еще царем Соломоном... со склепами, арками и крышами самых разных типов... По нашим прикидкам, в этих конюшнях могут разместиться десять тысяч коней с конюхами»⁶².

На самом деле конюшни не были сооружены царем Соломоном, а восходят к временам царствования Ирода Великого (современника Христа). Склепы же, арки и крыши были выстроены самими тамплиерами, которые значительно расширили подземные галереи и были первыми и единственными, кто использовал как конюшни⁶³.

Далее Теодерик так описывает Храмовую гору в 1174 году:

«С другой стороны от дворца [мечети Аль-Акса] тамплиеры построили новое здание. Его высота, ширина и длина, его подвалы и трапезные, лестница и крыша совершенно не согласуются с обычаями этой страны. Действительно, его крыша так высока, что, упомяни я ее высоту, никто из слушателей мне не поверил бы»⁶⁴.

«Новое здание», описанное Теодериком в 1174 году, было, к сожалению, снесено в 50-е годы 20 столетия во время предпринятой мусульманскими властями реконструкции Храмовой горы. И все же свидетельство немецкого монаха ценно само по себе, особенно своей, как мне кажется, восторженной тональностью. Он явно считал архитектурное искусство тамплиеров сверхъестественно передовым, причем особое впечатление на него произвели парящие крыши и арки. Перечитывая его впечатления, я понял, что он далеко не случайно заостряет внимание на парящих крышах и арках, составляющих отличительную черту готической архитектуры, типичную для Шартрского и других французских соборов XII века. Многие наблюдатели, как мне известно, считают, что «в научном плане...

они выходят далеко за пределы свойственных той эпохе знаний»⁶⁵.

И это опять привело меня к святому Бернару Клервоскому. Исследовав более досконально то, что известно о его жизни и идеях, я смог найти подтверждение своему раннему впечатлению, согласно которому он оказал сильное воздействие на иконографию готических соборов, но оно не было непосредственным и проявилось в форме, главным образом, скульптурных групп и цветных витражей, которые были вдохновлены его проповедями и писаниями, подчас уже после его кончины⁶⁶. В самом деле, при жизни Бернар часто *противился* излишней множественности образов и утверждал: «Не должно быть украшений, только пропорции»⁶⁷.

Такое подчеркивание пропорций, гармонии и равновесия в архитектуре было ключом к странной магии готики. По мере ознакомления со взглядами святого Бернара я понял, что именно в этом смысле он оказал наиболее глубокое влияние на проекты Шартрского и других соборов. Внедрение ряда примечательных технических новшеств при строительстве этих великолепных зданий, наподобие ребристых сводов, стрельчатых арок и летящих контрфорсов позволило строителям использовать геометрическое совершенство для выражения сложных религиозных идей. В самом деле, представляется, что архитектура и вера слились в готике 12-го столетия, создав новый синтез. Этот синтез был подытожен самим святым Бернаром, когда он спросил: «Что есть Бог?» — и ответил на собственный риторический вопрос удивительными словами: «Длина, ширина, высота и глубина»⁶⁸.

Готическая архитектура, как я уже знал, родилась с началом строительства в 1134 году северной башни Шартрского собора. Это, я знаю теперь, не было случайным. В годы, непосредственно предшествовавшие 1134-му, Бернар тесно сдружился с епископом Шартра Жоффруа⁶⁹ и вдохновил его «с необычным энтузиазмом» на применение готической формулы⁷⁰, ведя при этом «почти ежедневные переговоры с самими строителями»⁷¹.

При всей занимательности этой информации ее великое значение для моих целей заключается в том факте, что

«годы, непосредственно предшествовавшие 1134-му», были также годами, непосредственно следовавшими за Труйским синодом, где святой Бернар добился официального признания церковью ордена бедных рыцарей Христа и храма Соломона. Историки так и не смогли объяснить должным образом внезапное возникновение готической архитектуры во Франции 30-х годов 12-го столетия. Моя же ранняя догадка о том, что этому способствовали тамплиеры, приобретала теперь все большую достоверность. Переосматривая все собранные мною свидетельства, я испытал такое ощущение, будто тамплиеры действительно откопали на Храмовой горе какое-то хранилище древних знаний по строительному искусству и могли передать эти знания святому Бернару в обмен на его поддержку.

Мало того, интерес тамплиеров к ковчегу Завета и их связи с Вольфрамом и Шартром также довольно точно объясняли схожесть двух закодированных «карт», которые, как мне верилось, я сумел опознать (одна, изваянная из камня, — в северном портале собора и другая — зашифрованная в сюжете «Парцифалья»). Эти карты, похоже, подсказывали, что Эфиопия стала последним «домом покоя» ковчега. Теперь у меня возник следующий вопрос: как могли тамплиеры прийти к выводу, что святая реликвия (которую они не сумели отыскать в течение семи лет раскопок в Иерусалиме) действительно была перевезена в Эфиопию? Что привело их к этой мысли?

Ответ, как я обнаружил, можно было найти в самом Иерусалиме, где эфиопский царевич прожил четверть века, прежде чем вернуться на родину в 1185 году и заявить права на свое царство⁷². Всего лишь десятилетие спустя Вольфрам приступил к написанию своего «Парцифалья» и началось сооружение северного портала Шартрского собора.

Эфиопский царевич в Иерусалиме

Царевича, проведшего столько времени в изгнании в Иерусалиме, звали Лалибела. Я заинтересовался им из-за «письма пресвитера Иоанна», упомянутого в предыдущей главе.

Письмо было написано в 1165 году, а в 1177 году, как мне было известно, папа Александр III написал ответ «Пресвитеру Иоанну» на требования «эmissаров Пресвитера» предоставить алтарь и часовню в церкви Гроба Господня в Иерусалиме. Согласно Британской энциклопедии, «единственным реальным лицом», которому могло быть направлено письмо папы, был царь Эфиопии⁷³. Я, естественно, задался вопросом, какой царь восседал на эфиопском престоле в 1177 году. Исследуя этот вопрос, я обнаружил, что его звали Харбай и что уступка была сделана не ему, а, скорее, его преемнику Лалибеле.

Ни Харбай, ни Лалибела не принадлежали к ветвям династии монархов, предположительно бравшей начало от царя Соломона и царицы Савской через Менелика I. Оба они принадлежали к династии узурпатора, известной как Загве и правившей Эфиопией примерно с 1030 по 1270 год, когда Соломониды вернулись наконец на трон⁷⁴.

О том периоде эфиопской истории почти ничего не известно. Однако мне все же удалось удостовериться, что линия Соломонидов была прервана приблизительно в 980 году и что государственный переворот был совершен вождем одного племени, женщиной по имени Юдифь, которая обратилась в иудаизм и которая руководствовалась прежде всего желанием уничтожить христианскую религию. Как бы то ни было, она напала на Аксум, сровняла с землей большую часть древнего города и сумела умертвить императора, ведущего свою родословную от царя Соломона. Были убиты и два принца, а третий спасся в провинции Шоа далеко на юге, где он женился и обзавелся детьми, обеспечив тем самым выживание древней династии⁷⁵.

Юдифь была вождем большого объединения племен, известного под названием агау, к которым принадлежали и туземные черные евреи Эфиопии — фалаша⁷⁶. Хотя неизвестно, оставила ли она прямого наследника, историки сходятся во мнении, что на протяжении пятидесяти лет после ее смерти большая часть Северной Эфиопии была объединена под правлением монархов из династии Загве, которые, как и Юдифь, происходили из племен агау.

В первые годы эта династия могла — подобно Юдифи — исповедовать иудаизм⁷⁷. Если так оно и было (что не доказано), то она все же обратилась в христианство задолго до рождения принца Лалибелы в 1140 году в древнем горном городе Роха, являющемся ныне частью провинции Волло.

Младшему сводному брату царя Харбая Лалибеле было явно предназначено величие — с того момента, когда его мать увидела густой рой пчел, окруживший царевича в его колыбели. Вспомнив старое поверье, гласившее, что животные могут предрекать будущее важных персон, она, как говорится в легенде, была охвачена духом прорицания и воскликнула: «Лалибела!», что означает буквально «Пчелы признали его владычество»⁷⁸.

Так царевич получил свое имя. Пророчество, заложенное в нем, заставило Харбая опасаться за свой трон до такой степени, что он попытался организовать убийство Лалибелы, пока тот еще был грудным ребенком. Это первое покушение не удалось, но в течение нескольких лет царевича продолжали преследовать и даже едва не отравили. От смертельного яда юный царевич погрузился в каталептическое оцепенение. В эфиопских легендах говорится, что этот ступор продолжался три дня, во время которых Лалибела был перенесен ангелами на первое, второе и третье небо. Там к нему обратился сам Всемогущий, призвавший его не беспокоиться о своей жизни и будущем царствовании. Его назначение предопределено, он помазан на царство. После пробуждения от транса он должен бежать из Эфиопии и найти убежище в Иерусалиме. И ему не следовало беспокоиться: когда придет его время, он вернется в свой родной город Роха царем. Также ему предопределено построить ряд удивительных церквей, подобных которым мир еще не видел. Затем Бог дал Лалибеле подробные указания относительно методики строительства, формы, которую должна иметь каждая церковь, их местоположения и даже внешних и внутренних украшений⁷⁹.

Легенда и история совпали в одном хорошо документированном факте: Лалибела действительно долго прожил в изгнании в Иерусалиме, пока его сводный брат Харбай про-

должал занимать трон Эфиопии⁸⁰. Его изгнание началось около 1160 года — когда Лалибеле было приблизительно двадцать лет — и завершилось в 1185 году, когда он с триумфом вернулся на родину, низложил Харбая и провозгласил себя царем⁸¹.

С тех пор велась достоверная хроника его правления, продлившегося до 1211 года⁸². Своей столицей он сделал Роху — город, в котором он родился и который теперь был переименован в его честь в Лалибелу⁸³. Почти сразу же он приступил к осуществлению своего легендарного видения, начав строить одиннадцать прекрасных монолитных церквей, буквально высеченных из твердой вулканической породы. (В 1983 году я посетил эти церкви после поездки в Аксум — они все еще действовали.)

Не забыл Лалибела и о своем вынужденном двадцатипятилетнем пребывании в Святой земле, многие черты которой он попытался воспроизвести в Рохе-Лалибеле. Например, протекавшая по городу река была переименована в Иордан; одна из одиннадцати церквей — Бета Голгофа — должна была символизировать храм Гроба Господня в Иерусалиме, а близлежащий холм был назван Дебра Зейт («Масличная гора»), как то место, где был схвачен Христос⁸⁴.

Не удовольствовавшись превращением своей столицы в «Новый Иерусалим», эфиопский царь на протяжении всего своего правления старался развивать тесные отношения с самим Иерусалимом. В этом, как я обнаружил, не было ничего нового. С конца IV века духовенство Эфиопской православной церкви держало постоянное посольство в Священном городе⁸⁵. Исходя именно из желания расширить и укрепить свое присутствие там, Харбай и просил папу Александра III о предоставлении алтаря и часовни в храме Гроба Господня. Из этого ничего не вышло, если не считать довольно уклончивого письма, посланного папой в 1177 году в ответ на эту просьбу. Десятилетие спустя имели место два важных события: в 1187 году Саладин изгнал крестоносцев из Священного города и вынудил эфиопскую общину бежать вместе с другими восточными христианами на Кипр⁸⁶.

Царские летописи показали, что Лалибела был серьезно обеспокоен таким поворотом событий, и в 1189 году его посланцы сумели убедить Саладина, чтобы он разрешил эфиопам вернуться и предоставил им в собственность придел Обретения Креста Господня в церкви Гроба Господня⁸⁷. Впоследствии, в относительно новые времена они утратили эти привилегии, и, как я узнал, абиссинским паломникам пришлось отправлять свои службы на крыше указанного придела, где они устроили свой монастырь⁸⁸. Им еще принадлежали две другие церкви в Иерусалиме, а также здание патриархата, расположенное в сердце Старого города, в нескольких минут ходьбы от храма Гроба Господня.

В области внешней и внутренней политики, а также в архитектурном искусстве и духовном развитии царствование Лалибелы стало венцом достижений династии Загве. После смерти Лалибелы начался глубокий упадок. В конце концов в 1270 году его внук Наакото Лааб был вынужден отречься от престола в пользу Йекуно-Амлака — монарха, притязавшего на происхождение от Соломона⁸⁹. С тех пор и до свержения Хайле Селассие во время коммунистической революции 1974 года все императоры Эфиопии, кроме одного, принадлежали к царской линии, восходившей через Менелика I к царю Соломону.

Система совпадений

Из всего, что я узнал о просвещенном правлении Лалибелы, вытекало, что оно превосходно вписывалось в схему совпадений, в которых я уже установил связь с Крестовыми походами, с тамплиерами и XII веком:

- В самом начале 12-го столетия (точнее, в 1099 г. — предпоследнем году XI века) Иерусалим был завоеван крестоносцами.
- В 1119 году девять рыцарей — основателей ордена тамплиеров, все из французского дворянства, прибы-

ли в Иерусалим и обосновались на месте первого храма Соломона.

- В 1128 году святой Бернар Клервоский добился официального признания ордена тамплиеров собором в Труа.
- В 1134 году началось возведение северной башни Шартрского собора — первого образца готической архитектуры.
- В 1145 году впервые в Европе услышали имя «пресвитер Иоанн».
- В 1160 году царевич Лалибела, будущий монарх Эфиопии, прибыл в Иерусалим как политический беженец, спасаясь от преследования сводного брата Харбая (занимавшего в то время трон).
- В 1165 году в Европе ходило адресованное «ряду христианских царей» письмо, предположительно написанное «пресвитером Иоанном» и наводившее страх описанием его огромных армий, несметных богатств и сильной власти.
- В 1177 году папа Александр III написал ответ на вышеуказанное письмо, но, что примечательно, сослался в нем на другое послание, полученное позже: требование «пресвитера Иоанна» предоставить придел в церкви Гроба Господня в Иерусалиме. Это требование, похоже, было передано эмиссарами «пресвитера» личному врачу папы Филиппу во время визита последнего в Палестину («пресвитером Иоанном», потребовавшим такой уступки, мог быть только сводный брат Лалибелы Харбай, который в том году еще пребывал на эфиопском троне).
- В 1182 году впервые в литературе (а значит, и в истории) появляется чаша Грааля, а именно — в незаконченной эпической поэме Кретьена де Труа.
- В 1185 году царевич Лалибела покинул Иерусалим и вернулся в Эфиопию, где сумел низложить Харбая и захватить трон. Почти сразу же он приступил к строительству группы великолепных церквей, высе-

ченных из камня, в своей столице Роха, позже переименованной в его честь в Лалибелу.

- В 1187 году Иерусалим был захвачен армией султана Саладина, изгнавшего крестоносцев вместе с членами эфиопской общины Священного города, нашедшими временное пристанище на острове Кипр. (Кое-кто из тамплиеров также обосновался на Кипре — на деле после падения Иерусалима рыцари купили остров, ставший на какое-то время их штаб-квартирой⁹⁰.)
- В 1189 году посланные к Саладину эмиссары царя Лалибелы сумели убедить мусульманского полководца разрешить эфиопам вернуться в Иерусалим и дать им привилегию, которой они никогда раньше не пользовались и которой Харбай добивался от папы в 1177 году, а именно, придел и алтарь в церкви Гроба Господня.
- Между 1195 и 1200 годами Вольфрам фон Эшенбах приступил к написанию «Парцифалья», ставшего продолжением более раннего произведения Кретьена де Труа, превратившего Грааль в камень, включившего эфиопские элементы в повествование и упоминавшего конкретно как «пресвитера Иоанна», так и тамплиеров.
- В то же самое время начались работы по сооружению северного портала Шартрского собора с его эфиопской царицей Савской, Граалем (с камнем) и изображением ковчега Завета.

Итак, тамплиеры, готическая архитектура, Святой Грааль и представление о том, что где-то в мире за пределами Европы правит сильный христианский царь по имени «пресвитер Иоанн», были порождениями 12-го столетия. В том же столетии, как раз перед завершением строительства северного портала Шартрского собора и написания «Парцифалья», будущий христианский царь Эфиопии Лалибела после двадцатипятилетнего пребывания в Иерусалиме вернулся на родину, чтобы занять трон.

Из всего узнанного мной вытекало, что все эти события как-то замысловато связаны неким общим знаменателем, оставшимся неизвестным истории — потому, быть может, что его скрывали преднамеренно. Убедительное доказательство того, что тамплиеры искали (сначала в Иерусалиме, а затем и в Эфиопии) ковчег Завета, дало бы такой скрытый общий знаменатель — утраченное звено в сложной цепи всех этих взаимосвязанных событий, идей и личностей. На какое-то мгновение мне даже показалось, что я сделал все что мог в части своего исследования, касавшейся Иерусалима. А что же с Эфиопией? Есть ли там вообще какие-либо свидетельства того, что тамплиеры могли посетить эту страну в поисках ковчега и затем зашифровать результаты своих поисков в загадочном вольфрамовском символизме, в его «камне, названном Грааль»?

«Эти вероломные тамплиеры...»

Первых результатов я добился, разыскав английский перевод полного текста письма, предположительно написанного самим пресвитером Иоанном ряду христианских королей в 1165 году. В отличие от письма папы Александра III пресвитеру Иоанну, датированного 1177 годом (и представлявшего собой, как я теперь знал, подлинный документ, адресованный сводному брату Лалибелы Харбаю), письмо 1165 года вызывало серьезные подозрения ученых. Его дата была подлинной, но считалось совершенно невероятным, что оно могло быть написано кем-то, имевшим право претендовать на титул «пресвитер Иоанн», и поэтому к нему относились как к искусной подделке⁹¹.

Читая его, я понял, почему так было. Если верить автору, в его «царстве» жили — среди прочих — «дикие зайцы величиной с овцу», «птицы под названием грифоны, которые с легкостью могли притащить в свои гнезда быка или лошадь», «рогатые люди с одним глазом на лбу и тремя или четырьмя глазами на затылке», «люди с копытами как у лошадей», «лучники, которые выше пояса люди, а ниже поя-

са — лошади», фонтан молодости, «песочное море», в котором «любые осколки... превращаются в драгоценные камни», «древо жизни», «семиглавые драконы» и т.д. и т.п.⁹² В земле пресвитера Иоанна, похоже, можно было найти любое мифическое животное или предмет. Однако в письме не уточнялось, где именно находится эта страна, если не считать ссылки на «многие Индии», упоминавшиеся в предыдущей главе (и относившиеся, как я уже знал, скорее к Эфиопии, нежели к полуострову Индостан). Больше того, тут и там среди сказочных существ встречались и животные, принадлежащие к реальному миру: «слоны» и «одногорбые верблюды», к примеру, а также «единороги» с «единственным рогом во лбу», весьма напоминающие носорогов — тем более что о них часто говорили: «Они убивают львов»⁹³.

Такие детали заставляли меня задаваться вопросом: может, автор письма не был простым шутником, а прекрасно знал все об Эфиопии (где, конечно же, можно было найти и верблюдов, и слонов, и львов, и носорогов)? Моя догадка, что так оно и было, укрепилась, когда я обнаружил упоминание «царя Александра Македонского» в связи с «Гогом и Магогом»⁹⁴. Я обратил на это внимание, так как вспомнил, что Александр Великий, Гог и Магог были связаны почти в той же манере в очень древней эфиопской рукописи под названием «Лефафа Седек» («Перевязь праведности»)⁹⁵, предположительно остававшейся неизвестной вне Абиссинии до XIX века.

Другим примечательным пунктом было утверждение «пресвитера Иоанна» о проживании в его христианском царстве большого числа евреев, которые якобы пользовались частичной автономией и с которыми часто приходилось вести войны. Опять же здесь проявлялся привкус эфиопских реалий: вслед за еврейским восстанием во главе с Юдифью в X веке (в результате которого временно была свергнута династия Соломона) на протяжении нескольких столетий не затихал конфликт между эфиопскими евреями и христианами⁹⁶.

В целом же, несмотря на многие фантастические и явно сомнительные аспекты письма, я не мог поверить в то, что оно было фальшивкой. Более того, мне казалось, что главное его назначение состояло в том, чтобы произвести впечатление на европейских правителей и запугать тех, кому оно было адресовано. В связи с этим я обратил особое внимание на частые ссылки на величину вооруженных сил «пресвитера». Например:

«У нас есть... сорок два замка — самые укрепленные и красивые в мире — и множество людей на их защите, а именно: десять тысяч рыцарей, шесть тысяч арбалетчиков, пятнадцать тысяч лучников и сорок тысяч пеших воинов... Куда бы мы ни приходили с войной... знайте, впереди нас идут сорок тысяч священников и такое же число рыцарей. Затем следуют двести тысяч пеших воинов, не считая телег с провизией, слонов и верблюдов, груженных оружием»⁹⁷.

В этом воинственном монологе самым примечательным было то, что он каким-то образом был связан с какой-то враждебной силой, а именно, с тамплиерами. В разделе, явно адресованном «царю Франции», прямо говорится:

«Среди вас есть французы из вашего дома и свиты, которые спутались с сарацинами. Ты доверяешь им и веришь в то, что они должны помочь и помогут тебе, но они лживы и вероломны... Будь же мужествен и смел и, пожалуйста, не забудь отправить на смерть этих вероломных тамплиеров»⁹⁸.

Опираясь на эту зловещую подсказку в контексте остального содержания причудливого письма, я задался вопросом — кто из кандидатов на роль «пресвитера Иоанна» в 1165 году мог иметь причины: а) для попытки напугать европейские державы в целом похвальбой собственной военной силой и б) для того, чтобы облить грязью тамплиеров и потребовать «предать их смерти»?

Единственный возможный ответ: это был Харбай — правитель Эфиопии в 1165 году из царствующей династии Загве, который, как я уже упоминал, был несомненным адре-

сатом письма, написанного пресвитеру Иоанну папой Александром III в 1177 году.

Одним из оснований для идентификации Харбая как реального автора якобы подложного письма 1165 года был терминологический фактор. В ходе исследования я обнаружил, что все монархи династии Загве любили использовать эфиопское название «джан» в перечне своих званий⁹⁹. Производное от «джано» (красно-пурпурная тога, которую носили только царствующие лица), это название означало «царь» или «величество» и с легкостью могло быть спутано с именем «Иоанн». В самом деле, быть может, именно поэтому (вкпе с тем фактом, что несколько правителей из династии Загве были также и священниками) и возникло словосочетание «пресвитер Иоанн».

Но имелась и более основательная причина подозревать Харбая. Именно он столкнулся в 1165 году с острой политической проблемой. К тому времени его недовольный сводный брат Лалибела (которому было суждено низложить Харбая) пробыл в изгнании в Иерусалиме уже пять лет — достаточно долго, рассуждал я, для того, чтобы познакомиться и даже подружиться со многими тамплиерами. Быть может, он даже просил рыцарей помочь ему свергнуть Харбая, и весть об этом дошла до самого Харбая.

Подобный сценарий, думалось мне, не так уж недостоверен. Последовавшее вскоре обращение к папе о предоставлении части церкви Гроба Господня (переданное в Палестине «достойными людьми» царства «пресвитера Иоанна») подсказывает, что Харбай регулярно посылал эмиссаров в Иерусалим. Они же вполне могли разузнать о затевавшемся в 1165 году заговоре Лалибелы и тамплиеров. Если так оно и было на самом деле, это, несомненно, могло сыграть большую роль в объяснении странно угрожающей подсказки королю Франции о том, что было бы неплохо казнить «вероломных тамплиеров» (в большинстве своем французов в то время). «Письмо пресвитера Иоанна» — по крайней мере, согласно данной гипотезе — могло быть сострепано агентами Харбая в Иерусалиме

для того, чтобы избежать сговора между тамплиерами и принцем Лалибелой.

Такая цепочка умозаключений представляется весьма привлекательной. Но она же кажется и опасно спекулятивной, и я не решился бы следовать ей, если бы не нашел в «Парсифале» определенные места, которые, казалось, подтверждали, что тамплиеры вполне могли вступить именно в такого рода союз с Лалибелой, которого, несомненно, опасался Харбай.

«В глубь Африки...»

Написанный через несколько лет *после* того, как Лалибела сверг Харбая с трона Эфиопии, «Парсифаль» содержал ряд прямых указаний на тамплиеров, которые, как я уже отмечал, описывались как члены «Граалева братства»¹⁰⁰.

Мне показалась интригующим несколько раз повторенное Вольфрамом упоминание о том, что время от времени тамплиеры отправлялись на заморские задания, которые были сугубо секретными и имели отношение к завоеванию политической власти. Например:

Тем временем на Граале
Надпись прочитали:
«Кому наказ Господень дан
Стать королем одной из стран,
Не может спрошен быть народом,
Как звать его и кто он родом.
А кто вопроса не избежит,
Тому немедля надлежит
Отречься от княжения...»¹⁰¹

Или:

...И тем из братьев, коим дан
Приказ в какой-нибудь из стран,
Где нет монарха, по закону
Державную надеть корону...¹⁰²

Все это очень любопытно, но особое мое внимание привлекли сведения, появившиеся далее, в длинном монологе члена Граалева братства, который рассказывал среди прочего о путешествии «в глубь Африки... дальше Рохаса»¹⁰³.

Ученые, как я обнаружил, ориентировочно отождествляли «Рохас» с горой Рохитшер в Заангау (Штирия)¹⁰⁴. Но подобное соотнесение представилось мне совершенно ошибочным: оно вовсе не вытекало из контекста, в котором упоминалась Африка, и доводы этих комментаторов меня нисколько не убедили¹⁰⁵. Однако я знал кое-что, чего не могли знать специалисты по Вольфраму из университетов Германии и Англии: Рохас — это древнее название города, затерянного в самом глухом высокогорье Эфиопии, города, ныне называемого Лалибелой в честь великого царя, который родился в нем и сделал его своей столицей, вернувшись туда с триумфом в 1185 году. Специалисты по средневековой немецкой литературе не могли знать и того, что тот же Лалибела провел предварительно четверть века в Иерусалиме, общаясь с рыцарями военно-духовного ордена, штаб-квартира которого находилась на месте храма Соломона, с рыцарями, проявлявшими интерес к любому претенденту на трон в стране, в распоряжении которой якобы находился ковчег Завета, для хранения которого и был построен храм. Теперь передо мной естественным образом встал вопрос: существуют ли какие-либо свидетельства того, что Лалибелу сопровождали рыцари-тамплиеры, когда он в 1185 году вернулся в Эфиопию и сверг Харбая?

Я не надеялся легко найти ответ на этот вопрос. Но, к счастью, в 1983 году я побывал в городе Лалибела, когда работал над книгой для эфиопского правительства, и сохранил свои «полевые» дневники. Последние я изучил с особым тщанием. К своему удивлению, я почти сразу наткнулся на любопытные сведения.

На потолке скальной церкви Бета Мариам (еще одно место поклонения Пресвятой Богородице) я заметил «выцветшие красные кресты вроде тех, что использовали крестоносцы». Тогда я отметил: «Они совершенно непохожи на обычные эфиопские кресты. Проверить их происхождение

по возвращении в Аддис-Абебу». Я даже зарисовал один из таких «крестов крестonosцев» (имеющих треугольные ветви). И, хотя я этого не помнил, я продолжил исследование этого вопроса: под рисунком другими чернилами я позже добавил: «*croix pattée*» («крест с расширяющимися перекладинами»).

В 1983 году я еще не знал, что эмблемой тамплиеров, принятой после того, как Собор в Труа официально признал орден в 1128 году, был как раз красный *croix pattée*¹⁰⁶. Но в 1989 году мне это уже было известно. Мало того, мне уже было известно, что на протяжении всей своей истории тамплиеры были связаны со строительством великолепных церквей.

Неизбежно у меня появились новые вопросы. Без преувеличения можно утверждать, что одиннадцать церквей Лалибелы были в архитектурном плане самыми совершенными зданиями, когда-либо возведенными в Эфиопии (по мнению ЮНЕСКО, они заслужили признания как одно из чудес света)¹⁰⁷. Более того, их окружает некая атмосфера загадочности: в стране были и другие скальные церкви, но ни одна из них даже отдаленно не могла сравниться с этими одиннадцатью. В самом деле, с точки зрения мастерства и эстетики монолиты Лалибелы уникальны. Еще ни один эксперт не смог предположить, как именно они были сооружены, и ходят упорные слухи, что в их строительстве принимали участие иностранцы. Несколько ученых высказывали предположения, что царь Лалибела нанимал каменщиков из числа индийцев или египетских коптов¹⁰⁸. А эфиопские легенды приписывали эти постройки ангелам! Теперь я задался вопросом: не были ли тамплиеры истинными строителями церквей Лалибелы?

Мои «полевые дневники» 1983 года рисовали картину фантастического архитектурного комплекса:

«Церкви остаются местами богослужения и сейчас, восемьсот лет спустя после их строительства. Важно подчеркнуть, однако, что они вовсе не построены в общепринятом понимании, а выдолблены и вытесаны непосредственно из монолитного красного вулканического туфа, на котором и стоят. Вследст-

вие этого они кажутся сверхъестественными не только по своим размерам, но и по мастерству исполнения и замыслу. Необходимо тщательное изучение для того, чтобы оценить по достоинству эту необычную архитектуру. Как и в случае с другими средневековыми загадками, здесь были приложены усилия к тому, чтобы скрыть их реальную природу. Одни сооружения скрыты в глубоких рвах, другие — в огромных искусственных пещерах. Все это объединяет сложный и поразительный лабиринт тоннелей и узких проходов с ответвляющимися склепами, гротами и галереями — холодный, покрытый лишайником подземный мир, темный и влажный, тихий, если не считать эха далеких шагов священников, вершащих свои вечные труды.

Четыре церкви стоят совершенно обособленно, прикованные к окружающим скалам только основанием. Хотя их размеры различаются, и довольно сильно, все они имеют форму больших каменных холмов, которым тщательно приданы все приметы обычных зданий. Они полностью замкнуты в границах глубоких дворов, высеченных в камне. Самая поразительная из них — Бета Георгис (церковь Святого Георгия). Она стоит в величественном одиночестве на приличном удалении от остальных. Эта церковь возвышается больше чем на сорок футов в центре глубокого, похожего на колодец углубления. Снаружи и изнутри она вытесана таким образом, что своим внешним и внутренним видом напоминает крест. Внутри имеется безукоризненный купол над святой святых, и все работы выполнены с непревзойденным мастерством».

Свои записки 1983 года, из которых привожу выше лишь отрывки, я закончил следующим вопросом:

«Если не рассматривать гипотезу о помощи ангелов, то каким именно образом были созданы чудеса Лалибелы? Сегодня, по правде говоря, этого не знает никто. Техника высекания камня в столь крупном масштабе и с таким совершенством давно затерялась в тумане истории».

Летом 1989 года, просматривая свои записки шестилетней давности, я с тревогой осознал, что этот туман почти не рассеялся и что мне предстоит еще долгие исследования. Интуиция подсказывала, что в создании комплекса Лалибелы могли участвовать тамплиеры. Но в пользу этого пред-

положения не было никаких свидетельств, кроме красных «крестов крестоносцев», изображения которых я видел на потолке церкви Святой Девы Марии (одной из четырех отдельно стоящих церквей).

И все же происхождение этих церквей окутывала настоящая тайна. Эта тайна отражалась в неспособности ученых объяснить, как они были сооружены и кто мог быть их архитекторами. Отголосок ее слышится и в заявлениях некоторых обитателей Лалибелы, утверждающих, что в строительстве участвовали ангелы. Изучая свои «полевые дневники» 1983 года, я открыл, что у загадки имеются и иные измерения.

В церкви Девы Марии, записал я тогда, священник подвел меня близко к занавешенному входу в святая святых и показал там высокую колонну. Я описал ее следующим образом:

«Толщиной со ствол дерева приличных размеров, она стремительно возносится из скального пола и теряется в дымке наверху. Она полностью обернута по спирали в очень древнюю, выцветшую ткань с едва заметными остатками выцветших красок. Священник утверждает, что это священный столп и что на нем выгравированы письма самого царя Лалибелы. Якобы они рассказывают о секретах того, как были созданы эти скальные церкви. Я поинтересовался, можно ли отодвинуть ткань, чтобы прочитать эти секреты, но бедный священник пришел в ужас. «Это было бы святотатством, — сказал он. — Покров никогда не снимают».

Как ни обидно, но в моих записках не нашлось больше ничего по этому вопросу. Я записал дальше лишь свои впечатления о «крестах крестоносцев» и покинул церковь Святой Девы Марии, чтобы посетить следующий храм комплекса.

Закрывая свою потрепанную походную тетрадь, с которой путешествовал в 1983 году, я испытал запоздалый приступ ярости на себя за то, что в свое время не проявил должного любопытства. В Лалибеле было *столько* вещей, которые я так и не удосужился изучить! Остались незадачными столько вопросов, которые я обязан был задать! Ред-

чайшие возможности открывались мне повсюду, а я пренебрег ими.

С тяжелым вздохом я обратился к стопке справочных материалов, которые собрал по Эфиопии. Целая куча фотокопий ценных, но — казалось мне — не имеющих отношения к делу академических материалов. Но попался среди них и труд, казавшийся многообещающим, — под заглавием «Пресвитер Иоанн Индийский». Это был перевод на английский отчета португальского посольства, побывавшего в Эфиопии в 1520—1526 годах. Написанный отцом Франсишку Алваришом, он насчитывает более пятисот страниц. Впервые его опубликовали в Лиссабоне в 1540 году, а в 1881 году его перевел на английский язык лорд Стенли, девятый барон Олдерли.

Я пользовался относительно новым (1961 года) изданием перевода лорда Стенли. Его редакторы — профессора К.Ф. Бекингом и Дж.У.Б. Хантингфорд из Лондонского университета — отзывались об Алварише как о человеке, «редко высказывающем глупые или недостоверные суждения... добром, тактичном, разумном человеке... чуждом непорядочности путешественника, пытающегося преувеличить свои познания». Вот почему повсеместно ученые считают, что его сочинение «представляет большой интерес благодаря своей необычайной подробности... [и] служит важным источником по эфиопской истории»¹⁰⁹.

Вдохновившись столь блестящей характеристикой, я обратился к странице 205 первого тома, где Алвариш начинает описывать свое посещение Лалибелы. Я мог лишь восхищаться пространством описанием каждой церкви с его исчерпывающими подробностями и простым деловым языком. Наиболее поразительным мне показалось то, как мало изменилось за четыре с половиной столетия, прошедшие между визитом Алвариша и моим собственным посещением Лалибелы. Приводилось даже описание покрова столпа в церкви Святой Девы Марии! Приведя другие детали интерьера этой церкви, португальский путешественник добавляет: «В ней также имеется высокая колонна на перекрестье трансепта, над которой укреплен балдахин, рисунок на котором, казалось, был оттиснут с помощью воска»¹¹⁰.

Подчеркнув тот факт, что все церкви были «полностью выдолблены из цельной скалы и выгесаны превосходно», Алвариш восклицает как бы в отчаянии:

«Я устал уже описывать эти здания, ибо мне кажется, что мне не поверят, если я напишу больше, и, памятуя о написанном мною прежде, могут обвинить меня во лжи. Поэтому я клянусь Господом Богом, во власти которого пребываю, что все написанное мною — правда, к которой ничего не было добавлено, и есть еще больше описанного мною, но я не касался этого в своих записях, чтобы меня не могли обвинить во лжи, так велико было мое желание поведать миру об этом великолепии»¹¹¹.

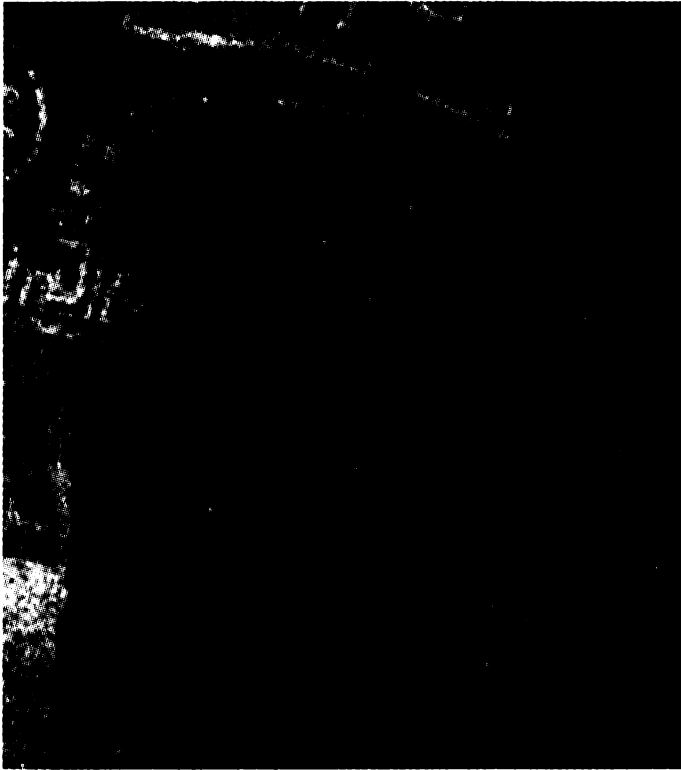
Как и положено хорошему репортеру, каковым мы, несомненно, вправе назвать его, Алвариш не упустил случая побеседовать со старшими священнослужителями в заключение своего визита, который — следует помнить — состоялся лишь через три с половиной столетия после создания церквей. Пораженный всем увиденным, португальский священник спрашивал своих собеседников, знают ли они, как долго велись работы по выдалбливанию и обтесыванию монолитов и кто их проводил. Полученный им ответ, не обремененный более поздними суевериями, заставил мое сердце забиться сильнее:

«Они сказали мне, что вся работа по этим церквям была выполнена за двадцать четыре года, о чем имеется соответствующая запись, и что они были созданы белыми людьми... Они сказали, что это было сделано по указу царя Лалибелы»¹¹².

Поскольку это венчало все мои изыскания, я почувствовал, что не могу пренебречь этим ранним и искренним свидетельством. Исторические книги на моих полках, разумеется, не упоминали никаких «белых людей», посетивших Эфиопию раньше самого Алвариша. Но это не исключало возможности того, что белые люди там все-таки побывали — белые люди, принадлежавшие к военно-духовному ордену, известному своими международными связями и своей скрытностью; белые люди, которые, по словам Вольфрама фон Эшенбаха, всегда «избегали вопросов»¹¹³; белые люди,

которых порой посылали «стать царями одной из стран»¹¹⁴; белые люди, чья штаб-квартира в XII веке стояла на фундаменте храма Соломона в Иерусалиме.

Странное заявление священников о «белых людях», прибывших в Лалибелу, поразило меня как нечто в высшей степени важное. Прежде всего, оно укрепило мою убежден-

Этот фотоснимок потолка скальной церкви Девы Марии предоставил мне канадский издатель Джон Пирс в ноябре 1991 года, незадолго до того, как данная книга была отправлена в печать. Пирс сделал эту фотографию во время посещения Лалибелы в 1982 году. На своде можно различить стилизованный «*croix pattée*», заключенный в звезду Давида — символ, весьма необычный для христианского культового сооружения, но весьма милый сердцу тамплиеров. Под сводом видна часть обернутой тканью колонны, на которой, по словам местных священников, сам царь Лалибела высек надпись с изложением секретов строительства этих скальных церквей.

ность в том, что Вольфрам не занимался домыслами, когда в своем «Парцифале» связал тамплиеров столь тесным образом со своей криптограммой Грааля и с Эфиопией. Да и не был он никогда писателем-фантастом; напротив, он был прагматичным, умным и целеустремленным человеком. Я все больше утверждался в мысли, что мои подозрения относительно него были обоснованны и что он действительно имел доступ к внутреннему кругу людей, владевших великой и ужасной тайной — секретом последнего пристанища ковчега Завета. Быть может, в качестве платы за услуги его «источника» — тамплиера Гийома Прованского — или даже более непосредственным образом орден поручил ему зашифровать секрет в захватывающем романе, который будет рассказываться и пересказываться на протяжении столетий.

Для чего это могло понадобиться тамплиерам? Я не мог не подумать по крайней мере об одном возможном ответе. Если бы тайна местонахождения ковчега была записана и хранилась в некоем вместилище (например, в погребенном в земле ларце), она могла быть утрачена или забыта в течение одного столетия или могла бы стать достоянием гласности, если бы кто-то откопал ее. Но хитроумно зашифрованная в популярном изложении наподобие «Парцифалья» (который, как я уточнил, был переведен почти на все современные языки и только на одном английском переиздавался пять раз в 80-е гг. XX века), та же тайна имела прекрасную возможность сохраниться бесконечно долго в мировой культуре. Таким образом, с течением столетий она становилась бы доступной для каждого, кто сможет расшифровать код Вольфрама. Короче говоря, она была бы спрятана на самом виду, воспринималась бы как «отличная шутка», но и, подобно всякой «карте клада» была бы доступна лишь немногим посвященным — решительным и целеустремленным искателям истины.

СОМНЕНИЯ РАЗРЕШЕНЫ

Посещение Шартрского собора и чтение «Парцифалья» Вольфрама фон Эшенбаха весной и летом 1989 года открыли мне глаза на многие вещи, которые я до тех пор упускал из виду, и прежде всего — на поистине революционную возможность того, что рыцари ордена тамплиеров могли совершить экспедицию в Эфиопию в XII веке в поисках ковчега Завета. Как объясняется в главе 5, мне не составило труда понять, что побудило их предпринять эту экспедицию. Но теперь мне предстояло установить, есть ли кроме этого какое-либо еще по-настоящему убедительное свидетельство того, что последним местом упокоения ковчега Завета и в самом деле может быть алтарь в Аксуме?

В конце концов, по всему свету разбросаны сотни городов и церквей, похваляющихся священными реликвиями того или иного рода — щепками Креста Господня, обрывками плащаницы, фалангой пальца святого Себастьяна, осколком копья Лонгина и т.д., и т.п. Почти в каждом случае, когда проводилось адекватное исследование, оказывалось, что подобные похвальбы не имели реального основания. Так почему же Аксум должен быть исключением? Тот факт, что его обитатели явно *верят* в собственные легенды, на деле ничего не доказывает, разве только то, что эти обитатели — люди впечатлительные и суеверные.

И при этом имеется ряд веских причин полагать, что эфиопы *не* обладают ковчегом Завета.

Проблема таботов

Во-первых и прежде всего: в середине XIX века Аксум посетил легат патриарха Армении, полный решимости доказать, что предание о нахождении там ковчега, «в которое верит вся Абиссиния», является на деле «отвратительной ложью»¹. Оказав определенное давление на священников Аксума, этот легат по имени Димофей добился, чтобы ему показали пластину из «красноватого мрамора длиной в двадцать четыре сантиметра, шириной в двадцать два сантиметра и толщиной лишь в три сантиметра»², которая, по утверждению абиссинских священников, была одной из двух скрижалей, хранившихся в ковчеге. Они так и не показали ему саму вещь, которую эфиопы считали ковчегом, и надеялись, что он удовлетворится видом скрижали, которую они называли *таботом* Моисея³.

И Димофей действительно остался доволен. С очевидным удовольствием человека, только что разоблачившего большой миф, он записал:

«Камень почти не поврежден и не несет на себе следов старения. Он может относиться, самое позднее, к тринадцатому или четырнадцатому столетию нашей эры... Глупые люди вроде этих абиссинцев слепо приняли этот камень за подлинный и купаются в лучах незаслуженной славы обладания им, [в то время как] не является истинным подлинником. Знатоки Священного Писания не нуждаются в дополнительных доказательствах: скрижали, на которых были записаны Божественные законы, были вложены в ковчег Завета и утрачены навсегда»⁴.

Что мне оставалось думать? Если каменная пластина, показанная армянскому легату, действительно была извлечена из реликвии, которая, по утверждениям обитателей Аксума, и была ковчегом Завета, тогда он правильно предположил, что они купаются в лучах незаслуженной славы, ибо бессмысленно утверждать, что предмет, изготовленный «в тринадцатом или четырнадцатом столетии нашей эры», мог являться одной из двух «скрижалей», на которых якобы были записаны десять заповедей за двенадцать с лишним веков

до Рождества Христова. Иными словами, если содержимое было поддельным, тогда и вместилище должно было быть поддельным, а значит, все аксумское предание в самом деле является «отвратительной ложью».

И все же подобный вывод казался мне преждевременным. Сперва следовало попытаться найти ответ на важный вопрос: действительно ли Димофею показали предмет, считавшийся подлинным *таботом* Моисея, или это было нечто другое?

Этот вопрос напрашивался сам собой, поскольку армянский легат был явно оскорблен и обижен самим предположением о том, что такие «глупые» люди, как эфиопы, могут обладать столь ценной реликвией, как ковчег Завета, и потому жаждал доказать обратное. Более того, перечитывая его отчет, я уловил, что его желание подтвердить собственные предположения пересилило исследовательский дух и что он так и не оценил тонкого хитроумия, присущего эфиопам.

Во время его посещения Аксума в 60-х годах XIX века для ковчега еще не был построен специальный алтарь⁵, и ковчег — или предмет, считавшийся ковчегом, — еще хранился в святой святых церкви Святой Марии Сионской (куда он был помещен в XVII веке императором Эфиопии Фасиледэсом после реконструкции этого великолепного здания⁶). Димофею же не позволили войти в святой святых. Вместо этого его привели в ветхое надворное деревянное строение, «состоявшее из нескольких помещений и расположенное слева от церкви»⁷. Здесь ему и показали пластину «из красноватого мрамора»⁸.

Из вышесказанного вытекает и немалая вероятность того, что аксумские священники одурачили армянского легата. Эфиопская православная церковь, как я знал, считала ковчег уникальной святыней. Поэтому представляется немислимым, чтобы ковчег или что-либо из его содержимого изымалось даже на время из святой святых церкви Святой Марии Сионской без крайней нужды. Таковой никак нельзя было посчитать неумное любопытство какого-то грубого иностранца. В то же время этот иностранец был все же

емиссаром патриарха Армении, гостем из Иерусалима, и простое благоразумие подсказывало отнестись к нему с известной долей уважения. Что было делать? Поэтому я и подзреваю, что священники решили показать ему один из многих простых *таботов*, хранившихся в Аксуме. Поскольку же он изъявил желание видеть что-либо, связанное с ковчегом, если не сам ковчег, эфиопы, исходя из добрых побуждений, да и из простой вежливости и желания убажить его слух словами, которые он явно желал услышать, заявили, что показывают ему «подлинный *табот* Моисея».

Дабы удостовериться в своей правоте по этому вопросу, я позвонил по международному телефону в Аддис-Абебу, где в то время проживал мой соавтор по книге 1983 года для эфиопского правительства, профессор Ричард Пэнкхерст (он вернулся в этот город в 1987 году и занял свою прежнюю должность в Институте эфиопских исследований). Сообщив ему вкратце о вновь пробудившемся у меня интересе к аксумскому преданию о ковчеге Завета, я спросил его об истории с Димофеем. Считает ли он, что показанный армянскому легату *табот* мог в действительности быть одним из предметов, хранившихся, как были уверены эфиопы, в ковчеге Моисея?

— Скорее всего нет, — ответил Ричард. — Они не показали бы такую священную вещь какому бы то ни было чужеземцу. Я читал книгу Димофея — она полна ошибок и заблуждений. Он был напыщенным человеком, довольно бессовестным в своих отношениях с Эфиопской православной церковью и не совсем честным. Полагаю, аксумское духовенство очень быстро раскусило его и подсунуло ему какой-то другой *табот*, не имевший для них особого значения.

В ходе дальнейшей беседы Ричард сообщил мне фамилии и номера телефонов двух эфиопских ученых, которые, по его мнению, могли бы помочь в моем исследовании, — доктора Белаи Гедаи (вот уже несколько лет тщательно изучавшего древнюю историю своей страны на основе многочисленных документов на амхарском и языке геэз) и доктора Хабле-Селассие из Института эфиопских исследований,

автора весьма уважаемого труда «История Древней и Средневековой Эфиопии до 1270 года»⁹, с которым я был уже знаком.

Вопрос о том, что именно увидел Димофей в Аксуме, всё ещё сильно занимал меня, и я решил поставить этот вопрос перед Хабле-Селассие. Я позвонил ему, представился и осведомился о его мнении по интересующему меня вопросу.

В ответ он рассмеялся:

— Конечно же, этот парень не видел подлинный *табот* Моисея. Священники показали ему копию, а не оригинал... В Эфиопии в каждой церкви имеется по нескольку *таботов*. В некоторых хранится по десять-двенадцать экземпляров, которые используются для различных ритуалов. Так что ему показали один из таких заменителей. В этом не может быть никаких сомнений.

Уверенность, с которой говорил историк, развеяла ещё оставшиеся у меня сомнения относительно свидетельства армянского легата. «Камень из красноватого мрамора», который ему показали, не мог служить доказательством ни за, ни против притязания эфиопов на обладание ковчегом Завета. Тем не менее его отчет о посещении Аксума вызвал у меня сомнения другого рода — сомнения относительно *таботов* в целом как категории священных предметов. Насколько я понимал, эти предметы предположительно являлись *копиями* ковчега Завета, который, как мне было прекрасно известно, представлял собой ларец размерами 2,5x1,5x1,5 локтя. И, тем не менее, показанную Димофею небольшую мраморную пластину называли *таботом* и описывали как одну из *скрижалей*, хранившихся в ковчеге.

Вот это-то мне и предстояло прояснить. Каждая эфиопская церковь обладала собственным *таботом* (и даже несколькими, как я теперь знал). Но действительно ли *таботы* являются копиями священного предмета, считавшегося ковчегом, который хранился в святой святых в Аксуме? Если так оно и есть и если все *таботы* — плоские пластины, тогда следует заключить, что и священный предмет должен представлять собой плоскую пластину, т.е. не может быть

ковчегом (хотя и может быть одной из скрижалей, на которых записаны десять заповедей).

Все те *таботы*, которые я видел за долгие годы знакомства с Эфиопией, определенно были пластинами, а не ящиками, причем пластинами, иногда изготовленными из камня, а иногда и из дерева. И именно эта характеристика навела исследовательницу Хелен Адольф на мысль, что Вольфрам фон Эшенбах описывал свой камень Грааля на основании определенного знания о *таботах*¹⁰.

Все было бы прекрасно, если бы *таботы* считались именно скрижалями, хранившимися в ковчеге. С другой стороны, если эти предметы считались копиями самого ковчега, тогда притязание Аксума на владение этой реликвией оказывалось под большим вопросом. Я не забывал, что именно эта проблема, привлечшая мое внимание после посещения этнографического хранилища Британского музея в 1983 году, некогда побудила меня отказаться от исследований великой загадки, которая сейчас вновь захватила меня всецело. Прежде чем продолжать свой поиски, я счел необходимым установить раз и навсегда, что именно представляют собой *таботы*. С этой целью я позвонил доктору Белаи Гедаи — другому эфиопскому ученому, рекомендованному мне Ричардом Пэнкхерстом. Представившись, я перешел прямо к делу и спросил:

— Считаете ли вы, что ковчег Завета находится в Эфиопии?

— Да, — категорично ответил он. — И не только я. Все эфиопы верят в то, что ковчег Завета находится в Эфиопии и хранится в церкви Святой Марии Сионской в Аксуме. Он был доставлен сюда после того, как император Менелик I посетил своего отца Соломона в Иерусалиме.

— А что вы скажете о значении эфиопского слова «*табот*»? Не означает ли оно «ковчег»? Являются ли *таботы* копиями хранящегося в Аксуме ковчега?

— На нашем языке множественное число слова «*табот*» — *таботат*. И они действительно являются копиями. Поскольку имеется лишь один оригинальный ковчег, а обычные люди нуждаются в чем-то осязаемом, с чем они могли бы связывать свою веру, все остальные церкви ис-

пользуют эти копии. В Эфиопии ныне насчитывается более двадцати тысяч церквей и монастырей, и каждая из них владеет по меньшей мере одним *таботом*.

— Так я и думал. Но все же я озадачен.

— Почему?

— Главным образом потому, что ни один из виденных мной *таботат* не походит на библейское описание ковчега. Все это пластины, порой изготовленные из дерева, порой — из камня, и ни один *табот* не имеет больше фута в длину и ширину и более двух-трех дюймов в толщину. Если подобные предметы считаются копиями реликвии, хранящейся в церкви Святой Марии Сионской в Аксуме, тогда логично заключить, что эта реликвия не может быть ковчегом Завета...

— Почему?

— Из-за библейского описания. Книга Исход четко описывает ковчег как прямоугольный ларец приличных размеров. Не вешайте трубку, я сейчас найду это место.

Я взял иерусалимское издание Библии с книжной полки над письменным столом, раскрыл ее на главе 37 Книги Исход, нашел нужную страницу и прочитал, как ремесленник Веселеил изготовил ковчег в соответствии с божественным планом, переданным ему Моисеем:

«И сделал Веселеил ковчег из дерева ситтим; длина его два локтя с половиною, ширина его полтора локтя и высота его полтора локтя; и обложил его чистым золотом внутри и снаружи...»¹¹.

— Какова длина локтя? — спросил Гедаи.

— Приблизительно — расстояние от локтя до кончика среднего пальца, иными словами, около восемнадцати дюймов. А это означает, что ковчег должен иметь около трех футов девяти дюймов в длину и два фута три дюйма в ширину и в глубину. *Таботат* просто не подходят под эти размеры. Они гораздо меньше.

— Вы правы, — задумчиво сказал Гедаи. — Тем не менее мы владеем подлинным ковчегом Завета. Это точно. У нас даже есть описание очевидца.

— Вы имеете в виду описание, сделанное армянским ле-
гатом Димофеем?

— Нет-нет. Вовсе нет. Он ничего не видел. Я говорю о том, кто побывал здесь гораздо раньше, — о географе по имени Абу Салих, между прочим, тоже армянин. Он жил в самом начале XIII века и сделал обзор христианских церквей и монастырей, главным образом находившихся в Египте. Кроме того, он посетил ряд соседних стран, в том числе и Эфиопию, и дополнил свою книгу сведениями об этих странах. Здесь-то и дается описание ковчега. Если мне не изменяет память, оно довольно точно согласуется с тем, что вы только что зачитали мне из Книги Исход.

— Эта книга Абу Салиха... Она была переведена на английский?

— О да. Отличный перевод был сделан в XIX веке. Вы, несомненно, найдете это издание. Издателем был некий мистер Эвэттс...

Два дня спустя я вышел из книгохранилища библиотеки Школы восточных и африканских исследований в Лондоне. В моих руках был выполненный Б.Т. Эвэттсом перевод монументальной работы Абу Салиха «Церкви и монастыри Египта и некоторых соседних стран»¹². На странице 284 я прочитал набранный мелким шрифтом подзаголовок «Абиссиния» и следующие восемь страниц наблюдений и комментариев. Среди прочего я прочел:

«Абиссинцы обладают ковчегом Завета, в котором хранятся две скрижали с начертанными перстом Бога заповедями для сынов Израилевых. Ковчег Завета помещен в алтаре, но он уже алтаря; высотой он с человеческое колено и обложен золотом»¹³.

Я одолжил у библиотекаря линейку и измерил собственную ногу от подошвы до колена — двадцать три дюйма. Это было уже очень близко к двадцати семи дюймам, указанным в Исходе, особенно если иметь в виду, что человек, «высотой с колено» которого был ковчег, был обут в туфли или сапоги. Я понимал, что подобный приблизительный размер не может служить неопровержимым доказательством; но с

другой стороны, это вовсе не исключало возможности того, что армянин-географ видел-таки подлинный ковчег Завета при посещении Эфиопии в XIII веке. Как бы то ни было, из его описания следовало, что он видел обложенный золотом ящик или ларец внушительных размеров, а не пластину из дерева или камня в несколько дюймов толщиной, наподобие *таботат*, которые видел я, или *табота*, показанного Димофею в XIX веке.

Что не менее примечательно, Абу Салих сообщил и некоторые подробности того, как христиане Аксума использовали — у него на глазах — этот предмет:

«Литургия с ковчегом служитя четыре раза в год в царском дворце, и его накрывают пологом, когда переносят из церкви, в которой он хранится, в дворцовую церковь; а именно: в праздник великого Рождества, в праздник славного Крещения, в праздник Воскресения Христова и в день Пятидесятницы (Троицы)¹⁴.

На мой взгляд, нет сомнений в том, что это более раннее свидетельство очевидца служит серьезным доводом в пользу притязаний Эфиопии на роль последнего пристанища ковчега Завета. Размеры и внешний вид реликвии вполне соответствуют этому, а описанный Абу Салихом способ переноски священного предмета под «пологом» вполне совпадает с правилами, изложенными в Библии:

«Когда стану надобно подняться в путь... и снимут завесу закрывающую, и покроют ею ковчег откровения, и положат на нее покров...»¹⁵.

Итак, все сходилось. Однако армянин-географ так и не дал мне ответа на трудный вопрос о форме предметов, известных под названием «*таботат*». Я же никак не мог пренебречь этой проблемой. Поэтому и решил проверить этимологию эфиопского слова. Означало ли оно в своей изначальной форме «ковчег»? Или же «каменную дощечку»? Или нечто совсем другое?

Поиски привели меня в интеллектуальную сферу, которой я никогда раньше не занимался (и которой предпочел

бы не заниматься больше никогда), а именно, в лингвистике. Роясь в куче непонятных и скучных документов, я установил, что древнеэфиопский язык — геэз — вместе с его современным и широко используемым вариантом — амхарским языком, входит в семью семитских языков, к которой принадлежит и иврит¹⁶.

Затем я узнал, что в библейском древнееврейском для обозначения ковчега Завета чаще всего использовалось слово «арон»¹⁷, которое никак не похоже на *табот*. Однако есть и другое древнееврейское слово — *теба*, от которого, по мнению ученых, и было производным эфиопского слова «*табот*»¹⁸.

Далее я попытался выяснить, использовалось ли в Ветхом Завете на иврите слово «*теба*», и обнаружил, что оно появляется там дважды. Примечательно, что в обоих случаях оно использовалось для обозначения некоего *вместилища* в форме корабля: в первый раз — при описании Ноева ковчега, на котором спаслись люди, выжившие во время потопа¹⁹, а во второй раз речь шла о просмоленной корзине из тростника, в которой младенец Моисей держался на поверхности Нила, когда мать спасала его от гнева фараона²⁰.

Обратившись затем к «Кебра Нагаст», я нашел одно место, где ковчег Завета описывался как «днище корабля»... «Два локтя с половиной будет его длина и полтора локтя — его ширина, и тебе следует обложить его чистым золотом и снаружи, и внутри²¹. В это «днище корабля» должны были быть помещены «две скрижали, с надписями, сделанными перстом Бога»²².

Подобный текст не оставляет места для сомнений. В том, что касается и его этимологии, и его раннего использования, эфиопское слово «*табот*» недвусмысленно обозначало библейский ковчег Завета в его изначальном виде — покрытый золотом ларец, для которого словосочетание «днище корабля» вполне могло послужить хитроумной метафорой, не только образно обозначающей предмет, но и связывающей ее концептуально с более ранними «кораблями» — Ноевым ковчегом и «ковчегом» из тростника,

имевшими — как тот, так и другой — священное и бесценное содержание.

Таким образом, слово «*табот*» вовсе не означало плоские пластины из дерева или камня. Загадка оставалась загадкой. Но ее в конце концов разрешил для меня член Британского научного общества и первый заведующий кафедрой эфиопских исследований Лондонского университета профессор Эдвард Уллендорф. Этот известный ученый, живший в Оксфорде после ухода на пенсию, утверждал, что вовсе не трудно объяснить, как эфиопы стали называть ковчегами пластины из дерева и камня:

«Подлинный ковчег, как предполагается, хранится в Аксуме; все остальные церкви могут обладать только копиями. В большинстве случаев, однако, они являются копиями не всего ковчега, а лишь его предполагаемого содержимого, т.е. скрижалей Закона... Иными словами, описание этих каменных или деревянных дощечек словом «*таботат*» — это просто обозначение целого ссылкой на его часть. В данном случае речь идет о самой важной части ковчега — хранившихся в нем скрижалей Завета»²³.

Мухи в янтаре

Мнение Уллендорфа устранило беспокоившее меня противоречие, но развеяло лишь часть сомнений относительно притязаний Эфиопии на обладание утраченным ковчегом. В труде, озаглавленном «Царица Савская в эфиопских преданиях», Уллендорф подчеркивает, что не следует принимать всерьез «Кебра Нагаст» как исторический труд; его предназначение заключалось скорее в прославлении Эфиопии, и именно с этой целью в него и введено понятие «ковчег»²⁴.

Уллендорф не был одинок в своем мнении о малой достоверности «Кебра Нагаст». Во вступлении к своему переводу этого эпического произведения сэр Уоллис Бадж указал на весьма низкую вероятность того, что царица Савская могла быть эфиопкой. «Гораздо вероятнее, — пишет он (по-

вторя тот довод, с которым я был уже знаком), — что ее родиной была Себха, или Саба, на юго-западе Аравии»²⁵.

Несколько крупных специалистов придавали большое значение тому факту, что во времена Соломона — за тысячу лет до Христа — Эфиопия не имела, по сути, подлинной цивилизации и уж определенно не могла похвастаться передовым городским обществом, способным выдвинуть такого просвещенного монарха, как царица Савская. В самом деле, по всеобщему мнению, просвещение проникло на Абиссинское нагорье не ранее VI века до н.э. и достигло некоего уровня утонченности не ранее, чем через четыреста лет. К тому же этот период прогресса нельзя рассматривать как чисто эфиопское достижение: катализатором стало нашествие арабских племен, чьи «превосходящие качества» революционизировали вялую культуру местного населения. Происходившие главным образом из Йемена, эти семитские иммигранты

«обосновались на севере Эфиопии и в процессе ассимиляции местного населения привнесли изменения в культуру. С собой они принесли бесценные дары: религию, более развитую социальную организацию, архитектуру и искусство, а также письменность»²⁶.

Короче говоря, эфиопская цивилизация была не только значительно моложе, нежели утверждают аксумские легенды, но и позаимствовала многое извне. В глубине души многие эфиопы осознавали это и чувствовали глубокую неуверенность в связи со своим наследием. В самом деле, в одном образцовом историческом труде выдвинуто предположение, что популярность «Кебра Нагаст» объяснялась тем, что она удовлетворяла глубокую психологическую потребность абиссинцев «доказать свое древнее происхождение... Народы-выскочки, как и люди-выскочки, страстно желают обрести предков, и народы, так же как и отдельные люди, не испытывают угрызений совести, подделывая свои генеалогические древа»²⁷.

На мой взгляд, значение всех этих аргументов заключено не столько в восприятии «Кебра Нагаст» как, прежде все-

го, фантастического произведения (хотя и не исключается возможность того, что рассказ о похищении ковчега мог быть основан на каком-то реальном факте), сколько в общем мнении о том, что эфиопская цивилизация относительно молода и является производной от цивилизации Южной Аравии.

Это общее мнение сказалось на моих попытках установить степень законности притязаний Эфиопии на обладание ковчегом, ибо это касалось цивилизации не только нагорья в целом, но и конкретно фалаша. Если верить «Кебра Нагаст», то иудаизм проник в Эфиопию в 950-х годах до н.э., когда Менелик и его свита прибыли в страну с ковчегом (там даже говорится, что сама царица Савская была обращена в иудаизм)²⁸. Поэтому существование туземных черных евреев в Эфиопии служит красноречивым подтверждающим доказательством присутствия там и ковчега. При более тщательном рассмотрении это оказалось не так — во всяком случае, по мнению ученых. Как говорил мне Ричард Пэнкхерст еще в 1983 году²⁹, академический мир в большинстве своем сходится во мнении, что иудейская вера вряд ли достигла Эфиопии раньше II века н.э. и что она проникла туда через Красное море из Йемена, где после 70 года н.э. бежавшие от римского преследования в Палестине эмигранты основали крупную еврейскую общину³⁰.

Одним из самых убежденных сторонников такой точки зрения был профессор Уллендорф, представивший пространные аргументы по этому вопросу в своем убедительном труде «Эфиопия и Библия» и категорично утверждавший, что предки фалаша были обращены в иудаизм евреями, которые «проникали в Эфиопию из Южной Аравии» на протяжении длительного периода с 70 по 550 г. н.э.³¹

Я решил изучить этот предмет как можно более тщательно. Если иудаизм фалаша насчитывал менее двух тысячелетий и пришел из Аравии, тогда огромная масса якобы убедительных «культурных подтверждений» прямых контактов между Эфиопией и Иерусалимом во времена Ветхого Завета может быть отвергнута с ходу, и притязание Аксума на роль последнего пристанища ковчега потеряет в зна-

чительной степени, если не полностью, свою достоверность.

Вскоре после того, как я приступил к новой фазе в своем исследовании, мне стало ясно, что единодушие ученых в вопросе «йеменского следа» проистекает в основном из отсутствия данных для какой-либо иной теории. Нет ничего, что доказывало бы, что иудейская вера *не* пришла в Эфиопию другим путем, но нет и доказательств того, что она пришла-таки другим путем. Отсюда склонность сосредоточиваться на Южной Аравии как на наиболее вероятном исходном пункте миграционного движения из этого региона в Эфиопию³².

Мне это показалось прискорбным недостатком логики, когда отсутствие доказательств рассматривалось на деле как доказательство отсутствия. Повторюсь: проблема заключалась в отсутствии доказательств того, что иудаизм мог прийти в Эфиопию гораздо раньше и иным путем, нежели склонны думать ученые, но одновременно нет доказательств и того, что так оно и было.

Поэтому я чувствовал, что вопрос остается открытым и что ради собственного удовлетворения мне необходимо изучить предания, верования и поведение фалаша и сделать собственные выводы об их происхождении. Я полагал, что их религиозный культ мог измениться на протяжении XII века под влиянием гостей с Запада и из Израиля. Поэтому я обратился к более ранним сообщениям, описывавшим их образ жизни до того, как на него оказали влияние культурные перемены новых времен.

По иронии судьбы, несколько таких сообщений было написано иностранцами, которые посетили Эфиопию с намерением произвести в стране культурные изменения, главным образом христианскими миссионерами XIX века, слышавшими о существовании крупной общины абиссинских евреев и стремившимися обратить их в свою веру.

Одним из таких миссионеров был Мартин Флад — молодой немец, прибывший в Эфиопию в 1855 году для вербовки приверженцев от имени Лондонского общества поощрения христианства среди евреев³³. Его книга «Фалаша

Абиссинии» была опубликована в 1869 году. Я нашел в Британской библиотеке зачитанный, потрепанный томик и вскоре с удивлением обнаружил целый ряд мест, в которых автор настаивал на том, что евреи появились в Эфиопии самое позднее во времена пророка Иеремии (около 627 г. до н.э.³⁴), а, возможно, и во время царствования Соломона. Отчасти Флад основывал свое утверждение на том факте, что

«...фалаша ничего не знают ни о Вавилонском, ни о Иерусалимском Талмуде, которые были составлены во время и после Вавилонского плена. Они также не соблюдают праздников Пурим и Освящения Храма, которые свято соблюдаются евреями нашего времени»³⁵.

Дальнейшее изучение книги показало, что праздник Освящения Храма — это не что иное, как Ханука (что означает буквально «Освящение»). На мой взгляд, самое знаменательное в этом факте состоит в том, что указанный праздник был установлен в 164 году до н.э.³⁶ и что по этой причине он обязательно должен был соблюдаться еврейской общиной, обосновавшейся в Йемене после 70 года н.э. Академический консерватизм, побудивший меня раньше смотреть на фалаша как на потомков эфиопов, обращенных этими йеменскими евреями, стал вызывать подозрения. Если говорить начистоту, то несоблюдение Хануки подсказывало только один разумный вывод: фалаша обратились в иудаизм до 164 года до н.э., и, значит, эта религия пришла к ним не из Йемена, а из другого места.

Далее я изучил вопрос о празднике Пурим, который, как обнаружил Флад, эфиопские евреи также не соблюдали. Этот праздник, как я узнал, также отмечался уже со II века до н.э. На самом деле он может иметь и более раннее происхождение: события, в память которых его празднуют, имели место в середине V века до н.э., и несколько специалистов, с которыми я консультировался, высказали предположение, что Пурим стал весьма популярен уже к 425 году до н.э.³⁷ Это указывает на интересную возможность, в существовании которой явно был убежден Флад: что фалаша

оказались изолированными от основного русла мирового иудаизма задолго до этой даты, быть может, еще в VI веке до н.э.

Во мне крепло ощущение того, что разрыв между абиссинской легендой и историческими фактами стремительно сокращается: пятьсот лет до Рождества Христова — это, в конце концов, лишь четыреста лет от Соломона. Становилось все вероятнее, что иудаизм фалаша пришел в Эфиопию в ранний ветхозаветный период, как, собственно, и утверждали «Кебра Нагаст» и сами фалаша. Если так оно и было, то напрашивался очевидный вывод: история доставки ковчега Менеликом в Эфиопию заслуживает гораздо более серьезного к себе отношения.

По этому пункту я нашел новое подтверждение в рассказе другого миссионера XIX века — Генриха Аарона Штерна, немецкого еврея, обращенного в христианство. Он путешествовал и работал в Эфиопии вместе с Фладом и опубликовал в 1862 году собственный труд — «Странствия среди фалаша Абиссинии».

По мере чтения этого 300-страничного тома у меня появилась крайняя антипатия к автору, оказавшемуся высокомерным, жестоким и беспринципным вербовщиком новообращенных, совершенно неуважавшим культуру и обычаи людей, среди которых он работал. В целом же я почувствовал несостоятельность и невразумительность его описаний религии и образа жизни фалаша. Поэтому я проникся омерзением к автору, едва дойдя до середины книги.

Но вот на странице 188 я обнаружил нечто интересное. Здесь, после утомительного описания абсолютного запрета, существовавшего среди фалаша на «браки с представителями иных племен и иного вероисповедания», Штерн утверждает, что эфиопские евреи соблюдали верность закону Моисея, «в соответствии с которым они строили свой культ». Затем он добавляет:

«Странно слышать в Центральной Африке о еврейском алтаре и искупительных жертвоприношениях... [И все же] позади каждого молельного дома имеется небольшое огороженное

место с большим камнем посредине; на этом подобии алтаря забивается жертва и совершаются все остальные ритуалы жертвоприношения»³⁸.

Хотя на тот момент мои представления об иудаизме были весьма ограниченными, если не сказать хуже, мне все же было известно, что нигде в мире современные евреи уже не практикуют жертвоприношение животных. Я не имел представления о том, сохраняется ли этот древний обычай среди фалаша в конце XX века. Однако рассказ Штерна ясно указывал на то, что он еще соблюдался сто тридцать лет назад.

Продолжая свое описание жертвенника, немецкий миссионер отмечает:

«Святая святых строго охраняется от незаконного проникновения... и горе тому чужестранцу, который, пренебрегая обычаями фалаша, осмелится приблизиться к запретным границам... Однажды я едва не совершил это непростительное преступление. Стоял знойный и душный полдень, когда после нескольких часов изнурительного пути мы добрались до деревни фалаша. Жажда отдохновения, я стал искать прохладное и спокойное укрытие и случайно углядел посредине одной огороженной лужайки гладкий камень, выглядевший так, словно его милосердно поместили там, дабы предоставить утомленному путнику уединение и отдых. Колючий часток с легкостью поддался моему железному копыю, и я готов был уже укрыться за плоским камнем, когда хор разгневанных голосов... напомнил мне о моей ошибке и заставил поспешно ретироваться»³⁹.

Я вдруг обнаружил, что жалею о том, что Штерн избежал наказания за покушение на святое место⁴⁰. В то же время я не мог не испытывать к нему благодарности: ведь он привлек мое внимание к тому, что фалаша практиковали жертвоприношения. Это было важнейшее указание, способное дать ответ на вопрос, когда именно эфиопские иудеи отделились от основного течения своих единоверцев.

Я посвятил немало усилий изучению малоизвестной темы иудаистского жертвоприношения во времена Ветхого

Завета. Постепенно передо мной вырисовалась картина постоянно развивавшейся традиции, начавшейся с простого приношения Богу, которое мог сделать кто угодно — священник или мирянин — и практически в любом месте, где стояло святилище. Положение дел начало изменяться после Исхода из Египта около 1250 года до н.э.⁴¹ С тех пор все жертвоприношения делались у входа в этот шатер, и любой нарушитель нового закона карался изгнанием:

«...Если кто из дома Израилева... приносит всесожжение или жертву и не приведет ко входу скинии собрания, чтобы совершить ее Господу, то истребится человек тот из своего народа»⁴².

Я узнал, однако, что этот запрет был не таким уж абсолютным, каким казался. Главная цель этого закона состояла не в отмене жертвоприношения в местных святилищах в любых обстоятельствах, а, скорее, в обеспечении проведения этого ритуала в централизованном национальном центре вероисповедания, *при условии, что такой центр существовал*. В пустыне таким центром был шатер с ковчегом. Позже, примерно с 1200 до 1000 года до н.э., такая национальная святыня была учреждена в Израиле в Шилохе, ставшем новым центром жертвоприношений. Примечательно, однако, что бывали времена политической смуты, когда из Шилоха приходилось уходить, и в такие периоды евреям разрешалось снова приносить жертвы в местных храмах⁴³.

К 950-м годам до н.э. построенный Соломоном в Иерусалиме храм сменил Шилох в качестве национального религиозного центра. Имеются, однако, свидетельства того, что жертвоприношения проводились время от времени и в других местах, особенно среди евреев, живших далеко от столицы. И только в правление царя Иосии (640—609 гг. до н.э.) был введен строгий всеобщий запрет на все виды жертвоприношения вне храма⁴⁴.

Этот запрет воспринимался настолько серьезно, что евреи, по-видимому, даже не пытались совершить жертвоприношения и десятилетия спустя после разрушения храма Навуходносором в 587 году до н.э. Более ранний обычай

пользоваться местными храмами при отсутствии национального центра отправления церковных служб был, похоже, безвозвратно утрачен. Все очень просто: раз нет храма, нет и жертвоприношений⁴⁵.

После возвращения из Вавилонского плена в Иерусалиме был построен второй храм и был восстановлен институт жертвоприношений исключительно при этом храме. Одновременно проводился в жизнь полный запрет на местные жертвоприношения, и ему, по-видимому, подчинялись беспрекословно. Система централизованного жертвоприношения оставалась непоколебимой с 520 года до н.э., когда был освящен второй храм, и до 70 года н.э., когда он был разрушен до основания римским императором Титом⁴⁶.

Строительство третьего храма даже не планировалось, разве что группами, связывавшими эту мечту с приходом все еще ожидаемого мессии⁴⁷. Вследствие этого евреи повсеместно отказались от жертвоприношений. *Фалаша были единственным исключением из этого правила*⁴⁸. Более того, из отчета Штерна явствует, что в XIX веке они совершали жертвоприношения во всех местах богослужения. Дальнейшее исследование подтвердило, что эта традиция была настолько сильна, что и сегодня большинство общин фалаша продолжают приносить жертвы, несмотря на растущее среди них влияние современной иудаистской практики отправления культа⁴⁹.

Размышляя над этим фактом, я понял, что должен существовать целый ряд возможных объяснений. Самое очевидное и привлекательное из них является и самым простым — и потому, скорее всего, правильным. Я пометил в своей записной книжке:

«Предки нынешних фалаша, вероятно, были обращены в иудаизм в те времена, когда все еще считалась приемлемой (для тех, кто обитал далеко от центрального национального храма) практика местных жертвоприношений. Это наводит на мысль, что обращение это произошло до введения запрета царем Иосией, т.е. не позднее VII века до н.э., а, возможно, и раньше.

(стр. 139)ГИПОТЕЗА: в какой-то момент между сооружением храма Соломона (середина 900-х гг. до н.э.) и царствованием Иосии (середина VII в. до н.э.) группа евреев эмигрировала из Израиля и обосновалась в Эфиопии. Они установили определенные места поклонения, где совершали жертвоприношения своему Богу, и принялись обращать коренных жителей в свою веру. Возможно, что поначалу они поддерживали контакты с родиной. Однако от нее их отделяло большое пространство, и логично предположить, что со временем они оказались полностью изолированными. Таким образом, их не затронули великие теологические революции, свершившиеся в иудаистском мире в последующие столетия.

Это объясняет, почему фалаша — единственные евреи, продолжающие все еще практиковать жертвоприношения. Застывшие в ловушке времени, как мухи в янтаре, они остались единственными, кто продолжает практиковать подлинный иудаизм эпохи первого храма.

Пока все хорошо. Но вот ВОПРОС: *почему* некая группа евреев эмигрировала из Израиля так далеко — в Эфиопию? Мы говорим о периоде с X по VII век до н.э., а не об эре реактивных лайнеров. Значит, у эмигрантов был какой-то сильный побудительный мотив. Какой?

ОТВЕТ: «Кebra Нагаст» не оставляет сомнений в природе этого мотива. Она указывает, что теми эмигрантами были первенцы израильских старейшин и что они прибыли в Эфиопию в свите Менелика, дабы заботиться о ковчеге Завета, который они похитили из храма».

Упадок и разрушение

Если описанная в «Кebra Нагаст» история принятия иудаизма в Эфиопии соответствует истине, рассуждал я, тогда можно надеяться найти где-то в исторических анналах доказательства того, что некогда иудейская вера пользовалась гораздо большей популярностью в этой стране, чем сегодня. Это было бы только естественно, если бы изначально иудаизм был связан со столь величественной фигурой, как Менелик I. Я припомнил, как мой старый приятель Ричард Пэнкхерст упомянул в разговоре нечто важное для данного направления поиска. Когда мы вместе работали в 1983 году,

он говорил мне, что в прежние времена фалаша были процветающим и сильным народом с собственными царями.

Вот почему я еще раз позвонил Ричарду в Аддис-Абебу и попросил его подсказать мне источники, которые могут пролить свет на упадок фалаша.

Он предложил обратиться к книге, о которой я был уже слышал, — «Путешествия к истокам Нила в 1768—1773 годах» шотландского искателя приключений Джеймса Брюса из Киннэрда. Пэнкхерст также порекомендовал мне посмотреть «Царские хроники», составленные во время правления ряда эфиопских императоров, начиная со Средних веков. В них задокументированы, сказал он, несколько войн между христианами и евреями, которые могут представлять определенный интерес.

— Кроме этого, — добавил Ричард, — я даже не представляю, где ты мог бы найти нужные сведения. Дело в том, что до Брюса о фалаша не было написано почти ничего серьезного.

Джеймс Брюс из Киннэрда, как я обнаружил, был довольно загадочной личностью. Выходец из пресвитерианской семьи из Стерлингшира, он принадлежал к низшей аристократии, но унаследовал достаточно большое состояние, чтобы удовлетворить свою страсть к заморским странствованиям. Первоначально, как мне показалось, именно эта жажда странствий завлекла его в сердце Эфиопского нагорья. Изучая же его труд о фалаша, я начал понимать, что он проявлял слишком большой и неизменный интерес к этому народу, чтобы его можно было объяснить обычным любопытством образованного путешественника. На протяжении ряда лет Брюс тщательно изучал веру, обычаи и историческое происхождение абиссинских черных евреев. Расспрашивая старейшин и религиозных деятелей, Брюс записал много древних преданий, которые иначе были бы безвозвратно утрачены для истории.

Одно из таких преданий утверждало, что «царь Аксума Эзана читал псалмы Давида и познакомился с молодым сирийцем Фрументием, который позже обратил его в христианство»⁵⁰. Далее Брюс ясно дает понять, что знакомство монарха с указанной книгой Ветхого Завета объяснялось *ши-*

*роким преобладанием иудаизма в Эфиопии того времени*⁵¹, т.е. в начале IV века н.э.

В контексте того, что мне было уже известно об обычаях фалаша, я охотно поверил этому утверждению и даже воспринял его как дополнительное подтверждение своей стремительно развивавшейся гипотезы, а именно, что некая форма иудейской веры, включавшая архаический обычай кровавого жертвоприношения, существовала в Эфиопии по крайней мере за тысячу лет до появления Фрументия с проповедью Евангелия Господня.

Вскоре я нашел новое тому подтверждение в древней и редкой эфиопской рукописи, когда-то хранившейся в тиграйской крепости в Магдале (захваченной и разграбленной в XIX веке британскими войсками под командованием генерала Напьера). В рукописи, озаглавленной «История и генеалогия древних царей», я обратил внимание на следующее место:

«Христианство ввез в Абиссинию в год 331-й от Рождества Христова Абуна Салама, которого прежде называли Фрументом или Фрументием. В то время эфиопские цари правили Аксумом. До того, как в Эфиопии стала известна христианская религия, половина ее жителей была евреями, соблюдавшими Закон; другая половина поклонялась дракону Сандо»⁵².

Указание на почитателей «дракона» (предположительно эвфемизм для всякого рода примитивных анимистических богов) вызывало интерес. Оно подсказывало, что иудаизм так никогда и не стал исключительной государственной религией Эфиопии и что в дохристианскую эру фалаша — как и евреи повсеместно — мирились с одновременным существованием языческих вероисповеданий. Однако, предположил я, фалаша несомненно должны были встревожиться и забыть о своей традиционной терпимости с появлением воинствующей монотеистической секты вроде христиан, которых они с полным основанием должны были воспринимать как реальную угрозу собственной исключительности и своим верованиям. Обращение царя Аксума в этом контексте должно было выглядеть особенно зловещим, и с

тех пор между иудеями и христианами шла постоянная борьба.

В преданиях, записанных Брюсом, многое подтверждает эти предположения. Шотландский любитель приключений утверждал, например, что фалаша

«...были весьма могущественны во время обращения в христианство, или, как они сами называли это, «вероотступничества». В то время они объявили своим государем царевича из колена Иуды, из рода Соломона и Менелика.

...Этот царевич... не пожелал отказаться от религии своих предков»⁵³.

Подобные обстоятельства, добавляет Брюс, не могли не привести к конфликту, поскольку христиане также заявляли, что их царь ведет происхождение от династии Соломона. И причины возникшего конфликта оказались сугубо светскими:

«Сама по себе религиозная рознь не довела до кровопролития. Но в связи с тем, что во главе двух этих религиозной группировок оказались два царя с одинаковыми притязаниями, началась борьба за единоличную власть, повлекшая за собой множество сражений»⁵⁴.

Брюс не приводит подробностей об этом «множестве сражений», книги по истории также хранят молчание, разве что упоминают, что в VI веке христианский царь Аксума Каллеб собрал огромную армию и переправил ее через Красное море для сражения в Йемене с неким иудейским царем⁵⁵. А нельзя ли предположить, рассуждал я, что та арабийская кампания была эскалацией борьбы между иудеями и христианами в самой Эфиопии?

Свидетельство в пользу этого содержится в «Кебра Нагаст». В заключительной части великой эпопеи я нашел конкретное упоминание о царе Калебе — в главе, пронизанной антииудейскими настроениями: здесь безо всякой видимой причины эфиопские иудеи неожиданно названы «врагами Бога»; мало того, в тексте содержится прямой призыв «разрезать их на куски» и опустошить их земли⁵⁶.

Все это сказано в контексте, где Калебу приписываются два сына. Одному из них дали имя «Израиль», а другому — «Гэбре Маскаль» (на эфиопском это означает «Раб Креста»). Трудно было не усмотреть в этих именах символ раскола между иудеями и христианами (христианскую сторону представлял, естественно, Гэбра Маскаль, а иудейскую — Израиль). Такая трактовка обрела еще большую достоверность, когда я припомнил, что фалаша называли самих себя не «фалаша», а «Бета Израиль» («Дом Израиля»)⁵⁷.

Итак, смысл этого отрывка очевиден. И все же приведенное описание обременено сложной и неясной образностью. Несколько раз, например, появляются слова «колесница» и «Сион». О первом я не имел никакого понятия, а второе — «Сион» — было одним из нескольких эпитетов ковчега Завета, часто используемых в «Кебра Нагаст»⁵⁸.

Все встало на свои места, когда я прочитал, что Израилю и Гэбре Маскалю было предопределено бороться друг с другом. За описанием боя следует такой текст:

«Бог скажет Гэбре Маскалю: «Выбирай колесницу или Сион», и повелит ему взять Сион, и будет он открыто править с трона отца своего. Израиля же Бог заставит выбрать колесницу, и будет он править тайно, и пребудет невидимым»⁵⁹.

Заканчивается «Кебра Нагаст» в том же стиле:

«Царству иудеев придет конец, и воздвигнется царство Христа... Так царю Эфиопии Бог дал больше славы, милости и великолепия, чем всем царям земным, ради величия Сиона, ковчега закона Божьего»⁶⁰.

У меня не вызывает ни малейшего сомнения, что здесь описывается — хоть и на таинственном языке символов — конфликт между иудеями и христианами Эфиопии или борьба за верховенство, в которой победили последователи новой веры и были посрамлены последователи старой веры, вынужденные с тех пор жить невидимками в потаенных местах. Также стало ясно, что в центре этой борьбы за власть находился ковчег Завета — Сион и что каким-то образом христиане сумели отобрать его у иудеев, которым ос-

талось довольствоваться с тех пор «колесницей», т.е. чем-то менее ценным.

Дальнейшее исследование показало, что фалаша вовсе не безропотно согласилась на невидимость и статус «второго сорта», который пытались навязать им христиане. Напротив, я обнаружил массу доказательств того, что они сопротивлялись — с величайшей решимостью и довольно долгое время.

Первый намек на продолжительную войну между абиссинскими иудеями и христианами я нашел в отчете путешественника IX века по имени Элдад ха-Дани, более известного как Элдад Данянин, поскольку он притязал на принадлежность к потерявшемуся колену Дана. Совершенно неясно, кем он был и откуда явился. В широко распространенном письме, датированном 833 годом н.э., он утверждал, что потомки Дана и еще три потерявшихся колена Израиля проживали в Эфиопии, где пребывали в постоянной вражде с христианскими правителями страны: «И убивали они мужей эфиопских и по сей день воюют с сынами царств Эфиопии»⁶¹.

Далее я обнаружил, что некоторые специалисты считали Элдада шарлатаном, а его письмо — плодом буйного воображения. Другие же полагали, что многое из написанного им основывалось на фактах⁶². Я, не колеблясь, встал на сторону второй школы — просто потому, что упоминания Элдада об абиссинских евреях были слишком близки к истине, чтобы быть чистой выдумкой. Например, он утверждал, что фалаша эмигрировали из Святой земли в Эфиопию во времена Первого храма, вскоре после распада на два царства — Иудейское и Израильское (т.е. около 931 года до н.э.⁶³...). Соответственно, писал он, они не отмечали праздников, установленных после этой даты, таких, как Пурим и Ханука. Не было у них и раввинов, «ибо последние появились со Вторым храмом и сюда не пришли»⁶⁴.

Мне уже было известно о несоблюдении указанных праздников среди фалаша и о соответствующих последствиях. Перепроверив Элдада, я установил, что у фалаша действительно не было раввинов: своих священников они называли «каэнами» (производное от еврейского слова «коэн»,

означающего «жрец» и восходящего к периоду Первого храма⁶⁵).

В целом же все указывает на то, что Элдад действительно побывал в Эфиопии и довольно достоверно описал состояние иудаизма в этой стране в середине IX века н.э. Его сообщение о длительной борьбе между абиссинскими иудеями и их соседями в тот период также представляется вполне правдоподобным:

«И у них белое знамя, и на нем написано черным: «Слушай, о Израиль, Господь наш Бог — единый Бог»... Им несть числа, как песчинкам в море, и не имеют они иного занятия, кроме войны; и когда выходят на битву, говорят, что сильным людям бежать не след: пусть они умрут молодыми, но не бегут, и пусть укрепят свое сердце в Боге; и несколько раз они повторяют или восклицают все вместе: «Слушай, о Израиль, наш Бог — единый Бог»; и все они весьма осторожны»⁶⁶.

В заключение Элдад указывает, что еврейские племена в Эфиопии были удачливы в своих воинственных начинаниях и «наложили руки свои на шею врагов своих»⁶⁷. Это, на мой взгляд, довольно точное описание истинного соотношения сил между христианами и иудеями в IX — начале X в. В конце концов, именно в то время была свергнута христианская Соломонова династия Аксума. Мне же было уже известно, что тот государственный переворот был делом иудейской монархини — великой царицы по имени Юдифь (Иудифь, или, возможно, Иегудифь).

Как было изложено в главе 5, за коротким и кровавым царствованием Юдифи последовало — быть может, полувесом позже — установление династии Загве, к которой принадлежал царь Лалибела. Хотя вначале Загве почти несомненно были иудеями, позже они обратились в христианство, а впоследствии (лет через пятьдесят после кончины Лалибелы) отреклись от трона в пользу монарха, притязавшего на Соломонову родословную.

Какими бы ни были его достижения, быстро стало ясно, что междуцарствие Загве не разрешило хронический конфликта между абиссинскими иудеями и христианами. Продолжая свое исследование, я узнал, что живший в XII веке и

много путешествовавший испанский купец Бенхамин из Туделы сообщал о присутствии в Эфиопии иудеев, которые «не находились под ярмом иноверных» и имели «свои города и замки на вершинах гор». Писал он и о войнах с христианами, в которых фалаша обычно побеждали и брали «военную добычу и трофеи» по своему желанию, ибо ни один человек не мог «превзойти их»⁶⁸.

В XV же веке еврей-путешественник Илия из Феррары рассказывал, как встретил в Иерусалиме молодого фалаша, который сообщил ему, как его единоверцы «сохранили свою независимость в горных районах, откуда они постоянно вели войны против христианских императоров Эфиопии»⁶⁹.

Столетием позже иезуит епископ Овьедо утверждал, что фалаша укрывались «в высоких недоступных горах и отобрали у христиан многие земли, став их хозяевами, а цари Эфиопии не могли покорить их, ибо они выступали только малыми силами и было весьма нелегко проникнуть в их скальные цитадели»⁷⁰.

Однако епископ ошибался. Свое мнение он высказал в 1557 году — а к тому времени фалаша не только никого не обирали, но и постоянно терпели поражения от христианских войск; дело шло к настоящему геноциду. Император из Соломоновой династии Сарца Денгель, правивший в 1563—1594 гг., провел против фалаша непрерывную семнадцатилетнюю кампанию, описанную одним уважаемым ученым как «настоящий крестовый поход, вдохновляемый религиозным фанатизмом»⁷¹.

Во время этой войны укрепленные районы фалаша в горах Симиен к западу и югу от реки Тэкэзе терпели жестокие удары, но оборонявшиеся защищались с большим достоинством. Даже льстивый летописец Сарцы Денгеля не смог не выразить своего восхищения храбростью одной группы еврейских женщин, которые, чтобы не стать пленницами и наложницами воинов императора, бросились в пропасть с криком: «Да поможет мне *Адоначи* [Бог]!»⁷²

Позже царь фалаша Радай был взят в плен. Когда ему предложили жизнь, если он обратится с молитвой к Деве Марии о милости, Радай якобы сказал: «Разве упоминать са-

мо имя Марии не запретно? Поторопитесь! Мне будет лучше, если я отправлюсь из мира лжи в мир справедливости, из темноты к свету. Убейте меня поскорее». Полководец императора Йонаэль ответил: «Если ты предпочитаешь смерть, умри мужественно и склони свою голову». Радай склонил голову, и Йонаэль ударил его своим большим мечом: с одного удара монарх фалаша был обезглавлен, а меч пролетел мимо его коленей и вонзился в землю. Видевшие эту ужасную сцену восхитились «мужеством иудея, перед лицом смерти объявившего, что земные вещи плохи, а небесные вещи хороши».

К концу описываемой кампании были атакованы и захвачены, несмотря на храбрость защитников, две последние крепости фалаша в горах Симиен. В обоих случаях командиры и их помощники предпочли самоубийство плену.

Но это не положило конец преследованиям. Напротив, еще большие зверства начались после 1607 года, когда на престол взошел император Сыснийос. Он организовал погром всех фалаша, еще проживавших на нагорье между озером Тана и горами Симиен. За следующие двадцать лет в ходе «массовой резни, не подлежащей никаким оправданиям» были уничтожены многие тысячи мужчин и женщин, а дети были проданы в рабство. Немногим выжившим, по словам шотландского путешественника Джеймса Брюса,

«было приказано отречься под страхом смерти от своей религии и креститься. И они согласились на это, ибо не видели другого выхода... Многие из них были крещены, и всех их заставили пахать и боронить в субботу»⁷³.

В результате подобных непрерывных и жестоких притеснений эфиопские иудеи лишились автономной государственности, которой, несомненно, когда-то пользовались, и тем самым были преданы забвению. Просматривая находившиеся в моем распоряжении довольно схематичные исторические документы, я обнаружил, что это постепенное исчезновение и погружение в безвестность можно выразить в цифрах.

В первом десятилетии XVII века фалаша исчислялись примерно «100 тысячами дееспособных мужчин»⁷⁴. Если

предположить, что на каждого такого мужчину приходилась семья из пяти человек, общая численность фалаша в тот период составляла около 500 тысяч. Приблизительно триста лет спустя — в конце XIX века — еврейский ученый Иосиф Галеви насчитал около 150 тысяч фалаша⁷⁵. К концу первой четверти XX века их численность резко упала до 50 тысяч, согласно подсчету другого, несомненно хорошо информированного, исследователя — Якова Файтловича⁷⁶. Шестьдесят лет спустя, в голодный 1984 год, фалашское население Эфиопии по относительно достоверным источникам оценивалось в 28 тысяч человек⁷⁷.

Прочитанное мною не оставляло сомнений в том, что кризис наступил в начале XVII века в ходе кампаний Сыннийос, сломившего сопротивление фалаша. Прежде они были многочисленным и могущественным народом с собственным государством и царями; но начиная с этого времени, лишенные всех прав и терпящие постоянные гонения, они стремительно сокращались в числе.

Таким образом, исторические хроники разрешили беспокоившее меня противоречие, ответив на вопрос, как объяснить униженное положение фалаша в более поздние времена, если иудаизм был принесен в Эфиопию столь яркой фигурой, как Менелик I, который также доставил в страну священный ковчег Завета, — самую ценную и престижную реликвию Древнего мира. Теперь я понимал, что никакого противоречия здесь нет. Напротив, именно такой сценарий, согласно которому иудаизм когда-то был весьма могущественным и влиятельным, подсказывал единственный возможный мотив для безжалостных погромов, резни и массового закабаления, которым подвергли своих соотечественников-фалаша Сыннийос и другие христианские императоры. Проще говоря, подобное странное и явно психопатическое поведение имело свой, хоть и извращенный, смысл, если христиане в самом деле боялись возрождения иудаизма и если страх их проистекал из того факта, что эта конкурирующая монотеистическая религия в свое время довольно долго оказывала исключительно сильное на эфиопскую жизнь.

«Вожденнейший камень Грааль...»

Все это, рассуждал я, убедительно подтверждает ту точку зрения, согласно которой иудаизм появился в Эфиопии раньше христианства. Это же служило и социальным подтверждением легенды о похищении ковчега Менеликом. Я подвел итоги своих изысканий:

- Архаичный обычай фалаша приносить в жертву животных, как и некоторые другие религиозные обряды, заставлял всерьез усомниться в консервативном академическом мнении о более позднем (южно-аравийском) происхождении эфиопского иудаизма. Напротив, собранные свидетельства довольно убедительно подсказывали, что иудейская вера должна была прийти в Эфиопию в период Первого храма и тогда же оказалась там в изоляции. Более того, «Кебра Нагаст» представляет самое красноречивое описание того, как и почему иудаизм пустил корни в сердце Африки в столь древние времена. Поскольку центральное место в этом описании занимала история похищения ковчега, притязание Эфиопии на обладание священной реликвией заслуживает серьезного отношения.
- Имеются четкие указания на то, что иудейская вера играла важную роль в Эфиопии задолго до прихода христианства в IV веке н.э. Позднее иудеи и христиане вступили в длительную борьбу не на жизнь, а на смерть. В ней победили христиане, которые и захватили ковчег Завета. С тех пор они постепенно включили ковчег в свои собственные, неиудейские религиозные обряды. Таково было единственное удовлетворительное объяснение аномалии, иначе не поддающейся пониманию, а именно, той центральной и уникальной в христианском мире роли, которую в службах Эфиопской церкви играют копии ветхозаветной реликвии.
- Эти копии сняты не с самого ковчега, а с его содержимого, т.е. скрижалей. Поначалу этот факт запутал ме-

ня; но теперь я понял, что это всего лишь пример экономного обращения с символами. В святая святых каждой из двадцати с лишним тысяч православных церквей Эфиопии хранился свой *табот*. За всеми этими *таботат*, да и за суеверным благоговением, которое они внушают населению в целом, скрывается таинственный и могущественный предмет. Теперь мне представлялось вполне возможным, что таковым предметом на самом деле может быть священный ковчег Завета.

Разумеется, еще не все концы сходились с концами. В том числе оставалась важная проблема этнической принадлежности царицы Савской (была ли она действительно эфиопкой?). С нею было связано не менее весомое и законное сомнение, высказываемое учеными: возможно ли, что в эпоху Соломона Эфиопия имела достаточно «развитую» цивилизацию, для того чтобы вступить в прямой культурный контакт с Древним Израилем? И, наконец, оставалась проблема Аксума, к которой в 1983 году мое внимание привлек Ричард Пэнкхерст⁷⁸. Этот священный город еще не существовал во времена Соломона, и, следовательно, ковчег не мог быть доставлен туда. Но это не исключает возможности, что реликвия хранилась в каком-то ином месте Эфиопии, а позже была перенесена в Аксум. Тогда где находилось это «иное место» и почему я не нашел никаких преданий о нем?

Таковы, понимал я, вопросы, на которые мне придется искать ответы. Возникали и другие загадки. В сущности, ковчег Завета по самой своей природе, таинственной и скрытой, *постоянно* порождает вопросы, путаницу, двусмысленности и заблуждения. Предмет столь редкий и ценный, наделенный столь великой силой, столь горячо почитавшийся на протяжении стольких столетий и насыщенный сверхъестественной энергией Бога, едва ли станет с легкостью выдавать свои секреты каждому встречному и поперечному.

И все же я чувствовал, что собранных мною сведений, подтверждающих притязания Эфиопии на роль последнего

пристанища ковчега, вполне достаточно для того, чтобы продолжить исследование. Более того, когда я соединил эти сведения с результатами своей расшифровки «Парцифалья» Вольфрама, мне трудно было удержаться от вывода, что два плюс два действительно равняется четырем.

Короче говоря, со всей этой информацией мне уже не казалось удивительным, что выявленная мною тайная традиция поисков была ориентирована на Абиссинское нагорье. В конце концов, какая еще историческая реликвия, кроме ковчега, могла послужить достойной целью устремлений для братства рыцарей, столь тесно связанных с тайнами Соломонова храма? И лишь в одной стране поиски ее давали сколько-нибудь реальную надежду на успех — в стране, где все еще соблюдались церемонии поклонения ковчегу, в стране, хранившей наследие Соломона и не без оснований притязавшей на обладание самим ковчегом.

Поэтому я уверился в справедливости своей гипотезы о том, что в конце XII века тамплиеры направились на поиски в Эфиопию и нашли бесценную реликвию, которую Вольфрам описал как «вожделеннейший камень Грааль»⁷⁹. Но кроме того, я уверился, что и они, в свою очередь, утратили ковчег: его у них отобрали, и они вынуждены были покинуть Эфиопию с пустыми руками.

Почему? Потому что немногие храбрецы осмеливались посещать Эфиопию в поисках ковчега и в XIV веке, после того как орден рыцарей Соломонова храма был полностью уничтожен. И еще потому, что все позднейшие искатели сокровища, хотя и путешествовали в разное время, но были напрямую связаны с тамплиерами и унаследовали их традиции.

БЕСКОНЕЧНЫЕ ТАЙНЫЕ ПОИСКИ

С I по VI век империя со столицей в Аксуме в Северной Эфиопии по праву могла претендовать на место среди самых мощных и процветающих держав в известном тогда мире. Она вела дела на равных с Римом и Персией и отправляла свои парусники в далекие порты Египта, Индии, Цейлона и Китая. Впечатляли ее достижения в архитектуре и искусстве, и она стала первым оплотом христианства в Черной Африке, приняв новую религию в качестве государственной в начале IV века н.э. (почти одновременно с чудесным обращением в христианство Константина Великого¹).

Однако к VII веку слава Аксума начала меркнуть. Он уже редко посылал посольства за свои пределы, а его некогда огромная военная мощь пришла в упадок. Эти перемены, приведшие со временем к полной изоляции, были тесно связаны с наступлением воинственных сил ислама при жизни самого пророка Мухаммеда (570—632) и в последующие годы. «Окруженные врагами своей религии, — писал Эдуард Гиббон в книге «Упадок и разрушение Римской империи», — эфиопы заснули почти на тысячу лет, забыв о мире, который забыл о них»².

Тысячелетие, о котором говорит знаменитый английский историк, длилось приблизительно с VII по XVI столетие, и за это время, стоило бы честно признать, Эфиопия почти исчезла из мирового сознания. Ранее хорошо известная и привлекавшая множество путешественников, эта христианская страна в отдаленных нагорьях Африки постепен-

но превратилась в таинственную землю мифов и магии, в которой, как считалось, обитали драконы и другие чудовища, в *terra incognita*, куда никто не осмеливался (или не желал) проникнуть.

Возникает искушение предположить, что абиссинцы возвратились к варварству или стагнировали на протяжении долгого периода — «черной дыры» своей истории. Однако мои исследования показали, что все как раз наоборот: как доказали удивительные, высеченные в скалах церкви Лалибелы, в стране сохранилась богатая и идиосинкразическая культура. Более того, хотя культура эта была обращена к самой себе и с недоверием относилась ко всему иноземному, она сохраняла связь с внешним миром. Царевич Лалибела провел двадцать пять лет в изгнании в Иерусалиме во второй половине XII века. И именно из Иерусалима он вернулся в Эфиопию, чтобы заявить права на свое царство и воздвигнуть монолитные церкви, которые сейчас носят его имя.

Как упоминалось в пятой главе, мои находки убедили меня, что когда Лалибела покинул Святую землю в 1185 году, чтобы вернуть свой трон, его, по-видимому, сопровождал отряд тамплиеров. Главной побудительной причиной для этих рыцарей, как я полагал, могло быть стремление разыскать в Эфиопии ковчег Завета. В пользу этой гипотезы логично предположить, что они с готовностью желали помочь принцу достичь его политических целей — ибо только так могли надеяться приобрести большое влияние на него.

Читатель помнит, что затем я узнал эфиопскую легенду об участии таинственных «белых людей» в строительстве церковей Лалибелы. Это древняя легенда. Когда португальский путешественник отец Франсишку Алвариш впервые записал ее в начале XVI века, она уже тогда была очень древней. Я знал, что тамплиеры — великие строители и архитекторы³, и не мог удержаться от мысли, что именно они и могли оказаться теми «белыми людьми», которые приложили руку к созданию высеченных в скалах монолитов. А так как церкви строились в течение двадцати четырех

лет, то рыцари могли находиться в Эфиопии долго и, возможно, даже обдумывали планы длительного участия в делах страны.

Подозрение, что именно так и могло быть, усиливалось по мере продолжения моих исследований, и чтобы объяснить, почему, прежде необходимо ознакомить читателя с тем, что происходило с тамплиерами в начале XIV века во время жестокого преследования ордена и вскоре после его запрещения. Эта информация требует также перекрестных ссылок на определенные события, происходившие в Эфиопии приблизительно в то же время.

Период, окутанный тьмой

Основанный в 1119 году и получивший официальное признание на церковном соборе в Труа в 1128 году орден тамплиеров быстро приобрел огромное международное влияние, богатство и престиж, однако спустя два столетия все это ему суждено было утратить. История катастрофического падения ордена слишком часто и подробно излагалась, чтобы повторять всю ее здесь⁴. Достаточно сказать, что совершенно неожиданно в пятницу 13 октября 1307 года всех тамплиеров, проживавших во Франции, арестовали. Это была хорошо спланированная операция, во время которой судебные приставы и сенешали французского короля Филиппа IV ворвались в сотни домов. Операция началась на рассвете, а уже к ночи пятнадцать тысяч человек оказались в цепях, и пятница 13-го стала печальной датой в народном сознании как самый несчастливый и неблагоприятный день календаря.

Обвинения, выдвинутые против тамплиеров, чтобы оправдать их драматический и унижительный арест, были столь же ужасны, сколь и надуманны. Например, их обвиняли в отрицании Христа, оплевывании Его образа, в непристойных поцелуях, которыми они обмениваются «дабы посрамить человеческое достоинство, следуя нечестивому ритуалу ордена» (как говорилось, во время посвящения в

орден каждого целовали в анальное отверстие, в пупок и в рот). Утверждалось также, что тамплиеры широко занимались различными гомосексуальными извращениями, «обязательными без возможности отказаться от них», и — последнее, но не менее важное, — они приносили жертвы идолам⁵.

В это время (и вплоть до 1377 года) официальная папская резиденция находилась в Авиньоне в Провансе. Нет необходимости вникать сейчас в причины, по которым папа оставил Ватикан⁶. Однако очевидно, что перемещение святейшего престола в место, расположенное в непосредственной близости от территории Франции, предоставляло королю Филиппу возможность оказывать огромное влияние на папу Климента V, возведенного в сан в Лионе в 1305 году в присутствии короля Филиппа⁷. Это влияние способствовало гонению на тамплиеров, которых Филипп решил уничтожить не только во Франции, но и во всех странах, где они обосновались. С этой целью французский монарх оказал давление на Климента V, который 22 ноября 1307 года издал буллу *Pastoralis praeeminentiae*, предписывающую начать аресты тамплиеров по всему христианскому миру⁸.

Преследование тамплиеров началось не только во Франции, но также и далеко за ее пределами — в Англии, Испании, Германии, Италии, на Кипре. И, наконец, в 1312 году еще одной буллой марионеточного папы орден был официально запрещен. Тем временем тысячи тамплиеров были подвергнуты ужасным пыткам и допросам. Многих впоследствии сожгли на костре, в том числе и Великого магистра Жака де Моле и настоятеля монастыря из Нормандии Жоффруа де Шарне⁹.

В мои намерения не входит углубляться здесь в описание гонений, судебных процессов и уничтожения тамплиеров. Заинтересовался я этим лишь потому, что мне удалось добыть свидетельства, которые предполагают возможность поиска тамплиерами ковчега Завета в конце XII века. Установив, что Лалибелу, возвращавшегося из Иерусалима в 1185 году, сопровождал отряд рыцарей, я, естественно, за-

интересовался: что же могло произойти дальше? И это любопытство побудило меня искать ключи к разгадке в дальнейшей истории ордена тамплиеров.

История эта оказалась довольно короткой: всего через сто тридцать лет после вступления Лалибелы на престол Эфиопии тамплиеры были схвачены, подвергнуты пыткам и сожжены на кострах. Их имущество и деньги поделили между собой царствующие дома Европы, их орден прекратил существование, а доброе имя их было опорочено обвинениями в содомии, богохульстве и идолопоклонничестве.

В исторических документах о последнем столетии существования тамплиеров я не нашел ни единого намека, подтверждающего возможность сколько-нибудь их длительного пребывания в Эфиопии. После начала 1200-х гг. след их просто теряется, и с тех пор вплоть до арестов в 1307 году орден, похоже, занимался исключительно своими кампаниями на Ближнем Востоке, приумножая богатства и укрепляя влияние.

Где же еще, задавался я вопросом, можно найти нужную информацию? Я сделал несколько попыток составить хронологическую запись развития событий в Эфиопии в интересовавший меня период. Известно, что Джеймс Брюс во время своего длительного пребывания в Эфиопии сделал все возможное, чтобы собрать и записать ее древние предания. Поэтому я обратился к его «Путешествиям», которые теперь постоянно лежали на моем столе.

Как я и надеялся, в конце первого тома обнаружилось несколько страниц, посвященных правлению царя Лалибелы. К сожалению, многое из написанного шотландским искателем приключений не имело никакого отношения к моим исследованиям. И все же одна деталь привлекла мое внимание. Основываясь на «историях и преданиях... наиболее достоверных в Эфиопии»¹⁰, Брюс сообщает, что Лалибела поощрял план сокращения стока вод в Нильскую речную систему, чтобы «уморить голодом Египет»¹¹. После «точного обследования и расчетов» этот знаменитый монарх из династии Загве, похоже, установил,

«что несколько рек, протекающих в самых высоких местностях [Эфиопии], можно подкопами перенаправить в низины на юг, не позволяя им соединиться с водами Нила и устремиться к северу. Таким образом, он обнаружил, что сможет препятствовать пополнению Нила, и воды его не поднимутся до уровня, необходимого Египту для возделывания земель»¹².

Я не мог не подумать, что подобный проект, несомненно, устраивал тамплиеров, которые к концу царствования Лалибелы (1211 г.) стали сосредоточиваться на завоевании Египта. На берегах Нила в это время произошло несколько довольно крупных сражений, и тамплиеры больше года осаждали арабскую крепость Дамиетта в дельте Нила¹³. Несомненно, что «уморенный голодом» и ослабленный Египет весьма соответствовал их интересам.

Однако план отведения рек так и не осуществился: «Смерть, этот обычный враг всех грандиозных предприятий, вмешалась и остановила замысел Лалибелы»¹⁴. Далее Брюс высказывает свое суждение по поводу двух последних царей династии Загве:

«Лалибеле наследовал Ибрахана Кростос, замечательный лишь тем, что он был сыном такого отца, как Лалибела, и отцом такого сына, как Наакуто Лааб; оба они отличались делами незаурядными (весьма выдающимися, удивительными, необычайными?), хотя и совсем разного рода. Дела первого из них, отца, заключались, как мы уже упоминали, — в великих инженерных проектах. Деятельность другого — работа ума еще более сложной природы: победа над собственным честолюбием, добровольное отречение от престола»¹⁵.

Я был уже знаком с историческими подробностями дальнейшего. В 1270 году Наакуто Лааба, последнего из династии Загве, убедили отречься от престола в пользу некоего Йекуно-Амлака, монарха, утверждавшего, что он происходит из рода Соломона. Этот царь — как читатель, возможно, помнит — ожидал своего часа в отдаленной провинции Шоа, где линия Соломона сохранилась благодаря потомкам единственного прямого наследника, царевича, спасшегося во время восстания иудейской царицы Юдифи в X веке¹⁶.

Брюс почти ничего не говорит о самом Йекуно-Амлаке и о его преемниках Ягбе Сионе (1285—1294 гг.) и Ведеме Арааде (который правил до 1314 года). Похоже, тех изощренных методов исследования, которые обычно предпочитал шотландский путешественник, оказалось недостаточно, чтобы получить сколько-нибудь серьезную информацию о столетии, последовавшем за смертью Лалибелы в 1211 году: «Весь этот период окутан тьмой, — сетовал Брюс. — Мы можем лишь строить догадки и не более того, а потому ответы почти ничего не дадут»¹⁷.

Подобной тьмой, как я уже знал, был также окутан период, предшествовавший восхождению Лалибелы на трон. И поэтому у меня оставалась масса вопросов. Самые важные из них касались ковчега Завета: мне необходимо было узнать, что с ним происходило в течение почти трехсот лет (с X по XIII в.), когда правление династии Соломона было прервано. И могли ли тамплиеры получить прямой доступ к священной реликвии, если, как я предполагал, они оставались в Эфиопии на протяжении всего правления Лалибелы?

И снова я позвонил в Аддис-Абебу историку Белаи Гедаи в надежде, что его знание местных преданий прольет свет на эти вопросы.

— Мы, эфиопы, считаем, — сказал он, — что в X веке священники и другие люди увезли ковчег из Аксума, чтобы уберечь его от уничтожения царицей Юдифью, и доставили его на остров на озере Звай.

— Вы имеете в виду Рифтовую долину к югу от Аддис-Абебы?

— Да.

— Ничего себе! Не ближний путь...

— Но ближе его могли бы найти. Как вам известно, Юдифь была иудейкой. Она хотела установить религию фалаша по всей стране и уничтожить христианство. В Аксуме она разграбила и сожгла церкви. Чтобы ковчег не попал в ее руки, священники увезли его, и очень далеко — на Звай, где, как они были уверены, царице до него не добраться.

— И как долго ковчег оставался на острове?

— Предания гласят, что семьдесят лет, а затем его снова вернули в Аксум.

Я поблагодарил Гедаи за помощь и повесил трубку. То, что он сообщил, более или менее соответствовало картине средневековой истории Эфиопии, которую мне уже удалось соединить в единое целое. Я знал, что Юдифь удерживалась на троне несколько лет после того, как свергла Соломонидов. И мне было известно, что ее впоследствии сменил первый монарх из династии Загве, вероятно, тоже иудей.

Однако позднее (и, конечно, задолго до правления Лалибелы) Загве обратились в христианство. Поэтому вполне возможно, что они позволили возвратить ковчег на его привычное место хранения в Аксуме, где он, по-видимому, и находился, когда к власти пришел Лалибела.

Важным подтверждением этого довода может служить свидетельство видевшего ковчег в Эфиопии армянского географа Абу Салиха, которое он приводит в своей работе «Церкви и монастыри Египта и некоторых соседних стран». Судя по тексту Абу Салиха, как объясняют во введении переводчик и редактор этого важного труда, ясно, что он был написан «в первые годы XIII века»¹⁸ — иными словами, во времена правления самого Лалибелы. И хотя Абу Салих нигде не указывает, в каком эфиопском городе он видел священную реликвию, нет оснований сомневаться, что этим городом был Аксум. Более того, когда я перечитывал нужный отрывок, меня поразили несколько слов, на которые я прежде не обратил внимания. Описывая перенесение ковчега во время определенных церемоний, географ отмечает, что его «сопровождали и несли» носильщики «с белыми и красными лицами, с рыжими волосами»¹⁹.

Я был поражен, когда вдруг понял, что передо мной еще одно раннее, не вызывающее сомнений свидетельство присутствия таинственных белых людей в Эфиопии во времена правления царя Лалибелы (особенно когда в другом авторитетном переводе в этом же отрывке «рыжие волосы» оказались переведены как «светлые»)²⁰.

Алвариш уже сообщил, что существует древнее предание о белых людях, высекавших в скалах удивительные церкви, — предание, которое вполне соответствовало тому, что я знал о выдающемся архитектурном мастерстве тамплиеров. И теперь, словно в подтверждение моей уже выстраиваемой теории, Абу Салих обращается ко мне через семь столетий с потрясающей новостью: люди с белым или красным цветом лиц, с рыжими или светлыми волосами, — иными словами, очень похожие на северных европейцев, были тесно и непосредственно связаны с ковчегом Завета.

Вероятность, что эти люди могли быть тамплиерами, представлялась очень соблазнительной, но это по-прежнему привязывало мои исследования к началу XIII века, тогда как ключевые вопросы все еще оставались без ответа. Если северные европейцы, которых видел Абу Салих, действительно были тамплиерами, то довольствовались ли они лишь тем, что время от времени выносили реликвию во время церемоний, или они все же пытались увезти ее из Эфиопии в Европу? И, самое главное, — если они пытались, то насколько успешно?

Однако мне пришлось признать, что по всем этим пунктам я зашел в тупик из-за полного отсутствия исторических сведений. Тамплиеры, несомненно, были одержимы скрытностью²¹, и меня не удивляло, что из их документов и записей трудно что-то почерпнуть. Ничего утешительного не нашлось и в эфиопских анналах: после изучения обширного ряда различных источников я был вынужден признать, что столетие, наступившее после смерти царя Лалибелы, действительно было периодом, «окутанным тьмой», как заметил Джеймс Брюс. Никаких сведений о событиях тех лет почти не существовало.

Я испытывал теперь крайний пессимизм в отношении своих изысканий: казалось, они никогда не сдвинутся с мертвой точки. И все же я позвонил Ричарду Пэнкхерсту в Аддис-Абебу, чтобы узнать, существуют ли хоть какие-то сведения о любых контактах между эфиопами и европейцами в данный период.

— Насколько мне известно, до 1300 года — ни одного, — ответил он.

— А после? Полагаю, первая встреча с европейцами была документально подтверждена, когда в 1520 году в Эфиопию прибыло португальское посольство?

— Не совсем так. Некоторые миссии следовали в другом направлении, я имею в виду — из Эфиопии в Европу. И самая первая из них была послана в том столетии, что наступило после смерти Лалибелы — именно в тот период, которым вы интересуетесь.

Я едва не свалился со стула:

— Вы случайно не знаете точной даты?

— Знаю. 1306 год. И это была довольно многочисленная миссия, думаю, около тридцати человек. Ее направил император Ведем Араад.

— А с какой целью, вы не помните?

— Точно не уверен. Вам лучше посмотреть источники. Но я знаю, что пунктом назначения был Авиньон на юге Франции.

Окончательное решение?

Ричард даже не осознал, что его сообщение прозвучало, словно взрыв бомбы. В Авиньоне находился престол папы Климента V, возведенного в сан в 1305 году в Лионе, в присутствии французского короля Филиппа. Более того, как мне было уже хорошо известно, именно Климент V в 1307 году приказал произвести аресты тамплиеров по всему христианскому миру. И вот теперь я узнал, что эфиопская делегация на высшем уровне (первая из когда-либо посланных в Европу) посетила Авиньон в 1306 году — именно за год до начала арестов. Было ли это случайным совпадением? Или в основе его лежала некая причинно-следственная связь? Чтобы получить ответы на эти вопросы, следовало попытаться установить, встречались ли абиссинские посланники с папой во время своего визита, и если да, то о чем они говорили.

Первоначальным источником информации о миссии 1306 года был труд генуэзского картографа Джованни да Кариньяно, который занимался картографированием на протяжении 1291—1329 гг.²² Я с интересом обнаружил, что этот самый Кариньяно существенно изменил представление европейцев об Эфиопии: после нескольких столетий путаницы (см. обсуждение в четвертой главе) он оказался первым авторитетным специалистом, заявившим недвусмысленно, что «пресвитер Иоанн» правил своим царством скорее в Африке, а не в «Индии»²³.

Кариньяно встретился с членами эфиопской миссии, когда они проезжали через Геную в 1306 году, на обратном пути из Авиньона на родину. В ожидании попутного ветра они провели в итальянском порту «много дней», и картограф расспросил путешественников о «ритуалах, обычаях и различных областях их страны»²⁴.

Но, к сожалению, трактат Кариньяно, содержащий все сведения, полученные им от эфиопов, впоследствии был утрачен. До наших дней дошло лишь краткое извлечение из него в «Бергамской рукописи» конца XV века, написанной неким Джакопо Филиппо Форести²⁵.

Наконец мне удалось раздобыть английский перевод этого отрывка. Это был всего один абзац, в котором Форести восхваляет, а затем излагает суть трактата Кариньяно:

«Среди множества всего, описанного в нем о государстве [эфиопов] говорится, что император их — христианнейший монарх, верность которому засвидетельствовали семьдесят четыре царя и бесчисленное количество царевичей. Известно, что этот император в 1306 год нашего спасения отправил тридцать посланников [которые] почтительно предстали пред папой Климентом V в Авиньоне»²⁶.

И это — не считая пары пустяков да уже упомянутой ссылки на «пресвитера Иоанна» — оказалось все, что известно о первой эфиопской миссии в Европу. Но сколь скудными ни были бы эти сведения, они подтвердили мое предположение, что посланники встречались с папой Кли-

ментом V²⁷, и именно за год до того, как он санкционировал массовые аресты рыцарей-храмовников.

Относительно содержания их встречи не существовало никаких сведений, равно как и малейшего намека, почему император Эфиопии был столь озабочен установлением контакта с папой Климентом V в 1306 году. Но вряд ли Ветдем Араад послал бы такое большое посольство с такой долгой и беспрецедентной миссией, если бы он не руководствовался весьма серьезной причиной. Теперь я счел себя вправе поразмышлять об этой причине.

Я взял блокнот и набросал ряд предположений, догадок и гипотез.

Допустим на миг, что тамплиеры отправились в 1185 году из Иерусалима в Эфиопию вместе с царевичем Лалибелой и что они помогли ему взойти на трон. Предположим, что «белые люди», которые, как считается, построили церкви Лалибелы, действительно были тамплиерами. И допустим также, что «белые люди», которые носили ковчег Завета во время церемоний в Эфиопии в начале 1200-х гг., были теми же самыми тамплиерами.

Следовательно, орден преуспел в завоевании доверия и влиятельного положения при дворе Лалибелы и династии Загве, к которой Лалибела принадлежал. Если так, то разумно предположить, что последние два монарха из этой династии, Имрахана Кростос и Наакуто Лааб, также поддерживали хорошие отношения с тамплиерами, которым они могли оставить привилегию доступа к ковчегу.

Предположим, что так все и происходило, и в течение шестидесяти лет после смерти Лалибелы в 1112 году тамплиерам дозволялось приближаться к священной реликвии, но, разумеется, не увозить ее из Эфиопии. Возможно, они замыслили увезти ее, но просто дожидались удобного случая. А тем временем на смену стареющим рыцарям, которые первыми прибыли в Эфиопию, орден слал других из Святой земли. Особой срочности вывоза ковчега Завета, возможно, не было, и они могли вполне довольствоваться тем, что он оставался в Эфиопии.

Однако эта ситуация должна была резко измениться в 1270 году, когда по каким-то причинам Наакуто Лааб был вынуж-

ден отречься от престола и его сменил Йекуно-Амлак, объявивший себя потомком царя Соломона. В отличие от Загве, Соломонида были неразрывно связаны с ковчегом Завета и убеждены, что Менелик I, основатель их династии, привез его из Иерусалима во время царствования самого Соломона. В этом контексте следует помнить, что первый записанный вариант «Кебра Нагаст» был составлен по распоряжению Йекуно-Амлака²⁸. Иными словами, хотя к тому времени устная легенда была уже очень древней²⁹, Йекуно-Амлак пожелал придать ей официальный статус — ведь она узаконивала его право на трон.

Из этого следует, что Йекуно-Амлака могло страшить присутствие в его стране группы вооруженных, воинственных и обладающих более развитой технологией иноземцев наподобие тамплиеров, которые могли призвать подкрепление из числа тысяч других членов своего ордена на Ближнем Востоке, проявлявших особый интерес к ковчегу и, возможно, даже вынашивающих планы его похищения.

Предположим, однако, что Йекуно-Амлак, неопытный и все еще неуверенный в себе правитель, вначале попытался умиротворить этих могущественных и опасных белых людей, сделав вид, будто желает сотрудничать с ними — так же, как Загве. Подобная стратегия вполне логична (особенно если иметь в виду, что армия этого царя была очень маленькой³⁰), и могла бы объяснить, почему за время его правления не произошло ничего особенного. При такой стратегии искать окончательное решение проблем: как избавиться от тамплиеров и сохранить ковчег пришлось бы его преемникам.

Сын Йекуно-Амлака (Ягба Сион, 1285—1294) был, пожалуй, в военном отношении еще слабее своего отца. Ему наследовал Ведем Араад, правитель гораздо более сильный, царствовавший до 1314 года. Показательно, что именно Ведем Араад был тем царем, который в 1306 году направил большое посольство к папе Клименту V в Авиньон.

Возможно ли, что целью этих послов было причинить неприятности тамплиерам и, быть может, дать папе и французскому королю Филиппу IV удобный повод уничтожить орден? Если предположить, что рыцари собирались доставить ковчег Завета во Францию, то это могло стать таким поводом. В конце концов, это было время, когда сознанием людей управ-

ляли глубокие религиозные предрассудки. Обладая такой священной и *могущественной* реликвией, тамплиеры оказались бы в уникальном положении и могли бросить вызов как светским, так и религиозным властям страны, и власти эти несомненно должны были бы предпринять любые шаги, чтобы предотвратить возвышение ордена.

Эта теория стала выглядеть особенно привлекательной на фоне арестов тамплиеров во Франции и в других странах. И все эти аресты произошли в 1307 году — то есть, приблизительно через год после отбытия эфиопской миссии из Авиньона. Это вполне соответствует тому, что известно о действиях короля Филиппа IV: существуют свидетельства, что он начал планировать свою операцию против тамплиеров еще за год до ее осуществления³¹ (т.е. в 1306 году), и несколько раз обсуждал свои планы с папой Климентом³².

Конечно, было бы глупо вообразить, что уничтожение тамплиеров было вызвано лишь влиянием эфиопских эмиссаров. Роль здесь сыграли также злоба и жадность Филиппа IV: орден несколько раз пренебрежительно обошелся с ним и к тому же Филипп положил глаз на огромные богатства, хранящиеся в казне тамплиеров на территории его государства.

Однако было бы неразумно счесть, что эфиопская миссия в Авиньон в 1306 году вообще не связана с событиями 1307 года. Напротив, более чем вероятно, что связь существовала, и связующим звеном был ковчег Завета.

Португальский и шотландский след

Тамплиеры были богатым и могущественным международным братством религиозных воинов. И, несмотря на все усилия короля Филиппа IV и папы Клементя V, уничтожить их оказалось не так легко. Самые сильные гонения на них были во Франции, однако некоторым братьям удалось спастись³³ — так, весь флот тамплиеров утром в день арестов ушел из атлантического порта Ла-Рошель, и его больше никогда не видели³⁴.

В других странах расследования и суды инквизиции были не столь свирепыми, как во Франции, однако в Англии (после длительных проволочек), в Испании, Италии, Герма-

нии на Кипре и в других местах в результате пыток, тюремных заключений и конфискации имущества орден тамплиеров прекратил свое существование³⁵. Однако в Португалии и Шотландии тамплиерам, похоже, почти полностью удалось избежать преследований. Обстоятельства в этих странах сложились настолько благоприятно, что ордену удалось там выжить.

В то время, когда папа Климент V в ноябре 1307 года издал свою буллу, постановив произвести аресты тамплиеров по всему христианскому миру, Шотландия вела жестокую борьбу против колониальных устремлений Англии за сохранение национальной независимости. Возглавлял эту борьбу самый известный из всех шотландских монархов, король Роберт Брюс, который в 1314 году в битве при Баннокберне нанес такое сокрушительное поражение англичанам, что на целые столетия обеспечил свободу своей стране. Брюса, полностью сосредоточившегося на войне, не интересовала папская вендетта против тамплиеров. Поэтому он только создал видимость их подавления, арестовав всего двух рыцарей³⁶, и лишь потребовал от остальных, чтобы они сидели тихо и не привлекали внимания.

Король не изменил своему слову: все свидетельствует о том, что он предоставил безопасное убежище не только шотландским тамплиерам, но и членам ордена, бежавшим от преследований из других стран³⁷. Однако, похоже, он действовал так вовсе не из альтруизма и великодушия, а чтобы поощрить беглых рыцарей присоединиться к его армии³⁸. Убедительно доказано, что тамплиеры сражались на стороне Брюса при Баннокберне³⁹, — факт, заслуживающий дальнейшего исследования, если вспомнить, что победоносные шотландцы шли в знаменитое сражение, следуя за крошечной реликвией в форме ковчега⁴⁰.

Благосклонность, которую Брюс оказал тамплиерам в Шотландии, и тот факт, что многие рыцари избежали арестов в Англии (из-за несвоевременного выполнения постановлений папской буллы) позволили ордену уйти в подполье на Британских островах — то есть не полностью исчезнуть, а укрыться и тайно выжить. Столетиями ходили слухи,

что сохранивший свою традицию орден принял устав масонства⁴¹ — мнение, которое поддерживается масонским преданием, будто старейшая шотландская ложа «Килвиннинг» была основана королем Робертом де Брюсом после битвы при Баннокберне «для принятия тех рыцарей-тамплиеров, которые бежали из Франции»⁴². В XVIII веке Эндрю Рамсей, известный шотландский масон и историк, придал достоверность этому преданию, тщательно исследовав связи между масонами и тамплиерами⁴³. И приблизительно в то же время барон Карл фон Хунд, выдающийся немецкий масон, заявил, что «Масонство берет начало от тамплиеров и, следовательно, каждый масон — тамплиер»⁴⁴.

Неудивительно, что подобное решительное утверждение могло быть сделано в XVIII столетии, а не раньше: это было время, когда масоны наконец «вышли из своих кабинетов» и стали свидетельствовать о себе и о своей истории⁴⁵. Позже, когда новый дух открытости стимулирует дальнейшие исследования, станет ясно, что «тамплиеры всегда были важной силой внутри масонской иерархии»⁴⁶. Исследование это, в совокупности со многими другими, ранее не известными материалами, недавно было включено в подробную авторитетную работу, проливающую свет на множество путей, которыми формировалось масонство, и влияние на него спасшихся тамплиеров⁴⁷.

Я вовсе не собираюсь здесь принимать участие в несомненно горячей, запутанной и узко специализированной полемике. Я лишь хочу доказать, что организация масонов унаследовала многие из самых главных традиций ордена рыцарей храма Соломона и что наследие это было вначале передано на Британские острова в 1307—1314 гг. тамплиерами, которые выжили после папских гонений, так как в Шотландии тогда существовали особо благоприятные для них условия.

Но, как я уже отметил, Шотландия была не единственной страной, где тамплиеры не пострадали. В Португалии их допрашивали, но сочли невиновными и потому не подвергали пыткам и не бросали в темницы⁴⁸. Разумеется, будучи добрым католиком, португальский монарх Диниш I не

мог позволить себе полностью игнорировать указания папы: соответственно, он на словах последовал этим указаниям и орден тамплиеров был официально распущен в 1312 году. Однако через шесть лет он возродился под новым названием: Братство Иисуса Христа, известное также как рыцари Христа или, еще проще, — орден Христа⁴⁹.

Это преобразование ордена дало возможность португальским тамплиерам не только избежать костров инквизиции в 1307—1314 гг., но также, словно феникс, возродиться из пепла в 1318 году и продолжить свое дело. Вся собственность и денежные средства ордена тамплиеров, а также его члены перешли к ордену Христа⁵⁰. Более того, 14 марта 1319 года вновь образовавшееся общество получило одобрение и признание папы Иоанна XXII (который сменил на папском престоле Климента)⁵¹.

В итоге, несмотря на жестокость, с которой тамплиеры были уничтожены во Франции и других странах, благодаря ордену Христа в Португалии и британскому (особенно шотландскому) масонству их традиции сохранились и дожили вплоть до наших дней.

Продолжая свои исследования, я все больше убеждался, что одной из этих прочных традиций был поиск ковчега Завета.

«Жаждали битвы, как волки, и резни, как львы...»

Если даже моя теория о тамплиерах в Эфиопии была верна, я понимал, что нет никакой возможности установить, что могло произойти с ними в этой стране после гонений, начавшихся в Европе в 1307 году. Исторических документов о правлении Ведыма Араада практически не существовало. Можно было предположить, что после миссии, отправленной им в Авиньон, император мог оставаться в курсе событий и узнать об уничтожении ордена. Уверенный, что больше никакие рыцари не смогут досаждать ему, он мог теперь

принять меры против тех тамплиеров, которые оставались в Эфиопии, изгнав их либо истребив — что вероятнее.

В любом случае, такова была моя рабочая гипотеза, и, возможно, я бы не думал больше об этой стороне моего исследования, если б не узнал о «португальском следе», обозначенном орденом Христа. Дело в том, что лишь за двумя незначительными исключениями⁵², все известные ранние посетители Эфиопии были португальцами. Более того, интерес португальцев к царству «пресвитера Иоанна» уже обнаружится в то столетие, когда уничтожили тамплиеров, и с самого начала исходил от членов ордена Христа.

В этих усилиях первой и самой энергичной личностью, о которой имеется вполне достоверная информация, был принц Генрих Мореплаватель, Великий магистр ордена Христа, который, судя по описанию его биографа, обладал «крепостью духа и остротой ума в высочайшей степени... [и который] был, как никто другой, честолюбив в своем стремлении к свершению великих и возвышенных деяний»⁵³.

Родившийся в 1394 году, Генрих уже к 1415 году живо заинтересовался мореплаванием⁵⁴. Его, как он сам признавал, влекла величайшая цель: «узнать все о земле пресвитера Иоанна»⁵⁵. Хронисты, его современники, так же, как и историки нашего времени, полностью согласны с тем, что большую часть своей знаменитой деятельности он посвятил достижению именно этой цели⁵⁶. Однако все его действия окутаны атмосферой тайны и интриги. Эдгар Престейдж, профессор португальского языка, литературы и истории Лондонского университета, ныне покойный, заметил:

«Мы весьма недостаточно осведомлены о путешествиях Генриха, и это в основном благодаря политике секретности, заключавшейся в утаивании фактов... исторических трудов... морских руководств, карт, инструкций для мореплавателей и их отчетов»⁵⁷.

Во времена Генриха приверженность к секретности была столь велика, что разглашение результатов различных разведывательных морских путешествий каралось смертью⁵⁸. Несмотря на это, все же известно, что принц был

одержим идеей установить прямой контакт с Эфиопией и пытался достичь этой цели, обогнув Африку, так как более короткий путь через Средиземное море и Египет, а затем выход в Красное море был блокирован враждебными мусульманскими войсками⁵⁹. Более того, капитанам торговых португальских кораблей, отваживавшимся ходить вдоль побережья Западной Африки, давалось поручение: прежде чем обогнуть мыс Доброй Надежды, расспрашивать о «пресвитере Иоанне», чтобы выяснить, не быстрее ли будет добраться до его царства по суше⁶⁰.

Можно лишь догадываться об истинной цели португальского принца. Согласно общепринятой точке зрения, он намеревался, как «добрый крестоносец»⁶¹, вместе с христианским императором Эфиопии возглавить антиисламский союз. Возможно, и так. Поскольку все серьезные планы по завоеванию Святой земли для христианского мира были оставлены более чем за столетие до рождения Генриха, мне все же трудно было отказаться от мнения, что он имел несколько иной мотив — некий тайный замысел, объясняющий и его скрытность, и увлечение личностью пресвитера Иоанна.

Продолжая изучать жизнь великого мореплавателя, я все больше обретал уверенность: мотив этот коренился в убеждении Генриха, что, как Великий магистр ордена Христа, он должен унаследовать все мистические традиции ордена храма Соломона. Примечательно, что он был поглощен занятиями математикой и космографией — «движением небес и астрологией»⁶², и его постоянно окружали иудейские врачи и астрономы⁶³, во всех отношениях напоминавшие вольфрамовского персонажа Флегетана, который «видел собственными глазами... скрытые в созвездиях тайны [и]... объявил, что имеется некая вещь, именуемая «Грааль», название которой он без особого труда прочитал по звездам»⁶⁴.

И еще один момент подтверждал мою мысль о том, что традиции тамплиеров оказали глубокое влияние на португальского принца: Генрих дал обет безбрачия. Рыцари ордена Христа не были связаны такими строгими правилами,

как их предшественники из ордена Храма, однако, подобно Великим магистрам тамплиеров, Генрих «никогда не женился, сохранив великое целомудрие [и] оставшись девственником до самой своей смерти»⁶⁵. Меня также не могло не удивлять, явилось ли чистым совпадением, что прославленный мореплаватель выбрал для составления своего завещания день 13 октября 1460 года⁶⁶ — в сто тридцать пятую годовщину со дня арестов тамплиеров во Франции.

Генрих умер в 1460 году, вскоре после того, как составил завещание, и лишь в начале XX века обнаружилось некоторые секретные архивы, относящиеся к последнему десятилетию его жизни. Среди этих документов (часть которых была опубликована в 1924 году доктором Хайме Кортесе в журнале «Лузитания»⁶⁷) обнаружилась короткая записка, гласившая, что «посол пресвитера Иоанна посетил Лиссабон за восемь лет до смерти Генриха»⁶⁸. Какова была цель этой миссии и о чем принц беседовал с эфиопским посланником — неизвестно. Однако вряд ли случайно, что через два года после их встречи португальский король Альфонс V даровал ордену Христа духовное руководство над Эфиопией⁶⁹. «Нам все еще неизвестны причины этого решения», — признает профессор Престейдж⁷⁰.

В том же 1460 году, когда умер Генрих Мореплаватель, в порту Синес на юге Португалии родился его достойный преемник — Васко да Гама, также рыцарь ордена Христа⁷¹, открывший в 1497 году путь в Индию вокруг мыса Доброй Надежды.

Примечательно, что, отправляясь в свое знаменитое плавание, Васко да Гама взял с собой две вещи: белый шелковый стяг с вышитым на нем двойным красным крестом ордена Христа и верительные грамоты для вручения пресвитеру Иоанну⁷². Более того, хотя основной целью путешествия для португальского адмирала действительно была Индия, он уделил значительную часть своей экспедиции исследованию Африки и, как рассказывали, рыдал от счастья, когда, став на якорь у Мозамбика, получил достоверное сообщение, что пресвитер Иоанн живет в глубине страны да-

леко к северу⁷³. Те же осведомители утверждали также, что эфиопский император «владеет многими городами на побережье»⁷⁴. Это утверждение не соответствовало действительности, но следующие остановки да Гамы в Малинди, Момбасе, Браве (где он построил маяк, сохранившийся до наших времен) и Могадишо были частично вызваны его неизбывным стремлением установить контакт с пресвитером Иоанном⁷⁵.

Тем временем в 1487 году, спустя десять лет после того, как да Гама отправился в плавание, орден Христа субсидировал другую экспедицию, также стремившуюся достичь Эфиопии. В том году португальский король Жуан II, бывший тогда Великим магистром ордена, послал своего доверенного помощника Педро де Ковильяна в опасное путешествие ко двору пресвитера Иоанна через Средиземное море, Египет и Красное море. Выдавая себя за купца, Ковильян прошел через Александрию и Каир в Суакин, где в 1488 году сел на небольшой арабский парусник, отправлявшийся в йеменский порт Аден. Множество приключений, которые он затем пережил, надолго задержали его в пути, и в результате Ковильян лишь в 1493 году наконец достиг цели, добравшись до Абиссинии⁷⁶. Он сразу же явился к императорскому двору, где его вначале радушно приняли, но затем поместили под домашний арест. Можно лишь догадываться, почему так случилось, но известно, что Ковильян был очень искусным шпионом, прежде служившим тайным агентом в Испании⁷⁷, и трудно отказаться от мысли, что орден Христа мог дать ему поручение собирать сведения о местонахождении ковчега Завета. Возможно, он вызвал подозрения, расспрашивая о священной реликвии. Во всяком случае, до конца жизни его держали под стражей в Эфиопии⁷⁸.

Ковильян был еще жив, когда в 1520 году в порту Массая высадилось первое официальное португальское посольство ко двору пресвитера Иоанна и направилось в глубь страны, чтобы встретиться с Лэбной Денгелем, императором Соломоновой династии, находившимся на троне с 1508 года. Одним из членов этого посольства был отец

Франсишку Алвариш — тот самый, как помнит читатель, которому священники поведали древнее предание о церквах Лалибелы, высеченных в скалах «белыми людьми»⁷⁹.

Я вновь обратился к английскому переводу пространного повествования, написанного Алваришом после того, как он в 1526 году покинул Эфиопию. Перечитывая главу о Лалибеле, я поразился описанием церкви Святого Георгия. На крыше этого великолепного здания возвышался высеченный «двойной крест, то есть, один внутри другого, наподобие крестов ордена Христа»⁸⁰.

Разумеется, я уже знал, что церкви Лалибелы были высечены во времена тамплиеров, задолго до возникновения ордена Христа, основанного, чтобы стать его преемником. Однако, логично предположить, что крест ордена Христа произошел от изображения, которое могло иметь важное значение для тамплиеров. Поэтому меня заинтриговало, что такое изображение креста использовалось в церкви Святого Георгия — несомненно, самой прекрасной во всем комплексе Лалибелы. Мысленно возвращаясь к своему посещению его в 1983 году, я не мог вспомнить этот двойной крест, но, весьма заинтригованный, я просмотрел фотографии, которые сделал во время путешествия. Алвариш оказался абсолютно прав, описывая церковь Святого Георгия: двойной крест на ней был.

В середине 1520-х гг., когда португальское посольство все еще находилось при дворе Лэбны Денгеля, стало ясно, что Эфиопия вскоре подвергнется нападению мусульман, силы которых были сосредоточены в эмирате Харар в восточной части Африканского Рога. Эти войска возглавлял грозный и харизматический военачальник Ахмед ибн Ибрагим эль Гази по прозвищу «Гран» (что означало «левша»).

После нескольких лет тщательных приготовлений Гран в конце концов объявил в 1528 году священную войну и повел орды диких сомалийцев, поддерживаемых арабскими наемниками и турецкими мушкетерами, чтобы с яростью обрушиться на христианские нагорья⁸¹. Поход этот затянулся на годы. По всей Эфиопии пылали города и деревни,

разрушались церкви, грабились бесценные сокровища, гибли тысячи людей⁸².

Лэбна Денгель проявил достаточную холодность по отношению к португальцам. На протяжении шести лет, пока их посольство оставалось при его дворе (1520—1526 гг.), он постоянно подчеркивал свою независимость, заявляя, что, несмотря на мусульманскую угрозу (которая к 1526 году была уже очевидна), он не видит необходимости вступать в союз с какой-либо иноземной державой⁸³. Думаю, эта странная изоляционистская позиция могла быть вызвана обеспокоенностью в отношении истинных побуждений европейских гостей, и особенно того, что касалось ковчега Завета.

Однако, какие бы опасения ни испытывал император, он постепенно все больше осознал, что Гран представляет гораздо большую угрозу, чем белые люди, — и не только для священной реликвии, но и для самого существования эфиопского христианства. В 1535 году мусульмане напали на Аксум и разрушили до основания древнюю и самую священную церковь Святой Марии Сионской⁸⁴, из которой, как я позже расскажу, священники уже увезли ковчег в другое место для безопасного хранения. В 1535 году также — и не по случайному совпадению — Лэбна Денгель наконец преодолел свою антипатию к союзу с иноземцами и отправил посланца к португальскому королю с просьбой о срочной военной помощи⁸⁵.

А тем временем сообщение между Эфиопией и Европой стала намного сложнее, так как турки захватили контроль почти над всем побережьем Африканского Рога и над многими портами Красного моря. Императорский призыв не скоро достиг своего места назначения, и лишь в 1541 году отряд португальских мушкетеров высадился в Массауа, чтобы поддержать абиссинскую армию, которая к этому времени была уже почти разбита и деморализована. Лэбна Денгель, после многолетних скитаний, умер от истощения, и его преемником стал сын Гелаудеуос, едва вышедший из отроческих лет⁸⁶.

Португальский отряд был вооружен мушкетами, пистолетами и несколькими пушками, и на него возлагались большие надежды. Эфиопская царская хроника 1541 года, сообщает, с какой уверенностью промаршировали португальцы от побережья к нагорью, восхваляя их как «смелых и отважных воинов, которые жаждали битвы, как волки, и резни, как львы»⁸⁷. Вряд ли это описание преувеличено: при всей своей немногочисленности, они сражались доблестно и одержали ряд решающих побед. Позже британский историк Эдвард Гиббон всего несколькими словами подвел итог их подвига: «Эфиопию спасли четыреста пятьдесят португальцев»⁸⁸.

Весьма знаменательно, на мой взгляд, что португальским подкреплением командовал не кто иной, как дон Кристофер да Гама — сын знаменитого Васко да Гама, так же, как и отец, рыцарь ордена Христа⁸⁹. Джеймс Брюс так описывал этого юного искателя приключений, который очень заинтересовал его:

«Он был храбр до безрассудства; ревностно относился к тому, что считал честью солдата; тверд в своих решениях... [Однако] в длинном перечне достоинств, которыми он обладал в наивысшей степени, не было ни малейшего признака терпения, так необходимого тем, кто командует армиями»⁹⁰.

Полагаю, что дон Кристофер, как рыцарь ордена Христа, вполне мог иметь скрытый мотив для боевых действий в Эфиопии: разгромив вначале мусульман, он затем занялся бы поисками ковчега Завета. Однако его неосторожность и нетерпеливость стоили ему жизни, прежде чем он успел достичь хотя бы одной из этих целей.

Несмотря на подавляющее неравенство в численности, Кристофер неоднократно вступал в бой с войсками Ахмеда Грана. Однажды, покинутый абиссинцами, он столкнулся с десятью тысячами копьеносцев и разбил их. Однако подобные безрассудные подвиги были сопряжены с риском, и в 1542 году дон Кристофер попал в плен (очевидец описывал, как незадолго до этого «он был ранен в правое колено

и продолжал сражаться, держа меч в левой руке, ибо правая была перебита другим выстрелом)»⁹¹.

Португальского военачальника вначале подвергли жестоким пыткам, а затем, как описывает Брюс его последние часы, дон Кристофера

«привели к мавританскому полководцу Грану, осыпавшему его бранью, на что тот ответил такой руганью, что мавр в приступе ярости схватил свой меч и отсек ему голову»⁹².

Но не прошло и года, как мусульманский предводитель тоже был убит. В бою на берегах озера Тана, произошедшей в феврале 1543 года, его застрелил некий Петер Леон,

«человек невысокого роста, но очень энергичный и храбрый, бывший камердинер дон Кристофера... Когда мавры заметили отсутствие своего полководца, они решили, что все конечно. Ряды мавританского войска смешались, и португальцы и абиссинцы преследовали врага до самой ночи, жестоко уничтожая его»⁹³.

Так через пятнадцать лет невиданных разрушений и насилия наступил конец мусульманским попыткам подчинить себе христианскую империю Эфиопии. Эта победа далась португальскому отряду дорогой ценой: как и доблестный дон Кристофер, половина из четырехсот пятидесяти мушкетеров погибла в сражениях. Потери абиссинцев были, конечно, намного больше (они достигали десятков тысяч), а культурный урон, исчислявшийся сожженными рукописями, иконами и картинами, полностью разрушенными церквями и разграбленными сокровищами, оставался весьма ощутимым для цивилизации нагорья в течение последующих веков.

Однако величайшее сокровище было спасено: за несколько дней до того, как мусульмане сожгли Аксум, священники увезли ковчег на один из многочисленных островов-монастырей на озере Тана. Там он хранился в безопасности еще долгое время после гибели Грана. А затем, в середине 1600-х гг., император Фасиледэс, которого Брюс описал как «величайшего государя, когда-либо восседавшего

го на абиссинском троне»⁹⁴, построил новый кафедральный собор Святой Марии Сионской на месте разрушенной до основания старой церкви, и священная реликвия была наконец снова помещена туда, с должными почестями, во всем своем прежнем великолепии⁹⁵.

Фасиледэс совершил еще одно деяние. Несмотря на долг благодарности португальцам, которым после успешного завершения войны с Граном было позволено селиться в Эфиопии, император считал своей обязанностью убрать все их поселения. Видимо, он был так обеспокоен их намерениями, что заключил соглашение с турками из Массауа, согласно которому любой португальский путешественник, прибывший туда и собирающийся попасть в Эфиопию, должен быть схвачен и обезглавлен; за каждую полученную таким образом голову выплачивалась значительная сумма золотом⁹⁶.

Истоки тайны

После смерти Кристофера да Гама и с завершением царствования Фасиледэса интерес к Эфиопии, который проявлял орден Христа, похуже, угас, и португальцы словно забыли об этой стране.

Однако, как уже отмечалось ранее, орден Христа был не единственным, кто сохранил традиции тамплиеров. Шотландские масоны также восприняли часть мистического наследия храма Соломона, в котором ковчег Завета играл главную роль. Из-за этого шотландского следа, а также утверждения Джеймса Брюса из Кинэйрда, будто он является потомком короля, в XIV веке давшего приют тамплиерам⁹⁷, я почувствовал необходимость более тщательного исследования деятельности самого дерзкого и решительного из всех иноземцев, когда-либо посещавших Эфиопию.

Ростом более шести футов и четырех дюймов, и соответствующем телосложении, Брюс выглядел настоящим великаном («самый высокий человек, на которого вы могли когда-либо *бесплатно* поглазеть», как описывал его один из

современников). Он был также человеком состоятельным и хорошо образованным. Родился Брюс в 1730 году в своем родовом поместье в Кинэйрде на юге Шотландии. Когда ему исполнилось двенадцать, его отправили в школу Харроу, и учителя считали, что он отлично преуспел в изучении классических языков. Позже он завершил свое образование в Эдинбургском университете.

Потом он долго болел, а когда выздоровел, отправился в Лондон, чтобы заняться работой, предложенной ему Ост-Индской компанией. Там он страстно влюбился в очень привлекательную женщину по имени Адриана Аллан и в 1753 году женился на ней. Вскоре после этого стал партнером тестя в виноторговом предприятии.

А затем случилась трагедия. Во время поездки во Францию Адриенна внезапно умерла, и хотя Брюс позже снова женился и стал отцом нескольких детей, ему понадобилось долгое время, чтобы примириться с утратой первой жены.

Не зная покоя, находясь в постоянном унынии, он стал много путешествовать, с невероятной легкостью изучая новые языки, в какой бы стране ни находился. Странствия привели его вначале в Европу, где он дрался на дуэли в Бельгии, затем он проплыл вниз по Рейну, осмотрел римские развалины в Италии и изучал арабские рукописи в Испании и Португалии. Впоследствии, когда его лингвистические способности признало правительство, он получил дипломатический пост британского консула в Алжире. Отсюда он позже совершил длительное путешествие вдоль побережья Северной Африки и побывал на руинах Карфагена, прежде чем отправился в Святую землю, где исследовал другие древние места. К тому же он находил возможность возвращаться иногда в Шотландию, чтобы приглядеть за родовым поместьем, владельцем которого он стал после смерти своего отца в 1758 году.

В то время молодой шотландец занимался астрономией и приобрел два телескопа, которые повсюду возил с собой. Он также познакомился с геодезией и навигацией, что оказалось для него неоценимым подспорьем во время путешествий по Абиссинии.

Точно неизвестно, когда Брюс задумал это свое последнее приключение, но существуют свидетельства, что он готовился к нему довольно долго (например, изучать геэз, классический эфиопский язык, он начал еще в 1759 году⁹⁸). Благодаря этой подготовке, которая включала подробное изучение работ всех прежних путешественников, Брюс приобрел основательные знания об этой стране к 1768 году, когда он прибыл в Каир, чтобы начать свое эпохальное путешествие.

Что же вдохновило Брюса посетить Эфиопию? Сам он вполне недвусмысленно объяснил причину, заявив, что отправился туда на поиски истоков Нила, рискуя подвергнуться «бесчисленным опасностям и испытаниям, самое незначительное из которых могло погубить меня, если бы не постоянная благосклонность и защита провидения»⁹⁹. Чтобы ни у кого не возникло сомнений в его цели, он ясно указал ее в развернутом названии своей огромной книги, которую впоследствии написал: «*Путешествия в поисках истока Нила в 1768, 1769, 1770, 1771, 1772 и 1773 годах*».

Однако здесь существует некая загадка, привлекавшая внимание не одного историка (хотя никто из них так и не предложил ее решения)¹⁰⁰. И заключалась эта загадка в том, что еще задолго до своей поездки в Эфиопию, Брюс *знал*, что исток Голубого Нила уже был разведан и тщательно исследован двумя европейцами: Педро Паишем и Жеронимо Лобо, португальскими священниками, которые жили в Эфиопии в 1600-х гг., пока не вступил в действие запрет Фасиледэса.

В 1989 году, по мере того как я все дальше продвигался в своих исследованиях, связанных с ковчегом Завета, мое внимание все больше привлекала загадка Брюса. Пять громадных томов его «*Путешествий*» стали для меня основным справочным пособием, так как давали уникальную картину эфиопской культуры того периода, когда культура эта еще не была слишком изолирована от своих архаичных истоков. Более того, я знал, что шотландский искатель приключений был признанным ученым, и на меня сразу же произвели впечатление предельная точность его наблюде-

ний и основательность взглядов и суждений по вопросам истории. Я также считал его честным человеком, не склонным к преувеличениям и искажению фактов. И я постоянно задавался вопросом (ибо из множества собственных комментариев Брюса было ясно, что он внимательно изучил работы Паиша и Лобо¹⁰¹), как же отнестись к тому, что Брюс не признал достижений Паиша и Лобо¹⁰². Поскольку я полностью был согласен с последующей исторической оценкой: «Брюс отнюдь не фантазер. Это был надежнейший проводник»¹⁰³, меня все больше озадачивала его очевидная нечестность в этом важнейшем вопросе — нечестность, которую он попытался скрыть, заявляя, что «ни один португалец... никогда не видел истоков Нила и даже не утверждал, что видел»¹⁰⁴.

Вскоре я обнаружил, что Брюс лгал не только в этом. В отношении ковчега Завета он был еще более уклончив и нечестен. Описывая свое первое посещение священного города Аксума, он говорит о разрушении Ахмедом Граном первой церкви Святой Марии Сионской и добавляет, совершенно справедливо, что на ее развалинах была построена новая церковь:

«Предполагается, что в ней хранится ковчег Завета, который Менелик, как говорят их неправдоподобные легенды, украл у своего отца Соломона, возвращаясь в Эфиопию. Думаю, здесь хранилась какая-то древняя копия Ветхого Завета, но что бы это ни было, все уничтожено Граном, хотя все делают вид, будто эта вещь находится здесь до сих пор. Я слышал об этом от самого царя»¹⁰⁵.

Итак, Брюс, похоже, пытается сказать, что ковчег Завета никогда не приносили в Аксум (ибо история о Менелике и царе Соломоне — всего лишь «неправдоподобная легенда»), что реликвия, некогда хранившаяся в церкви, могла быть лишь «какой-то древней копией Ветхого Завета», и что даже этой реликвии больше не существует, так как она была «уничтожена Граном». Свои заявления он затем подкрепляет утверждением, будто их подтвердил «сам царь».

Если бы не это последнее замечание, я бы мог поверить, что Брюс просто ничего не знал о том, что ковчег спасли во время войны с мусульманами и что позже, после восстановления церкви Святой Марии Сионской, его возвратили в Аксум. Утверждение, будто «сам царь» подтвердил, что реликвия уничтожена, — явная ложь: в 1690 году, гораздо позже кампании Грана и почти за восемьдесят лет до приезда самого Брюса, эфиопский монарх входил в святая святых новой церкви Святой Марии и действительно *видел* ковчег (таким образом, подтвердив его существование). Этот монарх, Иясу Великий, был одновременно священником, и потому ему дозволялось не только видеть священную реликвию, но также открывать ковчег и заглядывать внутрь¹⁰⁶. Трудно представить, чтобы царь во времена Брюса не знал о таком известном и беспрецедентном случае, и мне пришлось заключить, что шотландский путешественник снова погрешил против истины¹⁰⁷.

Я еще больше уверился в своей правоте, когда понял, что, вопреки его собственному заявлению, Брюс на самом деле вовсе не считал эфиопское предание о Менелике, Соломоне и царице Савской «неправдоподобной легендой». Напротив, он относился к нему с величайшим уважением. В первом томе своих «*Путешествий*», примерно за тысячу страниц до рассказа о посещении Аксума, он весьма подробно описывает тесные культурные и торговые связи между Эфиопией и Святой землей в ранние ветхозаветные времена¹⁰⁸. Среди всего прочего он ясно излагает свое мнение, что царица Савская — реальная историческая личность, а не мифическая фигура¹⁰⁹, что она действительно посещала двор царя Соломона в Иерусалиме («в этом путешествии нет никакого сомнения»¹¹⁰).

Затем он переходит к описанию «не столь уж невероятной»¹¹¹ истории, приведенной в «Кебра Нагаст», о любви царицы и Соломона и рождении Менелика. В том же духе он пересказывает историю визита Менелика в Иерусалим и его возвращения в Эфиопию вместе с «группой иудеев, среди которых было много ученых знатоков закона Моисея»¹¹². Эти события, заключает Брюс, привели к «основа-

нию эфиопской монархии и продолжению царской власти в колоне Иудином до нынешнего дня... вначале, когда они были иудеями... и после того, как они приняли христианство»¹¹³.

Все это являлось не более чем кратким изложением «Кебра Нагаст» в контексте, придававшем ей гораздо больше убедительности и исторической достоверности. Однако странно, что, приводя все основные подробности, Брюс совершенно не упоминает о ковчеге Завета — упущение, которое могло быть явно преднамеренным, если учитывать главную и всеобъемлющую роль священной реликвии в эфиопском национальном эпосе.

Поэтому мне снова пришлось прийти к выводу, что шотландский путешественник намеренно вводил в заблуждение своих читателей относительно ковчега. Но зачем? Какая у него могла быть причина? Мое любопытство росло, я внимательно перечитал его описание Аксума и обнаружил важную деталь, на которую прежде не обратил внимания: Брюс посетил Аксум восемнадцатого-девятнадцатого января 1770 года¹¹⁴.

Я тут же понял, что выбор этой даты был не случайным, ибо именно в эти два дня он мог стать очевидцем празднования *Тимкат* — самого важного праздника эфиопской православной церкви. Только в эти дни, единственный раз в году, как я узнал из беседы со священником-хранителем в 1983 году, ковчег Завета, традиционно оборачивали богатой парчой («чтобы оградить от него мирян»¹¹⁵) и выносили во время процессии¹¹⁶. Потому Брюс и отправился в Аксум в это единственное время года, когда он, как мирянин, имел возможность оказаться вблизи священной реликвии.

Теперь я серьезно задумался: не ковчег ли привлекал шотландского путешественника в Эфиопию? Его утверждение, что он отправился туда на поиски истоков Нила, при внимательном рассмотрении выглядит неправдоподобным и имеет все признаки маскировки, скрывающей истинную цель его поисков. Более того, его уклончивость в отношении темы самого ковчега кажется очень странной, хотя и

логичной, если у Брюса действительно был особый интерес к этой реликвии, который он хотел сохранить в тайне.

Вскоре мне стали известны и другие факты, усилившие мои подозрения. Так, например, я обнаружил, что Брюс владел древними мертвыми языками: еврейским, арамейским и сирийским¹¹⁷, изучать которые не было никаких причин, если только он не желал близко познакомиться с ранними библейскими текстами. А в том, что он изучал их, нет никакого сомнения: знание Ветхого Завета, которым блещет почти каждая страница «*Путешествий*», один из знатоков Священного Писания назвал «выдающимся»¹¹⁸.

И это не единственный пример «далеко не ординарной эрудиции» Брюса¹¹⁹. Как я уже знал, он также проводил тщательное и оригинальное исследование культуры и традиций черных евреев Эфиопии. «Я не жалел никаких сил, — говорил он сам, — исследуя историю этого удивительного народа, и дружил с людьми, которые считались наиболее знающими и учеными среди них»¹²⁰. Благодаря его усилиям, Брюсу удалось внести значительный вклад в изучение общества фалаша — вклад, который, как и многое другое, вовсе не совмещался с его явным энтузиазмом к географическим исследованиям, но полностью согласовывался с поисками утраченного ковчега.

Я позвонил историку Белаи Гедаи в Аддис-Абебу и спросил, что он думает о мотивах Брюса. Его ответ поразила меня:

— На самом деле мы, эфиопы, считаем, что господин Джеймс Брюс приезжал в нашу страну не для того, чтобы обнаружить исток Нила. Это всего лишь предлог. Мы полагаем, у него были другие причины.

— Нельзя ли поподробней? — попросил я. — Как вы думаете, если не Нил, то что могло его привлекать?

— Настоящей целью его приезда было похитить наши сокровища, — с горечью произнес Гедаи. — Он вывез в Европу много бесценных рукописей. Книгу Еноха, например. А также похитил из царского хранилища в Гондаре древний экземпляр рукописи «Кебра Нагаст».

Это было новостью для меня — но, честно говоря, новостью волнующей. Я исследовал дальше этот вопрос и должным образом убедился, что Гедаи был абсолютно прав. Покидая Эфиопию, Брюс действительно увез с собой «Кебра Нагаст» — причем не только единственный великолепный экземпляр, который забрал из царского хранилища, но также и копию этого экземпляра, которую сделал собственноручно (его знание геэз, классического эфиопского языка, было почти безупречным)¹²¹.

Но и это еще не все. До XVIII века ученые считали, что Книга Еноха безвозвратно потеряна: составленная задолго до рождения Христа¹²² и считающаяся одним из самых важных произведений еврейской мистической литературы, она была известна лишь по отрывкам и ссылкам на нее в других текстах. Джеймс Брюс полностью изменил положение дел: находясь в Эфиопии, он добыл несколько рукописей пропавшей книги. *Это были первые полные копии Книги Еноха, которые когда-либо видели в Европе*¹²³.

Разумеется, было интересно обнаружить, что Брюс привез «Кебра Нагаст» в Европу и что он также потрудился сделать рукописную копию такой огромной книги. Но его умолчание о ковчеге Завета в кратком изложении этого труда выглядело еще подозрительней, чем я думал вначале. Однако подозрение — это не доказанный факт. И поэтому только когда я полностью узнал всю историю Книги Еноха и оценил услугу, которую этот шотландец, искатель приключений, оказал науке, то наконец убедился, что нахожусь на верном пути.

Я узнал, что Книга Еноха всегда имела огромное значение для масонов и что определенные ритуалы, восходившие к гораздо более ранним временам еще до Брюса, отождествляли Еноха с Тотом, египетским богом мудрости¹²⁴. Затем я нашел большую статью в «Королевской масонской энциклопедии», где описывались другие важные предания ордена — например, что Енох изобрел письменность, «что он научил людей искусству строительства» и что перед потопом он «опасался, что истинные тайны будут утрачены, и, дабы не допустить этого, укрыв Великую Тайну, вырезан-

ную на белом восточном камне порфире, в недрах земли». Статья в «Энциклопедии» заканчивалась следующими словами: «Книга Еноха была известна еще с глубокой древности, и на нее постоянно ссылались отцы церкви. Брюс привез к себе на родину из Абиссинии три ее копии»¹²⁵.

Это краткое и уже знакомое мне упоминание о Брюсе в сочетании с тем фактом, что он очень постарался добыть не один, а три экземпляра Книги Еноха, говорит о его возможной принадлежности к масонам. И если это так, то решение всех загадок относительно его уклончивости и нечестности, напрашивается само собой. Я уже не сомневался, что у него был особый интерес к ковчегу Завета, который он тщательно скрывал. И теперь я понял, почему у него возник этот интерес и отчего он держал его в тайне. Как масон — и, к тому же, масон шотландский, — он мог впечатлиться преданиями тамплиеров о ковчеге Завета, находящемся в Эфиопии.

Но был ли Брюс масоном? Найти ответ на этот вопрос было отнюдь не легко. Среди более чем трех тысяч страниц его «Путешествия» нет ни единой зацепки, которая помогла бы прийти к обоснованному заключению. Не проливают свет на этот вопрос и две его подробные биографии (первая написана в 1836 году¹²⁶, а вторая — в 1968 году¹²⁷).

Только в августе 1990 года я смог наконец поехать в Шотландию и посетить родовое поместье Брюса, где надеялся получить наиболее точные сведения. Я нашел Кинэйрд-хаус на окраине Фолкерка, пригорода Ларберта. Это был внушительное здание из серого камня, занимавшее большой уединенный участок вдалеке от шоссе. После некоторых вполне объяснимых колебаний его нынешний владелец, мистер Джон Финдли Рассел, пригласил меня зайти и показал дом. По многим архитектурным деталям было совершенно ясно, что его построили не во времена Брюса.

— Совершенно верно, — кивнул Финдли Рассел. — В 1895 году Кинэйрд-хаус перешел из владения семьи Брюс в собственность нового хозяина, доктора Роберта Орра, который снес дом до основания и в 1897 году построил этот нынешний особняк.

Мы стояли в огромном коридоре, обшитом панелями, перед широкой каменной лестницей. Указав на ее ступени, Финдли Рассел с гордостью добавил:

— Пожалуй, это единственное, что сохранилось от прежнего здания. Доктор Орр оставил лестницу на месте и выстроил свой дом вокруг нее. Видите ли, это некая историческая достопримечательность.

— Вот как? Но почему?

— Потому что Джеймс Брюс умер на этих ступенях. В 1794 году. Он давал обед в одной из комнат наверху и, когда провожал гостя, споткнулся на лестнице и ударился головой. Так он и погиб. Огромная трагедия.

Перед уходом я спросил Финдли Рассела, известно ли ему что-нибудь о том, не был ли Брюс масоном.

— Нет, — ответил он. — Понятия не имею. Конечно, я очень интересовался им, но я не специалист.

Я разочарованно кивнул. И уже у самой двери мне в голову пришел еще один вопрос:

— А вы случайно не знаете, где он похоронен?

— В Ларберте, у Старой церкви. Хотя найти его могилу будет нелегко. Над ней возвышался большой железный обелиск, но он весь проржавел, и его снесли несколько лет назад — сочли опасным для посетителей.

Через десять минут я уже был у церкви. Гораздо больше времени у меня ушло на поиски места последнего упокоения одного из величайших шотландских исследователей.

Серый дождливый день близился к вечеру, и я все больше впадал в уныние, блуждая среди могильных плит. Несомненно, как человек, Брюс имел много недостатков. Но я был убежден, что этот смелый и загадочный исследователь заслужил приличный памятник: стыдно, что ему приходится лежать на каком-то заброшенном клочке земли.

Тщательно осмотрев кладбище и ничего не обнаружив, я вдруг заметил сильно заросший участок, огражденный низкой каменной стеной с маленькой калиткой. Отворив калитку, я спустился по трем ступенькам, которые вели к мусорной свалке. Кучи старой одежды, изношенной обуви, консервных банок, обломков мебели валялись среди густых

зарослей жгучей крапивы и ежевики. Над головой переплелись ветви нескольких старых деревьев, и их листва образовала зеленый полог, почти не пропускавший свет. Проклиная тучи комаров и ос, поднявшихся мне навстречу, я продолжал вытаптывать траву. Если я уже осмотрел все вокруг, то почему бы не поискать еще и здесь? И, уже потеряв всякую надежду, я неожиданно наткнулся в самом центре этого огражденного участка на несколько целых каменных плит на земле, полностью покрытых мхом, лишайником и все той же мерзкой крапивой. С чувством благоговения, смешанного с негодованием, я кое-как очистил плиты и взгляделся в них. Ничто не говорило о том, что под ними покоится прах Брюса, однако я почему-то был уверен, что его могила именно здесь. К горлу подступил ком. Здесь лежал человек, великий человек, мой предшественник в изучении Эфиопии. Более того, если моя догадка о его связи с масонами верна, то не может быть никакого сомнения, что он отправился в эту далекую страну в поисках утраченного ковчега. Но, похоже, я никогда не смогу доказать, что эта связь существовала. И лишь одно несомненно: сам Брюс был предан забвению в стране, где он родился.

Я еще постоял там немного в мрачном раздумье и покинул этот маленький огражденный участок. Но вышел я не через калитку, а перелез через каменную стену прямо в соседний двор. И там я почти сразу же увидел нечто заинтересовавшее меня: совсем рядом лежал на боку огромный металлический памятник. Приблизившись, я обнаружил на нем гравировку с именем Джеймса Брюса и эпитафией:

Он посвятил жизнь свершению полезных и выдающихся дел.

Он исследовал множество дальних стран.

Он открыл истоки Нила.

Он был любящим мужем и добрым отцом,

Он горячо любил свою страну.

Человечество единодушно вписало его имя

Рядом с именами тех, кто блистал своей одаренностью,

Своей доблестью, своими добродетелями.

Больше всего меня взволновало, что обелиск был вовсе не ржавый, не разбитый, а целый и покрытый свежей красной грунтовкой. Несомненно, кто-то все еще интересовался исследователем, причем настолько, чтобы реставрировать его памятник, хотя еще и не установленный на свое место.

Позже, в тот же день, я узнал от священнослужителей в церкви, кто этот таинственный благодетель. Похоже, памятник забрали для восстановления еще несколько лет назад и возвратили в Ларберт за день до моего приезда. Организовал и оплатил реставрационные работы не кто иной, как номинальный глава семьи Брюсов в Шотландии, граф Элгинский и Кинкардинский, мастер-масон¹²⁸.

Это был многообещающий след, и я тут же отправился в Брумхолл, великолепное поместье к северу от залива Ферт-оф-Форт, где жил лорд Элгин. Но прежде я позвонил (номер Брумхолла нашелся в телефонной книге) и договорился о встрече утром в субботу четвертого августа.

— Я не могу уделить вам более четверти часа, — предупредил граф.

— Этого будет достаточно, — ответил я.

Элгин оказался невысоким коренастым пожилым мужчиной, заметно прихрамывающим — вероятно, сказывались травмы, полученные в японском плену во время Второй мировой войны. Он без особых церемоний провел меня в прекрасную гостиную, увешанную фамильными портретами, и предложил перейти прямо к делу.

До сих пор его манеры были немного резковаты. Но, беседуя о Брюсе, он смягчился, и, увидев его обширные познания, я постепенно понял, что он подробно изучил жизнь шотландского исследователя.

— Это из личной библиотеки Брюса, — пояснил он. — Он был человеком очень широких интересов. У меня есть также его телескоп, квадрант и компас. Могу показать вам, если хотите.

Обещанные четверть часа уже давно превратились в полтора. Очарованный энтузиазмом Элгина, я все еще так и не задал ему вопрос, с которым явился сюда. Внезапно, взглянув на часы, он воскликнул:

— Господи! Посмотрите, который час! Боюсь, вам придется уйти. Дела... Сегодня вечером еду в Северное нагорье. Может быть, зайдете еще раз?

— Э... да. Я был бы очень рад.

Граф встал с любезной улыбкой. Я последовал его примеру, и мы пожали друг другу руки. Я чувствовал себя неловко, но все же решил не уходить, не удовлетворив своего любопытства.

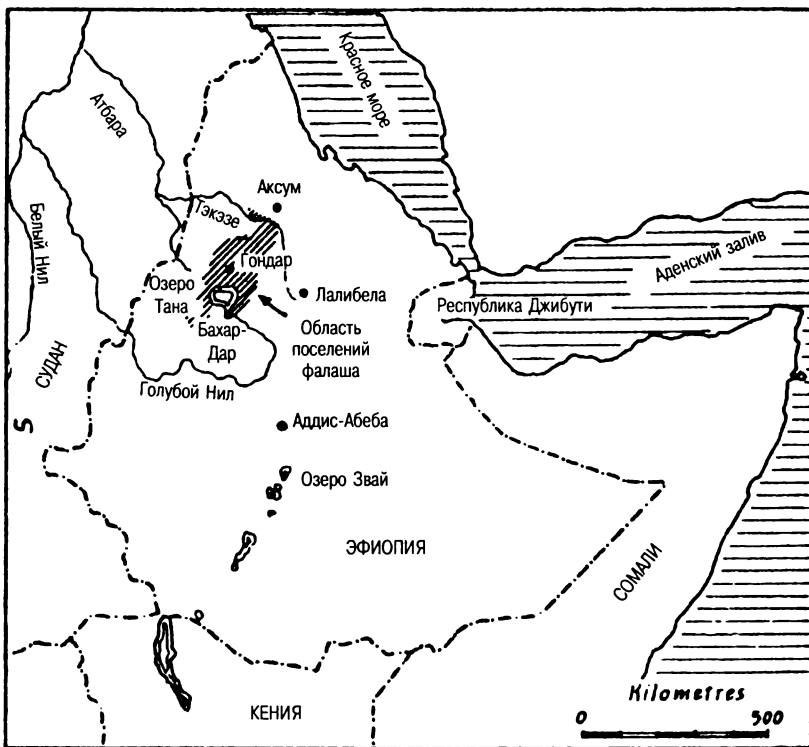
— Если не возражаете, — произнес я, — есть еще один вопрос, который я бы очень хотел задать вам. Это связано с моим анализом причин, побудивших Брюса отправиться в экспедицию в Эфиопию. Вы случайно не знаете, э... ну, я имею в виду, существует ли хоть какая-то возможность того, что он мог быть масоном?

Элгин взглянул на меня с некоторым удивлением.

— Дорогой юноша, — ответил он, — *разумеется*, он был масоном. Это очень, *очень* важная часть его жизни.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ЭФИОПИЯ, 1989—1990

ЛАБИРИНТ

В ГЛУБЬ ЭФИОПИИ

Во время моего визита в шотландское поместье графа Элгинского он подтвердил правильность моих догадок в отношении Джеймса Брюса: исследователь действительно был масоном, членом ложи Канонгейт Килвиннинг № 2 в Эдинбурге.

Элгин также рассказал, что Брюс был очень увлечен «умозрительной» стороной масонства, явно отличающейся от более прагматичного и мирского «цехового» масонства. Это означает, что он интересовался эзотерическими и оккультными традициями братства, в том числе и традициями «рыцарей-тамплиеров», которые большинству современных масонов незнакомы и неинтересны.

К этому бы добавил, что никогда не считал, будто все масоны имели доступ к наследию тамплиеров; напротив, вполне разумно предположить, что подобный доступ был ограничен очень узким кругом.

Брюс, однако, выглядел идеальным кандидатом в члены этой привилегированной группы. С его глубоким знанием Священного Писания, с его тягой к исследованию таких мистических трудов, как Книга Еноха, и склонностью к умозрительным аспектам масонской системы, он был именно тем человеком, который мог бы изучить предания тамплиеров о последнем пристанище ковчега Завета.

Поэтому после встречи с лордом Элгином я почувствовал гораздо большую уверенность, что именно ковчег, а во все не Нил, привлек шотландского исследователя в Эфиопию в 1768 году. Его парадоксальная нечестность в отноше-

нии некоторых ключевых вопросов — парадоксальная в том смысле, что обычно он был очень правдив, — теперь стала мне понятна; его уклончивость и скрытность были теперь вполне объяснимы. Возможно, я никогда не узнаю, какие тайны раскрыл Брюс на Абиссинском нагорье в те давние годы, зато теперь я мог быть вполне уверен в его мотивах.

Подозрения, что Брюс мог быть масоном, впервые возникли у меня летом 1989 года, но лишь в августе 1990-го у меня состоялась беседа с лордом Элгином. А тем временем, как уже говорилось в предыдущей главе, я упорно продолжал идти по «португальскому следу», оставленному членами ордена Христа, путешествовавшими в Эфиопию в XV—XVI вв.

Все, что я смог обнаружить, указывало на непрекращающиеся поиски ковчега — тайное предприятие, привлекавшее путешественников из самых разных стран, в самые разные исторические периоды к возвышенной и вечной цели. Более того, если так было в прошлые века, то почему бы этому не происходить и сейчас? Разве не могут в наше время разыскивать ковчег в Эфиопии, как это делаю я? По мере продвижения моих исследований я не переставал размышлять над этим вопросом, постоянно накапливая материалы о таких людях, как Джеймс Брюс и Кристофер да Гама. И хотя я не ощущал никакой конкуренции, мои находки весной и летом 1989 года убедили меня, что настало время возвратиться в Эфиопию, провести тщательные полевые работы и дополнить их результатами тех исследований, которые были до сих пор в основном интеллектуальным упражнением.

Трудные времена

Я принял это решение еще в июне 1989 года, но прошло еще несколько месяцев, прежде чем наконец смог осуществить его. Почему? Да потому, что 19 мая этого года в Аддис-Абебе произошла попытка насильственного переворота, приведшая в волнение всю Эфиопию.

Правительство Менгисту Хайле Мариама удержалось у власти, но огромной ценой. После того как волнения улеглись, были схвачены и арестованы сто семьдесят шесть мятежных офицеров и в том числе двадцать четыре генерала, включая командующего сухопутными войсками и начальника оперативного управления Генерального штаба. Не желая быть арестованными и предстать перед судом, начальник Генерального штаба вооруженных сил и командующий ВВС покончили жизнь самоубийством. Одиннадцать других генералов были убиты во время боевых действий, а министра обороны застрелили заговорщики.

Последствия этой ужасной резни еще долго преследовали Менгисту и его режим: обескровленный офицерский корпус почти утратил способность принимать военные решения, и поражения следовали одно за другим. В течение нескольких месяцев после переворота эфиопская армия потерпела ряд сокрушительных поражений, что закончилось полным ее изгнанием из провинции Тиграй (которую НФОТ объявил «освобожденной зоной»), а также из большей части Эритреи (где НФОЭ уже создавал структуры независимого государства). Война с угрожающей скоростью распространялась по всей стране, и в том числе захватила северо-восточную Уолло, где в сентябре 1989 года был опустошен древний город Лалибела, а также провинцию Гондар, где была осаждена ее столица.

Однако хуже всего, с моей эгоистичной точки зрения, было то, что правительство потеряло контроль над Аксумом. Как уже упоминалось в третьей главе, в конце 1988 года, за несколько месяцев до попытки переворота священный город был захвачен НФОТ. Поначалу я надеялся, что это временно. Однако когда стали разворачиваться мрачные события второй половины 1989 года, пришлось быть готовым к тому, что партизаны могут удерживать Аксум долго.

Мне ничего не оставалось, как вести переговоры с представителями НФОТ в Лондоне и попытаться заручиться их содействием, чтобы попасть в районы, которые находились сейчас под их контролем. Однако я не был готов начать их

немедленно. Мои длительные связи с эфиопским правительством означали, что Фронт освобождения отнесется к любым моим попыткам переговоров с большим подозрением. Если я не буду действовать с умом, мне, несомненно, откажут в просьбе посетить Аксум. Откровенно говоря, я был больше озабочен собственной безопасностью. Разве какой-нибудь командир местных партизан не мог меня, как известного друга ненавистного режима Менгисту, на долгом и опасном пути в Тиграй принять за шпиона и приказать расстрелять — несмотря на разрешение, которое даст мне их представительство в Лондоне?

После переворота в Эфиопии все было неопределенно, невозможно было строить хоть какие-то планы даже на ближайшие дни. Теоретически можно было ожидать любых событий, даже падения Менгисту и полной победы объединенных сил НФОТ и НФОЭ. Поэтому, пока обстановка не прояснится, я решил сосредоточиться на других сторонах своего исследования. Так что в Эфиопию я вернулся лишь в ноябре 1989 года.

Тайное убежище?

Информацию, ускорившую мое возвращение в Эфиопию, предоставил мне его высокопреподобие Лика Берханат Солломон Габре Селассие. Впервые встретившись с обладателем столь длинного имени в Лондоне 12 июня 1989 года, я обнаружил, что передо мной человек с чрезвычайно длинной и совершенно седой бородой, орехово-коричневой кожей и сверкающими глазами. Он был облачен в великолепные церемониальные одежды, а на его шее висело искусно сделанное деревянное распятие. Протоиерей Эфиопской православной церкви Святой Марии Сионской в Соединенном Королевстве, он был, в действительности, миссионером. Несколько лет назад его послал в Великобританию патриархат Аддис-Абебы для выполнения православной миссии. И он преуспел, сумев обратить в свою веру многих, в основном, молодых лондонцев вест-индского происхождения. Некоторых из них он привел с собой на нашу встре-

чу, которую я организовал, чтобы получить у него сведения о ковчеге.

Протоиерей Соломон показался мне истинным ветхозаветным патриархом. Окладистая борода, предупредительные и вместе с тем несколько плутоватые манеры, харизматичность неподдельного смирения и абсолютная приверженность вере — все это производило неотразимое впечатление.

Во время нашей беседы мне сразу стало ясно: он непоколебимо верит, что священная реликвия действительно находится в Эфиопии. Умный и явно высокообразованный, сыпавший библейскими цитатами с уверенностью человека, изучавшего Священное Писание всю жизнь, отец Соломон выразил свое мнение твердо, отвергая даже самую возможность, что он может ошибаться.

Я старательно записывал на листке бумаги слова, которые он убедительно повторял: настоящий ковчег Завета, построенный у подножия горы Синай для хранения каменных скрижалей с десятью заповедями, — именно этот священный и подлинный предмет покоится ныне в Аксуме.

Более того, настаивал отец Соломон, он все еще хранит «свою силу благодаря милости Божьей» и к тому же его «охраняет все население Тиграя».

— Он находится сегодня, — заключил отец Соломон, — в надежных стенах церкви, и прихожане постоянно охраняют ее территорию.

Перед уходом протоиерея я передал ему список из пятнадцати вопросов, на которые мне хотелось получить от него подробные ответы. Однако когда его обдуманнные ответы пришли ко мне домой по почте в середине июля, я был уже далеко, в Египте. Возвратившись через несколько недель, я едва взглянул на десять страниц, написанных частью от руки, а частью на машинке, которые он прислал мне. Я был так занят анализом материалов, собранных в Египте, что даже не удосужился послать ему записку с выражением благодарности.

В начале ноября у меня наконец нашлось время, и я обратил внимание на документ, который более трех месяцев пролежал на подносе для бумаг, «ожидающих решения», на

моем письменном столе. И я обнаружил, что в нем содержатся ответы на все мои пятнадцать вопросов, более того, некоторые из них были настолько же интригующими, насколько и провоцирующими.

Например, я спрашивал, использовались ли «сверхъестественные», как это утверждалось, силы ковчега правителями Эфиопии для достижения победы в войне. В Библии ясно говорится, что в Древнем Израиле в некоторых случаях так делали¹. Если ковчег действительно находился в Эфиопии, то разве не логично предположить, что этот обычай мог сохраниться?

«Согласно учению нашей церкви, — отвечал отец Соломон, — Бог — единственная сила во Вселенной. Он творец всего сущего, видимого и невидимого. Сам же Он — нерукотворный вечный свет, дарующий нам и силу, и милость. Существует, однако, осязаемое измерение, позволяющее понять связь между Богом и ковчегом, ибо, поскольку в ковчеге содержатся десять священных заповедей Закона, данного Богом, дар Его святости не может быть умален в нем. Поэтому до нынешнего дня милость Его все еще лежит на ковчеге, и во имя Господа он священен и имеет огромное духовное значение».

Все бывшие правители Эфиопии, продолжал объяснять протоиерей, знали об этом. Так как их главной обязанностью было охранять и защищать православную христианскую веру, они время от времени во многих войнах использовали ковчег «как источник духовной силы в против захватчиков. Царь объединял народ на битву, а священники поступали так же, как в тот день, когда Иисус Навин обносил ковчег вокруг стен Иерихона. Точно так же наши священники выносили ковчег и с песнопениями вступали в битву во славу Господа».

Священную реликвию, как утверждал протоиерей Соломон, использовали в качестве военной защиты, и весьма эффективной, не только в прежние времена Эфиопии. Напротив, «не так давно, в 1896 году, когда царь царей Менелик II сражался против итальянских агрессоров в битве при Адуа в Тиграе, священники вынесли ковчег Завета на поле сражения, дабы противостоять захватчикам. В результате

Менелик одержал блестящую победу и возвратился в Аддис-Абебу с большим почетом».

Я перечитывал эту часть ответов с большим интересом, ибо знал, что Менелик II действительно «одержал блестящую победу» в 1896 году. В тот год итальянские войска численностью в 17 700 человек под командованием генерала Баратьери, оснащенные тяжелой артиллерией и самым современным оружием двинулись к Абиссинскому нагорью с прибрежной полосы Эритреи, намереваясь захватить всю страну. Войска Менелика, плохо подготовленные и еще хуже вооруженные, встретились с итальянцами при Адуа утром 1 марта и разбили их менее чем за шесть часов, одержав, как впоследствии напишет один историк, «самую выдающуюся победу африканцев над европейской армией со времен Ганнибала»².

Лондонский журнал «Спектейтор» от 7 марта 1896 года комментирует в том же духе: «Итальянцев постигло огромное бедствие... гораздо большее, чем когда-либо случалось с белым человеком в Африке».

Очевидный намек на то, что ковчег был использован в битве при Адуа, навел меня на мысль: не могли ли его использовать сейчас — возможно, НФОТ, который контролирует Аксум и, подобно Менелику, одерживает блестящие победы в последние месяцы? Протоиерей Соломон, однако, не размышлял об этом в своих письменных ответах. Вместо этого, на мой вопрос об относительно безопасности ковчега в храмовой часовне на протяжении нынешней войны правительства с повстанцами, он стал предлагать совершенно иной сценарий.

Когда я беседовал с отцом Соломоном в июне, он, похоже, был убежден, что священная реликвия все еще находится на своем обычном месте, «охраняемая всем населением Тиграя». Теперь же он казался не столь уверенным. «Бывали весьма редкие случаи, — объяснял протоиерей, — в периоды великого насилия и бед, когда монах-хранитель, который стерег ковчег день и ночь до самой своей смерти, вынужден был тщательно упаковать его и увезти из Аксума в безопасное место. Нам известно, например, что так случилось в XVI веке, когда Тиграй была захвачена мусульмански-

ми войсками Ахмеда Грана, и Аксум оказался почти полностью разрушен. Тогда хранитель увез ковчег в монастырь на острове Дага Стефанос на озере Тана. Там его спрятали в тайном месте».

Но именно последние слова протоиерея внезапно заинтересовали меня: в нынешней обстановке войны и хаоса, заключил он, вполне возможно, что хранитель мог снова вывезти ковчег из Аксума.

Два озера, два острова

Я вылетел в Аддис-Абебу во вторник 14 ноября 1989 года и прибыл туда утром следующего дня. Несмотря на непрекращающиеся бои почти во всей Северной Эфиопии, я ясно осознавал цель своей поездки. Если протоиерей Соломон прав, рассуждал я, то разве не могла священная реликвия, считающаяся ковчегом Завета, и сейчас храниться на монастырском острове Дага Стефанос, в том самом «тайном месте», куда его увозили в XVI веке?

Но это место было не единственным, где его могли прятать. Я хорошо помнил, что доктор Белаи Гедаи в одной из наших долгих телефонных бесед рассказал мне об еще одном, более раннем предании о спасении ковчега во времена восстания царицы Юдифь в X веке. Тогда, как объяснил эфиопский историк, ковчег привезли на один из островов озера Звай.

Поэтому я прибыл в Эфиопию, чтобы проверить и озеро Тана, и озеро Звай: первое находилось на раздираемом войной севере, хотя пока еще в районе, контролируемом правительством, а второе — на более безопасной территории часах в двух езды к югу от Аддис-Абебы.

В первые дни пребывания в эфиопской столице меня не покидало ощущение неотложности моего дела. После того как я прочитал ответы протоиерея Соломона, не прошло и недели, как я покинул Англию, и причина такой спешки была совершенно очевидна: озеро Звай находилось в достаточной безопасности — по крайней мере, в настоящее время, но не было никакой гарантии, что озеро Тана останется

надолго в руках правительства. Как мне было известно, повстанческие силы окружили крепость Гондара, который находился около тридцати миль к северу от большого озера. А между тем порт Бахар-Дар на его южном берегу подвергался случайным артиллерийским обстрелам и внезапным атакам. И так как я мог достичь острова Дага Стефанос только через Бахар-Дар, то чувствовал, что нельзя терять времени.

Не могло быть и речи о получении разрешения на путешествие по стране: по обычным бюрократическим каналам. Поэтому я отправился на встречу с одним из знакомых мне высокопоставленных чиновников, Шимелисом Мазенгией, главой идеологического отдела и старейшего члена политбюро правящей Партии трудящихся Эфиопии, в сопровождении моего старого друга Ричарда Пэнкхерста, который оставил на несколько дней свою работу в Институте исследований истории Эфиопии, чтобы помочь мне.

Высокий стройный человек лет за сорок, свободно владевший английским, Шимелис был убежденным марксистом и вместе с тем самым умным и культурным членом политбюро. Он обладал значительной властью при существующем режиме, и я знал, что он искренне увлечен прошлым своей страны. Поэтому я надеялся уговорить его использовать свое влияние, чтобы поддержать мои исследования, и он меня не разочаровал. Я описал Шимелису в общих чертах свой проект, и он охотно согласился с моим намерением поехать на озера Тана и Звай. Но лишь при одном условии: мое пребывание на озере Тана должно быть как можно более кратким.

— Вы уже составили план? — спросил он.

Я вынул свою записную книжку и после минутного раздумья предложил:

— Я отправлюсь на озеро Тана в понедельник 20-го. Доеду до Бахар-Дара, найму катер в морском ведомстве, отправлюсь на Дага Стефанос и вернусь в Аддис-Абебу, скажем, в среду 22-го. Этого времени мне будет достаточно. Затем, если вы не возражаете, в четверг 23-го я выеду к озеру Звай.

Шимелис обратился к Ричарду:

— Вы тоже поедете, профессор Пэнкхерст?

— Если это возможно... Конечно, я бы с радостью поехал.

— Разумеется, возможно.

Шимелис позвонил в главное управление полиции Национальной безопасности в Аддис-Абебе и кратко переговорил с кем-то на амхарском. Затем, положив трубку, он сказал, что к концу дня мы получим разрешение.

— Давайте снова встретимся в следующую пятницу, — предложил он. — Когда вернетесь с озер. Договоритесь о встрече с моим секретарем.

Мы покинули Дом партии в приподнятом настроении.

— Я даже не думал, что все так легко устроится, — сказал я Ричарду.

СВЯЩЕННОЕ ОЗЕРО

Утренний перелет из Аддис-Абебы в Бахар-Дар на южном берегу озера Тана занял примерно полтора часа. Несмотря на сообщения о боях в этом районе, во время приземления мы не заметили никаких особых предосторожностей, и самолет плавно заходил на посадку над водопадом на Голубом Ниле, пока не коснулся ухабистой, покрытой гравием взлетной полосы. Отсюда, взяв такси, мы с Ричардом Пэнкхерстом проехали несколько километров до города по дороге, вдоль которой тянулись ряды делониксов.

Мы выбрали два номера в пустовавшей гостинице «Тана» на берегу озера и отправились в морское ведомство, к пирсу, где был пришвартован моторный катер, которым мы надеялись воспользоваться. После длительных переговоров чиновники наконец согласились предоставить нам катер, но только на следующий день, во вторник 21 ноября, и при условии, что мы готовы нанять его за пиратскую плату — пятьдесят долларов США в час. Так как выбора не оставалось, я неохотно согласился с такой грабительской ценой и попросил, чтобы судно было готово к отплытию в пять часов утра.

Чтобы скоротать время до вечера, мы отправились из Бахар-Дара в ближайшую деревню Тис-Ысат и побрели по однообразной, рыжевато-коричневой сельской местности, пестревшей лоскутами полей, пока не подошли к большому каменному мосту через крутое узкое ущелье. Это обветшалое сооружение, построенное португальцами в начале XVII века, выглядело не очень надежным, однако Ричард заверил

меня, что мост еще достаточно прочен. Мы перебрались по нему и вскарабкались по склону холма, на вершине которого из зарослей кустарника неожиданно появились два милиционера. Обыскав нас и проверив паспорта (мой, как всегда, повернув вверх ногами), они жестом отпустили нас.

Спустя четверть часа, преодолев узкую козью тропу среди пышных тропических кустов и желтых маргариток, мы ощутили слабый рокот и вибрацию под ногами. Продолжая идти, мы чувствовали, как воздух становится все более влажным, и наконец нам открылось впечатляющее зрелище: базальтовая скала, с которой со всей своей мощью устремлялся вниз Голубой Нил, прежде чем отправиться в свое дальнейшее путешествие с Абиссинского нагорья.

Местное название водопада на Голубом Ниле и деревни, через которую пролегал к нему путь, — Тис-Ысат, что означает «дымящаяся вода». Я понял, почему их так называли, когда застыл в восхищении, глядя на радуги, играющие в кружащейся водяной пыли, которую высоко взметал бурлящий водопад.

Я вспомнил также, поразившись его точности, описание этого водопада шотландским исследователем Джеймсом Брюсом, побывавшим здесь в 1770 году:

«Река падала сплошной стеной воды шириной более английской полумили с поистине ужасающей силой и шумом, ошеломившими меня настолько, что я почувствовал головокружение. Водяная дымка, напоминающая густой пар, окутывала весь водопад, нависая над потоком сверху и снизу, обозначая его течение, хотя воды не было видно. Это самое изумительное зрелище, которое невозможно забыть до конца дней, никогда не изгладится из моей памяти; оно заставило меня оцепенеть, и я полностью погрузился в созерцание, не осознавая, где нахожусь, забыв о всех земных заботах»¹.

Эфиопия, — размышлял я, — страна, в которой время действительно могло остановиться: в зрелище, открывавшемся сейчас передо мной, не было и намёка на то, что миновало уже более двух столетий с тех пор, как здесь стоял Брюс. И уже в который раз я ощутил глубокое сопереживание с шотландским путешественником, чье родовое имя по

чистому совпадению то же, что у меня (моя бабушка по материнской линии урожденная Брюс).

Позже, окруженные толпой местных ребятишек, неизвестно откуда появившихся, чтобы потребовать денег, ручек и конфет, мы с Ричардом отправились обратно к деревне Тис-Ысат. До сих пор вечер дышал идиллическим покоем и сельской простотой, даже милиционеры, обыскивавшие нас ранее, были апатичны и вполне добродушны. Но сейчас, с первой вечерней прохладой пересекая португальский мост, мы столкнулись с неуместным и каким-то раздражающим зрелищем: нам навстречу двигалось не менее трех сотен вооруженных до зубов солдат, одетых в зеленую полевую форму.

Трудно было сказать, правительственные ли это войска или повстанцы. На них не было никаких знаков отличия. Похоже, у них также не было ни дисциплины, ни офицера-командира. Они даже не шагали походным строем, а брели как-то неуклюже, сердито поглядывая по сторонам. Я также заметил, что многие солдаты обращались с оружием очень небрежно: одни использовали свои ружья, словно посох, другие держали свои «АК-47» на плече стволом вперед, а кто-то небрежно размахивал снаряженной базуккой, — если б она случайно выстрелила, то могла бы снести небольшое строение или этот мост, на котором сейчас мы все находились.

Ричард, владевший амхарским лучше меня, фамильярно приветствовал кое-кого из этой угрюмой толпы, сердечно пожал руки еще, пожалуй, дюжине и приветствовал остальных эксцентричными дружелюбными жестами.

— Они считают всех иностранцев немного чокнутыми, — театральным шепотом объяснил он мне. — Поэтому я действую стереотипно. Поверьте, это лучше всего.

Сокровище Эфиопии

На следующее утро мы явились на пирс морского ведомства к пяти часам. Никаких признаков активности не было заметно, и Ричард, закутавшийся от холода в одеяло, пробормотал что-то насчет «синдрома *маамбфак*».

— Это что еще? — спросил я.

— Это когда о многом договариваются, но мало что делают, — проворчал историк.

Однако не прошло и получаса, как явился капитан катера «Дахлак». Вместе с ним был чисто выбритый молодой человек в прекрасно сшитом костюме, который, назвавшись Вондему, весьма скромно представился вторым помощником заместителя местного администратора: «Вчера вечером моему шефу позвонил из Аддис-Абебы товарищ Шимелис Мазенгия и сказал, чтобы мы присмотрели за вами. Я сразу же отправился в гостиницу, но не застал вас. Тогда в приемной я узнал об исследовательской работе, которую вы собираетесь сегодня провести. Поэтому, — закончил он с широкой улыбкой, — я здесь».

Без четверти шесть, дрожа от утреннего холода, мы уже были на катере, направляясь к Дага Стефанос, до которого отсюда было около двадцати миль. Над горами, окружавшими восточный берег огромного озера, поднималось солнце. Свежий ветер доносил птичий гомон и лай собак.

Ричард и Вондему уже давно скрылись в кабине, чтобы поболтать и выпить чаю. Очарованный открывшимся видом, взбодренный свежестью почти альпийского воздуха и романтичностью путешествия, я оставался на палубе, глядя на постоянно меняющуюся панораму озера, подсознательно содрогаясь при мысли, во сколько обойдется мне этот небольшой развлекательный круиз. До Даги, как сказал капитан, плыть около двух с половиной часов, на острове мы пробудем не меньше двух, да еще два часа на обратный путь, значит, придется раскошелиться почти на четыреста долларов.

От этих тягостных подсчетов меня отвлекло поразительное зрелище двух местных лодок, направлявшихся в нашу сторону от дальнего берега, — длинных, с высокими изогнутыми носами. В розовых лучах утреннего солнца я разглядел в каждой лодке четкие силуэты пяти или шести мужчин: согнувшись, они гребли веслами, которые поднимались и опускались в унисон.

Это были *танквы*; еще во время своего посещения Эфиопии в 1983 году я узнал, что такие местные лодки —

типичная картина для озера Тана. Эти две, некоторое время пльвишие параллельно нашему курсу, но в противоположном направлении, были гораздо больше тех, что я видел прежде. Однако их конструкция, несомненно, была такой же — из связанных пучков папируса.

Недавно я провел несколько месяцев в Египте, большую часть времени занимаясь изучением мест археологических раскопок, и теперь мог собственными глазами убедиться в том, на что уже обратили внимание некоторые историки: эфиопские *танквы* необычайно похожи на папирусные лодки, в которых фараоны пересекали Нил, охотились и ловили рыбу². Я видел изображения таких же лодок с высокими носами на росписях, украшавших гробницы в Долине царей и на рельефах храмовых стен в Карнаке и Луксоре.

И уже не в первый раз я задался вопросом: не посещали ли некогда древние египтяне район озера Тана. Дело не только в сходной конструкции лодок, предполагающей сильное культурное влияние, но и в значении озера как главного резервуара Голубого Нила.

Озеро Тана само по себе не считается официально истоком этой великой реки — установлено, что им являются два родника в горах к югу отсюда. Там побывал Брюс и другие путешественники до него. Эти источники дают начало реке Малый Аббай которая протекает через южную оконечность озера (здесь ее течение особенно заметно), а затем течет дальше как Большой Аббай — местное название Голубого Нила.

Однако, как признают сейчас географы и инженеры³, настоящим источником Голубого Нила является озеро Тана, которое подпитывается не только Малым Аббаем, но и многими другими реками, стекающими с огромного Абиссинского нагорья. И действительно, это безбрежное внутреннее море с площадью поверхности в 3,673 кв. км обеспечивает около шести седьмых общего объема воды в соединенных потоках Голубого и Белого Нила⁴. Самое важное — это продолжительный сезон дождей в Эфиопии, вызывающий настоящий паводок на озере Тана и пополнение вод Голубого Нила, что с незапамятных времен приводило к его

ежегодным разливам, несущим плодородный ил в дельту Египта. Для сравнения: более длинный Белый Нил теряет почти половину своих вод в болотистой местности южного Судана⁵.

Наблюдая сейчас за папирусными *танквами*, я подумал, что вряд ли возможно, чтобы жрецы Карнака и Луксора, поклонявшиеся Нилу как животворящей силе и почитавшие его как божество, за всю свою долгую историю не добрались до Эфиопии. Но никаких документальных подтверждений не существовало, всего лишь еще один намек. И тем не менее в то ноябрьское утро в божественном сиянии рассветных лучей я почти не сомневался, что древние египтяне могли некогда посетить озеро Тана и благоговели перед ним.

Наверняка греческий географ Страбон, живший во времена Христа и глубоко изучивший Египет, знал (в отличие от более поздних ученых), что Голубой Нил берет начало в огромном эфиопском озере, которое он называл «Pseboe»⁶. Во II веке н.э. египетский географ Клавдий Птолемей выражал такое же мнение, хотя называл озеро Тана «Coloe»⁷. Я также думаю, что афинский драматург Эсхил вдохновлялся не просто поэтическим образом, когда в V веке до н.э. писал о «бледно-медном озере... жемчужине Эфиопии, куда вновь и вновь возвращается вечное солнце, пронизывающее все вокруг своими лучами, чтобы погрузиться в его воды и обрести успокоение от своей утомительной круговерти в ласкающей теплоте нежной зыби волн»⁸.

Как мне известно, это не единственное упоминание, связывающее таинственные воды озера Тана с древней культурой Греции, Египта и Ближнего Востока. Сидя на палубе катера «Дахлак», плывущего к Дага Стефанос, я вспомнил также, что сами абиссинцы были твердо убеждены: Голубой Нил — не что иное, как река Гихон из Ветхого Завета, «вторая река», которая «обтекает всю землю Эфиопии» (Быт. 2:13)⁹. Это, к тому же очень древнее абиссинское предание¹⁰, почти наверняка дохристианское, лишний раз подтверждает, что озеро со всеми его реками действительно могло быть как-то связано с ковчегом Завета.

Поэтому я глядел сейчас, исполненный оптимизма, сквозь разделяющие нас мили, на зеленые склоны острова Дага, который вздымался над сияющими водами, словно вершина погруженной в них горы.

Дага Стефанос

Было уже около половины девятого, когда мы наконец причалили к острову. Солнце стояло высоко в небе, и, несмотря на то что озеро Тана находится на высоте более шести тысяч футов над уровнем моря, утро было жарким, влажным и душным.

На деревянной пристани нас ожидала группа монахов в удивительно грязных одеждах. Они явно наблюдали за нашим прибытием, но не выказали ни малейшей радости при встрече. Вондему перебросился с ними парой слов, и в конце концов монахи с явной неохотой повели нас через небольшую банановую рощу по крутой извилистой тропе к вершине острова.

На ходу я стащил с себя свитер, раскинул руки и сделал несколько глубоких вдохов. Тропа, по которой мы шли, вела через густые заросли высоких деревьев с искривленными стволами, зелень которых сплеталась пологом над нашими головами. Воздух был наполнен запахом свежевспаханной земли и ароматами тропических цветов. Пчелы и еще какие-то крупные насекомые усердно жужжали вокруг, а издалека доносился монотонный гул каменного колокола.

Вскоре на высоте около трехсот футов над поверхностью озера нам стали встречаться низкие круглые строения, покрытые тростником — жилища монахов. Затем мы прошли под аркой в высокой каменной стене и наконец оказались на поросшем травой участке, в центре которого находилась церковь Святого Стефана. Это было длинное прямоугольное здание с закругленными углами, его окружала дорожка под навесом.

— Церковь не выглядит такой уж древней, — сказал я Ричарду.

— Эта — да, — ответил он. — Старое здание сгорело от лесного пожара лет сто назад.

— Полагаю, именно в нее привозили ковчег в XVI веке?

— Да. Здесь действительно существовало некое подобие церкви не меньше тысячи лет. А, возможно, и больше. Дага считается одним из самых священных мест на озере Тана. Поэтому здесь покоятся мумии пяти императоров.

Вондему, взяв на себя роль нашего гида и собеседника, о чем-то тихо переговорил с монахами. Затем он взял за руку одного из них, чьи одежды были немного чище, чем у его собратьев, и подвел его к нам.

— Это, — с гордостью объявил он, — игумен Кифле-Мариам Менгист. Он ответит на все ваши вопросы.

Но у игумена, похоже, было собственное представление по этому поводу. На его сморщенном, цвета перезревшей сливы лице отразилась странная смесь враждебности, неудовольствия и алчности. Он молча окинул меня и Ричарда оценивающим взглядом, а затем повернулся к Вондему и что-то прошептал на амхарском.

— Ах! — вздохнул наш гид. — Боюсь, он просит пожертвовать денег. На покупку свечей, благовоний и... э... других необходимых церкви принадлежностей.

— Сколько? — спросил я.

— Сколько сочтете нужным.

Я предложил десять эфиопских быр — около пяти долларов США, — но игумен Кифле-Мариам объявил, что этого недостаточно. На самом деле, заявил он, предложенная банкнота настолько незначительна, что он даже не может заставить себя взять ее из моих рук.

— Думаю, вам следует добавить, — вежливо прошептал мне в ухо Вондему.

— Конечно, я с радостью сделаю это, но мне хотелось бы знать, что я получу взамен.

— Взамен он будет говорить с вами. Иначе, как он говорит, у него много дел.

После недолгой торговли мы сошлись на тридцати бырах. Банкноты быстро, словно по волшебству, исчезли в каком-то мешочке или грязных складках монашеских одежд. Затем мы прошли к крытой галерее, окружающей церковь,

и сели в тени под нависающим краем ее соломенной крыши. Несколько монахов последовали за нами и скромно расположились поблизости, делая вид, что погружены в молитвы и не прислушиваются к нашей беседе.

Кифле-Мариам Менгист начал рассказывать нам, что он на острове уже восемнадцать лет и весьма сведущ во всем, что касается истории монастыря. Как бы в доказательство этого он принялся пересказывать нам нечто вроде краткой его хроники, и конца ей не было.

— Хорошо, — прервал я, когда Вондему перевел нам поток этой скучной речи. — Я, конечно, должен иметь общее представление. Но вначале мне хотелось бы задать игумену конкретный вопрос. Я слышал, что сюда в XVI веке привозили ковчег Завета, когда Аксум атаковали войска Ахмеда Грана. Знает ли он эту историю? Правда ли это?

Минут пятнадцать-двадцать длился непонятный спор, и наконец Вондеву заявил, что священник определенно ничего не знает об этой истории. Более того, поскольку он ее не знает, то не может и сказать, правда это или нет.

Я попытался изменить тактику.

— Есть ли у них собственный *табот*? Здесь, в церкви?

Я недвусмысленно указал на вход в святая святых, едва видневшийся через открытую дверь позади нас в темной глубине храма.

После нового совещания с чередой вопросов и ответов на амхарском, Вондеву доложил:

— Да. Разумеется, у них есть свой *табот*.

— Хорошо. Я рад, что, по крайней мере, мы установили это. А теперь спросите: считает ли он, что их *табот* — это точная копия подлинного *табота* в Аксуме?

— Возможно, — последовал загадочный ответ.

— Понятно. Что ж, в таком случае, я хотел бы спросить, не знает ли он хоть что-либо о ковчеге Завета? Как он попал в Аксум? Кто привез его? И тому подобное. Убедите его рассказать все, что он знает.

Монах тут же ответил что-то небрежно.

— Он говорит, что ему ничего не известно, — довольно мрачно перевел Вондеву. — Он не специалист по таким вопросам.

— А нет ли здесь какого-либо специалиста? — раздраженно спросил я.

— Нет. Кифле-Мариам Менгит — настоятель монастыря. Если он ничего не знает, то любой другой и подавно.

Я взглянул на Ричарда:

— Что здесь происходит? Я еще никогда не встречал эфиопского священника, который не знал бы историю ковчега из «Кебра Нагаст».

Историк пожал плечами:

— И я тоже. Это весьма странно. Возможно, вам следует предложить ему новое поощрение?

Я тяжело вздохнул. Все всегда сводится к деньгам. Но если еще несколько быров заставят заговорить этого скрытного монаха, тогда лучше скорее заплатить. Ведь я проделал весь этот путь из Лондона, чтобы разобраться с Дага Стефанос, и сейчас счетчик катера «Дахлак», который стоит у причала, отсчитывает почти доллар в минуту. С мрачной покорностью я передал еще горсть смятых банкнот.

Однако этот последний акт щедрости не принес мне ничего хорошего. Священник больше не ответил ни на один интересующий меня вопрос. Когда спустя некоторое время это наконец дошло до меня, я прислонился спиной к одному из столбов, поддерживающих крышу, и стал разглядывать свои ногти, пытаюсь решить, что делать дальше.

Существовали два возможных объяснения для неведения, проявленного игуменом Кифле-Мариам Менгистом: первое, менее вероятное, — этот человек откровенно несведущ, и второе, гораздо более правдоподобное, — он что-то скрывает.

Но почему он это делает? Я решил, что здесь тоже может быть два объяснения: первое, менее вероятное, — он хочет утаить нечто очень важное, и второе, более правдоподобное, — ему хочется вытянуть еще больше банкнот из моей быстро тающей пачки эфиопской валюты.

Я встал и сказал Вондему:

— Спросите его снова. Спросите, был ли ковчег Завета перевезен сюда из Аксума в XVI веке и находится ли он сейчас здесь. Скажите, что я достойно вознагражу его труды, если он покажет его мне.

16. В Средние века Деву Марию нередко уподобляли и ковчегу Завета, и Святому Граалю. Эти образы отражены в декоре храма: Мария изображена стоящей над ковчегом.

17—18. Святой Грааль (*вверху справа*) и ковчег Завета (*на иллюстрации внизу, на горизонте*) обладали множеством схожих черт. В частности, оба они излучали сверхъестественное сияние.

19. На этой иллюстрации из редкого манускрипта XIV в. в числе менестрелей изображен немецкий поэт Вольфрам фон Эшенбах (*второй слева*). В своем «Парсифале» Вольфрам изображает Святой Грааль не как чашу или иной сосуд, а в виде камня.

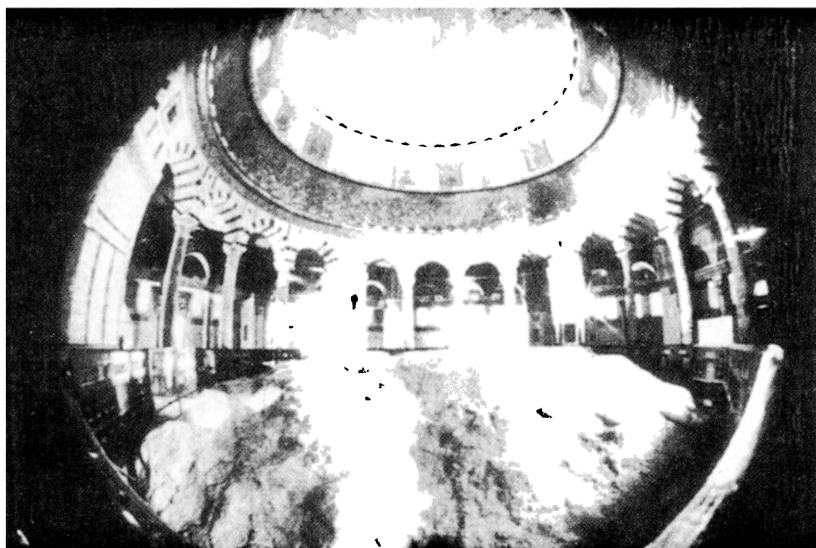
20. Святой Бернар Клервский, вдохновитель тамплиеров XII в., призывает ко Второму крестовому походу.

21. Тамплиер с «*croix pattee*» — эмблемой ордена.

22. Великая мусульманская святыня, известная под названием Скальная мечеть, была построена в VII в. н.э. на месте, где прежде стоял храм Соломона, на Храмовой горе в Иерусалиме.

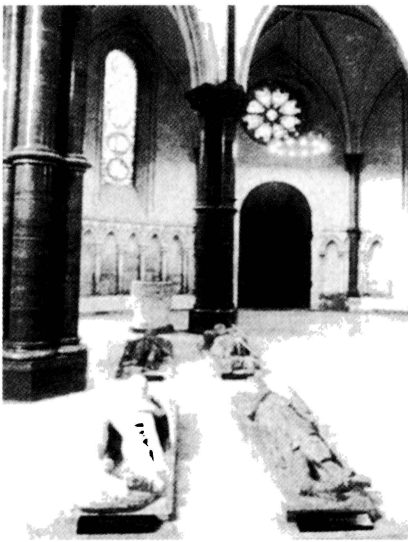

23. В пещерье Скальной мечети до сих пор сохранился шестигранный «краугольный камень мира», бывший частью пола Святого Святынь в храме Соломона. Сюда Соломон поместил ковчег 3000 лет назад, и отсюда — неизвестно когда — исчезла эта священная реликвия.

24—25. *Вверху*: портал мечети Аль-Аска на Храмовой горе в Иерусалиме, стоящей в 100 м к югу от Скальной мечети. Этот готический портал с тремя арками был построен тамплиерами в XII в., когда в мечети Аль-Аска находилась их резиденция. *Внизу*: для сравнения — готический северный портал Шартрского собора.

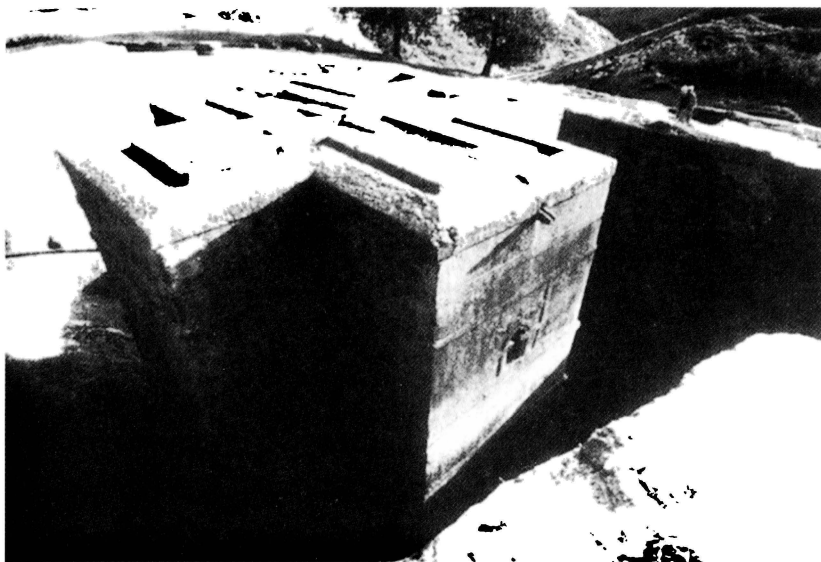

26. Интерьер круглой церкви Темпл-черч в Лондоне с надгробными изваяниями рыцарей. Церковь была построена тамиллерами в XII в.; это один из ранних образцов готической архитектуры.

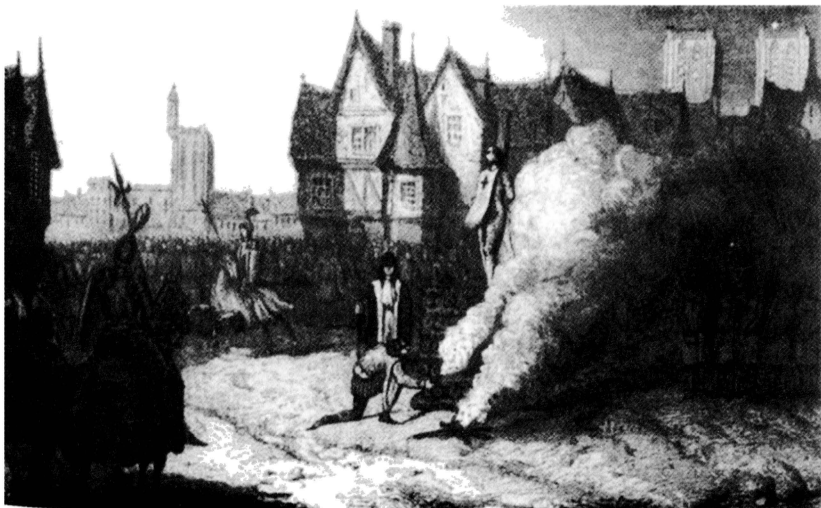
27. Фронтиспис книги Алварина, написанной в 20-е гг. XVI в. и содержащей описание первого португальского посольства в Эфиопию, ко двору пресвитера Иоанна.

28. Высеченная из монолитной скалы церковь Святой Девы Марии в древнем эфиопском поселении Лалибела. Создание церкви датируется XII в. и, согласно местному преданию, записанному Алваринем в 20-е гг. XVI в., она была «построена белыми людьми». Возможно ли, что эти «белые люди» были тамиллерами?

29. Высеченная из монолитной скалы церковь Святого Георгия в Лалибеле. Изображение двойного креста на крыше здания — вариант эмблемы тамплиеров, позднее принятой их преемниками — португальскими рыцарями Христа.

30. Великого магистра тамплиеров сжигают на костре (начало XIV в.). Гонения на тамплиеров начались в 1307 г. по инициативе папы Климента V и французского короля Филиппа IV. Менее чем за год до того папа Климент V принял первых эфиопских послов в Европе.

31. *Вверху слева:* папа Климент V. 32. *Вверху в центре:* Роберт Брюс, давний пристанище тамплиерам-изгнанникам в Шотландии.
33. *Вверху справа:* принц Генрих Моренлаватель (1394—1460), Великий магистр ордена рыцарей Христа, воспринявший традиции тамплиеров и проявлявший исключительный интерес к Эфиопии.

34. Васко да Гама, член ордена рыцарей Христа. Его сын, дон Кристофер да Гама, был убит в Эфиопии в 1542 г.

35. Джеймс Брюс из Киншэрда, возводивший свой род к Роберту Брюсу. В его отчете о путешествии в Эфиопию в конце XVIII в. можно обнаружить свидетельства того, что негласной целью его экспедиции были поиски ковчега Завета. Брюс был тайным масоном и наследником традиций тамплиеров в Шотландии.

Наш гид недоуменно поднял бровь. Мое предложение выглядело не слишком прилично.

— Давайте, — настаивал я. — Просто спросите его.

Снова зазвучала амхарская речь, а затем Вондему сообщил:

— Он говорит то же, что и прежде. Он ничего не знает о ковчеге Завета. Но он также говорит, что на Дага Стефанос надолго ничего не привозили.

Монахи, которые стояли полукругом, прислушиваясь к моей беседе с игуменом Кифле-Мариам Менгистом, теперь исчезли. Правда, один из них, босоногий и беззубый, одетый в такие отрепья, что на улицах Аддис-Абебы мог бы сойти за нищего, провожал нас по крутой тропе вниз к пристани. Прежде чем мы поднялись на борт катера, он отозвал Вондему в сторону и что-то прошептал ему на ухо.

— Что ему нужно? — резко спросил я, ожидая нового требования какого-то вознаграждения.

Но на этот раз речь шла не о деньгах. Вондему нахмурился:

— Он говорит, что мы должны поехать на Тана Киркос. Похоже, там мы узнаем что-то о ковчеге, что-то важное.

— Что за Тана Киркос?

— Еще один остров, к востоку отсюда. Довольно далеко.

— Попросите, пусть расскажет побольше. Что значит «что-то важное»?

Вондему передал наш вопрос и перевел ответ:

— Он говорит, что ковчег Завета на Тана Киркос. Это все, что ему известно.

Я возвел глаза к небу, растерянно дернул себя за волосы и пнул ногой борт катера — первая реакция на эту поразительную новость. Тем временем монах, от которого я хотел получить больше информации, заковылял обратно по причалу и исчез в банановой роще.

Я взглянул на часы: было уже около полудня. С того времени, как мы покинули Бахар-Дар, прошло почти шесть часов — а это триста долларов.

— Мы будем проходить мимо Тана Киркос на обратном пути? — спросил я Вондему.

— Нет, — ответил он. — Я никогда там не был. Туда никто не ездит. Но мне известно, что он находится примерно к востоку отсюда. А Бахар-Дар к югу.

— Ясно. Вы не знаете, сколько это может занять времени?

— Нет. Я спрошу у капитана.

Оказалось, что плыть туда часа полтора.

— А сколько оттуда до Бахар-Дара?

— Еще около трех часов.

Я быстро подсчитал в уме. Полтора часа до Тана Киркос плюс еще, скажем, часа два там, плюс три часа до Бахар-Дара — это шесть с половиной часов. Считай, все семь, плюс шесть часов мы уже в пути. Итого, тринадцать часов. *Тринадцать* часов, черт побери! По пятьдесят баксов за час. Минимум шестьсот пятьдесят долларов. Господи!

Я внутренне негодовал еще некоторое время. Но в конце концов, с таким же тяжелым сердцем, каким легким стал мой кошелек, я смирился с тем, что нужно ехать.

Конечно, на самом деле, ковчег Завета не мог находиться на Тана Киркос. Я понимал это. Наиболее вероятный сценарий: меня снова будут водить вокруг да около, как на Дага Стефанос, понемногу вытягивая деньги, пока я не перестану давать их. И тогда они сделают еще один соблазнительный намек, назвав еще один остров, — и я отправлюсь туда, держа наготове банкноты, чтобы обогатить еще одну общину нуждающихся отшельников.

Я вспомнил, как Джеймс Брюс, побывавший на озере Тана в XVIII веке, писал: «На озере сорок пять обитаемых островов, если верить абиссинцам, которые во всем великие лгуны...»¹¹

Тана Киркос

Когда мы причалили к Тана Киркос, я уже почти ничего не соображал. И все же, стоя на носу катера и хмуро глядя на остров, я не мог не признать, что он был красив и необычен. Полностью покрытый густым зеленым кустарником.

цветущими деревьями и высокими кактусами, Тана Киркос круто поднимался из воды к своей остроконечной вершине, на которой едва виднелась соломенная крыша круглого здания. В воздухе носились колибри, зимородки и ярко-голубые скворцы. На песчаном берегу небольшой бухты у причала стояла группа монахов. Они улыбались.

Мы бросили якорь и выбрались из катера. Вондеву совершил привычную церемонию, представив нас и все объяснив. Мы обменялись рукопожатиями и многословными приветствиями, и нас наконец повели узкой заросшей тропой, прорубленной в серой скале. Миновав арку на вершине, также вырубленную в скале, мы оказались на расчищенном участке леса, где увидели три-четыре ветхих строения и дюжину монахов, облаченных в лохмотья.

Место это, окруженное естественными скальными стенами, было тихим и мрачным. Рассеянный свет, проникавший сюда сквозь кусты и деревья, образовавшие свод, казался мутно-зеленым. Вопреки своей рассудительности я подумал, что здесь мы увидим нечто стоящее. Я не мог объяснить, почему, но Тана Киркос казался мне «правильным» местом в том смысле, в каком Дага Стефанос оказался «неправильным».

К нам подошел настоятель и представился, назвавшись Мемхиром Фиссехой. Он был сухощав, и от него пахло ладаном. Денег он не требовал, но поинтересовался, прошли ли мы проверку на благонадежность.

Вопрос этот, прозвучавший из уст человека в традиционном церковном облачении, привел меня в замешательство.

— Фактически, да, — ответил я.

Вытащив из кармана разрешение, выданное службой безопасности в Аддис-Абебе, я передал его Вондему, который, в свою очередь, вручил его настоятелю. Старик — неужели все священники в Эфиопии так стары? — с рассеянным видом изучил его и вернул мне. Похоже, он был удовлетворен.

Вондему объяснил, что я хочу задать несколько вопросов о Тана Киркос и ковчеге Завета. Согласен ли он?

— Да, — ответил священник, как мне показалось, довольно печально.

Он проводил нас к двери, за которой, судя по закопченным котелкам и кастрюлям, находилась кухня. Здесь он уселся на маленькой скамеечке и предложил нам присесть рядом.

— Как вы полагаете, — начал я, — был ли ковчег Завета привезен из Иерусалима в Эфиопию императором Менеликом I?

— Да, — перевел его ответ Вондему.

Я вздохнул с облегчением. Это уже гораздо лучше, чем на Дага Стефанос.

— Я слышал, — продолжил я, — что ковчег находится сейчас здесь, на острове Тана Киркос. Это правда?

Морщинистое лицо Мемхира Фиссеха исказила гримаса боли:

— Это было правдой.

Было? Что, скажите на милость, он имеет в виду?

— Пусть объяснит подробней! — в возбуждении рявкнул я Вондему. — «Было правдой» — что это значит?

Ответ священника взволновал и расстроил меня.

— Это было правдой. Но ковчега Завета здесь уже нет. Его забрали в Аксум.

Последовало долгое обсуждение на амхарском, причем к главному вопросу, по-видимому, возвращались не раз. Наконец Вондему перевел:

— Ковчег забрали в Аксум тысячу шестьсот лет назад, во времена царя Эзаны. И *обратно* его не привезли. Его просто забрали, и с тех пор он находится там.

Я был озадачен и расстроен.

— Давайте разберемся, — после минутного размышления предложил я. — Он не говорит, что ковчег находился здесь недавно и теперь возвратился в Аксум, ведь так? Он утверждает, что ковчег увезли туда очень давно.

— Именно так. Тысячу шестьсот лет назад. Так он говорит.

— Ладно, тогда спросите его, как ковчег попал сюда. Его привезли из Аксума, а затем увезли обратно? Или он внача-

ле был здесь, а потом его забрали в Аксум? Похоже, именно это он имеет в виду, но я хочу быть абсолютно уверен.

История прояснялась медленно и мучительно. Она извлекалась, словно корень сгнившего зуба из воспаленной десны. Потребовалось несколько раз проконсультироваться с другими монахами и еще обратиться к огромной книге в кожаном переплете, написанной на древнем языке геэз, и прочитав один отрывок.

Короче, настоятель сказал нам, что ковчег Завета был украден из храма Соломона в Иерусалиме Менеликом I и его спутниками. Они вывезли его из Иудеи в Египет. Затем они поднялись вверх по Нилу — вначале по Нилу, а потом по его притоку Тэкэзе — и достигли Эфиопии.

Разумеется, это было преданием о похищении ковчега, описанном в «Кебра Нагаст». Однако то, что случилось после, оказалось совершенно новым для меня.

В поисках подходящего безопасного места, где можно было бы хранить ковчег, продолжал старый священник, путешественники пришли к озеру Тана. В те времена все озеро считалось священным. Оно было угодно Богу. Святое место. Итак, они пришли к Тана, к его восточному берегу, и выбрали этот остров, который теперь называется Киркос, как место пристанища ковчега.

— И как долго он оставался здесь? — спросил я.

— Восемьсот лет, — последовал ответ. — Он освящал нас своим присутствием восемьсот лет.

— Он хранился здесь в каком-то здании? Или его поместили в храм?

— Не было никакого здания. Ковчег Завета находился в шатре. И он оставался в этом шатре, здесь, на Тана Киркос, восемьсот лет. Тогда мы были иудеями. Позже, когда мы стали христианами, царь Эзана забрал ковчег в Аксум и поместил его в большой церкви в этом городе.

— И вы утверждаете, что ковчег перевезли в Аксум тысячу шестьсот лет назад?

— Да.

— Значит, если до того он находился на Тана Киркос в течение восьмиста лет, то он должен был попасть сюда

примерно две тысячи четыреста лет назад. Верно? Вы утверждаете, что ковчег был доставлен сюда за четыреста лет до Рождества Христова?

— Да.

— Вам известно, что 400 лет до н.э. — это гораздо позже времен царя Соломона, который считался отцом Менелика? Соломона к тому времени уже не было в живых около пяти-сот лет. Что вы скажете на это?

— Ничего. Я рассказал вам предание, как оно записано в наших священных книгах и в нашей памяти.

Замечание, сделанное священником несколькими минутами ранее, чрезвычайно заинтересовало меня, и теперь я заговорил с ним об этом:

— Вы сказали, что в то время вы были иудеями. Что это означает? Какую религию вы исповедовали?

— Мы были иудеями. Мы совершали жертвоприношения... приносили в жертву агнца. И так продолжалось, пока ковчег не увезли в Аксум. Тогда пришел Абба Салама и научил нас христианской вере, и мы построили здесь церковь.

Аббой Саламой, как мне было известно, эфиопы называли Фрументия — сирийского епископа, который в 330 году н.э. обратил в христианство царя Эзану и все Аксумское царство. Это означало, что указанные Мемхиром Фиссехой периоды исторически достоверны или, по крайней мере, согласованы между собой. Единственное противоречие было в огромном разрыве между известным периодом царствования Соломона — серединой X века до н.э. — и тем временем, когда ковчег предположительно был похищен и доставлен на Тана Киркос (если вычесть восемьсот лет из 330 года н.э., то это должно было произойти в 470 году до н.э.).

Я настойчиво продолжал:

— Прежде, чем Абба Салама пришел и научил вас христианству, у вас была здесь церковь?

— Никакой церкви. Я уже сказал вам. Мы были иудеями. Мы совершали жертвоприношения. — Помолчав, священник добавил: — Кровь агнца собиралась в чашу... *гомер*. За-

тем ею окропляли камни, небольшие камни. Они до сих пор находятся здесь.

— Извините, повторите, пожалуйста. Что находится здесь до сих пор?

— Камни, которые мы использовали во время жертвоприношения, когда мы были иудеями. Эти камни здесь. На острове. Они до сих пор здесь.

— Их можно увидеть? — спросил я, немного волнуясь. Если Мемхир Фиссеха говорит правду, значит, речь идет о вещественных доказательствах — реальных вещественных доказательствах, подтверждающих странную, но необычайно убедительную историю, которую он рассказал.

— Можно, — ответил старик и поднялся. — Следуйте за мной, я покажу.

Окропление кровью

Священник привел нас наверх, к краю утеса, откуда открывался вид на озеро Тана. Здесь он показал нам три невысоких каменных столба, стоящих рядом на постаменте из обычного необтесанного камня. Самый высокий из столбов, около полутора метров высотой, был квадратным в сечении, с выдолбленным наверху чашеобразным углублением. Остальные два, около метра высотой, были цилиндрической формы, толщиной с мужское бедро. Сверху они также имели углубления приблизительно в десять сантиметров.

Хотя эти три столба густо поросли зеленым лишайником, я понял, что эти монолитные камни вытесаны из серого гранита одной породы. Они выглядели древними, и я поинтересовался мнением Ричарда на этот счет.

— Разумеется, я не археолог, — ответил он, — но, судя по тому, как они высечены, по стилю... особенно того, квадратного... Я бы сказал, что они, скорее всего, принадлежат к аксумскому периоду, если не к более раннему.

Я спросил Мемхира Фиссеху, для чего использовались углубления в форме чаши.

— Чтобы собирать кровь, — последовал ответ. — После жертвоприношения частью крови окропляли камни и шатер, где находился ковчег. Остальное выливали в эти углубления.

— Вы можете показать, как это делалось?

Старый священник поманил рукой одного из монахов и негромким голосом дал ему какое-то распоряжение. Монах ушел и через несколько минут возвратился с широкой, но неглубокой чашей, настолько потускневшей и поржавевшей, что трудно было догадаться, из какого металла она изготовлена. Как нам объяснили, это был *гомер*, в который сразу же после жертвоприношения собирали кровь.

— Что означает слово «гомер»? — спросил я Вондему.

Он пожал плечами:

— Не знаю. Это не амхарское слово и даже не на тигрина. Оно непохоже ни на одно из эфиопских слов.

Я взглянул на Ричарда, надеясь, что тот разъяснит, но он признался, что тоже не знает.

Мамхир Фиссеха просто сказал, что чаша называется «гомер» и всегда так называлась, и это было все, что он знал. Затем он встал рядом с камнями, держа чашу в левой руке, опустил в нее большой палец правой руки, взмахнул рукой над головой и стал размахивать ею вверх и вниз.

— Так кропили кровью камни и шатер ковчега, — объяснил он. — После, как я уже говорил, остатки выливались вот так.

Он наклонил чашу над углублениями на верху столбиков.

Я спросил священника, не знает ли он, где именно на острове хранился ковчег в своем шатре. Но он сказал лишь:

— Здесь поблизости... где-то здесь поблизости.

Затем я попытался прояснить то, что мы недавно обсуждали.

— Вы сказали, что ковчег был вывезен с Тана Киркос в Аксум тысяча шестьсот лет назад. Это верно?

Вондему перевел вопрос. Мемхир Фиссеха утвердительно кивнул.

— Хорошо, — продолжил я. — Теперь мне бы хотелось знать: привозили ли его когда-нибудь обратно? Возвращался ли ковчег когда бы то ни было этот остров?

— Нет. Его забрали в Аксум, и он остался там.

— И, насколько вам известно, он до сих пор там?

— Да.

Похоже, больше никакой информации не ожидалось, но я был более чем удовлетворен услышанным, к тому же эти сведения никто не обменивал на деньги. С чувством признательности я протянул 100 быров в качестве пожертвования на нужды монастыря. Затем, с разрешения Мемхира Фиссехи, я принялся фотографировать жертвенные столбы в разных ракурсах.

В Бахар-Дар мы вернулись к восьми вечера. На озере Тана мы провели более четырнадцати часов, и счет за аренду «Дахлака» достиг 750 долларов США.

По любым меркам, день оказался дорогостоящим. Но я уже не возмущался расходами. Сомнения, так сильно охватившие меня на Дага Стефанос, полностью развеялись на Тана Киркос, и я чувствовал, что готов продолжить поиск с новым ощущением убежденности и оптимизма.

Это настроение еще более окрепло в Аддис-Абебе. Прежде чем отправиться в намеченную на 23 ноября поездку на озеро Звай, у меня появилась возможность посетить университетскую библиотеку и ознакомиться со множеством ссылок, касающихся использования жертвенных камней в ветхозаветном иудаизме.

Я узнал, что столбы, подобные тем, которые я видел на Тана Киркос, были связаны с очень ранними религиозными культурами как на Синайском полуострове, так и в Палестине. Известные под названием «*массебот*», они устанавливались как алтари на высоких местах и использовались для жертвоприношений и других обрядов¹².

Затем я заглянул в Библию в поисках конкретных подробностей совершения жертвоприношения в ветхозаветные времена. Такие подробности я нашел и, перечитывая соответствующие места, понял, что обряд, который описал нам Мемхир Фиссера, был подлинным и весьма древним.

Несомненно, многое было искажено в воспоминаниях об обычае, передававшемся из поколения в поколение. Но когда священник рассказывал об окроплении кровью, он был удивительно близок к описанию подлинного ритуала.

Так, в главе 4 Книги Левит я обнаружил следующий стих: «И омочит священник перст свой в кровь, и покропит кровью семь раз пред Господом пред завесою святилища»¹³. А в главе 5: «И покропит кровью сей жертвы за грех на стену жертвенника, а остальную кровь выцедит к подножию жертвенника...»¹⁴

Но лишь обратившись к «Мишне» — письменной компиляции раннего устного иудейского закона, я понял, насколько достоверен был рассказ Мемхира Фиссехи. В трактате «Йома», втором разделе «Мишны», я нашел подробные описания ритуалов жертвоприношения, проводившихся первосвященником в храме царя Соломона перед завесой, скрывавшей ковчег Завета от взглядов мирян.

Я прочитал, что кровь жертвы — агнца, козла или быка — собиралась в сосуд и передавалась тому, «кто должен размешивать ее... чтобы она не свернулась». Затем жрец, появившийся из святая святых, «брал кровь у того, кто размешивал ее, и снова входил в святая святых, и становился снова на место, на котором стоял, и кропил кровью один раз вверх и семь раз вниз»¹⁵.

Но что же именно кропил священник кровью? Согласно «Мишне», он кропил ею «завесу снаружи, напротив ковчега, один раз вверх и семь раз вниз, не так, как если бы намеревался кропить верху или внизу, но словно бы он держал в руке кнут... Затем он кропит очищенную поверхность алтаря семь раз и выливает оставшуюся кровь»¹⁶.

Мне показалось совершенно невероятным, что настоятель Мемхир Фиссеха когда-либо читал «Мишну». Как христианину, ему незачем было читать ее, да и где бы он нашел эту книгу на своем далеком островке и как бы смог понять хоть один из языков, на которые она переведена? И все же движения его руки, когда он показывал, как кропили кровью, были именно такими, словно он держал кнут. И он с

уверенностью говорил о том, что кровью кропили не только камни жертвенника, но и «шатер ковчега».

Соответствия оказались слишком точными, чтобы игнорировать их, и я был теперь уверен, что некогда, в глубокой древности, предмет величайшего религиозного значения был на самом деле привезен иудеями на остров Тана Киркос. Несмотря на хронологическое несоответствие предполагаемой даты его доставки, существовали все основания считать — как безусловно верил сам настоятель Мемхир Фиссеха, — что предметом этим действительно был священный ковчег Завета.

ПРИЗРАК В ЛАБИРИНТЕ

Во время нашей беседы на Тана Киркос, прежде чем перейти к сути дела, священник упомянул об одной вещи, которая меня очень заинтересовала. Он говорил о *маршруте*, которым ковчег следовал в Эфиопию, и теперь, сидя в библиотеке Института исследований истории Эфиопии, я хотел глубже разобраться в этом вопросе. Священник сказал, что ковчег, похищенный из храма Соломона в Иерусалиме, доставили вначале в Египет, а оттуда перевезли по рекам Нил и Тэкэзе на озеро Тана. Несмотря на все поиски, которыми я занимался в предыдущие месяцы, я так и не уделил серьезного внимания маршруту Менелика. Поэтому я решил узнать, что говорит по этому поводу «Кebra Нагаст». Мне также хотелось выяснить, нет ли в ней чего-либо, противоречащего утверждению священника, будто ковчег оставался на Тана Киркс восемьсот лет, прежде чем был увезен в Аксум.

Единственная полезная информация, которую я смог найти в этой древней рукописи, содержалась в главе 84. Здесь говорилось, что после прибытия в Эфиопию Менелик и его спутники доставили священную реликвию в место под названием «Дебра Македа»¹. К моему удивлению, об Аксуме даже не упоминалось. Где бы ни находилась Дебра Македа, явно и несомненно это было первое пристанище ковчега в Эфиопии. Сразу же прояснилось одно из самых серьезных несоответствий, беспокоивших меня с 1983 года, — а именно, что город Аксум был основан лишь спустя восемь столетий после предполагаемого путешествия Менелика².

Несколько моих первоначальных информантов уверяли меня, что Аксум был конечным пунктом этого путешествия, и что ковчег с самого начала хранился в этом городе³, — что, разумеется исторически было бы невозможно. Теперь же я выяснил, что «Кебра Нагаст» не утверждает этого, а лишь сообщает, что Менелик и его спутники привезли реликвию из Иерусалима в Дебра Македу. Мне было известно, что слово «дебра» означает «гора», а Македа было именем, которым эфиопское предание называло царицу Савскую. Значит, «Дебра Македа» означает «гора Македа», или «гора царицы Савской».

В кратком описании в «Кебра Нагаст» я не нашел ничего, указывающего, что «гора царицы Савской» могла быть островом Тана Киркос. Но точно так же я не обнаружил ничего, исключавшего такую возможность. В поисках новых ключей я обратился к авторитетному географическому исследованию озера Тана, проведенному в 1930-е годы, и узнал, что название Киркос острову дали относительно недавно (в честь христианского святого). «До обращения Эфиопии в христианство, — говорилось в обзоре, — Тана Киркос назывался «Дебра Сехел»⁴. У меня немедленно возник вопрос: а что означает слово «Сехел»?

Чтобы выяснить это, я проконсультировался с несколькими учеными, работавшими в тот день в библиотеке. Мне сказали, что это слово на языке геэз, и происходит оно от глагола «прощать».

— Правильно ли тогда, — спросил я, — что полное название «Дебра Сехел» может означать «гора Прощения»?

— Да, — ответили мне. — Правильно.

Это уже становилось интересным. В «Парцифале» Вольфрама фон Эшенбаха, как я прекрасно помнил, замок Грааля и храм Грааля находились в Мунсальвеше⁵. О точном значении этого слова велись споры, и несколько специалистов по творчеству Вольфрама предполагали, что за ним скрывается «библейская Mons Salvationis, гора Спасения»⁶.

Нет сомнений в том, что идеи «прощения» и «спасения» связаны, ибо для «спасения» в религиозном смысле человек

должен быть вначале прощен. Более того, в псалме 129 говорится: «Если Ты, Господи, будешь замечать беззакония, — Господи! Кто устоит? Но у Тебя очищение... Да уповаает Израиль на Господа; ибо у Господа милость и многое у Него избавление»⁷.

«Избавление», разумеется, близкий синоним «спасения»⁸. Поэтому я не мог не задаться вопросом: могла ли «гора Спасения» Вольфрама каким-то образом быть связана с эфиопской «горой Прощения», известной сейчас как Тана Киркос?

Я полностью сознавал, что это весьма зыбкое предположение и что трудно отождествить Дебра Сехел с Мунсальвешем. Тем не менее после неоднократного прочтения «Парцифалья» я хорошо помнил, что мистический храм Грааля («гладкий и закругленный, словно выточенный на токарном станке»⁹) стоял на озере — и вполне возможно, что на каком-то острове этого озера¹⁰. Нельзя не учитывать и того факта, что эфиопские православные церкви и фалашские молельни традиционно имели круглую форму¹¹ — как и большинство церквей тамплиеров (в том числе и сохранившиеся до наших дней — например, Храмовая церковь XII века вблизи Флит-стрит в Лондоне). Я почувствовал определенные соответствия во всем этом, полностью пренебрегать которыми было неразумно (так же, впрочем, как и наделять их особым смыслом).

Пока же следовало рассмотреть другую, более определенную связь между Дебра Селех и Дебра Македой. Как показало прежнее название острова Тана Киркос, эфиопские острова могли иметь перед своим названием слово «Дебра» (что означает «гора»). И действительно, Тана Киркос, высоким пиком круто вздымающийся над поверхностью озера, выглядел горой, когда я впервые его увидел. Конечно, это не доказывало, что «Кебра Нагаст», рассказывая о прибытии ковчега на гору царицы Савской, подразумевала Дебра Сехел. Но, по крайней мере, рассуждал я, все это увеличивает шансы острова именоваться горой.

Покончив с этим вопросом, я решил наконец заняться маршрутом Менелика и его спутников. Прежде я полагал,

что они весь путь проделали на корабле — от Соломонова порта Ецион-Гавер (нынешний Эйлат в заливе Акаба)¹², по Красному морю до эфиопского побережья. Сейчас, внимательно изучая выданную мне библиотекарем копию «Кебры Нагаст», я обнаружил, что заблуждался. Все свое долгое путешествие из Иерусалима Менелик совершил по суше, с большим караваном¹³.

Но каким сухопутным маршрутом он следовал? Описание этого пути в «Кебра Нагаст» напоминает сказочный, удивительный сюрреалистический рассказ, в котором нелегко узнать известные географические названия и особенности. Однако в нем есть и некоторые вполне конкретные и важные подробности. Покинув Иерусалим, путешественники вначале отправились в Газу (этот город до сих пор существует на израильском побережье Средиземного моря). Оттуда они, по-видимому, отправились хорошо известным торговым путем через северную оконечность Синайского полуострова¹⁴ в Египет, где вскоре достигли великой реки. Здесь они сказали: «Оставим наши повозки, ибо мы пришли к водам Эфиопии. Это Тэкэзе, которая течет из Эфиопии и орошает долину Египта»¹⁵. Из этого контекста ясно, что Менелик и его спутники, произносившие эти слова, все еще находились в «долине Египта», вероятно, недалеко к югу от современного Каира. Поэтому рекой, у которой они оставили свои повозки, мог быть только Нил. Но самое удивительное, что они сразу же отождествили его с Тэкэзе — тем самым большим эфиопским притоком, о котором упоминал священник на Тана Киркос.

Взяв у библиотекаря атлас, я провел кончиком пальца по течению Тэкэзе. Река брала начало в центре Абиссинского нагорья, недалеко от древнего города Лалибела, протекала извилистым руслом к северо-западу через горы Симиен, сливалась с Атбарой в Судане и наконец соединялась с Нилом в нескольких сотнях миль к северу от современного города Хартума, стоящего у слияния Голубого и Белого Нила.

Глядя на карту, я сразу же обнаружил еще две особенности: во-первых, с эфиопской точки зрения Нил вполне можно считать продолжением Тэкэзе¹⁶; во-вторых, совершенно

логично, что караван с ковчегом Завета поднялся по Нилу, а затем по Тэкэзе, чтобы попасть в Эфиопию. Иначе им пришлось бы проследовать гораздо дальше на юг через суровые пустыни Судана до слияния двух Нилов и затем подняться по Голубому Нилу в нагорье. Но так как Голубой Нил широкой дугой изгибается к югу, прежде чем снова повернуть на север к озеру Тана, путешествие могло слишком затянуться. Маршрут же по Тэкэзе почти на тысячу миль короче.

Благодаря карте прояснилось еще одно обстоятельство: путешественники, поднимавшиеся по Тэкэзе к ее верховьям, к концу своего пути могли достичь пункта менее чем в семидесяти милях от восточного берега озера Тана. А Тана Киркос лежит не так далеко от этого берега. Поэтому нет ничего загадочного в предании о том, что этот маленький остров стал первым пристанищем ковчега в Эфиопии. Разыскивая повсюду безопасное уединенное место для хранения священной реликвии, Менелик и его спутники вряд ли могли сделать лучший выбор.

Трое в одной лодке

На следующее утро мы с Ричардом Пэнкхерстом отправились на озеро Звай. Нас сопровождал мой старый друг — Йоханнес Берхану, генеральный директор Национальной государственной туристической компании. Мы встретились около шести утра у главного офиса компании, где Йоханнес любезно предоставил в наше распоряжение «Тойоту Лендкрузер» с водителем. Через двадцать минут небоскребы и трущобы Аддис-Абебы уже остались позади, и мы с грохотом мчались по широкому шоссе, ведущему на юг через город Дебра Зейт в самое сердце Рифтовой долины.

Если не считать водохранилища Кока, озеро Звай самое северное из череды озер в Рифтовой долине. Его площадь приблизительно двести квадратных миль, а максимальная глубина — около пятидесяти футов. Это овальное озеро все усеяно островами, а его заросшие камышом болотистые бе-

рега — идеальное место обитания для аистов, пеликанов, диких уток, гусей и орланов-крикунов, а также для огромного количества бегемотов.

Спустя два часа после выезда из Аддис-Абебы мы прибыли к месту назначения — пристани на южном берегу озера. Как нам сообщили, министерство рыболовства держало здесь много судов, одно из которых наверняка могли предоставить нам за минимальную плату. Но, как и следовало ожидать, все крупные суда ушли на лов рыбы. Осталась лишь одна небольшая моторная лодка с подвесным мотором, но и его нечем было заправить.

Последовал долгий разговор с сотрудником министерства, который уверял, что лодка слишком мала, чтобы взять на борт Ричарда, Йоханнеса, меня и еще лоцмана. Остров Дебра Сион — куда, как мне было известно, в X веке привозили ковчег для сохранения — находится далеко, по меньшей мере, в трех часах пути на этой утлой посудине. К тому же на лодке нет тента, и мы можем сильно обгореть на солнце. Короче, не могли бы мы приехать завтра, когда найдется более подходящее судно?

Йоханнес резко отверг это предложение. Завтра, сказал он, у профессора Пэнкхерста и мистера Хэнкока важная встреча в Аддис-Абебе, которую нельзя отложить ни под каким предлогом. Поэтому мы должны попасть на Дебра Сион сегодня.

Продолжая спор, мы в конце концов вышли на пристань и попробовали усесться в крошечной лодке. Мы как-то втиснулись в нее, устроившись по бортам, хотя наш общий вес заставил ее опасно погрузиться в воду.

Что было делать? Сотрудники министерства явно колебались, но в конце концов махнули на нас рукой. Судно — наше. Они предоставят лоцмана. Никакой оплаты. Но мы сами должны позаботиться о топливе. Может, пошлете своего водителя в ближайший город с канистрой?

Мы так и сделали. Ждать пришлось непостижимо долго. Прошел час, за ним другой. С возрастающим нетерпением я стоял на конце пристани и знакомился с аистами марабу: огромные, печальные длинноклювые, лысоголовые птицы

явно происходили от птеродактилей. Наконец наш водитель вернулся с топливом, и уже после одиннадцати мы завели подвесной мотор и отчалили.

Лодка шла очень медленно, разрезая воду, минуя один за другим лесистые острова. Обрамленный камышами берег удалялся, исчезая позади, но не было даже признака Дебра Сион. Солнце уже стояло прямо над головой, а наша лодка понемногу, но довольно заметно протекала.

И тут Йоханнес Берхану и напомнил нам, что озеро кишит гиппопотамами (которых он описал как «очень агрессивных и недружелюбных животных»). На нем, как я заметил, был спасательный жилет, который он где-то раздобыл перед отплытием. Тем временем нос Ричарда Пэнкхерста приобрел пикантный оттенок розового лобстера. А я... я скрежетал зубами, стараясь не думать о переполненном мочевом пузыре. Где же этот чертов остров? Когда мы, наконец, доберемся до него? Нетерпеливо поглядывая на часы, я вдруг осознал весь комизм нашего положения. Одно дело — «Искатели утраченного ковчега», но сейчас, если честно, мы скорее — «Трое в одной лодке».

Путь до Дебра Сион не занял столько времени, как нас предупреждали, но все же он был достаточно долгим. Когда мы наконец причалили, я первым выскочил на берег, промчался мимо монахов, ожидавших нас, чтобы поприветствовать, и скрылся за ближайшим кустом, из-за которого появился вновь через несколько минут в гораздо лучшем настроении.

Когда я присоединился к остальным, они уже были заняты беседой с гостеприимными хозяевами. Я обратил внимание на несколько папирусных лодок, выстроившихся вдоль берега. Они казались очень похожими на те, которые я видел на озере Тана. Я уже собрался было спросить об этом, как Йоханнес прервал мои размышления, взволнованно воскликнув:

— Грэхем! Здесь что-то странное. Похоже, местные люди говорят на тигригна.

Это действительно было странно. Мы находились сейчас в южной части провинции Шоа, население которой го-

ворило на амхарском. Тигригна же был языком священного города Аксум и провинции Тиграй — в сотнях миль севернее. Из собственного опыта я знал, что в Эфиопии региональные различия, и в частности лингвистические, имеют очень большое значение — достаточно серьезное, чтобы стать причиной гражданской войны. Поэтому так удивительно было обнаружить, что амхарский язык не являлся родным для монахов Дебра Сион.

И, как выяснилось, не только монахов. Мы быстро установили, что все жители острова, в том числе крестьяне и рыбаки, говорили обычно на одном из диалектов тигригна, а амхарским (который многие из них знали лишь поверхностно) пользовались только в тех редких случаях, когда их посещали правительственные чиновники.

Пока мы поднимались извилистой тропой на вершину холма, где находилась главная монастырская церковь острова, я спросил:

— Почему вы говорите на тигригна?

— Наши предки — выходцы из Тиграя, — ответили монахи с помощью Йоханнеса.

— Когда они пришли сюда?

— Около тысячи тридцати лет назад.

Я быстро подсчитал в уме: 1989 минус 1030 получается 959 год н.э. Десятый век, подумал я. Столетие, в котором царица Юдифь (или Эсфирь) свергла династию Соломона, а ковчег Завета предположительно перевезли из Аксума на сохранение на Дебра Сион. Я даже не стал никого расспрашивать: похоже, предание, которое рассказывал мне Белаи Гедаи, начало обретать реальность.

— Почему они пришли сюда? — спросил я. — Пусть расскажут, как и почему они переехали сюда.

Йоханнес передал монахам мой вопрос и перевел их ответ:

— Видите ли, их предки прибыли сюда с *таботом*. Это было во времена Юдифи. Она напала на христиан в Тиграй. Там было жестокое сражение. Они бежали. И пришли сюда с *таботом*.

— Каким *таботом*?

— Говорят, это был *табот* из церкви Святой Марии Сионской в Аксуме.

— Имеют ли они в виду подлинный *табот*, который Менелик привез в Эфиопию из Иерусалима? Иными словами, ковчег Завета? Или они говорят о каком-то другом *таботе*? Я хочу точно выяснить это.

Йоханнес мужественно вступил на это минное поле перевода, пока мы продолжали подниматься по крутому склону. Они долго обсуждали и спорили, прежде чем он наконец произнес:

— Не думаю, что им самим все полностью ясно. Но они говорят, что это записано... Что все это записано в книге, хранящейся здесь, в церкви, и мы сможем обсудить этот вопрос с их настоятелем.

Похищенная история

Через пять минут мы подошли к церкви, посвященной — что меня не так уж удивило — Святой Марии Сионской. Это было скромное строение из обмазанных глиной плетней, побеленное снаружи, увенчанное простым крестом. Отсюда, с вершины холма, открывался великолепный вид, позволяющий разглядеть весь этот большой остров. Позади, там, откуда мы пришли, вилась тропа среди полей, усеянных убогими крестьянскими хижинами. Впереди поросший акациями и кактусами склон круто спускался к берегу.

Перед нами предстал настоятель Абба Гебра Кристос — невысокий, жилистый мужчина лет семидесяти, с редкой седой бородой, в поношенном костюме-двойке и накинутым на плечи куском белой хлопчатобумажной ткани в традиционном стиле жителей нагорья. Он был довольно приветлив и радушен, но я также заметил в нем что-то хитроватое, расчетливое, предвещающее финансовую сделку.

Нервно нащупав пачку засаленных быров, которую сунул в карман перед отъездом из Аддис-Абебы, я решил, что

заплачу только за качественную информацию. Не откладывая надолго, я включил диктофон и задал свой первый вопрос: известна ли ему история о том, как Менелик похитил ковчег Завета из храма Соломона в Иерусалиме.

— Да, — перевел Йоханнес. — Конечно, известно.

— А знает ли он, что было дальше?

— Менелик, — ответил священник, — привез ковчег в Эфиопию, где он до сих пор и находится.

— А он уверен, — спросил я, — что это был подлинный ковчег Завета с десятью заповедями, начертанными перстом Бога на каменных скрижалях?

Йоханнес перевел вопрос, и Абба Гебра Христос важно ответил:

— Да, уверен.

— Ну, что ж. Хорошо. А теперь скажите мне, привозили ли когда-нибудь этот подлинный ковчег сюда, на озеро Звай, на Дебра Сион?

— Да, — ответил настоятель, — во времена Юдифи ковчег привезли сюда из Аксума.

— Но почему его привезли сюда? Почему именно сюда? Почему так далеко? Наверняка в Тиграе были сотни подходящих мест, где можно было спрятать ковчег?

— Видите ли... Эта Юдифь... Она была настоящим дьяволом. Она сожгла в Тиграе множество церквей. И в других местах страны. То было время великих сражений и огромной опасности. Наши предки очень боялись, что она захватит ковчег. Поэтому они вывезли его из Аксума на Звай, где знали, что он будет в сохранности. Они передвигались только по ночам, прячась днем в лесах и пещерах. Они очень боялись, говорю вам! Но таким образом они ускользнули от ее воинов и доставили ковчег на Звай на этот остров.

— И как долго он оставался здесь?

Абба Гебра Христос не колеблясь ответил:

— Через семьдесят два года его вернули в Аксум.

Теперь, подумал я, пришло время задать самый главный вопрос. И неуверенно спросил:

— Случалось ли еще, чтобы ковчег снова привозили сюда для сохранения? Быть может, недавно?

И опять последовал уверенный ответ:

— Нет.

— Значит, насколько вам известно, он до сих пор в Аксуме?

— Да.

— Даже сейчас, когда в Тиграе война?

Абба пожал плечами:

— Я так думаю. Но это лишь мое мнение. Если хотите узнать точно, спросите людей в Аксуме.

Мне в голову пришла еще одна мысль:

— Когда мы поднимались сюда, кто-то из монахов сказал, что у вас есть древняя книга, в которой записана история, как ковчег появился на Дебра Сион во времена Юдифи. Это правда? У вас есть такая книга?

Пока Йоханнес переводил мои вопросы, на морщинистом лице Абба Гебра Христа промелькнуло выражение, будто он неожиданно проглотил что-то горькое. Однако он довольно быстро ответил:

— Да, есть такая книга.

— Мы можем ее посмотреть?

После минутного колебания священник произнес:

— Да... Но страниц с историей ковчега уже нет.

— Простите? Не понимаю. Что вы имеете в виду?

— Лет двадцать назад сюда пришел человек, он вырезал из книги несколько страниц и забрал их с собой. Это были те страницы, на которых рассказывалась история ковчега.

— Тот человек... он был иностранец или эфиоп?

— Эфиоп. Но с тех пор мы так и не смогли разыскать его.

Пытаясь понять, что означает этот последний ответ, я не мог не задуматься над каким-то странным характером предприятия, в которое я сейчас оказался вовлечен. Должно ли меня волновать, что неизвестный человек вырезал неизвестно сколько страниц из неизвестной мне книги? Или это совершенно безразлично для меня? Не напал ли я на след кого-то еще, кто ищет ковчега Завета? Или я имею дело

лишь с местным охотником за рукописями, который лет двадцать назад легко заработал, продав на черном рынке несколько листков, украшенных миниатюрами?

Я подозревал, что никогда этого не узнаю. Погоня за ковчегом по всей Эфиопии оказалась гораздо более трудным и неблагодарным делом, чем можно было представить. Это было нечто вроде погони за призраком в лабиринте. Широкие коридоры, которые на первый взгляд вселяли надежду, при ближайшем рассмотрении оказывались непроходимыми тупиками, и, напротив, явные тупики не раз выводили на верный путь.

Вздыхнув, я попытался сосредоточиться и сказал Абба Гебра Кростосу, что, несмотря на утрату самых важных страниц, мне все равно очень хочется взглянуть на эту книгу. А если возможно, то и сфотографировать ее.

Моя просьба вызвала бурный протест. Нет, заявил престарелый священник, он не может позволить нам сделать это. О фотографиях не может быть и речи, если не будет письменного разрешения патриарха Эфиопской православной церкви в Аддис-Абебе. Есть ли у нас такое разрешение?

Нет, у нас его нет.

Тогда мы не можем сфотографировать книгу. Но мы можем посмотреть ее, если желаем.

Я ответил, что мы будем благодарны и за эту милость. Абба Гебра Кростос глубокомысленно кивнул, провел нас внутрь церкви и направился к шкафу в глубине убогого здания. Последовала впечатляющая пантомима — он стал искать по всем карманам нужный ключ и через пару минут признался, что не может его найти.

Тогда он призвал молодого дьякона и послал его куда-то. Минут через десять запыхавшийся юноша возвратился, сжимая в руке связку не менее двадцати ключей. Один за другим их пытались вставить в замок, и, наконец, к моему немалому удивлению, дверцу открыли. Однако шкаф оказался почти пуст: единственная лежавшая там книга оказалась трудом начала XX века, подаренным церкви дочерью императора Менелика II царевной Заудиту.

В этот момент Абба Гебра Кростос внезапно вспомнил важный факт: рукописи, которую мы желали посмотреть, вообще нет в церкви. Несколько недель назад он сам отнес ее в хранилище, которое находится в отдельном здании довольно далеко отсюда. Если мы не против последовать за ним, он покажет нам книгу.

Взглянув на часы, я решил, что у нас еще достаточно времени до отплытия, и согласился. После долгой прогулки мы в конце концов добрались до ветхого двухэтажного каменного здания. Священник с важным видом провел нас в сырую и затхлую заднюю комнату, вдоль стен которой стояли дюжины деревянных ящиков и ярко размалеванные жестяные сундуки. После минутного колебания Абба шагнул к одному из сундуков, откинул крышку, и мы увидели груды книг. Он поднял самую верхнюю — увесистый том с пергаментными страницами — и передал ее мне.

Ричард Пэнкхерст и Йоханнес окружили меня, когда я раскрыл книгу, и тут же подтвердили, что она написана на геэз. К тому же, она явно была очень древней.

— Судя по стилю миниатюр и по переплету, я бы предположил, что это тринадцатый век, — сказал Ричард. — Самое позднее — четырнадцатый. Несомненно, это очень древняя книга. Вероятно, очень ценная.

Мы принялись нетерпеливо перелистывать страницы. Однако не было никаких признаков, что они где-то были вырваны. Насколько мы могли судить, рукопись не имела никаких повреждений. Мы указали на это Абба Гебра Кростосу, который стоял рядом, молча наблюдая за нами, и спросили, уверен ли он, что это та самая книга, о которой он говорил.

Как выяснилось, нет. Бормоча извинения, старый священник стал рыться в других ящиках, передавая нам одну за другой древние рукописи.

— Поразительно, — заметил Ричард. — Столько древних книг. Просто драгоценный клад. И они валяются здесь в полном беспорядке. Они могут отсыреть. Их могут украсть. С ними может случиться что угодно. Как бы я хотел перевезти их в наш институт.

Последней книгой, которую мы рассмотрели, была копия эфиопского Жития святых — в деревянном переплете, с прекрасными миниатюрами. Она также не была повреждена. Когда мы пролистали ее, Ричард слегка подтолкнул меня локтем:

— Думаю, мы здесь ничего не добьемся.

— Наверное, вы правы, — кивнул я. — К тому же уже поздно. Нам пора, иначе придется плыть в темноте.

Однако прежде чем покинуть остров, я все же попросил Йоханнеса сделать еще одну, последнюю, попытку добиться от священника чего-то вразумительного. Действительно ли книга, в которой рассказывается история ковчега, находится здесь?

Разумеется, она здесь, настаивал на своем Абба Гебра Христос. Конечно, она здесь. Проблема лишь в том, что он не помнит точно, в какой ящик положил ее. Если бы мы пожелали подождать еще чуть-чуть он уверен, что найдет ее.

Я чувствовал, что лучше отказаться от этого предложения. Мне показалось, что старик умышленно уклоняется, — и если так, значит, он что-то скрывает. Но что? Ведь не сам же ковчег, размышлял я. Быть может, даже и не пресловутую книгу. Но определенно он что-то прячет.

Мы попрощались. Озадаченный и немного раздосадованный, я возвращался к лодке. Оставался еще почти час до захода солнца, и мы двинулись в обратный по тихим водам озера Звай.

Я записал в своем блокноте:

«Не думаю, что есть смысл тратить время на дальнейшие исследования Дебра Сион. После встречи с монахами и настоятелем я совершенно уверен, что значение этого острова лишь в силе его древних преданий, относящихся к ковчегу Завета. В общих чертах, эти предания, похоже, подтверждают то, что Белаи Гедаи сообщил мне по телефону: ковчег привозили на Дебра Сион в X веке, дабы уберечь его от Юдифи, и он хранился здесь около семидесяти двух лет, а затем был возвращен в Аксум.

Тот факт, что родной язык всех жителей острова тигригна, а не амхарский, — важное свидетельство в подтверждение истории, рассказанной мне, ибо единственным логическим объяснением подобной этнографической особенности может являться тот факт, что в далеком прошлом действительно могла произойти миграция населения из Аксума на Дебра Сион. Причиной подобного переселения могло оказаться нечто исключительно важное — возможно, необходимость спасения ковчега. Более того, если реликвия оставалась здесь целых семьдесят лет, прежде чем ее возвратили в Аксум, то совершенно понятно, почему потомки первых переселенцев могли пожелать остаться на острове, ставшем для них единственным домом. Вполне вероятно также, что они хранят память о славных событиях, в которые были вовлечены их предки.

Именно с народной памятью я и общался этим вечером. Во время беседы приоткрылись некоторые интригующие местные тайны. И, однако, у меня ни на миг не возникло ощущения, что ковчег мог действительно находиться сейчас здесь. Напротив, я был уверен, что его здесь нет и, более того, — что последнюю тысячу лет его здесь не было.

Поскольку то же самое можно сказать и об островах на озере Тана, то совершенно очевидно, что Аксум по-прежнему остается наиболее вероятным местом, где хранится реликвия. Иными словами, желаю я этого или нет, мне придется отправиться в Аксум. И лучше всего в январе, во время празднования Тимката — это единственная возможность оказаться вблизи ковчега, не пытаясь получить доступ в храмовую часовню. И именно во время Тимката в 1770 году Брюс находился там — вероятно, по той же причине».

Закрыв блокнот, я взглянул на Ричарда и Йоханнеса.

— Как вы думаете, существует ли вероятность того, — спросил я, — что правительство захватит Аксум к январю? Я хотел бы попасть туда во время следующего *Тимката*.

Йоханнес ничего не ответил. Ричард же лишь поморщился:

— Прекрасная идея. Но вы можете с таким же успехом планировать полет на Луну.

— Ну что ж, я просто подумал...

Уже совсем стемнело, когда мы наконец причалили к пристани министерства рыболовства, и только к десяти вечера достигли окраины Аддис-Абебы. Мы попросили водителя подъехать к офису Йоханнеса в центре города, где утром припарковали свои машины (оставалось еще два часа до комендантского часа, и мы мечтали перекусить на скорую руку в соседнем ресторане). Но когда мы выбрались из «Лендкрузера», то услышали долгие автоматные очереди — похоже, стреляли из домов на противоположной стороне улицы. В ответ раздались еще два выстрела, и все стихло.

— Что это было? — спросил я.

— Думаю, ничего серьезного, — ответил Ричард. — После попытки мятежа здесь случаются отдельные стычки. Еще стреляют. Но ничего страшного.

— И все же, — рассудительно произнес Йоханнес, — разумней будет отложить ужин. Не отправиться ли нам по домам?

Этнографический след

Вернувшись в «Хилтон», я крепко заснул и проснулся около семи на следующее утро, в пятницу 24 ноября. Поплавав в бассейне, я позавтракал и позвонил в офис Шимелиса Мазенгии. Член политбюро просил нас с Ричардом явиться к нему после поездки на озеро Тана и Звай. Его секретарь сказала, что ожидала моего звонка, и назначила нам встречу на три часа этого же дня.

Это вполне устраивало меня, и, несмотря на пессимизм Ричарда, я решил поговорить с Шимелисом о *Тимкате* и Аксуме. Покинув отель, я поехал в Институт исследования истории Эфиопии.

В среду 22-го я установил достоверность маршрута Нил—Тэкэзе, о котором упоминали «Кебра Нагаст» и священник на Тана Киркос¹⁷. Сейчас же я собирался проверить возникшую у меня гипотезу. Если Менелик и перво-рожденные сыновья старейшин Израиля действительно

привезли ковчег на Тана Киркос, следуя по реке Тэкэзе, то это могло способствовать распространению иудаизма в Эфиопии. Если эта легенда хоть в какой-то степени правдива, рассуждал я, то традиционный район расселения фалаша должен находиться между Тэкэзе и озером Тана, так как именно здесь Менелик мог начать обращать местных жителей в иудаизм. Если же легенды лживы, то следует полагать, что большая часть фалаша жила где-то в другом месте, скорее всего, гораздо дальше к северу, ближе к Красному морю (поскольку ученые-ортодоксы утверждают, что их предков обратили в иудаизм еврейские иммигранты из Йемена).

Прежде всего я обратился к Джеймсу Брюсу, чей ранний труд о фалаша еще прежде произвел на меня большое впечатление. Мне было известно, что шотландский автор в третьем томе своих «Путешествий» посвятил одну главу тому, что условно можно было бы назвать «социальной географией» Эфиопии XVIII века. Я не слишком хорошо помнил содержание этой главы, но надеялся, что найду в ней какие-то сведения о местах основных поселений фалаша в те времена.

И Брюс меня не разочаровал. Обзор, сделанный им, начинался с севера Эфиопии, от порта Массауа на Красном море, и захватывал глубь страны. Он затрагивал несколько этнических групп, но о фалаша Эритреи или Тиграя не упоминалось вовсе. Однако после «перехода через Тэкэзе», территория к югу и западу от нее вплоть до озера Тана описывалась так:

«...в основном ею владеют евреи, и у народа этого есть царь и царица, как они говорят, из дома Иудина, и сохраняют они с очень давних времен свой древний суверенитет и религию»¹⁸.

В XIX веке, спустя почти восемьдесят лет после Брюса, немецкий миссионер Мартин Флад сделал запись о таком же распределении населения, отметив, что фалаша живут в основном в четырнадцати провинциях, и все они находятся «к западу от Тэкэзе»¹⁹.

Современные источники, которые я затем просмотрел, рисуют ту же картину. Подавляющее большинство эфиопских иудеев населяют территории к западу и югу от реки Тэкэзе: здесь была их традиционная родина, и они владели этими землями с незапамятных времен²⁰. Одно особенно подробное авторитетное исследование включало карту, на которой была обозначена штриховкой вся область расселения фалаша — сплошная длинная узкая полоса, протянувшаяся на юго-запад от Тэкэзе через горы Симиен и город Гондар и далее, окружая все озеро Тана²¹.

Трудно было бы найти более убедительное подтверждение моей гипотезы о том, что именно здесь, благодаря уникальному стимулу — присутствию ковчега на Тана Киркос, находилась область, где сосредоточилось обращение местных абиссинцев в ветхозаветный иудаизм. Мое собственное исследование (см. главу 6) еще прежде вызывало у меня сомнения в академической теории, утверждавшей, что иудейская вера первоначально была принесена на дальний север Эфиопии из Йемена приблизительно после 70 года н.э. До сих пор мое скептическое отношение к подобной точке зрения было вызвано в основном тем, что ученые не могли объяснить крайне архаичный характер верований и обрядов фалаша (см. также главу 6). Теперь же этнографические данные еще более убедительно свидетельствовали против «йеменского следа»: место поселения фалаша обозначилось на карте, словно четкий отпечаток пальца, подтверждающий, что религия Соломона могла прийти в Эфиопию с запада — через Египет и Судан, древним торговым путем по рекам Нилу и Тэкэзе²².

О пользе терпения

Ровно в три мы с Ричардом встретились с Шимелисом Мазенгия. Член политбюро прежде всего хотел услышать, насколько успешно прошли наши поездки на озера Тана и Звай. Удалось ли нам что-то обнаружить?

Я ответил, что наши открытия на острове Тана Киркос и странные архаические предания, которые мы слышали там, глубоко повлияли на меня. Теперь я почти убежден, что, прежде чем ковчег Завета оказался в Аксуме, его привезли именно на Тана Киркос.

— Значит, вы действительно верите, что ковчег у нас? — с улыбкой спросил Шимелис.

— Я все больше убеждаюсь в этом. Число доказательств постоянно растет... — Поколебавшись, я, в свою очередь, задал ему вопрос:

— А как вы считаете?

— Думаю, что в храме в Аксуме хранится нечто особенное. Причем не обязательно ковчег, но что-то очень особенное. Так гласит древнее предание. Им нельзя пренебрегать.

Я спросил, пыталось ли выяснить его правительство, действительно ли там хранится бесценная реликвия. Ведь члены Партии трудящихся Эфиопии — марксисты и должны быть свободны от предрассудков. Аксум они сдали НФОТ совсем недавно. Неужели прежде никому в голову не пришло взглянуть на нее?

— Мы даже подумать об этом не смели, — ответил Шимелис. — Если бы мы попытались сделать нечто подобное, то, полагаю, — он иронично улыбнулся, — получили бы революцию. Как вам известно, наш народ очень привержен традициям, и если бы кто-то из правительства рискнул заняться этим, в ответ последовал бы взрыв.

— Вы полагаете, что НФОТ так же щепетилен? — поинтересовался я. — Сейчас, когда он контролирует Аксум?

Шимелис пожал плечами:

— Не мне судить об этом, но они не отличаются особой религиозностью...

Я не сразу решился задать еще один вопрос:

— Извините, если это прозвучит дерзко, но я должен спросить. Есть ли шанс, что вы освободите город в ближайшее время?

— Почему вы спрашиваете об этом?

— Потому что я понял, что должен там побывать. На самом деле, я хотел бы попасть туда во время следующего празднования *Тимката*.

— То есть, уже в январе?

Я кивнул.

— Невозможно, — решительно возразил мне Шимелис, — да и зачем торопиться? Если вы правы, то ковчег находится в нашей стране уже три тысячелетия. Через год, самое большее через два, мы отвоюем Аксум, и я обещаю вам, что вы будете первым иностранцем, который посетит этот город. Так что будьте терпеливы. Вы получите свой шанс.

Я вынужден был признать здравость его совета. В такой стране, как Эфиопия, терпение всегда считалось добродетелью. Однако я не был намерен ждать два года. Поэтому решил про себя, что посетю Аксум в январе не 1990-го, а 1991 года. Уверенность Шимелиса произвела на меня впечатление, и я очень надеялся, что к тому времени священный город снова окажется в руках правительства. Одновременно мне казалось целесообразным вступить в некое подобие диалога с НФОТ. До сих пор я избегал общения с мятежниками, но теперь мне представилось это полезным. Я посмотрел через стол на Шимелиса и сказал:

— Вы, конечно, правы. Не могу ли я попросить вас еще об одном одолжении?

Красноречивым жестом руки член политбюро пригласил меня продолжать.

— Я все же хотел бы побывать на церемонии *Тимката*. Раз уж об Аксуме не может быть и речи, не могу ли я посетить Гондар уже в этом январе?

Ричард рядом со мной вежливо кашлянул. Названный мною только что город был осажден повстанческими силами, и ходили слухи, что он может пасть в ближайшие дни.

— Почему именно Гондар? — заинтересовался Шимелис.

— Потому что он находится в районе озера Тана, который, как я уже установил, тесно связан с древней историей пребывания ковчега в вашей стране. А также потому, что, как я понимаю, в Гондаре и его окрестностях все еще про-

живает много фалаша. Помню, я проезжал еврейские деревни к северу от города в 1983 году, но в то время я не имел возможности расспросить местных жителей. Так что, если вы не возражаете, я хотел бы убить двух зайцев одним выстрелом: посетить *Тимкат* в Гондаре и одновременно провести кое-какие исследования, касающиеся фалаша.

— Это возможно, — ответил Шимелис. — Все зависит от военной ситуации, но вполне возможно. Я займусь этим вопросом и извещу вас.

«ДАВИД СКАКАЛ ИЗ ВСЕЙ СИЛЫ ПРЕД ГОСПОДОМ...»

18—19 января 1770 года шотландский искатель приключений Джеймс Брюс скромно присутствовал на обрядах *Тимката* в Аксуме, и, как говорилось в главе 7, его цель, по моему мнению, заключалась в том, чтобы поближе подобраться к ковчегу Завета.

Ровно двести двадцать лет спустя, 18—19 января 1990 года я присутствовал на *Тимкате* в городе Гондар, что к северу от озера Тана. Более того, хотя я скрыл свои истинные чувства от Ричарда Пэнкхерста и Шимелиса Мазенгии, эту поездку я рассматривал как решающий момент своих поисков.

При этом я понимал, что рано или поздно, так или иначе, но мне придется вернуться в Аксум. Я решил совершить эту рискованную поездку в январе 1991 года, пусть даже при содействии мятежников. Поэтому Гондар был для меня чем-то вроде «пристрелки»: это самый близкий к Аксуму пункт, все еще находившийся в руках правительства, и к тому же, как и Аксум — бывшая столица Эфиопии — представлял собой важную историческую достопримечательность и религиозный центр. В подобной среде, рассуждал я, мне удастся духовно и психологически подготовиться к ожидавшему меня настоящему испытанию, познакомиться с подробностями тайных обрядов, свидетелем которых в 1770 году стал и Брюс, собрать все возможные сведения и пробудить в себе энтузиазм.

Но не только этот голос звучал во мне. Я предвидел и возможность иного исхода. Если, к примеру, в Гондаре я об-

наружу что-либо, вызывающее серьезные сомнения в законности притязаний Эфиопии на роль последнего пристанища ковчега, разве не смогу я — с чистой совестью — забыть о запланированном на 1991 год посещении Аксума?

Эта тревожная, но и странно притягательная идея все больше увлекала меня по мере приближения поездки в Гондар. Сама поездка едва не сорвалась: лишь 8 января 1990 года я наконец получил телекс от Шимелиса с подтверждением, что необходимое разрешение от военного командования получено.

В поисках разгадок

Я знал, что центральной частью обрядов *Тимката* станет крестный ход с *таботат* — символами или копиями ковчега Завета, большую часть времени хранящимися в святой святынь каждой эфиопской церкви. Разумеется, в Гондаре мне не увидеть тот предмет, который эфиопы считают ковчегом (поскольку никто никогда не утверждал, что он хранится в этом городе). Но все же мне предстояло лицезреть событие, в остальном тождественное происходящему в главный праздник эфиопского православного календаря.

Я уже знал, что *Тимкат* означает «Богоявление» — церковный праздник, который западная церковь связывает с явлением Христа язычникам¹. Однако для восточных христиан Богоявление имеет совершенно иное значение: они отмечают его как Крещение Христа². Я выяснил, что эфиопы полностью соглашались в этом вопросе с восточной церковью, но коренным образом расходятся с ней в обрядовой части³. В частности, уникально их использование *табота*, не имеющее аналогов в других культурах и не признанное даже Коптским патриархатом в Александрии⁴ (который ставил в Эфиопии своих архиепископов со времени обращения Аксумского царства в христианство в 331 году и до получения Эфиопской православной церковью автокефалии в 1959 году⁵).

Имея все это в виду, я чувствовал, что непосредственное наблюдение за обрядами *Тимката* и использованием в них

таботат позволит мне постичь то, что я давно уже рассматривал как центральный парадокс эфиопского христианства: ту исключительную роль, которую играла в нем дохристианская реликвия — ковчег Завета.

Но не только в этом заключалась цель моего посещения Гондара: я собирался побеседовать с проживающими в черте города фалаша.

Я предупредил об этом Шимелиса. И он не возражал — по той простой причине, что со времени моего прежнего визита в этот район в 1983 году многое изменилось. Тогда, по дороге из Гондара в горы Симиен, я не мог — из-за официальной политики — проводить серьезную работу среди чернокожих евреев: посещение их деревень было под запретом, и не было возможности изучить обычаи и расспросить жителей.

Такая репрессивная политика была отменена в ноябре 1989 года, когда после шестнадцатилетнего перерыва Аддис-Абеба и Иерусалим восстановили дипломатические отношения. В центре этого решения стояло обязательство эфиопской стороны разрешить фалаша — всем фалаша — эмигрировать в Израиль. К тому времени их оставалось не так уж много — вероятно, не больше пятнадцати тысяч⁶. Остальные или умерли от голода в середине 80-х годов, или уже перебрались нелегально в Израиль через лагеря беженцев в Судане (из которых только в 1984—1985 годах по воздушному мосту, получившему название «Операция Моисей», были переправлены более двенадцати тысяч человек⁷).

В итоге к январю 1990 года число эфиопских евреев значительно уменьшилось. За три месяца со времени восстановления дипломатических отношений страну покинули еще три тысячи иудеев. Многие оставили свои деревни и скопились в Аддис-Абебе в надежде на скорое получение места в самолетах. Этот неизбежный и неотвратимый новейший исход набирал скорость, и я уже предвидел тот момент, когда в Эфиопии не останется ни одного фалаша. После того можно будет, конечно, расспросить их и изучить их фольклор и обычаи в Земле обетованной. Однако нынешний год почти наверняка станет последним, когда еще

можно будет получить представление об их повседневной жизни в привычной для них среде.

Я был полон решимости не упустить этот шанс. Загадка того, как вообще они стали иудеями — туземными, черными иудеями — в сердце Эфиопии, была тесно связана с загадкой ковчега Завета. Разгадав одну, я смогу разгадать и другую.

Фалаша были не единственной этнической группой в районе Гондара, вызывавшей мой интерес. За неделю изысканий перед самым отлетом из Англии я наткнулся на интересное упоминание о другом народе — о так называемых «кемант», описанных в единственном посвященном в им антропологическом труде как «иудео-язычники»⁸. Опубликованная в 1969 году американским ученым Фредериком Гэмстом, эта малоизвестная монография среди прочего утверждает:

«У кемант встречается древняя форма иудаизма, не затронутого изменениями, которые претерпела иудейская религия за последние два тысячелетия. Этот иудаизм преобладает в религии фалаша — соседей кемант... иногда называемых «черными евреями Эфиопии»⁹.

До тех пор я ровным счетом ничего не знал о кемант, и меня заинтриговало предположение Гэмста о том, что их религии свойственны древнееврейские элементы: это также могло пролить свет на древний характер и распространенность иудейского влияния в Эфиопии.

Единый Бог и дерево-фетиш

В своем труде Гэмст упоминает, что подружился с религиозным лидером, который в 60-е годы очень помог ему в сборе фактического материала на местах. Этого священника, как я знал, звали Мулуна Марша, и он имел сан «уамбар» (что на языке кемант означает «первосвященник»). У меня было немного времени, и я считал, что лучше всего будет разыскать этого деятеля (которого Гэмст называл «неистощимым источником информации») и расспросить о рели-

гиозных верованиях его народа. Правда, я не был уверен, что он еще жив по прошествии стольких лет и что я вообще смогу найти хоть одного представителя кемант, еще придерживающегося традиционной иудео-языческой веры (уже во время посещения страны Гэмстом их оставалось менее пятисот¹⁰).

Прибыв в Гондар в среду 17 января, я поделился своей тревогой со встретившими меня в аэропорту чиновниками, которые сообщили, что в стране осталось совсем немного кемант, преимущественно стариков, все еще исповедующих древнюю религию. Тут же по радио были переданы указания партийным руководителям на местах, и уже в четверг 18-го меня порадовали известием, что уамбар еще жив. До его родной деревни нельзя было добраться по суше, но уже была предпринята попытка убедить его прибыть на промежуточный пункт — Айкел, примерно в двух часах пути на машине к западу от Гондара. Поездка обещала быть спокойной: в недавних боях мятежники были отброшены, и западный район, куда нам предстояло направиться, считался безопасным в дневное время.

Остаток четверга и всю пятницу мое внимание было поглощено *Тимкатом*, который я опишу далее в этой главе. Ранним же вечером в субботу 20 января я наконец смог выехать в Айкел на «Тойоте Лендкрузер» с шофером, любезно предоставленными мне партией. Кроме того, меня сопровождали молодой и восторженный офицер Легессе Деста, выступавший в роли переводчика, и двое суровых солдат с автоматами Калашникова.

Пока мы тряслись по ухабистой грунтовой дороге через раскаленные поля и золотисто-коричневые холмы, я изучал карту Африканского Рога, которую теперь постоянно возил с собой. Я с интересом отметил, что наш пункт назначения находился недалеко от истоков реки Атбара, берущей начало примерно в пятидесяти милях к северо-западу от озера Тана и текущей в Судан, где она в конце концов сливается с Тэкэзе перед впадением в Нил чуть выше Пятого порога.

Поскольку Тэкэзе протекает так близко от Тана Киркос и на него есть конкретная ссылка в «Кебра Нагаст», эта река все еще представлялась мне наиболее достойным кандида-

том на маршрут доставки ковчега. Из карты становится ясно, однако, что по Атбаре тоже можно было добраться приблизительно до того же района. Я поразмышлял над этим фактом и отметил в своем блокноте:

«Реки служат путями по пустыням. В случае Эфиопии все эти «дороги» — будь то Тэкэзе, Атбара или Голубой Нил — ведут на поверку к озеру Тана. Фалаша (и родственные им «иудео-языческие» кеманты) всегда проживали именно в этом районе и считаются коренными эфиопами. Поскольку иудаизм (или «евреизм», как предпочитает называть его Гэмст) является привнесенным элементом их культуры, логично заключить, что он должен был быть завезен по этим рекам».

В Айкеле нас встретила группа местных партийных деятелей, сообщивших, что уамбар Мулуна Марша уже прибыл и поджидает нас. Нас подвезли к большой круглой хижине с крышей в форме улья и провели внутрь, в полутемную прохладу. Слабые солнечные лучи проникали сквозь отверстия в мазанке, и в них струились подвешенные в воздухе пылинки. От только что подметенного земляного пола поднимался запах мергеля, смешанный с легким ароматом сандалового дерева.

Уамбар, как я и ожидал, оказался престарелым человеком. Он явно приоделся по такому случаю, ибо на нем были белый тюрбан и белые обрядовые одежды с накинутой на плечи черной тонкой мантией. Сидевший до нашего появления на одном из расставленных в хижине стульев, он изящно поднялся при виде нас и после официальных представлений тепло пожал мне руку.

Воспользовавшись услугами переводчика, он тут же спросил:

— Вы работаете с мистером Гэмстом?

Я вынужден был ответить отрицательно.

— Но я читал книгу, — добавил я, — которую он написал о вашем народе. Поэтому я здесь. Меня очень интересует ваша религия.

Уамбар улыбнулся чуть печально, и я обратил внимание на одинокий, ошеломляюще длинный зуб, свисавший с ле-

вой стороны верхней челюсти и торчавший подобно бивню над нижней губой.

— Наша религия, — проговорил он, — дело прошлого. Почти никто сегодня не исповедует ее. Кеманты стали христианами.

— Но вы сами ведь не христианин?..

— Нет. Я уамбар. Я следую старым верованиям.

— Но есть же и другие?

— Их немного. — Снова та же улыбка. Потом он добавил лукаво и несколько парадоксально: — Даже те, кто называет себя христианами, не забыли своих старых верований. Все еще ухаживают за священными рощами... Все еще совершаются жертвоприношения. — Пауза на раздумье. Покачивание седой головы, вздох. — Но все меняется... Всегда происходят перемены...

— Вы сказали «священные рощи». Что вы имеете в виду?

— Мы отправляем наши обряды, как положено, на открытом воздухе. И предпочитаем молиться среди деревьев. Для этой цели у нас есть особые рощи, которые мы называем «дэгэна».

Я задал еще несколько вопросов по той же теме и установил, что на самом деле существуют два вида рощ.

Одни — собственно *дэгэна* — используются для ежегодных церемоний. Изначально они были посажены в далеком прошлом, когда места их точного расположения привиделись в снах основателю религии кемантов. В дополнение имелись и значительно меньшие по размеру святые места — так называемые *коле*, часто состоящие из одного-единственного дерева, в котором, как считается, обитает особенно мощный дух. Эти коле обычно располагаются на высоких местах. Кстати, на окраине Айкела есть одно коле, которое я могу при желании посмотреть.

Я поинтересовался, а почитают ли фалаша священные рощи.

— Нет, — последовал ответ, — не почитают.

— Скажите, их религия похожа хоть чем-то на вашу?

Глубокомысленный кивок:

— Да. Во многом. У нас много общего. — Без подсказки он добавил: — Основателя кемантской религии называли

Анайер. Он так давно прибыл сюда, в Эфиопию. Прибыл после семилетнего голода на его родине, которая находится далеко. Путешествуя с женой и детьми, он встретил основателя религии фалаша, также путешествовавшего с женой и детьми. Они обсуждали брачный союз двух групп, но не преуспели в этом.

— Анайер и основатель религии фалаша прибыли из одной и той же страны?

— Да. Но только отдельно. Они не пришли к брачному союзу.

— Но у них была одна и та же родина?

— Да.

— Вы знаете, где она?

— Далеко... На Ближнем Востоке.

— Вы знаете название страны?

— То была земля Ханаана. Анайер был внуком Ханаана, сына Хама, сына Ноя.

Меня заинтриговали и такая генеалогия, и поблекшая память о миграции рода с Ближнего Востока — память, подсказывавшая также общее место рождения фалашской и кемантской религий. Я не смог добиться от уамбара подтверждения того, что упомянутый им Ханаан был библейской Землей обетованной. В самом деле, несмотря на то что ему были хорошо известны имена Хама и Ноя, он уверял, что никогда не читал Библии. Я поверил ему, но и не сомневался в том, что в Священном Писании скрывается подноготная только что сказанного им. В его рассказе явно проглядывало, например, отражение великого путешествия, совершенного патриархом Авраамом и его женой Саррой, которые бежали из земли Ханаанской и продолжали «идти к югу», ибо «был голод в той земле»¹¹. В то же время, подобно Египту из Книги Бытия, страна, из которой пришел Анайер, также была поражена семилетним голодом¹².

— Расскажите мне побольше о вашей религии, — попросил я уамбара. — Вы упомянули духов, живших в деревьях. А что вы скажете о Боге? Вы верите в одного Бога или во многих?

— Мы верим в одного Бога, только одного. Но его поддерживают ангелы.

И уамбар принялся перечислять этих ангелов: Джакаранти, Киберуа, Адерайки, Киддисти, Мезгани, Шемани, Анзататера. Каждый из них, похоже, занимал свое особое место в природе.

— Когда наша религия была в силе, все кеманты обычно отправлялись в такие места, чтобы помолиться ангелам, дабы они вступились за них перед Богом. Самым почитаемым был Джакаранти, потом Мезгани и Анзататера.

— А Бог? — поинтересовался я. — Бог кемантов. У него есть имя?

— Конечно. Его имя — Йеадара.

— Где он пребывает?

— Он всюду.

Один Бог, и притом вездесущий. Я начал уже понимать, почему Гэмст назвал этот народ иудеоязычниками. Это впечатление было затем подтверждено почти всем тем, что рассказал мне уамбар во время долгого разговора в деревне Айкел. Я вел подробную запись нашей беседы и после возвращения в Аддис-Абебу тщательно изучил его ответы, сравнивая их один за другим со Священным Писанием. Только завершив это занятие, я смог оценить, насколько сильным и древним было в действительности воздействие иудаизма на кемантскую религию.

Уамбар рассказывал, например, что кеманты не ели животных, не имевших раздвоенных копыт и не жевавших жвачку. Дополнительно он указал, что верблюды и свиньи считались нечистыми и есть их было строго запрещено. Подобные запреты прекрасно согласовывались с наложенными на иудеев в одиннадцатой главе ветхозаветной Книги Левит¹³.

Уамбар утверждал также, что среди кемантов не принято было есть и «чистых» животных, если они не были умерщвлены должным образом.

— Им следует перерезать горло и дать стечь всей крови, — объяснил он, добавив, что по той же причине запрещено есть любое животное, умершее своей смертью. Оба запрета, обнаружил я, вполне согласовываются с иудейским законом¹⁴.

Продолжая разговор о питании, Уамбар сообщил мне, что кемантская религия разрешала потребление мяса и молочных продуктов за одним столом. Он добавил, однако, что считалось омерзительным есть мясо любого животного, приготовленное в молоке. Я же знал, что правоверным иудеям запрещалось совмещать мясо и молочные продукты во время одного приема пищи. Изучив подноготную этого кошерного ограничения, я узнал, что это правило вытекает из книг Исход и Второзаконие, в которых указывается: «Не вари козленка в молоке матери его»¹⁵. Примерно тем же правилом руководствовались и кеманты.

Другое совпадение касалось дня отдохновения, который кеманты соблюдали, как и евреи, в субботу.

— В этот день запрещено работать, — сказал мне уамбар. — В субботу запрещено и разжигать костры. Если же в день отдохновения случайно загорится какое-то поле, мы не можем впредь пользоваться им¹⁶.

Эти и другие аналогичные запреты — почти в полном согласии с библейским законом — все больше утверждали меня в мысли, что религия кемантов имеет глубокий, действительно древнееврейский фундамент. Окончательно же меня убедило в этом то, что уамбар описал нечто не имеющее ничего общего с иудаизмом, а именно: почитание «священных рощ».

Во время нашего разговора он сообщил мне, что на окраине Айкела есть коле, где я могу увидеть дерево, считающееся обиталищем мощного духа. Я съездил посмотреть на это дерево, которое оказалось огромной, раскидистой акацией. Она высилась к западу от деревни на отроге возвышенности, за которой местность на сотню миль понижалась к границе с Суданом. Мягкий вечерний ветер, сдобренный дыханием далеких пустынь, дул по рыжевато-коричневым каньонам подо мной, бродил среди лощин и подножий холмов и взмывал на орлиных крыльях над зубчатыми стенами эскарпа.

Сучковатая и массивная акация была такой старой, что легко верилось: она простояла здесь сотни и даже, возможно, тысячи лет. В окружавшей дерево ограде на земле лежали различные приношения — кувшин масла, куча проса, ма-

ленькие кучки жареных кофейных зерен, ждущий жертвоприношения связанный цыпленок. Приношения придавали этому месту особый — мистический и жутковатый — вид, ни в коем случае не грозный, но тем не менее весьма странный.

Это впечатление потусторонности многократно увеличивал, отличая кемантское коле от любых других мест поклонения, которых я навидался в своих путешествиях, тот факт, что каждая ветка дерева до высоты примерно шести футов была увешана плетеными полосками многоцветной ткани. Шелестя под ветерком, эти ленточки и прочие висюльки словно шептали, пытаясь передать какое-то послание. Помню, я подумал, что пойми я это послание — и откроются многие скрытые пока вещи. Я суеверно дотронулся до живого дерева, ощутил его возраст и вернулся к моим спутникам, ожидавшим у подножия холма.

Позже, уже в Аддисе, после того как я проверил другие соответствия между кемантской религией и ветхозаветным иудаизмом, я не замедлил свериться со Священным Писанием и трудами по библейской археологии в поиске упоминаний священных деревьев. Я не надеялся найти их. К моему немалому удивлению, я обнаружил, что еще на самых ранних стадиях развития иудаизма определенным, специально посаженным рощам придавался священный характер. Я также нашел подтверждение, что такие рощи активно использовались для отправления культа. В Книге Бытия, например, говорится: «И насадил [Авраам] при Вирсавии рощу и призвал там имя Господа, Бога вечного»¹⁷.

Просмотрев дополнительно разные источники, я с определенностью установил следующие факты. Первое: иудеи «заимствовали» использование священных рощ у ханаанцев — исконных жителей Земли обетованной; второе: рощи по обыкновению располагались на возвышенных местах (известных под названием «бамот»); третье: в них часто устанавливались каменные столбы жертвенников вроде тех, что я видел на Тана Киркос, называвшиеся, как я уже знал, «массебот»¹⁸.

О том, как именно использовались рощи, как они выглядели, какие обряды там отправлялись или какого рода там

делали приношения, не было известно почти ничего. Причина такого неведения заключалась в том, что жреческая элита более поздних библейских времен искореняла подобные культы, срубая и сжигая священные деревья и разрушая *массебот*¹⁹.

Поскольку Священное Писание составили те же самые священники, не следует удивляться, что они не оставили нам ясного представления о внешнем виде и использовании роц. Мало того, единственное указание, создававшее некое подобие образа, рассматривалось исследователями Библии как весьма таинственное. В IV Книге Царств говорилось о месте, «где женщины ткали одежды для Астарты»²⁰. При чтении этих слов в моей памяти были еще свежи воспоминания о плетеных полосках ткани, висевших на всех ветках дерева-фетиша на окраине деревни Айкел. И мне казалось тогда (как кажется и сейчас), что слова из Книги Царств не таят никакой загадки, но все же требуют какого-то объяснения в случае кемантов, которые в сердце Африки ухитрились перенять столь древний иудео-ханаанский обычай.

Все это, чувствовал я, было тесно связано с более важной проблемой болсе известных соседей кемантов — фалаша.

Асуан и мероэ

Кемантов никто никогда не считал евреями, несмотря на сильный иудейский привкус их религии: слишком уж много в ней языческого и анимистского. Совершенно иначе обстояло дело с фалаша. Большинство воспринимало их как истинных евреев с начала XIX века, хотя сефардский главный раввин Иерусалима официально признал их таковыми лишь в 1973 году. Два года спустя его примеру последовал ашкеназийский главный раввин, что дало возможность израильскому министру внутренних дел заявить о праве фалаша автоматически получить израильское гражданство в соответствии с Законом о возвращении²¹.

По иронии судьбы главной причиной столь запоздалого раввинского признания был явно ветхозаветный характер фалашской религии, которая никак не вписывалась в Талмуд (свод иудейских законов и знаний, составленный между 200 г. до н.э. и 500 г. н.э.²²). Поэтому фалаша казались довольно чуждыми израильтянам и остальным евреям. Но позднее незнание талмудических предписаний было признано лишь следствием того, что эфиопская ветвь иудаизма была отсечена от развивавшегося тела мирового иудаизма на весьма ранней стадии. Та же изолированность объясняла приверженность фалаша давно запрещенной раввинами практике, в частности принесения в жертву животных (см. главу 6).

Важным моментом — имевшим большой вес при даровании официального признания в 70-е годы — был тот факт, что общественное и религиозное поведение фалаша четко и недвусмысленно согласуется с учениями Торы (Ветхого Завета). Более того, *в рамках Торы*, как и следовало ожидать от доталмудистских евреев с подлинно древними религиозными верованиями, они более всего почитали Пятикнижие (то есть пять книг, написанных, по ортодоксальному мнению, самим Моисеем, а именно: Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие)²³.

О «фундаментализме» фалашской религии свидетельствуют строгое соблюдение запретов в питании, перечисленных в Книгах Левит и Второзаконие, и отказ от мяса любого животного, «чистого» или «нечистого», убитого несевреем. Кроме того, фалаша тщательно соблюдали Моисеевы законы чистоты. К примеру, для тех членов общины, которые пребывали во временном состоянии нечистоты (скажем, для менструирующих женщин, которых Левит предписывает изолировать от общества на семь дней²⁴), отдельно ставились особые хижины.

Фалашские ритуалы обрезания (гезрат) также традиционны и проводятся на восьмой день после рождения мальчика, как и предписано в Пятикнижии²⁵. Строго соблюдают они и законы для дня отдохновения: все очаги гасят до захода солнца в пятницу, в саму субботу не ведут никакой ра-

боты, не берут воду, не разводят огонь, не варят кофе и потребляют только холодную еду и питье.

Я был в курсе всего этого во время пребывания в Гондаре в январе 1990 года и посещения ряда фалашских поселений. Я стремился вступить в контакт с религиозными лидерами, которым намеревался задать ряд конкретных вопросов. Из-за массовой эмиграции эфиопских евреев в Израиль это было не так просто: многие дома стояли покинутые и опустевшие. И все же милях в двадцати от Гондара я нашел одну деревню, все еще, казалось, живую. Называлась она Анбобер. Дома были разбросаны по крутому склону горы, а население почти исключительно состояло из женщин и детей, поскольку большинство мужчин уже отбыли в Израиль.

У фалаша нет ни синагог, ни раввинов; их места богослужения называются «месгид», а религиозные руководители — «кахенат» (в единственном числе «кахен», что означает «священник, жрец»). Вместе с моим переводчиком Легессе Деста мы шли по деревне. За нами бежала ватага озорных детей. Мы направлялись к месгиду, отмеченному звездой Давида на крыше, где я очень надеялся встретить кахена.

И на этот раз меня не постигло разочарование: в бедно обставленном помещении за грубо сколоченным деревянным столом сидел худощавый старик, углубившийся в изучение Торы (красиво написанной на языке геэз на страницах из дубленой овечьей кожи). Легессе объяснил, зачем мы приехали, и спросил священника, не согласится ли он ответить на мои вопросы. После долгого обсуждения он дал согласие и назвался Соломоном Алему. Ему было, по его словам, семьдесят восемь лет, и почти тридцать лет он был кахеном Анбобера.

Следующие два часа мы обсуждали различные аспекты фалашской веры и ритуалов. Все ответы Соломона подтверждали часто ветхозаветный характер религии и согласовывались со многим, что я уже узнал в ходе своего исследования. Особенно усердно я расспрашивал о приношении животных в жертву, пытаясь установить, почему его народ

продолжал это делать, в то время как повсеместно евреи отказались от этого обычая еще две тысячи лет назад.

— Мы верим, — ответил Соломон с большой убежденностью, — что Бог на своем престоле наблюдает эти обряды и доволен ими.

Соломон мог и не знать, как близко его простое утверждение к тому стиху в Книге Левит, в котором описывается сожжение жертвы как «благоухание, приятное Господу»²⁶. Но он определенно казался мудрым и образованным человеком. Когда я сказал комплимент по поводу его учености, он ответил — без намека на ложную скромность — в том духе, что понимает гораздо меньше в иудейских обычаях фалаша, чем его отец, и добавил, что его отец, в свою очередь, понимал в этом меньше, чем его дед, который также был кахеном Анбобера.

— Мы забываем собственное прошлое, — печально проговорил Соломон. — День за днем мы забываем свою историю.

Воспользовавшись его намеком, я спросил Соломона, знает ли он, сколько веков существует еврейский народ в Эфиопии.

— Мы пришли сюда очень давно, — ответил он. — Задолго до христиан. Христиане в сравнении с нами совсем молоды.

Затем он принялся рассказывать уже известную мне историю царицы Савской, Менелика и доставки ковчега. Таким образом, сказал Соломон, иудейская вера и пришла в Эфиопию.

Я небрежно спросил:

— А вы знаете, каким маршрутом прибыли в страну Менелик и его спутники?

Когда-то его ответ мог поразить меня, но сейчас я воспринял его совершенно спокойно:

— Согласно нашим преданиям, из Иерусалима они прибыли через Египет и Судан.

Чуть ли не скучая, я подсказал:

— Наверное, большую часть пути они проделали вдоль реки Нил?

Кахен кивнул:

— Да. Так говорят наши предания. — Затем он добавил две совершенно новые для меня подробности: — По пути они останавливались на отдых в Асуане и Мероэ.

Асуан, как мне было известно, расположен в Верхнем Египте (вблизи от современной высотной плотины того же названия) и во времена фараонов в нем находился крупный гранитный карьер, камень из которого использовался в строительстве пирамид. Древняя столица Нубии Мероэ расположена дальше к югу, в границах нынешней Республики Судан.

Заинтригованный, я стал выпрашивать у Соломона другие подробности фалашских преданий, касающиеся этих городов. Однако он заявил, что больше ничего ему не известно.

— Я слышал эти названия, — вздохнул он, — в историях, которые рассказывал мне мой дед. Он был мудрым человеком... но его уже нет... Скоро нас вообще не останется.

Ритуал с ковчегом

Все, что я узнал во время пребывания в Гондаре, укрепило меня во мнении, что в древности именно в этот регион впервые пришел иудаизм. Фалаша являются настоящими иудеями, и это их родина. Их ближайшие соседи — кеманты — также обладают убедительными признаками древнего и глубоко проникшего иудейского влияния.

Это влияние не ограничивалось одними фалаша и кемантами. Напротив, и в Гондаре, и по всей Эфиопии якобы «правверные» христиане придерживались многих несомненно иудейских по происхождению обычаев и верований. Подобно фалаша, как я уже знал, они делали обрезание своим сыновьям на восьмой день после рождения, как предписано Книгой Левит; и этот обычай из всех народов мира соблюдают сегодня только евреи и эфиопы²⁷. Точно так же (примечательный пример религиозного синкретизма) в XX веке миллионы абиссинских христиан соблюдают еврейскую субботу, но не вместо воскресенья, святого дня для их единоверцев в других местах, а *вдобавок* к нему²⁸.

Отмечаются и другие праздники, хотя внешне христианские, но изначально явно иудейские. Я узнал, например, что эфиопский праздник Нового года (Инкуташ) близко соответствует еврейскому Новому году (Рош-Гашана). Оба они справляются здесь в сентябре, и за обоими через несколько недель следует второй праздник (Маскал в Эфиопии и Йом Кипур в Израиле). В обеих культурах этот второй праздник связан с Новым годом периодом покаяния и искупления²⁹.

Эфиопские христиане также строго соблюдают многие из законов Пятикнижия, касающиеся чистоты и непорочности. Ни один мужчина, например, и не подумает пойти в церковь после полового акта с женой, как не станет совершать такой акт перед контактом с освященной вещью, в дни поста или с менструирующей женщиной³⁰. Христианская вера не устанавливает ни одного из этих ограничений, но Пятикнижие требует их соблюдения (особенно Книги Исход и Левит)³¹.

Точно так же эфиопские христиане соблюдают законы питания, установленные Ветхим Заветом (старательно избегая употреблять в пищу «нечистых» птиц и млекопитающих, особенно свиней), и даже такие мелкие запреты, как «жила на составе бедра», упоминаемая в Книге Бытия³². Той же жилы, как я установил, избегают все абиссинские христиане, называющие ее на геэз «запретный мускул»³³.

Обнаружил я и еще одну интригующую связь: эфиопские церковные облачения, похоже, скроены по образцу особого одеяния священников Древнего Израиля³⁴: *кена́т* (пояс) соответствует поясу первосвященника³⁵, *коба* (шапочка) — кидару³⁶, а *аскема* (наплечник) с двенадцатью крестами в четыре ряда по три — наперснику (который, как следует из главы 28 Книги Исход, был украшен двенадцатью драгоценными камнями, также расположенными в четыре ряда³⁷).

В целом же мне трудно было не согласиться с архиепископом Дэвидом Мэтью, который в 1947 году описал «весь ритуал религиозных отправлений в Эфиопии как древний и культовый, пропитанный иудейскими обычаями»³⁸. Но

лишь во время празднования эфиопского Тимката 18 и 19 января до меня дошло, насколько всеобъемлюще и глубоко это родство.

Под вечер 18 января приготовления к Тимкату были уже в самом разгаре. Я протиснулся через возбужденную толпу вверх по ступенькам на внешнюю галерею церкви Медхане Алем (буквально — «Спасителя Мира»), расположенную в старейшей части Гондара. Это большое круглое здание, спланированное в традиционном стиле (нечто вроде мишени для стрельбы из лука, если смотреть сверху), с рядом концентрических галерей, окружающих святая святых (*макдас*).

Такой типично эфиопский план, как я уже знал, повторяется в несколько иной манере и в прямоугольных, и в восьмиугольных, и в круглых храмах и, по мнению ученых, восходит к «трехчастному делению иудейского храма»³⁹. Ведущий профессор в области эфиопских исследований в Лондонском университете Эдвард Уллендорф пишет:

«Внешняя галерея абиссинской церкви, состоящая из трех концентрических частей, называется *кене махлет*, то есть место для исполнения псалмов; она соответствует *уламу* храма Соломона. Следующее помещение — *кеддест*, где совершается причащение. Внутренняя часть — *макдас*, где покоится *табот* и куда имеют доступ только священники... Такое разделение на три помещения свойственно всем абиссинским церквям, даже самым маленьким. Таким образом, совершенно очевидно, что абиссинцы предпочли форму еврейской синагоги базилике, повсеместно принятой первыми христианами»⁴⁰.

Профессор Уллендорф не стал строить догадки, почему абиссинцы оказали предпочтение дохристианской модели для своих христианских церквей. Когда я вошел в первую аркаду Медхане Алем, ответ показался мне очевидным: сирийский евангелист Фрументий, обративший Аксумское царство в христианство и по распоряжению коптского патриарха Александрии назначенный в 331 году н.э. первым архиепископом Эфиопии, должно быть, предумышленно

приспособил институты новой веры к уже существовавшим иудейским обычаям страны⁴¹. Более того, Уллендорф отмечает:

«Ясно, что эти и другие традиции, в особенности ковчег Завета в Аксуме, были составной частью абиссинского национального наследия *задолго до* обращения в христианство в IV в., ибо было бы непонятно, почему народ, недавно обращенный из язычества в христианство (и не христианином-евреем, а сирийским миссионером Фрументием), начал бы потом похвастаться иудейской родословной и настаивать на израильских связях, обычаях и институтах»⁴².

Шагая в одних носках (считается святотатством входить в обуви в эфиопскую церковь), я прошел по кругу *кене махлет*, рассматривая поблекшие изображения святых и праведников, украшающие его стены: здесь были представлены святой Георгий на белом коне, убивающий дракона; Господь Всемогущий — «Предвечный» в окружении описанных пророком Иезекиилем «животных»; Иоанн, крестящий Христа в водах Иордана; волхвы и пастухи у яслей; Моисей, получающий скрижали Закона из руки Бога на горе Синай.

Задумчиво созерцая «путешествие» царицы Савской в Иерусалим, я вдруг осознал медленное, басовое биение *кэбэро* — большого овального барабана из коровьей шкуры, натянутой на деревянную раму, который используется во многих обрядах Эфиопской православной церкви. К этому первобытному звуку присоединился хор голосов, исполняющий геэзский гимн, а затем таинственный перезвон систра.

Поддавшись любопытству, я обошел галерею и около двери, ведущей в *кеддест*, увидел группу священников и дьяконов, собравшихся вокруг барабанщика, который сидел скрестив ноги на полу, согнувшись над своим *кэбэро*.

Эта сцена казалась странной и архаичной: ничто в ней не принадлежало современности, и я почувствовал, как переносусь назад во времени на волнах музыки, что принадлежала не Африке и не христианству, а какой-то другой, вероятно древней вере. Облаченные в традиционные белые мантии и черные наплечные накидки, опираясь на длинные

посохи, дьяконы раскачивались и напевали, раскачивались и напевали, погруженные в первобытный ритм танца. Каждый держал в руке серебряный систр и встряхивал им в промежутках между ударами барабана, извлекая чистый и мелодичный звон.

Попеременно пели два хора: одна группа певцов пела одни фразы, а другая отвечала, и в этом диалоге с обменом стихами и рефренами между хористами псалом исполнялся в нарастающем крещендо. Такая же система, уже знал я, была составной частью иудейской литургии во времена Ветхого Завета⁴³.

Пока я размышлял над этим совпадением, из открытой двери *кеддеста* вырвалось ароматное облако ладана. Подобравшись к двери, я заглянул внутрь и увидел кружащуюся фигуру, облаченную в зеленые, вышитые золотыми нитями одежды, — фигуру из сна, полуколдуна-полужреца, кружившегося и вертевшегося с потупленным взором.

Его окружали другие мужчины, одинаково одетые, державшие в руках дымящиеся кадила, подвешенные в тонких сеточках из серебряных цепочек. Я напряг зрение, наблюдая и за этими фигурами, и в темноте и дыму благовоний едва различил в самом центре *кеддеста* занавешенный вход в святая святых. Я знал, что за тяжелой завесой хранился почитаемый, таинственный, охраняемый суеверием, скрытый в своем святилище *табот* — символ ковчега Завета. Сцена напомнила мне, что в Древнем Израиле первосвященник не мог приблизиться к ковчегу, пока не сожжет достаточное количество фимиама, дабы полностью укрыть его дымом⁴⁴. Густой дым считался необходимым для сохранения жизни священника, чтобы, как предостерегает Книга Левит, «ему не умереть»⁴⁵.

Я переступил через порог *кеддеста*, чтобы рассмотреть происходящее там вблизи, но меня тут же жестами выгнали обратно во внешнюю галерею. В тот же момент дьяконы прекратили петь, барабан замолк, и на какой-то момент в воздухе застыла абсолютная тишина.

Я кожей чувствовал почти ощутимую неизбежность происходящего, как если бы в грозовой туче накапливался огромный заряд молнии. Началось всеобщее волнение и дви-

жение, люди засуетились. В то же мгновение один улыбающийся священник твердо взял меня за руку и вывел из *кеддеста* через *кене махлет* к главным вратам церкви, где я и остался, мигая под ярким послеполуденным солнцем и пытаясь оправиться от потрясения.

Уже и без того огромная толпа разбухла до невероятных размеров и заполнила всю обширную территорию вокруг Медхане Алем, да и дорогу, насколько хватало глаз. Мужчины и женщины, маленькие дети, глубокие старики, калеки, больные и умирающие, смеющиеся, счастливые, здоровые люди... казалось, здесь собралась добрая половина населения Эфиопии. Многие держали музыкальные инструменты: цимбалы, трубы, флейты, скрипки, лиры и библейские арфы (псалтыри). Через несколько минут из церкви появилась группа роскошно облаченных священников. Это были те, кого я видел в облаках фимиама перед закрытой завесой алтаря, но теперь один из них — стройный, бородатый, с тонкими чертами лица и горящим взглядом — нес на голове *табот*, завернутый в дорожную красно-золотую парчу.

Толпа тут же разразилась криками и топотом, женщины издавали пронзительные завывания — это нарастающее сотрясение воздуха ученые связывают с «определенными музыкальными выражениями в древнееврейском богослужении (еврейское «халлел», эфиопское «эллел»)»... ликование, выражаемое многократным повторением слова «эллел» в виде «эллеллэл-эллэллелл» и т.д. ... Само слово «аллилуйя», возможно, означает «петь халлел, или эллел, Иегове»⁴⁶.

Постояв несколько минут в дверях церкви, пока нарастало возбуждение толпы, священники повернули и обошли всю внешнюю галерею, прежде чем спуститься по ступенькам на землю. Как только их ноги коснулись земли, толпа расступилась перед ними, образовав проход, по которому они могли проследовать, а крики, завывания труб, свист флейт, брэнчанье лир и звон бубнов достигли предела, оглушили и наполнили разум изумлением.

Я старался следовать по пятам за группой священников. И хотя по сторонам стояли сотни людей, хотя многие уже успели опьянеть от просяного пива или от суматохи, хотя

меня постоянно толкали и не раз чуть ли не сбивали с ног, я ни секунду не почувствовал страха или тревоги.

То втягиваясь, как в воронку, в узкие переулки, то разливаясь на открытых площадках, иногда быстрее, иногда медленнее, под непрестанную музыку и пение, мы продвигались по древнему городу. И я старался не спускать глаз с пурпурно-золотого покрыва *табота*, оказавшегося уже довольно далеко впереди меня. На какое-то время, когда в процессию из боковой улицы влилась новая толпа, я полностью потерял из виду священный предмет. Но, встав на цыпочки и вытянув шею, я все же углядел его и поспешил вперед. Полный решимости не отставать, я забрался за заросший травой вал, припустил вперед, обогнав плотную группу из двухсот-трехсот человек, проскочил мимо священников и соскользнул вниз на дорогу, опередив процессию ярдов на двадцать.

Здесь я понял, почему толпа то останавливалась, то снова пускалась в путь. Впереди *табота* оказалось несколько импровизированных групп танцоров — как смешанных, так и состоящих только из мужчин или только из женщин, одетых в повседневную рабочую или в церковную одежду. В центре каждой такой группы находился барабанщик с *кэбэро* на шее, задававший древний дикий ритм, кружившийся, подпрыгивавший и покрикивавший, а окружавшие его танцоры взрывались энергией, прыгали и вращались, прихлопывали в ладоши, гремели бубнами и цимбалами, обливаясь потом от столь бурного танца.

И вот, откликаясь на завывания труб, крики, бречание десятиструнной *бэгэгны*⁴⁷ и навязчивые звуки пастушьего рожка, в каком-то диком танце закружился молодой человек в традиционных одеждах из белой хлопчатобумажной ткани, а священники остановились, высоко держа над головами *табот* и едва сдерживая толпившихся за ними людей. Юноша, восхищавший своей гибкостью и силой, своей дикой энергией, был словно в трансе. Притягивая взоры окружающих, он обошел по кругу вибрирующий *кэбэро*, кружась и покачиваясь, подергивая плечами и кивая. Казалось, он затерялся в собственном внутреннем ритме. Он восхвалял

Господа каждой унцией своей силы, каждой частицей своего существа. И я почувствовал, что так оно и было три тысячелетия назад у ворот Иерусалима, когда

«...Давид и весь дом Израилев несли ковчег Господень с восклицаниями и трубными звуками... играли пред Господом на всяких музыкальных инструментах из кипарисового дерева, и на цитрах, и на псалтирях, и на тимпанах, и на систрах, и на кимвалах... Давид скакал из всей силы пред Господом...»⁴⁸.

Совершенно неожиданно юноша рухнул и растянулся на земле в глубоком обмороке. Несколько зрителей подхватили его на руки, вынесли на обочину и устроили поудобнее. Затем толпа снова двинулась вперед, и новые танцоры заняли место дошедших до изнеможения.

Вскоре произошла перемена. Протиснувшись по последней узкой улице, толпа вылилась на огромную открытую площадь. И на ту же площадь с трех других сторон приблизились три другие процессии, схожие с нашей по числу участников. Каждая из них следовала за своим собственным *таботом*, который несла группа священников, и каждая словно вдохновлялась тем же божественным духом.

Подобно четырем сливающимся рекам, отдельные процессии сомкнулись и перемешались. Священник, несший *табот* из церкви Медхане Алем, за которым я неотступно следовал до сих пор, встал в одну линию с другими священниками, несшими *таботы* из трех других главных церквей Гондара. За этим первым рядом выстроились священники и дьяконы, а за ними — прихожане, образовавшие целую армию тысяч в десять человек, не меньше.

Как только процессии соединились, все снова двинулось вперед, к выходу с площади по крутой широкой дороге с *таботами* во главе колонны. Время от времени ко мне прибывало детей, которые стеснительно брали меня за руку, шагали рядом, потом оставляли меня... Ко мне приблизилась старая женщина, что-то долго говорила мне на амхарском и беззубо улыбалась... Две юные девушки, хихикая и нервничая, коснулись моих светлых волос с зачарованным любопытством и поспешно скрылись... И вот так, совершен-

но захваченный весельем и энергией происходящего, я отдался на волю толпы, не замечая уже течения времени.

И тут внезапно за поворотом дороги показались внушительные стены, точно некий образ из легенды. За большим валом я вроде бы разглядел башенки замка с «удивительными зубцами и бойницами». Уже не в первый раз в своих путешествиях по Эфиопии я невольно вспоминал дивное святилище Грааля, описанное Вольфрамом фон Эшенбахом, — «неприступную цитадель» с «башнями и дворцами», стоящую на берегу таинственного озера в Мунсальвеше⁴⁹.

В центре стены находился узкий арочный вход, через который шедшие в процессии впереди меня начали вливаться в огражденное пространство и в который неудержимо втянуло и меня. Уже под аркой меня на мгновение прижало к неотесанному камню, и с моей руки снесло часы, но почти тут же кто-то из идущих за мной сумел подхватить их с земли и сунуть мне в руку. Прежде чем я успел поблагодарить, меня протиснуло сквозь горловину «воронки», и я в полуобмороке вывалился на просторную лужайку, огороженную стеной.

Огражденное пространство оказалось прямоугольной формы, размером примерно в четыре городских квартала. В центре этого большого, заросшего травой участка находилось еще одно ограждение, за ним виднелся высокий замок с башенками, который я заметил еще раньше и который сзади и с боков был окружен искусственным озером. Замок был построен императором Фасиледэсом в XVII веке. Единственный доступ к нему — по узкому каменному мосту над глубоким рвом, ведущему прямо к массивным деревянным воротам.

Толпа все еще вливалась через узкую арку, в которую я протиснулся несколько минут назад, и люди бесцельно кружили, приветствуя друг друга с громогласным и пылким дружелюбием. Справа от меня прямо перед замком собралась большая группа священников и дьяконов, и теперь я насчитал семь *таботов*. Я предположил, что где-то по пути процессии еще из трех городских церквей присоединились к четырем, собравшимся ранее на главной городской площади.

Держа завернутые *таботат* на головах, священники выстроились в один ряд плечом к плечу. За спинами у них толпилось множество других священников, раскрывших над головами цветастые ритуальные зонтики с бахромой, украшенные крестами, звездами, солнцами, месяцами и другими, более любопытными рисунками. В пяти метрах слева находились еще два ряда священников, стоявших лицом друг к другу, с длинными посохами и серебряными систрами в руках. Между ними сидел барабанщик, сгорбившись над своим *кэбэро*.

Пока я подбирался к ним поближе, стоявшие лицом друг к другу священники стали раскачиваться перед *таботат* в медленном танце, исполнявшемся в том же гипнотизирующем ритме и под то же попеременное пение двух хоров, которое я уже слышал в церкви Медхане Алем. Через несколько минут танец прервался так же внезапно, как и начался, танцоры разошлись, а священники с семью *таботат* величественно проследовали через каменный мост в замок. Здесь они задержались на мгновение в теплых лучах заходящего солнца, а женщины в толпе снова дико заголосили. Затем бесшумно растворилась на смазанных маслом петлях тяжелая деревянная дверь крепости, приоткрывая темноту внутри, и *таботат* были внесены в помещение.

Многотысячная толпа постепенно стала рассеиваться по садам. Кто-то принес с собой одеяла, кто-то — хлопчатобумажные *шеммас* (шали) или более теплые шерстяные *геб-бис* (плащи). У всех на лицах было написано, что они собираются пробыть здесь на протяжении всего праздника, и все выглядели умиротворенными, успокоившимися после экзальтированного шествия и готовыми к всенощному бдению.

К девяти часам вечера горело уже множество костров. Вокруг них сгрудились люди в *шеммас* и одеялах. Они таинственно перешептывались, и слова их на древнем семитском языке Эфиопии вырывались изо ртов облачками пара.

Взбодренный прохладным афро-альпийским воздухом, я сел на траву, откинулся на спину, подложив под голову ру-

ки, и с наслаждением любовался звездами, уже сиявшими на небосклоне. Мысли мои разбрелись, потом сосредоточились на звуке воды, лившейся потоком в озеро где-то поблизости. Как раз в тот момент из старого замка послышалось негромкое ритмичное пение и барабанная дробь. Эти сверхъестественные, потрясающие до глубины души звуки поначалу были столь легкими и приглушенными, что я едва мог их расслышать.

Я встал и подошел поближе к мосту надо рвом. Я не собирался переходить его (да и не думал, что мне позволят), скорее надеялся найти более выгодную позицию, с которой была бы лучше слышна музыка. Случилось же нечто необъяснимое — я почувствовал, как множество рук подталкивает меня вперед, настойчиво и в то же время аккуратно, пока я не оказался на мосту. Здесь ребенок подвел меня к огромной двери, отворил ее с улыбкой кивнул мне, чтобы я вошел.

Я опасливо переступил порог большого, квадратного, с высоким потолком, наполненного фимиамом помещения, освещенного дюжинами свечей, установленных в нишах неотесанных каменных стен. Ветерок сквозил под дверью, которую я только что притворил за собой, и сквозняк дул со всех сторон через щели и проломы в кладке, заставляя оплывать и тускнеть свечи.

В этом призрачном полумраке я разглядел облаченные в мантии и капюшоны фигуры, стоявшие двумя рядами и образующие почти полный круг, разорванный только у двери, где остановился я. Трудно было сказать наверняка, но мне казалось, что здесь собрались одни мужчины и что большинство из них — священники или дьяконы, ибо они держали в руках посохи и сестры и напевали на геэз какой-то псалом, настолько трогательный и пробуждающий чувства, что я ощутил, как покалывает затылок и волосы встают дыбом. Прямо передо мной на плитняке, усыпанном свежескошенной травой, сидел барабанщик, облаченный в белую *шемму* и отбивавший на натянутой коже *кэбэро* негромкий, но настойчивый ритм.

Не нарушая темпа, несколько членов хора подзывали меня кивками голов, и я почувствовал, как меня втягивает в

их круг, как меня согревает их внимание. Я становился частью всего происходящего. В мою правую руку вложили сistr, а в левую — посох. Пение же продолжалось, и певцы слегка покачивались из стороны в сторону.

Я почувствовал, как мое тело подчиняется ритму. Следя за другими и отбросив чувство неловкости, я поднимал и опускал свой сistr в промежутках между ударами барабана, и маленькие металлические диски в древнем инструменте издавали немелодичное дребезжащее звяканье. Этот странный, неотразимый звук был гораздо древнее храма Соломона, даже древнее пирамид, ибо подобные сistrы использовались впервые еще в додинастическом Египте⁵⁰ и перешли оттуда через жрецов эпохи фараонов в литургию Израиля.

До чего же необычен оказался этот торжественный ритуал! Но еще необычнее было мое участие в нем, здесь, в сердце Эфиопского нагорья, на берегу священного озера. Дрожа от волнения, я размышлял над тем, что в развернувшейся передо мной сцене нет ничего, ровным счетом ничего, что принадлежало бы XX веку н.э. Я словно вернулся во времена, когда Соломон поместил ковчег Завета в святая святых и когда священники,

«...одетые в виссон, с кимвалами и с псалтирями и цитрами стояли на восточной стороне жертвенника... издавая один голос к восхвалению и славословию Господа; и когда загремел звук труб и кимвалов и музыкальных орудий, и восхваляли Господа, ибо Он благ, ибо вовек милость Его...»⁵¹.

Не так ли и священники Эфиопии, среди которых сейчас находился я, восхваляли Господа? Не с таким же рвением и убеждением благодарят они Его за милость Его и славословят Его святое имя, напевая:

«И ныне, Господи Боже, стань на место покоя Твоего, Ты и ковчег могущества Твоего, Священники Твои, Господи Боже, да облекутся во спасение, и преподобные Твои да наслаждаются благами»⁵².

Ночь прошла как во сне, в котором беспорядочно смешались реальные и невозможные вещи. Временами мне чу-

дилось, будто сам ковчег пребывает здесь, спрятанный в старом замке. В глубине души я, конечно, знал, что еще не приблизился к концу своего путешествия, что ковчега нет в Гондаре и что впереди меня ждут долгие мили и месяцы, прежде чем я смогу хотя бы надеяться на приближение к своей цели. Сейчас я удовольствовался бы и *таботат*, покоившимися где-то в замке, — семью свертками, которые алхимией слепой веры с легкостью превратились за последние сутки в объекты огромного символического значения.

Перед рассветом священники проводили меня из замка и вернулись через узкий мост. Пока небо постепенно светлело, я провел около часа, обследуя большой лагерь. Вечером здесь было десять тысяч человек, и вряд ли осталось меньше. Одни прогуливались парами и тройками и беседовали, другие собирались в большие группы, третьи все еще грелись у побледневшего пламени костров. И я не мог не ощутить того же настроения надежды, того же чувства беспокойного и нетерпеливого предвосхищения, которое предшествовало выносу *табота* из церкви Медхане Алем прошлым вечером.

Я сделал полный круг по внутреннему лагерю, окружавшему замок и озеро. Добравшись до дальнего края огороженного участка, я взобрался на стену и наслаждался причудливой и одновременно прекрасной сценой. Подо мной земляная насыпь футов в пять шириной окружала спокойные, поблескивающие воды, и на каждом квадратном дюйме насыпи стояли настороженные, словно ожидавшие какого-то события люди, а поднявшееся уже солнце высвечивало их отражения в воде.

Из задней стены замка выступал балкон, и вот на него в облаке фимиама вышла группа священников, облаченных в великолепные зелено-красные мантии. Из толпы раздались громкие крики. Начался короткий ритуал, который (как я узнал позже) призван был благословить и освятить воды. Потом с поразительной поспешностью — и явно не обращая внимания на утреннюю прохладу — люди принялись прыгать в озеро. Одни — в одежде, другие — полностью раздетые. Одна молодая женщина с роскошной грудью оку-

нула в воду своего голого ребенка и тут же выхватила его, кашлявшего и отплеывавшегося, в фонтане брызг. В другом месте худой, согбенный и немощный старик неловко вошел в воду по грудь. В третьем — плавала и резвилась группа подростков. Дальше матрона средних лет, обнаженная по пояс, стегала свою спину и плечи мокрой веткой... Тем временем из лагеря перед замком послышался возбужденный рев толпы. Тысячи людей влились во всеобщую толчею, брызгаясь и ныряя, окунаясь и резвясь в воде.

Я спустился с ограда и поспешил к передней части лагеря, надеясь воспользоваться всеобщим весельем, чтобы снова проникнуть в замок. В помещении, где я провел большую часть ночи, *таботат* не было. Где же они? И что будет дальше?

Не замеченный дошедшей почти до истерии толпой, я пересек мост над рвом, распахнул дверь и вошел. Пол большой комнаты все еще был усыпан травой, а стены почернели от дыма свечей. Было уже около 7 часов утра, и яркий солнечный свет захватил врасплох группу дьяконов. Напротив меня, из дверного проема, прикрытого завесой, вышел священник. Он насмешливо взглянул на меня, потом улыбнулся вроде бы в виде приветствия.

Я подошел к нему и показал жестом, что хотел бы пройти за занавес. Священник красноречиво покачал головой.

— Нет, — прошептал он на английском. — Нет. Это невозможно. Там *табот*.

И он снова скрылся за занавесом, из-за которого доносился какой-то шум и шаги.

Я позвал, надеясь привлечь чье-нибудь внимание, но не дождался ответа. Затем нагло прикоснулся рукой к занавесу и попытался отвести его в сторону. В то же мгновение трое стоявших за моей спиной дьяконов подскочили ко мне, схватили за руки и повалили на пол, нанеся мне несколько ударов.

Я ругался и сопротивлялся, ничего не соображая. Я был ошеломлен и шокирован: всего несколько часов назад я чувствовал себя здесь как дома — и вот меня уже избивают. С большим трудом я стянул с себя напавших и поднялся на ноги. Это было ошибочно истолковано как еще одна по-

пытка проникнуть за занавес, и меня снова принялись тужить, а в дверях встали еще несколько дьяконов.

— Туда нельзя, — предостерег один из них, указывая на помещение за занавесом. — Туда входят только священники. — Он погрозил мне пальцем и добавил: — Вы очень плохой человек.

Затем меня бесцеремонно вытолкали за дверь замка и грубо бросили на узкий мост на глазах у многотысячной толпы, и я подумал: если мне так попало лишь за попытку войти в помещение, где находились какие-то *таботат*, то что со мной произойдет в Аксуме, когда я попытаюсь взглянуть на сам ковчег?

Я пересек мост, протиснулся сквозь толпу и, все еще дрожа, остановился на свободной от людей полоске земли. Осмотревшись, я заметил, что в озере по-прежнему плещутся люди. Но в большинстве своем участники праздника уже собрались на просторных лужайках перед замком и стояли, вытянув шею. Люди были возбуждены, но, как ни странно, вели себя тихо.

Вскоре в дверях замка появились семь священников в полном облачении с завернутыми в ткань *таботат* на головах. Неспешно и осторожно они вступили на мост и перешли его в сопровождении других священников с ритуальными зонтиками. В это мгновение толпа издала громкий общий вздох благоговения, за которым последовали уже знакомое завывание женщин и шарканье ног: люди начали отступать назад, чтобы открыть путь *таботат*.

Утро тянулось медленно. Солнце поднималось к зениту, а я следовал за процессией по улицам Гондара до главной городской площади. Там вновь был инсценирован танец Давида перед ковчегом под крики и звуки тамбуринов и цимбал, труб, систров и струнных инструментов.

В конце концов семь священников с *таботат* на головах разделились, и толпа тоже разделилась на семь неравных частей — семь разных ходов, вытекавших с площади в семи разных направлениях.

Перейдя на бег, тяжело дыша и потея, я проследовал за *таботом* из Медхана Алема до самой церкви и там, окруженный тысячами танцующих и поющих людей, наблюдал,

как священник с *таботом* на голове обошел здание раз и еще раз, а затем, наконец, под радостный одобрителный рев толпы, исчез из виду в темноте святая святых, в тайне тайн.

Отсрочка на год

Уезжая в январе 1990 года из Гондара, я был убежден, что правильно ищу ковчег в Эфиопии. Несмотря на тонкий поверхностный, христианский слой, центральная роль *таботат* в ритуалах, свидетелем которых я стал, необычные танцы священников, горячее поклонение мирян, архаичная музыка систров, тамбуринов, труб, барабанов и цимбал — все эти элементы явились прямиком из самого далекого и темного прошлого. Мне казалось тогда и кажется сейчас, что все эти сложные ритуалы и установления, сосредоточенные на ветхозаветном поклонении ковчегу Завета, не исполнялись бы с таким рвением и тщанием на протяжении стольких столетий, если бы за ними стояли лишь копии.

Нет. Эфиопы владеют самим ковчегом. Возможно, путем, описанным в «Кебра Нагаст» или иными исторически вероятными путями, о которых я со временем смогу узнать, он достался им в первом тысячелетии до н.э. И сейчас, к самому концу второго тысячелетия н.э., они все еще владеют ковчегом — надежно спрятанным, скрытым от любопытных глаз. Но где?

Отвечая на последний вопрос, я просто не мог пренебречь результатами собственного исследования: священной реликвии не было ни на озере Звай, ни на озере Тана; напротив, все свидетельствовало о том, что она находилась в своем традиционном пристанище — в святая святых придела храма в Аксуме.

Полной уверенности в этом, естественно, не было, но в душе я не сомневался, что прав. Поэтому двенадцать месяцев спустя, когда в январе 1991 года снова наступит Тимкат, я намеревался навестить Аксум и увидеть ее, если только смогу.

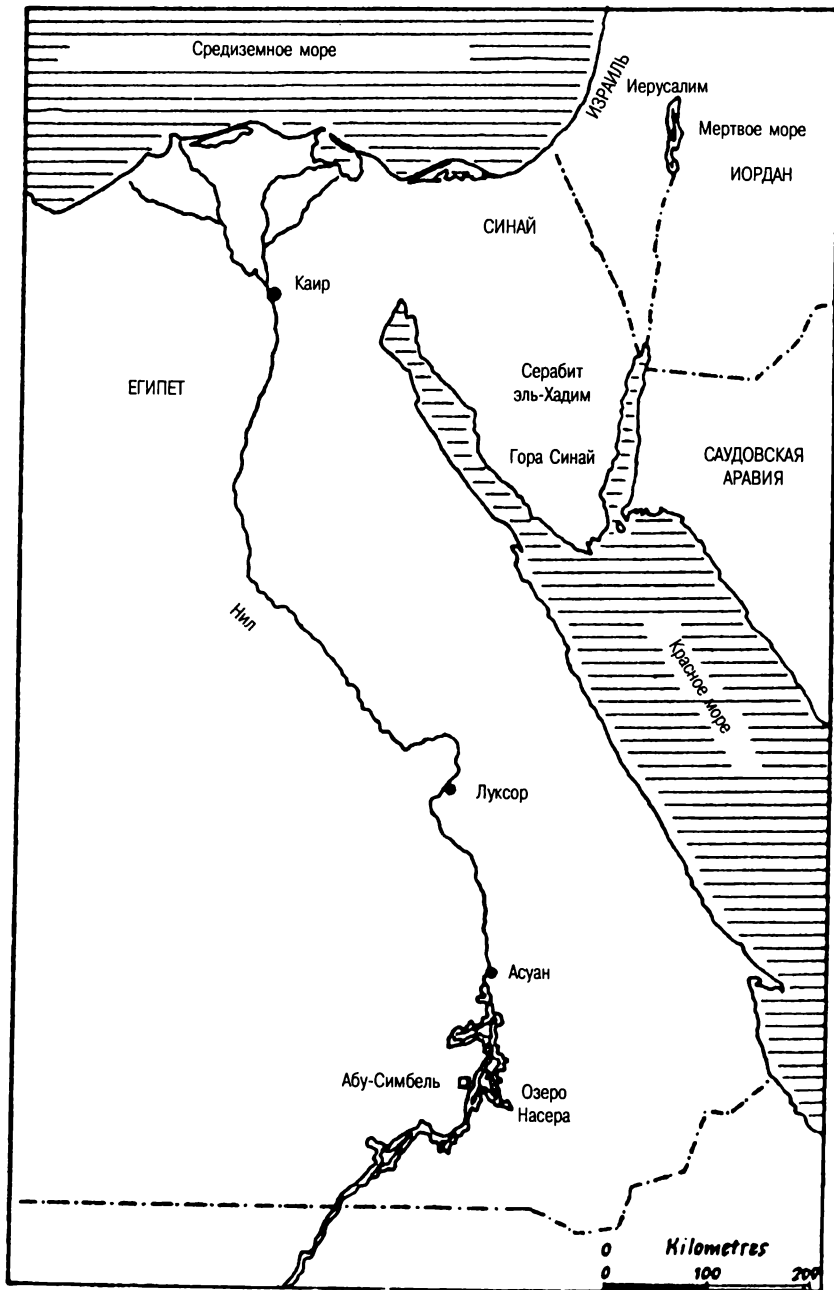
Во всем этом я ощущал такую неизбежность, как если бы мне бросили вызов — такой же четкий и беспощадный, как упрек Зеленого рыцаря сэру Гавейну:

«Я многим известен, и если ты намерен найти меня, ты просто не сможешь не сделать этого. Посему приходи! Иначе тебя назовут трусом, и поделом... И все же я дам отсрочку на один год и один день»⁵³.

Что же мне делать во время передышки — пожалованного мне года отсрочки? Узнаю, решил я, все что смогу о таинственном предмете, привлекавшем меня, — о его происхождении и его качествах. Я изучу ковчег Завета и попытаюсь узнать, нет ли рационального объяснения тех ужасов и чудес, которые ему приписывались во времена Ветхого Завета.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ЕГИПЕТ, 1989—1990

ЧУДОВИЩНОЕ
ОРУДИЕ

МАГИЯ... ИЛИ МЕТОД?

В 1989—1990 гг., погрузившись еще глубже в тайны утраченного ковчега Завета, я интересовался уже не только тем, где он находится, но и тем, *что* он собой представляет. Естественно, в первую очередь я обратился к Библии, в которой самое раннее упоминание о ковчеге приходится на период «странствий по пустыне» — сразу после того, как пророк Моисей увел сынов Израилевых из египетского плена (ок. 1250 г. до н.э.¹). В главе 25 Книги Исход мы читаем, что точные размеры священной реликвии и материалы для ее изготовления были указаны Моисею на горе Синай самим Богом:

«Сделайте ковчег из дерева ситтим: длина ему два локтя с половиною, и ширина ему полтора локтя, и высота ему полтора локтя [т.е. прямоугольный ящик размерами ок. 115x70x70 см²]; и обложи его чистым золотом, изнутри и снаружи покрой его; и сделай наверху вокруг его золотой венец; и вылей для него четыре кольца золотых и утверди на четырех нижних углах его [или «опорах»³]: два кольца на одной стороне его, два кольца на другой стороне его. Сделай из дерева ситтим шести и обложи их золотом; и вложи шести в кольца, по сторонам ковчега, чтобы посредством их носить ковчег; в кольцах ковчега должны быть шести и не должны отниматься от него... Сделай также крышку из чистого золота: длина ее два локтя с половиною, а ширина ее полтора локтя; и сделай из золота двух херувимов: чеканной работы сделай их на обоих концах крышки; сделай одного херувима с одного края, а другого херувима с другого края; [выдавшимися] из

крышки сделайте херувимов на обоих краях ее; и будут херувимы с распростертыми вверх крыльями, покрывая крыльями свои крышку, а лицами своими [будут] друг к другу: к крышке будут лица херувимов. И положи крышку на ковчег сверху... там Я буду открываться тебе и говорить с тобою над крышкою, посреди двух херувимов, которые над ковчегом откровения...»⁴

Описание этого «божественного чертежа» — несомненно, одно из самых странных мест в Библии. Получив его, Моисей передал его устно мастеру по имени Веселеил, которого Господь «исполнил... Духом Божиим, мудростью, разумением, ведением и всяким искусством...»⁵. Веселеил изготовил ковчег точно по плану⁶. И когда он был готов, Моисей вложил в него две скрижали, которые были даны ему также на горе Синай и на которых Бог начертал десять заповедей⁷. Священная реликвия, наполненная теперь бесценным содержанием, была установлена за «завесой» в святая святых скинии⁸ — переносном шатрообразном сооружении, которое израильтяне использовали как святилище во время своих странствий по пустыне.

Ужасы и чудеса

Вскоре начали происходить ужасные события. Первая беда постигла Надава и Авиуда, сынов Аарона — первосвященника и брата самого Моисея. Как члены семьи священника они имели доступ в святая святых, в которую однажды они вошли с кадильницами и курениями⁹. Согласно Книге Левит, они «принесли пред Господа огонь чуждый, которого Он не велел им»¹⁰. В результате смертоносный огонь вырвался из ковчега «и сжег их, и умерли они...»¹¹.

«И говорил Господь Моисею по смерти двух сынов Аароновых, когда они, приступив пред лице Господне, умерли, и сказал Господь Моисею: скажи Аарону, брату твоему, чтоб он не во всякое время входил во святилище за завесу пред крышку, что на ковчеге, дабы ему не умереть, ибо над крышкою Я буду являться в облаке»¹².

Крышкой ковчега (в некоторых переводах именуемая «престолом милосердия») служила пластина из чистого золота. Мы помним, что на краях ее лицом друг к другу располагались золотые фигуры двух херувимов. Следовательно, «облако» над крышкой, грозившее смертью неосторожным, помещалось между херувимами. Оно присутствовало не всегда; но в тех случаях, когда оно появлялось, по поверью сынов Израиля, «властвовали демоны»¹³, — и тогда даже Моисей не осмеливался приблизиться к ковчегу¹⁴.

«Между херувимами», сидевшими лицом к лицу на золотой крышке ковчега, якобы случались и другие сверхъестественные явления. К примеру, всего через несколько дней¹⁵ после ужасной гибели двух сыновей Аарона Моисей вошел в святилище скинии, все еще стоявшей в тени горы Синай. Войдя, пророк услышал «голос, говорящий ему с крышки, которая над ковчегом откровения между двух херувимов»¹⁶. Некоторые очень древние еврейские легенды утверждают, что этот голос низошел с неба «в виде огненной трубы»¹⁷. Похоже, огонь — в том или ином обличии, со смертоносным облаком или без него — часто связывается с херувимами. Согласно народным преданиям, к примеру, «две огненные струи (или «две искры») били из херувимов, осенявших ковчег», и этот огонь порой сжигал находившиеся вблизи предметы¹⁸.

Но вот сынам Израиля пришло время покинуть свой стан у подножия Синая, также называвшегося «горой Яхве» (по имени Бога):

«И отправились они от горы Господней на три дня пути, и ковчег Завета Господня шел пред ними три дня пути, чтобы усмотреть им место, где остановиться... Когда поднимался ковчег в путь, Моисей говорил: восстань, Господи, и рассыплются враги твои, и побегут от лица Твоего ненавидящие Тебя! А когда останавливался ковчег, он говорил: возвратись, Господи, к тысячам и тьмам Израилевым!»¹⁹

Священная реликвия двигалась впереди каравана сынов Израиля: ее несли на плечах «сыны Каафовы» — члены семьи из колена Левия, к которому принадлежали и Моисей, и

Аарон. Согласно нескольким легендам и раввинским толкованиям Ветхого Завета, эти носильщики порой погибали от «искр», испускаемых ковчегом²⁰, а время от времени их приподнимало от земли, ибо «ковчег был двигаться сам и нести своих носильщиков»²¹. И это далеко не единственное еврейское предание, указывающее, что ковчег обладал таинственной силой, которая каким-то образом преодолевала силу тяготения. Некоторые другие источники также свидетельствуют, что ковчег иногда поднимал с земли своих носильщиков, временно облегчая их бремя²². Так, одна особенно поразительная еврейская легенда повествует, что однажды священники попытались нести ковчег, но «невидимая сила бросила их в воздух и ударяла раз за разом о землю»²³. В другом предании описывается случай, когда «ковчег сам по себе поднялся в воздух»²⁴.

Если ковчег действительно обладал такими необычными свойствами, то нет ничего удивительного в том, что во время своих странствий по пустыне сыны Израилевы сумели использовать его как оружие — оружие такой ужасающей силы, что оно приносило победу даже в самых неблагоприятных обстоятельствах²⁵. В описании одной такой битвы рассказывается, как ковчег сначала испустил «стон», затем поднялся над землей и устремился навстречу врагу, который — что тоже не удивительно — дрогнул и был разбит наголову²⁶. В другом случае — как исключение, подтверждающее общее правило, — разбиты были сами сыны Израиля. Это случилось, как говорится в Библии, когда при них не оказалось ковчега: Моисей спрятал его, предупредив, чтобы они не напали в том месте.

«Но они дерзнули подняться на вершину горы; ковчег же Завета Господня и Моисей не оставляли стана. И сошли Амалитяне в Хананеи, живущие на горе той, и разбили их, и гнали их до Хормы»²⁷.

Согласно Библии сыны Израиля провели в пустыне сорок лет²⁸ и за это время поняли, что в их же интересах беспрекословно следовать советам Моисея. Под его руководством и с помощью ковчега они успешно покорили дикие племена Синайского полуострова, завоевали Трансиорда-

нию, разграбили землю мадианитян²⁹ и разгромили всех своих противников. И, наконец, по завершении сорока лет скитаний они «остановились на равнине Моава, при Иордане, против Иерихона»³⁰.

За Иорданом раскинулась Земля обетованная. К этому времени уже умер брат Моисея Аарон³¹, и его сын Елеазар сменил его на посту первосвященника³². Тем временем Бог предупредил Моисея, что ему не дано войти в землю Ханаанскую, и, соответственно, Моисей назначил своим преемником «Иисуса, сына Навина»³³.

Вскоре Моисей умер³⁴, но прежде посвятил Иисуса в таинства ковчега Завета³⁵. Так новый вождь получил в свое распоряжение грозное оружие и использовал его для подавления ожесточенного сопротивления, с которым он столкнулся в сильно укрепленном городе Иерихоне.

Иисус Навин, похоже, знал, что ковчег — обоюдоострый меч и что при неподобающем использовании он может навредить и самим израильтянам, а не только их врагам. В самом начале кампании, планируя переход через Иордан в сторону Иерихона, он послал своих надзирателей в стан сказать людям:

«...Когда увидите ковчег Завета Господа Бога вашего и священников [и] левитов, несущих его, то и вы двиньтесь с места своего и идите за ним; впрочем, расстояние между вами и им должно быть до двух тысяч локтей мерою; не подходите к нему близко...»³⁶

И когда все было готово,

«Священникам же сказал Иисус: возьмите ковчег Завета и идите пред народом... Итак... лишь только несущие ковчег... вошли в Иордан... вода, текущая сверху, остановилась и стала стеною... а текущая в море с равнины... ушла и иссякла... Священники же, несшие ковчег Завета Господня, стояли на суше среди Иордана твердою ногою... И когда священники, несшие ковчег Завета Господня, вышли из Иордана, то, лишь только стопы ног их ступили на сушу, вода Иордана устремилась по своему месту... и Иисус сказал... Господь Бог ваш иссушил воды Иордана для вас, доколе вы не перешли его...»³⁷

Любой знакомый с иудеохристианским Священным Писанием наверняка знает и подробности штурма Иерихона, последовавшего за триумфальным переходом через Иордан. Пока основная масса народа держалась на предписанном расстоянии в две тысячи локтей (более полумили), группа тщательно отобранных священников, трубя в трубы, обошла стены города с ковчегом. Эта процедура повторялась шесть дней.

«В седьмой день встали рано, при появлении зари, и обошли таким же образом вокруг города семь раз... Когда в седьмой раз священники трубили трубами, Иисус сказал народу: воскликните, ибо Господь предал вам город!.. Народ воскликнул, и затрубили трубами. Как скоро услышал народ голос трубы, воскликнул народ [весь вместе] громким [и сильным] голо-сом, и обрушилась [вся] стена [города] до своего основания, и [весь] народ пошел в город... и взяли город. И предали за-клятию все, что в городе...»³⁸

В пустыне пока еще новый ковчег был прямо-таки непо-бедимым, да и в ходе кампании Иисуса Навина в Земле обе-тованной еще долго после падения Иерихона продолжал играть важную военную роль, как свидетельствует Библия³⁹. Однако через полтора-два года после смерти Иисуса Навина наступила перемена: к тому времени уже не было обыкно-вения выносить реликвию во время битвы, и скиния с ней была установлена в доме Божиим в Силоме, где и находи-лась постоянно⁴⁰.

Причиной такой перемены стали растущая мощь изра-ильтян и укрепившая уверенность в себе, ибо к XI веку до н.э. они сумели захватить, заселить и взять под свой кон-троль большую часть Земли обетованной и в новых обстоя-тельствах считали, очевидно, излишним использовать свое секретное оружие⁴¹.

Такая самоуверенность, однако, подвела их во время важной битвы при Авен-Езере, когда евреи были разгромле-ны филистимлянами, перебившими около четырех тысяч человек⁴². После этого поражения

«...пришел народ в стан; и сказали старейшины Израилевы: ...возьмем себе из Силома ковчег Завета Господня, и он пойдет среди нас и спасет нас от руки врагов наших»⁴³.

Это предложение было немедленно принято.

«И послал народ в Силом, и принесли оттуда ковчег Завета Господа Саваофа, сидящего на херувимах... И когда прибыл ковчег Завета Господня в стан, весь Израиль поднял такой сильный крик, что земля стонала»⁴⁴.

Услышав этот шум, филистимляне сказали:

«...отчего такие громкие восклицания в стане Евреев? И узнали, что ковчег Господень прибыл в стан. И устрашились Филистимляне, ибо сказали: Бог тот пришел к ним в стан. И сказали: горе нам! Ибо не бывало подобного ни вчера, ни третьего дня; горе нам! Кто избавит нас от руки этого сильного Бога?.. Укрепитесь и будьте мужественны, Филистимляне, чтобы вам не быть в порабощении у Евреев.. будьте мужественны и сразитесь с ними»⁴⁵.

Битва разгорелась вновь, и к изумлению всех участников,

«поражены были Израильтяне, и каждый побежал в шатер свой, и было поражение весьма великое, и пало из Израильтян тридцать тысяч пеших. И ковчег Божий был взят...»⁴⁶

То была настоящая катастрофа. Никогда прежде израильтяне не терпели поражения, когда несли в бой ковчег, и никогда прежде сам ковчег не бывал захвачен. О таком даже подумать нельзя было, такого невозможно было даже вообразить, и все же это случилось.

Пока филистимляне триумфально уносили ковчег, к священнику Илию, оставшемуся в Силоме, был послан гонец с плохими известиями.

«...Илий сидел на седалище при дороге у ворот и смотрел... Илий был тогда девяносто восьми лет; и глаза его померкли, и он не мог видеть. И сказал тот человек Или: я пришел из стана, сегодня же бежал я с места сражения. И сказал Илий:

что произошло, сын мой? И отвечал вестник и сказал: побегал Израиль пред Филистимлянами, и поражение великое произошло в народе... и ковчег Божий взят. Когда упомянул он о ковчеге Божиим, Илий упал с седалища навзничь у ворот, сломал себе хребет и умер: ибо он был стар и тяжел. ...Невестка его... была беременна уже пред родами. И когда услышала она известие о взятии ковчега Божия... то упала на колени и родила, ибо приступили к ней боли ее»⁴⁷.

И назвали младенца Ихавод, что означает «где слава?»⁴⁸. Выбрали же такое любопытное имя, объясняет Библия, потому, что мать закричала от горя при известии об утрате ковчега. «Она сказала: отошла слава от Израиля, ибо взят ковчег Божий»⁴⁹.

Далее последовали еще более странные и более тревожные события.

«Филистимляне же взяли ковчег Божий и принесли его из Авен-Езера в Азот. И взяли Филистимляне ковчег Божий, и внесли его в храм Дагона, и поставили его подле Дагона. И встали Азотяне рано на другой день, и вот, Дагон лежит лицом своим к земле пред ковчегом Господним. И взяли они Дагона и опять поставили его на свое место. И встали они поутру на следующий день, и вот, Дагон лежит ниц на земле пред ковчегом Господним: голова Дагонова и обе руки его [лежали] отсеченные, каждая особо, на пороге, осталось только туловище Дагона. Посему жрецы Дагоновы и все приходящие в капище Дагона в Азот не ступают на порог Дагонов до сего дня. И отяготела рука Господня над Азотянами, и Он поражал их и наказал их мучительными наростами, в Азоте и в окрестностях его. И увидели это Азотяне и сказали: да не останется ковчег Бога Израилева у нас, ибо тяжка рука Его и для нас и для Дагона, бога нашего. И послали, и собрали к себе всех владетелей Филистимских, и сказали: что нам делать с ковчегом Бога Израилева? И сказали: пусть ковчег Бога Израилева перейдет в Геф. И отправили ковчег Бога Израилева в Геф. После того, как отправили его, была рука Господа на городе — ужас весьма великий, и поразил Господь жителей города от малого до большого, и показались на них наросты. И отослали они ковчег Божий в Аскалон; и когда пришел ковчег Божий в Аскалон, возопили Аскалонитяне, говоря: принесли к нам ковчег Бога Израилева, чтоб умертвить нас и народ наш.

И послали, и собрали всех владетелей Филистимских, и сказали: отошлите ковчег Бога Израилева; пусть он возвратится в свое место, чтобы не умертвил он нас и народа нашего. Ибо смертельный ужас был во всем городе; весьма отяготела рука Божия на них. И те, которые не умерли, поражены были наростами, так что вопль города восходил до небес»⁵⁰.

Пораженные из-за ковчега ужасными недугами, филистимляне в конце концов — через семь месяцев⁵¹ — решили «отпустить его в свое место»⁵². С этой целью они погрузили его на «колесницу новую», запрягли в нее «двух первородивших коров»⁵³ и отправили его к Вефсамису — ближайшей точке на территории Израиля⁵⁴.

Последовало новое несчастье, но на этот раз не филистимляне стали его жертвами.

«Жители Вефсамиса жали тогда пшеницу в долине и, взглянув, увидели ковчег Господень, и обрадовались, что увидели его. Колесница же пришла на поле Иисуса Вефсамитянина и остановилась там; и был тут большой камень, и раскололи колесницу на дрова, а коров принесли во всеожжение Господу... И поразил Он жителей Вефсамиса за то, что они заглядывали в ковчег Господа, и убил из народа пятьдесят тысяч семьдесят человек; и заплакал народ, ибо поразил Господь народ поражением великим»⁵⁵.

Я привожу текст по авторизованной версии Библии короля Якова. Другие, более поздние переводы Библии, согласны с тем, что какие-то люди из Вефсамиса были «поражены» ковчегом, но оценивают число убитых в *семьдесят*, а не в пятьдесят тысяч семьдесят, и это единодушно подтверждают современные ученые⁵⁶.

Итак, семьдесят человек заглянули в ковчег Завета, привезенный на поле Иисуса Вефсамитянина, и в результате погибли⁵⁷. Нигде не говорится точно, *как* они умерли, но не может быть сомнений в том, что они были убиты ковчегом, причем в достаточно драматичной и ужасающей форме, чтобы подвести выживших к выводу: «Кто может стоять пред Господом, сим святым Богом? И к кому Он пойдет от нас?»⁵⁸ В этом месте неожиданно и довольно таинственно появилась группа священников-левитов, «сняли ковчег Гос-

пода»⁵⁹ и унесли его, но не в его бывший дом в Силоме, а в место под названием Кириаф-Иарим, где его поместили «в дом Аминадава»⁶⁰.

И в том доме на холме его хранили под стражей⁶¹ около полувека⁶². Обратного доставили лишь тогда, когда царем Израиля стал Давид. Сильный и непреклонный, он только что овладел городом Иерусалимом и намеревался укрепить свою власть, доставив в новую столицу самую священную реликвию своего народа.

Случилось это, должно быть, между 1000 и 990 годами до н.э.⁶³ Вот как это происходило:

«И поставили ковчег Божий на новую колесницу и вывезли его из дома Аминадава, что на холме. Сыновья же Аминадава, Оза и Ахио, вели новую колесницу. И повезли ее с ковчегом Божиим из дома Аминадава, что на холме; и Ахио шел пред ковчегом... И когда дошли до гумна Нахонова, Оза простер руку свою к ковчегу Божию и взялся за него, ибо волы наклонили его. Но Господь прогневался на Озу, и поразил его Бог там же за дерзновение, и умер он там у ковчега Божия»⁶⁴.

Совершенно естественно, что

«...устрашился Давид в тот день Господа и сказал: как войти ко мне ковчегу Господню? И не захотел Давид везти ковчег Господень к себе, в город Давидов»⁶⁵.

Вместо этого он «обратил его в дом Аведдара Гефянина»⁶⁶. В этом доме ковчег оставался три месяца, ибо еврейский монарх хотел посмотреть, не убьет ли он еще кого-нибудь. Но больше не случилось никаких несчастий. Напротив, «благословил Господь Аведдара и весь дом его»⁶⁷. В Священном Писании не конкретизируется это благословение. Согласно же древним народным преданиям, «Аведдар был осчастливлен многими детьми... Женщины в его доме рожали после двухмесячной беременности и производили на свет по шесть детей за раз»⁶⁸.

Библия дает следующее продолжение этой истории:

«Когда донесли царю Давиду, говоря: «Господь благословил дом Аведдара и все, что было у него, ради ковчега Божия», то

пошел Давид и с торжеством перенес ковчег Божий из дома Аведдара в город Давидов»⁶⁹.

В этом путешествии

«...понесли сыновья левитов ковчег Божий, как заповедал Моисей по слову Господа, на плечах, на шестах»⁷⁰.

Давид возглавлял радостную процессию в Иерусалим «с восклицаниями и трубными звуками»⁷¹, и «все сыны Израилевы играли пред Господом на всяких музыкальных орудиях из кипарисового дерева, и на цитрах, и на псалтирях, и на тимпанах, и на систрах, и на кимвалах»⁷².

Давид намеревался построить в Иерусалиме храм, в который можно было бы поместить ковчег. Но ему не удалось исполнить задуманное, и пришлось довольствоваться простой скинией наподобие той, что использовалась во время скитаний по пустыне⁷³.

Честь (или лестная возможность?) сооружения храма досталась другому человеку. Сам Давид так говорил об этом перед смертью:

«...Было у меня на сердце построить дом покоя для ковчега Завета Господня и подножие ногам Бога нашего, и потребное для строения я приготовил. Но Бог сказал мне: не строй дома имени Моему... Соломон, сын твой, построит дом Мой...»⁷⁴

Это пророчество исполнилось должным образом. Строительство храма под руководством Соломона началось около 966 года до н.э.⁷⁵ и завершилось через десятилетие с небольшим, вероятно, в 955 году до н.э.⁷⁶ Затем, по завершении строительных работ, было подготовлено святилище — место, где, по велению Господа, было совершенно темно, — для бесценного предмета, ради которого и строился храм.

«Тогда созвал Соломон старейшин Израилевых... чтобы перенести ковчег Завета Господня из города Давидова... И пришли все старейшины Израилевы; и подняли священники ковчег, и понесли ковчег Господень... А царь Соломон и с ним все общество Израилево, собравшееся к нему, шли пред ковчегом,

принося жертвы из мелкого и крупного скота, которых невозможно исчислить и определить по множеству их. И внесли священники ковчег Завета Господня на место его, в давир храма, во Святое Святых...»⁷⁷

И там хранилась священная реликвия, обитая «во мгле», пока не исчезла таинственным образом где-то между X и VI веками до н.э.⁷⁸ Как я уже указывал в главе 1, никаких объяснений его исчезновения не существует: ученые считают это одной из величайших нерешенных загадок Библии⁷⁹. Почти такими же загадочными представляются ужасные силы, которыми ковчег обладал в свою лучшую пору и которые описаны в Ветхом Завете как исходящие прямо от Бога.

Бог из машины

Пытаясь постичь суть ковчега, я снова и снова возвращался к озадачивающему вопросу об этих силах. Как их можно объяснить? Мне казалось, что возможны три ответа:

1. Ветхий Завет прав. Ковчег... действительно былместищем Божественной энергии, которая и являлась источником всех совершенных им «чудес».
2. Ветхий Завет неправ. Ковчег был всего лишь декоративным ларцом, а сыны Израилевы — жертвами коллективной галлюцинации, длившейся несколько столетий.
3. Ветхий Завет прав и не прав одновременно. Ковчег обладал-таки подлинным могуществом, но оно не было ни сверхъестественным, ни Божественным, а самым что ни на есть рукотворным.

Я рассмотрел все три варианта и пришел к выводу, что никак не могу согласиться с первым, ибо тогда мне пришлось бы согласиться и с тем, что Яхве был убийцей-психопатом или эдаким злобным духом, живущим в ящике. Не мог я согласиться и со вторым вариантом — главным образом потому, что Ветхий Завет, представляющий собой ком-

пиляцию книг, охватывающих далеко отстоящие друг от друга периоды, примечательно *последователен* в отношении ковчега. Во всем Священном Писании это *единственный* изготовленный людьми предмет, которому неизменно и недвусмысленно приписывается сверхъестественное могущество. Все остальные изделия человека описываются весьма прозаично. В самом деле, даже такие священные вещи, как золотой семисвечник (*менора*), «стол для хлебов предложения» и жертвенник, описывались всего лишь как важные предметы ритуальной обстановки.

Ковчег же был совершенно уникальным: ни одному другому предмету не оказывали такого непревзойденного почтения, и он не имел себе равных по ужасным деяниям, приписываемым ему на протяжении долгого времени, когда он играл столь важную роль в библейской истории. Более того, приписываемое ему могущество едва ли можно счесть художественным вымыслом. Ведь со времени его создания у подножия горы Синай и до его внезапного и необъяснимого исчезновения через несколько столетий он выступал все с одним и тем репертуаром — ограниченным, хоть и эффективным. Так, он время от времени поднимал себя, своих носильщиков и другие предметы вокруг себя; он излучал свет; «между херувимами», украшавшими его крышку, появлялось странное «облако»; он поражал людей болезнями вроде «проказы»⁸⁰ и «наростами»; он то и дело убивал тех, кто случайно до него дотрагивался или открывал его. Примечательно, однако, что он не проявлял ни одного из других чудодейственных свойств, которых можно было бы ожидать, если бы речь шла о массовой галлюцинации либо о привнесении в описание большой доли фантазии. К примеру, он не вызывал дождя, не превращал воду в вино, не воскрешал мертвых, не изгонял бесов и даже не всегда (хотя и часто) приносил победу в битвах, в которые его брали.

Иными словами, на протяжении всей своей истории ковчег вел себя как мощная машина, сконструированная для выполнения определенных, весьма конкретных задач и эффективно функционировавшая только в их рамках, но даже и тогда он — как и всякая машина — давал сбои из-за

конструктивных недостатков, износа и человеческих ошибок.

Поэтому я сформулировал следующую гипотезу, согласующуюся с изложенным выше третьим вариантом: *Ветхий Завет* был и прав, и не прав одновременно. Ковчег обладал подлинным могуществом, но оно не было ни сверхъестественным, ни Божественным, а представляло собой плод *человеческого* мастерства и изобретательности.

Разумеется, это только гипотеза — предположение, которым я мог бы руководствоваться в своих дальнейших исследованиях, — и ей противостояли многие законные сомнения. Самое важное из них: как могли люди изготовить столь мощное орудие более трех тысячелетий назад, когда цивилизация и технология пребывали на самом элементарном уровне?

Этот вопрос, чувствовал я, ведет к самому сердцу тайны. В поисках ответа я понял, что должен принять во внимание прежде всего культурный контекст священной реликвии — контекст почти исключительно египетский. Ведь ковчег был изготовлен в Синайской пустыне через несколько месяцев после того, как Моисей вывел свой народ из египетского плена, который длился более четырех столетий⁸¹. Значит, именно в Египте следовало искать ключи к истинной природе ковчега.

Наследие Тутанхамона

В своей правоте я убедился после того, как посетил Каирский музей. Расположенное в самом центре египетской столицы, у восточного берега Нила, это внушительное здание представляет собой несравненное хранилище предметов времен, фараонов, датируемых вплоть до четвертого тысячелетия до н.э. Один из верхних этажей отведен под постоянную экспозицию предметов, извлеченных из могилы Тутанхамона — юного монарха, правившего Египтом с 1352 по 1343 год до н.э., то есть примерно за столетие до времени Моисея⁸². Я был очарован этими залами и провел не-

сколько часов, обходя стенды и изумляясь красоте, разнообразию и изобилию выставленных реликвий. Меня совсем не удивило, что английский археолог Говард Картер потратил целых шесть лет на то, чтобы извлечь все захороненное в Великой гробнице, которую он обнаружил в Долине царей в 1922 году⁸³. Больше всего же в раскопанных им сокровищах меня заинтересовало то, что среди них оказались дюжины ковчегоподобных ларцов или ящичков (некоторые из них — вместе с шестью для переноски).

Самыми поразительными из всех этих предметов были четыре гробницы, в которые был заключен саркофаг Тутанхамона. Эти усыпальницы, которые я тщательно осмотрел, имели форму больших прямоугольных ларцов. Изначально они были вставлены друг в друга, а сейчас выставлены в отдельных витринах. Поскольку каждая сделана из дерева и обложена «чистым золотом изнутри и снаружи»⁸⁴, напрашивается вывод, что человек, задумавший ковчег Завета, был знаком с подобными вещами.

Этот вывод подтверждается наличием на дверцах и задней стенке каждой усыпальницы двух мифических фигур: страшных, высоких, крылатых женщин, свирепых и властных по виду, напоминающих суровых ангелов мщения. Эти мощные, внушительного вида создания, призванные дать ритуальную защиту драгоценному содержанию гробницы, считались образами богинь Исиды и Нефтиды⁸⁵. Хотя это отождествление не имело для меня особого значения, я не мог не заметить, что крылья этих богинь «расправлены вверх», как у херувимов ковчега, описанных в Библии. И, подобно библейским херувимам, они также расположены лицом друг к другу. Хотя они изображены горельефом на плоских дверцах и не являются отдельными статуэтками, но изготовлены из «золота... чеканной работы», как и библейские херувимы⁸⁶.

Ни один ученый, насколько я знал, так и не установил, как выглядели те херувимы. Все сходится только в том, что они не имели ничего общего с пухленькими ангелочками, которые появились в западном искусстве гораздо позднее и представляли собой в лучшем случае облагороженные и

христианизированные отражения истинно древнего и языческого образа⁸⁷. В Каирском музее я решил, что внушительные крылатые стражи вставленных друг в друга усыпальниц Тутанхамона были самыми непосредственными образцами, какие я только мог надеяться обнаружить, для пары херувимов ковчега, которые и в самом деле были задуманы как неусыпные часовые, а также нередко служили проводниками его огромной и смертельной мощи.

Таботат Апета

Вскоре я понял, что ковчег укоренен в египетской культуре еще глубже. Осознать это мне помогло другое наследие Тутанхамона. Посетив великий храм в Луксоре (Верхний Египет) в апреле 1990 года, проходя через изящную колоннаду, которая тянется на восток от дворца Рамсеса II, я проходил сквозь историю, вырезанную в камне, — богато иллюстрированный отчет о «Празднике Апета», вырезанный здесь в четырнадцатом столетии до н.э. по прямому приказанию Тутанхамона⁸⁸.

Даже по прошествии нескольких тысячелетий, несмотря на эрозию, рельефы на западной и восточной стенах колоннады все еще достаточно различимы, чтобы почерпнуть элементарные сведения о празднике, во времена Тутанхамона отмечавшем пик ежегодного разлива Нила, от которого зависело все египетское сельское хозяйство⁸⁹. Я уже знал, что эти периодические наводнения (сдерживаемые ныне высотной Асуанской плотиной, сооружение которой привело к весьма пагубным экологическим последствиям) были следствием исключительно длительного сезона дождей на Эфиопском нагорье: настоящая водная лавина, составлявшая примерно шесть седьмых общего стока воды в Нильском бассейне, вырывалась из озера Тана и прокатывалась по Голубому Нилу, принося сотни тысяч тонн плодородного ила на поля дельты⁹⁰. Египетские ритуалы в какой-то степени могли оказаться важными для моих исследований: они отражали очевидную связь между жизнью в Древнем

Египте и событиями в далекой Эфиопии. Я не готов был утверждать, что эта связь объясняется чем-то большим, нежели обычными климатическими и географическими совпадениями.

Но, как оказалось, здесь крылось нечто гораздо более важное.

Рассматривая западную стену колоннады с рельефами Тутанхамона, я обратил внимание на нечто, похожее на ковчег на шестах, поднятый группой жрецов на уровень плеч. Подойдя поближе, я тут же убедился, что так оно и есть, но с одной оговоркой: изображенный на рельефе предмет скорее напоминал миниатюрную лодку, нежели ларец, а в целом представлявшая мне сцена казалась точной иллюстрацией того места в первой книге Паралипоменон, где описывается, как «сыновья левитов» понесли «ковчег Божий, как заповедал Моисей по слову Господа, на плечах, на шестах»⁹¹.

Отступив назад, чтобы охватить взглядом всю картину, я обнаружил, что вся западная стена колоннады заполнена образами, весьма похожими на те, что привлекли мое внимание. В массовой и, казалось, радостной процессии я разглядел формы нескольких *ковчегообразных* лодок. Их несли на плечах несколько групп жрецов, перед которыми музыканты играли на систрах и других музыкальных инструментах, крутились акробаты, танцевали и пели люди, возбужденно хлопая в ладоши.

С забившимся от волнения сердцем я присел в тенечке на разбитый цоколь колонны и стал размышлять над охватившим меня ощущением, что я уже где-то это видел. Прошло всего лишь три месяца с той поры, как я присутствовал на Тимкате в эфиопском городе Гондаре 18—19 января 1990 года. Подробности ритуалов, свидетелем которых я стал в те два дня религиозного неистовства, все еще были свежи в памяти. Настолько свежи, что я просто не мог не заметить сходства между ними и процессией, изображенной на полустертых камнях египетского храма. Оба события, сообразил я, отражали своеобразное «поклонение ковчегу», когда группы жрецов носят ковчеги, а за ними следуют охваченные исступлением толпы. И это еще не все:

Тимкат характеризовался дикими плясками и игрой на музыкальных инструментах перед ковчегами. Теперь стало очевидно, что подобное поведение отличало и праздник Апет — вплоть до использования музыкальных инструментов, идентичных во многих случаях тем, что я видел в Гондаре. Разумеется, плоские *таботат*, которые несли на головах эфиопские священники, внешне весьма отличались от ковчегоподобных лодок, которые несли на плечах их давно ушедшие из жизни египетские коллеги. Основываясь на своих предыдущих исследованиях (подробно освещенных в главе б), я знал, что, согласно установленной этимологии, *табот* изначально означал «кораблеподобный сосуд». Древнееврейским словом «тебах» (производным от которого и является эфиопский термин)⁹² в Библии обозначались именно кораблеобразные ковчеги: Ноев ковчег и камышовая корзина, в которой плыл по Нилу младенец Моисей. Неслучайно, понял я, и данное в «Кебра Нагаст» описание ковчега Завета как «чрева корабля»⁹³, содержащего «две скрижали, начертанные пальцем Бога»⁹⁴.

Успокоившись, я встал и вышел из тени на жестокое полуденное солнце. И приступил к изучению полустертых рельефов на западной стене, посвященных празднику Апет и изображавших перенос ковчегов из Карнака в храм Луксора (на расстояние около трех миль), а также на восточной стене, где показано возвращение процессии из Луксора вдоль Нила в Карнак, в «дома покоя» этих ковчегов. Каждая подробность этих сложных и прекрасно исполненных сцен напоминала мне Тимкат в Гондаре, в ходе которого я наблюдал и процессию выноса (перенесения *таботат* из церквей к «крестильному озеру» возле старого замка), и обратный ход (возвращение *таботат* в их родные церкви). Более того, теперь я четко понимал, что и причудливые ритуалы, которые я видел ранним утром 19 января на озере, тоже восходили к ритуалам праздника Апет, на каждом этапе которого также проявлялось особое почитание воды (рельефы, относящиеся к начальной части процессии, свидетельствуют, что ковчеги из храма несли прямо к берегу Нила, где совершалось несколько сложных обрядов).

Научное подтверждение

Вернувшись из Египта в 1990 году, я углубился в исследование всех этих новых данных и узнал, что мои догадки не противоречат мнению специалистов. К примеру, профессор египтологии Ливерпульского университета Кеннет Китчен подтвердил, что усыпальницы из погребения Тутанхамона, которые я видел в Каирском музее, действительно могли послужить прототипом ковчега Завета.

— По меньшей мере, — сказал он с типичным йоркширским акцентом, — они свидетельствуют, что обложенные золотом деревянные ящики были обычными культовыми предметами того периода и что в распоряжении Моисея, следовательно, могли быть умельцы для изготовления ковчега. Технологические приемы, к которым он прибег, и использование подобных устройств для религиозных целей подтверждаются множеством египетских картин и текстов, охватывающих большой временной период⁹⁵.

Нашел я и научное подтверждение связи между праздником Апет и древними иудейскими ритуалами с использованием ковчега Завета. Роясь в куче справочного материала в Британской библиотеке, я наткнулся на книгу, изданную в 1884 году Обществом религиозных трактатов и озаглавленную «Новый свет от древних памятников». Я мог бы пренебречь этой тоненькой и невзрачной брошюрой, если бы не обратил внимания на то, что ее автором был А.Х. Сейс (бывший в то время помощником профессора филологии Оксфордского университета). Вспомнив, что один из крупнейших специалистов по египетской религии Уоллис Бадж высоко чтит Сейса (характеризуя его как «выдающегося ученого»⁹⁶), я раскрыл его брошюру на той странице, где начиналась глава «Исход из Египта», и прочитал, что «закон и ритуалы израильтян» основаны на многих источниках. Среди них — «различные праздники и посты», сопровождавшиеся процессиями, во время которых

«...богов носили в «кораблях», которые, как мы знаем из скульптур, походили по форме на иудейский ковчег и которые люди носили на плечах с помощью шестов»⁹⁷.

Подбодренный подтверждением своих догадок, полученным от известного профессора XIX века, я продолжил листать справочную литературу и убедился в том, что в кораблеподобных ковчегах во время обрядов Апета действительно находились боги или, вернее, небольшие статуэтки различных божеств египетского пантеона⁹⁸. Эти статуэтки были изготовлены из камня и тем самым, казалось мне, не многим отличались по сути от каменных «скрижалей Откровения», предположительно хранившихся в ковчеге Завета и почитавшихся израильтянами за олицетворение их Бога. Один еврейский ученый писал в своем труде, опубликованном в 20-е годы XX века:

«Предание о двух божественных скрижалях в ковчеге наводит на мысль, что изначально в нем хранился священный камень... [который] воспринимался либо как само божество, либо как предмет, в котором это божество пребывало постоянно»⁹⁹.

И это не было единственным связующим звеном между ковчегом Завета и кораблеподобными ковчегами, выносившимися во время обрядов Апета. Такие ритуалы, следует помнить, проводились в Верхнем Египте, в городе, ныне известном как Луксор (сравнительно недавнее название, производное от арабского *L'Ouqsor*, что означает «дворцы»). Гораздо раньше, в период, когда Египет испытывал сильное влияние Греции (начиная примерно с V века до н.э.), весь этот район, включая близлежащий храм в Карнаке, был известен под названием «Тебай». Современные европейцы позже исказили это название до более знакомого нам «Фивы»¹⁰⁰. При этом была затемнена интригующая этимология: слово «Тебай» в действительности произведено от «Тапет» — под этим названием храмовый комплекс Луксор-Карнак был известен в эпоху Тутанхамона и Моисея¹⁰¹. «Тапет» же — всего лишь женская форма слова «Апет». Иначе говоря, Луксор и Карнак изначально именовались по названию большого праздника, которым они славились¹⁰² и центральной частью которого были процессии с перенесением ковчегов из одного храма в другой и обратно. Меня, естественно, заинтриговало фонетическое сходство слов

«тапет» и «табот», которое представлялось еще менее случайным после того, как я узнал из одного научного источника, что форма ковчегов Тапета изменилась с течением веков и они постепенно утратили сходство с кораблями и стали «все больше и больше походить на ларец»¹⁰³.

Как отмечалось выше, я давно уже установил, что эфиопское слово «табот» — производное от еврейского «тебах», означавшего «кораблеподобный сосуд». Теперь я начал задаваться вопросом, не было ли слово «тебах» изначально производным от древнеегипетского «тапет» и не объяснялась ли эта этимология тем, что ритуалы с ковчегом Завета были смоделированы по образцу праздника Апета¹⁰⁴.

Подобные совпадения и связующие звенья ни в коей мере не могут служить убедительным доказательством, но все же усилили мою убежденность в том, что ковчег Завета можно понять должным образом только в контексте его египетского происхождения. Среди прочего, как указывал профессор Китчен, это происхождение свидетельствует, что Моисей должен был быть знаком с технологией и навыками, необходимыми для выполнения повеления Бога построить «ковчег из дерева ситтим» и «обложить его чистым золотом изнутри и снаружи».

В то же время священная реликвия была не просто деревянным ящиком, обложенным золотом, а чем-то неизмеримо большим. Поэтому я задался вопросом: а не следует ли искать в Египте и объяснение ее пагубной и разрушительной мощи?

В поисках такого объяснения я несколько раз посетил эту страну и расспрашивал теологов, специалистов по Библии и археологов. Я копался в редких книгах, религиозных текстах, фольклоре, мифах и легендах в попытках разглядеть следы фактов среди порождений буйной фантазии.

В ходе исследования все больший и больший интерес у меня вызывала личность Моисея — еврейского пророка и законодателя, бросившего вызов фараону, поведшего сынов Израилевых в Землю обетованную и приказавшего изготовить ковчег Завета, после того как он якобы получил его «чертежи» от самого Господа. Чем больше я приглядывался к этой выдающейся, поистине героической личности, тем

больше убеждался в том, что в его жизнеописании можно найти сведения, чрезвычайно важные для понимания тайн ковчега.

«Волшебник наивысшего ранга...»

Вполне вероятно, что в каком-то сокровенном уголке своей души каждый христианин, мусульманин и иудей хранит призрачный образ пророка Моисея. Я определенно не был исключением из правила, когда всерьез задумался над этим персонажем и его ролью в тайне ковчега. Проблема для меня заключалась в том, чтобы облечь в плоть тот карикатурный образ, который сформировался у меня в воскресной школе, и — в процессе — попытаться поглубже понять человека, которого ученые единодушно называли «выдающейся личностью, сыгравшей важнейшую роль в возникновении и формулировании иудейской религии»¹⁰⁵.

В выполнении этой задачи мне очень помогли исчерпывающие и авторитетные исторические труды Иосифа Флавия — фарисея, жившего в I веке н.э. в оккупированном римлянами Иерусалиме. В своих «Иудейских древностях», составленных на основе преданий и недоступного ныне справочного материала, этот усердный ученый собрал хронике событий четырехсотлетнего Египетского пленения евреев, продлившегося примерно с 1650 по 1250 годы до н.э. — до приблизительной даты Исхода¹⁰⁶. Ключевым событием этого периода было рождение Моисея, предсказанное «одним из египетских ученых» (которые, как утверждает Иосиф, «особенно выдаются своими предсказаниями будущего»). Тот сообщил фараону, что среди израильтян появится

«...мальчик, который, если вырастет, то сокрушит могущество египтян и сделает евреев властным народом; при этом он превзойдет своей добродетелью всех людей и приобретет вечную славу. Испугавшись этого, фараон по совету того предсказателя повелел всех родившихся тогда еврейских детей мужского пола бросить в реку и загубить»¹⁰⁷.

Услышав о таком указе, некий Амрам (будущий отец Моисея) попал в «безвыходное положение», так как «жена его была беременна». Но во сне ему явился Бог, успокоивший его известием:

«...ребенок, из-за которого египтяне решили убивать всех рождающихся израильских мальчиков, будет именно твоим сыном. Он останется скрытым от лиц, подстерегающих его с целью загубить его, необычайным образом будет воспитан и освободит народ еврейский от египетского ига. Этим он на вечные времена оставит по себе славную память не только среди евреев, но и у иноплеменников»¹⁰⁸.

Эти два абзаца оказались весьма полезными, ибо они существенно расширили библейское описание рождения Моисея в первых главах Книги Исход. Для себя я отметил, что великого законодателя иудеев помнят-таки даже «иноплеменники». Больше же всего меня заинтересовало особо подчеркнутое пророчество «ученого», который при его-то умении предсказывать будущее мог быть только астрологом при дворе фараона. Иосиф как бы намекает тем самым, что с самого начала в Моисее было нечто магическое. В соответствии с освященной веками традицией, когда вор кричит: «Держи вора!», здесь один маг предсказывает появление другого мага.

Последовавшие за рождением младенца события слишком хорошо известны, чтобы заниматься их пространственным перечислением: родители положили Моисея в корзину из папируса, обмазанную битумом, и отправили в плавание по Нилу; ниже по течению в реке купалась дочь фараона, она увидела плывущую колыбель, услышала крики и послала служанку спасти плачущего младенца.

Впоследствии Моисей был воспитан в царском доме, где, согласно Библии, был научен «всей мудрости Египетской»¹⁰⁹. Иосиф мало что добавил к этому, но еврейский философ Филон, живший приблизительно в одно время с Христом, дал довольно подробное описание того, чему именно был обучен Моисей: «Ученые египтяне преподавали ему арифметику, геометрию, размер, ритм и гармонию. Они же научили его философии, выраженной символами в

так называемых священных писаниях». «Обитателям соседних стран» между тем было поручено учить его «ассирийской литературе и халдейской науке о небесных телах. Последней он также учился у египтян, которые уделяли особое внимание астрологии»¹¹⁰.

Воспитанный в царской семье как приемный сын, Моисей даже довольно долго рассматривался как наследник трона¹¹¹. Смысл его особого статуса, как я узнал, заключался в том, что в молодости Моисей был посвящен в самые сокровенные тайны жрецов и секреты египетской магии¹¹², курс которой должен был включать не только знание звезд, как сказано Филоном, но и колдовство, прорицание и другие аспекты оккультизма¹¹³.

Косвенное подтверждение тому мы находим в Библии, где о Моисее говорится, что он «был силен в словах и делах»¹¹⁴. По убедительному и заслуживающему доверия мнению великого исследователя и лингвиста сэра Уоллиса Баджа, эта фраза (вероятно, не случайно использованная и для характеристики Иисуса Христа¹¹⁵), — содержит завуалированное сравнение с египетской богиней Исидой, «сильной языком». Хоть Моисей и признавал самокритично, что не обладает ораторским красноречием¹¹⁶, он был способен делать властные заявления, «которые он правильно произносил, не спотыкался в речи и превосходно отдавал команды и приказывал»¹¹⁷. Опять же подобно Исиде, известной своим искусством во всякого рода колдовстве, Моисей был обучен использовать мощные чары. Поэтому окружающие, должно быть, относились к нему с огромным уважением: они, несомненно, верили в его способность подчинять реальность и попиравать физические законы, изменяя нормальный порядок вещей.

Я сумел найти множество свидетельств в Ветхом Завете, подкрепляющих мнение, что Моисея воспринимали именно так. Присутствует, однако, одна важная оговорка: его магия везде описывается как совершаемая исключительно по повелению Бога евреев Яхве.

Согласно Книге Исход, первая встреча Моисея с Яхве состоялась в пустыне (куда он бежал после того, как убил египетского надсмотрщика, издававшегося над еврейскими по-

денщиками). Судя по географическим подсказкам, эта пустыня должна была находиться в южной части Синайского полуострова, скорее всего там, откуда можно было видеть пик горы Синай¹¹⁸ (где позже Моисей получит десять заповедей и «чертежи» ковчега). Во всяком случае, в Библии говорится о «горе Бога», у подножия которой оказывается Моисей, когда Господь явился ему «в пламени огня из тернового куста. И увидел он, что терновый куст горит огнем, но куст не сгорает»¹¹⁹. Бог повелевает Моисею вернуться в Египет, чтобы вывести его народ из Египетского рабства¹²⁰. Прежде чем согласиться, пророк спрашивает обратившееся к нему странное и мощное существо, *как Его зовут*¹²¹.

Этот дерзкий вопрос сам по себе подтверждает, что Моисей был волшебником, ибо, как указывал великий антрополог сэра Джеймс Фрэйзер в своем основополагающем труде «Золотая ветвь»,

«...всякий египетский маг [полагал]... что человек, узнавший настоящее имя бога или человека, владеет их подлинной сущностью и может принудить к повиновению даже бога, как хозяин своего раба. Магическое искусство и состояло в том, чтобы с помощью откровения выведать у богов их священные имена. И для достижения этой цели колдун не останавливался ни перед чем»¹²².

Господь не дал прямого ответа на вопрос пророка. Он ответил кратко и загадочно: «Я есмь Сущий», и в качестве пояснения добавил: «Бог отцов-ваших, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова»¹²³.

Фраза «Я есмь Сущий» представляет собой, как я выяснил, исходное значение имени «Яхве», используемого в Ветхом Завете и переименованного в авторизованной версии короля Якова в «Иегову». На самом деле это было не имя, а, скорее, некая уклончивая формула, основанная на еврейском глаголе «быть» и записанная четырьмя согласными «YHWH». Известное теологам под названием «тетраграмматон», это имя не означало ничего иного, кроме активного *существования Бога*, и тем самым продолжало скрывать Божественную личность от современных ученых так же эффективно, как скрыло ее когда-то от Моисея. Эти четыре бу-

квы настолько таинственны, что даже сегодня никто не знает точно, как их следует произносить; впрочем, стала общепринятой передача тетраграмматона как «Яхве» — с добавлением гласных «а» и «е»¹²⁴.

С библейской точки зрения, значение всего этого состояло в том, что божество знало и произносило имя Моисея, Моисей же добился от Него лишь ритуального заклинания: «Я есмь Сущий». Впредь пророк обязан был отвечать Богу и выполнять его приказания; точно так же все его волшебство стало производным от власти Бога, и только от нее.

Вполне понятно желание более поздних редакторов Священного Писания представлять отношения между всемогущим Богом и человеком, не застрахованным от ошибок, именно таким образом. Однако они не смогли уничтожить доказательства того, что этот человек действительно был магом, и не смогли скрыть самые убедительные проявления его волшебства — те бедствия и наказания, которые Моисей вскоре найдет на египтян, дабы заставить фараона отпустить сынов Израилевых из плена.

В осуществлении этих жутких чудес Моисею помогал его брат Аарон, часто выступавший его посредником и глашатаем. И Моисей, и Аарон были вооружены жезлами — в сущности, «волшебными палочками», которые они и использовали для колдовства. Порой палочка Моисея называется «жезлом Божиим»¹²⁵ и впервые упоминается, когда пророк жалуется Яхве на то, что ни фараон, ни сыны Израилевы не поверят в его Божественную миссию, если он не сможет представить никакого доказательства. «Что это в руке у тебя?» — спросил Бог, и Моисей ответил: «Жезл»¹²⁶. Тогда Бог повелел ему: «Брось его на землю... чтобы поверили, что явился тебе Господь...»

«Он бросил его на землю, и жезл превратился в змея, и Моисей побежал от него. И сказал Господь Моисею: прости руку твою и возьми его за хвост. Он простер руку свою, и взял его; и он стал жезлом в руке его»¹²⁷.

И снова Священное Писание подчеркивает главенство Бога, что и понятно. И еще раз не проходит незамеченной

связь с египетским оккультизмом. Превращение неодушевленного жезла в змею и обратно было обычным трюком фокусников в этой стране; к тому же, египетские жрецы с незапамятных времен притязали на умение управлять ядовитыми змеями. И, наконец, все египетские маги — в том числе мудрец Аба-анер и царь-чародей Нектанеб — обладали волшебными палочками из черного дерева¹²⁸.

С этой точки зрения я не нашел ничего удивительного в описании первого состязания между Моисеем и Аароном, с одной стороны, и жрецами при дворе фараона — с другой. Дабы произвести впечатление на египетского тирана, Аарон бросил на землю свой жезл, который, конечно же, превратился в змею. Не утратив присутствия духа, фараон призвал собственных мудрецов и чародеев, «и эти волхвы Египетские сделали то же своими чарами: каждый из них бросил свой жезл, и они сделались змеями». Но затем наделенный превосходящей мощью Яхве «жезл Ааронов поглотил их жезлы»¹²⁹.

Во время следующей встречи с фараоном Моисей и Аарон превратили воды Нила в кровь. Но даже такое замечательное волшебство не произвело впечатления на фараона, ибо «волхвы Египетские чарами своими сделали то же самое»¹³⁰.

Последовавшее затем нашествие жаб также было повторено волхвами фараона¹³¹. А вот нашествие мошек было им уже не под силу повторить: «Старались также и волхвы чарами своими произвести мошек, но не могли. И были мошки на людях и на скоте. И сказали волхвы фараону: это перст Божий»¹³².

И все же жестокосердный царь отказывался отпустить евреев. За это он был наказан нашествием песьих мух¹³³, а вскоре моровая язва погубила весь египетский скот¹³⁴. Дальше Моисей наслал (подбросив горсть пепла в воздух) «воспаление с нарывами по, всей земле Египетской»¹³⁵, а затем при помощи жезла обрушил на Египет гром и град, саранчу и «осоязаемую тьму»¹³⁶. И в заключение еврейский пророк истребил «всех первенцев в земле Египетской, от первенца фараона... до первенца узника, находившегося в темнице, и всего первородного из скота»¹³⁷. В Ветхом Завете

те сказано, что после этого «понуждали Египтяне народ, чтобы скорее выслать его из земли той; ибо говорили они: все мы помрем»¹³⁸.

И так начался Исход, а с ним и длительный, полный опасностей и волшебства период, во время которого у подножия горы Синай был изготовлен ковчег Завета. Но прежде чем попасть на Синайский полуостров, пришлось перейти через Красное море. Здесь Моисей вновь устроил эффектную демонстрацию своего оккультного мастерства:

«И простер Моисей руку свою на море, и гнал Господь море сильным восточным ветром всю ночь и сделал море сушею, и расступились воды. И пошли сыны Израилевы среди моря по суше: воды же были им стеною по правую и по левую сторону»¹³⁹.

Как припомнит любой, кто посещал воскресную школу, египетское войско, преследовавшее израильтян, вошло «за ними в средину моря, все кони фараона, колесницы его и всадники его»¹⁴⁰. И тогда

«...простер Моисей руку свою на море... И вода возвратилась и покрыла колесницы и всадников всего войска фараонова, вошедших за ними в море; не осталось ни одного из них. А сыны Израилевы прошли по суше среди моря: воды им стеною по правую и по левую сторону»¹⁴¹.

И снова, вполне предсказуемо, Библия подчеркивает власть Бога: Моисей дважды простирал руку свою, но именно Господь заставил воды «расступиться» и «возвратиться». Однако принять подобную «односторонность» Священного Писания оказалось непросто, после того как я узнал, что и египетские жрецы и чародеи славились умением повелевать водами морей и озер. Например, один из древних документов, привлечших мое внимание — Весткарский папирус, — рассказывает о деяниях *хер-хеба*, или верховного жреца, по имени Чача-эм-анх, состоявшего при дворе фараона Сенеферу. Однажды фараон плавал на лодке в приятной компании «двадцати юных дев с прекрасными волосами, восхитительными формами и стройными ногами». Одна дева уро-

нила в озеро любимое украшение и страшно огорчилась. Фараон призвал Чача-эм-анха, который

«произнес некие слова силы (*хека*), отчего одна часть воды озера поднялась и переместилась на другую часть, нашел украшение и вручил его девице. Озеро имело глубину в двенадцать локтей. Когда же Чача-эм-анх поднял одну половину воды на другую, глубина двух половин достигла двадцати четырех локтей. Чародей произнес еще какие-то магические слова, и вода озера стала такой, какой была до того, как он заставил одну ее половину подняться на другую»¹⁴².

Хотя здесь речь идет о пустячке, историк из Весткарского папируса содержит многие элементы, поразительно схожие с описанием того, как расступились воды Красного моря. С моей точки зрения, это не оставляет места сомнениям в том, что виртуозное исполнение Моисеем величайшего чуда подтверждает его причастность к древнему и подлинно египетскому оккультизму. Сэр Уоллис Бадж, с которым я познакомился благодаря его переводу «Кебра Нагаст» и который служил хранителем египетских и ассирийских древностей в Британском музее, писал по этому поводу:

«Моисей умело исполнял магические ритуалы и глубоко знал соответствующие магические формулы, заклинания и заговоры всякого рода... [Более того] совершавшиеся им чудеса... указывают, что он был не только священником, но и волшебником наивысшего ранга, и даже, возможно, хер-хебом»¹⁴³.

Тайная наука?

Как *хер-хеб* (верховный жрец) египетского храма Моисей, несомненно, имел доступ к солидному своду эзотерических знаний и магическо-религиозной «науки», которую сословие жрецов хранило в тайне от мирян. Я уже знал, что современные египтологи признают существование подобного свода знаний¹⁴⁴. Однако они плохо представляют себе, в чем они заключались: смутные намеки на эти знания имелись в надписях, обнаруженных в захоронениях старших храмовых жрецов, но почти ничего существенного в пись-

менной форме до наших дней не дошло. Многое, вероятно, передавалось исключительно в устной форме и только посвященным¹⁴⁵. По мнению ученых, основной корпус этих знаний был уничтожен — либо предумышленно, либо случайно. Кто может знать, какие сокровища мысли были утрачены, когда огонь пожрал великую Александрийскую библиотеку, в которой ко II веку до н.э., как полагали, хранилось более 200 тысяч свитков?¹⁴⁶

В одном вопросе нет сомнений: как писал Геродот в V веке до н.э., «в Египте больше чудес, чем в любой другой стране мира, и больше, чем где бы то ни было, не поддающихся описанию сооружений». Среди прочих достижений этот много путешествовавший греческий историк приписывал египтянам установление продолжительности года и деление его на двенадцать частей по сезонам. Геродот утверждал также, что смог проникнуть в некоторые тайны египетского духовенства, и довольно загадочно добавлял, что не может и не станет открывать, что он узнал¹⁴⁷.

Геродот не был ни первым, ни последним посетителем Египта, вынесшим впечатление, что там хранятся некие тайны, за которыми может скрываться нечто большее, нежели чисто религиозные суеверия. В самом деле, представление о том, что эта древняя культура изначально достигла своего величия благодаря использованию некоего передового, но ныне утраченного научного знания, является одним из наиболее устойчивых в истории человечества: оно оказалось одинаково привлекательным и для неистовых критиканов, и для трезвых ученых и стало предметом огромного множества споров, домыслов и серьезных исследований.

Далее, это представление прямо соотносилось с моими поисками, ибо указывало на интригующую возможность: не мог ли Моисей, как волшебник, овладевший египетской «божественной наукой», иметь в своем распоряжении гораздо больше знаний и технологий, чем до сих пор признавали археологи? Не применил ли он эти знания и технологии при изготовлении ковчега Завета?

Подобная гипотеза заслуживала дальнейшего рассмотрения. Однако я быстро обнаружил: то, что известно о тех-

нологических достижениях древних египтян, ставит не меньше вопросов, чем дает ответов.

Не вызывало сомнений, например, что древние египтяне были умелыми работниками по металлу: их изысканные золотые изделия, в частности, свидетельствовали о высокой, почти непревзойденной степени мастерства. Замечено также, что древнейшие бронзовые орудия труда египтян обладали удивительной твердостью: ими можно было резать сланец и даже известняк. Ни один современный кузнец, насколько мне известно, не может добиться такого результата с бронзой. Однако считается вероятным, что «утраченное мастерство» заключалось не столько в изготовлении орудий, сколько в умении каменщиков ими пользоваться¹⁴⁸.

Изучение сохранившихся иероглифов и папирусов убедило меня в том, что древние египтяне были по меньшей мере неплохими математиками. Они использовали дроби и развили особую форму измерения бесконечно малых величин, позволявшего рассчитывать объемы сложных предметов¹⁴⁹. Также представляется весьма вероятным, что более чем за два тысячелетия до греков они уже знали, как использовать трансцендентное число «пи» для вычисления окружности любого круга по его диаметру¹⁵⁰.

Еще в очень древние времена египтяне достигли больших успехов в астрономии. По мнению американского историка науки Ливио Стеккини, использовавшиеся уже в 220 году до н.э. астрономические приборы позволили египетским жрецам рассчитать длину градуса широты и долготы с погрешностью в несколько сотен футов — достижение, к которому другие цивилизации пришли лишь четыре тысячи лет спустя¹⁵¹.

Египтяне были и превосходными медиками: они умели делать сложные хирургические операции¹⁵² и до тонкостей разбирались в нервной системе человека, а их фармакопея включала первое зарегистрированное применение ряда хорошо известных лекарств¹⁵³.

Нашел я и многие другие свидетельства, подтверждающие относительно передовое состояние египетской науки во времена, когда европейские народы все еще пребывали в варварстве. На мой взгляд, однако, ни одно из этих свиде-

ний не предполагало существования какой-либо науки, которую сегодня мы могли бы назвать поистине поразительной, либо какого-либо технического достижения, достаточно изощренного, чтобы объяснить ту мощную энергию, которой мог обладать ковчег Завета. Тем не менее вера в то, что египтяне обладали некой «великой и тайной мудростью», была широко распространена и почти неоспорима.

Я знал, что подобная горячая убежденность часто происходила скорее из подсознательного желания прославить прошлое человечества, нежели из рационального рассмотрения эмпирических фактов. По крайней мере, такое мнение, несомненно, преобладало в археологическом сообществе, в большинстве своем считавшем эту теорию «великой и тайной мудрости» галиматьей и утверждавшем, что за столетие с лишним кропотливых раскопок в Египте не было найдено ничего экстраординарного. Я сам по характеру скептик и прагматик. Тем не менее должен признать, что вещественные доказательства, обнаруженные в ходе ряда исследовательских экспедиций в эту прекрасную и древнюю страну, убедили меня в том, что академики не располагают всеми ответами, что многое еще предстоит объяснить и что целый ряд аспектов египетской истории еще, к сожалению, недостаточно изучен — просто потому, что они оказались вне поля зрения обычной археологии и, вероятно, всех остальных форм научного исследования.

Три места произвели на меня особенно сильное впечатление: храмовый комплекс в Карнаке, «ступенчатая» пирамида Джосера в Саккаре и Великая пирамида в Гизе в пригороде Каира. Мне казалось, что особая смесь грубой силы, изящества, внушительного величия, таинственности и бессмертия этих сооружений проистекала из тонкого и весьма развитого понимания гармонии и пропорции — понимания, которое вполне резонно приравнять к науке. Эта наука, сочетающая технику, архитектуру и дизайн, удивительна по любым меркам. В своей способности пробуждать религиозное благоговение она осталась непревзойденной, и в Европе с ней можно сравнить только великие готические соборы Средневековья (наподобие уже знакомого нам собора в Шартре).

Случайность ли это? Оказывали ли египетские монументы и готические соборы схожее по сути воздействие на чувства по чистой случайности или между ними существует связь?

Я давно подозревал, что такая связь существует и что рыцари ордена тамплиеров благодаря своим открытиям во время Крестовых походов стали одним из звеньев в цепи передачи секретных архитектурных знаний¹⁵⁴. В Карнаке, медленно вступая под исполинскими пилонами в Большой двор и проходя через лес гигантских колонн Гипостильного зала, я не мог не вспомнить святого Бернара Клервоского — покровителя тамплиеров, давшего такое удивительное для христианина определение Бога: «Длина, ширина, высота и глубина»¹⁵⁵. Не забывал я и о том, что сами тамплиеры были великими строителями и архитекторами и что монашеский орден цистерцианцев, к которому принадлежал и святой Бернар, также отличался в этой области деятельности¹⁵⁶.

Но еще за многие столетия до них древние египтяне стали первыми мастерами строительной науки — первыми и до сих пор величайшими архитекторами и каменщиками, которых когда-либо знал мир. Оставленные ими памятники не поддаются описанию и бросают вызов самому времени. Типичными в этом смысле являются два высоких обелиска, господствующие в комплексе Карнака и привлечшие мое особое внимание во время посещений города. Как я узнал, первый был воздвигнут фараоном Тутмосом I (1504—1492 гг. до н.э.), а второй — царицей Хатшепсут (1473—1458 гг. до н.э.)¹⁵⁷. Оба представляют собой монолиты, высеченные из твердого розового гранита. Первый — высотой в 21 метр и весом примерно в 143 тонны; второй — высотой в 30 метров и весом приблизительно в 320 тонн¹⁵⁸. В нескольких минутах пешего хода к югу, над священным озером, использовавшимся жрецами храма для сложных обрядов очищения, лежит третий — поверженный и разбитый — обелиск, верхние 9 метров которого, заканчивающиеся заостренной пирамидальной верхушкой, остались неповрежденными. Однажды, следуя совету имевшегося у меня путеводителя¹⁵⁹, я переступил ограждавшую его ве-

ревку и приложил ухо к углу пирамидальной вершины, затем сильно ударил раскрытой ладонью по граниту и был поражен, услышав, как весь монолит завибрировал от низкого, басового звука, словно некий странный и удивительный музыкальный инструмент.

Мне кажется, что этот феномен никак нельзя назвать случайным. Напротив, неординарное мастерство, необходимое для изготовления подобных монолитов (при том что столь же великолепного *визуального* эффекта можно было бы достичь, просто поставив несколько каменных блоков друг на друга и скрепив их цементом), имело смысл лишь при условии, что древние египтяне хотели придать цельной каменной глыбе особые свойства.

Во всяком случае, за сооружением этих изящных и безукоризненных стел должно было стоять нечто большее, чем чисто эстетические соображения. Я узнал, что они не были вытесаны на месте, а доставлены по реке из гранитных карьеров более чем в 200 километрах к югу.

Нил был широким и глубоким, поэтому можно предположить, что обелиски с легкостью спустили по течению на баржах. Гораздо труднее понять, каким образом древние египтяне грузили эти массивные каменные иглы на баржи и затем выгружали в месте назначения. Один монолит остался на месте, в карьере, лишь частично отделенный от скального основания, поскольку он треснул еще в процессе вытесывания. Если бы не это, получился бы обелиск высотой в 42 метра и около 4 метров толщиной у основания. Очевидно, что, начав высекать его, мастера были уверены в том, что этот колоссальный предмет — весом в 1168 тонн¹⁶⁰ — будет перевезен и где-то установлен. И все-таки трудно даже представить себе, каким образом это могли бы сделать люди, которые (если верить археологам) не пользовались даже простейшими лебедками и воротами¹⁶¹. В самом деле, перемещение столь огромного изделия из одного камня на несколько сот футов — не говоря уже о нескольких сотнях километров! — исчерпало бы лимит гениальности современной бригады строительных инженеров, использующих самые изощренные и мощные машины.

Не менее поразительно и то, как эти монолиты, будучи доставленными в Карнак, были подняты на свои пьедесталы с такой безукоризненной точностью. В одном из храмов рельеф изображает, как фараон поднимает обелиск без чьей-либо помощи, используя лишь одну веревку¹⁶². Обычное дело для правителя — позировать за совершением героических дел, и, быть может, здесь речь идет лишь о символическом представлении реального процесса, в котором сотни рабочих умело тянули за многочисленные веревки. Но я все же не мог отделаться от подозрения, что тут скрыто нечто большее. По мнению опытного египтолога Джона Энтони Веста, фараонов и жрецов заботил «принцип *Maat*», что часто переводится как «равновесие». Вполне возможно, предположил Джон, что этот принцип был перенесен в практические сферы и «что египтяне понимали и использовали неизвестные нам методы механического уравновешивания». Подобные методы позволяли им «легко и точно управляться с этими огромными камнями. ...То, что нам представляется магией, для них было методом»¹⁶³.

Даже эти обелиски — и те казались произведениями почти сверхчеловеческого мастерства, а уж пирамиды превосходят их во всех отношениях. Основатель современной египтологии Жан Франсуа Шампольон однажды заметил: «Египтяне древности мыслили как люди ста футов ростом. Мы же, европейцы, — просто лилипуты»¹⁶⁴.

Когда я впервые вошел в Великую пирамиду Гизы, я и впрямь почувствовал себя лилипутом — приниженным и слегка напуганным не одной только массой и размерами этой горы из камня, но и почти физическим ощущением накопленной тяжести веков.

В предшествовавшие визиты я осматривал пирамиду только снаружи, не желая смешиваться с толпами туристов, вливавшимися внутрь. Однако 27 апреля 1990 года рано утром я сумел с помощью скромной взятки проникнуть в великое сооружение в полном одиночестве. В слабом свете маломощных лампочек, согнувшись почти пополам, чтобы не удариться головой о нависающие камни, я взобрался по восходящему коридору длиной в 36 метров, прошел затем по более просторной 48-метровой Большой галерее и во-

шел в прямоугольное помещение так называемого Царского покоя со сторонами приблизительно 10,5х5 метров и высотой около 6 метров. Потолок этой комнаты в самом центре пирамиды состоит из девяти монолитных гранитных блоков, каждый из которых весит приблизительно 50 тонн¹⁶⁵.

Не помню, как долго я находился в Царском покое. Воздух был кислым и теплым, как дыхание какого-то гигантского зверя. Окружавшая меня тишина казалась абсолютной, всеохватной и плотной. В какой-то момент, не сознавая, что делаю, я шагнул в самую середину комнаты и издал низкий звук, похожий на «пение» поверженного обелиска в Карнаке. Стены и потолок как бы собрали и усилили этот звук, а затем вернули его мне: я ощутил ответную вибрацию ногами и всей кожей. Меня словно наэлектризовало; я ощутил волнение и одновременно спокойствие, как будто оказался на пороге страшного, но абсолютно неизбежного открытия.

Это посещение Великой пирамиды настолько меня потрясло, что я посвятил несколько недель изучению ее истории. Так, я узнал, что она была построена около 2550 года до н.э. для Хуфу (или Хеопса) — второго фараона Четвертой династии и является самым крупным отдельно стоящим сооружением, воздвигнутым человеком¹⁶⁶. Археологи сходятся во мнении, что пирамида была построена исключительно в качестве усыпальницы. Это предположение показалось мне совершенно непонятным: в ней не было найдено мумии какого-либо фараона, а лишь бедный и лишенный украшений саркофаг в Царском покое (саркофаг, кстати сказать, оказался без крышки и совершенно пустым, когда его впервые извлек халиф Аль-Мамун — арабский правитель Египта, который с бригадой землекопов вскрыл пирамиду в XIX веке н.э.¹⁶⁷).

Дальнейшее исследование показало, что истинное значение Великой пирамиды является предметом жарких споров. С одной стороны, самые консервативные и прозаичные теории настаивают, что она — всего лишь мавзолей. С другой стороны, апокалипсическое племя пирамидологов

находит всякого рода пророчества и знаки практически в каждом измерении этого огромного сооружения.

Лучше всего, пожалуй, помешательство этих последних подытожил один американский критик, показавший, что цифры можно подогнать так, чтобы доказать что угодно: «Если использовать подходящую единицу измерения, то определенно можно найти точный эквивалент расстояния до Тимбукту в числе уличных фонарей на Бонд-стрит, в удельном весе грязи или в среднем весе взрослой золотой рыбки»¹⁶⁸.

И это правда. Тем не менее определенные удивительные факты, к которым настойчиво привлекают внимание пирамидологи, представляются не совсем случайными. Например, факт, что пересекающиеся на Великой пирамиде линии широты и долготы (30 градусов северной широты и 31 градус восточной долготы) проходят наибольшее расстояние по суше, чем все прочие меридианы и параллели. Таким образом пирамида оказывается в самом центре обитаемого мира¹⁶⁹. Также является фактом то, что, если построить обращенный к северу квадрант (четверть круга) с осью в пирамиде, он полностью накроет дельту Нила¹⁷⁰. И, наконец, является фактом то, что все пирамиды Гизы ориентированы в точности по сторонам света: их углы указывают на север, юг, восток и запад¹⁷¹. Чрезвычайно трудно, на мой взгляд, объяснить, каким образом подобная топографическая точность могла быть достигнута задолго до предполагаемой даты изобретения компаса.

Но больше всего Великая пирамида заинтриговала меня своими масштабами. Центральная каменная кладка сооружения занимает площадь в 13,1 акра и состоит не менее чем из 2,3 миллиона блоков известняка, каждый весом в 2,5 тонны¹⁷². В соответствии с информацией, полученной Геродотом от одного египетского жреца, пирамиду возводила на протяжении 20 лет целая армия из 100 тысяч рабочих (трудившихся только в трехмесячный сезон, свободный от сельскохозяйственных работ), а строительная техника состояла из «коротких деревянных ваг», использовавшихся для поднятия массивных блоков¹⁷³. С тех пор ни один исследователь не смог разгадать, какими именно были эти

«ваги» и как они применялись. Приняв во внимание все то время, что потребовалось для расчистки площадки, добычи камня, его подъема и других видов работ, инженер-строитель П. Гард-Хансон из Датского инженерного института подсчитал, что если работы действительно велись на протяжении 20 лет, то каждый день должно было укладываться 4 тысячи блоков, т.е. в среднем 6,67 блока в минуту. «Вообще говоря, — заключает инженер, — я считаю, что для организации армий, необходимых для осуществления всех предполагаемых работ, потребовался бы объединенный гений Кира, Александра Великого и Юлия Цезаря, да и Наполеона с Веллингтоном в придачу»¹⁷⁴.

Затем я узнал, что бригада японских инженеров недавно попыталась соорудить копию Великой пирамиды в 10,6 метра высотой (гораздо меньше оригинала, имеющего 146,8 метра в высоту). Для начала бригада строго ограничилась техникой, использовавшейся, по данным археологии, во времена Четвертой династии. Однако построить копию в таких условиях оказались невозможно, и в конце концов на строительной площадке появились землеройные, камнерезные и подъемные машины. Но все равно дело не пошло, и японцам пришлось забросить свой проект¹⁷⁵.

В общем, Великая пирамида со всеми ее многочисленными загадками и тайнами убедила меня в том, что древние египтяне были далеко не просто «искусными в технике дикарями» (как их часто описывали), но обладали особыми научными познаниями. Если так, тогда вполне возможно, что великая мощь ковчега Завета являлась плодом этой науки, знатоком которой несомненно был и Моисей.

СОКРОВИЩА ТЪМЫ

В ходе исследований я убедился в том, что древние египтяне могли обладать передовыми, но тайными научными знаниями, которые Моисей мог применить при сооружении ковчега Завета.

Но откуда пришли эти знания? Ответ, который дают древние египтяне, прост и однозначен, хотя и требует поверить в сверхъестественное. Все изученные мною свидетельства недвусмысленно указывают, что знания эти были даны человечеству богом Луны Тотом — владыкой времени, небесным писцом и стражем личных судеб, изобретателем письма и всех наук, а также покровителем колдовства¹.

Тота часто изображали на стенах храмов и усыпальниц в виде ибиса, человека с головой ибиса или, реже, в облике бабуина. Его почитали по всему Египту как лунное божество, отождествляющееся в некоторых проявлениях с самой Луной, следующей своим неизменным путем по ночному небу, прибывающей и убывающей, исчезающей и появляющейся вновь в положенный срок. Именно в качестве Божественной регулирующей силы, отвечающей за все небесные вычисления, Тот измерял время, разделяя его на месяцы (первому из которых он даже дал свое имя)².

Но его могущество простиралось гораздо дальше простого деления года на сезоны. Согласно распространенному и влиятельному учению жрецов священного города Гермополя в Верхнем Египте, Тот был богом-творцом. Он создал мир звуком своего голоса, произнеся одно-единственное магическое слово³.

Как божество, понимающее в тайнах «всего, что скрыто под небесным сво́дѡм», Тот также считался способным наградить мудростью особо избранных людей. Говорили, что он записал основы своего тайного знания на 36 535 свитках и спрятал по всей земле, чтобы их искали будущие поколения, но нашли «лишь достойные люди», призванные использовать свои открытия на благо человечества⁴.

Отождествленный позднее с греческим богом Гермесом, Тот фигурирует в огромном множестве египетских преданий, восходящих к самому далекому и недоступному прошлому. Ни один ученый не может с уверенностью установить возраст бога Луны или хотя бы высказать догадку о том, когда и где возник его культ. На заре египетской цивилизации Тот уже присутствовал в Египте. Более того, на протяжении трех с лишним тысячелетий династического периода его неизменно почитали за его особые качества и вклад в благосостояние человечества. Так, его считали изобретателем рисования, иероглифической письменности и всех наук, в частности архитектуры, арифметики, топографии, геометрии, астрономии, медицины и хирургии. Его также чтили как непревзойденного чародея, обладающего совершенной мудростью. Его прославляли как автора великой и ужасной магической книги, котѡрая считалась источником оккультных представлений гермопольских жрецов. Мало того, Тоту приписывались целые главы знаменитой «Книги Мертвых», как и почти весь свод священной литературы. Короче говоря, этот бог обладал настоящей монополией на эзотерические знания, и поэтому его называли «загадочным» и «непостижимым»⁵.

Древние египтяне были убеждены, что их первыми правителями были боги. Неудивительно поэтому, что Тота причисляли к этим божественным царям. Его царствование на земле (во время которого он передал человечеству свои величайшие и полезнейшие изобретения) якобы длилось 3226 лет⁶. До него, по поверьям египтян, ими правил другой бог — Осирис, также ассоциировавшийся с Луной (и с числами семь, четырнадцать и двадцать восемь, связанными с лунным циклом⁷). Хотя в некоторых своих аспектах Осирис и Тот сильно отличались друг от друга, в других прояв-

лениях они были тесно связаны или, по крайней мере, схожи (в ряде древних текстов их называли братьями⁸). Некоторые папирусы и надписи идут дальше и описывают их как одно и то же существо или, по меньшей мере, как исполнителей одних и тех же функций.

Чаще всего Осириса и Тота связывали с небесным залом суда, где на великих весах взвешивались души умерших. Здесь Осирис — как верховный судья — предстает в качестве старшего из двух богов, в то время как Тот был лишь писцом, записывавшим приговор. Однако на многих иллюстрациях из «Книги мертвых», как и на виньетке с изображением сцены суда, найденной среди фиванских погребальных папирусов времен Нового царства, эти божества меняются функциями. На упомянутой виньетке Осирис изображен пассивно сидящим в стороне, пока Тот определяет, записывает и объявляет приговор⁹. Иными словами, Тот и Осирис были не только богами Луны и богами мертвых (а возможно, и братьями), но и судьями и законодателями.

Продолжая свое исследование, я с интересом отмечал эти совпадения, но лишь со временем осознал, что между двумя божествами и Моисеем со всеми его деяниями существует несомненная связь. И Тот с Осирисом, и Моисей были величайшими культурными героями, даровавшими своим последователям блага религии, закона, общественного порядка и процветания.

Тот изобрел письменность и науки и принес в мир чудеса просвещения, дабы изменить к лучшему судьбу египетского народа. Осирис сыграл важнейшую роль в эволюции и развитии египетского общества. Когда началось правление этого божественного монарха на земле, страна пребывала в варварском, диком состоянии; египтяне еще были каннибалами. Осирис же превратил этих дикарей в развитый, культурный народ. Среди прочего он научил египтян обрабатывать почву, выращивать пшеницу, ячмень и виноград и поклоняться богам, отказавшись от своих прежних диких обычаев. Он также дал им свод законов¹⁰.

Разумеется, подобные истории могли быть просто выдумками. И все же я не мог не задаться вопросом: не скры-

важется ли нечто важное за преданием о том, что дары Тота и Осириса превратили Египет в великую страну? Не был ли, размышляя я, мудрейший и всеведущий бог Луны мифической версией правды, метафорическим портретом реального человека или группы людей, которые в самой глубокой древности принесли блага цивилизации и науки в примитивную страну?

Цивилизаторы

Я мог бы не задумываясь отвергнуть это предположение, если бы вскоре не узнал о существовании одной великой загадки, окончательного решения которой так никто и не нашел. Вместо того чтобы пройти путь медленного и мучительного развития, цивилизация Египта возникла как бы сразу и полностью оформленная. По общему мнению, период перехода от примитивного к передовому обществу был так короток, что исторического объяснения этому попросту не находится. Технические навыки, развитие которых должно было занять столетия и даже тысячелетия, появились почти мгновенно и как бы не имели прошлого.

Например, в археологических находках, датируемых додинастическим периодом около 3600 года до н.э., нет и намека на письменность. А затем внезапно и необъяснимо стали появляться иероглифы, причем уже в своей полной и совершенной форме. Это были не просто изображения предметов или действий, а сложный и организованный письменный язык со знаками, передававшими только звуки, и с разработанной системой числовых обозначений. Даже древнейшие иероглифы были уже стилизованы и условны; кроме того, уже на заре Первой династии широко использовалась скоропись¹¹.

Самым поразительным во всем этом мне показалось полное отсутствие следов эволюции, развития от простого к сложному. Так же обстояло дело и в математике, медицине, астрономии и архитектуре, не говоря уже об удивительно богатой и сложной религиозно-мифологической системе (даже такие совершенные труды, как «Книга Мертвых», существовали уже в самом начале династического периода¹²).

К сожалению, здесь не хватит места для изложения сведений, подтверждающих полнейшую внезапность, с которой возникла египетская цивилизация. Я лишь процитирую авторитетное мнение профессора египтологии Лондонского университета Уолтера Эмери:

«Приблизительно в 3400 году до н.э. в Египте происходит великий переворот: страна стремительно переходит от культуры неолита, имевшей сложный племенной характер, к хорошо организованной монархии...

Одновременно появилась письменность; монументальная архитектура, искусства и ремесла развиваются до поразительного уровня, и все свидетельствует о существовании роскошной цивилизации. Все это было достигнуто за сравнительно короткий период времени, ибо почти никаких оснований для подобного прогресса в письменности и архитектуре не находится»¹³.

Напрашивалось одно объяснение: Египет просто получил неожиданную и мощную культурную подпитку от какой-то другой развитой цивилизации Древнего мира. Наиболее вероятным кандидатом на эту роль был Шумер, располагавшийся на юге Междуречья. Несмотря на множество фундаментальных различий, связь между двумя этими регионами подтверждается рядом общих строительных и архитектурных приемов¹⁴. Однако ни одно из этих подобий не позволяло с уверенностью заключить, что они были не случайны и что одно общество оказывало прямое влияние на другое. Напротив, профессор Эмери отмечает:

«Складывается впечатление, что перед нами непрямая связь и что определенную роль здесь сыграла некая третья сторона, влияние которой испытывали как на берегах Евфрата, так и в бассейне Нила... Современные ученые не склонны признавать возможность иммиграции в оба региона из какой-то гипотетической и пока еще не открытой области. [Однако] существование третьей стороны, культурные достижения которой независимым образом проникли как в Египет, так и в Месопотамию, — наилучшее объяснение общих характеристик и фундаментальных различий между двумя цивилизациями»¹⁵.

Такая теория, чувствовал я, проливает свет на тот таинственный факт, что египтяне и шумеры поклонялись практически идентичным божествам Луны, одним из древнейших в соответствующих пантеонах¹⁶. Точно так же, как и Тот, шумерский бог Луны Син отвечал за течение времени («В начале месяца, освещая землю, ты будешь показывать два рога, чтобы отмерить шесть дней. На седьмой день раздели корону надвое. На четырнадцатый день покажи полностью свое лицо»¹⁷). Подобно Тоту, Син считался всеведущим и мудрейшим. В конце каждого месяца остальные боги шумерского пантеона приходили советоваться с ним, а он принимал за них решения¹⁸. В основе подобного сходства между Сином и Тотом явно должно было лежать нечто большее, нежели простая случайность. Выдающийся египтолог сэр Уоллис Бадж отмечал:

«Сходство между двумя... богами слишком велико, чтобы быть случайным... Неверно было бы утверждать, что египтяне заимствовали что-то у шумеров или шумеры — у египтян, но можно сказать, что интеллектуалы обоих народов заимствовали свои теологические системы из какого-то общего, очень древнего источника»¹⁹.

Таким образом вопрос ставится так: что же это был за «общий, но очень древний источник», эта «гипотетическая и пока еще не открытая область», эта передовая «третья сторона», о которой говорят и Бадж, и Эмери? Ни тот ни другой, к моему глубочайшему сожалению, не осмелились пойти дальше. Однако Эмери все же намекнул, где следует искать колыбель египетской цивилизации: «Громадные пространства Ближнего Востока, Красного моря и восточного побережья Африки, — довольно скромно заметил он в этой связи, — остаются не исследованы археологами»²⁰.

Я убежден, что если Египет действительно получил цивилизацию и науку в дар откуда-то еще, то должны были сохраниться какие-то свидетельства столь важного события. Определенным свидетельством служит обожествление двух великих цивилизаторов — Тота и Осириса: легенды об этих богах зазвучали в моих ушах как эхо давних событий, имев-

ших место в действительности²¹. Но я чувствовал, что необходимо нечто более осязаемое, нечто, ясно и бесспорно свидетельствующее о благотворных контактах с передовым обществом-донором, а также объясняющее, как это общество ухитрилось бесследно исчезнуть.

И я все-таки нашел такое объяснение: знакомая всем история затерянного континента Атлантида — история, в последнее время настолько основательно скомпрометированная нелепыми домыслами, что любой ученый, заинтересовавшийся ею всерьез, может смело поставить крест на своей карьере. Отбросив все нью-эйджевские фантазии, я остался один на один с существенным фактом: древнейшее из дошедших до нас сообщений об Атлантиде было оставлено в начале IV века до н.э. греческим философом Платоном, одним из отцов рационального западного мышления. Платон заявлял, что сказание об Атлантиде «хоть и весьма странное, но, безусловно, правдивое»²². В качестве источника Платон сослался на одного египетского жреца, говорившего о периодическом разрушении цивилизаций потопами и отзывавшегося о греках следующим образом:

«Все вы юны умом, ибо умы ваши не сохраняют в себе... никакого учения, поседевшего от времени. ...Какое бы славное или великое деяние или вообще замечательное событие ни произошло, будь то в нашем краю или в любой стране, о которой мы получаем известия, все это с древних времен запечатлевается в записях, которые мы храним в наших храмах; между тем у вас и прочих народов всякий раз, как только успеет выработаться письменность и все прочее, что необходимо для городской жизни, *вновь и вновь в урочное время с небес низвергаются потоки*, словно мор, оставляя из всех вас лишь неграмотных и неученых. И вы снова начинаете все сначала, словно только что родились, ничего не зная о том, что совершалось в древние времена в нашей стране или у вас самих».

Несколько тысячелетий назад, продолжал жрец,

«еще существовал остров, лежавший перед тем проливом, который называется на вашем языке Геракловыми Столпами. Этот остров превышал своими размерами Ливию и Азию, вместе взятые, и с него тогдашним путешественникам легко

было перебраться на другие острова, а с островов — на весь противоположащий материк, который охватывал то море, что и впрямь заслуживает такое название... На этом-то острове, именовавшемся Атлантидой, возникло удивительное по величине и могуществу царство ... и они скопили такие богатства, каких никогда не было ни у одной царской династии в прошлом и едва ли будут когда-нибудь еще, ибо в их распоряжении было все необходимое, приготавливаемое как в городе, так и по всей стране. Многое ввозилось к ним из подвластных стран, но большую часть потребного для жизни давал сам остров, прежде всего любые виды ископаемых твердых и плавких металлов, и в их числе то, что ныне известно лишь по названию, а тогда существовало на деле: самородный орехалк, извлекавшийся из недр земли в различных местах острова и по ценности своей уступавший тогда только золоту. Лес в изобилии доставлял все, что нужно для работы строителям, а равно и для прокормления домашних и диких животных. Даже слонов на острове водилось великое множество, ибо корму хватало не только для всех прочих живых существ, населяющих болота, озера и реки, горы или равнины, но и для этого зверя, из всех зверей самого большого и прожорливого. Далее, все благовония, которые ныне питает земля... все это тогда под воздействием солнца священный остров порождал прекрасным, изумительным и изобильным»²³.

Но обитатели этого райского острова погрязли в роскоши и разврате, за что боги обрушили на них беспощадную кару: «пришел срок для невиданных землетрясений и наводнений, за одни ужасные сутки... Атлантида исчезла, погрузившись в пучину»²⁴.

Это история заинтересовала меня вовсе не сведениями о самой Атлантиде; к тому же, я серьезно сомневался в том, что остров действительно находился напротив Геркулесовых Столпов. Моя точка зрения — подкрепляемая данными геофизики²⁵ — состояла в том, что в Атлантическом океане попросту не могло быть такого материка и те, кто продолжает искать его там, явно идут по ложному следу.

И все же мне казалось — и с этим, хоть и неохотно, соглашаются авторитетные специалисты²⁶, — что *какое-то* основание у рассказа Платона было. Он, несомненно, внес

многие искажения и преувеличения, но тем не менее писал о чем-то действительно случившемся где-то в мире и давным-давно. Более того — и для меня это имело величайшее значение, — он ясно дал понять, что память о том событии сохранили в своих «записях» египетские жрецы²⁷.

Я рассуждал так: если такое же воспоминание сохранилось в Месопотамии, тогда возможность простого совпадения весьма невелика. Гораздо вероятнее, что один и тот же катаклизм — где бы он ни произошел — стал основой преданий, сложившихся в обоих регионах. Соответственно, я вновь обратился к легендам, в которых обнаружил сходство между Тотом и шумерским богом луны Сином. И несколько не удивился, обнаружив следующее: подобно своим египетским современникам, шумеры не только поклонялись мудрому лунному божеству, но и сохранили записи о древнем потопе, уничтожившем великое, могущественное и процветающее общество²⁸.

Так «Атлантида» начала символизировать для меня «гипотетическую и пока еще не открытая область», откуда пришли удивительные цивилизации Египта и Шумера. Я не верил, что такая область могла находиться в Атлантическом океане или в его окрестностях. Напротив, я всей душой соглашался с мнением профессора Эмери о том, что такая область должна была находиться примерно на равном удалении и от дельты Нила, и от Нижнего Евфрата — быть может, на каком-то исчезнувшем архипелаге, похожем на современные Мальдивы (который, считают ученые, будет полностью затоплен в течение пятидесяти лет в результате подъема уровня моря из-за глобального потепления²⁹), или на обширных не исследованных археологами берегах Африканского Рога, либо в каком-то подверженном наводнениям районе Индостана, вроде современного Бангладеш. Версия с тропическим районом показалась мне еще более правдоподобной, когда я припомнил, что Платон в своем рассказе об Атлантиде упоминает слонов: ведь на протяжении многих тысячелетий слоны водились только в Африке, Индии и Юго-Восточной Азии³⁰.

Чем больше я размышлял над этими фактами, тем больше осознавал, что они заслуживают дальнейшего исследования. И в результате записал в блокноте следующие догадки и гипотезы:

«Предположим, что где-то в бассейне Индийского океана в начале или середине четвертого тысячелетия до н.э. наводнением было уничтожено технически развитое общество. Предположим, что это было общество мореплавателей. Предположим, что после этого потопа кое-кто уцелел. И предположим, что они приплыли на своих судах в Египет и Месопотамию, сошли там на берег и принялись цивилизовать примитивное местное население.

И самое важное: предположим, что в Египте жрецы сохраняли и передавали из поколения в поколение священные знания этих переселенцев — знания, к которым Моисей приобрелся с детства. В Египте этот обычай ассоциировался с культом бога Луны Тота (а в Месопотамии — с культом Сина) — возможно, потому, что сами переселенцы чтили Луну или умышленно поощряли обожествление такого привычного и яркого, но одновременно пугающего и призрачного небесного тела. В конце концов, они стремились формировать и направлять мышление дикарей, среди которых оказались, и создать устойчивый культ, способный пережить тысячелетия. Нетрудно понять, почему они выбрали именно лунного бога, а не более абстрактное и изощренное, но менее наглядное и не столь телесное божество.

Так или иначе, культ Тота утвердился в Египте, и его жрецы освоили и возвели в закон научные и технические приемы, воспринятые от переселенцев. Этим было положено начало эзотерической традиции. Ценные знания нужно было оградить таинствами, защитить от чужаков ритуальными запретами, а затем передавать от одного посвященного к другому в секретной форме. Эти знания определенно давали их обладателям беспрецедентную власть над физическим миром, по крайней мере по зачаточным нормам туземной культуры, преобладавшей в Египте до появления переселенцев, а достижения на их основе (например, те же колоссальные постройки) повергали непосвященных в благоговейный трепет. Поэтому нетрудно понять, каким образом люди поголовно уверовали, что именно бог луны изобрел науку и магию, и почему жрецов именно этого божества считали непревзойденными чародеями.

Спасенные из воды

Продвигаясь в своих исследованиях, я нашел ряд аргументов в пользу основной из перечисленных выше гипотез — предположения о том, что тайная передача знаний в устной форме, осуществлявшаяся в рамках культа Тота, уходит корнями в самое далекое прошлое и начало ей положили просвещенные переселенцы, пережившие потоп. В этом отношении весьма примечательна одна тема, следы которой я обнаружил во многих священных текстах, а именно, тема связи между мудростью и другими качествами культурного героя, с одной стороны, и «спасением из воды» — с другой.

Во-первых, выяснилось, что Тот, которого египтяне считали источником всех знаний и наук, согласно мифу, некогда наслал на людей потоп, желая покарать их за грехи³¹. В этом эпизоде, приведенном в главе CLXXV «Книги мертвых», Тот действовал сообща со своим двойником Осирисом³². Позднее, когда человечество возродилось, оба эти божества правили на земле. Еще больше я разволновался, вникнув в историю Осириса и узнав, что он также «спасся из воды».

Наиболее полное изложение оригинальной египетской легенды было оставлено Плутархом³³. Улучшив условия жизни своих подданных, обучив их всевозможным ремеслам и даровав им первый свод законов, Осирис покинул Египет и отправился в путешествие по свету, дабы принести блага цивилизации в другие страны. Он никогда не навязывал варварам свои законы, предпочитая дискутировать с ними и взывать к их разуму. Также утверждалось, что свое учение он облекал в форму гимнов и песен, исполнявшихся под аккомпанемент музыкальных инструментов.

Пока Осирис отсутствовал, семьдесят два его придворных во главе с его братом Сетом организовали против него заговор. Когда Осирис вернулся, заговорщики пригласили его на пиршество, на котором предложили в качестве подарка великолепный сундук из дерева и золота любому гостю, которому он точно подойдет по размерам. Осирис и не подозревал, что сундук был изготовлен в точном соответствии с его размерами. Поэтому все гости, пытавшиеся влезть

в него, не смогли сделать этого. Бог-царь дождался своей очереди и удобно разместился в сундуке. Заговорщики тотчас забили гвоздями крышку сундука и залили все щели расплавленным свинцом. Затем сундук бросили в Нил, по которому он плыл некоторое время, пока не застрял в папирусных болотах в восточной части дельты³⁴.

Тут-то и вмешалась жена Осириса Исида. Используя свои магические чары и помощь бога луны Тота, она отправилась на поиски сундука, нашла его и спрятала в потаенном месте. Но Сет разыскал сундук, открыл его и в слепой ярости разрубил тело Осириса на четырнадцать кусков, которые затем разбросал по всей долине Нила.

Исида вновь отправилась «спасать» своего супруга. Она соорудила лодку из папируса, осмолила ее битумом и поплыла по Нилу в поисках его останков. Собрав их, она снова призвала на помощь Тота, который помог ей использовать могучие заклинания, чтобы восстановить расчлененное тело. Затем Осирис возродился и стал богом мертвых и царем подземного мира, откуда — как говорит легенда — он изредка возвращался на землю в образе смертного человека³⁵.

Наибольший интерес у меня вызвали три детали этой истории. Во-первых, тот факт, что во время своего царствования на земле Осирис был цивилизатором и законодателем; во-вторых, его поместили в деревянный сундук и бросили в Нил; в-третьих, Исида отправилась спасать его в просмоленной папирусной лодке. Параллели с биографией Моисея совершенно очевидны: он тоже стал великим цивилизатором и законодателем, его тоже оставили на волю Нила, он тоже плыл в просмоленном судне из папируса, и, наконец, его тоже спасла египетская царица. В самом деле, как указал историк Иосиф Флавий, само имя «Моисей» означает «спасенный из воды», ибо египтяне называли воду *моу*, а спасенных — *эсес*³⁶. Другой древний комментатор, Филон Александровский, подтверждает эту этимологию: «Поскольку его взяли из воды, принцесса дала ему производное от нее имя и назвала Моисеем, ибо *моу* на египетском означает «вода»³⁷.

Я задался вопросом: нет ли в Египте и, возможно, в Месопотамии, других культурных героев, в свое время спасенных из воды? Поиски в древних источниках и легендах показали, что таких примеров масса. Например, сын Исида и Осириса Гор был убит титанами и брошен в Нил. Исида выудила его и оживила своим колдовством. Затем он научился у нее «искусству медицины и прорицанию и использовал их во благо человечества»³⁸. В Месопотамии же Саргон Великий, правление которого принесло несравненное богатство, великолепие и стабильность Шумеру и соседним территориям в конце третьего тысячелетия до н.э.³⁹, утверждал вполне определенно, что был спасен из воды:

«Моя мать была жрицей. Я не знал своего отца. Моя мать-жрица зачала меня и родила втайне. Она положила меня в камышовую корзинку и заклеила крышку смолой. Корзинку она пустила по течению реки, которое принесло меня к Акки, отечавшему за возлияния. Акки отнесся ко мне с добротой и извлек меня из реки»⁴⁰.

В Ветхом Завете также неизменно присутствует тема спасения из воды. Пророк Иона был брошен в бушующее море, проглочен живьем гигантской рыбой и три дня спустя «извергнут на сушу», дабы проповедовать слово Господне горожанам Ниневии в надежде, что они отвратятся «от злого пути своего»⁴¹.

Еще известнее более древняя история Ноя, который, взяв с собой семью и «от всякой плоти по паре»⁴², выплыл из потопа на замечательном спасательном судне, известном нам под названием «ковчег» («Сделай себе ковчег из дерева гофер... и осмоли его смолою внутри и снаружи»⁴³). Когда отступили воды потопа, три сына Ноя — Сим, Хам и Иафет услышали повеление Бога: «плодитесь и размножайтесь» — и принялись заново заселять мир⁴⁴.

Но гораздо более известной и влиятельной библейской личностью, «спасенной из воды», был, конечно, сам Иисус Христос — единственный, помимо Моисея, описанный в Священном Писании как «сильный в деле и слове»⁴⁵ (фраза, как я уже знал, означавшая умение произносить магические слова). Правда, это было не спасение в буквальном смысле

слова, а действие, носившее символический характер: я имею в виду ритуал крещения в водах реки Иордан. Это, объяснял Иисус, было совершенно необходимо для *спасения*: «Если кто не родится от воды... не может войти в Царствие Божие»⁴⁶.

«И было в те дни, пришел Иисус из Назарета Галилейского и крестился от Иоанна в Иордане. И когда выходил из воды, тотчас увидел Иоанн разверзающиеся небеса и Духа, как голубя, сходящего на Него. И глас был с небес: Ты Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение»⁴⁷.

Я отдавал себе отчет, что подавляющее большинство христиан принимают этот отрывок из Евангелия от Марка за чистую монету, но не мог отделаться от мысли, что за этими волнующими и прекрасными словами кроется нечто большее. По крайней мере, я не исключал вероятность того, что здесь описано посвящение Иисуса в тайны некоего культа, основатели которого в буквальном смысле слова «спаслись из воды» несколько тысяч лет назад. Не случайно лишь после этого посвящения Христос начал творить чудеса — большую часть которых (включая исцеление больных, воскрешение мертвых, умножение хлебов и рыб и власть над стихиями) были обучены вершить также жрецы и чародеи Древнего Египта⁴⁸.

Рассмотрев все собранные данные, я сделал следующую запись в своем блокноте:

«Тема цивилизатора, отца-основателя, великого пророка, законодателя или Мессии, тем или иным образом «спасенного из воды», повторяется в Священном Писании и в мифологии Египта и Ближнего Востока столь часто и с таким постоянством, что это не может быть чистой случайностью. Я не утверждаю, что все связанные с ней люди были в прямом смысле слова уцелевшими жителями той «гипотетической и пока еще не открытой области», которая могла быть колыбелью цивилизаций и Месопотамии, и Египта. На эту роль подходят только Ной, Осирис и, возможно, Гор: ведь только они принадлежали к достаточно далекой доисторической эпохе. Но и Саргон, и Моисей, и Иона, и Иисус, равно как и многие дру-

гие подобные персонажи, также были спасены из воды — буквально или символически. Поэтому мне представляется, что этот повторяющийся эпизод описывает посвящение указанных лиц в тайную мудрость, устная передача которой началась людьми, пережившими потоп, ради сохранения жизненно важных знаний и умений, которые иначе могли быстро забыться».

Не ограничиваясь в своем исследовании мифами и легендами, я обнаружил в Египте довольно убедительное свидетельство, подкрепляющее гипотезу «спасенных из воды». Я знал, что это доказательство — полностью оснащенные океанские суда, захороненные практически рядом со всеми крупными усыпальницами фараонов и придворных и рядом со всеми пирамидами, — археологи до сих пор толковали в соответствии со старым изречением: «Если не понимаешь какого-нибудь обычая, самое надежное — приписать его религии». Однако до меня постепенно дошло, что захоронение судов вполне могло объясняться чем-то иным, нежели простым желанием поместить рядом с могилой «физическое воплощение символического корабля, призванного доставить душу умершего царя к ее конечному пункту назначения на небесах»⁴⁹.

Первым был обнаружен корабль из древесины кедра, погребенный у южного края Великой пирамиды в Гизе и выставленный ныне в собранном виде в специальном музее на том же месте. Прекрасно сохранившееся и через 4,5 тысячелетия после постройки, это гигантское судно имеет более 43 метров в длину и водоизмещение около 40 тонн. Эта конструкция вызывает особый интерес, ибо (по авторитетному мнению Тура Хейердала) ее «мастерски набранный корпус с высоким носом и кормой... во всем обличает морской корабль, нарочно сделанный так, чтобы переваливать через прибой и крутую волну»⁵⁰. Другой специалист считает, что тщательно выверенная и весьма разумная конструкция этого странного судна из пирамиды делала его «более пригодным для морского плавания, чем любой из кораблей Колумба». Возможно, на нем нетрудно было бы совершить и кругосветное плавание!⁵¹

Поскольку древние египтяне при необходимости мастерски создавали уменьшенные модели всякого рода вещей для символических целей⁵², мне показалось неправдоподобным, что они затратили бы столько усилий на постройку и последующее захоронение такого сложного судна, если бы единственное его назначение состояло в доставке души царя на небо. Для этой цели хватило бы гораздо меньшего судна. Кроме того, я узнал, что недавно в Гизе был обнаружен еще один большой корабль также с южной стороны пирамиды, все еще остающийся в своей яме, и найдены еще три (ныне пустые) ямы, высеченные в скале с восточной стороны. Один египтолог, в целом довольно консервативный, признал: «Трудно понять, зачем понадобилось столько ям для кораблей». Но, как и можно было предсказать, он отступил на заранее подготовленную позицию всех озадаченных ученых и заявил: «Ясно, что их присутствие необходимо для некой религиозной цели, связанной с загробной жизнью царя»⁵³.

Однако для меня это было совершенно неочевидно, особенно учитывая тот факт, что до сих пор не найдено и намека на то, что в Великой пирамиде когда-либо был похоронен фараон. Более того, древнейшие погребальные корабли, обнаруженные в Египте, датируются тем таинственным периодом перед самым началом I династии, когда цивилизация и техника в долине Нила претерпели внезапную и необъяснимую метаморфозу⁵⁴. Поэтому мне трудно было удержаться от заключения, что любопытный обычай захоронения кораблей, был связан, скорее, с утвердившимся обычаем «спасения из воды», нежели с чисто религиозной символикой. Прочные океанские суда, рассуждал я, должны были иметь огромное значение для группы иноземцев, которые выжили во время потопа и обосновались в Египте. Быть может, они или те, кто пришел по их стопам, верили, что захороненные корабли могут однажды потребоваться не для увеселительных прогулок перевоплощенных душ по небу, а для спасения живых от нового страшного потопа.

Тайные клады

Поистине великие достижения Древнего Египта относятся к раннему периоду, пик которого приходится на III—V династии, приблизительно с 2900 до 2300 гг. до н.э. С тех пор — постепенно, но неотвратно — все приходило в упадок⁵⁵. Этот сценарий, признанный всеми учеными, полностью соответствовал, на мой взгляд, гипотезе о приходе цивилизации в долину Нила в четвертом тысячелетии до н.э. из какой-то технически развитой, но до сих пор не опознанной страны. В конце концов, нельзя ожидать, что ввезенная культура получит свое наивысшее выражение сразу же по прибытии переселенцев. Несомненно, этот период должен быть отмечен значительным скачком вперед, но весь потенциал может быть реализован лишь тогда, когда местное население освоит новые технологии.

Похоже, именно так все и произошло в Египте. Перед самым началом V династии (около 3400 г. до н.э.) внезапно возникли письменность, арифметика, медицина, астрономия и новая религия, причем никаких свидетельств о предшествовавшем развитии этих наук не сохранилось. Одновременно возводились весьма сложные памятники и гробницы, воплотившие передовые архитектурные концепции, — опять же без намека на предшествовавшую эволюцию. При I и II династиях (начиная примерно с 3300 г. до н.э.) были воздвигнуты еще более сложные памятники, воплотившие возросшую уверенность в своих силах и могущество завезенных в Египет знаний и ремесел⁵⁶. Тяга ко все большей величественной красоте и совершенству нашла, как считают современные ученые, свое наивысшее выражение в удивительных каменных сооружениях погребального комплекса царя Джосера — первого фараона III династии.

В этом комплексе (который я посетил несколько раз в 1989—1990 гг.) доминирует башня шестиярусной пирамиды высотой в 60 метров, расположенная в Саккаре, к югу от Каира. Весь комплекс занимает прямоугольную площадку почти в 600 метров длиной и 300 метров шириной, первоначально окруженную одной массивной каменной стеной, крупные секции которой сохранились до наших дней. Он

включает длинную колоннаду из сорока высоких колонн, изящный внутренний двор и многочисленные гробницы, храмы и надворные постройки колоссальных размеров, но отличающиеся чистотой и изысканностью линий.

Я установил, что, по египетским преданиям, гениальным автором планировки всего комплекса Джосера был Имхотеп Строитель, носивший также титулы «Мудрец», «Волшебник», «Архитектор», «Верховный жрец», «Астроном» и «Врачеватель»⁵⁷. Меня заинтересовала эта легендарная фигура, поскольку последующие поколения на все лады восхваляли его научные и магические достижения. И в самом деле, подобно Осирису, он достиг таких высот в указанных областях, что со временем его обожествили. Имеющий на своем счету такие уникальные и впечатляющие инженерные сооружения, как пирамида Джосера, Имхотеп казался мне явным приверженцем культа Тота: монументы в Саккаре красноречиво подтверждают, что он усвоил и затем блестяще воплотил на практике свойственное этому культу техническое мастерство.

Позже я обнаружил, что в надписях Имхотепа часто характеризовали как «образ и подобие Тота»⁵⁸, а также как «преемника Тота» после восхождения божества на небо⁵⁹. Затем я узнал нечто еще более важное: в древности Моисей также часто сравнивали с Тотом (во II веке до н.э. иудеогреческий философ Артапан посвятил отдельный труд подобным сравнениям, приписав пророку целый ряд замечательных и чисто «научных» изобретений⁶⁰).

Тот факт, что исторические лица, столь далеко отстоящие друг от друга во времени, как Моисей и Имхотеп, были явно связаны между собой через культ бога луны, представляется мне веским косвенным доказательством не только существования тайной передачи знаний из поколения в поколение, но и живучести этой традиции. Соответственно, я начал задаваться вопросом: существовали ли и другие маги и волхвы наподобие Имхотепа, которым приписывались бы замыслы особенно сложных и передовых сооружений?

К сожалению, об архитекторе, воздвигшем Великую пирамиду в Гизе, никаких сведений не сохранилось. Эта удивительная постройка определенно стала венцом великолепия

ной IV династии, во времена которой египетская цивилизация достигла своего зенита. По словам одного авторитетного специалиста,

«ни один из последующих фараонов не воздвиг столь безупречных и грандиозных по своим масштабам построек. Этот уровень совершенства был достигнут почти во всех отраслях искусства и ремесла. При IV династии изготавливались самая элегантная мебель, тончайшее полотно, самая изящная и совершенная скульптура... Некоторые ремесла — например, искусство инкрустации — достигли уровня, граничащего со сверхъестественным. Более поздние династии могли производить лишь посредственные копии, и в конце концов эти знания были полностью утрачены»⁶¹.

Я не мог не согласиться с большинством вышеприведенных высказываний. Однако мне кажется, что специфические технические умения, необходимые для возведения великолепных и внушительных монументов, сохранялись еще долгое время, прежде чем были «полностью утрачены». Хотя они не получили практической реализации, нет сомнений в том, что эти ремесла выжили каким-то образом на протяжении многих столетий культурного застоя, наступившего после IV династии, и вновь проявились в замечательном возрождении периода XVIII—XIX династий (1580—1200 гг. до н.э.).

Венцом этого более позднего периода стал прекрасный обелиск царицы Хатшепсут в Карнаке. Поблизости от него, на западном берегу Нила, та же царица построила внушительный погребальный храм, который позднее был признан одним из величайших архитектурных шедевров мира⁶².

Я узнал, что давно почившего архитектора, воздвигшего оба памятника, звали Сенмут. Любопытно, что из оставленной им самим надписи на стене его усыпальницы явствует, что свои особые знания и умения Сенмут обрел после того посвящения в таинства древней мудрости. «Вникнув во все писания божественных пророков, — похвалялся он, — я узнал все, что случилось с начала времен»⁶³.

«Предположим, — записал я в своем блокноте, — что Моисей (живший всего через 200 лет после Сенмута) также был посвящен в ту же тайную премудрость, уходившую корнями за горизонт истории через Имхотепа к царям-богам Тоту и Осирису и протянувшуюся в будущее до других великих мудрецов и цивилизаторов, включая Иисуса Христа. Если в этой гипотезе есть что-то осмысленное, тогда не может ли быть так, что некоторые из выдающихся мыслителей позднего времени также были наследниками «окультурного» знания, вдохновлявшего строителей пирамид и обелисков и давшего Моисею возможность совершать свои чудеса?»

В поисках ответа на этот вопрос я вновь обратился прежде всего к рыцарям ордена тамплиеров, которые в 1119 году н.э. завладели местом Соломонова храма в Иерусалиме и, по моему мнению, узнали в Священном городе нечто такое, что впоследствии заставило их искать ковчег Завета в Эфиопии. Как рассказано в главе 5, исследуя верования и обычаи этой группы воинствующих монахов, я пришел к выводу, что они проникли в очень древнее и мудрое предание и что обретенные ими таким образом знания использовались для возведения храмов и замков, которые в архитектурном плане далеко опережали другие постройки XII и XIII веков.

Не возможно ли, спрашивал я себя, что премудрость, в которую оказались посвящены тамплиеры, была той самой, которой владели Моисей, Сенмут и Имхотеп? Если это так, то не возможно ли также, что с этими знаниями были связаны и предпринятые тамплиерами поиски ковчега? Я знал, что найти доказательства подобным догадкам, скорее всего, будет невозможно. Но меня все же взволновало открытие ряда древнееврейских преданий, утверждавших, что ковчег содержал «корень всех знаний»⁶⁴. К тому же, как припомнит читатель, золотая крышка священной реликвии была украшена фигурами двух херувимов. Вправе ли мы признать простым совпадением то, что в иудейских источниках «особым даром херувимов является *знание*»⁶⁵

Были и другие намеки, подсказывавшие мне, что поиск ковчега может также означать поиск мудрости. Так, в начале XIV века, когда тамплиеров преследовали, пытали и осу-

ждали, многие из них признались в поклонении таинственной бородатой голове — идолу, имя которого было Бафомет⁶⁶. Некоторые специалисты указывали на тесную связь тамплиеров с исламскими мистиками и отождествляли Бафомета с Мухаммедом (Магометом)⁶⁷, беспечно пренебрегая тем фактом, что ислам вряд ли мог вдохновить на подобное поклонение (ведь мусульмане считали своего пророка человеком, а не божеством, и с отвращением относились к любому идолопоклонству). Гораздо более убедительное объяснение дал доктор Хью Шонфилд, специализировавшийся на изучении раннего христианства и разгадавший секретный шифр, который использовался в ряде свитков Мертвого моря, — шифр, который тамплиеры вполне могли узнать в годы своего длительного пребывания на Святой земле. Доктор Шонфилд доказал, что, если записать имя «Бафомет» этим шифром, а затем транслитерировать, в результате получится греческое слово «София»⁶⁸, означающее, ни много ни мало, «Мудрость»⁶⁹.

Из этого вытекает, что, поклоняясь Бафомету, тамплиеры в действительности воздавали почести принципу мудрости. И тем же самым занимались древние египтяне, поклоняясь Тоту как «олицетворению божественного ума»⁷⁰, «автору всех сочинений во всех областях знания, как человеческих, так и божественных»⁷¹, и «изобретателю астрономии и астрологии, геометрии и топографии, медицины и ботаники»⁷². Это вдохновило меня на новые поиски.

Довольно быстро выяснилось, что масоны также питали особое уважение к Тоту. Согласно одному старинному масонскому преданию, Тот «сыграл важную роль в сохранении знаний о ремесле каменщиков и передаче их человечеству после потопа»⁷³. Дэвид Стивенсон, автор фундаментального академического исследования истоков масонства, даже утверждал, что в первое время масоны считали Тота своим покровителем⁷⁴. Мне было уже известно (см. главу 7), что между тамплиерами и масонами существовали тесные связи, причем последние почти наверняка были приемниками первых. Теперь я понимал: то, о чем я уже привыкал думать как о «следе Тота», вписывало эти связи в древний и живучий контекст традиции мудрости, восходящей ко вре-

менам фараонов. Поэтому я спрашивал себя: были ли помимо тамплиеров и масонов другие группы или лица, деяния и мысли которых казались необычно передовыми и которые также могли быть посвящены в ту же изустную традицию мудрости?

Таковых, обнаружил я, было множество. Например, астроном эпохи Возрождения Николай Коперник, чья теория гелиоцентрической Вселенной подорвала средневековую веру в то, что Земля является центром мироздания, открыто заявил, что пришел к своему революционному озарению, изучая священные писания древних египтян и, в том числе, тайные труды самого Тота⁷⁵. Подробнее см.: Timothy Ferris, *Coming of Age in the Milky Way*, Bodley Head, Lonaon, 1988, p. 65. А математик XVII века Иоганн Кеплер (среди прочего написавший фантастический рассказ о путешествии на Луну) признавал, что, формулируя свои законы движения планет, он лишь «воровал золотые сосуды египтян»⁷⁶.

В том же духе сэр Исаак Ньютон высказал мнение, что «египтяне скрыли тайны, недоступные пониманию простолюдинов, за завесой религиозных обрядов и иероглифических символов»⁷⁷. Среди этих тайн, считал он, было и знание о том, что Земля вращается вокруг Солнца, а не наоборот: «Уже в древнейшие времена было известно, что планеты вращаются вокруг Солнца, что Земля, как одна из планет, совершает ежегодный путь вокруг Солнца и в то же время ежедневно обращается вокруг своей оси и что Солнце пребывает в неподвижности»⁷⁸.

Ньютон, человек глубокого ума и обширной учености, заложил основы современной физики. В числе его достижений — открытия мирового значения в механике, оптике, астрономии и математике (формула бинома, дифференциальное и интегральное исчисления), заметные шаги вперед в понимании природы света и — сверх всего — формулировка закона всемирного тяготения, перевернувшего представления человечества о космосе.

Гораздо меньше известно о великом английском ученом то, что он провел значительную часть своей жизни за углубленным изучением герметической и алхимической литературы (более десятой части его личной библиотеки состав-

ляли алхимические трактаты⁷⁹). Мало того, он был одержим — буквально одержим — идеей, что на страницах Священного Писания скрыта тайная мудрость. Особенно его привлекали Книга пророка Даниила из Ветхого Завета и Евангелие от Иоанна — из Нового, поскольку «сии пророческие писания написаны символическим и иероглифическим языком и их понимание требует совершенно иного метода толкования»⁸⁰.

Дальнейшее изучение трудов Ньютона навело меня на мысль, что следование этому методу объясняет, почему он занялся обременительным исследованием около двадцати различных версий Откровения. Ради этого он выучил иврит⁸¹ и затем не менее тщательно изучил Книгу пророка Иезекииля⁸². Я также установил, что он воспользовался содержащейся в ней информацией для кропотливой реконструкции плана храма Соломона. Почему? Да потому, что он был убежден, что построенное для хранения ковчега Завета великое здание являлось чем-то вроде криптограммы знаний о Вселенной. Если бы ему удалось расшифровать эту криптограмму, он проник бы в замыслы Бога⁸³.

Составленный Ньютоном план храма сохранился в библиотеке колледжа Бэбсона⁸⁴. Другие свои «теологические» находки и наблюдения ученый XVII века изложил в частных записках общим объемом более миллиона слов⁸⁵. В середине XX века эти удивительные рукописи увидели свет и были приобретены на аукционе Джоном Мейнардом Кейнсом. «Ньютон был не первым представителем эры разума, — заявил явно взволнованный экономист, выступая в Королевском обществе, — он был последним из магов, последним из вавилонян и шумеров, последним великим умом, который глядел на мир теми же глазами, что и те, кто начал создавать наше интеллектуальное наследие немногим менее десяти тысячелетий назад». Кейнс тщательнейшим образом изучил рукописи Ньютона и пришел к заключению (весьма важному, на мой взгляд), что Ньютон воспринимал

«всю Вселенную и все, что в ней есть, как головоломку, как тайну, которую можно раскрыть, приложив лишь чистую мысль к определенным фактам, к определенным мистиче-

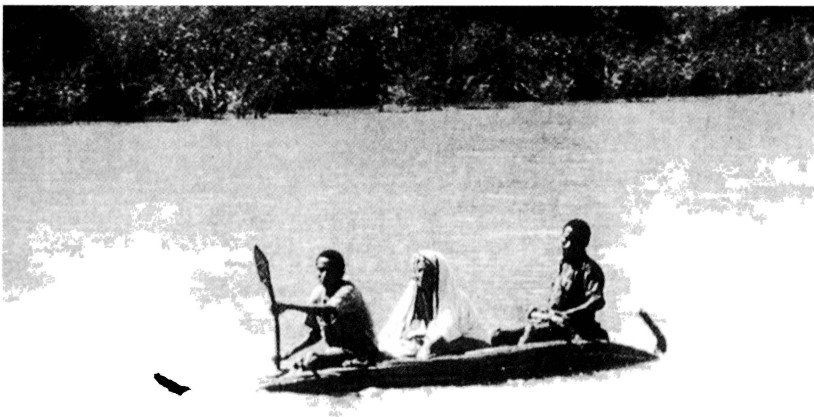
ским ключам, которые Бог спрятал в мире, дабы тайное братство посвященных могло пуститься на поиски этих философских сокровищ. Ньютон верил, что эти ключи можно найти отчасти в астрономических данных, отчасти — в строении элементов, а отчасти — в определенных трудах и преданиях, передаваемых братьями по неразрывной цепи, восходящей к изначальному таинственному откровению»⁸⁶.

И это действительно так! И хотя я знал, что, быть может, никогда не смогу доказать, что упомянутые «братья» были непосредственно связаны с загадочными преданиями о божестве луны Тоте и с теми учеными и цивилизаторами, что были «спасены из воды», я чувствовал, что, по крайней мере, имеется достаточно оснований, подтверждающих один интригующий факт. Делая величайшие открытия, Ньютон неоднократно указывал что использует при этом не только собственный гений, но и некое древнее и тайное хранилище мудрости. Однажды он заявил без обиняков, что, например, изложенный в его «Началах» закон тяготения не нов и был известен и полностью понятен еще в древние времена, а он пришел к нему, расшифровав священные писания прошлых эпох⁸⁷. В другом случае он говорит о Тоте как приверженце системы Коперника⁸⁸. Еще раньше он поддержал немецкого физика и алхимика Михаэля Майера (1588—1622), утверждавшего, что на протяжении всей истории все истинные адепты науки получали свои знания от египетского бога луны⁸⁹.

Среди прочих любопытных фактов я обнаружил и следующий: Ньютон был поражен тем, что «среди древних народов существовали общие предания о потопе»⁹⁰, и проявил немалый интерес к библейскому утверждению, что Ной был прародителем всего человечества⁹¹. Более того, несмотря на свою преданность религиозным убеждениям, Ньютон временами, казалось, воспринимал Христа скорее как особо одаренного человека и интерпретатора замыслов Бога, нежели как сына Божия⁹². Самым же интересным мне показалось то, что центральной фигурой в теологии Ньютона и в его концепции ранней науки был не кто иной, как пророк Моисей, которого он воспринимал как посвященного в тайны Вселенной, мастера алхимии и свидетеля

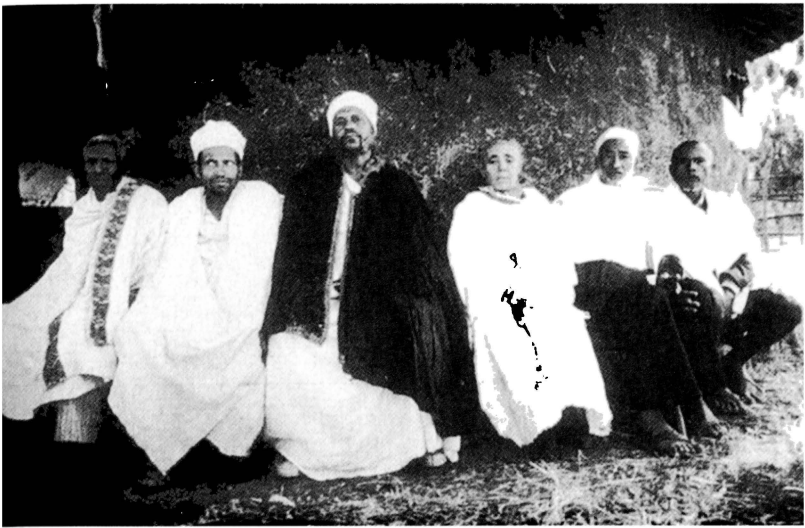
36. Голубой Нил близ озера Тана, Эфиопия.

37. Паширусная лодка на озере Тана.

38. Полеы камни на острове Тана Киркос, в которые, по преданию, собирали кровь во время жертвоприношений перед ковчегом Завета. Монахи утверждают, что ковчег пребывал на острове в течение восьмисот лет, после чего был перевезен в Аксум.

9. Верховный жрец кемагтов (*в центре, в темном плаще*).
'емагты — языческое племя, но в их религии содержатся ярко
выраженные элементы иудаизма. Они утверждают, что пришли
Эфиопию «из земли Ханаана».

10. Фалашский священник из деревни Анбобер (близ Гондара),
фотография 1990 года. Годом позже почти все эфиопские фалаша
были вывезены в Израиль.

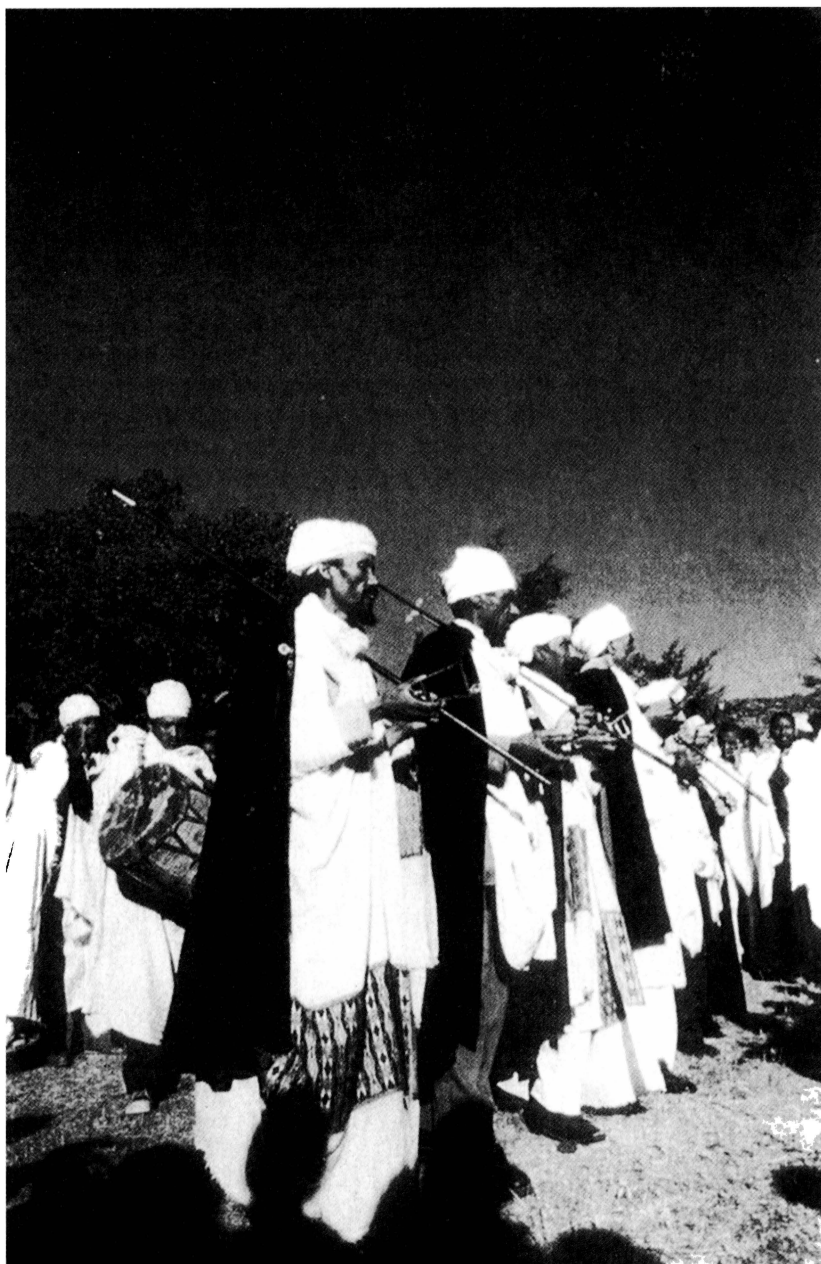

41. Фалашский священник с Торой на языке геэз (древнем литургическом языке Эфиопии). На иллюстрации в книге изображен пророк Моисей с десятью заповедями.

42 и 43. Христианские священники несут на головах *табот* во время праздника Тимкат в Гондаре.

44. Христианские священники исполняют пляску Давида перед ковчегом во время праздника Тимкат в Гондаре.

45. Участник праздника Тимкат в традиционном головном уборе вонна.

46. Эфиопские священники с систрами. Точно такие же музыкальные инструменты использовались в израильских религиозных обрядах во времена Ветхого Завета.

47. Средневековый замок и крестильный пруд — средоточие праздника Тимкат в Гондаре.

двойного откровения Бога (выраженного в Его слове и Его делах)⁹³.

За много веков до нашего просвещенного времени, верил Ньютон, Моисей знал, что материя состоит из атомов и что эти атомы тверды, крепки и неизменны: «...тяготение присуще и атомам, и телам, из которых они состоят; тяготение пропорционально количеству материи в каждом теле»⁹⁴. Ньютон также рассматривал приписывавшийся Моисею рассказ о творении в Книге Бытия как аллегорическое описание алхимического процесса:

«Древний теолог Моисей, описывая самое удивительное архитектурное творение этого великого мира, говорил нам, что дух Божий носился над водами, которые суть беспорядочный хаос, сотворенный Богом прежде мира сего».

Позже, в связи с трудами алхимиков, великий английский ученый добавлял:

«Как мир был сотворен из темного хаоса рождением света и отделением эфирного небосклона и вод от земли, так наша работа родит начало из черного хаоса и первоматерию — через разделение элементов и просвещение материи»⁹⁵.

И последнее, но не менее важное: мне показалось неслучайным, что любимым местом Ньютона в Библии⁹⁶ было то, где делается намек на существование некой формы тайного знания, доступного только посвященным:

«...И отдам тебе хранимые во тьме сокровища и сокрытые богатства, дабы ты познал, что Я Господь, называющий тебя по имени, Бог Израилев»⁹⁷.

Я рассуждал так: если Ньютон действительно имел доступ к тем же «сокровищам тьмы» и тем же «сокрытым богатствам», что и Моисей, тогда выходит, что на протяжении тысячелетий постоянно существовал некий тайный культ, организованный для передачи особой мудрости. Такой вывод кажется слишком поспешным, но все же не вполне невероятным. В конце концов, знания и умения часто передаются из поколения в поколение и из одного региона в

другой, причем процесс этот далеко не всегда сопровождается какими-либо письменными подтверждениями. Например, известно, что живший в Константинополе в XII веке математик Рабдас использовал метод извлечения квадратных корней, существовавший только в Древнем Египте за два с лишним тысячелетия до него и более нигде не использовавшийся⁹⁸. Как и откуда узнал он этот метод — не так-то легко объяснить. Я также сознавал, что передача секретной информации в сочетании с обучением и участием в тайных обрядах скрыто проводилась на протяжении столетий в рамках различных масонских лож.

Пытаться выявить характерные черты организации, окутанной таким плотным покровом таинственности, — дело неблагодарное. Но еще более неблагодарное занятие — разгадывать истинную природу науки и техники, которые охранял и сохранял культ Тота, особенно если эти наука и техника, как я подозревал, брали истоки в древней и ныне полностью уничтоженной культуре. В своем блокноте я записал:

«Было бы ошибкой полагать, что руководством здесь могут послужить наша техника и изобретения двадцатого века. Напротив, если в древнейшие времена действительно существовало некое передовое общество, то его мудрость, скорее всего, значительно отличалась от всего, с чем мы знакомы, а его машины определенно могли действовать на основе неизвестных нам принципов».

Чудовищное орудие

Размышляя таким образом, я обратил внимание на странные места в ветхозаветных книгах Исход и Второзаконие, в которых описывались встречи Бога и Моисея на горе Синай. Среди грома и огня, электрических бурь и облаков дыма Яхве якобы изложил еврейскому волхву конструкцию ковчега Завета и вручил ему скрижали Закона с десятью заповедями. Затем ковчег был построен мастером Веселеилом, который следовал «божественным наставлениям» на-

столько тщательно, как будто заранее знал, что изготавливает некое чудовищное орудие.

Именно этим, на мой взгляд, и являлся в действительности ковчег — чудовищным орудием, способным высвободить страшную энергию в неконтролируемом и катастрофическом виде, если с ним кошунственно обращаться или неправильно его использовать; орудием, которое замыслил не Бог, как утверждается в Библии, а, скорее, Моисей.

Будучи *магом* в эпоху, когда между колдовством и наукой не проводилось четкой границы, Моисей, вполне возможно, владел техническими знаниями и навыками, необходимыми для постройки подобного аппарата. Естественно, никаких доказательств этому нет. Тем не менее я полагаю, что только закоренелые педанты способны настаивать на том, что древняя мудрость Египта не могла содержать особых умений или идей технического характера, которыми мог воспользоваться пророк, чтобы наделить ковчег страшной силой, приписываемой ему в Ветхом Завете. Во всяком случае, поразмышлять над подобными вопросами весьма полезно, и я предлагаю вниманию читателей, заинтересованным в более глубоком проникновении в тайну, следующие гипотезы и предположения.

МОТИВ И ВОЗМОЖНОСТЬ

Предположим, что Моисей действительно обладал техническими знаниями для создания «чудовищного орудия», способного разрушить городские стены (как в случае с Иерихоном⁹⁹), умерщвлять людей (как в случае с «жителями Вефсамиса»¹⁰⁰), насыпать раковые опухоли на приближавшихся к нему без должной защиты (как в случае с филистимлянами после битвы при Авен-Езере¹⁰¹) и противостоять силе тяжести (как в случае с носильщиками, которых ковчег «бросал в воздух и ударял раз за разом о землю»¹⁰²).

Если Моисей смог сделать такую машину, тогда остается лишь спросить: имел ли он для этого какой-то мотив и возможность?

Я бы предположил, что мотивов у него было предостаточно. Поскольку он был одним из многих героев-цивилизаторов, «спасенных из воды», есть основания полагать, что главной целью его жизни было не основание иудейской религии (хоть он ее и основал), а цивилизация израильтян, которые до Исхода представляли собой всего лишь анархическое племя кочующих неквалифицированных рабочих.

Предположим далее; что пророк решил вдохновить (и тем самым мобилизовать) примитивную и почти неуправляемую группу скитальцев, убедив их, что собирается привести их в «Землю обетованную» — Ханаан, которую он заманчиво описывал как «землю хорошую и пространную, где течет молоко и мед»¹⁰³. В таком случае он был слишком хитрым вождем и слишком уж проницательным знатоком человеческих слабостей, чтобы привести туда неорганизованную толпу. Он знал, что в Земле обетованной израильтяне столкнутся с сильными врагами. Чтобы сыны Израиля вышли победителями, Моисей должен был сначала воспитать и организовать их, подчинить своей воле и навязать им определенную дисциплину.

Эти соображения дают логическое объяснение одного факта, который в противном случае не имеет смысла, а именно — того, что израильтяне якобы провели сорок лет, скитаясь по бесплодной пустыне Синайского полуострова¹⁰⁴. В то время существовало по крайней мере два хорошо известных и исхоженных торговых пути, по которым путешественники обычно пересекали пустыню между Египтом и Ханааном всего за несколько дней¹⁰⁵. Поэтому мне кажется, что решение Моисея не воспользоваться этими проторенными дорогами, а, напротив, взвалить на плечи своего народа столь долгие тяготы, могло быть лишь преднамеренной и просчитанной стратегией: в этом он видел, должно быть, наилучший способ заставить израильтян войти в состояние, необходимое для завоевания Земли обетованной¹⁰⁶.

Подобная стратегия, конечно же, имела и свои недостатки. Прежде всего, Моисею нужно было убедить своих соплеменников держаться вместе и стойко вынести все трудности и нехватки кочевой жизни. Это была поистине зло-

вая проблема: из библейского описания скитаний по пустыне становится совершенно ясно, каких трудов стоило Моисею сохранить доверие своего народа и заставить его подчиняться себе. Как только он совершал очередное чудо (а творить чудеса ему приходилось во множестве), израильтяне на какое-то время вполне ему покорялись; но в других случаях, особенно когда люди сталкивались с испытаниями, они кипели негодованием, осуждали своего вождя, а иногда даже поднимали открытый мятеж¹⁰⁷.

Не резонно ли в подобных обстоятельствах предположить, что пророк отдавал себе отчет в необходимости вооружиться некой портативной «чудодейственной машиной», дабы в дальнейшем без особого труда производить впечатление на израильтян всякий раз, когда потребуетя немного «магии»? И разве не следует признать ковчег именно такой портативной чудодейственной машиной, которую Моисей использовал для обеспечения покорности своего народа при любых, сколь угодно тяжелых обстоятельствах?

В Библии нетрудно найти примеры именно такого применения священного предмета. Поведение Моисея после сооружения ковчега явственно изменилось. Прежде он отвечал на постоянные требования и жалобы израильтян относительно мелкими проявлениями колдовства — ударял железом по камню в пустыне и извлекал из него свежую воду¹⁰⁸, превращал стоячую воду в питьевую¹⁰⁹, поставлял пищу в виде манны и перепелов¹¹⁰ и т.д. и т.п. Но после того, как был построен ковчег, пророк перестал тратить силы на подобные магические фокусы. Отныне, когда народ начинал роптать, восставал против него или осмеливался оспаривать его власть в какой-либо форме, он просто «включал» ковчег — с предсказуемыми ужасными последствиями.

В одном довольно показательном случае Моисей использовал ковчег, чтобы наслать кожную болезнь на свою сестру Мариам, так как она поставила под сомнение его авторитет¹¹¹. В Библии эта болезнь называется проказой¹¹². После того как Мариам раскаялась, признаки проказы исчезли с ее кожи. Скорее всего, признаки эти не были следствием настоящей проказы, поскольку они появились под воздействием таинственного облака, которое иногда возни-

кало между двумя херувимами на крышке ковчега¹¹³. Быть может, то были следы какого-нибудь химического вещества, выпущенного ковчегом?

Мариам не единственная подверглась подобной каре, вызвав гнев Моисея. Другие несогласные, которым не посчастливилось состоять в родстве с пророком, понесли даже более суровое наказание. Особый интерес вызывает ряд событий, последовавших за одним бунтом, во время которого открыто оспаривался авторитет Моисея и Аарона.

«...Восстали на Моисея, и с ними из сынов Израилевых двести пятьдесят мужей... И собрались против Моисея и Аарона и сказали им: полно вам; все общество, все святы, и среди них Господь! Почему же вы ставите себя выше народа Господня?»¹¹⁴

Моисей поначалу был настолько потрясен такой непокорностью, что «пал на лице свое»¹¹⁵. Однако он быстро пришел в себя и предложил провести следующее испытание: дабы узнать, действительно ли двести пятьдесят мятежников были так же «святы», как и он сам, Моисей предложил им наполнить медные кадилаицы курениями и зажечь их перед ковчегом¹¹⁶. Если поступить так, сказал Моисей, то «кого изберет Господь, тот и будет свят»¹¹⁷.

Вызов был принят: «И взял каждый свою кадилаицу, и положили в них огня, и насыпали в них курения, и стали при входе в скинию собрания; также и Моисей и Аарон»¹¹⁸. Как только все собрались, «явилась слава Господня всему обществу»¹¹⁹. Затем Бог якобы дал своим «любимчикам» трехсекундное предупреждение о своем намерении: «И сказал Господь Моисею и Аарону, говоря: отделитесь от общества сего, и Я истреблю их во мгновение»¹²⁰. Тут пророк и первосвященник «пали на лица свои... И вышел огонь от Господа (из ковчега. — Г.Х.) и пожрал тех двести пятьдесят мужей, которые принесли курения»¹²¹.

После этого

«...сказали сыны Израилевы Моисею: вот, умираем, погибаем, все погибаем! Всякий, приближающийся к скинии Господней, умирает: не придется ли всем нам умереть?»¹²²

Похоже, они усвоили полезный урок. Покоренные мощью ковчега, они уже не устраивали серьезных мятежей. Если не считать некоторого сдержанного ропота, все они вполне подчинились Моисею и во все оставшееся время пребывания в пустыне делали только то, что он повелевал им.

Итак, с мотивом мы разобрались. Моисей несомненно нуждался в переносной чудодейственной машине наподобие ковчега. И, вооружившись этой машиной, в дальнейшем применял ее без колебаний.

Но одного только мотива явно недостаточно. Возникает следующий вопрос: была ли у Моисея возможность разработать надлежащий проект ковчега и изготовить для него «блок питания» — некий источник энергии, с помощью которого ковчег приводился в действие?

Ответ — да, такая возможность у него была. Чтобы увериться в этом, стоит вспомнить основные события жизни Моисея — в хронологическом порядке.

1. Он родился в Египте.
2. Его пустили плыть по Нилу в просмоленной корзинке из папируса.
3. Его «спасла из воды» дочь фараона.
4. Он воспитывался в царском доме, где изучил «всю мудрость египтян», овладел магическим искусством и стал верховным жрецом¹²³.
5. В сорок лет¹²⁴, согласно Библии, Моисей узнал, что его народ — израильтяне — терпит притеснения от египтян. Поэтому он покинул царский двор и взялся за изучение истинного положения дел. Он обнаружил, что евреи жили в рабстве, вынужденные день и ночь выполнять тяжелые работы. Придя в ярость от жестокости и высокомерия египтян, Моисей убил надсмотрщика и бежал из страны¹²⁵.
6. В возрасте восьмидесяти лет¹²⁶ — то есть сорок лет спустя — Моисей вернулся из изгнания, чтобы вывести израильтян из плена.

Что происходило в прошедшие сорок лет? Библия не дает ответа на этот вопрос, посвящая описанию всего этого периода лишь одиннадцать стихов¹²⁷. Но в них дается одно ясное указание: ключевым моментом всего этого длительного периода была встреча Моисея с Яхве у Неопалимой Купины — встреча, состоявшаяся у подножия горы Синай, где позже будет построен ковчег Завета.

Это случилось задолго до того, как Моисей уговорил свой народ последовать за ним через Красное море. Не означает ли это, что он хорошо изучил страшные пустыни Синайского полуострова? Месторасположение Неопалимой Купины не оставляет сомнений в том, что по крайней мере часть своего сорокалетнего изгнания пророк провел в этих гористых пустынях. Возможно даже, что он провел там большую часть или весь этот период, — такой точки зрения придерживаются многие ученые. По мнению выдающегося египтолога Ахмеда Османа, Моисей мог провести там до четверти века, проживая в поселении на горе Серабит эль-Хадем всего лишь в пятидесяти милях от горы Синай¹²⁸.

В июне 1989 года я посетил Серабит эль-Хадем, возвышающуюся на суровом и голом нагорье в центре южной части Синайского полуострова. На плоской вершине горы, совершенно не посещаемой туристами, сохранились развалины поселения, в котором якобы жил Моисей. Здесь высятся обелиски, алтари и изящные колонны, которые когда-то были частью большого египетского храма. Как верховный жрец древнеегипетской религии Моисей должен был, на мой взгляд, чувствовать себя здесь вполне комфортно. Если же он действительно бежал от гнева фараона после убийства надсмотрщика, как говорится в Библии, тогда он находился в относительной безопасности в этом глухом месте.

Я решил побольше разузнать о Серабит эль-Хадеме, и после посещения горы провел целое исследование, в ходе которого высветились два примечательных факта.

Во-первых, местоположение виденного мною храма было тщательно исследовано в 1904—1905 годах великим английским археологом сэром Уильямом Флиндерсом Петри, обнаружившим здесь обломки нескольких каменных

табличек¹²⁹. На них содержались надписи, выполненные неизвестным пиктографическим письмом, — как выяснилось позднее, на одном из семито-ханаанских языков, родственном древнееврейскому¹³⁰.

Во-вторых, я обнаружил, что поселение на горе Серабит эль-Хадем примерно с 1990 до 1190 год до н.э. было важным центром добычи и производства меди и бирюзы¹³¹. Следовательно, предположение о том, что Моисей мог проживать здесь в XIII веке до н.э. — непосредственно перед началом Исхода, не содержит никакого анахронизма. А тот факт, что примерно в это же время там использовался родственный еврейскому алфавит, выглядит как очередное подтверждение этой точки зрения. Меня весьма заинтересовало то, что Серабит представлял собой своего рода промышленный и металлургический комплекс и что во всем этом районе велись горные работы в широком масштабе. Если Моисей действительно прожил здесь долгое время, то он не мог не обрести знаний о минералах и рудах южной части Синайского полуострова.

После посещения Серабит эль-Хадема в июне 1989 года я проехал на джипе пятьдесят миль по пустыне до горы Синай. Этот район нельзя назвать «пустыней» в строгом смысле этого слова: несмотря на большие песчаные пространства, местность состоит в основном из иссушенных горных хребтов красного цвета, на которых почти ничего не растет. Единственные пятна зелени — редкие оазисы в долинах, и один из таких оазисов, богатый финиковыми пальмами, расположен у подножия горы Синай. В IV веке н.э. здесь, на предполагаемом месте Неопалимой Купины, была возведена христианская часовня. В последующие годы часовню значительно расширили, и к V веку она превратилась в солидный монастырь под патронажем Александрийский коптской церкви. В VI веке римский император Юстиниан воздвиг вокруг монастыря массивные стены для защиты от набегов бедуинских племен. В конце концов в XI веке весь монастырский комплекс был посвящен святой Екатерине¹³². В честь этой святой его так именуют и по сей день, и в нем до сих пор сохранились постройки V и VI столетий.

Прежде чем взойти на вершину горы Синай высотой в 2270 метров, я провел некоторое время в древнем монастыре. В главной церкви оказалось несколько примечательных икон, мозаичных и живописных картин, иные из которых насчитывали почти полторы тысячи лет. В садах за каменной оградой рос большой малиновый куст, который монахи считают подлинной Неопалимой Купиной¹³³. Это определено не так; более того, я прекрасно знал, что и для отождествления горы Синай с той самой «горой Синай», которая упомянута в Библии, убедительных оснований не найдено. Однако монастырские предания, восходящие по крайней мере к IV веку н.э., называли «горой Бога» именно этот горный пик, а они почти наверняка основывались на надежных источниках информации, ныне утраченных¹³⁴. К тому же, я знал, что это подтверждают и предания местных племен: бедуины называли гору Синай просто «Джебель Муса» — «гора Моисея»¹³⁵. В целом, ученые также связывают библейскую гору Синай с пиком, носящим это название в наши дни, и лишь кое-кто предпочитает ему другие, расположенные вблизи горные вершины (например, Джебель Сербаль¹³⁶).

Должен признаться, что после восхождения на гору Синай в июне 1989 года я уже не сомневался, что это и была та гора, к которой Моисей привел израильтян «на третий месяц» после исхода из Египта. На вершине я задержался, взирая на мили и мили выветрившегося и зубчатого высокогорья, спускавшегося вдали к сухим равнинам. В воздухе висела голубовато-зеленоватая дымка... и тишина... Нет, скорее, неподвижность. Потом внезапно подул ветер — прохладный и сухой на этой высоте, и я увидел, как орел воспарил в восходящем потоке теплого воздуха, заскользил на одной высоте со мной и исчез из виду. Я еще немного постоял в одиночестве на этой суровой и неприветливой вершине, думая о том, что вряд ли Моисей мог выбрать более впечатляющее и более подходящее место для получения десяти заповедей из руки Бога.

Но за этим ли пришел еврейский волхв на гору Синай? Мне казалось, что существует и альтернативный сценарий.

Не состояло ли его истинное намерение изначально в том, чтобы изготовить ковчег Завета и поместить в него некий мощный источник энергии, сырье для которого он со знанием дела искал на вершине именно этой горы?

Разумеется, это всего лишь гипотеза, но я уже предупредил, что здесь мы занимаемся именно гипотетическими построениями и даем воображению известную волю. Если Моисей знал, что на вершине горы Синай находится некое мощное вещество, тогда что могло представлять собой это вещество?

Одна догадка (изложенная в ином контексте в главе 3) состоит в том, что скрижали, на которых Бог якобы записал десять заповедей, были в действительности двумя фрагментами метеорита. Эту любопытную версию, напоминающую о «камне Грааля» Вольфрама фон Эшенбаха (который якобы ангелы спустили с неба¹³⁷), всерьез рассматривают несколько первоклассных специалистов по Библии. Они указывают на поклонение метеоритным осколкам в ряде древних семитских культур¹³⁸ и замечают:

«Помещение скрижалей в закрытый ящик представляется несколько странным... Слова закона, высеченные на камне, явно предназначались для обнародования... поэтому можно предположить, что в ковчеге хранились не две скрижали, а камень-фетиш, метеорит с горы Синай»¹³⁹.

Если это предположение верно, тогда остается только гадать, какой именно элемент мог входить в «метеорит с горы Синай». В любом случае логично предположить, что он мог быть радиоактивным или обладал некими химическими свойствами, которые делали его полезным для Моисея, если он намеревался изготовить мощный и долговечный источник энергии и установить его в ковчеге.

Само Священное Писание ничуть не исключает идею, что Моисей мог что-то изготовить на горе Синай. Напротив, многие места в относящихся к делу главах Книги Исход достаточно своеобразны и загадочны, чтобы подвести именно к такому толкованию.

Так называемое «Богоявление» — явление божества смертному человеку — началось сразу же после того, как израильтяне разбили лагерь у подножия горы, когда «Моисей взошел к Богу [на гору], и воззвал к нему Господь с горы...»¹⁴⁰.

На этой ранней стадии Библия не упоминает дым, огонь и прочие спецэффекты, которые вскоре выйдут на сцену. Нет — пророк просто взошел на гору и побеседовал с Яхве наедине, без свидетелей. Примечательно, что в числе первых наставлений, полученных им от божества, было следующее:

«...И проведи для народа черту со всех сторон и скажи: берегитесь восходить на гору и прикасаться к подошве ее; всякий, кто прикоснется к горе, предан будет смерти... пусть побьют его камнями, или застрелят стрелой... да не останется в живых»¹⁴¹.

Само собой разумеется, что у Моисея были серьезные основания наложить такой строгий и «Богом указанный» запрет, если он действительно планировал изготовить или переработать некое вещество на горе Синай: перспектива быть побитыми камнями или стрелами обязательно удержала бы любопытных от попыток увидеть, чем там занимается Моисей, и тем самым позволила бы ему поддержать иллюзию того, что он встречается с Богом.

Как бы там ни было, настоящий спектакль начался лишь после того, как пророк провел на горе три дня:

«На третий день, при наступлении утра, были громы и молнии, и густое облако над горою [Синайскою], и трубный звук весьма сильный; и вострепетал весь народ, бывший в стане... Гора же Синай вся дымилась оттого, что Господь сошел на нее в огне; и восходил от нее дым, как дым из печи...»¹⁴²

Поначалу Моисей, по-видимому, проводил только часть времени в одиночестве на вершине и часто бывал в стане. Однако вскоре Бог сказал ему:

«Взойди ко Мне на гору и будь там; и дам тебе скрижали каменные, и закон, и заповеди, которые Я написал...»¹⁴³

То была лишь прелюдия к ключевому событию на горе Синай — получению Моисеем двух скрижалей, которые он позже вложит в ковчег Завета.

Восхождение пророка сопровождалось новыми спецэффектами:

«И взошел Моисей на гору, и покрыло облако гору, и слава Господня осенила гору Синай; и покрывало ее облако шесть дней, а в седьмой день [Господь] воззвал к Моисею из среды облака. Вид же славы Господней на вершине горы был пред глазами сынов Израилевых, как огонь поядающий. Моисей вступил в средину облака и взошел на гору; и был Моисей на горе сорок дней и сорок ночей»¹⁴⁴.

Стал бы всемогущий Бог тратить сорок дней и сорок ночей на передачу двух скрижалей своему пророку? Едва ли для этого понадобилось бы так много времени. Но если не получал никаких «скрижалей откровения», а изготавливал или доводил до ума некий компактный камнеподобный источник энергии, который собирался поместить в ковчег, тогда ему вполне могло понадобиться все это время для завершения работы.

С этой точки зрения, «огонь поядающий» на вершине горы, который израильтяне истолковали как «славу Господню», был, скорее, адским пламенем, производимым какими-то приспособлениями или химическими процессами, которые пророк использовал для достижения своей цели. И хотя эта гипотеза кажется притянутой за уши, ей все же далеко до удивительных сведений о скрижалях, содержащихся в Ветхом Завете, в Мишне, Мидраше, Талмуде и древнейших еврейских легендах.

Каменные скрижали?

Наиболее четкое описание скрижалей приводится в талмудистско-мидрашских источниках, которые сообщают следующие сведения: 1) скрижали были сделаны «из камня, подобного сапфиру»; 2) они имели «не более шести пядей в длину и столько же в ширину», но, тем не менее, были неве-

роятно тяжелыми; 3) они были твердыми, но гибкими; 4) они были прозрачными¹⁴⁵.

Именно на таких своеобразных камнях были якобы записаны десять заповедей — и не кем иным, как самим Яхве, как старательно указывается в Библии.

«И когда [Бог] перестал говорить с Моисеем на горе Синае, дал ему две скрижали откровения, скрижали каменные, на которых написано было перстом Божиим... И обратился и сошел Моисей с горы; в руке его были две скрижали откровения [каменные], на которых написано было с обеих сторон: и на той и на другой стороне написано было; скрижали были дело Божие, и письма, начертанные на скрижалях, были письма Божии»¹⁴⁶.

Итак, в теологическом плане не пристало сомневаться в святости ноши пророка: надписанные перстом самого Бога две скрижали были в буквальном смысле частицами божества. С библейской точки зрения, никогда еще смертному человеку не доверялось что-либо более ценное. Можно было подумать, что уж Моисей обязательно позаботится о них. Но он этого не сделал. Напротив, в порыве раздражения он разбил эти священные дары.

Почему же он так поступил? Согласно приведенному в Книге Исход объяснению, это случилось потому, что вероломные израильтяне, прождав Моисея сорок дней и потеряв надежду на то, что он когда-либо вернется, изготовили золотого тельца и стали ему поклоняться. Прибыв в стан, Моисей застал их «на месте преступления»: они совершали жертвоприношения, плясали и простирались ниц перед идолом. При виде такого вероотступничества пророк «воспламенился гневом и бросил из рук своих скрижали и разбил их под горою»¹⁴⁷. Затем он разделался с золотым тельцом, предал смерти около трех тысяч злейших идолопоклонников и восстановил порядок¹⁴⁸.

Такова официальная версия того, как и почему были разбиты скрижали. Но они были решительно необходимы, и потому их следовало заменить. Соответственно Бог повелел Моисею вернуться на вершину горы и получить две новых скрижали. Пророк повиновался и «пробыл там [Моисей] у

Господа сорок дней и сорок ночей... и написал [Моисей] на скрижалях слова завета, десятословие»¹⁴⁹. Затем Моисей снова сошел с горы, неся в руках скрижали, как и в прошлый раз. Тщательное изучение соответствующих библейских отрывков позволяет обнаружить одно существенное и красноречивое различие между двумя сошествиями его с горы: во втором случае «лицо его стало сиять лучами»¹⁵⁰; в первом же такое странное явление не упоминается.

От чего же могло засиять лицо пророка? Библейские книжники, естественно, предположили, что причиной тому была близость его к Богу, и объясняли: «...лице его стало сиять лучами оттого, что Бог говорил с ним»¹⁵¹. Но ведь Моисей уже несколько раз, начиная со встречи у Неопалимой Купины, стоял пред Яхве — и это не повлекло за собой никаких подобных последствий. Типичный случай имел место перед его второй сорокадневной экспедицией на Синай. В стане израильтян он долго беседовал с божеством в специально освященной постройке под названием «скиния собрания»¹⁵². Там «говорил Господь с Моисеем лицом к лицу, как бы говорил кто с другом своим»¹⁵³, но нет даже намек на то, что в результате кожа пророка засияла.

Так что же вызвало подобный эффект? Не резонно ли предположить, что это сделали сами скрижали? Косвенное подтверждение можно найти в талмудистских и мидрашских источниках, утверждающих, что скрижали были насыщены «божественным сиянием». Когда Бог передавал их Моисею, «Он взял их за верхнюю треть, а Моисей — за нижнюю треть, но одна треть осталась открытой, и таким способом божественное сияние пролилось на лицо Моисея»¹⁵⁴.

Поскольку этого не случилось с первыми скрижалями (которые Моисей разбил), резонно спросить: почему во второй раз все было иначе? Может быть, Моисей обнаружил, что первый комплект скрижалей был технически несовершенным как источник энергии именно потому, что они *не* обожгли его лицо? Тогда стало бы ясно, почему он разбил их. От второго же комплекта он получил ожог. Может быть, это убедило Моисея, что использованный для их изготовления процесс сработал, и он уверился, что они будут исправно действовать внутри ковчега.

Предположение о том, что сияние или свечение лица Моисея было вызвано ожогом, конечно же, чисто гипотетическое. Оно не находит подтверждения в Библии. Тем не менее, такой вывод из немногих доступных сведений представляется мне вполне резонным. Описание сошествия пророка с горы со вторым комплектом скрижалей ограничено всего семью стихами в главе 34 Книги Исход¹⁵⁵. Но и из них совершенно ясно: когда он явился в стан, вид его был настолько страшен, что все израильтяне «боялись подойти к нему»¹⁵⁶. Щадя их чувства, он «положил на лице свое покрывало»¹⁵⁷ и с тех пор постоянно носил его и снимал только, оставшись один в своем шатре¹⁵⁸.

Разве это похоже на поведение человека, которого коснулось сияние Бога? Скорее уж, это поведение человека, получившего сильный ожог от некоего мощного источника энергии.

Свидетельство утраченных истин

Предаваться домыслам об истинном характере ковчега Завета и его содержимого можно до бесконечности. Я прошел по этому пути настолько далеко, насколько пожелал. Читателю, который пожелает пойти дальше меня, будет небезынтересно изучить в первую очередь материалы, из которых был изготовлен ковчег. Похоже, было использовано значительное количество золота — металла, не только красивого и благородного, но и химически инертного и обладающего исключительной плотностью. В частности, крышка реликвии, по мнению одного ученого раввина XII века н.э., была в ладонь толщиной¹⁵⁹. Поскольку ладонь обычно измерялась от кончика большого пальца до кончика вытянутого мизинца, это означает, что ковчег закрывался массивным бруском цельного золота толщиной в *23 сантиметра*¹⁶⁰. Почему потребовалось столько ценного металла? И случайно ли, что источником этой информации, как и многих других сведений о священной реликвии, был раввин Шломо Ицхак, родившийся и проведший большую часть жизни в городе Труа, в самом сердце французской

провинции Шампань?¹⁶¹ Этот же город был родным и для Кретьена де Труа, сочинение которого о Граале, написанное через семьдесят пять лет после смерти раввина, положило начало жанру, который вскоре продолжит Вольфрам фон Эшенбах. И именно в Труа святой Бернар Клервоский составил устав ордена тамплиеров. Таким образом, загадки и намеки на разгадки множатся.

Любопытным не помешает поразмыслить и над своеобразными одеждами, в которые облачались первосвященники Древнего Израиля, прежде чем приблизиться к ковчегу¹⁶². Считалось, что без таких одежд их жизнь подвергалась опасности¹⁶³. Шла ли речь лишь о суеверии и ритуале? Или защитная одежда имела какое-то отношение к природе самого ковчега?

С этим связан и другой момент — необычные покрывала из двух слоев ткани и одного слоя кожи, в которые заворачивали ковчег для транспортировки¹⁶⁴ (явно для того, чтобы уберечь от смерти любого, кто мог случайно прикоснуться к нему во время переноски¹⁶⁵). Даже когда все эти предосторожности соблюдались, священная реликвия порой убивала своих носильщиков — исторгая «искры»¹⁶⁶. Что это были за искры? Быть может, покрывала — сделанные из непроводящих материалов¹⁶⁷ — служили для изоляции?¹⁶⁸

Представляет потенциальный интерес и история сыновей Аарона Надава и Авиуда, пораженных ковчегом вскоре после его установки в скинии (я описал вкратце этот эпизод в главе 12: согласно Священному Писанию, из ковчега вырвался огонь «и сжег их, и умерли они...»¹⁶⁹). Удивительно, что Моисей пренебрег долгими похоронными обрядами и приказал вынести тела далеко «за стан»¹⁷⁰. Почему он поступил таким образом? Чего именно он боялся?

Переместившись вперед во времени, подскажу тем, кто желает узнать побольше: не ограничивайтесь изучением текста в Библии, в котором описываются страшные напасти, насылавшиеся ковчегом на филистимлян на протяжении семи месяцев, что он находился в их руках после захвата в битве при Авен-Езере¹⁷¹. Я описал эти события в главе 12, но умолчал о многом из того, что можно было бы сказать.

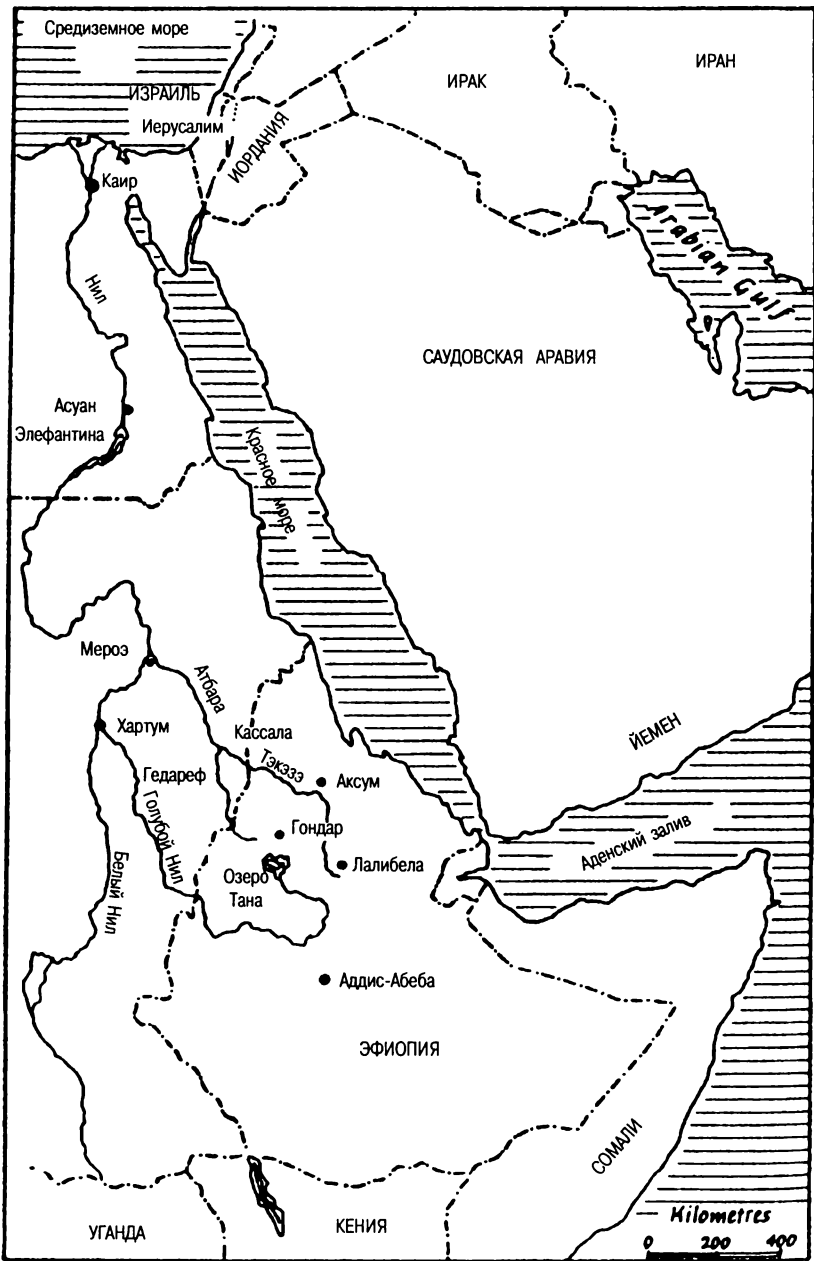
Немало головоломок можно было бы решить при тщательном изучении событий, происходивших после того, как филистимляне возвратили ковчег израильтянам, и до того, как царь Соломон в конце концов установил его в святая святых своего храма в Иерусалиме. Уверен, что существует объяснение тех чудес и ужасных происшествий, которые ему приписывают в тот период¹⁷², — разумное объяснение, связанное с природой аппарата, изготовленного человеком, а не с Божьим промыслом и сверхъестественными силами.

Собственные изыскания привели меня к выводу, что священную реликвию можно понять должны образом, только если рассматривать ее под этим углом — не как хранилище сверхъестественных сил, а как изделие рук человека и как орудие. Нет сомнений в том, что это орудие не имело ничего общего с привычными нам плодами технического прогресса. И все же оно было порождением человеческого гения, изготовленным руками человека для достижения вполне человеческих целей. Но даже в этом случае он остается для меня загадкой. Дар древней и тайной науки наводит на мысль, что ковчег Завета является ключом к загадочной и забытой истории рода человеческого, символом нашей забытой славы и свидетельством утраченных истин о нас самих.

И разве поиски ковчега, или Грааля, — это не то же самое, что поиски знания, поиски мудрости и просвещения?

ЧАСТЬ ПЯТАЯ:
ИЗРАИЛЬ И ЕГИПЕТ, 1990 год

ГДЕ ЖЕ СЛАВА?

«ОТОШЛА СЛАВА ОТ ИЗРАИЛЯ...»

Вечером 4 октября 1990 года я вступил в *древний* Иерусалим через Яффские ворота. Перейдя через площадь Омара ибн эль-Хатаба с ее гостеприимными кафе и лотками уличных торговцев, я оказался в запутанном лабиринте узеньких улочек, мощенных древними булыжниками.

Несколько лет назад весь этот район наверняка был бы запружен покупателями и туристами, но сейчас он пустынен. Палестинская интифада и недавние угрозы Ирака «высечь» Израиль ракетами «Скад» разогнали почти всех иностранцев.

По правую руку от меня находился армянский квартал, а слева — христианский храм Гроба Господня, разделенный между шестью конфессиями христианской церкви: католической, греко-православной, армянской, коптской, сирийской и эфиопской. В этом величественном здании расположен придел Обретения креста, который победоносный мусульманский полководец Саладин даровал — по просьбе царя Лалибелы — эфиопской общине Иерусалима после изгнания крестоносцев из города в 1187 году¹. В последующие годы эфиопы утратили права на придел. Однако, как я знал, они сохранили на его крыше крупный монастырь.

Я продолжал шагать в восточном направлении тихими и пустынными улочками, многие из которых были укрыты брезентовыми навесами от яркого и жаркого вечернего солнца, отчего создавалось впечатление, будто находишься в подземном мире. Несколько потерявших всякую надежду торговцев, сидевших в дверях своих лавочек, делали несме-

лые попытки продать какие-то никому не нужные сувениры и целые мешки апельсинов, которые мне вовсе не улыбалось тащить на себе.

Я шагал по улице Оков. Теперь справа от меня располагался еврейский район, где сновали группы молодых хасидов в темных костюмах и неуместных меховых шапках; всем своим видом они давали понять, что они здесь хозяева. Слева находился мусульманский район, полнившийся скорбью, смятением и отчаянием. А впереди, среди хаоса древнего города, как золотой символ надежды, высилась Скальная мечеть, воздвигнутая халифом Омаром и его преемниками в VII веке н.э. и считающаяся третьим по значению священным центром исламского мира².

Именно на Скальную мечеть я и приехал посмотреть — не столько из-за ее значения для мусульман, сколько из-за того, что она была сооружена на месте храма Соломона. Внутри нее, как мне было известно, я увижу большой камень, который ортодоксальные иудеи называли *шетийя*, или краеугольным камнем мира. В X веке именно на этот камень «во мгле» святилища сам царь Соломон возложил ковчег Завета³. Подобно человеку, что стремится вызвать в памяти образ давно ушедшей возлюбленной, поглаживая какой-либо предмет ее одежды, я надеялся, что, прикоснувшись к *шетийе*, обрету более глубокое понимание утраченной реликвии, которую я искал.

В тот октябрьский вечер мои намерения не ограничивались этим. Я знал, что в нескольких сотнях метров от Скальной мечети стоит мечеть Аль-Акса, которую тамплиеры использовали в XII веке в качестве своей штаб-квартиры. С этой базы, подозревал я, тамплиеры вели собственные изыскания в пещерах под *шетийей*, где, как указывают некоторые легенды, был спрятан ковчег незадолго до разрушения храма Соломона⁴.

Именно в мечеть Аль-Акса я и отправился первым делом. Скинув туфли, я вошел в просторное и прохладное прямоугольное помещение, почитаемое мусульманами как «самое дальнее святилище», в которое ангелы якобы перенесли Мухаммеда во время его знаменитого ночного путешествия. Существовавшие при жизни пророка (570—632 гг.) молебель-

ни исчезли давным-давно, и я столкнулся с мешаниной архитектурных стилей, старейший из которых датируется 1035 годом, а самый молодой — периодом 1938—1942 годов, когда итальянский диктатор Муссолини внес пожертвование на сооружение целого леса мраморных колонн, а король Египта Фарук финансировал реставрацию потолка⁵.

Тамплиеры также оставили свой след в великой мечети. Заняв ее в 1119 году и оставаясь в ней до 1187 года, когда их изгнал из Иерусалима Саладин, они, среди прочего, пристроили к центральному portalу три великолепных пролета. Остальные постройки тамплиеров впоследствии были разрушены. Кроме упомянутых пролетов, от них сохранились только трапезная (присоединенная к соседней женской половине мечети) и просторный подвал, который они использовали под конюшни для своих лошадей (так называемые «Конюшни Соломона»)⁶.

Осторожно пробираясь в одних носках среди мусульман, уже собиравшихся на вечернюю молитву, я ощущал и странную легкость, и в то же время некую настороженность. Беспорядочная смесь разных эпох — старого с новым, мраморных колонн Муссолини с исламскими мозаиками одиннадцатого столетия — кружила мне голову. Пронизанные ароматами благовоний сквозняки гуляли по просторному, залитому светом помещению, вызывая видения европейских рыцарей, живших и умиравших здесь в давние времена и назвавших свой странный и скрытый орден в честь храма Соломона, место которого, ныне занятое Скальной мечетью, находилось отсюда всего в двух минутах ходьбы.

Появление храма объяснялось весьма просто. Он был задуман и спроектирован не более и не менее как «дом покоя для ковчега Завета Господня»⁷. Но ковчег давным-давно исчез; не стало и храма. Он был полностью разрушен вавилонянами в 587 году до н.э. Через полвека постройку Соломона сменил второй храм, который, в свою очередь, сровняли с землей римляне в 70-е годы н.э. Площадка пустовала до нашествия мусульманских армий в 638 году, когда и была возведена Скальная мечеть⁸.

На протяжении всего этого времени *шетийя* оставалась на прежнем месте. Священный пол, на коем покоился когда-то ковчег, — единственный сохранившийся элемент, который пережил все исторические бури, видел иудеев и вавилонян, римлян, христиан и мусульман, видел, как они приходили и уходили, и простоял до нашего времени.

Покинув мечеть Аль-Акса, я надел туфли и направил стопы к обрамленному деревьями участку Храмовой горы и к Скальной мечети. Огромное, но изящное восьмиугольное здание, облицованное роскошной голубой плиткой, отличается прежде всего своим массивным золотым куполом, который видно издалека, из самых разных районов Иерусалима. На мой взгляд, в этом высоком и совершенном памятнике не было ничего подавляющего. Напротив, он вызывал чувство легкости и изящества, в то же время внушая впечатление сдержанной, но обнадеживающей силы.

От интерьера у меня буквально перехватило дыхание. Парящий потолок, колонны и арки, поддерживающие внутренний восьмиугольник, разного рода ниши и альковы, мозаичные картины, надписи — все эти и многие другие элементы сливались в благородной гармонии пропорций, красноречиво свидетельствующей о стремлении человечества к божественному и придающей этому стремлению возвышенность и глубину.

Как только я вошел, мой взгляд невольно устремился вверх — к куполу, очертания которого терялись в прохладной мгле. Затем, словно притянутый мощным магнитом, взор мой скользнул к самому центру мечети, где прямо под куполом лежала огромная рыжевато-коричневая скала, местами гладкая, а кое-где с зазубринами.

Это и была *шетийя*. Я направился к ней. Сердце мое забилось быстрее, дыхание перехватило. Нетрудно было понять, почему древние воспринимали этот огромный валун как краеугольный камень мира и почему царь Соломон избрал его главным украшением своего храма. Асимметричный, с грубой поверхностью, он возвышался над скальным основанием горы Мориа столь же прочно и непоколебимо, как сама земля.

Ограда из резного дерева опоясывала всю центральную часть мечети, но в одном углу ограды был устроен проход, через который мне позволили пройти и коснуться рукой *шетийи*. От прикосновений бесчисленных поколений паломников скала в этом месте стала гладкой, отполированной, как стекло. Я стоял, погруженный в размышления, буквально впитывая пальцами неимоверную древность этого странного и удивительного камня. Пусть это была и небольшая победа, но она значила для меня чрезвычайно много, ибо подарила мне этот миг спокойного размышления у источника тайны, которую я пытался постигнуть.

В конце концов я оторвал руку от камня и продолжил обход *шетийи*. С одной стороны от нее ступеньки вели в глубокий провал под камнем — пещерообразную каменную гробницу, которую мусульмане называли Бир эль-Арвех — «Колодцем душ». Временами здесь, по словам правоверных, можно услышать голоса умерших и журчание райских рек. Когда же я спустился по ступенькам, то не услышал ничего, кроме слов молитв нескольких паломников, спустившихся сюда раньше меня: простершись ниц на холодном скальном полу, они зывали на сладкозвучном арабском к Аллаху, Сострадательному и Милосердному, — к божеству, пророками которого задолго до Мухаммеда были Авраам и Моисей и которое в своей абсолютной *исключительности* ничем не отличалось от Яхве, Бога ковчега⁹.

Я уже знал, что ряд иудейских и исламских легенд описывает запечатанный секретный проход под Колодцем душ, ведущий в подземные глубины, где, предположительно, был спрятан ковчег во время разрушения храма Соломона и где, по мнению многих, он покоится по сей день, охраняемый духами и демонами¹⁰. Я подозревал, что тамплиеры могли знать об этих легендах и искали здесь ковчег еще в XII веке. Одна из таких легенд могла вызвать у них особый интерес, ибо представляла собой свидетельство очевидца — некоего Варуха — о появлении «ангела Господня» за несколько мгновений до вторжения вавилонской армии в храм:

«И увидел я, как он спустился в святая святых и снял с него завесу, и [взял] священный ковчег, и его крышку, и две скри-

жали... И крикнул он громким голосом: «Земля! Земля! Земля! Выслушай слово Бога Всемогущего и прими, что я вручу тебе, и храни все до последних времен, так что когда прикажут тебе, ты вернешь их, а чужаки не завладеют ими...» И земля открыла свой зев и поглотила их»¹¹.

Но если этот текст и вдохновил тамплиеров на поиски под Колодцем душ, они все равно ничего там не нашли — в этом я был уверен. Так называемый Апокалипсис Варуха (из которого взята вышеприведенная цитата) вполне мог показаться им подлинным древним документом VI века до н.э. Но в действительности, как установили позднее ученые, он был написан в конце I века н.э. и поэтому не мог быть свидетельством очевидца о сокрытии священной реликвии. Напротив, от начала и до конца это был плод разыгравшего воображения, не имевший никакой исторической подоплеки¹².

По этому и другим соображениям я был уверен, что тамплиеров постигла неудача в раскопках под Храмовой горой. Кроме того, я подозревал, что позднее они узнали о притязаниях Эфиопии на роль последнего пристанища ковчега и поэтому в конце концов туда отправилась группа рыцарей¹³.

Я следовал тем же путем, что и тамплиеры — за много столетий до меня, и чувствовал, что он повелительно ведет к часовне в священном городе Аксум. Прежде чем проникнуть в раздираемое войной нагорье Тиграй, я хотел убедиться, что утерянная реликвия не находится ни в какой другой стране, ни в каком другом месте. Именно это желание и привело меня 4 октября 1990 года к месту, где некогда стоял храм Соломона. И именно это желание тянуло меня к *шетийе* — основанию, на котором стоял ковчег вплоть до своего исчезновения.

Это была моя отправная точка, и теперь я намеревался использовать оставшееся мне в Иерусалиме время для бесед с религиозными деятелями и учеными и для глубокого исследования всех известных обстоятельств таинственного исчезновения реликвии. И только если я и после этого буду все еще убежден в достоверности притязаний Эфиопии, я

окончательно решусь на поездку в Аксум. Оставалось лишь четыре месяца до обрядов Тимката в январе 1991 года, во время которых на крестный ход будет вынесен, как я надеялся, предмет, считающийся ковчегом. Я остро сознавал, что мое время истекает.

Какой дом ты можешь построить для меня?

Ковчег был помещен в храм Соломона около 955 года до н.э.¹⁴ Вот как это описывается в III Книге Царств:

«Тогда созвал Соломон старейшин Израилевых... И внесли священники ковчег Завета Господня на место его, в давир храма, во Святое Святых... Когда священники вышли из святилища, облако наполнило дом Господень; и не могли священники стоять на служении, по причине облака, ибо слава Господня наполнила храм Господень. Тогда сказал Соломон: Господь сказал, что он благоволит обитать во мгле; я построил храм в жилище Тебе, место, чтобы пребывать Тебе во веки... Поистине, Богу ли жить на земле? Небо и небо небес не вмещают Тебя, тем менее сей храм, который я построил...»¹⁵

Согласно Священному Писанию, жены царя Соломона позднее «склонили сердце его к иным богам», и с особым усердием он стал «служить Астарте, божеству Сидонскому, и Милхому, мерзости Аммонитской»¹⁶. В связи с такой склонностью к вероотступничеству трудно поверить, что монарх, чья легендарная мудрость была «выше... всей мудрости Египтян»¹⁷, когда-либо питал особое уважение к Яхве. По той же причине я не думал, что, высказывая сомнения по поводу способности храма «вместить» ковчег, он воздавал должное всемогуществу и вездесущности Бога Израиля. Напротив, как мне кажется, произнося эти слова, Соломон выразил искренние опасения скорее прагматического, нежели духовного свойства. Не может ли священная реликвия вырваться на свободу, несмотря на то что ее установили на сам краеугольный камень мира? Не окажутся ли заключенные в ней непредсказуемые силы достаточно мощными и опасными,

чтобы прожечь «мглу» святая святых и разрушить возведенный над нею великий Храм?

Именно в этом, чувствовал я, заключался реальный смысл того, что храм был построен не столько как земной дворец для возлюбленного и драгоценного, но бестелесного божества, сколько как своеобразная тюрьма для ковчега Завета. В святая святых, над двумя херувимами золотой крышки реликвии, Соломон установил еще двух позолоченных херувимов гигантского размера — эдаких мрачных стражей с размахом крыльев в четыре с половиной метра¹⁸. А святая святых — предназначенная, как указывается в Библии, для того, чтобы «поставить там ковчег Завета Господня»¹⁹, — представляла собой правильный куб 9,5 метра в длину, ширину и высоту²⁰. Его пол, стены и потолок были обложены листами чистого золота общим весом около 20,4 тонны²¹, закрепленными золотыми же гвоздями²².

Эта золотая клетка была не единственным элементом здания храма, привлечшим мое внимание. Не менее интересной была и родословная ремесленника-иноземца, призванного выполнить все работы по металлу:

«И послал царь Соломон и взял из Тира Хирама, сына одной вдовы, из колена Неффалимова... Он владел способностью, искусством и умением выделывать всякие вещи из меди»²³.

Выделенные курсивом слова сразу же захватили мое внимание. Почему? Да потому, что при первом же упоминании в литературе герой Грааля Парцифаль описывается почти теми же словами: «сын овдовевшей дамы»²⁴. И Кретьен де Труа, основатель жанра, и его преемник Вольфрам фон Эшенбах дали ясно понять, что мать Парцифала была вдовой²⁵.

Не наткнулся ли я еще на одно из тех причудливых совпадений, в которых под видом фантастических походов за Святым Граалем описывались реальные поиски утраченного ковчега? И в тех, и в других поисках ключевую роль играли тамплиеры, а после уничтожения ордена тамплиеров в XIV веке многие их традиции были сохранены франкмасонами. Меня заинтриговал тот факт, что Хирам из Тира, при-

званный, судя по Библии, Соломоном в Иерусалим, был не только сыном вдовы, как Парцифаль, но и фигурой огромного значения для франкмасонов, называвших его Хирамом Абифом и ссылавшихся на него во всех своих основных ритуалах²⁶.

Согласно масонскому преданию, Хирам был убит тремя своими помощниками вскоре после завершения своих работ по меди для храма. Этот эпизод по какой-то причине считался столь значимым, что символически воспроизводился в масонском обряде посвящения в магистры: посвящаемый должен был играть роль жертвы убийства. В одном солидном издании я нашел описание современной церемонии (которая регулярно совершается и по сей день):

«Лежа на земле с завязанным глазами, посвящаемый слышит, как трое убийц решают спрятать его под грудой щебня до полуночи, после чего перенесут тело подальше от храма. В ходе символического погребения соискателя заворачивают в одеяло и относят к стене комнаты. Вскоре он слышит двенадцать ударов колокола, и его переносят из-под груды щебня к могиле, вырытой на склоне холма «к западу от горы Мориа» (т.е. Храмовой горы). Он слышит, как убийцы решают отметить его могилу побегом акации, а затем бегут в Эфиопию через Красное море»²⁷.

Отметим здесь новые совпадения: менее важное — побег акации (того же дерева, что было использовано для изготовления ковчега) и более важное — масонское предание о намерении убийц Хирама бежать «в Эфиопию». Я не мог отделаться от ощущения, что эти подробности имеют непосредственное отношение к моему исследованию.

Я обратился к Библии и обнаружил, что одним из медных предметов храмовой обстановки, изготовленных Хирамом, было

«литое из меди море, — от края его до края его десять локтей, — совсем круглое, вышиною в пять локтей, и снурок в тридцать локтей обнимал его кругом... Толщиною оно было в ладонь, и края его, сделанные подобно краям чаши, походили на распутившуюся лилию. Оно вмещало две тысячи батов»²⁸.

Это «море», знал я, стояло во дворе храма. То был огромный медный бассейн диаметром в 4,5 метра и высотой в 2,3 метра. Весил он около тридцати тонн пустым, но обычно был наполнен примерно 45 тысячами литров воды²⁹. Многие специалисты открыто признают, что не знают, каково было его предназначение, хотя некоторые полагают, что он символизировал первозданные воды, упомянутые в Книге Бытия³⁰, а другие считают, что священники использовали его для ритуальных омовений³¹. Мне же обе эти гипотезы показались сомнительными, в особенности вторая, поскольку Библия совершенно ясно указывает, что именно для этой цели Хирам изготовил десять более мелких медных умывальниц (каждая умывальница, стоявшая на своей подставе с колесами, вмещала «сорок батов»³²). Рассмотрев все эти факты, я записал в своем блокноте следующие рассуждения:

«Возможно ли, что медное «море», изготовленное Хирамом для двора храма Соломона, было возвратом к древнеегипетским ритуалам, по которым были смоделированы церемонии с ковчегом? На празднике Апета в Луксоре «ковчег» с изображениями богов всегда выносили к воде³³. То же самое происходит сегодня в Эфиопии: во время Тимката в Гондаре *таботат* выносят к берегу «священного озера» позади замка³⁴. Так не было ли медное Море своеобразным священным озером?»

Согласно Библии, Хирам также изготовил для храма Соломона «и тазы, и лопатки, и чаши»³⁵, а помимо того

«два медных столба, каждый в восемнадцать локтей вышиною, и снурок в двенадцать локтей обнимал окружность того и другого столба... И поставил столбы к притвору храма; поставил столб на правой стороне и дал ему имя Иахин, и поставил столб на левой стороне, и дал ему имя Воаз... Так была окончена работа над столбами»³⁶.

Иахин и Воаз, как я обнаружил, также фигурируют в преданиях масонов³⁷. Согласно «древнему обряду», эти большие столбы были полыми. В них были спрятаны «древние записи» и «ценные писания», принадлежавшие прошло-

му еврейского народа³⁸. Среди этих записей, утверждали масоны, хранились «тайна магического *Шамира* и история его свойств»³⁹.

Упоминание «магического *Шамира*» разбередило мое любопытство. Что это такое? Только ли одна из тайн масонов? Или он упоминается в Библии?

После изнурительных поисков я смог убедиться, что слово «Шамир» появляется в Ветхом и Новом Заветах только четыре раза⁴⁰: трижды — как название места и однажды — как имя человека. Очевидно, что ни то ни другое не могло быть «магическим» Шамиром, тайны которого, по утверждениям масонов, были скрыты в медных столбах Хирама.

Искомую информацию я нашел не в Священном Писании, а в талмудистско-мидрашских источниках. Поскольку Моисей повелел израильтянам строить жертвенники, «не поднимая на них железа»⁴¹, Соломон приказал не пользоваться молотками, топорами и зубилами для вырезания и обработки множества массивных каменных блоков, из которых строились внешние стены и двор храма. Вместо них он предложил ремесленникам древнее приспособление, восходившее ко временам самого Моисея⁴². Это приспособление носило название «шамир», и с его помощью можно было резать самые твердые материалы без трения и разогрева⁴³. Его также называли «камнем, расщепляющим скалы»⁴⁴:

«Шамир нельзя помещать в железный сосуд и вообще в любой металлический сосуд — он разорвет его на куски. Его хранят завернутым в шерстяную ткань и помещенным затем в свинцовое ведро, наполненное ячменными отрубями... С разрушением храма шамир исчез»⁴⁵.

Я был просто очарован этим странным древним преданием, в котором утверждалось также, что шамир «обладал удивительным свойством — он мог резать твердейший из алмазов»⁴⁶. Позже я нашел другую версию той же легенды, в которой добавлялось, что этот инструмент работал совершенно бесшумно⁴⁷.

Принимая все во внимание, я пришел к выводу, что эти свойства (как и многие свойства ковчега Завета) — скорее высокотехнологичные по своей природе, нежели «магические» или сверхъестественные. Кроме того, мне показалось примечательным, что такое приспособление — опять же подобно ковчегу — было напрямую связано с Моисеем. И наконец, я нашел интересным тот факт, что и масоны создали о шамире собственные предания, утверждавшие, что его секреты были спрятаны в двух медных столбах, поставленных сыном вдовы Хирамом «к притвору храма».

Не раскрыв эти давно утраченные секреты, сознавал я, мне нечего и надеяться на продвижение по этой линии исследования. В то же время я чувствовал, что история сгущает завесу тайны, скрывающую истинную природу огромной твердыни на вершине Храмовой горы, построенной и освященной как «дом покоя ковчега Завета Господня». Со своими медными столбами и медным «морем», со своими гигантскими херувимами и золотым внутренним святилищем храм Соломона явно был местом совершенно особым: великолепно оформленным средоточием религиозного страха, центром иудейской веры и культурной жизни. Но как, в таком случае, ковчег мог из него исчезнуть?

Сусаким, Иоас и Навуходоносор

Самый очевидный ответ на последний вопрос (окажись он правильным — и он полностью опровергнет притязания Эфиопии): ковчег могли захватить в качестве трофея во время одного из нескольких военных поражений Израиля после смерти Соломона.

Первое имело место в 926 году до н.э., во время неудачного правления сына Соломона Ровоама⁴⁸. Согласно III книге Царств, в это время египетский фараон Сусаким (или Шишак) осуществил полномасштабное вторжение:

«На пятом году царствования Ровоамова, Сусаким, царь Египетский, вышел против Иерусалима и взял сокровища дома Господня и сокровища дома царского... Все взял...»⁴⁹

В этом кратком отчете нет ничего, указывающего на то, что добыча Сускима *не* включала ковчег Завета. Но если бы ковчег действительно был захвачен всего лишь через тридцать лет после того, как Соломон установил его в храме, тогда, как мне кажется, книжники так и записали бы и к тому же оплакали бы утрату ценной реликвии. Однако они даже не упомянули ковчег⁵⁰, что, на мой взгляд, означает одно из двух: либо ковчег был тайно изъят до появления египетской армии (быть может, еще во время царствования Соломона, как то утверждает эфиопская легенда), либо он оставался на месте, в святая святых на протяжении всего нашествия. Мысль же о том, что фараон мог забрать его, представляется самой невероятной.

Новое подтверждение этого оставил сам Сусаким в виде триумфального рельефа в Карнаке. Во время нескольких посещений Египта я хорошо изучил рельеф и уверен, что в нем нет и намека на ковчег Завета, как и, собственно говоря, на осаду или разграбление Иерусалима⁵¹. Дальнейшая проверка показала правильность этого впечатления. В одном солидном исследовании ясно указывается, что большинство городов и селений, разграбленных Сусакимом, находилось на самом деле в северной части Израиля.

«В этом списке отсутствует Иерусалим — мишень кампании Сусакима, если верить Библии. Хотя надпись сильно повреждена, Иерусалим определенно не был включен в список, ибо тот составлен в географической последовательности, не оставляющей места для Иерусалима»⁵².

Что же случилось со священным городом, что могло бы объяснить библейское утверждение, будто Сусаким «взял сокровища дома Господня и сокровища дома царского»?

Ученые, как я обнаружил, единодушны в том, что фараон окружил Иерусалим, но так и не вошел в него: «от него откупились сокровищами храма и дворца Соломона»⁵³. В число этих сокровищ не мог войти ковчег, если даже он все еще находился там в 926 году до н.э. Скорее, выкуп состоял из гораздо менее священных предметов — главным образом народных и царских даров Яхве. Подобные предметы — обычно весьма ценные, изготовленные из серебра

и золота, хранились не в святая святых, а во внешних помещениях храма — в специальных сокровищницах, которые в Ветхом Завете постоянно упоминаются вместе с сокровищницами царского дома⁵⁴.

«Порой, — пишет известный библиолог Менахем Харан, — эти сокровищницы опустошались либо иностранными захватчиками, либо самими царями, когда те нуждались в средствах. Поэтому сокровищницы постоянно то наполнялись, то истощались... Нашествие Сусакима, следовательно, не имело никакого отношения к святилищам Храма, и было бы совершенно неправильно связывать с ним исчезновение ковчега»⁵⁵.

То же самое возражение применимо и к следующему эпизоду, когда храм якобы был разграблен. Он относится к тому времени, когда созданное Давидом и Соломоном единое государство распалось на два враждующих царства — Иудею (включавшее Иерусалим) на юге и Израиль на севере. В 796 году до н.э.⁵⁶ монарх северного царства Иоас вступил в бой при Вефсамисе с иудейским царем Амасией.

«И разбиты были Иудеи Израильтянами, и разбежались по шатрам своим. И Амасию, царя Иудейского... захватил Иоас, царь Израильский, в Вефсамисе. И пошел в Иерусалим и разрушил стену Иерусалимскую... И взял все золото и серебро, и все сосуды, какие нашлись в доме Господнем и в сокровищницах царского дома...»⁵⁷

Но опять же разграбление храма не затронуло святая святых и ковчег Завета. Специалист по этому периоду Менахем Харан объясняет:

«Иоас не вошел даже во внешнее святилище храма, не говоря уже о внутреннем... Упомянутые в связи с Иоасом слова «дом Господень»... являются сокращенной формой фразы «сокровищницы дома Господня». Это видно из того факта, что упомянуты и «сокровищницы царского дома», которые постоянно связываются с «сокровищницами дома Господня»⁵⁸.

Теперь мне стало совершенно ясно, почему ни Сусаким, ни Иоас не заявляли, что захватили ковчег, и почему об

этом не упоминается в Библии: они даже близко не подходили к святыня святых, где хранилась священная реликвия, и довольствовались лишь менше ценными золотыми и серебряными сокровищами.

Но нельзя сказать то же самое о следующем захватчике — вавилонском царе Навуходоносоре. Он осадил и оккупировал священный город не один раз, а дважды, и уже в первый раз — в 598 году до н.э.⁵⁹ — явно проник в глубину самого храма. В Библии это нашествие описывается так:

«В то время подступили рабы Навуходоносора, царя Вавилонского, к Иерусалиму, и подвергся город осаде. И пришел Навуходоносор... к городу, когда рабы его осаждали его: И вышел Иехония, царь Иудейский, к царю Вавилонскому, он и мать его, и слуги его, и князья его, и вьнухи его, — и взял его царь Вавилонский в восьмой год своего царствования. И вывез он оттуда все сокровища дома Господня, все золотые сосуды, которые Соломон, царь Израилев, сделал в храме Господнем...»⁶⁰

Из чего состояла добыча Навуходоносора? Я уже знал, что в числе «сокровищ дома Господня и сокровищ царского дома» не могли находиться какие-либо действительно священные предметы вроде ковчега. Как было отмечено выше, эти фразы имеют весьма отчетливое и определенное значение в древнееврейском оригинале и касаются только несущественных предметов, хранившихся в царских и храмовых сокровищницах.

Гораздо примечательнее указание на то, что вавилонский царь «изломал... все золотые сосуды, которые Соломон, царь Израилев, сделал в храме Господнем». Еврейское слово «гекал», которое переводчики Библии передали как «храм», имеет более точное значение: «внешнее святилище»⁶¹. Пытаясь представить себе его месторасположение, я восстановил в памяти планировку эфиопских православных церквей, которая — как я узнал во время посещения Гондара в январе 1990 года — точно отражала деление храма Соломона на три части⁶². Сопоставив этот мысленный образ с наилучшим научным исследованием по этому вопросу, я смог установить, вне всякого сомнения, что «гекал» соответству-

ет «кеддесту» в эфиопских церквах⁶³. Это означает, что разграбленный Навуходоносором «храм Господень» был не святая святых, где хранился ковчег, а, скорее, прихожей святилища. Сама святая святых — внутреннее святилище — называлось на древнееврейском «давир» и соответствует «макдасу», в котором хранятся *таботат* в эфиопских церквах⁶⁴.

Даже если (что весьма маловероятно) ковчег еще находился в храме во время первого нашествия Навуходоносора, то вавилонский царь определенно не завладел им. Он удовольствовался тем, что «изломал» и забрал «золотые сосуды», которые Соломон поместил в «гекал»⁶⁵. Навуходоносор забрал и другие вещи по весьма конкретному списку:

«...светильники — пять по правую сторону и пять по левую сторону, пред задним отделением храма (давиром. — Г.Х.), из чистого золота; и цветы, и лампадки, и щипцы из золота; и блюда, и ножи, и чаши, и лотки, и кадилницы из чистого золота, и петли у дверей внутреннего храма в Святом Святых и у дверей в храме (гекале. — Г.Х.) из золота же»⁶⁶.

Выражения «заднее отделение храма», «давир» и «святая святых» взаимозаменяемы и относятся к одному и тому же святилищу — к месту, в котором Соломон некогда установил ковчег Завета⁶⁷. Как только я понял, что дело именно так и обстоит, мне стал вдруг ясен один непреложный и важный факт: Навуходоносор не ограбил святая святых, но забрал петли с ее дверей. Из этого можно смело заключить, что двери были сняты с петель и что вавилонский царь или выполнявшие его приказы солдаты могли заглянуть в давир.

Я понял, какая это важная, даже решающая находка. Заглянув во внутреннее святилище, вавилоняне сразу же увидели бы двух гигантских херувимов, покрытых золотом, которых Соломон поставил часовыми у ковчега, а также и сам ковчег. Поскольку они без какого-либо сожаления содрали золото со всей мебели в гекале, напрашивается вопрос: почему они не ворвались тут же в давир и не содрали еще большее количество золота с его стен и с херувимов и почему не захватили с собой ковчег в качестве трофея?

Вавилоняне продемонстрировали свое полное пренебрежение к евреям и их религии⁶⁸. Поэтому трудно предположить, что они воздержались от разграбления святынь из своеобразного альтруистического желания пощадить чувства побежденных. Напротив, все факты указывают на то, что, увидев богатую добычу вроде ковчега, слоев золота на стенах и херувимах, Навуходоносор и его люди не колеблясь забрали бы все.

Это тем более вероятно, если иметь в виду, что в тот период вавилоняне имели обыкновение забирать главных идолов и другие предметы культа побежденных народов и увозить их в Вавилон, чтобы поместить в собственном храме перед своим богом Мардуком⁶⁹. Ковчег стал идеальным кандидатом на подобное обращение. Но его даже не лишили золотого покрытия, не то что унесли целиком. Ни сам ковчег, ни херувимы не были даже упомянуты.

«Напрашивается логический вывод, — записал я в своем блокноте. — Ковчега и херувимов не было в давира в 598 году, когда произошло первое вавилонское нашествие, а стены, пол и потолок давира лишились своего золота до него. Это, казалось бы, на первый взгляд подкрепляет эфиопскую версию, поскольку я уже установил, что Шишак и Иоас не завладели ковчегом или другими ценными предметами давира, и поскольку они были единственными предыдущими захватчиками, завладевшими какими-либо сокровищами из храма».

Но, разумеется, вавилонское нападение на Иерусалим в 598 году было не последним, и записанный мной вывод оказался бы абсолютно ложным, если бы обнаружили факты, свидетельствующие, что Навуходоносор забрал ковчег, когда грабил священный город во *второй* раз.

После успешной операции в 598 году до н.э. он посадил на трон марионеточного царя Седекию⁷⁰. Но «марионетка» взбунтовалась против своего господина уже в 589 году до н.э.⁷¹

Ответ последовал мгновенно. Навуходоносор вновь осадил Иерусалим, пробил бреши в его стенах и опустошил его в конце июня или начале июля 587 года до н.э.⁷² Месяцем позже⁷³:

«Навузардан, начальник телохранителей, слуга царя Вавилонского... сжег дом Господень, и дом царя, и все дома в Иерусалиме... и стены вокруг Иерусалима разрушило войско Халдейское, бывшее у начальника телохранителей... Столбы медные, которые были у дома Господня, и подставы, и море медное, которое в доме Господнем, изломали Халдеи и отнесли медь их в Вавилон; и тары, и лопатки, и ножи, и ложки, и все сосуды медные, которые употреблялись при служении, взяли; и кадиланицы, и чаши, что было золотое и что было серебряное, взял начальник телохранителей: столбы числом два, море одно, и подставы... меди во всех сих вещах не было весу»⁷⁴.

Такова данная в Библии подробная опись всех предметов и сокровищ, разломанных или увезенных в Вавилон во время второго нападения Навуходоносора на город. Примечательно, что опять не упоминаются ни ковчег Завета, ни золото, которым Соломон покрыл святая святых и больших херувимов, стоявших в святилище. Не было упомянуто больше ничего, и, значит, основная добыча, взятая в 587 году до н.э., состояла из меди столбов, «моря» и умывальниц на колесах, изготовленных Хирамом четырьмя столетиями ранее.

Достоверность указанной описи в целом подтверждается ее соответствием библейскому описанию того, что было взято из храма в 598 году до н.э. В тот раз Навуходоносор оставил медные изделия на месте, но забрал «сокровища дома Господня и сокровища царского дома» и содрал все золото с мебели гекала. Вот почему одиннадцать лет спустя добыча Навуходоносора в золоте и серебре состояла лишь из нескольких кадиланиц и чаш⁷⁵: он не нашел ничего более ценного по той простой причине, что самые ценные вещи были увезены в Вавилон еще в 598 году до н.э.

Поскольку я уже убедился в том, что в их число ковчег не входил, и поскольку реликвии не было и во второй добыче, я все больше полагался на свой вывод о том, что она исчезла до нашествий вавилонян. Точно так же все менее состоятельным выглядело и другое, часто дававшееся объяснение утраты реликвии — что она была уничтожена большим пожаром, устроенным Навузарданом⁷⁶. Если же ковчег

был действительно вывезен до 598 года до н.э. (возможно, в Эфиопию), то он, конечно, уцелел при разрушении храма.

Позволяет ли такая цепочка рассуждений сделать вывод, что ковчег был-таки увезен в Эфиопию? Разумеется, нет. Продолжая свое исследование, я обнаружил, что иудейские предания дают несколько альтернативных объяснений случившегося, любое из которых могло бы оказаться фатальным для «эфиопского следа», а все они заслуживают отдельного рассмотрения.

«Глубокие и запутанные подземные ходы...»

Во-первых, мне стало совершенно ясно, что евреи в целом осознали утрату ковчега — как и то, что эта утрата представляет собой великую тайну, — во время строительства второго храма.

Я уже знал, что в 598 году до н.э. Навуходоносор переселил в Вавилон огромное число обитателей Иерусалима⁷⁷. После сожжения храма Соломона в 587 году до н.э.

«...прочий народ, оставшийся в городе, и переметчиков, которые передались царю Вавилонскому, и прочий простой народ выселил Навузардан, начальник телохранителей... И выселены Иудеи из земли своей»⁷⁸.

Тяготы изгнания, унижения, плена и твердая решимость не забывать Иерусалим вскоре были увековечены в одном из самых жгучих и памятных стихов во всем Ветхом Завете:

«При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе; на вербах, посреди его, повесили мы наши арфы. Там пленившие нас требовали от нас слов песней, и притеснители наши — веселья: «пропойте нам из песней Сионских». Как нам петь песнь Господню на земле чужой? Если я забуду тебя, Иерусалим, — забудь меня десница моя; прилипни язык мой к гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Иерусалима во главе веселья моего»⁷⁹.

Однако это изгнание длилось не очень долго. Навуходоносор начал переселение в 598 году и закончил в 587 году

до н.э. Но прошло немногим более полувека — и разросшаяся под его правлением империя была полностью разгромлена царем Персии Киром Великим, победоносные армии которого вошли в Вавилон в 539 году до н.э.⁸⁰

Кир, которого называли «одним из самых паразитических в мире строителей империй»⁸¹, проявлял просвещенный подход к покоренным народам. В Вавилонском плену находились не только евреи. Кир решил предоставить всем свободу. Более того, он разрешил им забрать украденных у них идолов и другие предметы культа из храма Мардука и увезти на родину⁸².

Евреи, разумеется, не могли полностью использовать эту возможность, поскольку их главный сакральный предмет — ковчег Завета не был привезен в Вавилон. Тем не менее еще оставались целы менее ценные сокровища, захваченные Навуходоносором и в торжественной обстановке переданные персами официальным иудейским представителям. Ветхий Завет приводит подробный отчет об этой передаче:

«И царь Кир вынес сосуды из дома Господня, которые Навуходоносор взял из Иерусалима и положил в доме бога своего, — и вынес их Кир, царь Персидский, рукою Мифредата сокровищехранителя, а он счетом сдал их Шешбацару князю Иудину. И вот число их: блюд золотых тридцать, блюд серебряных тысяча, ножей двадцать девять, чаш золотых тридцать, чаш серебряных двойных четыреста десять, других сосудов тысяча: всех сосудов, золотых и серебряных, пять тысяч четыреста. Все это взял с собою Шешбацар, при отправлении переселенцев из Вавилона в Иерусалим»⁸³.

Возвращение состоялось в 538 году до н.э.⁸⁴ Весной же 537 года до н.э. началось строительство второго храма на фундаменте первого⁸⁵. Завершилось оно около 517 года до н.э.⁸⁶ Хотя это и было поводом для большой радости, оставались и немалые печали. Исчезновение ковчега Завета из первого храма — когда бы оно ни произошло — хранилось в тайне от народа (задача не столь уж и трудная, поскольку никому, кроме первосвященника, не позволялось входить в святая святых). Но сейчас, после возвращения из Вавилона, было невозможно скрыть сам факт того, что ценная релик-

вия пропала и потому не будет установлена во внутреннем святилище второго Храма. Эта великая перемена была признана в Талмуде: «Первый Храм отличался от Второго пятью вещами: ковчегом, крышкой ковчега, херувимами, огнем и уримом и туммимом»⁸⁷. Урим и туммим были таинственными предметами (представленными в данном случае коллективно как один предмет), которые, возможно, использовались для прорицания и хранились в нагруднике первосвященника во времена Моисея. Их не оказалось во Втором Храме. Как и небесного огня, который всегда связывали с ковчегом Завета. И, разумеется, отсутствовал сам ковчег вместе с его толстой золотой крышкой и водруженными на нее двумя золотыми херувимами⁸⁸.

Таким образом, тайна вышла наружу: пропала самая ценная реликвия иудаизма. Более того, люди знали, что она не была перевезена вместе с ними в Вавилон. Так куда она исчезла?

Почти сразу же возникли всевозможные версии и теории. Большинство предположило, что мародеры Навуходоносора не нашли ковчега потому, что еще до их появления он был спрятан где-то в самой Храмовой горе, где теперь стоял Второй Храм на месте, прежде занятом Первым. Согласно одной легенде, возникшей после Вавилонского плена, Соломон предвидел разрушение храма еще во время его строительства. Поэтому он «придумал место для сокрытия ковчега в глубоких и запутанных подземных ходах»⁸⁹.

Именно это предание, почувствовал я, могло вдохновить автора Апокалипсиса Варуха на предположение, что реликвия была поглощена землей под большим «краеугольным камнем» — *шетийей*. Я знал, что на этот относительно поздний и неканонический текст совершенно нельзя полагаться. Тем не менее имелись и другие рассказы, называвшие последним пристанищем ковчега некую таинственную пещеру в Храмовой горе.

Развивая идею пещеры, расположенной непосредственно под святой святых. Талмуд утверждает, что «ковчег был погребен на своем месте»⁹⁰. Это погребение, похоже, было делом царя Йосии, правившего в Иерусалиме с 640 по 609 годы до н.э.⁹¹, то есть за десятилетие до первого захвата го-

рода вавилонянами. К концу своего долгого царствования, предвидя «неминуемое разрушение Храма», «Иосия спрятал ковчег и все его принадлежности, дабы предохранить их от осквернения врагом»⁹².

Такова была распространенная версия. Однако не все источники единодушно соглашаются с тем, что ковчег был спрятан в непосредственной близости от святой святых⁹³. Другое предание, записанное в Мишне, утверждает, что реликвия была погребена «под мощным полом дровяного сарая, чтобы она не попала в руки врага»⁹⁴. Этот дровяной сарай находился на территории храма Соломона, но место его расположения ко времени возвращения евреев из Вавилонского плена было забыто и таким образом «осталось тайной на все времена»⁹⁵. В Мишне говорится, что однажды один священник работал во дворе второго храма и случайно наткнулся на «замощенный участок, отличавшийся от остального»:

«Он пошел и сказал об этом своему приятелю, но не успел он закончить, как жизнь оставила его. Так стало известно, что там покоится ковчег»⁹⁶.

Совершенно иную версию сокрытия реликвии предлагает 2-я Книга Маккавейская⁹⁷, составленная между 100 годом до н.э. и 70 годов н.э. евреем-фарисеем, писавшим на греческом⁹⁸. В ней говорится, что пророк Иеремия

«...по бывшему ему Божественному откровению (о грядущем разрушении Храма. — Г.Х.) повелел скинии и ковчегу следовать за ним, когда он восходил на гору, с которой Моисей, взойдя, видел наследие Божие. Придя туда, Иеремия нашел жилище в пещере и внес туда скинию и ковчег и жертвенник кадилный, и заградил вход»⁹⁹.

По мнению ученых, сделавших авторитетный перевод на английский Иерусалимской библии (из которой взята приведенная выше цитата), предполагаемая экспедиция Иеремии для сокрытия ковчега была всего лишь сказкой, с помощью которой автор 2-й книги Маккавейской попытался возродить интерес экспатриированных евреев к родине¹⁰⁰.

Издатели «Оксфордского словаря христианской церкви» также считали, что этот эпизод не имеет исторической ценности¹⁰¹. Поскольку же книга была написана примерно через пять столетий после смерти Иеремии, ее даже не назовешь древним преданием¹⁰², хотя автор попытался представить его таковым, утверждая, что строит свой рассказ на некоем документе, найденном в архивах¹⁰³.

Пророк же Иеремия (в отличие от автора 2-й книги Маккавейской) жил примерно во время разрушения храма Соломона, а это означает, что он вполне мог сыграть какую-то роль в сокрытии ковчега. Более того, «гора, с которой Моисей... видел наследие Божие» — гора Нево¹⁰⁴ — хорошо известна и расположена всего лишь в пятидесяти километрах по прямой от Иерусалима¹⁰⁵. Ставшая частью культуры благодаря своей связи с основателем иудаизма, эта почитаемая гора выглядела вполне подходящим с географической точки зрения укрытием.

Поэтому маккавейская история не отвергалась полностью последующими поколениями евреев. Напротив, хотя она так никогда и не была включена в каноническое Священное Писание, ее основательно отредактировали и приукрасили в фольклоре, где, к примеру, ключевой вопрос о том, как именно Иеремия (постоянно ссорившийся с храмовыми священниками¹⁰⁶) сумел забрать священные предметы из святыня святынь и перенести через долину Иордана на гору Нево, был решен с помощью ангела!¹⁰⁷

Вернувшись к тем еврейским преданиям, которые я изучал на предмет последнего пристанища ковчега, я сделал следующую итоговую запись в своем блокноте:

«Кроме Талмуда, Мишны, Апокалипсиса Варуха, 2-й книги Маккавейской и ряда красочных легенд, в еврейской традиции нет никаких существенных указаний на местонахождение ковчега Завета. Поскольку уже представляется очевидным, что его не украли ни Сусахим, ни Иоас, ни Навуходоносор, то единственно возможные альтернативы его нахождения в Аксуме: а) весьма схематичны, б) исторически сомнительны и в) лишены жизненности (ср. массовую религиозную веру эфиопов в то, что реликвия находится в их стране).

По всем этим соображениям «эфиопский след» представляется все более правдоподобным. Однако нельзя с ходу отвергать и еврейские альтернативы только потому, что они кажутся несколько легковесными.

ЗАДАЧА: узнать, велись ли археологические раскопки на горе Нево или на Храмовой горе и вокруг нее — в единственных местах, которые евреи считают «последним пристанищем ковчега».

Эту запись я сделал в гостиничном номере в Иерусалиме в ночь на 6 октября 1990 года. Двумя днями позже, утром 8 октября, я намеревался посетить еще раз Храмовую гору и побывать на раскопках, которые, как я знал, велись недалеко от святых мест — метрах в ста к югу от мечети Аль-Акса. Но когда я приближался к ним вдоль стены города от крепости Давида к Навозным воротам, звуки выстрелов и крики людей предупредили меня, что происходит что-то серьезное.

Смерть на горе

Так я стал свидетелем того, что позже назвали «побоищем на Храмовой горе», когда прорвалась наружу копившаяся годами ненависть иерусалимских евреев и арабов друг к другу, а непосредственным поводом послужила демонстрация ультраконсервативной сионистской организации «Правoverные Храмовой горы». Ее члены несли огромный флаг со звездой Давида и провокационной надписью на еврейском:

**«ХРАМОВАЯ ГОРА — СИМВОЛ НАШЕГО НАРОДА
В РУКАХ НАШИХ ВРАГОВ».**

Демонстранты намеревались взойти на Храмовую гору через ворота Мограби, подойти к Скальной мечети и заложить там краеугольный камень Третьего храма. Это притязание явно было чревато политическим взрывом: со времени начала строительства Скальной мечети в VII веке н.э. весь район Храмовой горы стал важнейшим священным

центром для ислама, как и для иудаизма. Более того, к великой досаде группировок вроде «Правоверных Храмовой горы» именно мусульмане владеют этим районом, в котором после разрушения Второго Храма римлянами в 70 году н.э. не осталось иудейских святилищ. Желая защитить этот статус-кво от реальной (как им, должно быть, казалось) угрозы, около пяти тысяч воинственных арабов собрались у Храмовой горы, вооружившись камнями, которыми собирались закидать подступающих снизу сионистов.

В такой напряженной атмосфере в понедельник 8 октября «Правоверные Храмовой горы» начали свой поход. Дело осложнялось тем, что они намеревались войти через ворота Мограби, которые вели на площадку перед центральным порталом мечети Аль-Акса. Эти ворота встроены в южный конец западной стены, внешняя сторона которой известна как Стена плача — важнейшее священное место для иудеев. Относящаяся ко времени Второго Храма, эта стена является частью защитных сооружений, возведенных Иродом Великим в конце I века до н.э. Она избежала разрушения римлянами в 70 году н.э. (благодаря, как говорится в Мидраше, «Божественному присутствию»), а в последующие годы стала великим символом националистических устремлений еврейского народа во времена диаспоры. Даже после образования государства Израиль административно она оставалась в составе Иорданского Хашимитского королевства, и лишь после «Шестидневной войны» 1967 года была включена в состав Израиля. Тогда перед ней была расчищена большая площадь, освященная как официальное место богослужения, где по сей день собираются евреи со всего света, чтобы оплакивать отсутствие у них храма. Во избежание чреватого катастрофой столкновения с исламистами иудейские богослужения в любой форме на самой Храмовой горе все еще запрещаются: гора, возвышающаяся непосредственно над Стеной плача, остается под исключительным контролем иерусалимских мусульман¹⁰⁸.

Решив войти на Храмовую гору через ворота Мограби, «Правоверные Храмовой горы» явно напрашивались на неприятности. Израильская полиция отказалась пропустить их внутрь, но когда они свернули в сторону, собравшиеся

на горе пять тысяч арабов принялись забрасывать камнями не только фанатиков, но и евреев, молившихся у Стены плача. Таким образом то, что началось как внешне символическая демонстрация, очень быстро превратилось в полномасштабное бесчинство, во время которого пострадали одиннадцать молившихся израильтян и восемь полицейских, были застрелены двадцать один и тяжело ранены сто двадцать пять арабов.

К тому времени, когда я прибыл на место происшествия, все было уже кончено: у подножия Стены плача среди луж крови лежали груды камней; кареты «Скорой помощи» уже увезли всех раненых, а полиция, снаряженная для разгона бунтовщиков и вооруженная до зубов, казалось, уже полностью контролировала ситуацию. Храмовая гора после штурма силами безопасности оказалась недоступной, как и место раскопок к югу от нее, которое я намеревался посетить. Вокруг толпились сотни возбужденных и разгневанных евреев, иные из которых с гордостью выставляли напоказ окровавленные повязки. Вскоре началось дикое празднование у Стены плача, а я просто не мог понять, как кто-то мог радоваться жестокому убийству группы юных арабов.

Подавленный и охваченный отвращением, я ушел отсюда, поднялся по лестнице в Еврейский район Старого города и пересек улицу Оков, по которой я шагал до первого посещения Храмовой горы. Здесь я стал свидетелем сцен беспричинного насилия: вооруженные автоматами и дубинками полицейские устраивали облавы на палестинцев, подозревавшихся в участии в беспорядках. На моих глазах получил несколько ударов один юноша, кричавший о своей невинности пронзительным и испуганным голосом; другой попытался спастись бегством по узкому проулку, но был окружен и избит прежде, чем его увезли.

В целом то пренеприятнейшее утро отравило мое пребывание в Иерусалиме. Не только потому, что в результате этих событий с местом, где когда-то стоял ковчег, теперь связывалось человеческое страдание, но и потому, что Храмовая гора и место раскопок к югу от нее оставались заблокированными силами безопасности еще долго после того, как я покинул Израиль. Несмотря на столь зловещие об-

стоятельства, я был полон решимости максимально использовать оставшиеся несколько дней в этой несчастной стране для продолжения своих поисков.

Раскопки в святых местах

Прежде всего я искал ответ на вопрос, который записал в своем блокноте в ночь на 6 октября: предпринимали ли археологи попытки провести раскопки на Храмовой горе или на горе Нево для проверки еврейских преданий о последнем пристанище ковчега?

Начал я с раскопок, которые безуспешно пытался посетить утром 8 октября. Доступ к ним был закрыт, но я смог пообщаться кое с кем из археологов и исследовать их находки. Так я узнал, что сами раскопки начались в феврале 1968 года — примерно через восемь месяцев после того, как в ходе «Шестидневной войны» израильские парашютисты установили контроль над Иерусалимом. Хотя все раскопки проводились вне священной территории Храмовой горы, они с самого начала оказались в фокусе полемики. По словам руководителя раскопок Меира Бен-Дова, они столкнулись с сопротивлением членов Высшего мусульманского совета, заподозривших заговор против своих интересов. «Раскопки на деле не являются научным предприятием, — жаловались те, — их сионистская цель состоит в том, чтобы подрыть южную стену Храмовой горы, являющуюся и южной стеной мечети Аль-Акса, и привести к разрушению мечети»¹⁰⁸.

К удивлению бен-Дова, и христиане поначалу противились.

— Последние подозревали, — объяснил он, — что цель раскопок — заложить фундамент для здания Третьего Храма, а все разговоры на археологические темы служат лишь прикрытием возмутительного заговора. Я могу лишь сказать, что, пока не услышишь подобные слухи собственными ушами, они кажутся плодом разыгравшегося воображения. И все же — то ли в шутку, то ли всерьез — историки и ар-

хеологи необычайного ума и способностей прямо спрашивали меня: «Уж не намерены ли вы восстановить храм?»¹¹⁰

Но самое сильное сопротивление оказали еврейские религиозные руководители, согласия которых на раскопки требовало правительство еще до начала работ. Профессор Археологического института Еврейского университета Мазар вел переговоры с сефардским и ашкеназским главными раввинами. Когда он обратился к ним впервые в 1967, раввины ответили категорическим отказом:

«Сефардский главный раввин Ниссим объяснил свой отказ тем, что район планировавшихся раскопок — святое место. В ответ на просьбу прояснить свою позицию он дал понять, что мы, чего доброго, откопаем доказательства того, что Стена плача не являлась на самом деле западной стеной Храмовой горы. Иначе какой смысл в раскопках для научных целей, когда они не имеют никакого значения? Со своей стороны, ашкеназский главный раввин Унтерман мучился вопросами иудейского закона. «Что случится, — размышлял он, — если в результате археологических раскопок вы найдете ковчег Завета, который, по еврейскому преданию, погребен в недрах земли?» «Это было бы замечательно!» — вполне искренне ответил профессор Мазар. Но достопочтенный раввин сказал ученому, что именно *этого* он и опасается. Поскольку сыны Израилевы «нечисты» с точки зрения еврейского религиозного закона, им запрещено касаться ковчега Завета. Поэтому немисливо даже думать о раскопках до пришествия Мессии!»¹¹¹

Беспокойство раввина относительно ковчега вполне объяснимо. И в самом деле, считалось, что евреи пребывали в состоянии «нечистоты» со времени разрушения Второго храма и это состояние якобы закончится лишь с приходом истинного Мессии¹¹². Подобного рода утверждение стало серьезным препятствием на пути поисков археологов. Тем не менее со временем они сумели переубедить раввинов, а также преодолеть возражения представителей двух других монотеистических религий, ведущих происхождение от ветхозаветного культа Яхве. И вот начались раскопки. Несмотря на то что они велись *вне* Храмовой горы, были найдены изделия времен Первого храма. Впрочем, как и ожида-

лось, от ковчега Завета не обнаружилось и следа, а большая часть находок относилась к позднему периоду Второго храма, ко временам мусульманского владычества и Крестовых походов¹¹³.

Наконец, я понял, что археологические работы Меира Бен-Дова *не* подтвердили еврейских преданий о сокрытии ковчега, но и не опровергли их окончательно. Для этого необходимо только одно: долгие и кропотливые раскопки на самой Храмовой горе.

Мне же казалось, как припомнит читатель, такие раскопки были проведены тамплиерами много веков назад, даже еще до того, как появилась сама археология, — и тамплиеры тоже не нашли ковчега. И все же необходимо было узнать, проводились ли такие раскопки в новые времена, и если проводились, что было найдено. Эти вопросы я адресовал археологу Габби Баркаю из иерусалимского Еврейского университета, специализирующемуся на периоде Первого храма.

— После зарождения современной археологии, — напрямик ответил он, — вести раскопки на Храмовой горе никто не пытался.

— Почему? — поинтересовался я.

— Потому что это главное священное место. Мусульманские власти противятся проведению здесь каких бы то ни было научных исследований. С их точки зрения, это было бы наихудшим осквернением святыни. Поэтому Храмовая гора остается загадкой для археологии. Наши знания о ней ограничены теорией и интерпретацией. В археологическом плане мы располагаем лишь находками Чарльза Уоррена. Ну, и Паркера, естественно. Он действительно копал внутри Скальной мечети — в 1910 году, если мне не изменяет память. Но он был не археологом, а чокнутым — он искал ковчег Завета.

Я не совсем понял, назвал ли Баркай Паркета «чокнутым» потому, что он искал ковчег, или же он искал ковчег потому, что был «чокнутым». Или его безумие проявилось еще до того, как он начал копать внутри Скальной мечети? И я счел за лучшее воздержаться от упоминания о том, что и я ищу ковчег. Поэтому ограничился вопросом: где я могу

узнать побольше о Паркере, да и о упомянутом Чарлзе Уоррене?

Проведя два дня в архивах, я выяснил, что Уоррен был молоденьким лейтенантом британских саперных частей, которому Лондонский фонд исследования Палестины поручил в 1867 году провести раскопки на Храмовой горе. Но его поиски ограничились практически тем же районом — к югу от храмовой территории, более тщательно исследованным столетие спустя Меиром Бен-Довом и его коллегами¹¹⁴.

Разница заключалась в том, что Уоррен энергично настаивал на разрешении копать на самой Храмовой горе. Но все его попытки были отвергнуты турками-османами, управлявшими в то время Иерусалимом. Более того, когда Уоррен прорыл туннель на север и подвел его под внешние стены, шум от молотов и других орудий, использовавшихся при раскопках, потревожил правоверных, молившихся наверху, в мечети Аль-Акса. В результате на рабочих обрушился дождь камней, и последовал приказ губернатора города Иззет-паши прекратить раскопки¹¹⁵.

Несмотря на все трудности, Уоррен стоял на своем и убедил османов разрешить ему продолжить работы. Позже он предпринял еще несколько скрытых попыток прорыть туннель под Храмовой горой, где надеялся «обнаружить и нанести на карту все древние развалины»¹¹⁶. Но ему не удалось добиться своего, и он добрался только до фундамента внешних стен¹¹⁷. Разумеется, он не нашел ковчега Завета, и не было сведений о том, что он вообще намеревался искать его. Главным образом его интересовал период Второго Храма, и в этом плане он сделал множество бесценных находок для ученого мира¹¹⁸.

Чего не скажешь о Монтегью Браунслоу Паркере, сыне графа Морли, отправившемся в Иерусалим в 1909 году с явным намерением найти ковчег и не внесшем никакого вклада в науку.

Экспедиция Паркера, позже вежливо названная известным английским археологом Кэтлин Кеньон «исключительной со всех точек зрения»¹¹⁹, была детищем финского мистика Вальтера Ювелиуса, который еще в 1906 году представил в университете Стокгольма диссертацию по теме

разрушения храма Соломона вавилонянами. Ювелиус был уверен, что раздобыл достоверную информацию о потайном месте на территории храма, где спрятан «инкрустированный золотом ковчег Завета», и что тщательное изучение имеющихся отношении к делу библейских текстов открыло существование тайного подземного прохода, ведущего в Храмовую гору из некоего квартала Иерусалима. После изучения отчетов Чарлза Уоррена он убедил себя в том, что этот тайный ход следует искать к югу от мечети Аль-Акса, то есть там, где уже производил раскопки Уоррен. Пообещав вознаграждение в 200 миллионов долларов (которых, по его мнению, стоил бы ковчег, будь он обнаружен), Ювелиус принялся искать благотворителей для финансирования экспедиции, призванной найти и расчистить указанный проход, дабы получить доступ к сокровищу¹²⁰.

Его усилия ни к чему не приводили, пока он не встретил в Лондоне тридцатилетнего Монтегью Браунслоу Паркера и не заручился его поддержкой. Получив средства от своих приятелей из британской аристократии и даже из-за границы, в частности у состоятельной чикагской семьи Армуров, Паркер быстро собрал внушительную сумму в 125 тысяч долларов. Экспедиция отправилась в путь и к августу 1909 года обосновалась на Масличной горе неподалеку от Храмовой горы.

Тут же начались работы на месте прежних раскопок Уоррена.

Паркера и Ювелиуса не пугало, что их просвещенный предшественник не обнаружил ничего значительного; напротив, они трудились с немалым оптимизмом, поскольку пригласили «тайновидца»-ирландца для поиска «тайного хода».

Шло время. Верующие всех конфессий открыто выражали свой протест. С приходом зимы погода ухудшилась, и на место раскопок хлынули потоки грязи. Вполне понятно, Паркер отчаялся; он приостановил работы и возобновил их лишь летом 1910 года. Прошло несколько месяцев энергичных поисков. Однако до раскрытия тайны было далеко, а тем временем сопротивление проекту росло. К весне 1911 года ярый сионист барон Эдмон фон Ротшильд, член зна-

менитой семьи банкиров, решил предотвратить возможное осквернение святейшего места иудаизма и с этой целью приобрел соседние с раскопками земли, где организовал оплот сопротивления Паркеру.

Молодой британский аристократ был напуган подобным развитием событий. В апреле 1911 года он отказался от поиска тайного хода и предпринял поистине отчаянный шаг. Иерусалим все еще находился под управлением Османской империи, а губернатор города Амзей Бей-паша не отличался чистоплотностью в делах. Взятка в 25 тысяч долларов обеспечила его поддержку, а значительно меньшая сумма убедила наследного хранителя Скальной мечети шейха Халила допустить Паркера с его рабочими и сотрудниками в святое место и закрыть глаза на то, что они там делали.

Работы велись под покровом ночи. Переодевшись арабами, искатели сокровищ копали на протяжении недели в южной части Храмовой горы вблизи от мечети Аль-Акса, где — как полагали Ювелиус и «тайновидец»-ирландец — и был захоронен ковчег. Но их усилия оказались безуспешными, и на рассвете 18 апреля 1911 года Паркер переключился на Скальную мечеть и легендарные пещеры, якобы расположенные под *шестийей*.

Тогда еще не была установлена лестница, ведущая к Колодцу душ, и Паркеру с его командой приходилось спускаться самим и спускать свое снаряжение на веревках, закрепленных на священном камне. Внизу они зажигали фонари «летучая мышь» и начинали вгрызаться в пол пещеры в надежде пробиться к последнему пристанищу ковчега.

Не успели они даже установить, находились ли под Колодцем душ другие пустоты, как грянула беда. Хотя наследный хранитель шейх Халил был подкуплен, в мечети появился другой служитель (рассказывают, что он решил переночевать на Храмовой горе, так как его дом был переполнен гостями). Услышав подозрительные звуки, доносившиеся из Скальной мечети, он ворвался туда, заглянул в Колodeц душ и, к своему ужасу, увидел там обезумевших иностранцев, рывших кирками и лопатами святыню землю.

Обе стороны отреагировали весьма бурно. Пораженный служитель издал пронзительный крик и убежал в ночь, со-

зывая воплями правоверных. Сообразив, что их обнаружили, англичане в спешке ретировались. Даже не зайдя в свой базовый лагерь, они тут же покинули Иерусалим и поспешили в Яффу, где их предусмотрительно ждала на якоре моторная яхта. Таким образом они успели спастись от разъяренной толпы, собравшейся на Храмовой горе сразу через несколько минут после их бегства, и обрекли несчастного шейха Халила на неминуемую гибель.

К утру Иерусалим был охвачен беспорядками, и Амзей Бей-паша — которого небезосновательно подозревали в соучастии — подвергся оскорблениям и нападкам. Отреагировал он таким образом: закрыл доступ к Храмовой горе и приказал схватить охотников за сокровищами, как только они появятся в Яффе. Тем не менее распространились слухи, что Паркер нашел и выкрал ковчег Завета, и руководители мусульманской и еврейской общин потребовали не допустить, чтобы священная реликвия покинула страну.

Предупрежденные по телеграфу полицейские и таможенники Яффы задержали беглецов, изъяли все их вещи и провели тщательный обыск. Ничего не найдя и растерявшись, власти заперли весь багаж, но разрешили англичанам отплыть на лодке на их яхту, решив одновременно продолжить допросы. Как только они оказались на борту, Паркер приказал команде сниматься с якоря.

Через несколько недель он уже вернулся в Англию. Ему не удалось найти потерянный ковчег, но он ухитрился потерять все 125 тысяч долларов, которые доверили ему инвесторы из США и Великобритании¹²¹. «Весь этот эпизод с раскопками, — писала много лет спустя Кэтлин Кеньон, — никак не отразился на репутации британской археологии»¹²².

Однако британские археологи не приняли участия в следующей попытке найти ковчег, предпринятой в 20-х годах на горе Нево в соответствии со 2-й Книгой Маккавейской, судя по которой пророк Иеремия спрятал там священную реликвию перед самым разрушением храма Соломона.

Главным вдохновителем новой экспедиции был эксцентричный американский исследователь, любивший носить

свободные арабские одежды и имевший странное для мужчины имя Антония Фредерик Фаттерер. После тщательного обследования горы Нево (и соседнего пика Фасги) он заявил с поистине впечатляющей оригинальностью, что нашел... секретный ход. Последний был заблокирован некоей стеной, но Фаттерер даже не попытался разобрать ее. Исследовав ее с помощью фонарика, он обнаружил... древнюю надпись, которую точно скопировал и привез в Иерусалим. Один «ученый» из Еврейского университета помог ему расшифровать иероглифы, означавшие:

ЗДЕСЬ ЛЕЖИТ ЗОЛОТОЙ КОВЧЕГ ЗАВЕТА

К сожалению, Фаттерер не назвал имени ученого, сделавшего этот перевод, и впоследствии никто не брал на себя авторство. Не смог Фаттерер позже и предъявить ту копию, которую он якобы сделал с надписи, как и не вернулся больше на гору Нево, чтобы достать ковчег из предполагаемого потайного хода¹²³.

Полвека спустя эстафету Фаттерера подхватил американский исследователь по имени Том Кротсер, в число предыдущих «открытий» которого входили Вавилонская башня, Ноев ковчег и Город Адама. В 1981 году этот джентльмен добыл какими-то обходными путями оставленные Фаттерером бумаги, включавшие план потайного хода в горе Нево, где якобы находился ковчег Завета¹²⁴.

Гора Нево расположена в границах нынешней Иордании, и именно в эту страну прилетел Кротсер вместе с группой рьяных коллег из так называемого Международного института восстановления истории (со штаб-квартирой в Уинфилде, Канзас)¹²⁵. Своей миссией они, конечно же, считали спасение ковчега. С этой целью они провели четыре дня и ночи на горе Нево, к ужасу францисканцев Святой земли, которым принадлежала эта вершина и которые охраняли византийскую церковь, возведенную на предполагаемом месте захоронения Моисея, и уже вели на протяжении нескольких десятилетий тщательные профессиональные археологические раскопки в этом районе¹²⁶.

Нечего и говорить, что францисканцы не нашли ковчега, как не нашел его и Кротсер, во всяком случае, не на горе Нево. Завершив там свои изыскания, Кротсер и его команда перебрались на соседнюю гору Фасгу (где ранее также побывал Фаттерер). Здесь они наткнулись на лощину и убедили себя, что она-то и приведет их к «потайному ходу», изображенному на плане Фаттерера.

Тот факт, что часть дна лощины была отгорожена листом жести, только укрепил их веру. В ночь на 31 октября 1981 года они убрали хрупкую преграду, и перед ними действительно открылся проход. Они последовали по этому ходу, имевшему, по их словам, четыре фута в ширину и семь футов в высоту, на расстояние около шестисот футов в недра земли, наткнулись на стену, точно соответствовавшую описанию Фаттерера, и без дальнейших проволочек разрушили ее.

За ней оказался вырубленный в скале тайник примерно семь футов на семь, в котором находился покрытый золотом прямоугольный ларец, имевший шестьдесят два дюйма в длину, тридцать семь дюймов в ширину и столько же в высоту. Рядом с ним покоились явно предназначавшиеся для его переноски шесты, полностью соответствовавшие библейскому описанию. В сторонке лежали какие-то обернутые тканью предметы, которые Кротсер принял за херувимов, когда-то украшавших крышку ковчега.

Американцы не сомневались, что нашли священную реликвию. Они не стронули ее с места, не касались ее и не открывали, но сделали с помощью вспышки цветные фотографии. Затем они вернулись из Иордании в США, где сразу же поставили в известность о своем открытии информационное агентство ЮПИ. Новость была обнародована и, по словам журналиста, оповестившего о ней широкую публику, «получила самый большой резонанс из всего, что я написал за всю свою жизнь»¹²⁷.

Так что же — ковчег действительно нашли? Ясно, что сделанные в склепе фотографии явились бы решающим доказательством сенсационного заявления американцев, если бы их имели возможность изучить археологи, специализирующиеся на библейских сюжетах. Поэтому трудно понять,

почему Кротсер упорно отказывался показывать кому бы то ни было эти фотографии. Мало кого убедили его доводы в том смысле, что Бог надоумил его передать их только Дэвиду фон Ротшильду, являющемуся, по утверждению Кротсера, прямым потомком Иисуса Христа и избранному Господом для строительства Третьего храма, где извлеченный из своего тайника ковчег займет центральное место¹²⁸.

Член той же международной семьи банкиров, которая противилась раскопкам Монтегью Паркера на Храмовой горе в 1910 году, Ротшильд хладнокровно опроверг известие о том, что он якобы получил фотографии, которые Кротсер все еще хранит у себя дома в Уинфилде (Канзас), отказываясь публиковать их и одновременно выражая готовность показать лишь избранным посетителям.

В 1982 году одним из таких посетителей стал известный археолог Зигфрид Хорн, специализировавшийся изучение на района горы Нево и опубликовавший больше дюжины научных трудов на эту тему¹²⁹. Какое-то время он внимательно изучал фотографии Кротсера, которые, к сожалению, оказались не очень четкими.

«Лишь на двух из них что-то проявилось. На одной смазанно проступает некое помещение с желтым ящиком в центре. Другой, вполне качественный слайд дает четкое изображение передней части ящика»¹³⁰.

Сразу после посещения дома Кротсера Хорн — ко всему прочему, умелый рисовальщик — нарисовал ящик, виденный им на слайде. Некоторые части оклада желтого металла показались ему сделанными не из золота, а из бронзы, и к тому же были покрыты ромбовидным рисунком, скорее всего машинной работы. Еще более убийственным оказался тот факт, что торчащий в правом верхнем углу гвоздь имел вполне современную шляпку¹³¹. Хорн пришел к следующему выводу:

«Не знаю, что собой представляет этот предмет, но фотографии убедили меня в том, что он является не древним, а современным изделием с декоративными полосками и металлическим листом машинной выработки»¹³².

От вымыслов к фактам

Тщательно изучив археологические отчеты в Иерусалиме, я не смог отыскать упоминаний о других экспедициях, пытавшихся проверить иудейские предания о последнем пристанище ковчега Завета. Ученые, с которыми я имел возможность побеседовать, подтвердили ограниченность этой области исследований: Чарлз Уоррен и позже Меир Бен-Дов со своей командой копали поблизости от Храмовой горы (хотя и не искали ковчег); Монтегью Браунслоу Паркер — не археолог, а «чокнутый», как его охарактеризовал Габби Баркай, — вел раскопки на Храмовой горе, но ничего не нашел; Антония Фредерик Фаттерер нашел, но не разведал потайной ход, в котором, по его мнению, хранился ковчег; Том Кротсер утверждал, что нашел сам ковчег в том же ходе, который почему-то переместился с горы Нево на гору Фасги за пятьдесят лет, прошедшие со времени экспедиции Фаттерера.

Вот так. И это все, если не считать моих собственных поисков. А что делал я? Искал ковчег, разумеется. Впутался в авантюру, в которой — должен признаться, меня обескуражило подобное открытие, — мне предшествовали только мессианские провидцы и психи «с идеей».

Мое спасение, полагал я, лишь в том, что я не имел ни малейшего желания построить Третий храм и не верил в то, что ковчег был похоронен под Скальной мечетью или на горах Нево или Фасги. Я понял, что практически невозможно *доказать* отсутствие каких-либо тайн в указанных местах, но сам перестал сомневаться в том, что священная реликвия не была схоронена в упоминаемых иудейскими преданиями местах, не была увезена ни египтянами, ни вавилонянами и не была разрушена.

Поэтому ее исчезновение все больше и больше выглядело поистине непостижимой тайной — «одной из великих загадок Библии», как однажды выразился профессор древнееврейской и сравнительных религий Калифорнийского университета Ричард Эллиот Фридман¹³³.

Вся проделанная в 1989—1990 годах работа укрепила мою убежденность в том, что решение загадки следует ис-

кать в Эфиопии. И все же... И все же... Одна проблема, которой я вовсе не занимался ни на какой стадии исследования, заключалась в том, что притязание Эфиопии на обладание ковчегом покоилось на столь же хрупком фундаменте, что и Апокалипсис Варуха или 2-я Книга Маккавейская.

Откровенно говоря, я начал чувствовать, что смелые утверждения «Кебра Нагаст» недостаточно достоверны в качестве исторического свидетельства для оправдания поездки в священный город Аксум, во время которой мне пришлось бы рискнуть жизнью. Упорные слухи о том, что царица Савская была эфиопкой, и связанное с этим утверждение, что она родила сына от царя Соломона, который в должное время выкрал ковчег из Иерусалима, больше походили на нелепые выдумки, нежели на взвешенную правду. Конечно, я обнаружил в Эфиопии множество убедительных фактов, в значительной степени подкреплявших представление о том, что реликвия действительно могла покоиться в храме Аксума. Теперь я был убежден, что ни одно другое место не может претендовать на большую достоверность. Но это отражало не столько достоинство описания в «Кебра Нагаст», сколько слабость аргументации других вариантов.

Прежде чем решиться на поездку в Аксум, чувствовал я, мне необходимо найти более убедительное, нежели в «Кебра Нагаст», объяснение того, как «самый важный на свете, с точки зрения Библии, предмет»¹³⁴ мог оказаться в сердце Африки. И к тому времени, когда в октябре 1990 года я выехал из Иерусалима, я нашел такое объяснение, о чем пойдет рассказ в следующей главе.

ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ

Проведя тщательные исследования, я не обнаружил ни одной достаточно убедительной альтернативы притязаниям Эфиопии на роль последнего пристанища ковчега. Кроме того, я пришел к некоторым дополнительным выводам. В своем блокноте я записал:

«Ни один исследователь, проследивший историю ковчега с момента его изготовления у подножия горы Синай до момента помещения в храм Соломона, не станет всерьез оспаривать его огромную важность для еврейского народа. Однако если до Соломона ковчег упоминался в Священном Писании постоянно, то со времени помещения в храм он полностью исчезает со страниц Библии. Формально признается, что эта реликвия была утрачена во время сооружения Второго храма. Но величайшая загадка заключается, если воспользоваться словами профессора Ричарда Фридмана, в следующем: «Нет никаких сообщений о том, что ковчег куда-то увезли или уничтожили... Нет даже указания вроде: «И тогда ковчег исчез, и мы не знаем, что с ним случилось», или: «И по сей день никто не знает, где он... Самый важный на свете, с точки зрения Библии, предмет просто исчез со страниц истории»¹.

Пересматривая собранные факты, я спрашивал себя: почему так случилось? Почему составители Ветхого Завета позволили ковчегу исчезнуть из священных текстов — и не с шумом, как можно было бы ожидать, а самым жалким и неприметным образом?

«Кебра Нагаст», как я знал, давала четкий ответ именно на этот вопрос. В главе 62 описывается горе, охватившее

Соломона, когда тот обнаружил, что его сын Менелик выкрал реликвию из храма и увез ее в Эфиопию. Когда же царь опомнился, то обратился к старейшинам Израиля, также громко оплакивавшим утрату ковчега, и предостерег их:

«Перестаньте, дабы необрезанные не глумились над вами и не могли сказать: «Их славу забрали, и Бог оставил их». Ничего не открывайте чужим...»

И... старейшины Израиля сказали ему: «Да исполнится воля твоя, как и воля Господа Бога! Что же до нас, то никто из нас не нарушит слово твое, и мы не сообщим кому-либо, что ковчег был забран у нас». И к такому соглашению они пришли в доме Божиим — старейшины Израиля со своим царем Соломоном»².

Иными словами, если верить «Кебра Нагаст», было организовано массовое прикрытие. Ковчег был увезен в Эфиопию при жизни Соломона, но информация об этой трагической утрате скрывалась, и поэтому о нем не упоминается в Священном Писании.

Многое говорит в пользу подобной версии. У еврейского царя были все основания скрыть исчезновение ковчега от народа. Но в то же время у меня вызывали беспокойство другие стороны повествования, приведенного в «Кебра Нагаст», — в первую очередь все, что, касается эфиопского происхождения царицы Савской, ее любовной связи с Соломоном, рождения их сына Менелика, утверждения, что последний доставил ковчег в Эфиопию, и указания на то, что все это случилось в X веке до н.э.

1. Приведенное в «Кебра Нагаст» смелое утверждение о том, что царица Савская была эфиопкой, по-видимому, не находит подтверждений. Но нет оснований и считать это совершенно невозможным (в своих «Иудейских древностях» Иосиф Флавий называл ее «царицей Египта и Эфиопии»³). С другой стороны, исторические исследования не дают указаний на то, что она выступила в путь с Абиссинского нагорья, когда прибыла, как говорится в Библии, «в Иерусалим с весьма большим богатством: верблюды навьючены

были благовониями и великим множеством золота и драгоценными камнями...»⁴.

2. Если факты, связывающие царицу Савскую с Эфиопией, неубедительны, то факт самого *существования* ее сына Менелика еще менее достоверен. Я уже давно знал, что историки считали предполагаемого основателя «Соломоновой» династии Эфиопии чисто легендарной фигурой, и за два года исследований не узнал ничего такого, что убедило бы меня в обратном.
3. В частности, представляется невероятным существование передовой культуры и централизованной монархии, описанных в «Кебра Нагаст», в абиссинских горах в X веке до н.э. «Во времена царствования Соломона, — писал Уоллис Бадж, — коренные жители страны, которую сегодня мы называем Абиссинией, были дикарями»⁵. Такова была общепринятая точка зрения, и я не нашел ничего, что дало бы мне возможность ее оспорить.
4. Еще более серьезно опровергали буквальную трактовку «Кебра Нагаст» те данные, которые я собрал в Эфиопии самостоятельно. Самое правдоподобное и убедительное из всех многочисленных преданий, услышанных мною в этой стране, указывает на то, что ковчег Завета был доставлен первоначально на озеро Тана и там спрятан на острове Тана Киркос. Священник Мемхир Фиссеха, с которым я беседовал там (см. главу 9), уверил меня в том, что реликвия оставалась на острове на протяжении восьми столетий, пока не была в конце концов доставлена в Аксум во времена обращения Эфиопии в христианство. Поскольку указанное обращение произошло около 330 года н.э., то ковчег — если верить сохранившемуся на Тана Киркос преданию, — должен был прибыть в Эфиопию в 470 году до н.э. или около того. Иными словами, через пятьсот лет *после* Соломона, Менелика и царицы Савской.

И это были далеко не единственные затруднения, с которыми я столкнулся при изучении «Кебра Нагаст». Меня

сильно беспокоил, кроме того, практический вопрос: как Менелик и его спутники смогли извлечь столь ценный и столь *тяжелый* предмет, как ковчег, из храма Соломона, не обратив на себя внимания фанатичных левитов, охранявших святая святых.

Были и другие сомнения, вынудившие меня согласиться с учеными в том, что «Кебра Нагаст» действительно является примечательным документом, но относиться к нему следует скептически. И, тем не менее, я не намеревался полностью сбросить со счетов эту великую эпическую поэму. Наоборот, я чувствовал, что как и во многих других легендах, здесь над прочным фундаментом исторической правды была возведена сложная беллетристическая надстройка. Короче говоря, неохотно отвергая притягательную мысль о романе между Соломоном и царицей Савской и дерзкое предположение о том, что ковчег был украден из храма их сыном Менеликом, я в то же время не видел оснований для вывода, что реликвия не могла быть доставлена в Эфиопию иными путями. Таким образом возникла загадка, которой та же «Кебра Нагаст» гораздо позже дала своеобразное, оригинальное и красочное объяснение. Я убедился в том, что социальные и культурные факторы самой Эфиопии основательно подтверждали притязания этой страны на роль последнего пристанища ковчега. Поскольку же теперь я знал, что ни одна другая страна или регион не могут претендовать на эту роль с большим основанием, я всерьез склонялся поверить, что ковчег действительно находится там.

Тем не менее еще предстояло найти место последним частям головоломки. Если царица Савская не была возлюбленной Соломона и не родила ему сына по имени Менелик, как утверждают легенды, тогда кто на самом деле привез ковчег в Эфиопию, когда и при каких обстоятельствах?

По-моему, леди слишком протестует...

Пытаясь найти ответ на эти вопросы, я постоянно держал в голове вполне приемлемую мысль, выдвинутую в «Кебра Нагаст»: ковчег Завета мог быть изъят из святая святых под

прикрытием заговора молчания, организованного первосвященниками и царем. Но каким другим царем, если не Соломоном?

Разумеется, неотъемлемое свойство любого хорошего прикрытия — в том, что его трудно обнаружить. Поэтому я и не надеялся с легкостью отыскать подтверждения этой гипотезы в Ветхом Завете. Эта великая и далеко не простая книга надежно хранила свои тайны более двух тысячелетий, и не было никакой надежды на то, что она выдаст мне их сейчас.

Для начала я выписал все библейские упоминания о ковчеге Завета — и получил подборку из пятидесяти с лишним машинописных страниц. Примечательно и поразительно то, что только на последней из них появились ссылки на период после смерти Соломона. Все остальные касались истории ковчега во время скитаний по пустыне, завоевания Земли обетованной, царствования Давида и самого Соломона.

Библия, как я понимал, состоит из пестрой мешанины материалов, записывавшихся представителями нескольких разных школ на протяжении сотен лет. Многие из упоминаний о ковчеге действительно относились к глубокой древности, другие были сравнительно недавними. Но ни одно из содержащихся в III Книге Царств, например, не было датировано раньше царствования Иосии (640—609 гг. до н.э.)⁶. Значит, описание установки ковчега в храме Соломона в 8-й главе III книги Царств, основанное на древних устных и рукописных преданиях, было сделано первосвященниками, которые жили все же некоторое время спустя после этого события. То же самое можно сказать и об упоминаниях во Второзаконии, поскольку оно также представляло собой поздний текст, датирующийся временем правления царя Иосии⁷. Следовательно, если ковчег был извлечен из святой святых до разрушения храма в 587 году до н.э., то следы прикрытия имело смысл искать в Книгах Царств и во Второзаконии, поскольку — если наша гипотеза верна — составители именно этих книг могли попытаться исказить факты, дабы создать впечатление, будто «слава» и не отходила от Израиля.

При внимательном изучении текста я наткнулся на одно место в 8-й главе III Книги Царств, которое выпадало из контекста, любопытным образом расходилось с остальным описанием великой церемонии, сопровождавшей помещение ковчега в святая святых. Вот это место:

«И внесли священники ковчег Завета Господня на место его, в давир храма, во Святое Святых, под крылья херувимов. Ибо херувимы простирали крылья над местом ковчега, и покрывали херувимы сверху ковчег и шесты его. И выдвинулись шесты так, что головки шестов видны были из святилища пред давиром, но не выказывались наружу; они там и до сего дня»⁸.

Почему, задался я вопросом, библейский книжник, отвечавший за этот пассаж, посчитал необходимым уверять, что шесты ковчега в его время можно было видеть выступающими из внутреннего святилища? Какой смысл был бы в таком утверждении, если бы сама реликвия еще оставалась в святая святых во время написания этих слов (примерно в 610 г. до н.э.⁹)? Станный тон этого высказывания напоминал те твердые заверения в невиновности, к которым порой прибегают виновные. Короче говоря, автор III Книги Царств вызвал у меня подозрения тем, что, подобно известной леди из шекспировского «Гамлета», «слишком протестовал»¹⁰.

Меня порадовало то, что я был не одинок в своей догадке. В 1928 году ведущий библеист Юлиан Моргенштерн также поразился этим странным словам: «они там и до сего дня». Он пришел к заключению (в научной статье, опубликованной в «Ежегоднике Еврейского колледжа»), что книжник пытался

«уверить читателей в том, что шесты ковчега и, следовательно, сам ковчег находились во внутренней части храма, даже если их не могли видеть простые люди или фактически никто, кроме первосвященника, входившего в святая святых один раз в год, во время Йом Кипура... То, что [писец] счел необходимым настаивать, что в его время ковчег все еще находился в храме... свидетельствует, что он стремился противо-

стоять широко распространенному и упорному сомнению в этом — сомнению, основанному, по всей вероятности, на реальном факте»¹¹.

И это еще не все. В следующем же стихе той же главы III Книги Царств говорится:

«В ковчеге ничего не было, кроме двух каменных скрижалей, которые положил туда Моисей... когда Господь заключил завет с сынами Израилевыми, по исшествии их из земли Египетской; *они там и до сего дня*»¹².

В Книге Второзаконие, написанной в то же время, говорится практически то же самое: Моисей положил скрижали в ковчег, «чтоб они там были»¹³.

Моргенштерн заключает из анализа этих слов, что они «несомненно были внесены с особой целью»¹⁴. Обратившись затем к оригинальному тексту на древнееврейском, он приходит к выводу, что эта цель могла заключаться только в приведении

«прямого и решительного доказательства — *как если бы в ответ на какое-то сомнение или вопрос* — того, что скрижали с десятью заповедями все еще находились в ковчеге во времена... автора этого стиха»¹⁵. (Курсив мой. — Г.Х.)

Второзаконие и III Книга Царств освещают, разумеется, совершенно разные периоды израильской истории. Но ключевой — и столь важный, что заслужил повторения, — момент заключался в том, что обе книги были составлены в одно и то же время — во царствования Иосии, то есть в 640—609 годах до н.э.

С удвоенным интересом обратился я к машинописной подборке библейских упоминаний о ковчеге. Я помнил, что лишь очень немногие из них относились ко времени после смерти Соломона. Теперь я убедился, что их было только две: один эпизод был записан во время царствования Иосии, другой цитировал слова самого Иосии, и оба были записаны на последней странице подготовленного мной документа.

Иосия и Иеремия

В своем исследовании я уже сталкивался с Иосией. Изучая древние религиозные обычаи чернокожих иудеев Эфиопии, я узнал, что именно во время его царствования институт жертвоприношения был сосредоточен в Иерусалиме и запрещен во всех иных местах (см. главу 6). Поскольку фалаша продолжали совершать жертвоприношения в Эфиопии (и держали жертвенники во всех своих деревнях), я записал в блокноте следующий вывод:

«Их предки, по-видимому, были обращены в иудаизм в те времена, когда еще считалось приемлемым совершать жертвоприношения в местах, удаленных от центрального национального святилища. Из этого следует, что обращение имело место до введенного царем Иосией запрета, то есть не позднее VII века до н.э.»

Мое исследование распространилось на области, о которых я даже и подумать не мог, когда записал приведенные слова в 1989 году, и теперь я столкнулся с особо интересными обстоятельствами. Сидя в своем номере отеля в Иерусалиме в октябре 1990 года, я раскрыл блокнот и записал следующие пункты:

- «В 8-й главе III Книги Царств и во Второзаконии налицо признаки попыток убедить народ в том, что ковчег все еще находится на своем месте в храме; это похоже на старания скрыть правду, то есть тот факт, что реликвии там уже не было.
- Имеющие отношение к делу эпизоды были записаны во времена царя Иосии.
- Исходя из этого, я делаю вывод, что во время царствования Иосии ковчега в храме уже не было; однако, скорее всего, в то время было лишь обнаружено его отсутствие, а утрачен он был еще раньше. Почему? Потому, что Иосия был усердным реформатором, стремившимся подчеркнуть первостепенное значение храма в Иерусалиме; и потому, что храм был

предназначен служить «домом покоя для ковчега Завета Господня». Практически немыслимо, чтобы такой монарх позволил изъять из святой святынь главный символ иудаизма, свидетельство присутствия Яхве на земле. Напрашивается логический вывод: ковчег был похищен до воцарения Иосии, то есть до 640 года до н.э.

- Религиозные обычаи фалаша включают местные жертвоприношения, которые были окончательно запрещены при царе Иосии. На основании этого и других сведений у меня сформировалось мнение о том, что предки фалаша мигрировали в Эфиопию до 640 года до н.э.
- Между этими обстоятельствами безусловно должна быть некая связь».

Цепочка фактов выглядела убедительной: ковчег был изъят из храма до 640 года до н.э.; предки фалаша мигрировали в Эфиопию до 640 года до н.э. Так не резонно ли предположить, что предки фалаша могли привезти с собой ковчег?

Эта гипотеза показалась мне вполне логичной. Она, однако, не указывала, в какое именно время до 640 года до н.э. состоялась предполагаемая миграция из Иерусалима. Не исключала она полностью и возможность того, что ковчег мог быть похищен во время царствования Иосии. Последнее предположение выглядит довольно смелым, если принять во внимание благочестие и традиционализм этого монарха. Однако его нельзя скидывать со счетов хотя бы потому, что, как я уже знал (см. предыдущую главу), в его пользу свидетельствуют определенные еврейские легенды. В последние годы своего царствования, говорится в этих легендах, Иосия предвидел разрушение храма вавилонянами и спрятал «святой ковчег и все его принадлежности, дабы уберечь их от осквернения в руках врага»¹⁶. Более того, считалось, что он, возможно, прибег к каким-то чудодейственным способам и упрятал реликвию «на ее собственном месте»¹⁷.

Теперь я был убежден как никогда прежде в том, что ковчег не был захоронен на Храмовой горе или где-либо еще в Святой земле. Тем не менее я все еще задавался вопросом: возможно ли это? Мог ли в действительности Иосия предвидеть судьбу храма и принять меры для спасения ковчега?

Рассмотрев этот сценарий, я пришел к выводу: если только иудейский царь не обладал поистине удивительным даром предвидения, он никак не мог предсказать события 598—587 годов до н.э. Он умер в 609 году до н.э. — за пять лет до того, как Навуходоносор, разрушитель Иерусалима, унаследовал вавилонский трон¹⁸. Более того, предшественник Навуходоносора, Набопаласар, практически не проявлял агрессивных намерений в отношении Израиля и вел войны только с Ассирией и Египтом¹⁹.

Таким образом, исторический контекст царствования Иосии не подтверждает теорию о том, что он мог спрятать ковчег Завета. Еще более поразительным было последнее упоминание священной реликвии в Ветхом Завете — в том месте II Книги Паралипоменон, где описывается кампания по восстановлению традиционных ценностей богослужения в храме:

«И изверг Иосия все мерзости из всех земель, которые у сынов Израилевых... И поставил он священников на местах их... и сказал левитам, наставникам всех Израильтян, посвященным Господу: *поставьте ковчег святой в храме, который построил Соломон, сын Давидов, царь Израиле*»; нет вам нужды носить его на раменах...»²⁰

Мне сразу же стало ясно, что эти короткие стихи, особенно выделенные мною слова, имеют огромное значение для моего поиска. Почему? Да просто потому, что Иосии не было нужды просить левитов поставить ковчег в храме, если он уже находился там. Напрашивались два неизбежных вывода: во-первых, сам царь не мог изъять реликвию, поскольку он явно думал, что ее забрали традиционные носильщики-левиты, а во-вторых, теперь можно было установить дату исчезновения ковчега из храма: это случилось незадолго до процитированной краткой проповеди Иосии.

Когда же именно была произнесена эта речь? К счастью, II Книга Паралипоменон дает очень точный ответ на этот вопрос: «в восемнадцатый год царствования Иосии»²¹, иными словами, в 622 году до н.э.²² Однако Паралипоменон умалчивает, выполнили ли левиты царский приказ. В самом деле, не только нет красочного описания церемонии возвращения ковчега в храм, но и никакого продолжения этой истории ни в данной книге, ни где-либо еще в Библии.

Напротив, становится ясно, что его приказ не были услышан, а если и были, то только теми, кто был не в состоянии его выполнить.

Хронологически, как я уже заметил, речь Иосии содержала последнее упоминание ковчега Завета во всем Ветхом Завете. Я вернулся к изучению предпоследнего эпизода в Книге Иеремии, в главе, составленной самим Иеремией около 626 года до н.э.²³ в форме пророчества, адресованного населению Иерусалима:

«И будет, когда вы размножитесь и сделаетесь многоплодными на земле, в те дни, говорит Господь, не будут говорить более: «ковчег Завета Господня»; он и на ум не придет, и не вспомнят о нем, и не будут приходить к нему, и его уже не будет. В то время назовут Иерусалим престолом Господа; и все народы ради имени Господа соберутся в Иерусалим и не будут более поступать по упорству злого сердца своего»²⁴.

Как и Иосии, мне было известно, что некоторые еврейские легенды, да и апокрифическая Книга Маккавейская утверждали, будто Иеремия спрятал ковчег на горе Нево незадолго до разрушения храма (см. предыдущую главу). Приведенная же выше цитата имеет бесконечно большую цену исторического свидетельства, нежели легенды или апокрифы, поскольку приводятся слова, произнесенные в известное время реальным лицом — самим Иеремией²⁵. Более того, в контексте всего остального, что я разузнал, не оставалось сомнений относительно смысла этих слов или их последствий. Короче говоря, они подтвердили впечатление от речи Иосии (то есть предположение о том, что к 626 году до н.э. ковчега уже не было в храме), и отодвинули назад, по крайней мере до 626 года до н.э., вероятную дату его ис-

чезновения. Я сказал «по крайней мере до 626 года до н.э.» потому, что именно в этом году, как отмечено выше, Иеремия произнес свое пророчество. Очевидно, однако, что, произнося его, он как бы отвечал — по крайней мере отчасти — на широко распространившиеся и, вероятно, к тому времени уже давние сетования по поводу утраты ковчега. Таково единственно возможное объяснение следующей) стиха: «И будет, когда вы размножитесь и сделаетесь многоплодными на земле... не будут говорить более: «ковчег Завета Господня»». Очевидно, если бы люди не говорили таких вещей в 626 году до н.э. и значительное время до этого, то Иеремии не было бы нужно делать подобное пророчество.

Придя к такому суждению, я с удовольствием удостоверился в том, что оно пользуется полной поддержкой одного из ведущих мировых специалистов по Библии — профессора иерусалимского Еврейского университета Менахема Харана. В своем известном трактате «Храмы и храмовая служба в Древнем Израиле» этот сведущий ученый рассматривает приведенный отрывок и приходит к следующему заключению:

«Этот стих следует за словами утешения и сам содержит утешение и сострадание. Пророк обещает здесь, что в грядущее доброе время уже не будет нужды в ковчеге, намекая, что его отсутствие не будет вызывать печаль. Эти слова были бы, конечно, лишены всякого смысла, если бы ковчег все еще находился в то время в храме»²⁶.

Исходя из вышесказанного, я счел, что в поисках подлинной даты исчезновения ковчега мне следует присмотреться к периоду до 626 года до н.э. Более того, я не считал необходимым тратить время на тщательное изучение первых лет царствования Иосии, то есть 640—626 годы до н.э. Как я уже знал, в 622 году этот монарх безуспешно пытался вернуть реликвию в храм. Так что вряд ли можно возлагать на него ответственность за изъятие ковчега. Виновным в этом должен был быть один из его предшественников — кто-то из пятнадцати царей, правивших Иерусалимом со времени Соломона, поместившего ковчег в святая святых в 955 году до н.э.²⁷

Ищите и обряцете

Итак, мне предстояло рассмотреть период протяженностью в 315 лет: с 955 года до н.э. до воцарения Иосии в 640 году до н.э. В тот период Иерусалим и храм находились в центре чрезвычайно сложного ряда событий. Хотя они были довольно подробно описаны в нескольких книгах Библии, ковчег Завета при этом не упоминался ни разу: между царствованиями Соломона и Иосии, как я уже установил ранее, священная реликвия была окутана плотным покровом молчания.

Дабы установить, насколько непроницаемым в действительности был этот покров, я прибег к современным методам исследования. На письменном столе в моем гостиничном номере в Иерусалиме появилась компьютерная версия английского перевода Библии, утвержденного королем Яковом, которую я захватил с собой из Англии²⁸. Я знал, что поиск на слово «ковчег» в рамках интересующего меня периода не даст никаких результатов. Но у меня был выход: поискать фразы, регулярно ассоциируемые с ковчегом ранее в Священном Писании, а также сообщения о бедствиях, обычно вызывавшихся ковчегом.

В плане бедствий я остановился на слове «прокаженный», так как в 12-й главе Книги Чисел Моисей наказал Мариам за непослушание, наслав на нее с помощью ковчега «проказу»²⁹. Из фраз я выбрал «между херувимами», поскольку Бог Израилев обитал, как считалось, «между херувимами», установленными на золотой крышке ковчега, и поскольку вплоть до царствования Соломона эта формула всегда употреблялась исключительно в связи с ковчегом³⁰.

Начал я со слова «прокаженный». Моя электронная Библия, конечно же, высветила его в 12-й главе Книги Чисел, где описывается случившееся с Мариам. Затем оно появляется лишь дважды во всем Священном Писании: в IV Книге Царств, где без какой-либо пользы для меня упоминаются «четыре человека прокаженных», сидевших у ворот северного израильского города Самария³¹; и во II Книге Паралипоменон, где оно неожиданно появляется в месте, имеющем прямое отношение к моему исследованию.

В 26-й главе II Книги Паралипоменон описывается, как царь Озия, правивший в Иерусалиме с 781-го по 740 год до н.э.³², «сделался преступником пред Господом Богом своим, ибо вошел в храм Господень, чтобы воскурить фимиам на алтаре кадильном»³³. Первосвященник Азария и его помощники поспешили за монархом, надеясь отговорить его от совершения этого акта святотатства на входе в святая святых.

«И разгневался Озия, — а в руке у него кадильница для каждения; и когда разгневался он на священников, проказа явилась на челе его, пред лицом священников, в доме Господнем, у алтаря кадильного»³⁴.

Кажется, Озия даже не вошел в святая святых (хотя текст и допускает двойное толкование), но определенно стоял очень близко к ней. Более того, он держал в руке металлическую кадильницу, а со времени, когда два сына Аарона были поражены насмерть у подножия горы Синай за то, что «принесли пред Господом огонь чуждый»³⁵, это всегда было опасно делать в радиусе поражения ковчега³⁶.

Одно это позволяет заключить, что «проказа» на лбу Озии была вызвана воздействием ковчега (позже мне предстояло узнать, что и другие думали так же: приведенная в настоящей книге иллюстрация из английского издания Библии XVIII века показывает несчастного царя, стоящим рядом с ковчегом в момент «наказания»).

Я записал в своем блокноте:

«Если болезнь царя была вызвана ковчегом, значит, реликвия все еще находилась в святая святых в 740 году до н.э. (царствование Озии закончилось в том году из-за постигшей его болезни³⁷). Это в значительной степени сужает поле поиска, ибо означает, что реликвия могла исчезнуть лишь в течение одного столетия, отделявшего этот эпизод от начала царствования Иосии, то есть где-то между 740 и 640 годами до н.э.»

Разумеется, я вполне отдавал себе отчет в том, что эпизод с Озией имеет малое значение в качестве исторического источника: это был лишь волнующий намек или ключ,

если угодно, но совершенно недопустимо выводить из него, что ковчег в 740 году до н.э. определенно еще находился в храме. Я нуждался в более веском обосновании — и нашел его, использовав в поиске фразу «между херувимами».

Как отмечалось выше, в библейских эпизодах периода, предшествовавшего царствованию Соломона, эти слова использовались исключительно в связи с ковчегом и ни в каком ином контексте. Поэтому я полагал, что любое повторение этих слов после помещения реликвии в храм в 955 году до н.э. послужит серьезным доказательством его нахождения в Святой Святынь в тот год или годы, когда использовалась эта фраза.

Соответственно я ввел в строку поиска слова «между херувимами» — и уже через несколько секунд обнаружил, что они были использованы всего семь раз за весь период после царствования Соломона.

Два из этих эпизодов — в Пс. 80:1 и Пс. 99:1 — определенно связаны с херувимами ковчега. К сожалению, их невозможно датировать с достаточной точностью³⁸: они вполне могли относиться к периоду до Соломона, но большинство ученых считают, что соответствующие стихи, скорее всего, были сочинены в «первые годы монархии»³⁹, то есть при жизни Соломона или на протяжении примерно столетия после его смерти.

Кроме того, слова «между херувимами» появляются три раза в Книге Пророка Иезекииля⁴⁰, написанной уже после 593 года до н.э.⁴¹ Однако все эти три случая не имели отношения к моему исследованию, ибо: а) «херувимы» явились Иезекиилю в видении, когда он сидел у себя дома⁴²; б) у них было «четыре лица» и «четыре крыла», а у херувимов с крышки ковчега было только одно лицо и два крыла⁴³; в) они явно были живыми существами огромных размеров, а не статуэтками из чистого золота, смотревшими друг на друга над крышкой ковчега⁴⁴. И в самом деле, в конце видения Иезекииля его херувимы «подняли... крылья свои, и поднялись в глазах моих от земли... И шум от крыльев херувимов слышен был... как бы глас Бога Всемогущего, когда Он говорит»⁴⁵.

Для моего поиска эпизодов, которые доказывали бы присутствие ковчега в Иерусалимском храме в конкретные периоды, херувимы Иезекииля не имели никакого значения, и потому ими можно было безболезненно пренебречь. Это означало, что из всех случаев упоминания избранных мною слов оставались только два, которые могли бы мне в какой-то степени пригодиться: одно — в 37-й главе Книги Пророка Исайи и второе — в 19-й главе IV книги Царств⁴⁶. В обоих случаях рассказывается об одном и том же событии, и оба ясно и недвусмысленно относятся к ковчегу Завета, хотя и не упоминают его прямо. Ниже приводятся два эпизода (первой идет более древняя версия Исайи, а второй — версия Книги Царств):

стр. 415«...И пошел [Езекия] в дом Господень... и молился Езекия пред лицом Господним и говорил: Господи Саваоф, Боже Израилев, сидящий на Херувимах! Ты один Бог всех царств земли...»⁴⁷.

«...И пошел [Езекия] в дом Господень... и молился Езекия пред лицом Господним и говорил: Господи Боже Израилев, сидящий на Херувимах! Ты один Бог всех царств земли...»⁴⁸

Как, несомненно, заметил читатель, в обоих эпизодах не только говорится об одном и том же событии, но и делается это в почти идентичных выражениях. Стихи в Книге Царств почти дословно повторяют стихи Исайи. Последнее — в этом ученые единодушны — были написаны самим Исайей⁴⁹. Поскольку о жизни, времени и деятельности этого пророка известно очень многое, можно довольно точно установить время вознесения Езекией молитвы Богу Израиля, «сидящему на херувимах».

Исайя был призван к пророчествованию в 740 году до н.э.⁵⁰ — в том самом году, когда царь Озия умер, пораженный проказой в описанном выше эпизоде⁵¹. Свое пастырство Исайя продолжил при царях Иофане, Ахазе и Езекии (соответственно в 740—736, 736—716 и 716—687 гг. до н.э.)⁵². Решающее значение для моего исследования имело единодушное мнение ученых: стих, содержащий слова «между херувимами», был написан Исайей в 701 году до н.э. — в

том самом году, когда ассирийский царь Сеннахирим неудачно попытался овладеть Иерусалимом⁵³.

Именно по совету Исаи иудейский монарх Езекия отказался сдать город ассирийцам⁵⁴. Тогда Сеннахирим послал Езекии письмо, угрожая смертью и разрушениями, и Езекия взял с собой это письмо⁵⁵, когда отправился в «дом Господень... и молился пред лицом Господним...». В своей молитве Езекия просил:

«Приклони, Господи, ухо Твое и услышь; открой, Господи, очи Твои и возри, и услышь слова Сеннахирима, который послал поносить Тебя, Бога живого. Правда, о, Господи! Цари Ассирийские опустошили все страны и земли их... И ныне, Господи Боже наш, спаси нас от руки его; и узнают все царства земли, что Ты, Господи, Бог один»⁵⁶.

Чудесным образом Господь согласился. Сначала он послал своего пророка Исайю со следующим посланием:

«Посему так говорит Господь о царе Ассирийском: «не войдет он в этот город, и не бросит туда стрелы, и не приступит к нему со щитом, и не насыплет против него вала... Я буду охранять город сей, чтобы спасти его ради Себя...»⁵⁷

И Яхве сдержал слово. В ту же ночь

«...вышел Ангел Господень и поразил в стане Ассирийском сто восемьдесят пять тысяч человек. И встали поутру, и вот все тела мертвые. И отступил... Сеннахирим, царь Ассирийский...»⁵⁸.

В историчности этих событий нет сомнения: ассирийцы окружили Иерусалим в 701 году до н.э., но затем в самом деле неожиданно сняли осаду и бежали⁵⁹. Ученые полагают, что случилось это потому, что разразилась эпидемия бубонной чумы⁶⁰. Странно, но нет никаких сведений о том, что кто-то в осажденном Иерусалиме заразился этой легко передающейся болезнью. В контексте всего того, что я уже узнал, я не мог не задаваться вопросом: а не мог ли ковчег Завета содействовать каким-либо образом поражению Сеннахирима? Массовая бойня очень уж походила на те «чуде-

са», что в более ранние времена так часто совершала реликвия⁶¹.

Это была лишь догадка, которую никак нельзя было принять за доказательство нахождения ковчега в храме в 701 году до н.э. Но таковым является красноречивое свидетельство Исайи о том, что царь Езекия молился «Богу Израилеву, сидящему на Херувимах». Монарх возносил свою молитву в стенах храма⁶². Более того, в процитированном тексте говорится о том, что он не только принес с собой угрожающее письмо Сеннахирима, но и «развернул его... пред лицом Господним»⁶³. Точно так же, но в более древние времена «Соломон... пошел... в Иерусалим и стал пред ковчегом Завета Господня... и совершил жертвы мирные...»⁶⁴. И таким же образом — еще раньше — «Давид и все сыны Израилевы играли пред Господом на всяких музыкальных орудиях из кипарисового дерева, и на цитрах, и на псалтирях, и на тимпанах, и на систрах, и на кимвалах»⁶⁵. И точно так же, но еще раньше, «отделил Господь колена Левиино, чтобы носить ковчег Завета Господня, предстоять пред Господом, служить ему... и благословлять именем Его...»⁶⁶.

Короче говоря, тот факт, что Езекия развернул письмо Сеннахирима «пред лицом Господним» и потом молился «Богу Израилеву, сидящему на Херувимах», определенно свидетельствует, что ковчег Завета находился в то время в святая святых. Истолковать это место иначе просто невозможно. Оно неопровержимо доказало присутствие реликвии в храме много времени спустя после царствования Соломона и нанесло смертельный удар по утверждению «Кебра Нагаст» о том, что ковчег был украден Менеликом еще при жизни Соломона.

Я даже не знал, радоваться ли мне такому открытию или огорчаться. Меня всегда немного угнетало развенчание какого-нибудь прекрасного мифа. Я пока еще надеялся доказать центральное утверждение «Кебра Нагаст» — что ковчег действительно был доставлен в Эфиопию (хоть и не Менеликом, разумеется), — но не имел ни малейшего представления о том, как мне это удастся.

С немалым унынием возвратился я к кипам и бумагам, окружавшим меня в гостиничном номере в Иерусалиме. И все

же мое исследование зашло уже далеко. Я убедился в том, что ковчег не был изъят из храма ни во время, ни после царствования Иосии, начавшегося в 640 году до н.э. Более того, стало совершенно ясно, что он все еще находился на своем месте в святой святых в 701 году до н.э., когда Езекия вознес свою молитву. Таким образом, период, в который ковчег мог исчезнуть, сжался до шестидесяти одного года, и его можно сократить еще больше. Почему? Да потому, что Езекия вряд ли позволил бы кому бы то ни было унести священную реликвию, которая так эффективно откликнулась на его молитву.

Езекия умер в 687 году до н.э., а Иосия взошел на трон в 640 году до н.э. В промежутке царствовали только два монарха: Манассия (687—642 гг. до н.э.) и Аммон (642—640 гг. до н.э.)⁶⁷. Выходило, что ковчег мог быть утрачен только во время царствования одного из них.

Грех Манассии

Я вновь углубился в библейские тексты, и вскоре мне стало ясно, что виновным мог быть только Манассия, которого книжники безжалостно наказали за то, что он

«делал... неугодное в очах Господних, подражая мерзостям народов... поставил жертвенники Ваалу... и поклонялся всему воинству небесному, и служил ему. И соорудил жертвенники в доме Господнем... всему воинству небесному... и провел сына своего чрез огонь... и ворожил, и завел вызывателей мертвецов и волшебников; много сделал неугодного в очах Господа, чтобы прогневать Его. И поставил истукан Астарты, который сделал в доме, о котором говорил Господь Давиду и Соломону, сыну его: «в доме сем в Иерусалиме, который Я избрал из всех колен Израилевых, Я полагаю имя Мое навек...»⁶⁸.

Что за «истукана» сделал Манассия? И где именно в храме поставил его?

В поисках ответа на первый вопрос я временно оставил Библию короля Якова (из которой взята вышеприведенная цитата) и обратился к более современной Иерусалимской

Библии, согласно которой Астарта считалась языческим божеством, обитавшим на деревьях⁶⁹. Ответ на второй вопрос был самоочевиден: «домом», в котором Яхве положил свос «имя навек», была святая святых храма — давир, золотая камера, которую Соломон «приготовил для того, чтобы поставить там ковчег Завета Господня»⁷⁰.

Значение моего последнего открытия огромно. Манассия, сделавший «неудобное в очах Господних», внес *идола* в святая святых храма. Совершив такой возврат к язычеству, он просто не мог позволить ковчегу Завета остаться на своем месте, ибо ковчег был знаком и печатью присутствия Яхве на земле и основным символом строго монотеистической иудейской веры. В то же время просто немислимо, чтобы царь-вероотступник *уничтожил* священную реликвию: напротив, при его склонности к чародейству и волшебству он наверняка посчитал бы это верхом неблагоразумия. Скорее всего, он приказал левитам вынести ковчег из храма *прежде*, чем установить свою «Астарту» во внутреннем святилище. И такой приказ левиты выполнили бы с большой радостью: будучи верными слугами Господа, они сделали бы все, что в их силах, чтобы избежать осквернения предмета, который они считали «подножием к ногам» своего Бога⁷¹, и едва ли можно было вообразить себе худшее осквернение, чем соседство с идолом чуждого божества. Будучи всего лишь священниками, левиты не могли оказать сопротивление такому могущественному монарху, как Манассия. Наилучшим выходом для них было покориться неизбежному и унести ковчег в безопасное место.

В Библии даже имеются указания на то, что выдворение ковчегу из храма могло вызвать нечто вроде массового выступления против царя, которое он жестоко подавил. Конечно, я лишь строил догадки, но подобная гипотеза помогла объяснить, почему Манассия «пролил... весьма много невинной крови, так что наполнил ею Иерусалим от края до края...»⁷².

Как бы то ни было, стало ясно, что царствование этого монарха в последние годы считалось позором, отклонением от нормы и мерзостью. Его трон в 642 году до н.э. унаследовал его сын Аммон, которого в 640 году сменил Иосия,

рьяный реформатор, прославившийся (и заслуживший любовь книжников) тем, что восстановил традиционное поклонение Яхве.

Почему Аммон находился на троне так мало времени? Да потому, что — согласно Библии — он делал

«неугодное в очах Господних так, как делал Манассия, отец его; и ходил тою же точно дорогою, которою ходил отец его, и служил идолам, которым служил отец его, и поклонялся им... И составили заговор слуги Аммоновы против него, и умертвили царя в доме его... и воцарил народ земли Иосию, сына его, вместо него»⁷³.

Однако «восьми лет был Иосия, когда воцарился»⁷⁴, и лишь через восемь лет «он начал прибегать к Богу Давида»⁷⁵. Страстная же реакция юного монарха на грехи Манассии и Аммона проявилась в двенадцатый год его царствования — когда ему исполнилось двадцать лет и он начал «очищать Иудею и Иерусалим от... резных и литых кумиров»⁷⁶.

«...И вынес Астарту из дома Господня за Иерусалим к потоку Кедрону, и сжег ее у потока Кедрона, и истер ее в прах, и бросил прах ее на кладбище общенародное...»⁷⁷

И впрямь, страстная реакция! Важно и то, что можно установить точную дату: это случилось в 628 году до н.э. — на двенадцатый год царствования Иосии, когда отвратительного идола Манассии изгнали из святой святых. Однако нет сомнений в том, что ковчег не был водворен на прежнее место. Как мне было уже известно, Иеремия отвечал на печаль народа в связи с затянувшимся отсутствием реликвии, когда два года спустя предсказывал, что придет время и люди уже не будут спрашивать: «Где ковчег Завета Господня?», не будут сожалеть о нем и думать об изготовлении нового.

Еще через четыре года сам Иосия в отчаянии просил левитов вернуть ковчег в храм, уверяя их, что он не будет больше бременем для их плеч. Это случилось в 622 году до н.э., на семнадцатый год его царствования, и не случайно именно в тот год, после долгого очищения по всей стране,

он «возвратился в Иерусалим» и приказал «возобновить дом Господа Бога своего»⁷⁸.

«Плотники, и каменщики, и делатели стен»⁷⁹ провели необходимый ремонт. Но величайшая загадка заключается в том, что левиты так и не выполнили требования Иосии «возвратить святой ковчег в дом, который построил Соломон, сын Давида, царя Израилева». И я все больше убеждался в том, что разгадку следует искать в Эфиопии, хоть и не был пока в состоянии постичь, каким образом и почему.

Пока же я принялся искать академическое подтверждение своей точки зрения на то, что ковчег исчез именно во время царствования Манассии. И я нашел такое подтверждение в авторитетном труде, к которому уже обращался несколько раз, — «Храмы и храмовая служба в Древнем Израиле» профессора Менахема Харана. Здесь в кратком разделе в середине книги я прочитал:

«На фоне происходивших в Иудейском царстве различных перемен иерусалимский храм продолжал служить исключительно храмом Яхве... Был только один-единственный период, когда его лишали изначальной функции и он перестал служить храмом Яхве... Это случилось во время царствования Манассии... который установил сосуды Ваала... во внешнем святилище и внес Астарту во внутреннее святилище храма... Это единственное событие, которое может объяснить исчезновение ковчега и херувимов... Мы вправе заключить, что идол Астарты заменил... ковчег и херувимов. Примерно пятьдесят лет спустя, когда Иосия вынес Астарту из Храма, сжег ее в долине Кедрона, истер ее в прах и даже развеял прах ее, ковчега и херувимов там уже не было»⁸⁰.

Я сделал несколько звонков в Еврейский университет и связался с профессором Хараном. Я сказал, что читал его книгу и заинтересовался его предположением, что ковчег Завета был утрачен во время царствования Манассии. Может ли он уделить мне полчаса для обсуждения этого вопроса? Профессор с явным удовольствием согласился и пригласил меня к себе домой на улицу Альфаси в Иерусалиме.

Харан оказался человеком пожилым, но крепким, с мощным телосложением и седыми волосами — облик типичного ученого и практика, знатока Библии, тип, который часто встречается в Израиле. Я коротко рассказал ему о своем исследовании, а затем поинтересовался, убежден ли он в том, что ковчег действительно был изъят из храма во времена Манассии.

— Да, — убежденно ответил он. — Я уверен в этом, насколько вообще можно быть в чем-то уверенным. Именно поэтому ковчег не упоминается в длинных перечнях принадлежностей и сокровищ храма, увезенных позже вавилонянами. И должен добавить без ложной скромности, что мое мнение по этому вопросу ни разу не было опровергнуто ученым миром.

Я воспользовался случаем и задал давно беспокоивший меня вопрос:

— Если ковчег был вынесен в связи с идолопоклонством Манассии, тогда как вы объясняете тот факт, что в Священном Писании нет никакого упоминания об утрате?

— Я объясняю это следующим образом. Запись подобного сообщения вызвала бы у книжников такое омерзение, такое ужасное чувство, что они просто не смогли ее сделать. Я полагаю, они предумышленно воздержались от сообщения об утрате ковчега. Даже в тех сведениях, которые они все же сообщают о царствовании Манассии, проглядывает откровенный *ужас*. А уж само это событие они просто не могли заставить себя описать.

— У вас есть хоть малейшее представление о том, что могло случиться с реликвией после того, как ее вынесли из храма?

Харан пожал плечами:

— Не хочу заниматься домыслами. Все это недоказуемо. Единственное, что я могу сказать с уверенностью, — это то, что правоверные священники Яхве ни при каких обстоятельствах не позволили бы ковчегу Завета находиться в одном помещении с идолом Астарты.

— Так вы полагаете, что они его унесли куда-то? В какое-то безопасное место?

— Как я уже говорил, не желаю заниматься домыслами по таким вопросам. Однако из наших хроник, начиная со Священного Писания, вытекает, что Иерусалим, да и вся страна, не могли считаться безопасным местом для тех, кто сохранял верность Яхве во времена Манассии.

— Вы имеете в виду то место в Книге Царств, где говорится о пролитой невинной крови?

— Верно. Четвертая Книга Царств, 21:16. Но не только это. Иеремия также, хоть и косвенно, указывает на те же события, когда говорит: «Твой меч поразил твоих пророков как алчущий лев». Не сомневаюсь в том, что это было указание на действия Манассии, и заключаю из него, что определенные пророки выступали против него, за что и были убиты. Интересный момент — вы не находите? — что во время царствования Манассии не упоминается ни один пророк: Иеремия появляется сразу же после его смерти, а другие, вроде Исайи, действуют только до его царствования. Этот разрыв — результат преследований и постоянной кампании против поклонения Яхве.

Профессор не пожелал углубиться в обсуждение этого вопроса и решительно отказался заниматься домыслами о том, куда мог деться ковчег. Когда же я упомянул свою теорию о том, что он мог быть увезен в Эфиопию, профессор с полминуты удивленно взирал на меня, а затем проронил:

— Уж слишком далековато.

Храм на Ниле

После беседы с Менахемом Хараном я вернулся в гостиницу несколько дезориентированным и озадаченным. Разумеется, приятно было получить его подтверждение, что ковчег был утрачен во время царствования Манассии. Беда же заключалась в том, что я, похоже, оказался на краю глубокой интеллектуальной пропасти. Эфиопия действительно «далековато» от Иерусалима, и я не видел причин, по которым верные священники Яхве, вынесшие священную реликвию из храма, должны были доставить ее в такую далекую страну.

Более того, не совпадали даты. Манассия восседал на троне в Иерусалиме с 687 по 642 год до н.э., а предания Тана Киркос уверяли, что ковчег был доставлен в Эфиопию лишь около 470 года до н.э. Получалась разница в добрых две сотни лет.

Размышляя над этой проблемой, я сообразил, что мне не помешает потолковать с эфиопами. А где лучшее место для такой беседы, как не в государстве Израиль? Ведь десятки тысяч фалаша воспользовались своим правом на гражданство по закону о возвращении и были переправлены за последнее десятилетие по воздушному мосту в Израиль. Среди них наверняка найдутся престарелые люди, хранящие память своего народа, которые помогут перекинуть мост через разверзшуюся передо мной географическую и хронологическую пропасть.

Наведя справки в Еврейском университете, я получил имя Шалвы Уэйл, социоантрополога, специализировавшейся на далеко разбросанных еврейских общинах и считавшейся специалистом по культуре фалаша. Я позвонил ей домой, представился и спросил, не может ли она порекомендовать мне какого-нибудь члена фалашской общины в Иерусалиме, который мог бы со знанием дела рассказать о древних преданиях эфиопских евреев.

— Лучшее всего, — ответила она, не колеблясь, — обратиться к Рафаэлю Хадане. Он священник, самый старший священник. Живет здесь уже несколько лет. Очень старый и знающий человек. Одна проблема — он не знает английского, так что попытайтесь застать его вместе с сыном.

— А его как зовут?

— Иосиф Хадане. В Израиль он приехал мальчиком еще в начале 70-х и сейчас уже вполне опытный раввин. Он бегло говорит по-английски и сможет послужить вам переводчиком.

Организация встречи заняла большую часть оставшихся мне двух дней в Иерусалиме. В конце концов я встретился с семейством Хадане в Центре ассимиляции фалаша, расположенном в западном пригороде города Мевассерит-Сион. Здесь я столкнулся с сотнями эфиопов — как не-

давно приехавшими, так и давними жителями ветхого жилого района.

Фалашский священник Рафаэль Хадане был одет в традиционную абиссинскую *шемму* и щеголял внушительной бородой. Его сын-раввин был чисто выбрит и одет в строгий деловой костюм. Довольно долго мы пили чай и обменивались любезностями. У наших ног играли дети, в дом заглядывали многочисленные родственники. Один из них, как оказалось, родился и вырос в деревне Анбобер, которую я посетил в январе 1990 года во время поездки в Гондар.

— Так Анбобер еще существует? — не без грусти спросил он. — Уже пять лет как я оставил дом.

— Существует, — подтвердил я, — вернее, существовала еще в январе. Но жили там в основном женщины и дети.

— Это потому, что мужчины уехали первыми, чтобы приготовить жилье для своих семей. Вы с кем-нибудь говорили там?

Я рассказал о своей беседе со священником Соломоном Алему, и все сидевшие за столом заулыбались.

— Они все хорошо его знали, — объяснил раввин Хадане. — У нас маленькая община... но очень дружная.

В конце концов я включил свой магнитофон и начал расспрашивать почтенного главу семьи. Многое из того, что он мог сообщить о культуре и религии фалаша, было мне уже известно. Когда же я перешел к главному интересовавшему меня вопросу — как и когда иудаизм появился в Эфиопии, он сказал нечто такое, отчего я насторожился.

Я задал наводящий вопрос о Менелике и царице Савской, надеясь — после ритуального повторения истории из «Кебра Нагаст» — поймать старика на дате предполагаемого путешествия Менелика. Хадане удивил меня, полностью отвергнув легенду:

— Кое-кто поговаривает, будто мы ведем свое происхождение от израильтян, сопровождавших Менелика, но я лично в это не верю. Согласно преданиям, которые я слышал в детстве, нашими предками были евреи, которые жили в Египте, прежде чем перебраться в Эфиопию.

— Но, — прервал я его, — в «Кебра Нагаст» говорится то же самое: что Менелик и его спутники путешествовали через Египет.

— Я имел в виду не это. Покинув Израиль, наши праотцы не просто проехали по Египту. Они поселились там довольно надолго — на сотни лет. И даже построили там свой храм.

Я наклонился над магнитофоном:

— Храм? И где же они его построили?

— В Асуане.

Это заинтриговало меня. Священник из Анбобера Соломон Алему также упоминал Асуан, когда я расспрашивал его в январе, и тогда же я решил посетить этот город. И в самом деле, после того разговора я много путешествовал по Египту. Однако до сих пор так и не побывал в Асуане и теперь засомневался, уж не совершил ли серьезную ошибку. Если там действительно был иудейский храм, как только что сказал Хадане, то это могло иметь огромное значение, ибо роль храма в правоверном иудаизме заключалась в хранении ковчега Завета. Если в Асуане действительно был построен храм и это случилось после исчезновения ковчега из Иерусалима, тогда все становилось очевидным.

Хадане не смог указать конкретную дату строительства асуанского храма, а лишь сказал, что он простоял «долгое время», но в конце концов был разрушен.

— Почему он был разрушен?

— В Египте шла большая война. Чужеземный царь, захвативший много стран, пришел в Египет и разрушил все храмы египтян. Но наш храм он не разрушил. Когда египтяне увидели, что уцелел только иудейский храм, они заподозрили нас в том, что мы перешли на сторону захватчика. Поэтому они стали преследовать нас и разрушили наш храм, а мы вынуждены были бежать.

— И вы переселились в Эфиопию?

— Не сразу. Наши праотцы сначала перешли в Судан через Мероз, но пробыли там недолго — им пришлось бежать от новой войны. Тогда они разделились на две группы: одна поднялась по реке Тэкэзе, а другая — по Нилу. Такими путями они прибыли в Эфиопию, в Куару, что вблизи от озера

Тана. Там мы и поселились. Там стали эфиопами. Поскольку мы оказались далеко от Израиля — хотя, находясь в Египте и Судане, мы все время поддерживали контакты с Иерусалимом, — мы потеряли эти контакты, и Иерусалим стал лишь частью нашей памяти.

Тут я спросил, было ли в районе озера Тана какое-то место, которое фалаша считали особенно важным или священным.

— Было три таких места, — ответил Хадане. — Первое и самое важное — Тана Киркос, второе — Дага Стефанос и третье — Зеги.

Я сделал удивленное лицо:

— Почему самое важное из них — Тана Киркос?

— Точно я не знаю. Но весь народ считал его священным.

Мой последний вопрос касался конкретно ковчега:

— Эфиопские христиане говорят, что они хранят ковчег Завета в Аксуме — тот самый подлинный ковчег, который якобы был доставлен из Иерусалима Менеликом — сыном царицы Савской и царя Соломона. Вы сказали мне, что не верите в историю Менелика. Считаете ли вы, что христиане действительно владеют ковчегом?

— Наши люди и я лично, мы верим, что ковчег Завета находится в Аксуме. Кстати, несколько лет назад я вместе с другими духовными лидерами посетил Аксум с намерением увидеть ковчег. Мы проявляли очень большой интерес к этому преданию и хотели увидеть святой ковчег. Поэтому и поехали в Аксум, в церковь Святой Девы Марии. Но нам сказали, что вход в святилище, где хранится ковчег, заказан, ибо, если мы войдем туда, то все умрем. И мы сказали: «Ладно. Мы очистимся и тогда войдем и увидим». Там мы и поступили: мы очистились, но христианские священники не позволили нам войти в святилище. Так мы и вернулись домой, не увидев его.

— Я слышал, что его выносят на публику раз в год, во время церемонии Тимката. У вас было бы больше шансов увидеть его, если бы вы посетили Аксум во времена Тимката.

Хадане горько рассмеялся:

— Я тоже слышал это, но я не верю, что христиане когда-либо выносят подлинный ковчег. Они никогда бы не пошли на это. Они никогда и никому не покажут его. Наверняка они пользуются копией. Знаете почему? Потому что давным-давно они забрали ковчег у нас и не желают возвращать его. Они ревниво относятся к нему. Поэтому они постоянно хранят его в той часовне под замком, и к нему не может приблизиться никто, кроме его хранителя.

Когда я в конце концов покинул Центр ассимиляции фалаша в Мевассерит-Сионе и вернулся в центр Иерусалима, моя голова буквально разрывалась от мыслей и вопросов. Из всех эфиопских иудеев, с которыми я общался в ходе моего исследования, Хадане оказался самым просвещенным и информированным. История его попытки увидеть ковчег в Аксуме заинтриговала меня. А особое значение, которое он придавал острову Тана Киркос, было в высшей степени важно в свете того, что я сам узнал во время поездки туда в ноябре 1989 года. Но больше всего в его ответах меня заинтересовало утверждение о том, что в каком-то далеком прошлом в Асуане существовал иудейский храм. Если это соответствовало истине, мне непременно следовало посетить этот город в Верхнем Египте, расположенный примерно в двухстах километрах к югу от Карнака и Луксора.

Вернувшись в свой номер, я позвонил Шалве Уэйл, которая навела меня на Хадане.

— Как прошел разговор? — сразу же поинтересовалась она.

— Прекрасно, благодарю вас. Очень полезный разговор. Я благодарен вам за него.

Здесь я несколько помешкал, ибо всегда чувствовал себя идиотом, задавая глупейшие вопросы ученым. Но не задать свой вопрос я просто не мог, и спросил:

— Во время нашей беседы Хадане упомянул один храм... иудейский храм в египетском Асуане. Я понимаю, что собираюсь сказать немного безумную вещь, но я не привык полностью отвергать народные предания, не проверив их. Как бы то ни было, хочу спросить вас вот что: мог ли в самом деле существовать такой храм?

— Он точно существовал, — ответила доктор Уэйл. — То был храм, посвященный Яхве. Но он находился не в самом Асуане, а на острове Элефантин посреди Нила. Там, кстати, как раз сейчас ведутся археологические раскопки.

— А этот остров... он далеко от Асуана?

— Не более чем в двухстах метрах по прямой. До него можно добраться на фелюге минут за пять.

— Так Хадане был прав, говоря о храме в Асуане?

— Безусловно.

— А этот храм как-то связан с фалаша? Хадане сказал, что он был построен их праотцами.

— Полагаю, это возможно. Мнения ученых по этому вопросу расходятся. Большинство считают фалаша потомками еврейских купцов и поселенцев, прибывших в Эфиопию с юга Аравийского полуострова. Но ряд уважаемых ученых настаивают на том, что они ведут свое происхождение от иудеев, бежавших с острова Элефантин.

— Бежавших? Но почему?

— Их храм был разрушен — где-то в V веке до нашей эры, я полагаю, — и после этого иудейская община исчезла с острова. Это на самом деле какая-то загадка. Они словно испарились. Но я в этом вопросе не специалист... Могу порекомендовать вам кое-какие книги, если хотите.

Поблагодарив доктора Уэйл за предложение, я записал продиктованные ею библиографические данные и попрощался, охваченный огромным волнением. Именно в V веке до н.э., согласно поверьям, сохранившимся на Тана Киркос, ковчег Завета и был доставлен в Эфиопию. Теперь я знал, что в том же столетии на Верхнем Ниле был разрушен иудейский храм. Возможно ли, что этот храм был построен двумя столетиями ранее, чтобы служить пристанищем ковчега, после того как он был вывезен из Иерусалима при царе Манассии?

Я решил узнать это и на следующий день вылетел из Израиля, но не в Лондон, как намеревался, а в Египет.

ВРАТА ЮЖНЫХ СТРАН

Асуан расположен на восточном берегу Нила, примерно на одинаковом удалении от Израиля и северных границ Эфиопии. Название этого перевалочного пункта между Африкой и Средиземноморьем происходит от греческого слова «Seuene», которое, в свою очередь, представляет собой искажение древнеегипетского слова «Swnet», означавшего «делающий дело»¹. В древности город процветал благодаря широкой двусторонней торговле: на юг текли промышленные товары высокоразвитой египетской цивилизации, а на север — специи, благовония, рабы, золото и слоновая кость из Черной Африки. Именно в честь последнего из перечисленных товаров и был назван интересующий меня остров, ибо Элефантин (расположенная посреди Нила напротив Асуана) когда-то назывался просто Абу, или Слоновья Земля².

Я расспросил администрацию асуанской гостиницы «Новый водопад» об Элефантине и, в особенности, об иудейском храме, некогда стоявшем на этом острове. Со слов Шалвы Уэйл я знал, что храм был разрушен в V веке до н.э. и что на его месте работают археологи. Я очень надеялся, что там сохранились развалины, которые можно будет осмотреть.

На слово «иудейский» сотрудники гостиницы отреагировали не очень благосклонно. Несмотря на то что между Египтом и Израилем недавно установились относительно добрые дипломатические отношения, враждебность и горечь все еще разделяли народы соседних стран. Но в конце

концов я все же получил от портъе следующую информацию:

— На Элефантине много храмов — египетские, римские... Может, и иудейские есть... Не знаю. Посэжайте и посмотрите сами. Наймите фелюгу и поищите. Там работают археологи, немецкие археологи. Спросите там мистера Кайзера.

Ну конечно, подумал я, выходя из прохладного вестибюля и вновь окунаясь в невыносимую жару. Кто же еще, как не Кайзер?!

Индиана Джонс

Итак, я добрался на фелюге до Элефантина и мне показали постройку на западном берегу, где жили «немцы». Я подошел к парадной двери и постучал. Впустил меня слуга-нубиец в красной феске. Не спрашивая ни о чем, он провел меня по коридору в занятную комнату, стены которой от пола до потолка были увешаны деревянными полками, битком набитыми фрагментами гончарных и других изделий. Слуга собрался было уйти, но я остановил его:

— Извините. Э-э-э... Я ищу мистера Кайзера. Вы не могли бы его позвать?

Слуга задержался, смерил меня загадочным взглядом и вышел, так и не промолвив ни слова.

Минут пять я провел в полном замешательстве, не понимая, как мне теперь поступить. Но вот наконец дверь снова распахнулась и на пороге появился... Индиана Джонс. Точнее, не сам Индиана Джонс, а Харрисон Форд в его роли. В панаме, лихо заломленной набок, высокий и мускулистый, с пронзительным взглядом, он поражал своей грубоватой красотой. Щеки его покрывала трехдневная щетина.

Я чуть было не воскликнул: «Мистер Кайзер, я полагаю?» — но сдержался и спросил не столь театрально:

— Вы мистер Кайзер?

— Нет. Меня зовут Корнелиус фон Пилгрим. — Он подошел ближе и, когда я представлялся, протянул сильную, загорелую руку.

— Я приехал на Элефантину в связи с одним проектом, — объяснил я. — Меня интересует археология здесьнего храма.

— Ага...

— Видите ли, я пытаюсь раскрыть одну историческую загадку... э-э-э... утрату... или, точнее, исчезновение ковчега Завета.

— Ага...

— Вы знаете, что такое ковчег Завета?

Лицо Корнелиуса фон Пилгрима застыло непроницаемой маской.

— Нет, — отрезал он.

— Вы ведь говорите по-английски? — спросил я, чтобы убедиться, что он меня понимает.

— Да, и довольно неплохо.

— Это хорошо. Тогда... Насчет ковчега... Вы ведь знаете, кто такой Моисей?

Едва заметный кивок.

— А о десяти заповедях, сеченных на скрижалях, вы слышали?

Еще кивок.

— Ну так вот, ковчег Завета — это ларец из дерева и золота, в котором хранились эти десять заповедей. И... э-э-э... его-то я и ищу.

Похоже, на Корнелиуса фон Пилгрима это не произвело особого впечатления.

— Что, как Индиана Джонс? — поинтересовался он без малейшего намека на юмор.

— Да, именно. Мне сказали, что здесь, на Элефантине, когда-то был иудейский храм. Я предполагаю, что ковчег еще в древние времена попал в Эфиопию. Но сейчас меня интересует, есть ли такая возможность, что, прежде чем он оказался в Эфиопии, его привезли сюда. Понимаете, по моим расчетам, из Иерусалима ковчег вывезли в седьмом веке до нашей эры. А Эфиопию доставили только в пятом. Что же происходило с ним в эти двести лет?

— Вы полагаете, что на протяжении этих двух столетий ковчег мог храниться в ИУДЕЙСКОМ храме на этом острове?

— Именно так. На самом деле я надеялся, что ваша команда раскопала храм. Если это так, мне очень хотелось бы узнать о ваших находках.

Прежде чем лишиться меня последней надежды, Корнелиус фон Пилгрим снял шляпу и довольно долго молчал, но наконец произнес:

— Да, мы провели здесь раскопки. Но на том месте, которое вас интересует, нет ничего. Мы надеялись найти что-нибудь там — под развалинами римского храма, построенного позже на месте иудейского. И раскопали все фундаменты. Но оказалось, что там совершенно ничего нет. Хоть шаром покати. Действительно, в седьмом — пятом веках до нашей эры здесь существовало еврейское поселение, но от него осталось лишь несколько жилых домов — и это все. Боюсь, что ничем не смогу вас порадовать.

Стараясь не падать духом, я спросил:

— Если от храма ничего не осталось, откуда вы знаете, что он все-таки существовал?

— О, это-то не проблема. В этом сомнений нет. Между этим островом и Иерусалимом какое-то время шла обширная переписка. Письма писались на черепках или папирусных свитках. Многие из них были найдены и переведены, и во многих упоминался храм Яхве на Элефантине. Этот факт имеет четкое историческое подтверждение. Нам известно местоположение храма с точностью до метра и время его разрушения — 410-й год до нашей эры. И, наконец, мы знаем, что на месте иудейского впоследствии был возведен римский храм. Все это абсолютно точно известно.

— А почему иудейский храм был разрушен?

— Знаете, я не специалист по таким вопросам. Я занимаюсь вторым тысячелетием до нашей эры — гораздо более ранним периодом, чем тот, что вас интересует. Насчет еврейского поселения поговорите лучше с моим коллегой. Его зовут Ахим Крекелер.

— Он сейчас здесь?

— К сожалению, нет. Он сейчас в Каире, но завтра вернется. Вы останетесь здесь до завтра?

— Да. Правда, у меня мало времени — нужно возвращаться в Англию. Но до завтра подождать я могу.

— Хорошо. Тогда приезжайте сюда завтра... скажем, часам к трем, и вы сможете побеседовать с господином Крекелером. А пока, если угодно, я могу вам показать, где находились еврейское поселение и храм.

Я не преминул воспользоваться предложением фон Пилгрима. По дороге я поинтересовался, под чьей эгидой проводятся раскопки на Элефантине.

— Мы из Немецкого археологического института, что в Берлине, — ответил он. — Работаем здесь уже несколько лет.

Мы подошли к невысокому холму. На склонах раскинулся целый лабиринт из битого камня и каменной кладки, среди которого проступали частично восстановленные стены комнат и домов, сложенные без раствора.

— Это часть древнего еврейского поселения, — пояснил фон Пилgrim.

Мы стали подниматься на холм, осторожно пробираясь среди осыпающихся развалин. К тому времени, когда мы добрались до вершины, я уже запыхался, но неожиданно приободрился. Не знаю почему, но что-то в этом месте волновало мое воображение, намекая на удивительные тайны былых времен.

Корнелиус фон Пилgrim проводил меня до верхней точки острова Элефантина. Он обвел рукой вокруг и объявил:

— Вот здесь, прямо под нами, и стоял иудейский храм.

Я указал на видневшуюся впереди массивную разбитую колонну и спросил:

— А это что такое?

— Часть римского храма, о котором я вам говорил. Есть свидетельства, что в разные времена здесь стояли различные храмы, посвященные богам других народов, которые захватывали Египет в первом тысячелетии до нашей эры. Для этих храмов зачастую повторно использовали строительные материалы прежних зданий. Я думаю, именно поэтому иудейский храм исчез без следа. Его разрушили,

сровняли с землей, может быть, даже сожгли, а камни использовали для стен следующего храма.

— А почему был разрушен иудейский храм? Вы же мне так и не ответили...

— Мы полагаем, что между еврейской общиной и проживавшими на острове египтянами возник какой-то конфликт. Видите ли, здесь же был и египетский храм...

— На том же месте?

— Нет, но довольно близко от иудейского. Вон там. — Фон Пилгрим указал на еще одну грудку битого камня. — Кое-что от него сохранилось. Он был посвящен Хнуму — богу с головой барана. Судя по всему, именно из-за этого между иудейскими и египетскими священниками возникли трения.

— Извините, из-за чего?

— Ну, это же очевидно! Евреи проводили здесь жертвоприношения и почти наверняка приносили в жертву баранов. Едва ли служители Хнума были от этого в восторге! И в какой-то момент они просто перебили евреев или, может быть, изгнали с острова, а храм разрушили.

— Вы говорите, это случилось в 410 году до нашей эры?

— Совершенно верно. А подробнее вам об этом расскажет Ахим Крекелер.

Недостающее звено?

На следующий день я вернулся на Элефантину. До этого я провел бессонную ночь и беспокойное утро, размышляя над тем, что узнал, выстраивая логику событий и стараясь прийти к неким предварительным выводам.

В результате еще до встречи с Крекелером я уже решил для себя, что иудейским храм на Элефантине действительно мог оказаться «недостающим звеном» в цепи, которую я собрал за предшествующие два года. Если группа левитов действительно покинула Иерусалим с ковчегом Завета во время царствования Манассии, то вряд ли могли найти более безопасное место, чем элефантинский

храм. Здесь они находились вне досягаемости греховного иудейского царя, внесшего идола в святая святых. Более того, в свете установленной мною связи между ковчегом и праздником Апета (проводившимся ежегодно в Луксоре — всего лишь в двухстах километрах к северу; см. главу 12) казалось, что беглым священникам этот остров в Верхнем Египте мог показаться очень уместным: быть может, здесь, среди священных вод Нила, они почувствовали, что вернулись к своим корням?

Но это были всего лишь догадки. С определенностью же можно было сказать только то, что в то время, когда ковчег вынесли из святая святых в Иерусалиме и пытались найти для него новое пристанище, на Элефантине действительно стоял иудейский храм. Кроме того, этот храм был разрушен в том же столетии, когда — судя по преданиям Тана Киркос — ковчег доставили в Эфиопию. И все это не могло не наводить на размышления. Тот факт, что храм на Элефантине был разрушен в 410 году до н.э., то есть на 60 лет позже, чем ковчег, по моим расчетам, привезли на Тана Киркос (470 г. до н.э.), не особенно меня беспокоил. За двадцать пять веков — с V века до н.э. до XX столетия н.э. — в устных эфиопских преданиях, на которые я опирался в своих расчетах, вполне могла накопиться ошибка лет на шестьдесят.

Так что встречу с Ахимом Крекелером я предвкушал с нетерпением и оптимизмом. Это оказался крепкий, дружелюбный мужчина лет тридцати пяти. По-английски он тоже говорил вполне прилично. Я застал его за изучением фрагментов древнего папируса — обращаться с ними следовало с величайшей осторожностью, пояснил он, поскольку они очень хрупкие.

— И в таких вот папирусах вы и нашли доказательства существования иудейского храма?

— Да. И его разрушения. После 410 года до нашей эры отсюда в Иерусалим отправили несколько писем, в которых сообщали о случившемся и запрашивали средства и разрешение на его восстановление.

— Но ведь храм так и не восстановили?

— Нет, конечно. Около 400 года до нашей эры переписка внезапно прекратилась. Евреи, похоже, покинули Элефантину.

— А что с ними случилось, вам известно?

— Это не совсем ясно. Очевидно только, что у них были большие неприятности с египтянами. Вероятно, их вынудили бежать отсюда.

— И вы не знаете, куда они отправились?

— На этот счет никаких сведений мы не нашли.

Я коротко поведал Крекелеру о своих поисках ковчега Завета и о своем предположении, что он мог попасть в Эфиопию через Элефантину, а потом спросил, есть ли, по его мнению, хоть какой-нибудь шанс, что священная реликвия побывала на острове.

— Разумеется, это *возможно*. Ничего невозможного я в этом не вижу. Но я-то всегда полагал, что ковчег погиб, когда вавилоняне сожгли храм в Иерусалиме.

— Такова общепринятая теория. Я же почти не сомневаюсь в том, что его вывезли из Иерусалима гораздо раньше — еще в седьмом веке до нашей эры, во время царствования Манассии. В связи с этим я и надеялся, что вы назовете мне точную дату возведения храма на Элефантине.

— Боюсь, что точную дату я назвать не смогу. Мнения здесь расходятся. Но лично мне кажется вполне правдоподобным, что его могли построить где-то в седьмом веке до нашей эры. Это мнение разделяют и другие ученые.

— А о том, как выглядел храм, вы имеете хоть какое-то представление? Я знаю, что вы не обнаружили никаких материальных остатков, но, может быть, сохранились какие-нибудь указания на папирусах?

— Совсем немного. Священных текстов мы пока не нашли. Но кое-какие сведения о внешнем виде храма имеются. Можно сделать вывод, что храм был на каменных столбах, с пятью каменными воротами и крышей из кедрового дерева.

— В нем была святая святых?

— Видимо, да, — по крайней мере, известно, что храм был внушительных размеров. Но с уверенностью сказать невозможно.

Мы беседовали около часа. В конце концов Крекелер сказал, что у него мало времени — на следующий день он возвращался в Каир, а до отъезда предстояло сделать еще массу дел.

— Могу одолжить вам две лучшие научные публикации по Элефантине, — предложил он, — если пообещаете вернуть мне их завтра. Там описаны основные находки, сделанные здесь учеными разных стран с начала века.

В гостиницу я вернулся с двумя объемистыми томами. Я провел над ними еще одну бессонную ночь, но они того стоили.

Ковчег на Элефантине

Я выписал в свой блокнот следующие факты об иудейском храме на Элефантине, непосредственно связанные с моими поисками:

1. Храм действительно имел внушительные размеры, как и утверждал Крекелер. На папирусах сохранилось довольно много сведений о его внешнем виде. Археологи пришли к выводу, что площадь храма составляла около 27х9 метров³ или, в древних единицах измерения, 60х20 локтей⁴.
2. Храм на Элефантине был покрыт кедровым деревом⁵, как и храм Соломона⁶.
3. Следовательно, образцом для храма на Элефантине послужил храм Соломона. Поскольку первый был возведен как вместилище для ковчега Завета, не резонно ли предположить, что и второй был сооружен с той же целью?
4. В храме на Элефантине регулярно приносили в жертву животных. На пасхальной неделе совершалось

жертвоприношение барана⁷. Из этого следует, что еврейское поселение возникло здесь до начала реформ царя Иосии (640—609 гг. до н.э.). В результате этих реформ жертвоприношения были окончательно запрещены где бы то ни было, кроме Иерусалимского храма (этот запрет евреи соблюдали даже во время Вавилонского плена). Однако на Элефантине жертвоприношения сохранялись еще в VI и V веках до нашей эры⁸. Поскольку местные евреи поддерживали постоянную переписку Иерусалимом, нет сомнений, что они знали о введенном Иосией запрете, и все же продолжали совершать жертвоприношения. Следовательно, они считали себя вправе поступать так. А подтверждением этого права могло послужить обладание ковчегом Завета.

5. Далее, элефантинские евреи явно полагали, что Яхве пребывает в их храме в буквальном смысле слова. В целом ряде папирусов говорится, что он там «обитает»⁹. В Древнем Израиле и во время скитаний по пустыне евреи верили, что Яхве обитает там же, где и ковчег¹⁰, и эта вера иссякла только после того, как была признана утрата ковчега¹¹. Говоря о божестве, физически присутствующем в их храме, евреи на Элефантине вполне могли иметь в виду ковчег.
6. Божество, обитающее в их храме, евреи Элефантины часто именовали «Господом Саваофом» или «Яхве Саваофом»¹². Ученые признают, что это словосочетание очень древнее¹³. Его часто употребляли применительно к ковчегу (например, в период, предшествовавший возведению храма Соломона: «И послал народ в Силом, и принесли оттуда ковчег Завета Господа Саваофа...»¹⁴).
7. Все эти факты подтверждают гипотезу о временном пребывании ковчега в храме на Элефантине; более того, само сооружение этого храма может объясняться появлением ковчега. Точное время его возведения действительно не установлено, как и говорил Креке-

лер. Исследователи папирусов приложили немало усилий для установления этой даты. Им удалось выяснить, что к началу VII века до н.э. на острове Элефантина уже существовала довольно большая еврейская община, основу которой составлял гарнизон наемников, содержащийся египтянами. И эти евреи-воины и их семьи должны были нуждаться в храме для богослужений. На основе этой и другой информации ученые пришли к выводу, что храм на Элефантине, по всей вероятности, был построен уже к 650 году до н.э.¹⁵

8. Невозможно переоценить значение этой даты. Почему? Да потому, что она приходится на время царствования Манассии — царя, внесшего идола в святой Иерусалимский храм, вследствие чего левиты, сохранившие верность традиционному культу Яхве, были вынуждены вынести оттуда ковчег. Установить, что священная реликвия была удалена из святого Иерусалима именно в этот период, было нелегко¹⁶ — но, справившись с этой задачей, я убедился, что в Библии нет никаких указаний о том, куда его доставили из Иерусалима (даже профессор Менахем Харан не смог выдвинуть на этот никаких предположений).
9. Ученые, исследовавшие элефантинские папирусы и установившие 650 год до н.э. как дату строительства храма, судя по всему, не знали, что ковчег мог быть вывезен из Иерусалима во время царствования Манассии. В противном случае они наверняка сложили бы два и два. Но они знали, что языческие «нововведения» этого царя вызвали повсеместное возмущение, и объяснили загадочный факт сооружения иудейского еврейского храма на Элефантине именно этим возмущением:

«Царствование Манассии было жестоким и кровопролитным, и можно предположить, что священники, наряду с пророками, воспротивились обращению царя в язычество. Некоторые свя-

щенники бежали в Египет, присоединились к еврейскому гарнизону на Элефантине и там... воздвигли храм»¹⁷.

10. Эти слова принадлежат Везалелю Портену, автору фундаментального исследования «Архивы Элефантины». И все же Портен так и не сумел удовлетворительно объяснить сам факт постройки еврейского храма на Элефантине: ведь в иудаизме издавна укоренилось понятие о том, что «чужая земля нечиста, и поэтому на ней нельзя воздвигать храм Господу»¹⁸. Он указывает, что после разрушения храма Соломона в Иерусалиме евреи, уведенные в вавилонский плен, последовали «совету Иеремии обосноваться и *молиться* (а не совершать жертвоприношения) Господу». Далее Портен добавляет: «...о существовании какого-либо храма Яхве в Вавилоне нет никаких сведений», — и задается вопросом: «Чем же, в таком случае, объясняется возведение иудейского храма на Элефантине?»¹⁹
11. Ответ на риторический вопрос Портена мне представляется очевидным: оно объясняется тем, что евреи привезли с собой из Иерусалима ковчег Завета и встали перед необходимостью построить для него «дом покоя»²⁰ по примеру Соломона, в свое время поступившего так же.

Элефантина и фалаша

Я вернулся в Англию в полной уверенности, что мне наконец удалось восстановить подлинную последовательность событий, связанных с тайной утраченного ковчега.

В поисках подтверждений я отправился в лондонскую Школу восточных и африканских исследований и взял в библиотеке экземпляры тех трудов, которые мне одалживал Крекелер и которые я собирался изучить гораздо тщательнее. Кроме того, я запасся другими относящимися к делу источниками, в том числе «Историей» Геродота (я узнал,

что этот знаменитый греческий ученый около 450 года до н.э. побывал на Элефантине²¹).

Дальнейшие мои исследования оказались весьма плодотворными. Например, меня среди прочего очень интересовало, почему Иосия — рьяный приверженец традиций, унаследовавший иерусалимский трон через два года после смерти Манассии, — не попытался вернуть ковчег из Элефантины? Ответ на этот вопрос я нашел без особого труда. Как я уже знал, реформы Иосии начались лишь на двенадцатый год его правления (когда ему исполнилось двадцать лет), а восстановление храма — только на восемнадцатый (в 622 г. до н.э.)²². Но к тому времени отношения между Иудеей и Египтом резко ухудшились, и в конце концов Иосия погиб в сражении с египтянами²³. Даже если бы он знал, что ковчег находится на Элефантине, то все равно не смог бы добиться его возвращения из враждебной могущественной страны.

Удовлетворившись таким объяснением, я перешел к следующей странице истории, которую пытался восстановить, — к вопросу о перевозке ковчега с Элефантины в Эфиопию в V веке до н.э. Беседа с фалашским священником Рафаэлем Хадане в Иерусалиме навела меня на мысль о возможности того, что предками эфиопских черных евреев были эмигранты с острова Элефантина: утверждая, что его праотцы построили храм в Асуане, Хадане, несомненно, имел в виду именно этот остров. Более того, гипотезу о том, что фалаша могли попасть в Эфиопию с Элефантины, подтверждали моими собственными находки. В ноябре 1989 года я обнаружил «этнографический след» поселения фалаша поблизости от озера Тана и на основе этого и других фактов пришел к выводу:

«Религия Соломона могла прийти в Эфиопию только с запада, через Египет и Судан, по древним, оживленным торговым маршрутам, пролежавшим по рекам Нил и Тэкэзе».

До того, как я сделал такое заключение, мне скрепя сердце приходилось мириться с распространенным мнением,

что фалаша были потомками евреев из южной части Аравийского полуострова, прибывших в Эфиопию около 70 года н.э. (см. главу 6). Теперь же, воспользовавшись библиографическими ссылками, которые дала мне подсказала в Иерусалиме социоантрополог Шалва Уэйл, я обнаружил, что, помимо этого традиционного мнения, существует и ряд других гипотез. И действительно, кое-кто предполагал, что предки фалаша могли быть обращены в иудаизм иммигрантами из еврейской колонии на острове Элефантина²⁴, — хотя такие известные египтологи, как профессор Эдуард Уллендорф²⁵ неоднократно осмеивали эту теорию. Не вызывает сомнений, что в тот период между Йеменом и Эфиопией поддерживались широкие торговые и культурные связи; еще за столетие до появления евреев на юге Аравийского полуострова в Египте возникло несколько довольно крупных еврейских поселений. Принимая во внимание глубоко ветхозаветный характер религии фалаша, вполне логично предположить, что иудаизм был принесен в Эфиопию из Египта в ходе постепенного процесса «культурной диффузии»²⁶.

Разумеется, никаких неопровержимых исторических фактов, связывающих фалаша с Элефантинкой, найти не удалось. И все же я обнаружил множество заманчивых совпадений и указаний на возможность такой связи. Все свидетельства были косвенными, и ни одно из них не могло служить *доказательством* того, что ковчег действительно попал в V веке до н.э. в Эфиопию после двухсотлетнего пребывания в иудейском храме на Элефантине. Но в свете того, что я узнал в Израиле, Египте и в самой Эфиопии, моя гипотеза уже представлялась вполне правдоподобной.

Я записал в блокноте главные выводы, к которым пришел, и факты, на которых они основываются:

1. Весьма примечателен тот факт, что в еврейской общине на Элефантине практиковали жертвоприношения — и не отказались от этой практики даже после

реформ царя Иосии. Одно из доказательств древности иудаизма в Эфиопии — крайне архаичный характер фалашской религии, центральную роль в которой играют жертвоприношения точно такого же рода, какие проводились на Элефантине²⁷. Это подкрепляет гипотезу о том, что фалаша являются «культурными наследниками» еврейских иммигрантов с Элефантины, и что ковчег Завета мог быть доставлен в Эфиопию с этого острова.

2. В период расцвета иудейского храма на Элефантине в нем было собственное хорошо организованное духовенство. В папирусах, где использовалась письменность без обозначения гласных звуков, эти священники именуется «КХН»²⁸. Добавив гласные «а» и «е», мы получим слово «каэн». Фалаша также называют своих священников «каэн»²⁹.
3. Одно из названий иудейского храма на Элефантине — «МСГД»³⁰, что означает «место, где простираются ниц»³¹. У эфиопских фалаша и по сей день нет синагог, как нет — и никогда не было — храма, но свои скромные святилища они называют «месгид»³². (т.е. МСГД с добавлением гласных «е» и «и»). В этом контексте также следует отметить, что именно простершись ниц царь Соломон однажды молился перед ковчегом Завета³³.
4. В беседе со мной в Иерусалиме Рафаэль Хадане сказал, что иудейский храм, построенный его праотцами «в Асуане», избежал участи египетских храмов, разрушенных «иноземным царем»:

«...он не разрушил наш храм. Когда египтяне увидели, что только иудейский храм остался цел, то заподозрили, что мы были на стороне захватчика. Поэтому они обратились против нас и разрушили наш храм, а мы вынуждены были бежать».

В 525 году до н.э. Египет действительно был захвачен иноземным царем, разрушившим много храмов³⁴. Его

звали Камбис, и правил он агрессивной Персидской империей, основанной его отцом — Киром Великим. Запись о нем сохранилась в элефантинских папирусах:

«Камбис пришел в Египет и увидел этот [иудейский] храм. Они [персы] разрушили все храмы египетских богов, но этому храму не причинили никакого вреда»³⁵.

Персы правили Египтом до самого конца V века до н.э. В тот период евреи с Элефантины тесно сотрудничали с ними. Иудейский храм был разрушен только после того, как персы покинули Египет³⁶. Таким образом, пересказанные Рафаэлем Хадане народные предания о происхождении фалаша подкрепляются установленными историческими фактами³⁷.

5. Кроме того, Хадане сообщил, что его народ особо почитает остров Тана Киркос — тот самый, куда якобы был доставлен в V веке до н.э. ковчег Завета³⁸. Мемхир Фиссеха — христианский священник, с которым я беседовал на острове, — утверждал, что ковчег хранился там «в скинии»³⁹ на протяжении восьми столетий, прежде чем его перевезли в Аксум⁴⁰. Не стоит удивляться тому, что на Тана Киркос ковчег хранился в шатре или «скинии»: если я прав в своих предположениях, то евреи, доставившие реликвию, только что пережили разрушение своего храма на Элефантине и наверняка знали, что еще раньше Навуходосор разрушил храм Соломона. Они вполне могли решить, что пришло время навсегда отказаться от официальных храмов и вернуться к изначальной традиции периода скитаний по пустыне, когда ковчег хранился в скинии.
6. И последнее, но не менее важное: Рафаэль Хадане поведал мне, что путь предков фалаша в Эфиопию пролегал не только через Асуан (т.е. Элефантину), но и через город Мерое, «где они ненадолго задержались». Те же два места упомянул и Соломон Алему — фалаш-

ский священник, с которым я беседовал в деревне Анбобер в январе 1990 года. Можно ли списать на случайное совпадение тот факт, что развалины Мерое, канувшие в забвение на пятнадцать с лишним веков, в конце концов обнаружил в 1772 году... как вы думаете, кто? Ну разумеется, шотландский исследователь Джеймс Брюс³⁸.

«Страна перебежчиков»

Все это убедительно свидетельствовало, что я на верном пути. Одна только мысль о том, что развалины древнего Мерое нашел не кто иной, как старина Джеймс Брюс, добавляла мне энтузиазма. Я не сомневался, что шотландский исследователь отправился в Эфиопию именно в поисках ковчега Завета (см. главу 7). Стоит ли удивляться, что заодно он нашел и легендарный город, через который священную реликвию пронесли по пути на Абиссинское нагорье?!

Но в самом ли деле ее доставили этим путем? Оставался еще один важный вопрос, на который я пока не нашел убедительного ответа: почему эффиопские евреи, покинув свой остров, отправились с ковчегом Завета *на юг*? Почему не на север — обратно в Израиль, например?

Напрашивалось несколько возможных объяснений. Прежде всего, следует вспомнить, что к V веку до н.э. иерусалимские евреи уже привыкли к жизни без ковчега. Храм Соломона был давно уже разрушен, и на его месте был построен новый. И священники, управлявшие этим новым храмом, определенно не желали конкуренции со стороны Элефантины.

Со своей стороны, эффиопские евреи почувствовали бы себя в Иерусалиме V века до н.э. чужаками. Религиозная мысль развивалась, и Яхве уже не представлялся почти телесным божеством, обитающим «между херувимами», а обряды, в которых когда-то центральное место занимал ковчег, были преданы забвению.

Поэтому возвращение реликвии могло вызвать катастрофические последствия. И священники с Элефантины прекрасно понимали, что во избежание таких последствий им следовало держаться подальше от Иерусалима. Но куда они могли податься? Остаться в Египте было невозможно: египтяне пошли против них и даже разрушили их храм. Путь на север был слишком опасен — в свете недавних событий евреям едва ли им удалось бы беспрепятственно пересечь весь Египет. Так что здравый смысл подсказывал пойти на юг. Правителя Асуана и Элефантины не случайно именовали «господином врат южных стран»³⁹. Дабы спасти свою бесценную реликвию, евреям достаточно было открыть эти метафорические «врата» и направиться в «южные страны», известные под собирательным названием «Эфиопия» (это греческое слово означало «обоженные лица» и применялось в те времена ко всем местностям, где жили темнокожие люди⁴⁰).

Не следует полагать, что эти земли были для них пугающими и совершенно неизведанными. Напротив, есть прямые доказательства того, что еще в VI веке до н.э. члены еврейской общины участвовали в военных походах далеко на юг⁴¹. Более того, сохранились указания на еще более ранних миграции, в ходе которых группы людей из окрестностей Асуана перебирались на юг и оседали в «южных странах». «Отец истории» Геродот, например, сообщал, что в четырех днях пути от Элефантины река Нил становилась несудоходной:

«Затем приходится сойти с барки и далее двигаться сухим путем вдоль реки 40 дней. Ведь здесь Нил усеян острыми утесами, [выступающими из воды] подводными камнями, так что плавание невозможно. Пройдя за 40 дней эту страну, садишься на другую барку и после 12-дневного плавания прибываешь в большой город по имени Мерое. Этот город, как говорят, — столица всей Эфиопии. [...]

Если же плыть далее от этого города, то за то же самое время, какое требуется для переезда из Элефантины в столицу эфиопов, достигнешь страны «перебежчиков». [...] Это были те

240 000 египтян из сословия воинов, которые ушли к этим эфиопам [...] при Псамметихе. [...] И с тех пор, как эти египтяне поселились среди эфиопов, эфиопы восприняли египетские обычаи и сделались более цивилизованными.

Таким образом, течение Нила (не считая пространства, по которому он течет в Египте) известно на расстоянии 4-месячного плавания и сухопутного пути. Ведь столько получается месяцев, если сосчитать время пути от Элефантины до страны этих перебежчиков»⁴².

Прямых доказательств того, что в массовом исходе «перебежчиков» с Элефантины участвовали евреи, я не нашел. Однако Геродот четко датировал этот исход временем правления фараона Псамметиха (595—589 гг. до н.э.⁴³). А в одном источнике, в достоверности которого сомневаться ни приходится, я нашел информацию о том, что «в войне Псамметиха против царя эфиопов участвовали евреи-наемники»⁴⁴. Таким образом, в числе перебежчиков действительно могли оказаться евреи.

В приведенном сообщении Геродота меня заинтересовало также упоминание о Мерое — городе, через который (по словам Рафаэля Хадане) прошли праотцы фалаша по пути в Абиссинию. Геродот ясно дает понять, что «перебежчики» жили в пятидесяти шести днях плавания *выше* Мерое. Если это плавание осуществлялось по реке Атбара, которая впадает в Нил чуть севернее Мерое (и в которую, в свою очередь, впадает Тэкэзе), то оно должно было привести путешественника к границам современной Эфиопии и даже, возможно, в глубь страны⁴⁵.

Труд Геродота был написан в V веке до н.э. Следовательно, если евреи с ковчегом Завета бежали с Элефантины на юг в том же столетии, то весь их маршрут, практически до самого озера Тана, пролегал по изведанным территориям. К тому же, простая логика подсказывает, что Абиссинское нагорье представлялось им весьма привлекательным: в сравнении с пустынями Судана эти зеленые горы, с прохладными и обильными реками, должны были казаться райским садом.

За реками Куша

Могли ли беглецы с Элефантины заранее знать об этом «саде за пустыней»? Возможно ли, что, избрав дорогу на юг, они устремились не в неведомые края, а к земле, где уже обитали их родственники и единоверцы? Углубившись в исследования, я обнаружил свидетельства того, что это действительно возможно и что евреи вполне могли проникнуть в Абиссинию задолго до V века до н.э.

Часть этих свидетельств я почерпнул из Библии. Разумеется, слово «Эфиопия» в Священном Писании далеко не всегда обозначает страну, ныне известную под этим названием, но в некоторых случаях оно относится именно к Эфиопии в современном понимании. Как уже было отмечено, греческое слово «Эфиопия» означает «обоженные лица». В древнейших греческих редакциях Библии еврейское слово «Куш» переводилось как «Эфиопия» и обычно обозначало, как указывает известный ученый Уллендорф, «всю долину Нила к югу от Египта, включая Нубию и Абиссинию»⁴⁶. Из этого следует, что в одних случаях библейское слово «Эфиопия» может относиться к Абиссинии, а в других — нет. То же самое можно сказать и о названии «Куш», использованном в переводах на английский.

В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что сам Моисей женился на «ефиоплянке»⁴⁷, согласно бесспорно древнему указанию из Книги Чисел. К этому следует добавить интересное свидетельство иудейского историка Иосифа Флавия, подкрепленное несколькими еврейскими легендами: между сороковым и восьмидесятым годами своей жизни пророк некоторое время прожил в «Эфиопии»⁴⁸.

«Эфиопия»/«Куш» упоминаются и в других эпизодах Священного Писания. Многие из них не имеют никакого отношения к нашей теме. Но другие вызывают интерес и предполагают возможность того, что записавшие их книжники имели в виду не Нубию и не какую-либо часть Судана, а скорее всего ту самую горную страну на Африканском Роге, которую ныне мы называем «Эфиопией».

Один из таких эпизодов встречается во второй главе Книги Бытия и касается рек, текущих из райского сада:

«Имя второй реки Гихон [Герн]: она обтекает всю землю Куш»⁴⁹. Взглянув на карту, я обнаружил, что Голубой Нил, вытекая из озера Тана, действительно делает широкую петлю, которая обтекает всю территорию Эфиопии. Более того, как мне уже было известно⁵⁰, два ключа, считающиеся истоками великой реки, сами эфиопы называют по сей день «Гийон»⁵¹.

Другой любопытный эпизод я нашел в 67-м псалме — «одном из древнейших образцов израильской поэзии»⁵², по указанию Джона Д. Левенсона помощника профессора на факультете теологии Чикагского университета. В этом псалме присутствует скрытое указание на ковчег Завета⁵³, а также делается следующее странное предсказание: «Эфиопия прострет руки свои к Богу»⁵⁴. Почему же Эфиопия представляется здесь вероятным кандидатом на обращение в иудаизм? К сожалению, в самом псалме ответа на этот вопрос не дается. Однако в написанной позже Книге пророка Амоса (пастырство которого продолжалось с 783 по 743 гг. до н.э.⁵⁵) есть указания на то, что в Эфиопии/Куше произошло нечто исключительно важное, вследствие чего обитатели этой далекой страны были признаны равными «избранному народу» Израиля: «Не таковы ли, как сыны Ефиоплян, и вы для Меня, сыны Израилевы? — говорит Господь». Три различных перевода этого стиха (Ам. 9:7) покажут более наглядно, что я имею в виду:

«Не таковы ли, как сыны Ефиоплян, и вы для Меня, о сыны Израилевы? — говорит Господь» (Авторизованная версия Библии короля Якова).

«Не равны ли для предо Мною и вы, сыны Израилевы, и кушиты? — говорит Яхве» (Иерусалимская Библия).

«Не таковы ли, как кушиты, и вы, израильтяне, для Меня? — говорит Господь» (Новая английская Библия).

Я отдавал себе отчет, что этот стих можно истолковать иначе — то есть как указание на то, что сыны Израилевы больше не пользовались у Яхве какими-либо особыми привилегиями. И все же я решил рассмотреть и более очевид-

ное прочтение. Нельзя ли допустить, что группы евреев переселились на юг — через Египет на Абиссинские нагорья — уже в VIII веке до н.э., когда пророчествовал Амос?/ Доказательств этого, на первый взгляд, невероятного предположения я не нашел. Однако остается фактом, что из всех обширных территорий, которые Амос мог обозначать словом «Эфиопия», только одна земля восприняла иудаизм еще в древности (и, более того, сохранила ему верность вплоть до XX века н.э.). И эта земля, родина фалаша, расположена, конечно же, по соседству с озером Тана.

Следующий библейский эпизод, привлечший мое внимание, находится в Книге пророка Софонии, написанной между 640 и 622 годами до н.э.⁵⁵ — в период царствования Иосии. И снова оказалось полезным сопоставить три перевода одного стиха (Соф. 3:10), где в уста Господа вложены следующие слова: «Из заречных стран Ефиопии поклонники Мои, дети рассеянных Моих, принесут Мне дары».

«Из заречных стран Ефиопии поклонники Мои и сама дочь рассеянных Моих принесут Мне дары» (Авторизованная версия Библии короля Якова).	«Из-за рек Эфиопии поклонники Мои принесут Мне дары» (Иерусалимская Библия).	«Из-за рек Куша поклонники Мои из Рассеяния принесут Мне дань» (Новая английская Библия).
---	--	---

Этот стих, вне всяких сомнений, написан до 622 года до н.э., то есть задолго до Вавилонского пленения, поэтому возникает два вопроса:

1. Какое именно событие имеет в виду Софония, говоря о «рассеянии»?
2. Какую именно часть «Куша» подразумевает здесь пророк, говоря о «заречных странах Ефиопии»?

По первому вопросу я пришел к выводу, что пророк имел в виду какую-то добровольную миграцию части евреев, поскольку никакого вынужденного «рассеяния» до вре-

мени жизни Софонии не было. Что же касается второго вопроса, то вспомним, что библейский термин «Куш» обозначает «всю долину Нила к югу от Египта, включая Нубию и Абиссинию». Приведенный стих содержит скрытое указание, помогающее сузить географический район, о котором говорит Софония. Это указание мы находим в словах «из заречных стран Ефиопии». Поскольку речь идет о нескольких реках, можно исключить долину Нила вплоть до Мерое. К востоку от Мерое течет Атбара, а дальше — Тэкэзе; к югу же (почти параллельно Атбаре) из Абиссинии вытекает Голубой Нил. Таковы реки Эфиопии; а за всеми ними лежит озеро Тана. Поэтому нельзя полностью исключать, что пророк подразумевал именно традиционный район расселения фалаша.

Воспользовавшись компьютерной программой, я обнаружил, что слова «заречные страны Ефиопии» встречается в Библии еще лишь один раз — в Книге пророка Исайи:

«Горе земле, осеняющей крыльями по ту сторону рек Ефиопских, посылающей послов, по морю, и в папировых судах по водам! Идите, быстрые послы, к народу крепкому и бодрому, к народу страшному от начала и донныне, к народу рослому и все попирающему, которого землю разрезают реки»⁵⁶.

Другие переводы добавляют новые оттенки значения к этому фрагменту, насыщенному глубоким смыслом:

«Земля шумливых крыльев
за реками Куша, посылающая
послов по морю, в папировых
судах по водам. Идите, быстрые
послы, к народу рослому и
смуглому, к народу страшному
от начала и донныне, к народу
могучему
и искруному,
в страну, рассеченную реками!»
(Иерусалимская Библия)

«Есть земля кораблей
плывущих, земля за реками
Кушами, посылающая послов
своих по Нилу, странствующая
по водам на тростниковых
ладьях. Идите, быстрые послы,
идите к народу рослому
и смуглолицему, к народу,
наводящему ужас вблизи
и вдали, к народу крепкому
и горделивому, чья земля
омыта реками»
(Новая английская Библия).

Поскольку этот фрагмент содержится в 18-й главе, он безусловно принадлежит самому пророку Исаяе⁵⁷. Следовательно, его можно датировать временем жизни этого пророка, которая, как я уже знал⁵⁸, была долгой и охватила периоды царствования Иоафама, Ахаза и Езекии (соответственно 740—736, 736—716 и 716—687 гг. до н.э.⁵⁹). Более того, пророк почти наверняка дожил и до царствования Манассии, из-за идолопоклонства которого — теперь я в этом не сомневался — ковчег Завета был вынесен из святого святых Иерусалимского храма. Поэтому для меня я с особым интересом прочел древнее еврейское предание, согласно которому Исаяя принял мученическую смерть от руки самого Манассии⁶⁰.

Еще более интересным мне показалось то, в каких выражениях пророк говорит о таинственной земле, лежащей «по ту сторону рек Ефиопских». Из Библии короля Якова можно заключить, что пророк проклинает эту землю, но более поздние переводы не создают такого впечатления. Но в описании географических особенностей этой земли все переводы единодушны: она не только расположена «по ту сторону» рек, но и ее саму «разрезают реки».

На мой взгляд, все это безоговорочно свидетельствует о том, что Исаяя имел в виду Абиссинию и район традиционного расселения фалаша. Высокогорье вокруг озера Тана действительно изрезано реками. Есть и другие указания:

1. Обитатели интересующей нас земли — люди «ростые» и, по различным вариантам перевода, «смуглые» или «смуглолицые». Такое описание вполне применимо к современным эфиопам, чья блестящая каштаново-коричневая кожа отличается от черной кожи негроидного населения других африканских стран.
2. В описании земли использован любопытный эпитет «осеяющая крыльями» (или, в другом переводе, «земля шумливых крыльев»). Это, как мне представляется,

может быть указанием на тучи саранчи, примерно раз в десять лет опустошающей Эфиопию — покрывающей поля и наполняющей воздух громким сухим треском крыльев.

3. И, наконец, Исайя упомянул, что послы этой земли плавают в «папириновых судах» (или «тростниковых ладьях»). Обитатели районов вокруг огромного «моря» Тана и по сей день пользуются лодками из папируса, которые они называют «танква»⁶¹.

В общем и целом библейские сведения придали правдоподобие гипотезе о том, что отношения между Израилем и Абиссинским нагорьем установились уже в глубокой древности. «Ефиоплянка» — жена Моисея, «рослый народ» Исайи и упомянутые Софонией «поклонники» Господа, которые должны были вернуться «из заречных стран Эфиопии», — все это подкрепляло мое предположение, что евреи путешествовали в Эфиопию и даже, возможно, селились там задолго до V века до н.э. И если иудейские священники с Элефантины действительно доставили в том же веке ковчег Завета на остров Тана Киркос, они, скорее всего, изначально направлялись в землю, где уже прочно обосновались их единоверцы.

Волны миграции?

Но найдутся ли подтверждения этой гипотезы где-нибудь помимо Библии? Я чувствовал, что да. Например, уже те исследования, которые я сам проводил в Эфиопии в 1989—1990 гг., указывали на возможность нескольких волн еврейской иммиграции на протяжении очень долгого периода времени, уходящего в глубокую древность. Очень показательна в этом смысле долгая беседа с первосвященником «иудеоязыческих» кемантов — уамбаром Мулуной Маршей (см. главу 11). Он сообщил мне, что основатель его религии Анайер пришел в район озера Тана из «земли Ханаанской». Внимательнее проанализировав религию кемантов, я обна-

ружил в ней весьма своеобразную смесь языческих и иудейских обрядов и обычаев. К числу иудейских элементов относилось различение «чистой» и «нечистой» пищи, а почитание «священных рощ» походило на древнейшие формы иудаизма (патриарх Авраам «насадил... при Вирсавии рощу и призвал там имя Господне»⁶²). По всей вероятности, подобные традиции были довольно широко распространены в ранний период израильского поселения в Ханаане и пережили краткое возрождение в царствование Манассии, но были окончательно и бесповоротно подавлены царем Иосией в VII веке до н.э.

Из этого вытекает, что предки кемантов, по-видимому, иммигрировали в Эфиопию из Ханаана еще в далекой древности. Фалаша же, вероятно, были потомками более поздних иммигрантов. Их религия также включала некоторые обряды, запрещенные царем Иосией (в частности, жертвоприношение животных в местных святилищах), но в остальном представляла собой чистую форму ветхозаветного иудаизма, не разбавленную языческими верованиями.

Будучи соседями в горах и долинах вокруг озера Тана, кеманты и фалаша утверждали, что являются родственными народами (уамбар Мулуна Марша сказал мне, что семья, основавшая его религию, и семья, основавшая религию фалаша, совершили «одно и то же путешествие» и даже обсуждали возможность породниться, но не сделали этого).

Подобные легенды, как я со временем установил, отражают этнографические факты. Фалаша и кеманты действительно были родственными племенами — подразделениями большого племени агау, населяющего западную часть центральной Эфиопии⁶³. Поэтому родным языком обоих народов был один из диалектов языка агау, принадлежащего, что весьма интересно, к «кушитской» группе языков⁶⁴. В Эфиопии присутствовали и родственные древнееврейскому и арабскому семитские языки (например, амхарский и тигригна), но ни фалаша, ни кеманты на них не говорили (разве что в качестве второго языка).

Объяснение этой аномалии и выводы из него казались очевидными, и я записал их в своем блокноте:

«Первые небольшие группы евреев начали переселяться из Израиля в Эфиопию уже в очень древние времена. Мне представляется, что этот процесс начался в X веке до н.э. (если не еще раньше) и продолжался по крайней мере до конца V века до н.э. Прибыв в район озера Тана, мигранты оказались среди старейших обитателей Эфиопии — таких, как агау — и, должно быть, смешались с ними, утратив тем самым свои этнические отличия. Однако иудейская вера и культура продолжала передаваться у них из поколения в поколение. В результате, уже ко II или I веку до н.э. в Эфиопии не осталось «евреев» как таковых, а только «евреизированные» или обращенные в иудаизм народы, которые ничем более не отличались от коренных жителей Эфиопии и говорили на коренном эфиопском языке (а древнееврейский оказался забытым). Современные потомки этих «евреизированных» или «иудаизированных» народов — кеманты и фалаша, а их родной язык, диалект языка агау, принадлежит к кушитской группе.

А что насчет «семитских» народов Эфиопии — таких, как христиане-амхары, обладающие политической властью? По мнению этнографов, они почти наверняка являются потомками сабейских, южноаравийских поселенцев, хлынувших на нагорье с более поздними волнами иммиграции. К тому времени, как появились сабейские завоеватели, иудаизм в той или иной форме, вероятно, уже прочно утвердился среди местных групп агау, — и это может послужить ответом на вопросы, почему их культура также была постепенно «иудаизирована» и почему элементы иудаизма сохранились до наших дней в форме необычных ветхозаветных особенностей абиссинского христианства.

«В Эфиопии всегда, с самого начала, были евреи», — писал в XVII веке португальский иезуит Балтазар Теллеш⁶⁵. По-моему, он был гораздо ближе к истине, нежели современные ученые, полагающие, что иудаизм в этой стране появился относительно поздно, и попросту не желающие замечать всех тех фактов, которые противоречат их предвзятому мнению».

Таинственные «BRs»

С одной стороны, мне удалось разгадать множество загадок, до сих пор не получавших удовлетворительного объяснения, но с другой — я сознавал потенциальную слабость изложенной выше теории: что, если она отражает не факты, а *мое собственное* предвзятое мнение? И все же остается *фактом* то, что фалаша исповедуют архаичную форму иудаизма, как и то, что в религии кемантов присутствует множество древнееврейских элементов. Наконец, остается *фактом* и то, что христианство Эфиопской православной церкви пронизано обрядами бесспорно иудейского происхождения. Но позволяет ли это все прийти к выводу, что еврейская иммиграция в Эфиопию началась за сотни лет до V века до н.э., когда (согласно моей гипотезе) ковчег Завета был доставлен с острова Элефантина на Верхнем Ниле на остров Тана Киркос? Если я прав и в районе Тана Киркос уже существовало еврейское поселение, тогда не приходится удивляться тому, что последним пристанищем ковчега стала именно Эфиопия.

Но прав ли я? Все свидетельства в пользу моей развивающейся гипотезы четко подразделялись на две категории: 1) социальные и этнографические данные по фалаша и кемантам, касающиеся их религиозных верований и фольклора, а также взаимоотношений между двумя этими группами, и 2) разбросанные по всему Ветхому Завету свидетельства миграции евреев в Абиссинию, растянутой во времени и охватывающей всю первую половину I тысячелетия до н.э. Если такая миграция действительно имела место, то подтверждения этому должны найтись не только в Библии и в отмеченных особенностях фалашской и кемантской культур. Для полноты картины мне необходимы были археологические или документальные факты в поддержку того, что еврейские поселения возникли в Эфиопии еще до V века до н.э.

До сих пор такого рода сведения мне не попадались, и я осознал, что в попытках найти их я плыву против течения. Тем не менее я решил прозондировать почву среди

знакомых мне представителей ученого мира: вдруг я упустил что-то важное?

Вскоре я получил по почте работу некоей Жаклин Пиранн, опубликованную в 1989 году на французском языке Страсбургским университетом гуманитарных наук⁶⁶. Ее прислал мне профессор египтологии одного крупного британского университета. В сопроводительной записке говорилось:

«Посылаю вам фотокопию статьи Жаклин Пиранн, обсуждавшейся на недавней конференции в Страсбурге.

Откровенно говоря, я, с научной точки зрения, считаю, что онахватила через край. Человек она очень способный, изучала древние арабские документы, но ее идеи о происхождении арабской хронологии и письменности, по мнению многих из нас, просто невероятны. Это эссе очаровательно, но, боюсь, его следует признать скорее художественным, чем историческим произведением. (Насколько мне известно, на недавнем заседании Семинара арабских исследований его резко раскритиковал Бистон, а он человек в целом здравомыслящий, хотя, как и все мы, может ошибаться.)»

Естественно, мне оставалось только гадать, почему профессор счел, что статья знатока «древних арабских документов» может как-то пригодиться в моих исследованиях. Но когда статью перевели по моей просьбе на английский, я понял, почему он так решил и почему академический мир так враждебно отреагировал на гипотезу Жаклин Пиранн.

Если вкратце, то она категорически опровергала мнение ученых, изучавших отношения между Эфиопией и Южной Аравией: по ее предположению, не йеменские сабеи оказали влияние на Эфиопию, а совсем наоборот — Эфиопия повлияла на Южную Аравию:

«Сабеи... сначала прибыли в эфиопскую провинцию Тиграй и добрались до Йемена через Красное море... Это вывод, абсолютно противоречащий всем признанным точкам зрения, тем менее служит единственным вразумительным объяснением перечисленных фактов»⁶⁷.

Далее Пиранн доказывала, что родиной сабеев была северо-западная часть Аравийского полуострова и что значительное их число переселилось оттуда в Эфиопию («через русло реки Хаммамат и вдоль Нила») двумя отдельными волнами. Первая волна датируется приблизительно 690 годом до н.э., а вторая — 590 годом до н.э. Почему они эмигрировали? Потому, что не желали платить дань ассирийскому завоевателю Синахерибу в первом случае и вавилонскому завоевателю Навуходоносору — во втором.

Эта гипотеза не столь уж притянута за уши, как может показаться: в своих кампаниях Синахериб и Навуходоносор не ограничились знаменитыми нападениями на Иерусалим, но проникли на северо-запад Аравии, где действительно могли столкнуться с племенами сабеев. Это мне уже было известно. Однако мои скудные познания не позволяли ни отвергнуть, ни принять другое утверждение Пиранн, а именно, что сабеи-беженцы проникли в Эфиопию через долину Нила, а затем направились дальше — через Красное море в Йемен.

Впрочем, это утверждение не играло центральной роли в аргументации моих собственных гипотез. Что меня по-настоящему заинтересовало — и в конце концов убедило в правильности моих догадок, — так это ее анализ найденной в Эфиопии сабейской надписи VI века до н.э. Переведенная лингвистом Шнайдером и впервые опубликованная в малоизвестной статье «Эпиграфические документы Эфиопии»⁶⁸, эта надпись восхваляла сабейского монарха, назвавшегося «благородным царем-воином» и хваставшегося тем, что создал империю на северо-западе Эфиопии, где царствовал «над Даамат Савской» и над «белыми и черными BRs»⁶⁹. Пиранн задается вопросом, кто такие были эти «BRs»:

«Р. Шнайдер не рискнул выдвинуть какую-либо интерпретацию [...] но термином, встречающимся в ассирийских надписях, — «абирус» — могли обозначаться древние евреи... Евреи могли эмигрировать одновременно со второй волной сабеев,

поскольку первый захват Иерусалима Навуходоносором [...] за которым последовало Вавилонское пленение, приходится на 598 г. до н.э., и тот же Навуходоносор напал на арабов в 599—598 годах до н.э. [...] Отождествление «BRs» с «евреями», прибывшими [в Эфиопию] со второй волной сабеев, объясняет [...] существование фалаша — чернокожих, но иудеев [...] Они являются потомками этих «евреев», прибывших в VI веке до н.э.»⁷⁰.

Однако Пиранн даже не рассматривает возможности того, что «BRs» — стандартное написание слова «евреи» (т.е. АБИРУС) в ранних алфавитах, не имевших обозначений для гласных, — могли прибыть в Эфиопию *раньше* обеих волн миграции сабеев. Она сделала свой вывод только на том основании, что надпись, в которой они упомянуты, датируется VI веком до н.э. Я же был убежден, что «BRs», властью над которыми похвалялись сабейские завоеватели, вполне могли обосноваться в Эфиопии задолго до них и что их численность продолжала расти и в то время, и позже, по мере того, как через долину Нила прибывали новые группы еврейских переселенцев.

Последний пункт этих рассуждений пока что оставался чисто гипотетическим; однако я был благодарен Жаклин Пиранн за указание на археологические и документальные свидетельства того, что уже в VI веке до н.э. в Эфиопии существовал народ, называвшийся «BRs». Академики могут до скончания веков спорить о том, кем в действительности были эти «BRs», но у меня уже не оставалось никаких сомнений:

- Это были евреи, в тот ранний период еще не смешавшиеся с коренными агау, среди которых они поселились.
- Они поклонялись Богу, именуемому Яхве.
- Следовательно, если в V веке до н.э. ковчег Завета был доставлен с Элефантины в Эфиопию, то он обрел весьма достойное пристанище.

Погибельная часовня

Мне оставалось сделать совсем немного. Я прошел долгий извилистый путь исторического исследования, пытаюсь убедить в истинности притязаний Эфиопии на обладание утраченным ковчегом.

И вот я убедился. Я отдавал себе отчет в том, что ученые могут оспорить мои открытия и сделанные из них выводы, но тогда, в 1989—1990 гг., одобрение «экспертов» и «авторитетов» значило для меня не так уж много. Я преследовал только свою внутреннюю цель, и только я один был судьей и оценщиком всех аргументов.

По существу, оставалась только одна проблема: я знал, что мне придется пойти на немалый риск, чтобы посетить древний город Аксум и попасть в храм, в котором якобы хранится ковчег. Меня одолевали опасения при мысли о том, чтобы довериться НФОТ — вооруженным повстанцам, имевшим все основания ненавидеть меня за тесные связи с тем самым правительством, которое они пытались свергнуть. Чтобы рискнуть и побороть свои страхи, мне прежде всего необходимо было убедить себя в том, что эта затея — не дурацкая донкихотская авантюра, а продолжение дела, которому я предан всей душой.

И теперь, почти уверившись в том, что ковчег действительно находится в Аксуме, я был готов приступить к заключительному этапу своих исследований: отправиться в «священный город эфиопов», невзирая на все сопряженные с этим трудности и опасности.

Это решение далось мне нелегко. Месяц за месяцем я цеплялся за малейшие предлоги, способные оправдать отказ от столь рискованного предприятия. Но вместо возможных оправданий я находил только новые и новые указания, ведущие в Аксум.

Я пытался найти другие места, в которых ковчег мог обрести последнее пристанище. Но ни один из вариантов, упоминавшихся в легендах и преданиях, не показался мне сколько-нибудь убедительным. Я искал свидетельства того, что реликвия могла быть уничтожена, но не нашел таковых.

Я установил, что утверждения «Кебра Нагаст» относительно Соломона, царицы Савской и Менелика едва ли соответствуют действительности, но в то же время могут служить завуалированными указаниями на истинное положение дел. Во времена Соломона ковчег никак не мог попасть в Эфиопию, но нельзя исключить, что его доставили туда позднее — после разрушения иудейского храма на острове Элефантина на Верхнем Ниле.

В общем и целом, каково бы ни было мнение ученых на этот счет, я знал, что подошел к концу долгого пути и не могу дольше увильнуть от «окончательного расчета»: чтобы остаться честным перед самим собой, я должен сделать все возможное, чтобы пробраться в Аксум, невзирая на риск и предстоящую мне нелегкую борьбу с собственным эгоизмом и трусостью. Возможно, это прозвучит банально, но мне представлялось, что главное для меня — не столько даже найти ковчег на самом деле, сколько приложить к этому все усилия.

Самому себе я отнюдь не казался эдаким рыцарем короля Артура в сверкающих доспехах. И все же в тот момент я прекрасно понимал, почему сэра Гавейн на пути к ожидавшим его злоключениям пренебрег советами оруженосца, пытавшегося отговорить его от посещения Зеленой часовни и предостерегавшего:

«Если отправишься туда, найдешь там свою погибель... посему, мой добрый сэра Гавейн, отправляйся другим путем, в дальние земли! Ступай с Богом, и благослови тебя Христос! А я вернусь домой, и торжественно клянусь Богом и Его святыми сбереечь твою тайну и не выдать ни одной живой душе, что ты обратился в бегство»⁷¹.

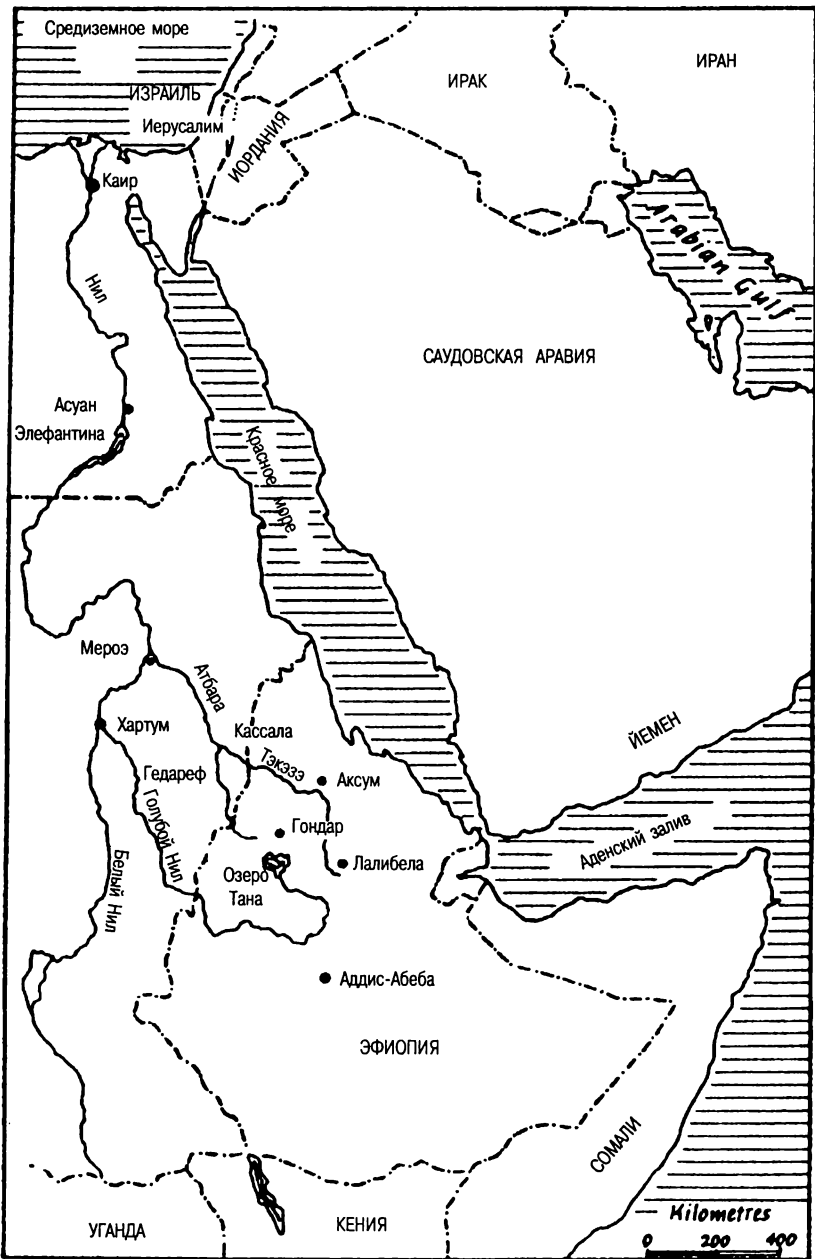
Но Гавейн, поразмыслив, ответил:

«Достохвально, что желаешь ты блага мне, и я верю тебе, что ты преданно сохранишь эту тайну в своем сердце. Но [...] если я покину это место и обращусь в бегство [...] по совету твоему, то стану трусливым рыцарем, и не будет мне оправдания [...] Отправляюсь я в Зеленую часовню и приму то, что уготовано мне судьбой»⁷².

С такой же решимостью, хотя и не столь отважно, я готовился отправиться в мою собственную «погибельную часовню»⁷³, дабы принять там то, что судьба уготовила мне. И подобно сэру Гавейну, я знал, что должен совершить это путешествие на заре Нового года, ибо приближалось торжественное празднество *Тимката*.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ:

БЕСПЛОДНАЯ ЗЕМЛЯ

УЖИН С ДЬЯВОЛАМИ

Посетив Израиль и Египет, я вернулся в Англию в октябре 1990 года. К тому времени у меня созрело твердое решение: я должен ехать в Аксум, и самое подходящее время для этой поездки — январь 1991 года. Если удастся попасть туда до 18 января, я смогу принять участие в церемонии *Тимката*, когда, как я надеялся, во время крестного хода ковчег вынесут из храма.

Фалашский священник Рафаэль Хадане, с которым я беседовал в Иерусалиме, сомневался в том, что подлинную реликвию вынесут на всеобщее обозрение: «Вряд ли христиане выносят настоящий ковчег. Они бы так не поступили. Они никогда и никому не покажут ковчег. То, что они выносят из храма на праздник, — всего лишь копия». Поскольку сам Хадане в свое время тоже посетил Аксум в надежде увидеть священную реликвию, его предостережение всерьез меня беспокоило. И все же у меня оставался только один выход: исполнить задуманное. А для этого нужно было прежде всего победить собственный страх.

В Эфиопии по-прежнему шла гражданская война, и если я действительно хотел попасть в Аксум, оставалось только довериться людям из Фронта народного освобождения Тигра. Я знал, что за последние годы они пропустили в контролируемые ими районы десятки иностранцев, не причиняя никому никакого вреда. Но мне все равно было страшно. Почему?

Дело в том, что в 1983—1989 гг. я поддерживал тесные связи с эфиопским правительством. В конце 1982 года я ос-

тавил журналистику и основал собственную издательскую компанию с целью публикации книг и документов для самой широкой клиентуры, в том числе для правительств ряда африканских стран. В числе моих первых клиентов оказалась эфиопская Комиссия по туризму; как я рассказывал в главе 1, именно благодаря ей и я попал в Аксум впервые еще в 1983 году.

В результате мне удалось подготовить и выпустить в свет иллюстрированное подарочное издание¹, которое понравилось руководителям эфиопского правительства и обеспечило заказы на несколько похожих публикаций. В ходе работы над ними я познакомился с другими влиятельными людьми: идеологическим руководителем Шимелисом Мазенгией, другими членами политбюро и Центрального комитета Берхану Байи и Кассой Кебеде, а главное с эфиопским так называемым «красным императором» — президентом Менгисту Хайле Мариамом, силовиком, захватившим власть в стране в середине 70-х и пользовавшимся репутацией беспощадного гонителя инакомыслящих, не имевшего себе равных во всей Африке.

Когда тесно сотрудничаешь с людьми, то в известном смысле начинаешь смотреть на вещи их глазами. Так случилось и со мной в 80-е годы: я стал ревностным сторонником эфиопского правительства. И хотя я не одобрял развязанных им репрессий, но с успехом убедил себя в том, что некоторые меры «красного императора» полезны и справедливы — в том числе и политика переселения, которую начали проводить в 1984—1985 гг. с целью перемещения более миллиона крестьян из пораженной голодом провинции Тиграй (тогда еще находившейся под контролем правительства) на целинные земли на юге и западе страны. В то время я не сомневался, что это «необходимо», поскольку обширные районы на севере страны превратились в «непригодные для жизни пустоши на грани полного и необратимого экологического краха»². Однако с точки зрения политических лидеров НФОТ подобное переселение представляло серьезную угрозу повстанческому движению. По их мнению, подлинная цель «пагубной» политики правительства заключалась в том, чтобы лишить их массовой

поддержки в родной провинции: с каждым крестьянином, переселенным из Тиграя, Фронт терял потенциального рекрута.

Я несколько раз публично выступал в поддержку переселения — и тем самым прямо и открыто вступая в конфронтацию с НФОТ. Кроме того, я и в других вопросах зарекомендовал себя сторонником правящего режима. Например, после ряда встреч с президентом Менгисту меня попросили рассказать о нем по всемирной сети Би-би-си. В этом рассказе, вышедшем в эфир в 1988 г., я выставил президента в гораздо более благоприятном свете, чем он того заслуживал, по мнению многих. Я же попросту излагал собственную точку зрения, поскольку близко узнал этого человека и понял, что ему присущи гораздо большая глубина и утонченность, чем полагали иные критики. И таким образом я дал НФОТ возможность увериться в том, что я — целиком и полностью на стороне правительства.

Наконец, в 1988 — начале 1989 гг. я принимал непосредственное участие в работе правительства Менгисту. На протяжении года я перевозил послания из Эфиопии в Сомали и обратно. В Сомали правил другой диктатор — Мохаммед Сиад Барре, с которым я тоже был в хороших отношениях. Цель моих поездок заключалась в укреплении дипломатических связей между двумя странами: я должен был заверить главу каждого государства в серьезности намерения другого вести переговоры до конца и впоследствии уважать достигнутые договоренности.

В то время я считал, что выполняю почетную, достойную и благую миссию. Кроме того, мне льстила роль «честного посредника» между такими могущественными и опасными оппонентами, как Менгисту и Барре. Все это мешало мне разглядеть изнанку моей деятельности и осознать, какую угрозу для меня представляли столь тесные отношения с этими двумя жестокими и расчетливыми людьми. «Собрался поужинать с дьяволом — готовь длинную ложку», — гласит старая пословица. Тогда, в 1988—1989 гг., я ужинал с двумя дьяволами попеременно — а о ложке, увы, совсем забыл.

Оставила ли эта история пятно на моей совести? Честный ответ — да, безусловно. Могу добавить, что теперь сожалею о своих поступках и, будь у меня шанс вернуться в прошлое, ни за что не пошел бы на поводу у своего тщеславия и личных амбиций.

Но сделанного не воротишь, и теперь мне приходилось расхлебывать последствия собственных ошибок. А одним из таких последствий было соглашение, подписанное между Эфиопией и Сомали в результате переговоров, обязывающих каждую из сторон отказаться от финансовой помощи и поставок оружия повстанческим силам другой стороны. Разумеется, оно затронуло интересы НФОТ, который за несколько лет создал мощную тыловую структуру в сомалийской столице Могадишо. Таким образом, я лишний раз зарекомендовал себя противником дела повстанцев Тиграя и другом диктатора Менгисту Хайле Мариама, которого они считали воплощением зла.

Но несмотря на все эти обстоятельства, я попытался прощупать почву и в ноябре 1990 года обратился в Лондонское представительство НФОТ. Я почти не сомневался, что на свою просьбу о посещении Аксума получу категорический отказ. Или еще того хуже: партизаны согласятся пропустить меня в священный город, а когда я пересеку границу Судана с Тиграем, подстроят мне «несчастный случай» со смертельным исходом. Каким бы мелодраматичным и даже нелепым ни казалось это опасение, мне оно представлялось вполне реальным.

Исследования или «легенда»?

Ответ НФОТ не вызвал у меня особого восторга. Да, они отлично знают меня. Да, мое желание посетить Аксум их удивило. Но — нет, они не возражают против моих планов.

И все же оставались проблемы. Прежде чем вылететь в Хартум, необходимо было получить визу суданского правительства и разрешение на поездку в глубь страны, без которого я не смог бы пересечь сотни километров пустыни, отделяющие Хартум от границы с Тиграем.

К сожалению, в конце 1990 года получить суданскую визу и подобное разрешение британским гражданам было нелегко. К тому времени назрел и стал почти неизбежным крупный конфликт в Персидском заливе, в котором Судан выступал на стороне Ирака. А поскольку Британия заняла сторону США, британские граждане стали практически *personae non gratae*³ в Хартуме.

Я осведомился, нет ли у НФОТ какого-нибудь способа обойти этот запрет? Да, ответили мне, есть. Однако они ходатайствуют только за своих друзей и тех, кто может оказать активное содействие их борьбе. Поскольку же я им не друг и не могу принести никакой пользы, они не станут помогать мне договориться с суданскими властями. Но если мне это все же удастся и я смогу самостоятельно добраться до пограничного города Кассала, то НФОТ переправит меня через границу и позволит доехать до Аксума.

Я обратился в суданское посольство в Лондоне, от чего ощущение тщетности моей затеи только усилилось. Как писатель я должен был представить просьбу о визе пресс-атташе посольства Абделю Вахабу эль-Аффенди. Тот оказался бойким молодым человеком в костюме с иголки. Он чрезвычайно вежливо посоветовал мне оставить всякую надежду: в нынешней политической обстановке у меня нет ни единого шанса получить разрешение на въезд в Судан и тем уж более — на поездку из Хартума в Кассалу.

— А если мою просьбу поддержит НФОТ, это поможет?

— Определенно поможет. А они вас поддержат?

— Э-э-э... Сейчас — едва ли. У них сейчас другие приоритеты.

— Значит, — вздохнул доктор Аффенди с видом человека, только что доказавшего свою правоту, — вы напрасно тратите время.

— И все же будьте так любезны направить мое заявление в Хартум, — попросил я.

Пресс-атташе широко улыбнулся и поднял руки ладонями вверх в красноречивом жесте неискреннего извинения:

— С радостью. Но, уверяю вас, ничего хорошего из этого не выйдет.

В течение ноября я время от времени звонил Аффенди справиться, как идут дела, но он ничем не мог меня порадовать. Первый раз я обратился в НФОТ 2 ноября, а 19 ноября снова попытал счастья и на сей раз встретился с главой представительства Тевольде Гэбру. У меня сложилось впечатление, что он тщательно меня прощупывает, пытаюсь опрелелить, следует ли принимать мои намерения за чистую монету или же мое стремление в Аксум как-то связано с военными планами режима Аддис-Абебы.

Сам-то я *знал*, что меня интересует только ковчег Завета. Но уже не в первый раз мне приходило в голову, что в глазах НФОТ мои исследования могут выглядеть всего-навсего шпионской «легендой». Поэтому я не был уверен, радоваться мне или огорчаться, когда под конец беседы Тевольде пообещал, что будет просить представительство НФОТ в Хартуме ходатайствовать о визе и разрешении на поездку по стране.

Сделка

Следующие три недели ни от представительства НФОТ, ни от суданского посольства в Лондоне не поступало никаких известий. Я понял, что оказался в патовой ситуации и необходимо что-то предпринять для ускорения дела.

В конце концов мне пришла в голову очень простая идея. В Эфиопии не только шла война, но и явно велась интенсивная пропагандистская кампания. В ходе этой кампании правительство обвинило НФОТ (по всей вероятности, несправедливо) в разграблении и разрушении церквей. Поэтому я решил, что могу склонить повстанцев на свою сторону, если пообещаю устроить телерепортаж о свободе вероисповедания в Тиграе под их властью — репортаж, в котором они получат возможность опровергнуть выдвинутые против них обвинения.

Выступать в СМИ с публичными заявлениями в пользу НФОТ я не хотел — отчасти из-за остатков лояльности к некоторым правительственным деятелям (например, к Шимелису Мазенгии, который помогал мне на протяжении не-

скольких лет), а отчасти потому, что такой крутой поворот во взглядах представлялся мне отвратительным. На самом деле мой подход к внутривнутриполитическим проблемам в Эфиопии уже изменился и продолжал меняться. Но я попросту не смог бы себя уважать, если бы поддержал НФОТ во всеуслышание именно сейчас, когда мне было необходимо попасть в Аксум.

Это опять был тупик, однако я придумал из него хитрый выход. Я не стану ни выступать самостоятельно, ни готовить телерепортаж о Тиграе. Я попрошу кое-кого сделать это за меня. Я вспомнил о своем старом приятеле Эдварде Милнере — бывшем продюсере Би-би-си, а ныне «свободном художнике». Совсем недавно он вернулся из Колумбии, где снимал репортаж для британского 4-го канала новостей. Поэтому я предположил, что его заинтересует возможность подготовить для той же компании репортаж о Тиграе. Разумеется, о том, чтобы попытаться склонить его на ту или иную сторону, не могло быть и речи: Милнер был исключительно цельным и честным человеком, и я знал, что он согласится лишь на правдивое описание того, что увидит собственными глазами. И все же я надеялся, что НФОТ поддержит мою просьбу о поездке в Аксум, если я свяжу ее с возможностью освещения событий по телевидению. По собственному опыту я знал, что все повстанческие группировки жаждут рекламы, и полагал, что НФОТ — не исключение.

10 декабря я снова позвонил Тевольде Гэбру. На встрече 19 ноября он обещал мне, что обратится в представительство НФОТ в Хартуме с просьбой помочь мне получить визу и разрешение на поездку в провинцию. В ответ на мой вопрос, как продвигаются дела, Гэбру ответил:

— Никаких новостей. Наши люди в Судане очень заняты, и ваш вопрос не является для них приоритетным.

— Изменится ли положение, если я предложу вам в обмен телерепортаж?

— Это зависит от того, о чем он будет.

— О свободе вероисповедания в Тиграе и об отношениях между НФОТ и церковью. В боевых действиях вы, может

быть, и побеждаете, но пропагандистскую войну явно проигрываете.

— Почему вы так считаете?

— Один пример. Недавно вас обвинили в разграблении и поджоге церквей, верно?

— Да.

— И это, несомненно, причинило вам немалый вред?

— Да. И внутри страны, и на международной арене.

— А эти обвинения соответствуют действительности?

— Ни в малейшей степени.

— Тем не менее они прозвучали, и очиститься от подобной грязи нелегко. — И я пустил в ход свой козырь: — Совершенно очевидно, что это часть правительственной пропагандистской кампании. Позвольте мне процитировать вам репортаж, опубликованный 19 октября в «Таймс». — Передо мной лежала вырезка из газеты. — «В борьбе против дальнейшей дезинтеграции государства, — начал читать я, — эфиопское правительство особенно нуждается в поддержке церкви. Недавно президент Менгисту заявил: «Наше государство сложилось в результате исторического процесса и просуществовало несколько тысяч лет, что подтверждается сохранившимися историческими реликвиями». Президент также попытался выставить свой либеральный режим в выгодном свете на фоне твердолобого коммунизма и антиклерикализма сепаратистских движений...»

— Я читал этот репортаж, — прервал меня Тевольде. — Как вы думаете, почему Менгисту пошел на какие-то шаги по либерализации? Да потому, что он понимает, что не может победить нас на поле битвы, и таким образом пытается завоевать поддержку в народе.

— Но не в этом дело! Суть в том, что вам необходимо оправдаться от обвинений в антиклерикализме. Телерепортаж, переданный на всю Британию, был бы вам очень полезен. А если мы снимем его во время Тимката, — а именно на время этого праздника я и хочу попасть в Аксум, — то крестный ход и вообще вся праздничная атмосфера послужат лишним доказательством того, что НФОТ не выступает против церкви и, более того, под его охраной находится самая ценная на свете историческая реликвия.

- Возможно, вы правы.
- Так следует ли мне попытаться организовать такой телерепортаж?
- Это было бы неплохо.
- В таком случае сможете ли вы вовремя устроить нам визы и разрешения?
- Да. Полагаю, я могу это обеспечить.

Одиннадцатый час

Договорившись с Тевольде, я тут же позвонил Эдварду Милнеру, изложил ему ситуацию и спросил, захочет ли он предложить репортаж о Тиграе 4-му каналу новостей.

Милнер заинтересовался предложением и к 12 декабря уже подписал с телеканалом договор, который мы вместе с паспортными данными Эда передали по факсу в представительство НФОТ. В сопроводительном письме мы сообщили, что хотели бы выехать в Тиграй не позднее 9 января 1991 года — то есть задолго до *Тимката*.

Прошло еще две недели, а НФОТ молчал. Визы и разрешения на путешествие по стране так и не поступили.

— Позвоните мне сразу же после Нового года, — сказал нам Тевольде.

К 4 января 1991 года я потерял всякую надежду. Но сожаление о том, что теперь мне не удастся завершить свои исследования, смешивалось в моей душе с облегчением: с одной стороны, я сделал все, что было в моих силах, а с другой — все же уберегся от всех опасностей — реальных или воображаемых, — которыми была чревата поездка в Тиграй. Но вечером того дня Тевольде позвонил сам:

— Можете ехать. Все устроено.

Как и было запланировано, мы с Эдом вылетели в Хар-тум 9 января. У нас оставалось меньше недели, чтобы добраться оттуда наземным транспортом до священного города Аксума.

СОКРОВИЩЕ, КОТОРОЕ ТРУДНО НАЙТИ

Выйдя из автобуса авиакомпании «КЛМ», доставившего нас в Хартум, мы с Эдом Милнером погрузились во влажные объятия африканской ночи. Виз у нас на руках не было: представительство НФОТ в Лондоне сообщило нам только их номера. Но они явно были известны таможенному офицеру, который взял у нас паспорта и оформил наше прибытие, пока мы получали багаж.

Муж очаровательной таитянки и отец двух прелестных малышей, Эд был моим старым другом и шафером на моей свадьбе. Коренастый, крепкой сбитый, темноволосый, с резкими чертами лица, он настоящий профессиональный телевизионщик — и продюсер, и режиссер, и оператор, и звукооператор в одном лице. Все это, а также его связи с 4-м каналом значительно облегчало мою задачу: я не хотел, чтобы вокруг меня в Аксуме толпилась целая съемочная группа.

Полное имя Эда — Джон Эдвард Дуглас Милнер. В зале прилета Хартумского аэропорта мы сразу же насторожились, услышав из громкоговорителя: «Джон Эдвард, Джон Эдвард, Джон Эдвард. Мистер Джон Эдвард, пожалуйста, срочно пройдите в кабинет таможенной службы!»

Эд откликнулся на призыв и... исчез. Через полчаса я получил весь наш багаж и свой паспорт с нужной печатью таможенной службы. Прошло еще полчаса, потом час, полтора. В конце концов, далеко за полночь, когда аэропорт практически опустел, мой спутник вернулся — озадаченный, но в бодром расположении духа.

— Имя Джон Эдвард фигурирует в черном списке полиции, — объяснил он. — Я пытался втолковать им, что меня зовут Джон Эдвард *Милнер*, но они никак не желали меня понять. Они задержали мой паспорт. Обещали вернуть завтра утром.

НФОТ прислал за нами машину в аэропорт. Не говоривший по-английски водитель помчал нас по пустынным улицам Хартума, останавливаясь через каждые несколько минут на дорожных блокпостах, где вооруженные до зубов солдаты изучали предъявляемый пропуск.

Я бывал в Судане и раньше; с 1981 по 1986 гг. я даже регулярно посещал эту страну. И сразу понял, что с тех пор здесь многое изменилось. Судя по блокпостам, в городе действовал строгий комендантский час, что в прежние времена было бы совершенно невыносимо. Даже сама атмосфера была другая, но я никак не мог понять, в чем дело. Было что-то жутковатое в затемненных окнах, замусоренных улочках и стаях бродячих собак. В Хартуме всегда царил беспорядок, но этой ночью город выглядел по-настоящему страшным, чего я никак не ожидал.

Мы добрались до центра города и выехали на Шариа-эль-Нил чуть к северу от внушительного дворца в викторианском стиле, где в 1885 году дервиши Махди расправились с генералом Чарльзом Гордоном.

Шариа-эль-Нил означает «улица Нила» или «путь Нила», и мы действительно ехали вдоль берега великой реки. Справа от нас раскидистые кроны деревьев закрывали звезды, а между толстыми стволами и свисающими ветвями проглядывал Нил, неторопливо несущий свои воды к далекому Египту.

Слева от нас промелькнула пустая терраса «Гранд-отеля», когда-то бывшая модным местом свиданий, а ныне заброшенная и жалкая. Вскоре мы подъехали к последнему блокпосту у поворота. Водитель снова предъявил пропуск, и нас пропустили на *стрелку* при слиянии Голубого и Белого Нила, где стоит хартумский «Хилтон». Пока мы въезжали в ярко освещенный двор гостиницы, я тешился надеждой пропустить пару-тройку двойных порций водки с тоником

и льдом, но когда чуть позже попытался сделать заказ по телефону, мне напомнили одно важное обстоятельство, начисто выветрившееся из моей памяти: с середины 80-х годов — со времени принятия исламского закона — алкоголь в Судане был под строжайшим запретом.

На следующее утро, 10 января, мы с Эдом отправились на такси в офис Общества поддержки Тиграя (ОПТ), куда Лондонское представительство НФОТ посоветовало нам обратиться за помощью в организации поездки. Мы заметили, что в одной из комнат на втором этаже мелом на черной доске были записаны наши имена. Но все равно, похоже, никто ничего о нас не знал. Связаться с главой миссии НФОТ в Хартуме Хайле Киросом оказалось невозможно: городская телефонная сеть всегда дышала на ладан, а в то утро, похоже, окончательно вышла из строя.

— Нельзя ли просто подъехать к офису НФОТ? — спросил я одного из служащих Общества.

— Нет. Лучше оставайтесь здесь, а мы найдем для вас Хайле Кироса.

Мы напрасно прождали до полудня, потом решили, что я останусь и буду ждать Хайле Кироса, а Эд отправится на такси в аэропорт за своим паспортом. И он отправился. Прошло два часа — а он все не возвращался. Не появился и представитель НФОТ, и ни одна живая душа не проявила хоть какой-нибудь интерес ко мне и моим планам добраться до Аксума.

Единственное, что меня утешало в тот момент, — то, что столь равнодушный прием позволял больше не опасаться, что в Тиграе меня убьют. Более вероятной теперь казалась другая, совершенно прозаическая перспектива: я вообще не попаду Тиграй, потому что никто не захочет и пальцем шевельнуть ради этого.

Я взглянул на часы — начало второго. В два часа все учреждения в Хартуме закроются, в том числе, вероятно, и офис ОПТ и представительство НФОТ. Завтра уже пятница — мусульманский день отдохновения. Так что до субботы, 12 января, нам ничего не светит.

Где же Эд? Может, он вернулся прямо в «Хилтон»? Я попытался дозвониться до гостиницы — безуспешно. Уже не находя себе места от раздражения, я написал для Хайле Кироса записку с указанием своего гостиничного номера и просьбой связаться со мной. Отдав записку одному из дружелюбных молодых людей в офисе ОПТ, я вышел на улицу на поиски такси.

Первым делом я направился в «Хилтон», но Эда там еще не было. На всякий случай я вернулся в офис ОПТ, но его и там не оказалось. В конце концов я велел водителю отвезти меня в аэропорт, где в результате долгих и терпеливых расспросов выяснил, что мой коллега задержан и сейчас его допрашивают полицейские.

— Могу я повидать его?

— Нет.

— Могу я узнать хоть что-нибудь еще?

— Нет.

— Когда его освободят?

— Сегодня, завтра, может, в субботу, — ответил мне говоривший по-английски бизнесмен, любезно оказавший мне помощь. — Никто не знает. И никто не скажет. Его задержала полиция государственной безопасности. Страшные люди. Ничего невозможно сделать.

Всерьез обеспокоившись, я поспешил к справочному бюро аэропорта, которое — как ни удивительно — было открыто. Не без труда я выяснил там номер телефона посольства Великобритании. Затем нашел телефон-автомат, который не только работал, но и делал это бесплатно. Но, увы, в посольстве никто не брал трубку.

Через пару минут я уже снова сидел в такси. Водитель не знал, где находится посольство (хотя поначалу и уверял меня в обратном), но в конце концов через час с лишним нашел его методом проб и ошибок.

Остаток вечера я провел в аэропорту с двумя британскими дипломатами, которых застал в клубе посольства за распитием нелегальных напитков. Но даже с их помощью установить, почему — или хотя бы где — был задержан Эд, так и не удалось. Дело осложнялось тем, что в это время в аэропорту приземлился ливийский реактивный самолет с ли-

дером Организации освобождения Палестины Ясиром Арафатом, прибывшим для обсуждения кризиса в Персидском заливе с суданским диктатором генералом Омаром эль-Баширом. Вокруг нас крутились бравые солдаты с автоматами, дававшие выход своим патриотическим антизападным чувствам и вообще старавшиеся доставить окружающим как можно больше неприятностей. Понятно, что мои дипломаты были не в лучшем настроении.

— Всем британским гражданам было рекомендовано воздержаться от посещения этой чертовой страны, — укоризненно напомнил мне один из них. — Теперь понимаете почему?

Около девяти вечера, так и не найдя Эда, я вернулся в «Хилтон» перекусить. И только в одиннадцатом часу, к моей немалой радости, он появился в холле гостиницы — немного грязный и усталый, но, к счастью, все же целый и невредимый.

Усаживаясь за столик напротив меня, он показал мне свои руки. Его пальцы были покрыты черной краской.

— У меня взяли отпечатки пальцев, — сообщил Эд и попытался заказать двойной джин с тоником — но безуспешно. Пришлось ему удовольствоваться теплым безалкогольным пивом.

В пути

Как выяснилось, Эда задержала вовсе не злобная полиция государственной безопасности, а суданский филиал Интерпола. Похоже, имя «Джон Эдвард» было одним из множества вымышленных имен, под которыми скрывался наркоделец, разыскиваемый по всему миру. К несчастью для Эда, полицейские обнаружили в его паспорте штамп визы Колумбии — мирового центра кокаиновой торговли. То, что в Колумбии он находился по заданию 4-го телеканала, не произвело на суданских детективов ни малейшего впечатления, как и очевидное несходство с фотографией разыскиваемого преступника, разосланной Интерполом. К счастью, тот разослал и отпечатки пальцев наркодельца, и

поздно вечером кто-то наконец додумался сравнить их с отпечатками пальцев Эда. И вскоре его отпустили.

На следующий день мы рассказали эту историю Хайле Киросу — представителю НФОТ, появившемуся в «Хилтоне» лишь вечером. Вчерашнее происшествие уже казалось всего лишь забавным недоразумением, и мы втроем посмеялись от души.

Затем мы перешли к технической стороне предстоящего путешествия в Аксум. Я внимательно наблюдал за Хайле Киросом, но не заметил в его поведении ничего такого, что свидетельствовало бы о недобрых намерениях. Напротив, передо мной сидел любезный, покладистый человек, явно преданный делу повстанцев, но в остальном совершенно безобидный. Во время беседы до меня стало доходить, до какой же степени я заблуждался в последние месяцы. На фоне дружелюбия Хайле Кироса все мои опасения и тревоги по поводу НФОТ показались совершенно беспочвенными.

Утром 12 января к нам присоединился еще один представитель НФОТ, которого я знал только по имени «Хагос». Сухопарый, хрупкого сложения, с лицом, изрытым оспинами, он объяснил, что ему поручено сопровождать нас в Аксум, откуда он был родом, и вернуться с нами после завершения работы. Здесь же, в Хартуме, он поможет нам получить разрешение на проезд до границы и нанять машину для путешествия.

К полудню мы покончили со всеми бумагами и ранним вечером договорились с одним эритрейским бизнесменом, проживающим в Судане: тот согласился предоставить нам исправную «Тойоту Лендкрузер» с не менее крепким водителем по имени Тесфайе и шестью канистрами бензина. Плату за услуги из расчета 200 долларов в сутки я нашел вполне приемлемой: я знал, что ехать придется по большей части ночами по едва проходимым горным тропам, чтобы не привлекать излишнего внимания самолетов эфиопского правительства, патрулировавших небо над мятежным Тиграем в дневное время.

На рассвете 13 января мы выехали из Хартума. Впереди нас ждали сотни и сотни километров пути по суданской

пустыне. Наш водитель Тесфайе, с густой курчавой шевелюрой, желтыми от табака зубами и бегающим взглядом, смахивал на пирата. «Лендкрузером» он управлял мастерски, и маршрут ему был явно знаком. Рядом с ним на переднем сиденье расположился наш молчаливый спутник Хагос. Мы с Эдом заняли заднее сиденье и тоже больше помалкивали. Навстречу нам поднималось солнце, предвещая жаркий день.

Мы направлялись в пограничный город Кассала, где тем же вечером должна был пересечь границу колонна грузовиков Общества поддержки Тиграя. Мы намеревались присоединиться к этой колонне и двигаться с ней к Аксуму.

— В большой группе ехать безопаснее, — пояснил Хагос.

По пути из Хартума в Кассалу я обнаружил, до чего же безрадостны и пустынные ландшафты Судана. Со всех сторон раскинулась до самого горизонта безводная равнина. Ближе к полудню нам стали попадаться высохшие останки овец, коз, коров и даже верблюдов, что встревожило меня не на шутку. Это были первые жертвы голода, который вскоре поразит и людей, но который правительство Судана до сих пор отказывалось признать, не говоря уже о попытках как-то с ним бороться. Такова, размышляя я, цена рокового высокомерия, бессердечного безумия еще одного диктаторского режима Африки, одержимого сохранением собственного престижа и власти, пусть даже ценой безмерных страданий людей.

Но разве я сам не поддерживал в прошлом как раз такие диктатуры? Даже сейчас я не мог утверждать, что окончательно порвал с ними. Так кто я такой, чтобы судить? О ком мне следует сожалеть? И по какому праву я сейчас сопереживаю обездоленным?

Кассала

Около двух часов дня мы пересекли мутную от ила Атбару неподалеку от ее слияния с Тэкэзе, и я с удивлением осознал, как быстро и безжалостно сокращается расстояние до Аксума, еще недавно казавшееся мне таким огром-

ным. Всего месяц назад казалось немислимым преодолеть эту бездну, полную безымянных страхов. Чудо, что я все же оказался здесь и вижу собственными глазами те самые реки, по которым, верилось мне, иудеи-переселенцы доставили в Эфиопию ковчег Завета, — могучие реки, что разрезают землю, «осеменяющую крыльями по ту сторону рек», что струятся в глубь жадных суданских пустынь и, впадая в Нил, несут свои воды мимо Элефантины и Луксора, Абидоса и Каира, чтобы наконец обрести свое последнее пристанище в Средиземном море.

В начале четвертого мы прибыли в Кассалу — город, выстроенный вокруг оазиса из финиковых пальм, над которым возвышается на 760 с лишним метров причудливый гранитный холм. На первый взгляд казалось, что этот выветренный красный холм поднимается посреди пустыни в гордом одиночестве, но на самом деле он был первым предвестником обширных эфиопских плоскогорий.

От близости границы, до которой оставалось всего несколько километров, меня охватило волнение. Я с интересом рассматривал беспокойный пограничный город: несмотря на изнурительную жару, повсюду толпились люди; пыльные улицы пестрели яркими пятнами одежд и гудели от гомона. Вот несколько подвижных ловких горцев из Абиссинии пытаются обменять товары гор на товары пустыни и спорят с хозяином конюшни; вот курчавый кочевник надменно обзирает окрестности со спины недовольного верблюда; вот мусульманский священник в отрепьях раздаёт благословения тем, кто готов заплатить, и проклятия — тем, кто платить не желает; вот вопящий от восторга мальчишка мчится с палочкой за самодельным обручем...

Следуя указаниям Хагоса, Тесфайе подвез нас к маленькому домику с плоской крышей на окраине города.

— Подождите здесь, пока не придет время пересечь границу, — сказал Хагос. — Суданские власти сейчас довольно непредсказуемы. Так что сидите в доме и не высовывайтесь. Иначе могут возникнуть неприятности.

— А кто здесь живет? — спросил я, выбираясь из «Лендкрузера».

— Этот дом принадлежит НФОТ, — объяснил Хагос, вводя нас в чистенький дворик, куда выходили двери нескольких комнат. — Отдыхайте. Поспите, если сможете. Ночь будет долгая.

Через границу

В пять вечера нас вывезли на широкую пыльную пустошь, усеянную костями убитых животных. Тучи мясных мух роились среди гниющих позвонков и лопаток; повсюду виднелись кучки зловонного человеческого кала. Справа, между высоким гранитным холмом и городом, неторопливо садилось солнце в фантастическом ореоле оранжевых и пурпурных красок. В целом пейзаж напоминал какое-то экзистенциалистское видение апокалипсиса.

— Где мы? — спросил я у Хагоса.

— Ну, скоро здесь соберется колонна, — объяснил представитель НФОТ. — Надо подождать еще полчаса-час. А потом двинемся дальше.

Эд выскочил из машины с видеокамерой и штативом и бросился искать выгодную точку для съемки съезжающихся грузовиков. Он не собирался ограничить свой репортаж для 4-го канала религиозной темой, но намеревался рассказать и о растущем голоде в Тиграе.

Пока он готовился, я задумчиво бродил вокруг машины, отмахиваясь от мух и высматривая, где бы присесть и сделать записи за прошедший день. Но меня слишком угнетала кладбищенская атмосфера этого зловещего места. Да и солнце склонилось к горизонту, так что для записей было уже темно.

Вечерняя жара неожиданно сменилась прохладой, и резкий ветер завыл среди заброшенных зданий, окружавших место сбора. Вокруг растерянно бродили какие-то люди — казалось, они явились ниоткуда и не знали, куда идти. Среди мусора и костей возились дети в лохмотьях; они во что-то играли, и их звонкий смех вливался в мычание проходившего мимо стада.

А затем до меня донеслось урчание приближавшихся грузовиков; замерцали фары; слепящие лучи прорезали мрак, и наконец из темноты возникли гигантские тени — штук двадцать грузовиков-«Мерседесов». Пока они проезжали мимо, я заметил, что рессоры прогибаются и рамы скрипят под тяжестью сотен мешков с зерном. Грузовики выстроились рядами по двое-трое посреди огромной пустоши, а следом за ними из города продолжали ползти новые. Вечерний воздух наполнился тучами пыли и выхлопами двигателей. Затем, словно по сигналу, все разом стронулись с места: автоколонна двинулась в путь.

Я бросился к «Лендкрузеру», где Эд с помощью Хагоса уже торопливо грузил свое оборудование. Затем мы забрались в машину и поспешили за грузовиками. Дорога была изрыта глубокими колеями, и я невольно задался вопросом, сколько же автоколонн и на протяжении скольких лет прошло этим путем, доставляя продовольствие для народа, голодающего по глупости и равнодушию собственного правительства.

Вскоре мы обогнали замыкающий грузовик, а за ним и еще дюжину. Наконец Тесфайе, явно наслаждавшийся этим ралли-сафари, втиснулся в середину колонны. Пыль и песок из-под колес грузовиков застилали обзор — порой поле видимости сужалось до нескольких футов. Вглядываясь в сгущающуюся тьму, я почувствовал, как меня охватывает чувство неизбежности. Наконец я в пути. Я направляюсь туда, куда должен идти, чтобы принять то, что пошлет мне судьба. И я подумал: *именно здесь я и хочу быть, именно это и хочу делать.*

Около семи вечера мы добрались до границы и остановились у блокпоста суданской армии — кучки глинобитных хижин посреди открытой всем ветрам, унылой равнины. Из темноты выступили несколько человек в форме и с фонарями «молния» и стали проверять документы. Пройдя проверку, грузовики перед нами один за другим проезжали дальше.

Когда подошла наша очередь, офицер приказал Хагосу выйти из машины и принялся что-то втолковывать ему, то и

дело показывая рукой на заднее сиденье, где мы с Эдом всю старались принять вид, внушающий доверие. Хагос предъявил наши паспорта. Изучив их при свете фар, офицер внезапно потерял к нам всякий интерес и пошел терзать водителя грузовика, стоявшего за нами в очереди.

Хагос сел в машину и захлопнул дверцу.

— Какие-нибудь проблемы? — нервно спросил я.

— Нет. Никаких, — заверил меня представитель НФОТ и, обернувшись ко мне, широко улыбнулся. — Не беспокойтесь. Эда уже не арестуют. Можно ехать дальше.

Он сказал что-то на тигригна Тесфайе, и тот с облегчением отпустил ручной тормоз и нажал на газ. Мы покатали вперед через границу в Эфиопию — хотя и не напрямую в Тиграй. Сперва мы направлялись на территорию, находящуюся под контролем Фронта национального освобождения Эритреи — партизанским движением, вот уже почти тридцать лет борющимся за освобождение своей страны и сейчас, в начале 1991 года, подошедшего к своей цели ближе, чем когда бы то ни было. По дороге я расспрашивал Хагоса о связях между ФНОЭ и НФОТ.

— Мы тесно сотрудничаем, — объяснил он. — Но ФНОЭ стремится к созданию самостоятельного эритрейского государства, а мы, НФОТ, добиваемся не отделения, а возможности избрания демократического правительства в Эфиопии.

— А для этого надо избавиться от Менгисту?

— Вот именно. Он и его Партия трудящихся — главные препятствия к освобождению нашей страны.

Мы проехали уже с полчаса, не видя никого из нашей колонны. Но внезапно впереди показались огни, и мы притормозили среди грузовиков, остановившихся в широкой долине между грядами низких холмов.

— Почему мы стоим? — спросил я.

— Надо дождаться отставших. И посадить бойцов НФОТ, которые будут охранять нашу колонну.

На этом Хагос выскочил из «Лендкрузера» и исчез. Эд схватил видеокамеру и переносное освещение и тоже отправился по своим делам.

Через пару минут я решил, что и мне не помешает размять ноги и осмотреться. Окунувшись в бархатную прохладу ночи, я постоял немного рядом с машинами, вглядываясь в небо. Над головой тускло светили звезды и серп молодой луны; из мрака проступали очертания ближайших грузовиков с выключенными фарами. По правую руку в глубокой тени таилась рощица колючих акаций. Чуть поодаль бледно мерцала белая скала на вершине холма.

Постепенно я привык к темноте и начал различать, что происходит вокруг. То там то сям стояли небольшими группами или сидели на корточках мужчины свирепого, почти бандитского вида, негромко переговаривавшиеся между собой. Если на территории Судана ни у кого, казалось, не было оружия, то сейчас практически все были вооружены автоматами.

Слегка встревожившись, я прошелся среди грузовиков и увидел Хагоса. Тот беседовал с бойцами НФОТ в камуфляже. Приближаясь к ним, я услышал резкий металлический щелчок курка «АК-47» и подумал: «Вот тут-то меня и пристрелят».

Но Хагос только кивнул и представил меня окружающим его людям. А тот щелчок я истолковал неправильно: на самом деле кто-то просто разобрал автомат, чтобы почистить. Уже далеко не в первый раз я устыдился одолевавших меня страхов и решил, что отныне буду доверять повстанцам, — в конце концов, им ведь тоже приходится доверять мне.

Привал затянулся надолго: у одного из догонявших нас грузовиков спустила шина, и все ждали, пока ее заменят. Но в конце концов мы снова пустились в путь и проехали еще около двух часов.

Где-то в одиннадцать мы снова остановились. Грузовики выстроились в ряд посреди широкой равнины и погасили фары.

— На сегодня все, — сообщил через некоторое время Хагос.

— Почему? — спросил я.

— Здесь неподалеку есть убежище, и завтра придется в нем отсиживаться. Следующее безопасное место слишком далеко — до рассвета не успеем.

И на этом представитель НФОТ заснул, прижав к груди невесть откуда взявшийся у него «АК-47».

Завтрак в Тэсэнэе

Я тоже ухитрился подремать, хотя для этого пришлось высунуть ноги в открытое окно «Лендкрузера». Через несколько часов астматический кашель заводившихся двигателей и вонь дизельных выхлопов вырвали меня из беспокойного сна.

Проехали мы совсем немного — меньше километра. Колонна углубилась в небольшой лесок, под густую листву высоких деревьев. Все машины, и нашу в том числе, тщательно укрыли брезентом защитного цвета.

— Чтобы на солнце не блестели, — пояснил Хагос. — Иначе нас могут заметить с воздуха. — И добавил, что, впрочем, даже самая тщательная маскировка не гарантирует безопасности: — Иногда «МИГи» бомбят и обстреливают такие рощицы просто на всякий случай.

Между тем взошло солнце, и в бледном утреннем свете я разглядел почерневшие остовы трех грузовиков-«Мерседесов».

— Они попали под бомбы несколько недель назад, — сказал Хагос. — Не повезло.

Отломав ветку с листьями, он присоединился к Тесфайе и другим водителям, которые методично заматали следы шин на песке, ведущие в лесок.

Часам к восьми утра все было готово, и Хагос предложил нам прогуляться пешком в эритрейский город Тэсэнэй.

— Это далеко? — спросил я.

— Нет, с полчаса. Бояться нечего: «МИГи» заинтересованы главным образом в ценных мишенях вроде грузовиков. Обычно они не обстреливают небольшие группы людей на открытых местах.

— А города?

— На города иногда нападают, если обнаруживают в них скопления грузовиков или людей. Тэсэнэй бомбили много раз.

Прогулка оказалась приятной — тропинка вилась среди кустов, в которых порхали яркие птички. Вдали поднимались неясные силуэты высоких гор.

Сам Тэсэнэй стоит в усеянной валунами долине, в окружении выветренных гранитных холмов. На улицах, в основном небогатых, я не заметил ни одной машины, но люди были повсюду: играющие дети; старуха, ведущая тяжело нагруженного осла; три прелестных юных девушки, которые убежали при виде нас, прикрыв лица и захихикав; множество вооруженных мужчин, встречавших нас теплыми улыбками и радостными жестами.

По правде говоря, город был далеко не в лучшем состоянии. Убогие дома с плоскими крышами хранили следы уличных боев: проломы в стенах, изрытые пулеметными очередями фасады, осыпающаяся каменная кладка... Справа над нами возвышалось разрушенное здание больницы. И куда бы ни ступала нога, землю устилал сверкающий и звенящий ковер стреляных гильз.

— Что здесь стряслось? — спросил я Хагоса.

— Несколько лет назад, когда правительство, казалось, уже одерживало победу в войне, Тэсэнэй оставался одним из последних бастионов ФНОЭ. Эфиопская армия несколько раз захватывала город, но ФНОЭ отвоевывал его. Тогда здесь шли ожесточенные бои. Но сейчас линия фронта отодвинулась далеко отсюда, и город стал вполне мирным, если не считать бомбежек.

Через несколько минут мы добрались до небольшой, комнат на двадцать, гостиницы. Двери комнат выходили в квадратный внутренний дворик, где под навесом из камуфляжной сетки сидели за столиками эритрейцы. Они пили кофе и беззаботно беседовали. Между столиками сновала официантка, а в воздухе витали ароматы еды.

Эта сценка, живо напомнившая мне атмосферу парижских бульваров, резко контрастировала с царившим за сте-

нами хаосом. Видимо, люди могут приспособиться к любым, даже самым мрачным, обстоятельствам и устроить себе вполне сносную жизнь.

Пока мы усаживались за столик, Хагос, словно прочитав мои мысли, заметил:

— У них есть не так уж много, но по крайней мере сейчас они свободны. А условия жизни улучшаются с каждым днем.

Как бы в подтверждение его слов перед нами появился завтрак: яичница и шесть банок датского пива.

— Откуда у них это? — воскликнул я, вскрывая первую банку.

— В прошлом году ФНОЭ отвоевал порт Массау. После этого в Эритрее появилось пиво, — с улыбкой ответил Хагос, тоже открыл банку, сделал большой глоток и добавил: — Какая роскошь после Хартума, а?

Так, потягивая пиво и общаясь с доброй половиной населения Тэсэнэя, собравшейся в гостинице поглазеть на иностранцев, мы и провели большую часть утра. В полдень мы настроили коротковолновый приемник Эда и послушали мрачные сообщения из Персидского залива. Было 14 января, и в полночь истекал установленный ООН срок вывода иракских войск из оккупированного Кувейта.

Подремав несколько часов, мы проснулись в четыре пополудни и к шести часам вернулись пешком к месту укрытия — как раз ко времени отправления колонны.

Магия и чудеса

Ночная поездка казалась бесконечной, хотя на самом деле продлилась всего одиннадцать часов. Сумерки сгустились уже к тому времени, как мы выехали из Тэсэнэя. Тесфайе снова пристроился в середине колонны, и в уже привычных клубах пыли мы пустились в путешествие по западным предгорьям центрального нагорья Эфиопии, а затем и по самой горной стране.

Около часа ночи мы остановились заправить «Лендкрузер» из захваченных с собой канистр. Потирая синяки, набитые на дорожных ухабах, я выбрался из машины размять затекшие ноги и стоял, глядя на грузовики, которые один за другим объезжали нас, поблескивая фарами и шипя воздушными тормозами.

Когда последний грузовик проехал мимо и скрылся в темноте, я глубоко вздохнул и поднял голову к звездному небу, вознося благодарность за сопутствовавшую мне до сей поры удачу. Заправившись, мы снова двинулись в путь по изрытой колеями дороге, торопясь нагнать колонну.

Вскоре дорога запетляла по обрывистым, словно подвешенным над пустотой горным склонам, перемежавшимся участками плато. Я кожей чувствовал, какие огромные расстояния мы покрываем и как разительно меняется окрестный ландшафт.

Я знал, что несколько часов назад мы уже пересекли границу Эритреи и Тиграя. Несмотря на то что все тело ныло от непрерывной тряски, я постепенно погружался в полудрему, в которой все происходившее со мной на протяжении последних двух лет, все причудливые повороты и странности, тупики и моменты прозрения в моем исследовании, казалось, слились в единый, непрерывный и связный поток. И внезапно я осознал с ошеломляющей ясностью, что, если бы я руководствовался только алчностью и амбициями, все мои поиски свелись бы к жалкой и бессмысленной авантюре. Что с того, что ковчег Завета, покоящийся во тьме своего святилища, сверкает древним золотом? Истинная ценность его заключена в ином. И что с того, что этот ковчег — бесценное археологическое сокровище? Это не имеет значения. Ничто в нем, что можно было бы измерить, рассчитать или оценить, не имеет ни малейшего значения. Думать иначе означало бы опуститься до осквернения, причем не искомого предмета, не святого ковчега, а себя самого.

Но где же, если не в материальном мире, заключена истинная ценность этой реликвии? Ну... в ее таинственности, разумеется, и в ее очаровании, захватывавшем воображение

людей во многих странах на протяжении долгих столетий. Таковы вечные ценности — магия и чудеса, вдохновение и надежда. Лучше крепко держаться за них, нежели стремиться к эфемерным наградам; лучше питать благородные чаяния и остаться с пустыми руками, нежели преуспеть, а потом этого стыдиться.

Пустынная дорога

Перед самым рассветом, измученные и покрытые пылью с головы до ног, мы въехали в маленький городок — темный и тихий, без единого огонька, без единого признака жизни.

Хагос немилосердно колотил в запертую дверь, пока ее не открыли. Мы выгрузили видеокамеру Эда и остальной багаж, который мог понадобиться днем, и вошли в дом, а Тесфайе отъехал, чтобы укрыть где-нибудь наш «Лендкрузер».

Мы оказались в наполовину крытом дворике, среди людей, спящих на походных кроватях. Отыскав несколько свободных мест, мы тоже улеглись. Я завернулся в простыню, закрыл глаза и провалился в сон.

Проснулся я уже при свете дня, через несколько часов. Моих спутников нигде не было видно, а вокруг сидели тиграи — человек десять — и с любопытством на меня глазе-ли. Я сказал им «доброе утро», поднялся, стараясь держаться как можно достойнее, умылся водой, капавшей из крана над металлической бочкой, и сел за свои записки.

Вскоре вернулись Эд с Хагосом — они снимали на пленку раздачу продовольствия, доставленного автоколонной. Я поинтересовался, где мы находимся.

— В Череро, — ответил Хагос. — Важный населенный пункт в этой части Тиграя. Сюда-то и шла наша колонна. Грузовики уже разгрузились.

— А далеко отсюда до Аксума?

— Еще ночь пути. Но одним нам ехать небезопасно. Лучше подождать, пока соберется новая автоколонна.

Я взглянул на часы — вторник, 15 января. Всего три дня до начала *Тимката*.

— И долго нам придется ждать?

— Два-три дня. Но если повезет, сможем выехать уже сегодня вечером.

— А почему одним ехать опасно?

— Потому, что правительство засылает в Тиграи диверсантов из гарнизона в Асмаре. Они устраивают засады на дорогах. Наш «Лендкрузер» для них — отличная мишень.

— А на автоколонны они что, не нападают?

— Почти никогда. Слишком много машин. Слишком много охраны.

День тянулся долго и медленно. Было жарко, влажно и скучно. Хагос, отсутствовавший несколько часов, вернулся под вечер и объявил, что этой ночью никакой колонны не будет.

— Советую подождать, — сказал он. — По крайней мере до завтра. — Заметив ужас, отразившийся на наших лицах, он добавил: — Конечно, решать вам.

Мы с Эдом уже приняли решение, которое обсуждали почти весь день, и сказали представителю НФОТ, что хотели бы продолжить путешествие, если только он не сочтет это безрассудной храбростью.

— Не сочту. Понимаю, вы хотите попасть в Аксум до начала Тимката. Опасность не так уж велика. Может быть, нам удастся прихватить с собой еще одного бойца НФОТ на всякий случай.

Когда стемнело, мы снова пустились в путь. На переднем сиденье, рядом с Хагосом сидел еще один охранник — юноша с ослепительно белыми зубами и высокой прической из мелких завитков, вооруженный «АК-47» с тремя или четырьмя запасными магазинами. Парень оказался весельчаком — много смеялся и включил стереопроеигрыватель «Лендкрузера» на полную громкость. Мы мчались в кромешной тьме под звуки тиграйских военных маршей. Но я понимал, что никакая бравада не уберезет нас от пуль, если кому-то вздумается обстрелять нас из укрытия — скажем, из-за того куста или валуна, или из этой рощицы.

Удивительно, насколько по-иному воспринималось путешествие в одиночку, без надежного прикрытия огромных рокочущих грузовиков. Раньше мы были частью некой великой и непобедимой армии, неумоимо пробивавшейся сквозь завесы темноты, отгоняющей тени световым валом. Сейчас же мы были такими маленькими, уязвимыми, брошенными на произвол судьбы! И пока наш «Лендкрузер» петлял между иссохшими деревьями на горных склонах, я все острее осознавал, сколь необъятны просторы этих диких мест и сколь холодна и неумолима их враждебность.

Несколько часов мы взбирались все выше и выше, двигатель трудился на пределе, а за окнами становилось все холоднее и холоднее. Внезапно дорога вывела на вершину узкого перевала, и проезд нам перекрыли вооруженные люди.

Я ругнулся себе под нос, но Хагос меня успокоил:

— Не бойтесь. Это лагерь НФОТ. Наши люди. Охраняют дорогу.

Открыв дверцу, он обменялся несколькими словами и рукопожатиями с повстанцами, окружившими «Лендкрузер». Нас тотчас пропустили через самодельное заграждение, и через несколько мгновений мы уже въехали на открытое всем ветрам плато, где ярко пылали костры и стояли врассыпную бревенчатые хижины.

Задержавшись на полчаса выпить чаю, мы продолжили путь. Вокруг нас вновь сомкнулась темнота; позади потускнели и угасли огоньки лагеря.

Время шло. Я задремал, а проснувшись, обнаружил, что машина петляет по длинному серпантину, спускаясь в большую долину. Слева от нас вплотную к обочине возвышался каменистый склон, а справа дорога обрывалась в пропасть. И тут из кромешной черноты за обрывом взвился яркий светлячок, искра чистой энергии с тянущимся за нею призрачным мерцающим хвостом. В одно мгновение этот светящийся призрак настиг нас, перелетел через дорогу, едва не задев ветровое стекло, и угас, ударившись о склон.

Тесфайе резко затормозил и выключил фары. Хагос и боец из Череро выпрыгнули из машины и бросились к краю обрыва, сжимая в руках автоматы.

Я подивился, какими ловкими и опасными они выглядели в тот момент, какими бесстрашными и деловитыми. Двигались они слаженно, как будто выполняли хорошо отработанный маневр.

— Что стряслось? — спросил Эд, проснувшийся от толчка, когда машина резко затормозила.

— Точно не знаю, — ответил я, — но, кажется, в нас только что стреляли.

Я чуть было не предложил выйти из машины, но тут Хагос и его товарищ вернулись к нам бегом, забрались на переднее сиденье, захлопнули дверцу и велели Тесфайе ехать дальше.

— Наверное, это была трассирующая пуля, — заметил я.

— Да, — спокойно подтвердил Хагос. — Кто-то из долины внизу несколько раз по нас выстрелил.

— Но был же только один выстрел!

— Нет-нет. Мы *видели* только один. А на самом деле выстрелов несколько было — короткая очередь. Так часто делают — кладут в магазин сверху один-два трассирующих патрона, чтобы легче было пристреляться. А остальные патроны обычные.

— Чудесно, — проворчал Эд.

Некоторое время мы ехали молча, а потом я спросил Хагоса:

— Как по-вашему, кто это был?

— Скорее всего, правительственные агенты. Я говорил, они постоянно засылают в Тиграй диверсантов. Бомбить нас с воздуха по ночам они не могут, так что задействуют такие вот засады на дорогах.

— Почему же они прекратили огонь? — поинтересовался я. — Ведь подстрелить нас там было бы проще простого.

— Побоялись. Поскольку первой очередью они промазали и находились от нас довольно далеко, стрелять дальше не было смысла. В этом районе много бойцов НФОТ. Долгая перестрелка привлекла бы их внимание.

— А-а... Понятно.

Я устало прислонился головой к боковому стеклу, размышляя о том, как легко мою жизнь может отнять шальная

пуля и насколько мы уязвимы при всем своем самомнении и браваде.

Часам к трем утра мы прибавили ходу, выбравшись на шоссированную дорогу, проходившую мимо поля, на котором стоял брошенный танк: башню его сорвало взрывом, пушка бессильно поникла. По левую руку я различил в свете звезд развалины какого-то древнего здания. Внезапно меня охватило острое, почти мучительное чувство *déjà vu*, и я спросил:

— Где мы находимся?

— Подъезжаем к Аксуму, — ответил Хагос. — Только что проехали мимо дворца царицы Савской.

Еще несколько минут — и мы въехали в небольшой городок, попетляли немного по узким улочкам и остановились перед стеной, увитой виноградными лозами и стеблями тропических цветов. Пока остальные стучались в ворота, я обошел «Лендкрузер», опустился на колени и поцеловал землю. Конечно, это был слишком драматический и сентиментальный жест, но в тот момент он показался мне вполне уместным.

Стратегия

Проснулся я от яркого солнечного света, вливавшегося ко мне в комнату через незанавешенное окно. Ночью, когда мы прибыли, здесь было темным-темно — электричества в Аксуме нет. Но теперь, выйдя на улицу, я обнаружил, что нас поселили в симпатичном гостевом домике с зеленой лужайкой во внутреннем дворе.

Я прошел на террасу, где стояло несколько стульев. В углу на плите, сооруженной из большой банки из-под масла, многообещающе булькал чайник. Рядом, на кухне, резали овощи две женщины — по-видимому, мать и дочь.

Они приветствовали меня улыбками и тотчас подали чашку сладкого душистого чая. Я сел и попытался собраться с мыслями, пока не проснулись мои спутники.

Итак, сегодня среда, 16 января 1991 года. Минувшей ночью истек срок, установленный ООН для вывода иракских войск из Кувейта, и я задавался несколько абстрактным вопросом, не началась ли уже третья мировая война. Между тем до начала Тимката в Аксуме оставалось всего два дня, и мне предстояло разработать стратегию дальнейших действий.

Идти напрямиком в церковь Святой Марии Сионской мне почему-то не хотелось. Как ни странно, но сейчас, когда до цели было уже рукой подать, сделать эти последние шаги вдруг показалось очень трудным. Отчасти это объяснялось простой неуверенностью в себе, отчасти — суеверным страхом, а отчасти — мыслью о том, что своим преждевременным визитом я напугаю священников и они решат не выносить на крестный ход Тимката подлинный ковчег. Самым разумным представлялось держаться в тени до самого начала церемонии. А уж там, в толчее неистовых плясок, я попытаюсь подобраться к реликвии поближе и разглядеть ее.

Но у такой стратегии были и свои минусы. Фалашский старейшина Рафаэль Хадане, с которым я беседовал в Иерусалиме, полагал, что в процессиях Тимката *всегда* используют копию, а не подлинный ковчег, который остается в безопасности в своем святилище. Если Хадане прав, то чем раньше я познакомлюсь с аксумскими священниками, тем лучше. Я ничего не выиграю, выжидая, и ничего не потеряю, выложив карты на стол. Даже наоборот: только как следует потолковав со священниками, я получу хоть какую-то возможность убедить их в своей искренности, в том, что я не представляю никакой опасности и что я достоин лицезреть ковчег.

Так и я сидел в задумчивости над чашкой, не в силах ни на что решиться, — а решать надо было срочно.

Наконец из своей комнаты вышел Эд, протирая сонные глаза и прижимая к уху приемник.

— Война не началась? — спросил я.

— Пока нет. Срок истек, но никаких сообщений о военных действиях пока не было. Как насчет чайку? Или кофе?

Кофе — тоже неплохо. И перекусить не помешает. Есть тут что-нибудь?

Пока обслуживали Эда, появился и Хагос — правда, не из своей комнаты. Он, очевидно, уже побывал в городе, ибо за ним следовал благообразный бородатый старик в длинном развевающемся одеянии.

— Это мой отец, — объяснил представитель НФОТ и любезно познакомил нас. — Он священник в церкви Святой Марии Сионской. Я сказал ему, что вы интересуетесь ковчегом Завета, и он пожелал с вами встретиться.

И честь, и бремя

Разумеется, за время нашего долгого путешествия из Хартума я успел рассказать Хагосу о своих исследованиях: ведь я еще перед отъездом узнал, что он родом из Аксума. Но мне и в голову не приходило, что он как-то связан с церковью, не говоря уж о том, что его отец может оказаться священником. Если бы я это знал, то, возможно, был бы осторожнее, — а впрочем, возможно, и нет. В конце концов, Хагос понравился мне с самого начала, и не хотелось ничего скрывать от него.

Вот таким образом я и лишился преимущества внезапности — и не по чьему-то злому умыслу, а по чистой случайности. Следовательно, скрывать свои намерения больше не было смысла. Лучше уж и впрямь выложить карты на стол — и будь что будет.

Отца Хагоса, похоже, заинтересовал то, что какой-то иностранец проделал такой долгий путь в надежде увидеть ковчег Завета. Мы долго беседовали с ним, и, наконец, я спросил:

— Так я смогу его увидеть во время церемоний Тимката? На них выносят подлинный ковчег или копию?

Хагос перевел мои вопросы. После многозначительной паузы старый священник промолвил:

— Я не имею права отвечать на такие вопросы. Вам следует побеседовать с моим священноначалием.

— Но ответ вам известен, так ведь?

— Я не имею права об этом говорить. Это не входит в мои обязанности.

— В чьи же обязанности это входит?

— В первую очередь вам следует встретиться с *небура-эдом* — самым старшим высоким чином из аксумских священников. Без его благословения вы ничего не добьетесь. Если он благословит, тогда вы сможете поговорить с хранителем ковчега...

— Я здесь не в первый раз, — прервал я его. — Я приезжал сюда в 1983 году и познакомился тогда с хранителем. Он еще жив, вы не знаете? Или, может, его кто-то сменил?

— Он, к сожалению, умер четыре года назад. Он был уже очень стар. Но он назначил своего преемника, который и сейчас на этом посту.

— И он постоянно находится в часовне, где хранится ковчег?

— Таков его долг — никогда не оставлять ковчег без присмотра. Вы знаете, что его предшественник, тот, с которым вы были знакомы, попытался бежать, узнав о своем назначении?

— Нет, — покачал я головой. — Я этого не знал.

— Так вот, он бежал из Аксума в горы. За ним послали других монахов. Когда его привели, опять попытался бежать. Пришлось держать его в часовне на цепи много месяцев, пока он не принял свою ответственность.

— На цепи, вы сказали?

— Да, на цепи в часовне.

— Удивительно!

— Что здесь удивительного?

— Ну, получается, что он действительно не хотел занять эту должность. А я думал, что быть хранителем ковчега — это великая честь.

— Честь? Да, конечно. Но это еще и тяжелое бремя. Для избранного монаха вся жизнь сводится к ковчегу. Он живет только для того, чтобы служить ему, кадить вокруг него и постоянно находиться при нем.

— А когда ковчег выносят из часовни? Например, во время Тимката? Хранитель сопровождает его?

— Он обязан находиться рядом с ним постоянно. Но об этом вам лучше поговорить с другими. Я не имею права...

Я задал еще несколько вопросов о ковчеге, но старик на все отвечал одинаково: он не может ничего сказать, мне следует говорить со старшими. И все же он сообщил мне одну интересную подробность: незадолго до того, как НФОТ захватил Аксум, в город явились правительственные чиновники и попытались изъять реликвию.

— Каким образом? — поинтересовался я. — В смысле, что именно они сделали? Попытались проникнуть в часовню?

— Не сразу. Они старались убедить нас, что ковчег следует перевезти в Аддис-Абебу. Говорили, что скоро здесь начнутся бои, а там он будет в большей безопасности.

— И что потом?

— Потом они попытались применить силу, но мы оказали сопротивление. Они вызвали солдат, но мы все равно сопротивлялись. Весь город узнал о том, что они пытаются сделать, и люди вышли на улицы. Так что они вернулись в Аддис-Абебу ни с чем. А вскоре, слава богу, город был освобожден.

Я понимал, что отец партизана, скорее всего, благоклонно относится к НФОТ. И все же я задал вопрос:

— После ухода правительственных войск ситуация для местного духовенства изменилась к лучшему или худшему?

— Определенно стало лучше. В церквях все превосходно. Мы ходим молиться в церковь, когда пожелаем, будь то днем, ночью или вечером. Раньше, при правительстве, из-за комендантского часа нельзя было посещать церковь по ночам или возвращаться из церкви домой поздно вечером. Когда мы выходили из церкви просто подышать свежим воздухом, нас хватали и сажали в тюрьму. А теперь нам нечего бояться. Можно спокойно спать дома, ходить в церковь каждый день, как все нормальные люди, и чувствовать себя в полной безопасности. Теперь не надо проводить в церкви всю ночь, чтобы нас не задержали по дороге домой.

При правительственном режиме нельзя было вздохнуть спокойно: мы все время боялись, мы не знали, что может случиться с нами и с церковью. А сейчас мы служим Господу в мире и ничего не боимся.

Croix pattée

Прощаясь с нами, отец Хагоса пообещал устроить встречу с *небура-эдом* — главным священнослужителем церкви Святой Марии Сионской. До этой встречи он посоветовал мне даже не пытаться поговорить с хранителем ковчега:

— Это произведет неблагоприятное впечатление. Все нужно следовать правилам.

Хотя такой план грозил потенциальными осложнениями, я все же понимал, что другого выхода у меня попросту нет. Поэтому я согласился и решил, что в ожидании встречи с *небура-эдом* отправлюсь по местам археологических раскопок: какие-то из них я осмотрел в 1983 году, но слишком поверхностно, а какие-то вообще еще не видел.

Я помнил, что на скале неподалеку от каменоломен, где были вырублены знаменитые аксумские стелы, еще с дохристианских времен сохранилось высеченное изображение львицы. В 1983 году посмотреть на него мне не удалось: тот район находился под контролем повстанцев. Теперь же у меня появилась такая возможность.

Эд с одним из представителей НФОТ отправился на съемки репортажа для 4-го канала, а я упробил Хагоса отвезти меня на «Лендкрузере» к каменоломням. Это была опасная затея: мы рисковали угодить под воздушный налет. Однако проехать предстояло всего пять километров, а там, на месте, для машины можно будет найти укрытие.

По дороге из города мы вновь проехали мимо развалин так называемого дворца царицы Савской. Вскоре впереди показался скалистый склон. Мы оставили машину в овраге, накрыв ее камуфляжной сеткой, и стали подниматься по каменной осыпи.

— Как по-вашему, мне удастся уговорить духовенство пустить меня в святилище, чтобы взглянуть на ковчег? — спросил я по дороге.

— Они вам этого не позволят, — решительно ответил Хагос. — Ваш единственный шанс — увидеть его во время Тимката.

— А вы думаете, они выносят настоящий ковчег во время Тимката? Или только копию?

— Не знаю, — пожал плечами Хагос. — В детстве мы все верили, что на Тимкат выносят самый настоящий ковчег. Мы в этом не сомневались. Но сейчас я уже не так уверен.

— Почему?

— Это кажется неразумным.

Распространяться об этом дальше Хагос не пожелал, и следующие четверть часа мы продолжали трудное восхождение молча. Затем Хагос указал на гигантский валун на гребне холма:

— Вот ваша львица.

Я заметил, что он слегка прихрамывает, и спросил:

— Что у вас с ногой? Растянули?

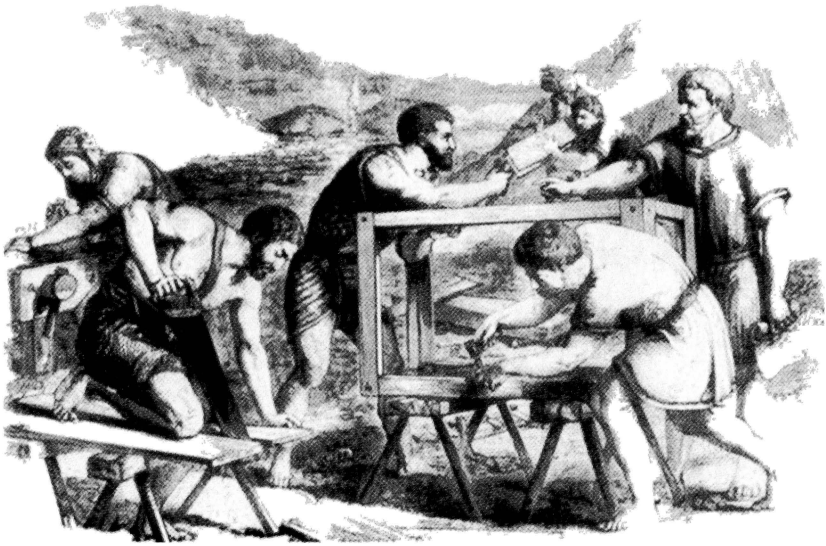
— Нет, мне ее прострелили.

— А-а, понятно.

— Несколько лет назад, — уточнил Хагос. — В бою с правительственными войсками. Пуля попала в голень и раздробила кость. С тех пор я ограниченно годен для военной службы.

За этим разговором мы добрались до валуна. Хагос подвел меня к нему сбоку. Несмотря на глубокую тень, я все же разглядел барельеф — огромный силуэт львицы в прыжке. Камень оказался сильно выветренный, но львица, исполненная свирепой силы и гибкой грации, по-прежнему была как живая.

Английский путешественник и археолог-любитель Теодор Бент, посетивший Аксум в XIX веке, также осматривал этот барельеф и описал его впоследствии как «чрезвычайно выразительное произведение искусства, длиной в 10 футов 8 дюймов от носа до кончика хвоста. Движение передано великолепно, а изгиб задних лап свидетельствует о том, что

48. Сооружение ковчега Завета у подножия горы Синай.

49. Ковчег, сияющий ярким светом и извергающий огонь, несут через пустыню обернутым в плотные покрывала, дабы защитить носильщиков от его сверхъестественной силы.

Царь Озия, возмущенный проказой

50. Ковчег при разрушении Иерихона.

51. Царь Озия, приблизившийся к ковчегу и пораженный проказой (см. главу 15).

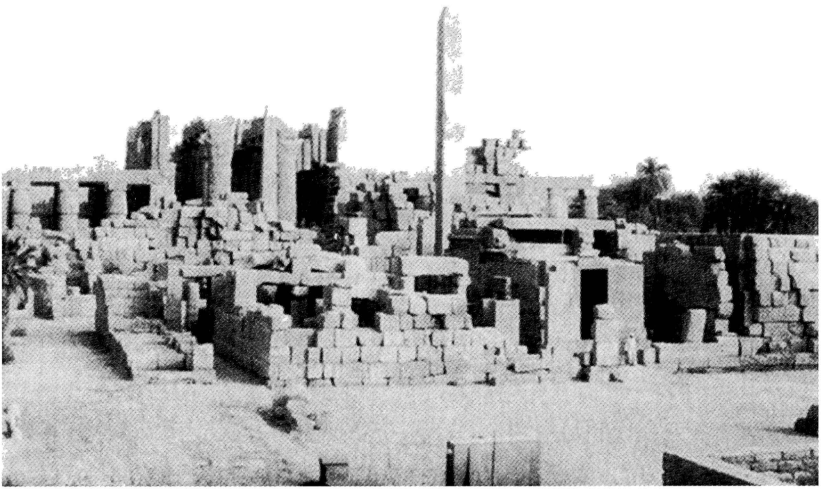
52. Ковчег поражает смертью Надава и Авиуда, двух сыновей Аарона.

Exod. XXXIV. Ver. 29. *his face shone.*

*The face of Moses shining after
receiving the tables of the Testimony.*

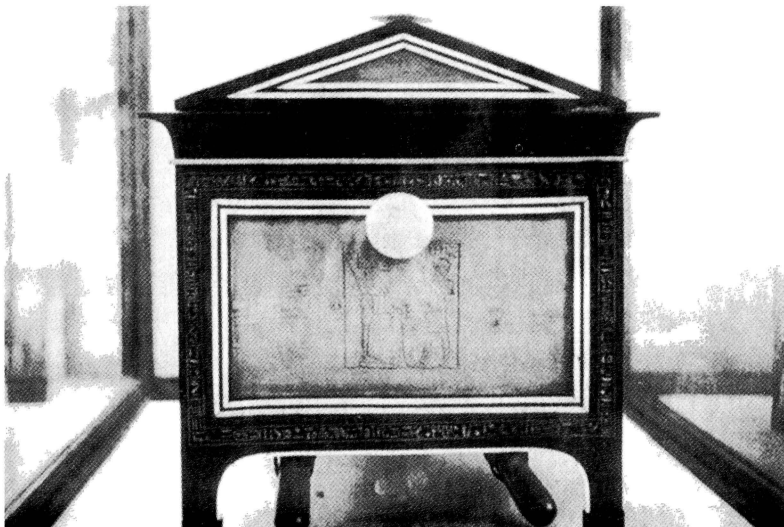
53. Когда Моисей получил каменные скрижали, которые позднее поместил в ковчег, лицо его было обожжено и сияло так ужасно, что с тех пор ему приходилось носить покрывало.

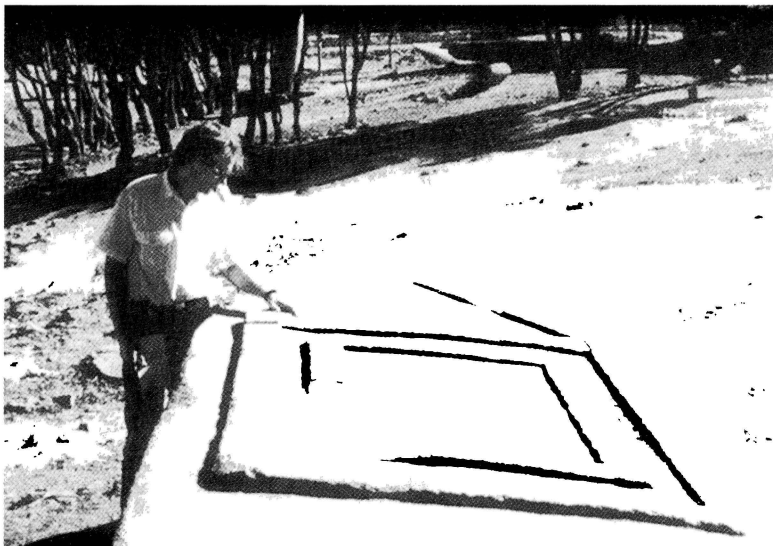
54. Храмовый комплекс в Карнаке (Египет).

55. Археологические раскопки на месте иудейского храма на острове Элефантина (Египет).

56 и 57. Такой сундук, подобный ковчегу и переносившийся на двух шестах, был обнаружен в гробнице Тутанхамона. *Внизу*: автор изучает загадочный рельеф на стеле в Аксуме. Очертания рельефа напоминают ковчег из гробницы Тутанхамона; возможно, это древнейшее из аксумских изображений ковчега Завета. Тутанхамон царствовал в Египете приблизительно за сто лет до исхода израильтян. Поэтому вполне вероятно, что Моисей разработал ковчег по египетскому образцу такого же рода, как находка из гробницы Тутанхамона.

58. Священники на молитве во время Тимката (Аксум).

59. Процессия во время Тимката (Аксум).

60. Святилище ковчега Завета в Аксуме.

б1. Гэбра Микаил, хранитель ковчега.

художник прекрасно знал натуру». Далее Бент добавляет: «В нескольких дюймах от носа львицы вырезан круглый диск с лучами, призванный, видимо, изображать солнце»¹.

И вот я рассматриваю «круглый диск с лучами», который на деле оказался двумя парами эллипсов, вырезанных на поверхности скалы. Если бы поместить эти эллипсы на циферблате часов, то верхняя пара указывала бы соответственно на 10 и 2 часа, а нижняя — на 4 и 8 часов. Я понял, почему Бент истолковал этот рисунок именно так: на первый взгляд, эти эллипсы действительно напоминали спицы — или лучи, — исходящие из диска в центре.

Но в действительности все было совсем не так. «Круглый диск», описанный путешественником, — всего лишь иллюзия. Если бы он дал себе труд *достроить* рисунок, намеченный промежутками между эллипсами, то обнаружил бы, что это вовсе не изображение солнца, а *croix pattée*, крест, с перекладинами расширяющимися от центра, — иначе говоря, не что иное, как крест тамплиеров.

— Хагос, — обратился я к своему провожатому, — мне только кажется, или это действительно крест?

Я обвел пальцем очертания рисунка, сразу ставшего для меня очевидным.

— Крест, — подтвердил представитель НФОТ.

— Но что он здесь делает? Львица определенно дохристианского происхождения. Как же рядом с ней оказался христианский символ?

— Кто знает! Может, кто-нибудь добавил его позже? Такие же кресты есть и на месте дворца царя Калеба.

— Мне бы очень хотелось взглянуть на них, если вы не возражаете.

Дело рук ангелов

Развалины дворца Калеба я уже видел в 1983 году и знал, что это сооружение датируется VI веком н.э. — началом христианской эры в Аксуме. Я хорошо помнил эту крепость

на вершине холма с глубокими подземными камерами и темницами². Но не помнил никаких крестов.

По дороге в город я едва справлялся с охватившим меня нетерпением — так хотелось поскорее осмотреть этот дворец. В 1983 году слово «тамплиеры» ничего для меня не значило. Но в ходе своих исследований я пришел к выводу, что во времена царя Лалибелы (1185—1211 н.э.) рыцари Храма вполне могли прибыть из Иерусалима в Эфиопию в поисках ковчега Завета и позднее служить его носильщиками³. Как вы, должно быть, помните, я нашел довольно убедительный аргумент в пользу этой гипотезы в описании очевидца — армянского географа XIII века Абу Салиха, утверждавшего, что в Аксуме ковчег носили люди «с белыми и румяными лицами и рыжими волосами»⁴.

Если это действительно были тамплиеры, в чем я практически не сомневался, тогда резонно предположить, что они оставили память о своем ордене в Аксуме. В частности, кто-то из тамплиеров мог запечатлеть *croix pattée* и на скале рядом с изображением львицы.

Этот особый тип креста вовсе не пользовался популярностью в Эфиопии: за многие годы путешествий по этой стране я видел его лишь в одном-единственном месте — на потолке скальной церкви Бета Мариам в городе Лалибела, бывшей столице того самого царя, при котором, по моему убеждению, тамплиеры и прибыли в Эфиопию⁵. Однако только что я нашел еще один *croix pattée* в пригороде Аксума, а если Хагос прав, то вот-вот увижу и еще несколько на развалинах дворца царя Калеба, который в XIII веке еще вполне мог быть вполне целым и пригодным для жизни.

Проехав мимо сада, в котором установлено большинство аксумских стел, мы обогнули огромный древний резервуар, известный под названием Май Шум. Местное предание гласило, что это был бассейн царицы Савской. С приходом христианства его стали использовать для своеобразных обрядов крещения, связанных с *Тимкатом*. Именно сюда через два дня принесут в крестном ходе ковчег (или его копию).

Миновав Май Шум, мы проехали немного вверх по крутой и разбитой тропе, ведущей ко дворцу царя Калеба, на

полпути оставили машину, не забыв ее замаскировать, и закончили восхождение пешком. Хагос повел меня среди развалин, затем остановился, покопался в грудe щебня и воскликнул:

— Вот он! Думаю, это то, что вы хотели увидеть.

Я поспешил к нему. Хагос указал мне на каменный блок песочного цвета около 60 см в длину и ширину и 15 см в толщину. В нем были вырезаны четыре эллиптических отверстия той же формы и расположения, что и около изображения львицы. Однако в данном случае отверстия были сквозными, благодаря чему сомнений относительно формы не оставалось: передо мной был еще один крест тамплиеров.

— В детстве мы с друзьями часто здесь играли, — задумчиво проговорил Хагос. — Тогда здесь было много таких камней. Остальные, наверно, забрали.

— Куда могли их забрать?

— Горожане используют камни из развалин для строительства и ремонта своих домов. Так что нам еще повезло, что мы нашли этот блок... Но такие же кресты есть и в подвалах дворца.

Мы спустились по ступеням в темницы, которые я уже видел в 1983 году. Тогда мне показывали при свете фонарика пустые каменные сундуки, в которых, как считали жители Аксума, когда-то хранились золото и жемчуг. Хагос чиркнул спичкой и показал мне крест тамплиеров, вырезанный на боковой стенке одного из сундуков.

— Откуда вы знали, что он здесь есть? — удивленно спросил я.

— Да в Аксуме все об этом знают. Я же говорил, в детстве мы часто играли в этих развалинах.

Затем Хагос провел меня в следующую темницу, зажег спичку и показал мне еще два креста тамплиеров — один, довольно грубо высеченный, на дальней стене, и другой, искусно вырезанный на более длинной боковой стене.

Пока не погасла спичка, я задумчиво рассматривал эти кресты. Я отдавал себе отчет, что вряд ли смогу доказать свою гипотезу археологам и историкам. Но в душе у меня

не осталось ни малейших сомнений в том, что тамплиеры действительно здесь побывали. *Croix pattée* был их характерной эмблемой; они носили этот крест на своих щитах и туниках. И, насколько я знал тамплиеров, это было вполне в их духе: спуститься сюда, в эти подземелья, и оставить свою эмблему на стенах — как головоломку для грядущих поколений.

— Есть ли какие-нибудь предания о тех, кто вырезал здесь эти кресты? — поинтересовался я.

— Кое-кто из горожан утверждает, что это дело рук ангелов, — ответил представитель НФОТ, — но это, конечно, чепуха.

Дурные вести

Отец Хагоса вернулся уже после заката, в начале восьмого, и принес дурные вести: *небура-эда* нет в городе.

Мне показалось невероятным, что первосвященник церкви Святой Марии Сионской мог покинуть город в такое время — буквально накануне Тимката. Но я сдержался и вежливо проговорил:

— Какая жалость! Куда же он делся?

— Он поехал в Асмару... проконсультироваться.

— Но ведь Асмара все еще в руках правительства. Как мог он туда поехать?

— *Небура-эд* может поехать куда угодно.

— Он вернется до начала Тимката?

— Мне сказали, что он вернется через несколько дней. В церемониях Тимката его заменит помощник.

— А как это скажется на моей работе? Можно ли мне, например, побеседовать с хранителем ковчега? Мне нужно задать ему много вопросов.

— Без разрешения *небура-эда* у вас ничего не получится.

Отец Хагоса был лишь ни в чем не повинным вестником, так что сердиться на него я не имел права. И все же казалось очевидным, что переданная им информация — это

часть стратегии, призванной помешать моим изысканиям. Как бы дружелюбно и любезно ни относились монахи и священники Аксума ко мне лично, без разрешения *небура-эда* они и пальцем не шевельнут, чтобы помочь мне. А получить разрешение я не смогу, потому что *небура-эда* нет в городе. Значит, никто не станет отвечать на мои вопросы и никто не позволит сделать хоть что-нибудь из того, ради чего я проделал такой долгий и трудный путь. Меня нейтрализовали классическим абиссинским образом — и при этом никому даже не пришлось мне отказывать. Теперь священники меня нейтрализуют, и при этом никому не придется отказывать мне ни в чем. Духовникам нет нужды грубить мне — достаточно просто пожимать плечами и с глубоким сожалением объяснять, что ничем не могут мне помочь без дозволения *небура-эда*.

— А нет ли какой-нибудь возможности передать *небура-эду* мою просьбу? — спросил я.

— Куда, в Асмару? — Отец Хагоса рассмеялся. — Нет, это невозможно.

— Ну, ладно. А как насчет помощника главного священника? Он не может дать мне разрешение?

— Вряд ли. Чтобы дать вам разрешение, ему сначала нужно получить разрешение *небура-эда*.

— То есть, он должен получить разрешение на то, чтобы дать разрешение?

— Точно.

— Но, может быть, все же можно попытаться? Могу я встретиться с помощником и объяснить ему, почему я здесь? Как знать, вдруг он все же согласится помочь мне?

— Ну, может быть, — ответил отец Хагоса. — Сегодня я поговорю с помощником, а завтра передам вам его ответ.

Святилище ковчега

На следующий день, во вторник 17 января, мы встали еще до рассвета. Эд собирался снять несколько общих планов на восходе солнца, и Хагос посоветовал ему выбрать точку

для съемки на вершине одного из скалистых холмов за городом.

Так что уже в полпятого утра мы вытащили нашего водителя Тесфайе из постели, в которой он проводил почти все время с местной проституткой с самого момента нашего прибытия в Аксум. Еще не было и пяти, когда мы тронулись в путь, выставив в окно «Лендкрузера» антенну приемника. Несмотря на сильные помехи, мы ухитрились кое-что расслышать из программы новостей и узнали, что в Персидском заливе все-таки началась война. Американские бомбардировщики сделали за ночь сотни вылетов на Багдад и причинили огромные разрушения. Иракские же ВВС, по-видимому, не смогли поднять в воздух ни одного истребителя.

— Похоже, все уже кончено, — не без удовлетворения заметил Эд.

— Сомневаюсь, — возразил Хагос. — Поживем — увидим.

Некоторое время мы молчали слушали другие сообщения. Тесфайе вел машину по крутой дороге к вершине холма. Было еще совсем темно, и водитель, должно быть, в мыслях еще предавался недавним утехам: в один момент он чуть не перевернул машину, а в другой — едва не сорвался в пропасть с края утеса.

После этого мы с Эдом и Хагосом решили, что пора выбираться из машины. Оставив Тесфайе разбираться с маскировочной сеткой, мы пешком двинулись дальше, к вершине.

Повсюду виднелись следы былых боев.

— Здесь укрепились остатки аксумского гарнизона, когда мы отвоевали у них город, — объяснил Хагос. — Это были сильные бойцы из 17-й дивизии. Но они продержались только восемь часов.

Вокруг лежали останки разбитых армейских грузовиков, сожженных бронетранспортеров и подбитых танков. С первыми лучами солнца я стал различать под ногами стреляные гильзы и осколки шрапнели. Заметил я и несколько 80-миллиметровых минометных снарядов, проржавевших,

но не разорвавшихся; никто даже и не подумал убрать их с дороги от греха подальше.

В конце концов мы добрались до вершины, где все еще стояли выжженные развалины казармы. Остатки ее алюминиевой крыши зловеще скрипели и стонали под холодным утренним ветром. Отвернувшись от казармы, я чуть не споткнулся о солдатскую каску, пробитую на уровне лба. Чуть дальше, в воронке, виднелся полусгнивший солдатский ботинок.

Стоя под алеющим утренним небом, я мрачно обозревал город, раскинувшийся внизу. Стало заметно светлее, и далеко внизу я разглядел в центре Аксума сад с гигантскими стенами. Дальше, за безлюдной площадью, высились зубчатые стены и башни великолепной церкви Святой Марии Сионской. А рядом ней, за металлической оградой, стояла серая, приземистая гранитная часовня без окон, увенчанная позеленевшим медным куполом. Вот оно, святилище ковчега — такое близкое и все же недоступное. В нем скрывается ответ на все мои вопросы, подтверждение или опровержение всех моих трудов. И я взирал на нее со страстью и почтением, с волнением и надеждой, нетерпеливо и в то же время неуверенно.

Соломенные чучела

К завтраку мы вернулись в дом для гостей и просидели там до позднего утра в окружении необычно хмурых и задумчивых тиграи, пришедших послушать новости по хриплому приемнику Эдда. Хагос старательно переводил. Разглядывая их лица — юные и старческие, красивые и обыкновенные, — я не мог не поражаться столь острому интересу, который вызывала у этих людей чужая, далекая война. Может быть, она отвлекала их от своего, местного конфликта, сгубившего и искалечившего столько жителей этого маленького городка? Или мысль о жестоких бомбежках, которым теперь подверглись другие люди, пробуждала в них сочувствие?

Размышляя об этом, я вдруг сообразил, что подобная свобода собраний была совершенно немислима для запуганных горожан в тот период, когда Аксум находился под контролем правительства. Пусть даже здесь царила страшная нищета, пусть были закрыты школы и люди по-прежнему жили в страхе перед воздушными налетами, пусть крестьяне почти не возделывали полей и городу грозил голод, — все равно дела здесь шли лучше, чем прежде. Гораздо лучше.

Около одиннадцати, когда Эд покончил с запланированными на этот день съемками, мы с Хагосом вышли на прогулку в город и направились в сторону сада со стелами. По дороге мне бросилась в глаза настенная роспись, сделанная кем-то из НФОТ: президент Менгисту был изображен в виде кровожадного демона с запятанной кровью свастикой на фуражке и выходящими изо рта колоннами вооруженных солдат. Над его головой кружило несколько «МИГов», а вокруг стояли танки и пушки. Подпись на тигригна гласила: «Мы никогда не встанем на колени перед диктатором Менгисту!»

Мы шагали по изрытым выбоинами улицам Аксума мимо скудных рыночных прилавков и пустых магазинов, среди простеньких домов, навстречу нескончаемому потоку пешеходов — монахов и монахинь, священников, уличных мальчишек и почтенных старцев, крестьян и горожан, женщин с большими глиняными кувшинами, группок подростков, старавшихся, как и все их сверстники во всех странах, выглядеть стильными. И я подумал: «А ведь еще несколько лет назад я бы с одобрением смотрел на то, как правительство переселяет всех этих людей в распределительные лагеря».

— Послушайте, Хагос, — обратился я к своему проводнику. — После того, как вы избавились от правительственных войск, в Аксуме все переменялось! Не могу понять, в чем именно дело, но все стало по-другому.

— Это потому, что больше никто не боится, — помолчав немного, ответил представитель НФОТ.

— Даже бомбежек и воздушных налетов?

— Нет, этого мы, конечно, боимся. Но это не столько внушает ужас, сколько раздражает, — и, к тому же, мы знаем, как защититься. А при правительственном режиме не было никакой защиты от жестокости местного гарнизона, пыток, случайных арестов. Мы слишком долго жили в страхе. Но когда решились взглянуть этому страху в лицо — знаете, что случилось?

— Нет, а что?

— Мы поняли, что боимся соломенных чучел. И чтобы обрести свободу, достаточно просто встать и протянуть руку.

Мы подошли к саду со стелами. Проходя между огромными монолитами, я поражался искусству создавшей их забытой культуры. И вспоминал, как в 1983 году монах-хранитель говорил мне, что их установили с помощью ковчега — «ковчегом и небесным огнем».

В то время я еще не знал, как следует понимать слова старика. Но теперь, после всех своих изысканий, я не исключал, что он вполне мог говорить чистую правду. За свою историю священная реликвия совершила столько великих чудес, что для нее не составило бы особого труда и поднять нескольких сотен тонн камня.

Чудо, воплотившееся в жизнь

В четыре часа пополудни отец Хагоса снова пришел в дом для гостей и сообщил, что помощник главного священника согласен нас принять. Он добавил, что по протоколу не сможет сопровождать нас, но подробно объяснил, куда нам следует явиться.

Мы с Хагосом дошли до церкви Святой Марии Сионской и углубились в муравейник жилых домов позади главного здания. Пройдя под низкой аркой, мы оказались перед воротами, постучали и были впущены в сад, где на скамейке сидел старик, облаченный в черное.

Заметив нас, он негромко произнес несколько слов. Хагос обернулся ко мне и сказал:

— Стойте здесь. Я буду говорить от вашего имени.

Следя издалека за их беседой, я чувствовал себя беспомощным, парализованным, совершенно ничтожным и бесполезным. Меня так и подмывало броситься к старцу и почувствованно изложить свою просьбу. Но я понимал, что уши, внимающие только ритмам традиции, останутся глухи даже к самым страстным мольбам.

Наконец Хагос вернулся ко мне и сообщил:

— Я все рассказал помощнику. Но он отказывается с вами разговаривать. По его словам, на вопросы о ковчеге имеют право отвечать только *небура-эд* и монах-хранитель.

— Я так полагаю, что *небура-эд* еще не вернулся?

— Еще нет. Но есть и хорошие новости. Помощник разрешает вам поговорить с хранителем.

Через несколько минут, пройдя лабиринт пыльных тропинок, мы приблизились к церкви Святой Марии Сионской. Обогнув ее, мы оказались перед металлической оградой, окружавшей часовню святилища. На мгновение я задержался перед решеткой, мысленно прикидывая, что десяти секунд мне хватит, чтобы перемахнуть черед ограду и подбежать к запертой двери здания.

Затем, отчасти в шутку, я поведал о своих мыслях Хагосу, но тот уставился на меня с откровенным ужасом.

— Даже и не думайте! — предостерег он и указал на церковь Святой Марии Сионской, перед которой слонялись без дела пять-шесть рослых молодых иеродьяконов. — Вас уважают как иностранца. Но если вы совершите такое кощунство, вас наверняка убьют.

— Как по-вашему, где хранитель? — спросил я.

— Внутри. Выйдет к нам, когда сможет.

Мы терпеливо прождали до захода солнца. Наконец, когда уже сгустились сумерки, хранитель вышел к нам — высокий, крепко сложенный мужчина лет на двадцать моложе своего предшественника. Как и у прежнего хранителя, его глаза были подернуты молочными пленками катаракты; и, как и тот, он был в плотном одеянии, пропахшем ладаном.

Приглашать нас внутрь хранитель явно не собирался. Он подошел к ограде и пожал нам руки через решетку.

Я спросил, как его зовут.

— Гэбра Микаил, — ответил он скрипучим голосом.

— Пожалуйста, скажите ему, что меня зовут Грэхем Хэнкок и что последние два года я изучал историю ковчега и связанные с ним предания, — попросил я Хагоса. — Объясните ему, что я приехал сюда из Англии, за семь с лишним тысяч километров, в надежде, что мне позволят увидеть ковчег.

Хагос перевел.

— Я знаю, — ответил хранитель. — Мне уже сообщили.

— Вы позволите мне войти в часовню? — спросил я.

Хагос перевел мой вопрос. За долгой паузой последовал вполне предсказуемый ответ:

— Нет, это невозможно.

— Но я приехал, чтобы увидеть ковчег, — слабо запротестовал я.

— Значит, вы приехали напрасно, ибо вы его не увидите. Вы должны были это знать, если, как говорите, изучали наши предания.

— Я знал... Но все же надеялся.

— Многие надеются. Но никому, кроме меня, не дозволено видеть ковчег. Даже *небура-эду*. Даже патриарху. Это запрещено.

— Я очень разочарован.

— В жизни бывают вещи и похуже разочарования.

— Может быть, вы хотя бы опишете мне, как выглядит ковчег? Я удовольствуюсь и тем, что вы расскажете.

— Ковчег подробно описан в Библии. Вы все можете прочитать там.

— И все же не могли бы рассказать своими словами, как он выглядит? Меня интересует именно тот ковчег, который покоится здесь, в святилище. Это действительно ящик из дерева и золота? Есть ли на его крышке две крылатые фигуры?

— Я не стану говорить о подобных вещах...

— И как его носят? — продолжал расспрашивать я. — На шестах? Или как-то иначе? Он тяжелый?

— Я же сказал, что не буду говорить о подобных вещах.

— Творит ли он чудеса? — не отставал я. — В Библии сказано, что ковчег совершал множество чудес. А здесь, в Аксуме, он тоже творит чудеса?

— Он творит чудеса. И это само по себе... чудо. Это чудо, воплотившееся в жизнь. Но больше я вам ничего не скажу.

С этими словами хранитель снова просунул руку через решетку и крепко сжал мою ладонь в знак прощания.

— У меня остался еще один вопрос, — рискнул я. — Всего один...

Хранитель едва заметно кивнул.

— Завтра вечером начинается Тимкат. Вынесут ли в крестном ходе к бассейну Май Шум подлинный ковчег или копию?

Хранитель бесстрастно выслушал Хагоса, переводившего мой вопрос, и ответил:

— Достаточно и того, что я уже сказал. Тимкат — открытая церемония. Вы сможете присутствовать на ней и увидеть все собственными глазами. Если вы действительно посвятили исследованиям два года, то, полагаю, сможете сами ответить на свой вопрос.

На этом он повернулся, отступил от решетки и растворился в сумерках.

Тайна, скрытая в знаках

Предмет, который вынесли к бассейну Май Шум вечером 18 января 1991 года, с началом церемоний Тимката, оказался крупным прямоугольным ларцом, покрытым плотной синей тканью с вышитой эмблемой голубя. Я вспомнил, что в «Парцифале» Вольфрама эмблемой Грааля также был голубь⁶. И все же я знал без тени сомнения, что аксумские священники несут вовсе не Грааль и не ковчег. Этот предмет сам по себе был эмблемой — символом и знаком.

Как и предупреждал меня несколько месяцев назад фалашский священник Рафаэль Хадане, священная реликвия осталась в часовне, ревностно оберегаемая, запертая в святая святых. На всеобщее обозрение вынесли всего лишь копию — впрочем, копию, совершенно непохожую по форме на уже знакомые мне плоские *таботат*, которые я видел в прошлом году на празднике в Гондаре. Эта копия по форме и размерам соответствовала библейскому ковчегу.

Почему же я был так уверен, что передо мной не подлинник? Ответ очень прост. На протяжении двух дней праздника монах-хранитель Гэбра Микаил ни на минуту не покидал святилище. Я видел его поздно вечером 18 января, когда крестный ход с обернутым тканью ларцом двинулся в сторону Май Шума. Хранитель сидел за железной решеткой, прислонившись спиной к серой гранитной стене часовни. Казалось, он был погружен в раздумья. Он даже не поднял глаза, когда священники пустились в путь, и стало очевидно, что предмет, который они уносят, абсолютно его не волнует.

Затем хранитель удалился в часовню, и через несколько минут до меня донесся его голос — медленный, неритмичный напев. Если бы я мог подойти поближе, то наверняка бы уловил сладкий запах ладана.

Ибо что еще мог делать Гэбра Микаил во тьме святилища, как не воскурять фимиам Господу перед ковчегом Завета? И почему бы избранник, облеченный столь высоким доверием, оставался в часовне до утра, если бы священная и неприкосновенная реликвия, за право оберегать которую он заплатил собственной свободой, не оставалась там вместе с ним?

Вот таким образом мне и открылась наконец загадка, скрытая в символе, великолепная тайна, намеками представленная во множестве чудесных знаков — представленная, но не явленная миру. Эфиопы знают: если хочешь спрятать дерево, спрячь его в лесу. Что еще могут представлять собой те копии, которым они поклоняются в двадцати тысячах церквей, как не самый настоящий лес знаков?

А в самом сердце этого леса покоится ковчег — золотой ковчег, что был построен у подножия горы Синай, пронесен через пустыню и реку Иордан, даровал израильтянам победу в борьбе за Землю обетованную, был доставлен царем Давидом в Иерусалим и около 955 года до н.э. был помещен Соломоном в святая святых первого храма.

Приблизительно через триста лет его забрали оттуда верные священники, стремившиеся оградить святыню от осквернения порочным царем Манассией. Затем ковчег доставили в безопасное место, на далекий египетский ост-

ров Элефантину. Там для него возвели новый храм, где он хранился следующие двести лет.

Когда же храм был разрушен, ковчег перевезли в Эфиопию — в страну, «осеняющую крыльями по ту сторону рек», в землю, которую «разрезавают реки». С одного острова его переправили на другой — зеленый и цветущий Тана Киркос. Там ковчег установили в простой скинии, и ему поклонялся простой народ. В течение восьми столетий он оставался центром своеобразного иудейского культа, многочисленные приверженцы которого были предками нынешних эфиопских иудеев.

А затем пришли христиане, исповедовавшие новую религию и сумевшие — после обращения царя, — присвоить ковчег. Они перевезли его в Аксум и поместили в большом храме, посвященной Святой Деве Марии.

Шли годы, и течение веков изгладило из народной памяти правду о том, как ковчег попал в Эфиопию. Теперь уже никто не мог объяснить, почему небольшой городок в дальнем нагорье Тиграя был избран — по-видимому, самим Богом — как последнее пристанище для самой драгоценной и могущественной реликвии Ветхого Завета. Легенды, претендующие на объяснение этого факта, были сведены воедино и изложены в «Кебра Нагаст» — тексте, содержащем так много ошибок, анахронизмов и несоответствий, что позднейшие поколения ученых так и не смогли добраться до единственного зерна древней и сокровенной истины, таящейся под наслоениями мифов и магии.

Однако тамплиеры, рыцари ордена Храма, все же распознали эту истину, осознали ее потрясающую мощь и, пустившись на поиски ее подтверждений, добрались до Эфиопии. Более того, эту истину выразил Вольфрам фон Эшенбах в своем «Парцифале», где Святой Грааль — «исполнение сердечного желания» — выступал в качестве криптограммы священного ковчега Завета.

Персонаж «Парцифала» язычник Флегетан якобы проник в тайны созвездий и «объявил, что имеется некая вещь, именуемая «Грааль», название которой он без особого труда прочитал по звездам. Он также заявил, что эту совершенную, духовную вещь хранит христианский народ, воспитан-

ный в непорочности. Свое предсказание он заключил следующими словами: «Грааль призывает лишь достойных»⁷.

И лишь достойных призывает ковчег, ибо ковчег и Грааль — это одно и то же. Я же никогда не был достаточно достойным. Я знал это, когда еще только собирался в путь. Я знал это, приближаясь к святой часовне. Я и сейчас это знаю. И все же... все же... «радуется сердце мое, и сама душа моя объята ликованием, и плоть моя опочитет в надежде».

*Datta. Dayadhvam. Damyata
Shantih shantih shantih*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КОВЧЕГ ЗАВЕТА

Глава 1. Легенда

1. См., например, Julian Morgenstern, «The Book of Covenant», *Hebrew Union College Annual*, vol. V, 1928, reprinted by Ktav Publishin House Inc, New York, 1968, p. 118: «...сам Ковчег в народных представлениях стал отождествляться с божеством; Ковчег, по сути дела, сам представлял собой божество». Пример непосредственного отождествления Ковчега с Богом дает стих 10:35 Книги Чисел: «Когда поднимался Ковчег в путь, Моисей говорил: восстань, Господи, и рассыплются враги Твои, и побегут от лица Твоего ненавидящие Тебя!» (версия короля Якова). В переводе того же стиха из Иерусалимской Библии, где в качестве имени Бога употребляется Яхве, сказано так: «Когда поднимался ковчег в путь, Моисей говорил: восстань, Яхве, и рассыплются враги Твои, и побегут, спасаясь, от лица Твоего!» В «Толковом библейском словаре» поясняется: «Ковчег воспринимался не просто как предводитель воинства Израиля: к нему обращались непосредственно как к Яхве. Яхве практически отождествляется с Ковчегом. Нет сомнения, что Ковчег рассматривался как продолжение или воплощение Яхве» (*The Interpreter...s Dictionary of the Bible: The Illustrated Encyclopaedia*, Abingdon Press, Nashville, 1962, pp. 222—223).
2. См. Исход 37:1, где приводятся размеры Ковчега: «...длина его два локтя с половиною, ширина его полтора локтя, и высота его полтора локтя». Древний локоть как мера длины составлял 18 дюймов. См. Dr. J. H. Hertz (ed.), *The Pentateuch and the Haftorahs*, Soncino Press, London, 1978, p. 327. См. также сноску b на стр. 87 Иерусалимской Библии (*Jerusalem Bible*, Eyre & Spottiswoode, London, 1968).
3. Исход 37:7—9.
4. I Пап. 28:2.
5. Richard Elliott Friedman, *Who Wrote the Bible?*, Jonathan Cape, London, 1988, p. 156.
6. *The Interpreter's Dictionary of the Bible*, op. cit., p. 222.

7. Цитата взята из книги Дж. Теодора Бента об Аксуме, написанной в XIX в.: J. Theodore Bent, *The Sacred City of the Ethiopians: Travel and Research in Abyssinia in 1893*, Longmans, Green, London, New York and Bombay, 1896.
8. В действительности Эритрея лишилась статуса колонии в 1952 г. На протяжении следующих десяти лет она оставалась объединенной в федерацию с Эфиопией, но сохраняла в известной степени автономию. В 1962 г., по итогам референдума (по общему мнению, фальсифицированным), федерация распалась и Эфиопия получила полный контроль над Эритреей, которая в дальнейшем управлялась непосредственно из Аддис-Абебы. Хайле Селассие утверждал, что, не считая краткого колониального периода, Эритрея всегда оставалась и должна оставаться впредь неотъемлемой частью Эфиопии. Но далеко не все жители Эритреи разделяли это мнение.
9. G.W.B. Huntingdord (ed.), *The Periplus of the Eritrean Sea*, Hakluyt Society, London, 1980.
10. Описание приводится по кн.: А.Н.М. Jones and Elizabeth Monroe, *A History of Ethiopia*, Oxford University Press, 1955, pp. 32—33.
11. J.W. McCrindle (trans. and ed.), *The Christian Topography of Cosmas, an Egyptian Monk*, Hakluyt Society, London, 1898.
12. Рассказ Руфиния об обращении Эфиопии в христианство подробно приведен в кн.: А.Н.М. Jones and Elizabeth Monroe, *A History of Ethiopia*, op. cit., pp. 26—27. См. также: Graham Hancock, Richard Pankhurst, Duncan Willetts, *Under Ethiopian Skies*, Editions HL, London and Nairobi, 1983, pp. 34—35.
13. Описание приведено у Ричарда Пэнкхерста; см.: Graham Hancock, Richard Pankhurst, Duncan Willetts, *Under Ethiopian Skies*, op. cit.
14. Полный отчет о результатах этих раскопок см.: S.C. Munro-Hay, *Excavations at Axum: An Account of Research at the Ancient Ethiopian Capital directed in 1972—1974 by Late Dr Neville Chittick*, Royal Geographical Society, London, 1989.
15. Согласно другому преданию, эти сундуки — не что иное, как гробы, в которых некогда лежали тела Калеба и Гэбре Маскаля.
16. C.F. Beckingham and G.W.B. Huntingford (eds.), *The Prester John of the Indies: A True Relation of the Lands of Prester John, being the Narrative of the Portuguese Embassy to Ethiopia in 1520 written by Father Francisco Alvarez*, Cambridge, published for the Hakluyt Society at the University Press, 1961, vol. 1, pp. 151—153.

17. Ibid., footnote 2, p. 151.

18. Ibid., pp. 145—148.

Глава 2. Разочарование

1. Из статьи II пересмотренной конституции 1955 г.
2. Aymro Wondemagegnehu and Joachim Motovu, *The Ethiopian Orthodox Church*, The Ethiopian Orthodox Mission, Addis Ababa, 1970, p. 48.
3. Ibid., p. 46.
4. Ibid., p. 152.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

КОВЧЕГ ЗАВЕТА И СВЯТОЙ ГРААЛЬ

Глава 3. Шифр Грааля

1. Эта книга была опубликована в 1990 г.: Carol Beckwith, Angela Fisher, Graham Hancock. *African Ark: Peoples of the Horn*, Collins Harvill, London, 1990.
2. William Anderson, *The Rise of the Gothic*, Hutchinson, London, 1985, pp. 33—37.
3. Хронологию см.: *Chartres: Guide of the Cathedral*, Editions Houtvet-la-Crypte, Chartres, pp. 12—13.
4. John James, *Medieval France: A Guide to the Sacred Architecture of Medieval France*, Harrap Columbus, London, 1987, p. 71.
5. Malcolm Miller, *Chartres: The Cathedral and the Old Town*, Pitkin Pictorials, Norwich, UK, pp. 13, 18. См. также: *Chartres: Guide of the Cathedral*, op. cit., p. 3 (предисловие Этьена Уве, смотрителя собора).
6. *Chartres: Guide of the Cathedral*, op. cit., p. 53.
7. Sir E.A. Wallis Budge, *The Queen of Sheba and her Only Son Menelik: being the «Book of the Glory of Kings» (Kebra Nagast)*, Oxford University Press, 1932, p. 29. В беседе с Соломоном царица Савская объявляет: «Отныне не стану я поклоняться солнцу, но буду поклоняться лишь создателю солнца, Богу Израиля... ибо тем обрету я милость твою и Бога Израиля, Творца моего».
8. III Цар. 10:1-13; I Пар. 9:1-12.
9. Краткое изложение научных воззрений по этому вопросу см.: H. St. John Philby, *The Queen of Sheba*, Quartet Books, London, 1981.

10. Malcolm Miller, *Chartres Cathedral: Illustrating the Medieval Stained Glass and Sculpture*, Pitkin Pictorials, Norwich, UK, p. 14. См. также: *Chartres: Guide of the Cathedral*, op. cit., pp. 37—47.
11. Быт. 14:18; Пс. 110:4.
12. Malcolm Miller, *Chartres Cathedral: Illustrating the Medieval Stained Glass and Sculpture*, op. cit., p. 20.
13. *Chartres: Guide of the Cathedral*, op. cit., p. 42.
14. См.: Исх. 37:1 и примечание 2 к 1-й главе настоящей книги.
15. *Chartres: Guide of the Cathedral*, op. cit., p. 40.
16. Loius Charpentier, *The Mysteries of Chartres Cathedral*, RILKO, London, 1983 (originally published by Robert Laffont, Paris, 1966), p. 70.
17. *Chartres: Guide of the Cathedral*, op. cit., p. 37.
18. Loius Charpentier, *The Mysteries of Chartres Cathedral*, op. cit., фотовклейка между стр. 32 и 33 и p. 113.
19. См., напр.: Robert Graves, *The White Goddess*, Faber & Faber, London and Boston, 1988 edn., p. 161.
20. Евр. 7.
21. Loius Charpentier, *The Mysteries of Chartres Cathedral*, op. cit., p. 113.
22. См. D.D.R. Owen (trans.), *Chretien de Troyes: Arthurian Romances*, J.M. Dent, London, 1988, p. x (введение).
23. Sir Thomas Malory, *Le Morte d'Arthur*, Penguin Classics, London, 1988.
24. См. Edwin H. Zeydel (trans. and ed.), *The Parzival of Wolfram von Eschenbach*, University of North Carolina, Chapel Hill, 1951, p. 14. См. также Wolfram von Eschenbach, *Parzival*, Penguin Classics, London, 1980, p. 8 (введение).
25. Sir Thomas Malory, *Le Morte d'Arthur*, op. cit., pp. 190, 213.
26. Wolfram von Eschenbach, *Parzival*, op. cit., p. 239. (Здесь и далее стихотворный текст дан в переводе Л. Гинзбурга.)
27. Lady Flavia Anderson, *The Ancient Secret: Fire from the Sun*, RILKO, London, 1987, p. 15.
28. Ibid.
29. Chretien de Troyes, *Arthurian Romances*, op. cit., p. 417.
30. Ibid., pp. 417—418.
31. Ibid., p. 459.
32. Emma Jung and Marie-Louise von Franz, *The Grail Legend*, Coventure, London, 1986, pp. 29, 116 (originally published by Walter Verlag, Olten, 1980, and in the USA by Sligo Press, Boston, 1970). См. также предисловие к «Парцифалю» Вольфрама: Wolfram von Eschenbach, *Parzival*, op. cit., p. 7.

- Старокаталанское *grazal* и провансальское *grasal* также означают «сосуд или чаша из дерева, глины или металла».
33. Слово «святой» употребляется не менее чем в тридцати книгах Ветхого Завета.
 34. John Matthews, *The Grail: Quest for Eternal*, Thames&Hudson, London, 1987, p. 12.
 35. См. F. L. Cross and E.A. Livongstone (eds.), *The Oxford Dictionary of the Christian Church*, Oxford University Press, 1988, p. 162.
 36. William Anderson, *The Rise of the Gothic*, op. cit., p. 65.
 37. Подробнее см.: M. Kilian Hufgard, «Saint Bernard of Clairvaux», *Medieval Studies*, vol. II, Edwin Mellen Press, 1989, p. 143. «Оценить в полной мере влияние Бернара на иконографию ранних готических соборов невозможно».
 38. См.: John Matthews, *The Grail: Quest for Eternal*, op. cit., p. 12.
 39. Подробнее см.: Bodo Mergell, *Der Graal in Wolframs Parsifal*, Halle, 1952. См. также: *Encyclopaedia Britannica*, Micropaedia, 15th edn., 1991, vol. V, pp. 408—409, где утверждается, что «Поиски Святого Грааля» «безусловно испытали влияние мистического учения святого Бернара Клервоского».
 40. Великолепное изложение этой символики см.: John Matthews, *The Grail: Quest for Eternal*, op. cit., pp. 14—17.
 41. F. L. Cross and E.A. Livongstone (eds.), *The Oxford Dictionary of the Christian Church*, op. cit., p. 827.
 42. John Matthews, *The Grail: Quest for Eternal*, op. cit., p. 15.
 43. Ibid., p. 15.
 44. M. Kilian Hufgard, «Saint Bernard of Clairvaux», op. cit., p. 141.
 45. F. L. Cross and E.A. Livongstone (eds.), *The Oxford Dictionary of the Christian Church*, op. cit., pp. 42—43, 87—88.
 46. Helen Adolf, «New Light on Oriental Sources for Wolfram's *Parsifal* and other Grail Romances», *Publications of the Modern Languages Association of America*, vol. 62, March 1947, pp. 306—324.
 47. Ibid., p. 36. «Я в долгу, — пишет Хелен Адольф, — перед первопроходцами в данной области — Веселовским и Зингером, основателями эфиопской теории». (А.Н. Веселовский написал несколько работ о происхождении легенды о Граале, опубликованных в России в 1886—1904 гг.; З. Зингер — немецкий ученый, работавший приблизительно в тот же период. Подробнее об их трудах см. в библиографии к статье Х. Адольф, p. 324.)
 48. Ibid., p. 306.
 49. См., например: Chretien de Troyes, *Arthurian Romances*, op. cit., pp. IX—XVIII («Введение» Д.Д.Р. Оуэна). См. также: Jessie L. Weston, *From Ritual to Romance*, Cambridge University Press,

- 1920, в особенности главу 6, где автор категорически отвергает гипотезу о происхождении образа Грааля от магических котлов кельтской мифологии, добавляя, что «эти предметы относятся к совершенно иной традиции» (pp. 69—70). Джесси Уэстон отвергает и другое распространенное представление, связывающее Грааль с чашей Тайной вечери и копьем Лонгина (p. 68). Исследовательская работа Джесси Уэстон стала основным источником вдохновения для поэмы Т.С. Элиота «Бесплодная земля»; см.: T.S. Eliot, *Selected Poems*, Faber & Faber, London, 1961, p. 68.
50. Wolfram von Eschenbach, *Parzival*, op. cit., p. 410.
51. Wolfram von Eschenbach, *Parzival*, op. cit. В особенности см. предисловие, pp. 7—8. Характерный пример тесных соответствий между двумя текстами — почти идентичные описания процессии Грааля и последующего исчезновения замка Грааля (Wolfram, pp. 123—131; Chretien, pp. 415—422). Encyclopaedia Britannica, 11th (1910) edn., подтверждает, что «Парцифаль» «вне всякого сомнения» представлял собой пересказ «французского первоисточника» (статья «Wolfram von Eschenbach», p. 775). См. также: Margaret Fitzgerald Richey, *The Story of Parzival and the Grail, as Related by Wolfram von Eschenbach*, Basil Blackwell & Mott, Oxford, 1935, pp. 10—11: «...внешнее сходство (между текстами Вольфрама и Кретьена) настолько тесное, и не только в порядке следования эпизодов, но и в деталях описаний, что многие ученые считают поэму Кретьена непосредственным источником поэмы Вольфрама».
52. Helen Adolf, «New Light on Oriental Sources for Wolfram's *Parsival* and other Grail Romances», op. cit., p. 307.
53. Свидетельство того, что самые драгоценные *таботы* делались из камня, «белого и прекрасного, как мрамор», см.: C.F. Beckingham and G.W.B. Huntingford (eds.), *The Prester John of the Indies: A True Relation of the Lands of Prester John, being the Narrative of the Portuguese Embassy to Ethiopia in 1520 written by Father Francisco Alvarez*, Cambridge, published for the Hakluyt Society at the University Press, 1961, vol. II, p. 543.
54. Helen Adolf, «New Light on Oriental Sources for Wolfram's *Parsival* and other Grail Romances», op. cit., p. 309.
55. Wolfram von Eschenbach, *Parzival*, op. cit., p. 240 и др. Еще один, даже более конкретный, пример законодательной функции Грааля см. на стр. 406.
56. Ibid., p. 246.
57. Суд. 20:27—28.
58. I Цар. 3:1—11.

59. I Пар. 28; см. в особенности стих 19.
60. Wolfram von Eschenbach, *Parzival*, op. cit., p. 243.
61. Louis Ginzberg, *The Legends of the Jews*, The Jewish Publication Society of America, Philadelphia, 1911, vol. III, pp. 128-129.
62. Wolfram von Eschenbach, *Parzival*, op. cit., p. 232.
63. The Jewish Encyclopaedia, Funk & Wagnells, New York, 1925, vol. II, p. 107. См. также: Menahem Haran, *Temples and Temple Service in Ancient Israel*, Clarendon Press, Oxford, 1978, reprinted by Eisenbrauns, Winona Lake, Indiana, 1985, p. 246. Харан высказывает научную точку зрения, согласно которой «в ковчеге содержались не две скрижали закона, а... метеорит с горы Синай».
64. Подробнее см.: Emma Jung and Marie-Louise von Franz, *The Grail Legend*, op. cit., p. 148, footnote 28.
65. Jennifer Westwood (ed.), *The Atlas of Mysterious Places*, Guild Publishing, London, 1987, p. 74.
66. Ibid.
67. Подробное научное обсуждение этих связей см. в двух статьях: Julian Morgenstern, «The Book of the Covenant», *Hebrew Union College Annual*, vol. V, 1928; Julian Morgenstern, «The Ark, the Ephod and the Tent of Meeting», *Hebrew Union College Annual*, vol. XVII, 1942—1943; обе переизданы KTAV Publishing House, New York, 1968. В статье «The Book of the Covenant» («Книга Завета»), p. 118, Моргенштерн пишет: «Естественнее всего будет предположить, что в ковчеге хранился *вифиль*... Это представление, разумеется, было широко распространено среди древних семитов, и существует множество свидетельств его бытования в Древнем Израиле».
68. W.H. Roscher, *Lexicon der griechischen und römischen Mythologie*, 1884; цит. по: Emma Jung and Marie-Louise von Franz, *The Grail Legend*, op. cit., p. 148.
69. Wolfram von Eschenbach, *Parzival*, op. cit., p. 239.
70. См., например: Emma Jung and Marie-Louise von Franz, *The Grail Legend*, op. cit., pp. 149, 157.
71. John Matthews, *The Grail: Quest for Eternal*, op. cit., p. 17. Эмма Юнг и Мари-Луиза фон Франц предлагают такое же толкование: Emma Jung and Marie-Louise von Franz, *The Grail Legend*, op. cit., p. 148.
72. Wolfram von Eschenbach, *Parzival*, op. cit., pp. 225, 240.
73. Ibid., pp. 126—127.

74. Tan. Temurah, XI; также с небольшими вариациями *Yoma* 39b.
Цит. по: *The Jewish Encyclopaedia*, vol. II, op. cit., p. 105.
75. III Цар., 8:12.
76. Zev Vylnay, *Legend of Jerusalem: The Sacred Land*, The Jewish Publication Society of America, Philadelphia, 1973, vol. I, pp. 11—12.
77. См., например: Исх. 40:20—38.
78. Chretien de Troyes, *Arthurian Romances*, op. cit., p. 417.
79. Ibid.
80. Исх. 37:1—2.
81. Исх. 37:6.
82. Исх. 34:29—30.
83. Wolfram von Eschenbach, *Parzival*, op. cit., p. 125.
84. Ibid., p. 125.
85. Ibid., p. 125.
86. Ibid., pp. 125, 401.
87. Ibid., p. 239.
88. Ibid., p. 389.
89. I Пар. 15:2; см. также: Втор. 10:8.
90. Sir E.A. Wallis Budge, *Kebra Nagast*, op. cit.
91. Ibid., p. 98.
92. Ibid., p. 79.
93. Ibid., p. 95.
94. Сэр Э.А. Уоллис Бадж в своем переводе использует множество различных слов и выражений для обозначения ковчега Завета, в т.ч. «Сион», «Небесный Сион», «Скиния Его Закона», «Скиния Его Завета», «Скиния Закона Божьего». В нескольких местах он ясно дает понять, что все эти термины полностью взаимозаменяемы и обозначают один и тот же предмет. Например, во «Введении» (р. XVII) он говорит о «Скинии Закона Божьего, т.е. ковчега Завета». И в самом тексте «Кебра Нагаст» встречается несколько эпизодов со ссылками на библейские стихи, в которых недвусмысленно подтверждается эта взаимозаменяемость обозначений ковчега (включая «Сион» и «Небесный Сион»), напр. pp. 14—15 и 178. В своей книге я, принося извинения Баджу, упрощаю эту запутанную терминологию ради большей ясности. Во всех цитатах из «Кебра Нагаст» я в дальнейшем буду использовать более привычные названия: «ковчег Завета», «ковчег Его Завета», «ковчег Божий», «ковчег Господень» или просто «ковчег».
95. Sir E.A. Wallis Budge, *Kebra Nagast*, op. cit., p. 169.
96. Ibid., pp. 94—95.
97. Wolfram von Eschenbach, *Parzival*, op. cit., p. 393.

Глава 4. Карта клада

1. Wolfram von Eschenbach, *Parzival*, Penguin Classics, London, 1980, p. 22.
2. Ibid., p. 17.
3. Ibid., p. 22.
4. См., напр.: Н. St. John Philby, *The Queen of Sheba*, Quartet Books, London, 1981, pp. 58—60.
5. Wolfram von Eschenbach, *Parzival*, op. cit., p. 30.
6. Ibid., p. 27.
7. Ibid., p. 24.
8. Ibid., p. 34.
9. Ibid., p. 39.
10. Ibid.
11. Ibid., p. 39.
12. Ibid., p. 56.
13. Ibid., p. 40.
14. Ibid., p. 66.
15. Разобраться в путанице взаимоотношений между персонажами «Парцифалья» непросто. Профессор Э.Т. Хатто снабдил цитируемое издание словарем личных имен, где Фейрефиц определяется как «единокровный брат Парцифалья, сын Гамурета и его первой жены Белаканы» (Wolfram von Eschenbach, *Parzival*, op. cit., p. 440.).
16. Sir E.A. Wallis Budge, *The Queen of Sheba and her Only Son Menelik: being the «Book of the Glory of Kings» (Kebra Nagast)*, Oxford University Press, 1932, p. 35.
17. Ibid., p. 37.
18. Ibid., p. 38.
19. Ibid., p. 102. Значимость цвета кожи подчеркивается и в другом эпизоде «Кебра Нагаст», см. p. 156.
20. Wolfram von Eschenbach, *Parzival*, op. cit., p. 40 (footnote).
21. A.N. Veselovskij, «On the Problem of the Origin of the Grail Legend», *Zurnal [Journal] of the [Russian] Ministry for the Enlightenment of the People*, Moscow, February, 1904, p. 452. См. также Helen Adolf, «New Light on Oriental Sources for Wolfram's *Parsival* and other Grail Romances», *Publications of the Modern Languages Association of America*, vol. 62, March 1947, p. 310.
22. Sir E.A. Wallis Budge, *Kebra Nagast*, op. cit., p. 46.
23. Dr. E. Littman (trans. and ed.), *The Legend of the Queen of Sheba in the Tradition of Axum*, Bibliotheca Abessinica (Studies Concerning the Languages, Literature and History of Abyssinia), vol. I, Princeton University Library, 1904, p. 9.

24. См. главу 3.
25. Wolfram von Eschenbach, *Parzival*, op. cit., pp. 406—407.
26. Ibid., p. 408.
27. См., например: C.F. Beckingham and G.W.B. Huntingford (eds.), *The Prester John of the Indies: A True Relation of the Lands of Prester John, being the Narrative of the Portuguese Embassy to Ethiopia in 1520 written by Father Francisco Alvarez*, Cambridge, published for the Hakluyt Society at the University Press, 1961.
28. Wolfram von Eschenbach, *Parzival*, op. cit., p. 408.
29. Linda B. Parshall, *The Art of Narration on Wolfram's «Parzival» and Albrecht's «Jungerer Titurel»*, Cambridge University Press, 1981, p. 1.
30. Henry and Mary Garland, *The Oxford Companion to German Literature*, Oxford University Press, 1986, p. 892.
31. Dorothy Reich, *A History of German Literature*, Blackwood, Edinburgh and London, 1970, p. 95.
32. Linda B. Parshall, *The Art of Narration on Wolfram's «Parzival» and Albrecht's «Jungerer Titurel»*, op. cit., p. 1.
33. Английских переводов «Младшего Титуреля» не существует. Однако последнее пристанище Святого Грааля в этом произведении описывается именно как «земля пресвитера Иоанна». Читатели, владеющие немецким языком, могут обратиться за более подробными справками к изданию К.А. Нанн. *Titurel*, Leipzig, 1842. См. также издание под редакцией Вернера Вольфа и Курта Нихольма в нескольких томах серии *Deutsche Texte des Mittelalters* (DTM), выпускавшейся Академией наук ГДР в Берлине в 1955—1984 гг.
34. Wolfram von Eschenbach, *Parzival*, op. cit., p. 408.
35. Ibid., p. 408.
36. Ibid., p. 373.
37. Ibid., p. 377.
38. См.: *Encyclopaedia Britannica*, 11th (1910) ed., p. 304. См. также Sergew Hable-Selassie, *Ancient and Medieval Ethiopian History to 1270*, Haile-Selassie I University, Addis Ababa, 1972, pp. 254—255.
39. Ibid.
40. Ibid.
41. Ibid., p. 261.
42. Ibid. and *Encyclopaedia Britannica*, op. cit., p. 305.
43. *Encyclopaedia Britannica*, op. cit., p. 305.
44. Подробнее см. Irmgard Bidder, *Lalibela: The Monolithic Churches of Ethiopia*, M. DuMont, Cologne, p. 11.
45. Подробности см. в главе 1.

46. Helen Adolf, «New Light on Oriental Sources for Wolfram's *Parsival* and other Grail Romances», op. cit., p. 306.
47. E.A. Wallis Budge, *A History of Ethiopia*, London, 1928, p. 178.
48. Из «Путешествий Марко Поло», цит. по: Henry Salt, *A Voyage to Abyssinia*, Frank Cass and Co., London, 1967, Appendix V.
49. *Encyclopaedia Britannica*, op. cit., p. 306.
50. C.F. Beckingham and G.W.B. Huntingford (eds.), *The Prester John of the Indies*, op. cit., p. 5.
51. *Ibid.*, e.g. p. 296.
52. *Encyclopaedia Britannica*, op. cit., p. 306.
53. *Ibid.*, p. 306.
54. *Encyclopaedia Britannica*, op. cit., p. 306.
55. *Ibid.*, p. 304.
56. *Ibid.*, p. 306.
57. David Buxton, *The Abyssinians*, Thames & Hudson, London, 1970, p. 45.
58. См. главу 3.
59. John Matthews, *The Grail: Quest for Eternal*, Thames & Hudson, London, 1987, p. 69.
60. *Encyclopaedia Britannica*, op. cit., p. 591.

Глава 5. Белые рыцари, Черный континент

1. Emma Jung and Marie-Louise von Franz, *The Grail Legend*, Coventure, London, 1986, pp. 10—11. (Первое издание: Walter Verlag, Olten, 1980; в США — Sigo Press, Boston, 1970.)
2. Wolfram von Eschenbach, *Parzival*, op. cit., p. 232; см. также: p. 213.
3. *Ibid.*, p. 410.
4. *Ibid.*, p. 233.
5. *Ibid.*, p. 214.
6. См. перевод «Парцифаля» Джесси Л. Уэстон, David Nutt, London, 1894, «Excursus A: Wolfram's Source», pp. 191—192. См. также Emma Jung and Marie-Louise von Franz, *The Grail Legend*, op. cit., p. 152.
7. *Ibid.*
8. См., например: *The Hutchinson Encyclopedia*, Hutchinson, London, 1988, p. 481.
9. См., прежде всего: F. Kampers, *Das Lichland der Seelen und der Heilige Gral*, Cologne, 1916, pp. 20—27. См. также: Emma Jung and Marie-Louise von Franz, *The Grail Legend*, op. cit., p. 152. С этим мнением соглашается признанный специалист в данном вопросе Джесси Уэстон. См. «Excursus A» к ее переводу

- «Парцифалья», *op. cit.*, главным образом р. 191, последний абзац.
10. Emma Jung and Marie-Louise von Franz, *The Grail Legend*, *op. cit.*, p. 152.
 11. Wolfram von Eschenbach, *Parzival*, *op. cit.*; см., например, pp. 228, 393 и 406.
 12. *Ibid.*, p. 241.
 13. *Ibid.*, «Введение ко второй редакции» профессора Э.Т. Хатто, p. 438.
 14. Margaret Fitzgerald Richey, *The Story of Parzival and the Graal, As Related by Wolfram von Eschenbach*, Basil Blackwell & Mott, Oxford, 1935, p. 198.
 15. *Ibid.*, p. 211. См. также: p. 198: «Это отождествление с тамплиерами поистине поразительно, и все сказанное о них в тексте «Парцифалья» согласуется с характером данного ордена».
 16. Louis Charpentier, *The Mysteries of Chartres Cathedral*, RILKO, London, 1983, p. 70.
 17. См., например: Gaetan Delaforge, *The Templar Tradition in the Age of Aquarius*, Threshold Books, Vermont, 1987, p. 68.
 18. Основной источник сведений о путешествии Вольфрама в Святую землю — Karl Bertau, *Deutsche Literatur in europaischen Mittelalter*, C.H. Beck, Munich, 1974.
 19. I Пар. 28:2. Эти слова вложены в уста отца Соломона, царя Давида, который намеревался возвести храм для ковчега но по велению Бога оставил исполнение этого замысла Соломону.
 20. William of Tyre, *A History of Deeds done Beyond the Sea* (E. Babcock and A. C. Kery trans.), Octagon Books, New York, 1986, vol. I, pp. 524—525.
 21. *Encyclopaedia Britannica*, *op. cit.*, p. 593.
 22. Edward Burman, *The Templars: Knights of God*, Aquarian Press, Wellingborough, 1986, p. 21.
 23. John J. Robinson, *Born in Blood*, Century, London, 1990, p. 66. Первое издание — в США, M. Evans, 1989.
 24. *Encyclopaedia Britannica*, *Micropaedia*, 15th edn. 1991, vol. III, p. 133. В 1286 г. город был продан королю Франции.
 25. Edward Burman, *The Templars*, *op. cit.*, p. 27. Мать святого Бернара, Алет, была сестрой Андре де Монбара.
 26. Выдвигалось любопытное предположение, что сам святой Бернар был прототипом сэра Галахада, героя цистерцианских «Поисков Святого Грааля». См.: Edward Burman, *The Templars*, *op. cit.*, p. 30. См. также: *Encyclopaedia Britannica*, *Micropaedia*, 15th edn. 1991, vol. V, pp. 79—80 и 408—409.

27. John J. Robinson, *Born in Blood*, op. cit., p. 66.
28. Edward Burman, *The Templars*, op. cit., p. 21.
29. См.: D.D.R. Owen (trans.), *Chretien de Troyes: Arthurian Romances*, J.M. Dent, London, 1988, p. ix (введение).
30. Steven Runciman, *A History of the Crusades*, Penguin Books, London, 1987, vol. II, p. 157.
31. Ibid. См. также: *Encyclopaedia Britannica*, 11th (1910) ed., p. 591. В те времена, как и сейчас, мечеть Омара, более известная под названием Скальная мечеть, стояла на месте храма Соломона. См. также: F.L. Cross and E.A. Livongstone (eds.), *The Oxford Dictionary of the Christian Church*, Oxford University Press, 1988, p. 1345.
32. Steven Runciman, *A History of the Crusades*, op. cit., vol. II, p. 157.
33. John J. Robinson, *Born in Blood*, op. cit., p. 66.
34. Steven Runciman, *A History of the Crusades*, op. cit., vol. II, p. 157.
35. Meir Ben-Dov, *In the Shadow of the Temple: The Discovery of Ancient Jerusalem*, Harper & Row, New York, 1985 and Keter Publishing House, Jerusalem, 1985, p. 347.
36. Ibid.
37. Zev Vilnay, *Legends of Jerusalem: The Sacred Land*, Jewish Publication Society of America, Philadelphia, vol. I, 1973, p. 11.
38. См.: Richard Elliott Friedman, *Who Wrote the Bible?*, Jonathan Cape, London, 1988, chapter I, pp. 155—156.
39. Zev Vilnay, *Legends of Jerusalem*, op. cit., p. 11.
40. Ibid., pp. 123, 324, note 136. См. также: N.A. Silberman, *Digging for God and Country*, Alfred A. Knopf, New York, 1982, p. 186. См. также: «The Syriac Apocalypse of Baruch» in H.F.D. Sparks (ed.), *The Apocryphal Old Testament*, Clarendon Press, Oxford, 1989, pp. 843, 844.
41. Malcolm Barber, «The Origins of the Order of the Temple», *Studia Monastica*, vol. XII, 1970, pp. 221—222.
42. Jean Richard, *Le Royaume Latin de Jerusalem*, Presses Universitaires de France, Paris, 1953, p. 105.
43. Ibid.
44. Emma Jung and Marie-Louise von Franz, *The Grail Legend*, op. cit., pp. 131, 126.
45. См. эссе о реликвиях в издании John James, *Medieval France: A Guide to the Sacred Architecture of Medieval France*, Harrap Columbus, London, 1987, pp. 36—40.
46. Ibid., p. 39.
47. Gaetan Delaforge, *The Templar Tradition in the Age of Aquarius*, op. cit., p. 68.
48. Ibid.

49. F. L. Cross and E.A. Livongstone (eds.), *The Oxford Dictionary of the Christian Church*, op. cit., p. 162.
50. Edward Burman, *The Templars*, op. cit., p. 23.
51. F. L. Cross and E.A. Livongstone (eds.), *The Oxford Dictionary of the Christian Church*, op. cit., p. 162, 1345.
52. Ibid., p. 162.
53. Ibid., p. 162, 1345. См. также: *Encyclopaedia Britannica*, 11th (1910) ed., p. 591.
54. F. L. Cross and E.A. Livongstone (eds.), *The Oxford Dictionary of the Christian Church*, op. cit., pp. 1345—1346.
55. О финансовой деятельности тамплиеров см.: Edward Burman, *The Templars*, op. cit., pp. 74—97.
56. F. L. Cross and E.A. Livongstone (eds.), *The Oxford Dictionary of the Christian Church*, op. cit., p. 162: «В ходе конфликта при избрании папы, вспыхнувшего после смерти Гонория II в 1130 г., Бернар выступил на стороне Иннокентия II против антипапы Анаклета и в конце концов добился победы Иннокентия».
57. В папской булле «Omne Datum Optimum». См.: Edward Burman, *The Templars*, op. cit., p. 41.
58. S. Howarth, *The Knights Templar*, London, 1982, p. 194.
59. Ibid., pp. 193—195.
60. C.N. Johns, «Excavations at Pilgrim's Castle, Atlit, 1932», *Quarterly of the Department of Antiquities in Palestine*, vol. III, no. 4, 1933, pp. 145—146.
61. John Wilkinson, Joyce Hill and W.F. Ryan (eds), *Jerusalem Pilgrimage 1099—1185*, Hakluyt Society, London, 1988, p. 294.
62. Ibid.
63. Meir Ben-Dov, *In the Shadow of the Temple*, op. cit., p. 346.
64. John Wilkinson, Joyce Hill and W.F. Ryan (eds), *Jerusalem Pilgrimage 1099—1185*, op. cit., p. 294.
65. Louis Charpentier, *The Mysteries of Chartres Cathedral*, op. cit., p. 70.
66. Общее описание см. M. Killian Hufgard, «Saint Bernard of Clairvaux», *Medieval Studies*, vol. II, Edwin Mellen Press, 1989. В частности см. pp. 140—141 и 143—150.
67. Цит. по: Robert Lawlor, *Sacred Geometry: Philosophy and Practise*, Thames & Hudson, London, 1989, p. 10.
68. Ibid.
69. M. Killian Hufgard, «Saint Bernard of Clairvaux», op. cit., pp. 148—149.
70. Ibid., p. 139.
71. Ibid., p. 129.

72. Sergew Hable-Selassie, *Ancient and Medieval Ethiopian History to 1270*, Haile-Selassie I University, Addis Ababa, 1972, pp. 265—267.
73. *Encyclopaedia Britannica*, 11th (1910) ed., p. 306. См. также: А.Н.М. Jones and Elizabeth Monroe, *A History of Ethiopia*, Oxford University Press, 1955, p. 53: «Не приходится сомневаться, что этот царь, чей посланник беседовал с мастером Филиппом, был царем Абиссинии, единственным христианским монархом на Ближнем Востоке, который мог отправить подобное послание».
74. Sergew Hable-Selassie, *Ancient and Medieval Ethiopian History to 1270*, op. cit., pp. 239—287.
75. David Buxton, *The Abyssinians*, Thames & Hudson, London, 1970, pp. 44 ff. См. также: Jean Doresse, *Ancient Cities and Temples of Ethiopia*, Elek Books, London, 1959, p. 92 и Sergew Hable-Selassie, *Ancient and Medieval Ethiopian History to 1270*, op. cit., pp. 225—232.
76. См.: Wolf Leslau, *Falasha Antology*, Yale University Press, New Haven and London, 1979, pp. xx-xi (введение).
77. Richard Pankhurst, *An Introduction to the Economic History of Ethiopia from Early Times to 1800*, Lalibela House/Sidgwick & Jackson, London, 1961.
78. Sergew Hable-Selassie, *Ancient and Medieval Ethiopian History to 1270*, op. cit., p. 265.
79. Краткое изложение этой легенды приводит профессор Ричард Пэнкхерст в издании Graham Hancock, Richard Pankhurst, Duncan Willetts, *Under Ethiopian Skies*, Editions HL, London and Nairobi, 1983, pp. 58—59. Подробности см. в изданиях J. Perruchon, *Vie de Lalibela, roi d'Ethiopie*, Paris, 1982 и *Gedle Lalibela* (перевод на амхарский с языка геэз), Haile-Selassie I University, Addis Ababa, 1959.
80. Sergew Hable-Selassie, *Ancient and Medieval Ethiopian History to 1270*, op. cit., см. в особенности pp. 265—266. О пребывании Лалибелы в Иерусалиме см. также Jean Doresse, *Ancient Cities and Temples of Ethiopia*, op. cit., p. 113.
81. Sergew Hable-Selassie, *Ancient and Medieval Ethiopian History to 1270*, op. cit., p. 265.
82. Ibid.
83. См.: David Buxton, *The Abyssinians*, op. cit., p. 44. См. также: Irmgard Bidder, *Lalibela: the Monolithic Churches of Ethiopia*, M. DuMont, Shaugberg, Cologne, pp. 14, 108.
84. Sergew Hable-Selassie, *Ancient and Medieval Ethiopian History to 1270*, op. cit., pp. 272—273. См. также: Jean Doresse, *Ancient Cities and Temples of Ethiopia*, op. cit., p. 113.

85. Sergew Hable-Selassie, *Ancient and Medieval Ethiopian History to 1270*, op. cit., p. 112.
86. Ibid., p. 262.
87. David Buxton, *The Abyssinians*, op. cit., p. 45.
88. А.Н.М. Jones and Elizabeth Monroe, *A History of Ethiopia*, op. cit., p. 53. В октябре 1990 г. я посетил эфиопский монастырь на крыше придела Обретения Креста.
89. О реставрации династии Соломонов см.: Richard Pankhurst, *An Introduction to the Economic History of Ethiopia from Early Times to 1800*, op. cit., pp. 60—71.
90. *Encyclopaedia Britannica*, 11th (1910) ed., p. 594.
91. См., например: Helen Adolf, «New Light on Oriental Sources for Wolfram's *Parzival* and other Grail Romances», *Publications of the Modern Languages Association of America*, vol. 62. March 1947, p. 308.
92. Полный перевод этого послания на английский приводится в издании Sergew Hable-Selassie, *Ancient and Medieval Ethiopian History to 1270*, op. cit., pp. 255—261.
93. Ibid.
94. Ibid.
95. Sir E.A. Wallis Budge (trans. and ed.), *The Bandler of Righteousness: An Ethiopian Book of the Dead*, Luzac, London, 1929. См., например: pp. 41 ff.
96. Об этом конфликте и его последствиях см. далее, главу 6.
97. Полный текст письма см. в издании Sergew Hable-Selassie, *Ancient and Medieval Ethiopian History to 1270*, op. cit., pp. 255—261.
98. Ibid.
99. Irmgard Bidder, *Lalibela*, op. cit., p. 29.
100. Wolfram von Eschenbach, *Parzival*, op. cit., см., например, pp. 406, 393 и 241.
101. Ibid., p. 406.
102. Ibid., p. 251.
103. Ibid., p. 252.
104. Ibid., p. 252, footnote.
105. С 1056 г. и до перехода под власть Габсбургов в XIII в. Штирия оставалась независимым государством. В 1938 г. она была аннексирована Гитлером, а ныне представляет собой альпийскую провинцию на юго-востоке Австрии (со столицей в Граце). Среди ее жителей есть словенцы, а Вольфрам упоминает словенцев вскоре после «Рохаса». Подобная нарочито двусмысленная деталь, оставляющая простор для различных интерпретаций, — это своего рода прием, которым Вольфрам постоянно пользуется для маскировки важных

- сведений. Скрывая истину таким образом, он привносит альтернативный вариант трактовки, который покажется большинству читателей единственно возможным.
106. Подробнее о *croix pattée* тамплиеров см.: Andrea Hopkins, *Knights*, Collins & Brown, London, 1990, pp. 72—91.
 107. В 1960-е гг. ЮНЕСКО принимала участие в реставрации нескольких церквей Лалибелы, а впоследствии объявила их частью мирового культурного наследия. В соответствующем документе они описываются как «достопримечательное сочетание инженерных и архитектурных достижений с уникальными художественными достоинствами». См.: *A Legacy for All: The World's Major Natural, Cultural and Historic Sites*, UNESCO, Paris, 1982, p. 74.
 108. См., например: D.R. Buxton, «The Christian Antiquities of Northern Ethiopia», *Archaeologica*, no. 92, 1947, p. 23.
 109. C.F. Beckingham and G.W.B. Huntingford (eds.), *The Prester John of the Indies: A True Relation of the Lands of Prester John, being the Narrative of the Portuguese Embassy to Ethiopia in 1520 written by Father Francisco Alvarez*, Cambridge, published for the Hakluyt Society at the University Press, 1961, vol. I, pp. 11—13.
 110. *Ibid.*, p. 223.
 111. *Ibid.*, p. 226.
 112. *Ibid.*, p. 227.
 113. Wolfram von Eschenbach, *Parzival*, *op. cit.*, p. 406.
 114. *Ibid.*, p. 406.

Глава 6. Сомнения разрешены

1. Le R.P. Dimotheos, *Deux ans de sejour en Abyssinie: ou vie morale, politique et religieuse des Abyssiniens*, Jerusalem, 1871, p. 137.
2. *Ibid.*, p. 141.
3. *Ibid.*, p. 141.
4. *Ibid.*, p. 143.
5. Как отмечалось выше, в главе 1, его построил император Хайле Селассие в 1965 г.
6. См. выше, главу 1.
7. Le R.P. Dimotheos, *Deux ans de sejour en Abyssinie*, *op. cit.*, p. 141.
8. *Ibid.*, p. 141.
9. Sergew Hable-Selassie, *Ancient and Medieval Ethiopian History to 1270*, Haile-Selassie I University, Addis Ababa, 1972.
10. См. выше, главу 3.

11. Исход, 37:1—2.
12. В.Т. Evetts (trans. and ed.), Abu Salih, *Churches and Monasteries of Egypt and some Neighbouring Countries*, Oxford, 1895.
13. Ibid., p. 287.
14. Ibid., p. 288.
15. Числа, 4:5—6.
16. О месте амхарского и других языков Северной Эфиопии в семитской семье языков см.: Edward Ullendorff, *The Ethiopians: an Introduction to Country and People*, Oxford University Press, London, 1973, Chapter 6, «Languages», pp. 111 ff. Арабский язык тоже принадлежит к семитской семье, амхарский же — второй по численности носителей язык этой семьи после арабского.
17. См., например: Julian Morgenstern, «The Ark, the Ephod and the Tent of Meeting», *Hebrew College Annual*, vol. XVII, 1942—1943, KTAV Publishing House, New York, 1968, p. 249.
18. См., например: Edward Ullendorff, «Hebraic-Jewish Elements in Abyssinian (Monophysite) Christianity», *Journal of Semitic Studies*, vol. 1, no. 3, 1956, p. 233, footnote 6. Уллендорф утверждает, что слово *табот* «происходит от арамейского *tebuta (tebota)*, в свою очередь, производного от древнееврейского *tebab*».
19. См. Бытие 6:7 и далее. Первое упоминание о Ноевом ковчеге как о *теба* встречается в 14-м стихе этой главы.
20. См. Исход 2:3. Подтверждение того, что слово *теба* используется в Библии для обозначения Ноева ковчега и тростниковой люльки Моисея см.: Bruce Metzger, David Goldstein, John Ferguson (eds.), *Great Events of Bible Times: New Perspectives on the People, Places and History of the Biblical World*, Guild Publishing, London, 1989, p. 12.
21. Sir E.A. Wallis Budge, *The Queen of Sheba and her Only Son Menelik: being the «Book of the Glory of Kings» (Kebra Nagast)*, Oxford University Press, 1932, pp. 14—15.
22. Ibid., p. 14.
23. Edward Ullendorff, «Hebraic-Jewish Elements in Abyssinian (Monophysite) Christianity», *Journal of Semitic Studies*, vol. 1, no. 3, 1956, p. 234. Тот же аргумент Уллендорф выдвигает в другом своем блестящем труде: Edward Ullendorff, *Ethiopia and the Bible: The Schweich Lectures 1967*, British Academy, Oxford University Press, 1988, p. 84.
24. Edward Ullendorff, «The Queen of Sheba in Ethiopian Tradition», in James B. Pritchard (ed.), *Solomon and Sheba*, Phaidon Press, London, 1974, p. 108.
24. Sir E.A. Wallis Budge, *Kebra Nagast*, op. cit., p. xiii (введение).

25. Jean Dorese, *Ancient Cities and Temples of Ethiopia*, Elek Books, London, 1959, p. 21.
26. A.H.M. Jones and Elizabeth Monroe, *A History of Ethiopia*, Oxford University Press, 1955, p. 16.
27. Sir E.A. Wallis Budge, *Kebra Nagast*, op. cit., p. 29.
28. См. выше, главу 2.
29. Edward Ullendorff, *Ethiopia and the Bible*, op. cit., p. 18.
29. Ibid., pp. 117, 17—21.
30. Ibid., pp. 16—17.
31. Подробный анализ негативного влияния христианских миссионеров на культуру фалаша см.: David Kessler, *The Falashas: The Forgotten Jews of Ethiopia*, Schocken Books, New York, 1985.
32. Дата приведена по хронологической таблице из издания *The Jerusalem Bible*, Eyre & Spottiswoode, London, 1968, p. 345.
33. J.M. Flad, *Falashas of Abyssinia*, London, 1869, p. 3.
34. Подробное современное описание иудейских праздников см.: Geoffrey Wigoder (ed.), *The Encyclopaedia of Judaism*, Jerusalem Publishing House, 1989. О Хануке см.: p. 319.
35. Ibid., p. 576. См. также: J.S. Trimmingham, *Islam in Ethiopia*, Frank Cass, London, 1965, pp. 20—21. Это серьезное академическое исследование, впервые опубликованное в 1952 году, включает превосходную обзорную статью об Эфиопии «Страна и народ» (pp. 1—31).
36. Henry A. Stern, *Wanderings among the Falashas in Abyssinia*, London, 1862. Reprinted by Frank Cass, London, 1968, p. 188.
37. Ibid., pp. 188—189.
38. На самом деле через несколько лет Штерн все же понес наказание (хотя и не за посягательство на религиозные святыни фалаша): по приказу императора Теодроса его подвергли бичеванию и едва не забили до смерти. Затем вместе с несколькими другими европейцами Штерн угодили в темницу и был вызволен лишь во время экспедиции генерала Напьера в крепость Магдалы, обошедшейся британским налогоплательщикам в несколько миллионов фунтов стерлингов.
39. Дата приведена по хронологической таблице из издания *The Jerusalem Bible*, op. cit., p. 343. Во время странствий по Синайской пустыне был сделан ковчег Завета и укрыт под походным «шатром».
40. Левит, 17:8—9.
41. См.: Geoffrey Wigoder (ed.), *The Encyclopaedia of Judaism*, op. cit., p. 615.

42. F.L. Cross and E.A. Livongstone (eds.), *The Oxford Dictionary of the Christian Church*, Oxford University Press, 1988, p. 1221.
43. Ibid.
44. Ibid. См. также: Geoffrey Wigoder (ed.), *The Encyclopaedia of Judaism*, op. cit., pp. 618, 693.
45. Ibid., pp. 481—483, 695—696.
46. «Фалаша — единственная в мире группа иудеев, в которой центральным элементом богослужения является жертвоприношение на алтаре» (J.S. Trimmingham, *Islam in Ethiopia*, op. cit., p. 21).
47. См., например: David Kessler, *The Falashas*, op. cit., p. 69 и Wolf Leslau, *Falasha Anthology*, Yale University Press, New Haven and London, 1979, pp. xxvi ff.
48. James Bruce, *Travels to Discover the Source of the Nile in years 1768, 1769, 1770, 1771, 1772 and 1773*, Edinburgh, 1790, vol. I, p. 500.
49. О взглядах Брюса на этот предмет см., например: *Travels*: vol. II, p. 293, где он описывает иудаизм как религию, преобладающую в Эфиопии «задолго до христианства».
50. До разграбления Магдалы с этой рукописью в переводе императорского библиотекаря успел ознакомиться Флад. См.: J.M. Flad, *Falashas of Abyssinia*, op. cit., p. 4.
51. James Bruce, *Travels*, op. cit., vol. I, p. 485.
52. Ibid.
53. См., например: A.H.M. Jones and Elizabeth Monroe, *A History of Ethiopia*, op. cit., p. 30. См. также: Jean Doresse, *Ancient Cities and Temples of Ethiopia*, op. cit., pp. 85—86.
54. Sir E.A. Wallis Budge, *Kebra Nagast*, op. cit., pp. 225 ff.
55. Подтверждение того, что фалаша использовали самоназвание «Бета Израиль», см., например, в издании Wolf Leslau, *Falasha Anthology*, op. cit., p. ix (введение). Термин же «фалаша» происходит от древнего эфиопского слова со значением «иммигрант» или «чужак».
56. Об использовании слова «Сион» как эпитета или синонима ковчега Завета в «Кебра Нагаст» см.: Sir E.A. Wallis Budge, *Kebra Nagast*, op. cit., pp. 14—15, 178—179 и 223.
57. Sir E.A. Wallis Budge, *Kebra Nagast*, op. cit., p. 227.
58. Ibid., pp. 226—227.
59. Полный перевод трактата Эллада см.: Elkan Adler, *Jewish Travellers*, London, 1930, p. 11.
60. Подробнее см.: *The Jewish Encyclopaedia*, Funk & Wagnells Co., New York, 1925, vol. V, pp. 90—91. См. также: *The Universal Jewish Encyclopaedia*, vol. VI, p. 46.

61. Дата приведена по хронологической таблице из издания *The Jerusalem Bible*, op. cit., p. 344.
62. Цит. по: Elkan Adler, *Jewish Travellers*, op. cit., p. 13.
63. См., например: David Kessler, *The Falashas*, op. cit., pp. 68 ff. См. также *Encyclopaedia Judaica*, vol. VI, откуда Кесслер приводит множество цитат. Также см.: Geoffrey Wigoder (ed.), *The Encyclopaedia of Judaism*, op. cit., pp. 568—570 и Wolf Leslau, *Falasha Antology*, op. cit., p. xxiii (введение).
64. Цит. по: Elkan Adler, *Jewish Travellers*, op. cit., p. 12.
65. Ibid., p. 11.
66. Перевод книги Бенхамина из Туделы см.: Elkan Adler, *Jewish Travellers*, op. cit., p. 60.
67. R.L. Hess, «An Outline of Falasha History», *Journal of Ethiopian Studies*, no. 6, Addis Ababa, 1967. См. также: Elkan Adler, *Jewish Travellers*, op. cit., p. 153.
68. S. Mendelssohn, *The Jews of Africa*, London, 1920.
69. Joseph Halevy, *La Guerre de Sarsa-Dengel contre les Falachas*, Paris, 1907.
70. Ibid. «Адонау» — это, разумеется, одно из иудейских имен Бога.
71. James Bruce, *Travels*, op. cit., vol. II, p. 293.
72. Ibid., vol. I, p. 486.
73. Joseph Halevy, *Travels in Abyssinia*, London, 1877.
74. Приведено по David Kessler, *The Falashas*, op. cit.
75. *The Falashas: The Jews of Ethiopia*, Minority Rights Group Report no. 67, London, July 1985.
76. См. выше, главу 2.
77. Wolfram von Eschenbach, *Parzival*, Penguin Classics, London, 1980, p. 125.

Глава 7. Бесконечные тайные поиски

1. О принятии христианства Римской империи при Константине см., например: J.M. Roberts, *The Pelican History of the World*, Penguin, London, 1981, pp. 281—284. Подробнее о цивилизации и могуществе империи со столицей в Аксуме см. выше, главу 1.
2. Edward Gibbon, *The History of Decline and Fall of the Roman Empire*, London, 1788.
3. См. выше, главу 3.
4. См., например: Edward Burman, *The Templars: Knights of God*, Aquarian Press, Wellingborough, 1986. См. также: Malcolm Barber, *The Trial of the Templars*, Cambridge University Press, 1989.

5. Malcolm Barber, *The Trial of the Templars*, op. cit., p. 45.
6. См.: F.L. Cross and E.A. Livongstone (eds.), *The Oxford Dictionary of the Christian Church*, Oxford University Press, 1988, pp. 117, 119.
7. Ibid., p. 300.
8. Malcolm Barber, *The Trial of the Templars*, op. cit., p. 2.
9. Ibid., p. 3.
10. James Bruce, *Travels to Discover the Source of the Nile in years 1768, 1769, 1770, 1771, 1772 and 1773*, Edinburgh, 1790, vol. I, p. 528.
11. Ibid., p. 530. Любопытно, что представление о том, будто Эфиопия может предпринимать попытки изменить течение Нила, дабы нанести ущерб Египту, бытует и по сей день. Например, в январе 1990 г. в свете тесного военного и экономического сотрудничества между Эфиопией и Израилем правительство Египта вынесло двум этим странам официальное предупреждение с требованием «не прикасаться» к Голубому Нилу. См.: *The Independent*, London, 6 January 1990, p. 16.
12. Ibid., p. 530.
13. Edward Burman, *The Templars*, op. cit., p. 123.
14. James Bruce, *Travels*, op. cit., vol. I, p. 530.
15. Ibid., p. 532.
16. Подробнее см. выше, главу 5.
17. James Bruce, *Travels*, op. cit., vol. I, p. 528.
17. V.T. Evetts (trans. and ed.), Abu Salih, *Churches and Monasteries of Egypt and some Neighbouring Countries*, Oxford, 1895.
18. Ibid., p. 288.
19. Этот вариант со «светлыми волосами» вместо «рыжих» — прямой перевод с оригинала, выполненный выдающимся лингвистом профессором Эдвардом Уллендорфом и приведенный в его труде Edward Ullendorff, *Ethiopia and the Bible: The Schweich Lectures 1967*, British Academy, Oxford University Press, 1988, p. 26.
20. Устав ордена тамплиеров предписывал соблюдение секретности; разглашение тайн каралось изгнанием или ещё более суровыми наказаниями. См., например: Edward Burman, *The Templars*, op. cit., p. 46. См. также: John J. Robinson, *Born in Blood*, Century, London, 1990, p. 77.
21. O.G.S. Crawford (ed.), *Ethiopian Itineraries circa 1400—1524*, Cambridge University Press for the Hakluyt Society, 1958, p. 212.
22. Ibid., pp. 213, 214.
23. Отрывок из хроники Форести; перевод см.: Ibid., p. 215.

24. Ibid., p. 212.
25. Ibid., pp. 214—215.
26. Важность этих сведений заключается в том, что они подтверждают факт встречи с папой Климентом V в 1306 г. Точное место встречи неизвестно. Вовсе не обязательно, что она состоялась в Авиньоне, который в то время даже не входил в состав Франции и папский престол туда был перенесен лишь в 1309 г. Между 1305-м (годом его интронизации в Лионе) и 1309-м, когда он обосновался в Авиньоне, Климент V странствовал по всей Франции, время от времени останавливаясь в разных городах. Не исключено, конечно, что с эфиопскими посланниками он встретился именно в Авиньоне: хотя папской резиденции там еще не было, он вполне мог посетить этот город в 1306 году. Но с таким же успехом встреча могла произойти и в любом другом городе Франции. Форести пересказал отрывок из трактата Кариньяно лет через двести после того, как была написан этот трактат. Мы вправе предположить, что даже в оригинальном тексте не указывалось, где конкретно состоялась встреча папы с эфиопскими посланниками. В таком случае Форести имел все основания предположить, что дело было в Авиньоне, так как именно там папа Климент V провел большую часть своего служения. Форести мог попросту не знать, что папский престол перенесли в Авиньон только в 1309 году. В любом случае, точное место встречи не имеет особого значения. Важно то, что эта встреча состоялась. Подробнее см.: E. Ullendorff, C.F. Beckingham, *The Hebrew Letters of Prester John*, Oxford University Press, 1982, pp. 6—7.
27. Это подтверждается, к примеру, в книге Richard Pankhurst, *An Introduction to the Economic History of Ethiopia from Early Times to 1800*, Lalibela House/Sidgwick & Jackson, London, 1961, pp. 64—65. См. также: Sir E.A. Wallis Budge, *The Queen of Sheba and her Only Son Menelik: being the Book of the Glory of Kings (Kebra Nagast)*, Oxford University Press, 1932, p. xxxvii (введение).
28. *Kebra Nagast*, op. cit., pp. xxi-xxii.
29. Mordehai Abir, *Ethiopia and the Red Sea*, Cass, London, 1980, p. 47.
30. Malcolm Barber, *The Trial of the Templars*, op. cit., pp. 47—48.
31. Ibid., p. 48.
32. Предположительно, спаслись 24 рыцаря. См.: Malcolm Barber, *The Trial of the Templars*, op. cit., p. 46.
33. См., например: John J. Robinson, *Born in Blood*, op. cit., p. 138.
34. См.: Malcolm Barber, *The Trial of the Templars*, op. cit., p. 220.

35. Ibid., p. 203.
36. См.: John J. Robinson, *Born in Blood*, op. cit., pp. 150—151.
37. Ibid., pp. 150—151.
38. Ibid., p. 153. См. также: O.A. Haye, *The Persecution of the Knights Templars*, Edinburgh, 1865, p. 114.
39. Монимусский реликварий, ныне хранящийся в Эдинбурге, в Национальном музее древностей на Квин-стрит. О роли, которую он сыграл в битве при Баннокберне, см. статью Дэвида Кейса (David Keys) в «Индепендент» (*The Independent*, London, 29 July 1989, p. 38). См. также: *Robert the Bruce*, Pitkin Pictorials, London, 1978, p. 15.
40. Первый документ масонов, «Древние законы», датируется серединой XIV в. (не ранее), т.е. был составлен сразу же после разгрома тамплиеров. См., например: Alexander Horne, *King Solomon's Temple in Masonic Tradition*, Aquarian Press, Wellingborough, 1972, p. 25.
41. Kenneth Mackenzie, *The Royal Masonic Cyclopaedia*, Aquarian Press, Wellingborough, 1987 (первое издание — 1877). См.: pp. 84, 420—421.
42. Ibid., см.: pp. 593—594, 719—722.
43. Ibid., p. 325.
44. Только в 1717 году, после четырех веков полной секретности, масоны впервые открыто заявили о своем существовании.
45. Kenneth Mackenzie, *The Royal Masonic Cyclopaedia*, op. cit., pp. 719—722.
46. John J. Robinson, *Born in Blood*, op. cit.
47. Ibid., p. 137.
48. Hyginus Eugene Cardinale (ed.), *Orders of Knighthood, Awards and the Holy See*, Van Duren Publishers, 1985, p. 27.
49. Ibid., pp. 27, 207—208.
50. Ibid., p. 27. Папское одобрение выразилось в форме дарования конституции: «Ad ea ex quibus».
51. В XIV веке в Эфиопию отправился с проповедью христианства небольшой отряд бесстрашных монахов-доминиканцев (между прочим, по поручению того же папы, Иоанна XXII, который даровал одобрение и признание ордену Христа). Позднее, в XV веке, ко двору императора Баэды Марьяма был послан венецианский художник Николо Бранкалеоне.
52. Зурара, цит. по: Edgar Prestage, *The Portuguese Pioneers*, Adam & Charles Black, London, 1933, p. 158.
53. Ibid., p. 27.
54. Ibid., pp. 215—216.

55. Ibid., pp. 165—166.
56. Ibid., pp. 168—170.
57. Ibid., p. 170.
58. Ibid., p. 30.
59. Ibid., pp. 32, 212—213.
60. Ibid., p. 27: «Генрих был крестоносцем по нраву».
61. Ibid., pp. 27, 160.
62. Ibid., p. 29.
63. Wolfram von Eschenbach, *Parzival*, Penguin Classics, London, 1980, p. 232.
64. Edgar Prestage, *The Portuguese Pioneers*, op. cit., pp. 161, 155.
65. Ibid., p. 154.
66. Ibid., p. 170.
67. Ibid.
68. Ibid.
69. Ibid.
70. *Encyclopaedia Britannica*, Micropaedia, 15th edn, 1991, vol. V, p. 100.
71. Edgar Prestage, *The Portuguese Pioneers*, op. cit., pp. 251—252.
72. Ibid., p. 257.
73. Ibid.
74. Ibid., см. главу XII.
75. Подробный рассказ о путешествии Ковильяна в Эфиопию приводится в кн.: James Bruce, *Travels*, op. cit., vol. II, pp. 103—113. См. также: Edgar Prestage, *The Portuguese Pioneers*, op. cit., pp. 214—221.
76. Edgar Prestage, *The Portuguese Pioneers*, op. cit., p. 216.
77. A.H.M. Jones and Elizabeth Monroe, *A History of Ethiopia*, Oxford University Press, 1955, p. 62.
78. C.F. Beckingham and G.W.B. Huntingford (eds.), *The Prester John of the Indies: A True Relation of the Lands of Prester John, being the Narrative of the Portuguese Embassy to Ethiopia in 1520 written by Father Francisco Alvarez*, Cambridge, published for the Hakluyt Society at the University Press, 1961, vol. I, p. 227.
79. Ibid., p. 226.
80. Captain Sir Richard F. Burton, *First Footsteps in East Africa*, London, 1894, reprinted Darf Publishers, London, 1986, vol. II, p. 5.
81. Ibid., p. 6. См. также: James Bruce, *Travels*, op. cit., vol. II, pp. 162—172 и A.H.M. Jones and Elizabeth Monroe, *A History of Ethiopia*, op. cit., pp. 82—83.
82. Jean Doresse, *Ancient Cities and Temples of Ethiopia*, Elek Books, London, 1959, p. 127.
83. James Bruce, *Travels*, op. cit., vol. II, p. 164.

84. A.H.M. Jones and Elizabeth Monroe, *A History of Ethiopia*, op. cit., p. 83.
85. James Bruce, *Travels*, op. cit., vol. II, p. 173.
86. Цит. по: Philip Carman, *The Lost Empire: the Story of the Jesuits in Ethiopia*, Sidgwick & Jackson, London, 1985, p. 8.
87. Edward Gibbon, *The History of Decline and Fall of the Roman Empire*, op. cit.
88. Лучший известный мне обзор экспедиции дона Кристофера приведен в кн.: James Bruce, *Travels*, op. cit., vol. II, pp. 181 ff. Сэр Ричард Бартон (Sir Richard F. Burton, *First Footsteps in East Africa*, op. cit., pp. 6—11) также приводит достоверные сведения. Кроме того, ход этой кампании хорошо освещен во всех общих исследованиях по истории того периода.
89. James Bruce, *Travels*, op. cit., vol. II, p. 185.
90. Цит. по: *The Itinerario of Jeronimo Lobo*, The Hakluyt Society, London, 1984, pp. 206—207.
91. James Bruce, *Travels*, op. cit., vol. II, pp. 187—188.
92. Ibid., pp. 190—191.
93. Ibid., p. 418.
94. A.H.M. Jones and Elizabeth Monroe, *A History of Ethiopia*, op. cit., p. 108. Предание о том, что во время и после кампаний Грана ковчег хранился на озере Тана, хорошо известно в Эфиопии. Я в очередной раз ознакомился с ним в интервью с главой Эфиопской православной церкви в Великобритании архиепископом Соломона Габре Селассие. Ответы на свои вопросы, заданные архиепископу, я получил в письменной форме 12 июля 1989 г.
95. James Bruce, *Travels*, op. cit., vol. II, p. 409. Philip Carman, *The Lost Empire*, op. cit., p. 156.
96. James Bruce, *Travels*, op. cit., vol. I, pp. 481—482.
97. Professor Edward Ullendorff, «James Bruce of Kinnaird», *Scottish Historical Review*, T. Nelson, Edinburgh, 1953, p. 129.
98. James Bruce, *Travels*, op. cit., vol. III, p. 598.
99. См., например, обсуждение этой проблемы в книге Alan Moorehead, *The Blue Nile*, Penguin Books, London, 1984, pp. 34—35. См. также: Professor Edward Ullendorff, «James Bruce of Kinnaird», op. cit., pp. 133—136.
100. Замечания Брюса о Паише см., например: *Travels*, op. cit., vol. II, pp. 244, 245, 266, 344 и vol. III, p. 617. Обширное рассуждение о книге Лобо (переведенной на английский доктором Сэмюэлем Джонсоном в 1735 г. под заглавием «Путешествие в Абиссинию») см.: *Travels*, op. cit., vol. III, pp. 133—141. Еще одно замечание о Лобо см.: vol. III, p. 426.

101. Он не только не признает их заслуг, но и опускается до открытого плагиата их отчетов. Вот, например, что пишет Паиш о своем посещении двух источников к югу от озера Тана, которые считаются истоком Голубого Нила: «21 апреля 1681 года, достигнув этого места с царем и его войском, я обследовал все с величайшим вниманием; сперва я обнаружил два круглых источника, каждый около четырех ладоней в диаметре, и созерцал с величайшим восторгом то, что не смогли отыскать ни Кир, царь Персидский, ни Камбиз, ни Александр Великий, ни славный Юлий Цезарь. Два эти источника не берут начало на вершине горы, но текут от ее подножия. Второй источник лежит к западу от первого на расстоянии броска камня» (цит. по Alan Moorehead, *The Blue Nile*, op. cit., p. 34).

Жеронимо Лобо добрался до этих источников через дюжину лет после Паиша, приблизительно в 1630 году. Вот его описание: «Источник этой знаменитой реки, цель столь длительных поисков, так долго остававшаяся сокрытой, обнаружился на очень пологом склоне некой горы, подобном скорее неровному полю, нежели горному склону, с которого открывается вдаль хороший обзор. На этой равнине, мало-помалу поднимающейся в гору, в самую сухую пору лета обнаружились два круглых озерца или водных источника, которые уместнее было бы назвать ямами с водой, в четыре пяди шириной каждая и отстоящие друг от друга на расстоянии броска камня. Вся равнина, особенно вокруг упомянутых источников, напитана подземными водами... причина же того, что она не поглощает, как трясына, всякого, кто на нее ступит, заключается в том, что все здесь покрыто зеленью, и корни произрастающих здесь разнообразных трав переплетены так тесно, что поддерживают всякого, кто ступает на это поле» (*The Itinerario of Jeronimo Lobo*, op. cit., p. 228).

Брюс же сделал свое «открытие» 4 ноября 1770 года (через полтора столетия после Паиша и Лобо), да и то с подачи проводника, указавшему ему «на болотистый зеленый пригорок, на [котором] находятся два истока Нила. Сбросив обувь, я побежал вниз по склону к маленькому островку зелени, до которого было около двух сотен ярдов; весь склон холма густо порос цветами, крупные корни которых выпирали из-под земли; дважды упав и сильно ушибившись, я наконец достиг края болота; затем я приблизился к островку зеленого торфа и застыл в восхищении над источником, бившим в самом центре.

Легче вообразить, нежели описать мое состояние ума в то мгновение! Я стоял над тем самым местом, которое три тысячи лет не поддавалось гению, упорству и любознательности человека, древнего и современного. Цари во главе воинств один за другим тизились совершить это открытие, но каждая последующая экспедиция отличалась от предыдущей лишь количеством погибших, и все без исключения сходились в одном — в постигшем всех разочаровании. Я, простой, ничем не примечательный шотландец, мысленно торжествовал в тот миг над этими царями и всеми их армиями» (James Bruce, *Travels*, op. cit., vol. III, pp. 596—597).

Читая и перечитывая описание Брюса, я не мог отделаться от впечатления, что передо мной не что иное, как приукрашенная компиляция ранних описаний Паиша и Лобо (совмещающая упомянутые последним переплетения корней и зеленые топи с рассуждением первого о завоевателях и царях). Более того, как я уже указывал, невозможно отрицать, что шотландский путешественник был прекрасно знаком с трудами обоих своих предшественников.

102. Alan Moorehead, *The Blue Nile*, op. cit., p. 49. Профессор Эдвард Уллендорф в своей статье («James Bruce of Kinnaird», op. cit.) описывает Брюса как одного из «великих универсалов восемнадцатого столетия — мыслителей и людей дела в одном лице» и приводит замечание французских путешественников братьев Д'Абади, которые утверждают, что ежедневно обращались к «Путешествиям» Брюса за справками и «не обнаружили ни одной сколько-нибудь значительной ошибки».
103. James Bruce, *Travels*, op. cit., vol. III, p. 615.
104. Ibid., p. 131.
105. Описание приводится по «Хроникам императора Иясу I», цит. по: I. Guidi (ed.), *Annales Iobannes I, Iyasu I, Bakaffa*, Paris, 1903, pp. 151—159. См. также: Jean Doresse, *Ancient Cities and Temples of Ethiopia*, op. cit., p. 180 и R. Basset, «Études sur l'histoire d'Éthiopie», *Journal Asiatique*, Octobre-Novembre-December 1881, p. 297.
106. Впоследствии я узнал от Ричарда Пэнкхерста (беседа в Аддис-Абебе во вторник 4 декабря 1990 г.), что в распоряжении Брюса на самом деле имелись копии двух основных документов, касающихся жизни Иясу: полная хроника и сокращенная хроника. В обе хроники включена история о том, как царь вошел в святая святых и открыл ковчег. В «Путешествиях» Брюса приводится краткая история всех солнечных затмений и комет, наблюдавшихся в Эфиопии на протяже-

нии нескольких столетий до его визита. Составляя эту сводку, Брюс во многом опирался на сокращенную хронику Иясу, в которой упомянуто появление кометы Ришо в 1689 г. Вот что сказал по этому поводу Пэнкхерст: «Дело в следующем. Описав эту комету, сокращенная хроника *в следующем же абзаце* переходит к рассказу о том, как Иясу открыл ковчег в 1690 году. Таким образом, Брюс *не мог* об этом не знать. Поэтому его предположение о том, что эту реликвию уничтожили мусульмане в начале XVI века, и впрямь кажется подозрительным».

107. James Bruce, *Travels*, op. cit., vol. I, pp. 365—492.
108. Ibid., vol. I, pp. 471—473.
109. Ibid., vol. I, p. 472.) и, что самое важное, она скорее всего прибыла из Эфиопии, а не из какой-то другой страны. «[Иные] считали, что эта царица — арабка, — заключил Брюс, — [однако] множество доводов... убедили меня, что она была эфиопкой» Ibid., vol. I, pp. 472—473. См. также: pp. 444—446.
110. Ibid., vol. I, p. 475.
111. Ibid., vol. I, p. 476.
112. Ibid., vol. I, pp. 471, 478.
113. Ibid., vol. III, pp. 128—133. Например: «Утром 18-го числа мы вышли на равнину, на которой стоял Аксум» (p. 128); «19 января я установил, что Аксум находится на 146°36' северной широты» (p. 133).
114. См. выше, главу 1.
115. Традицию выносить ковчег только на праздник *Тимкат*, подтверждает, к примеру, Рут Планта: «Утверждают, что подлинный ковчег Завета, принесенный Менеликом из Иерусалима, хранится в Сокровищнице. Видеть его дозволяется только одному монаху, хотя в праздник *Тимкат* его проносят по городу в торжественной процессии» (Ruth Plant, *Architecture of the Tigre, Ethiopia*, Ravens Educational and Development Services, Worcester, 1985, p. 206).
116. Professor Edward Ullendorff, «James Bruce of Kinnaird», op. cit., p. 141.
117. Ibid., p. 141.
118. Ibid., p. 141.
119. James Bruce, *Travels*, op. cit., vol. I, pp. 483—484.
120. Alan Moorehead, *The Blue Nile*, op. cit., p. 31. Гораздо позже он отдал обе рукописи в Бодлеанскую библиотеку Оксфордского университета, где они и находятся по сей день (как

- «Брюс-93» и «Брюс-97») *Kebra Nagast*, op. cit., pp. xxxii-xxxiii (введение).
121. Около III—II вв. до н.э. См.: R.H. Charles (trans.), *The Book of Enoch*, Society for the Propagation of Christian Knowledge, London, 1987, Introduction, p. xiii.
122. H.D.F. Sparks (ed.), *The Apocryphal Old Testament*, Clarendon Paperbacks, Oxford, 1989, p. 170: «Среди эфиопских манускриптов, привезенных Брюсом, было три рукописи, включавшие текст, известный ныне как «1-я Книга Еноха» или «Эфиопская Книга Еноха». Одна из этих рукописей (ныне хранящаяся в Бодлеянской библиотеке в Оксфорде) содержит только «1-ю Книгу Еноха»; вторая (там же) — «1-ю Книгу Еноха», за которой следуют Книга Иова, Книга Пророка Исаяи, «Завещания двенадцати патриархов», Книгу Притчей, Книгу Премудрости Соломона, Екклесиаста, Песнь Песней и Книгу Пророка Даниила; третья (ныне хранящаяся в Национальной библиотеке в Париже) представляет собой список со второй».
123. Kenneth Mackenzie, *The Royal Masonic Cyclopaedia*, op. cit., pp. 200—202.
124. Ibid.
125. Major F.B. Head, *The Life of Bruce, the African Traveller*, London, 1836.
126. J.M. Reid, *Traveller Extraordinary: The Life of James Bruce of Kinnaird*, Eyre & Spottiswoode, London, 1968.
127. В 1961—1965 гг. Элгин был верховным мастером шотландских масонов. *Debretts Illustrated Peerage*, London, 1985, p. 412.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЛАБИРИНТ

Глава 8. В глубь Эфиопии

1. Подробнее см. ниже, главу 12.
2. Ричард Пэнкхерст, в издании Graham Hancock, Richard Pankhurst, Duncan Willetts, *Under Ethiopian Skies*, Editions HL, London and Nairobi, 1983, p. 24. См. также: Yuri Elets, *Emperor Menelik and his War with Italy*, Saint Petersburg, 1898.

Глава 9. Священное озеро

1. James Bruce, *Travels to Discover the Source of the Nile in years 1768, 1769, 1770, 1771, 1772 and 1773*, Edinburgh, 1790, vol. III, pp. 425—427.
2. См., например: Sergew Hable-Selassie, *Ancient and Medieval Ethiopian History to 1270*, Haile-Selassie I University, Addis Ababa, 1972, p. 26.
3. См., например: Alan Moorehead, *The Blue Nile*, Penguin Books, London, 1984, pp. 12—13 и 34. См. также: Major R.E. Cheesman, *Lake Tana and the Blue Nile: An Abyssinian Quest*, Macmillan, London, 1936.
4. Alan Moorehead, *The Blue Nile*, op. cit., p. 17.
5. Подробнее см., например: Lucie Lamy, *Egyptian Mysteries*, Thames & Hudson, London, 1981, pp. 7—8.
6. H.K. Jones (ed.), *The Geography of Strabon*, Loeb Library, London, 1940.
7. E.L. Stevenson, *Geography of Claudius Ptolemy*, New York, 1932.
8. Эсхил, фрагмент 67, цит. по: Jean Doresse, *Ancient Cities and Temples of Ethiopia*, Elek Books, London, 1959.
9. В русском синодальном переводе Библии: «обтекает всю землю Куш». В Библии короля Якова еврейское слово «Куш» переведено как «Эфиопия». — *Примеч. пер.*
10. Подробнее см.: Edward Ullendorff, *Ethiopia and the Bible: The Schweich Lectures 1967*, British Academy, Oxford University Press, 1988, p. 2.
11. James Bruce, *Travels*, op. cit., vol. III, p. 387.
12. См., например: Gaalyah Cornfeld, *Archaeology of the Bible Book by Book*, Harper & Row, San Francisco, 1976, pp. 25, 118.
13. Левит 4:6.
14. Левит 5:9.
15. Herbert Danby DD (trans.), *The Mishnah*, Oxford University Press, 1933, pp. 166—168.
16. Ibid., p. 168.

Глава 10. Призрак в лабиринте

1. Sir E.A. Wallis Budge, *The Queen of Sheba and her Only Son Menelik: being the «Book of the Glory of Kings» (Kebra Nagast)*, Oxford University Press, 1932, p. 145.
2. Которое предположительно пришлось на период царствования царя Соломона в Иерусалиме, т.е. на X век до н.э. Аксум же был основан примерно восемью веками позднее. См.: S.C.

- Munro-Hay, *Excavations at Axum*, British Institute in Eastern Africa, London, 1989, pp. 19—24.
3. Среди прочих так утверждал монах — хранитель ковчега; см. выше главу 1. Э.А. Уоллис Бадж также делает ошибочное предположение, что Менелик направлялся с ковчегом в Аксум. В своем введении к английскому переводу «Кебра Нагаст» Бадж заявляет: «По уверениям эфиопов, скиния Закона Господня, т.е. ковчег Завета, был перенесен из Иерусалима в Аксум Менеликом, первенцем Соломона». Действительно, так утверждают многие эфиопы. Существенно, однако, что в тексте «Кебра Нагаст» подобных заявлений не содержится и говорится только, что ковчег был принесен в место под названием «Дебра Македа». Приведенную цитату из Уоллиса Баджа см.: *Kebrā Nagast*, op. cit., p. xvii.
 4. Major R.E. Cheesman, *Lake Tana and the Blue Nile: An Abyssinian Quest*, Frank Cass, London, 1968 (first published in 1936), pp. 174—175, 179. Чизман, посетивший Киркос на озере Тана в начале 30-х гг. XX века, также услышал на этом острове предания о ковчеге (см.: pp. 174—180). Других ссылок в литературе на эти предания я не нашел, что объясняется изолированностью Киркоса и отражает тот факт, что на острове до сих пор не проводились надлежащие научные исследования и археологические раскопки.
 5. Wolfram von Eschenbach, *Parzival*, Penguin Classics, London, 1980. См., например: pp. 132. 392—405.
 6. Margaret Fitzgerald Richey, *The Story of Parzival and the Grail, as Related by Wolfram von Eschenbach*, Basil Blackwell & Mott, Oxford, 1935, p. 198. Другое толкование слова «Мунсальвеш» — «дикая гора». См., например, примечание профессора А.Т. Хатто к Wolfram von Eschenbach, *Parzival*, op. cit., p. 123.
 7. Псалтирь, 130:3—7.
 8. См., например: *The New Collins Thesaurus*, Collins, London and Glasgow, 1984, p. 594.
 9. Wolfram von Eschenbach, *Parzival*, op. cit., p. 121.
 10. Ibid., pp. 120—121.
 11. Этот факт подтверждается во множестве источников, например, в обзоре обычаев эфиопских христиан и иудеев в издании J.S. Trimmingham, *Islam in Ethiopia*, Frank Cass, London, 1976, p. 26. См. также: David Kessler, *The Falashas: The Forgotten Jews of Ethiopia*, Schocken Books, New York, 1985, p. 68.
 12. III Цар. 9:26 «Царь Соломон также сделал корабль в Ецион-Гавере, что при Елафе, на берегу Черемного моря, в земле Идумейской». Об отождествлении Ецион-Гавера с совре-

- менным Эйлатом см., например: Gaalyah Cornfeld, *Archaeology of the Bible Book by Book*, Harper & Row, San Francisco, 1976, pp. 110—111.
13. *Kebra Nagast*, op. cit., pp. 77—78: «И они нагрузили повозки, лошадей и мулов, готовясь к отбытию... Что же до повозок, то никому не пришлось тащить свою повозку самому. И люди, и лошади, и мулы, и нагруженные верблюды — все были подняты над землею на локоть; те же, кто ехал верхом, были подняты над спинами ездовых животных на ладонь, и вся разнообразная поклажа, навьюченная на животных, как и те, кто сидели на них верхом, была поднята на ладонь, и сами животные также были подняты на ладонь. И все ехали в повозках, подобно орлу, парящему в потоке ветра».
 14. См., например: *Biblical Archaeology Review*, May/June 1988, p. 31.
 15. *Kebra Nagast*, op. cit., p. 78.
 16. Позже я нашел подтверждение того, что эфиопы часто называли Тэкэзе «Нилом» и наоборот (например, в аксумских текстах IV века и многих более поздних документах). Подробнее см.: L.P. Kirwan, «The Christian Topography and the Kingdom of Axum», *Geographical Journal*, London, vol. 138, part II, June 1972, pp. 172—173.
 17. Позднее я узнал, что этот маршрут был более чем достоверным. На протяжении всей документированной истории именно его предпочитали купцы и паломники, путешествовавшие между Эфиопией и Иерусалимом. См.: O.G.S. Crawford (ed.), *Ethiopian Itineraries circa 1400—1524*, Cambridge University Press for the Hakluyt Society, 1958.
 18. James Bruce, *Travels to Discover the Source of the Nile in years 1768, 1769, 1770, 1771, 1772 and 1773*, Edinburgh, 1790, vol. III, p. 252.
 19. J.M. Flad, *Falashas of Abyssinia*, London, 1869, p. 10.
 20. См., например: *The Falashas: The Jews of Ethiopia*, Minority Rights Group Report no. 67, London, July 1985. См. также: David Kessler, *The Falashas*, op. cit., p. 10 и Edward Ullendorff, «Hebraic-Jewish Elements in Abyssinian (Monophysite) Christianity», *Journal of Semitic Studies*, vol. 1, no. 3, 1956, p. 254.
 21. David Kessler, *The Falashas*, op. cit., p. 92.
 22. Общие исторические сведения о торговых и паломнических маршрутах между Эфиопией и Иерусалимом через Египет и Судан см.: *Ethiopian Itineraries*, op. cit.

Глава 11. «Давид скакал из всей силы пред Господом...»

1. F.L. Cross and E.A. Livongstone (eds.), *The Oxford Dictionary of the Christian Church*, Oxford University Press, 1988, p. 465.
2. Ibid.
3. См., напр.: Richard Pankhurst, *A Social History of Ethiopia*, Institute of Ethiopian Studies. Addis Ababa University, 1990, pp. 41, 193.
4. Абсолютное неприятие коптскими христианами уникальных эфиопских легенд о *табот*/ковчеге получило недвусмысленное подтверждение в июне 1989 г. в лондонском интервью с епископом Серапионом и отцом Бишуа Бушра из Коптской православной церкви. Интервью провела по моей просьбе исследовательница Кэралайн Ласко.
5. Aymro Wondmagegnehu, Joachim Motovu, *The Ethiopian Orthodox Church*, The Ethiopian Orthodox Mission, Addis Ababa, 1970, pp. 11—14.
6. *The Independent*, London, 20 November 1990, p. 11.
7. Ibid. См. также: *The Falashas: The Jews of Ethiopia*, Minority Rights Group Report no. 67, London, July 1985, pp. 12—13.
8. Frederick C. Gamst, *The Qemant: A Pagan-Hebraic Peasantry of Ethiopia*, Holt, Rinehart & Winston, New York, 1969.
9. Ibid., p. 4.
10. Ibid., p. 122.
11. Быт. 12:9—10.
12. Быт. 41:27.
13. Лев. 11:3—4, 7: «...всякий скот, у которого раздвоены копыта и на копытах глубокий разрез, и который жует жвачку, ешьте; только сих не ешьте из жующих жвачку и имеющих раздвоенные копыта: верблюда, потому что он жует жвачку, но копыта у него не раздвоены, нечист он для вас... и свиньи, потому что копыта у нее раздвоены и на копытах разрез глубокий, но она не жует жвачки, нечиста она для вас».
14. См.: Втор. 14:21: «Не ешьте никакой мертвечины»; Лев. 17:13—14: «Если кто из сынов Израиля и из пришельцев, живущих между вами, на ловле поймает зверя или птицу, которую можно есть, то он должен дать вытечь крови ее и покрыть ее землю, ибо душа всякого тела [есть] кровь ее, она душа его; потому Я сказал сынам Израилевым: не ешьте крови ни из какого тела, потому что душа всякого тела есть кровь его».
15. Исх. 23:19 и 34:26; Втор. 14:21.

16. Ср. Исх. 35:2—3: «...шесть дней делайте дела, а день седьмой должен быть у вас святым, суббота покоя Господу: всякий, кто будет делать в нее дело, предан будет смерти; не зажигайте огня во всех жилищах ваших в день Субботы».
17. Быт. 21:33.
18. Гаэлия Корнфилд в своей «Библейской археологии» (Gaalyah Cornfield, *Archaeology of the Bible Book by Book*, Harper & Row, San Francisco, 1976, p. 75) описывает их следующим образом: «Алтари были средоточием как «высот»-*бамот*, так и храмов. *Бамот* были по преимуществу ханаанскими местами культа, однако в более древние времена считались приемлемыми и для сынов Израиля. Обычно они представляли собой открытые площадки со священными деревьями и каменными столбами-*массебот*, связанными с алтарем».
19. См., напр.: Суд. 6:25; III Цар. 16:33; IV Цар. 21:3 и 23:15; Ис. 27:9.
20. IV Цар. 23:7.
21. *The Falashas: The Jews of Ethiopia*, Minority Rights Group Report no. 67, op. cit., p. 9.
22. Geoffrey Wigoder (ed.), *The Encyclopaedia of Judaism*, Jerusalem Publishing House, Jerusalem, 1989, p. 684.
23. *Ibid.*, p. 548.
24. Лев. 15:19: «Если женщина имеет истечение крови, текущей из тела ее, то она должна сидеть семь дней во время очищения своего, и всякий, кто прикоснется к ней, нечист будет до вечера».
25. Лев. 12:3: «...в восьмой же день обрежется у него крайняя плоть его».
26. Лев. 1:9.
27. См.: Professor Edward Ullendorff, «Hebraic-Jewish Elements in Abyssinian (Monophysite) Christianity», *Journal of Semitic Studies*, vol. 1, no. 3, 1956, pp. 249—250. Уллендорф утверждает: «На восьмой день после рождения ребенка обрезание совершают только иудеи и эфиопы. Это тем более примечательно, что Коптская церковь в Египте (благодаря которой Эфиопия была обращена в христианство) предписывает обрезание в возрасте между шестью и восемью годами от роду, а у мусульман и других религиозных групп в Эфиопии приняты другие даты, и все это, вместе взятое, должно было, по идее, поколебать приверженность эфиопов восьмому дню. Однако данный срок соблюдался весьма строго — очевидно, благодаря недвусмысленному указанию в Пятикнижии... У меня нет сомнений, что обрезание у абиссинцев — один из тех элементов иудейского наследия, которое с таким небывалым упорством сохранялось в этой части Африки.

28. Ibid., pp. 243—244.
29. Ibid., pp. 245—246. См. также: Geoffrey Wigoder (ed.), *The Encyclopaedia of Judaism*, op. cit., pp. 192—194, 604—606.
30. Professor Edward Ullendorff, *Hebraic-Jewish Elements in Abyssinian (Monophysite) Christianity*, op. cit., pp. 242—243, 247, note 3.
31. См. в частности Исх. 19:15; Лев. 20:18.
32. Быт. 32:32: «Поэтому и доныне сыны Израилевы не едят жи-
лы, которая на составе бедра».
33. Professor Edward Ullendorff, *Hebraic-Jewish Elements in Abyssinian (Monophysite) Christianity*, op. cit., p. 242.
34. Ibid., p. 236. Я глубоко благодарен профессору Уллендорфу,
из статьи которого взяты следующие далее соответствия.
35. Исх. 28:4.
36. Ibid.
37. Ibid. См. также: Исх. 28:17—21.
38. Archbishop David Matthew, *Ethiopia*, London, 1947, p. 12.
39. Professor Edward Ullendorff, *Hebraic-Jewish Elements in Abyssinian (Monophysite) Christianity*, op. cit., p. 235.
40. Ibid., pp. 235—236.
41. Такого же мнения придерживался шотландский путеше-
ственник Джеймс Брюс, утверждавший, что Фрументий и дру-
гие христианские миссионеры, посетившие Эфиопию в IV
веке н.э., «обнаружив, что в этой стране укоренились иудей-
ские обычаи, предпочли не искоренять их, но отнестись к
ним с уважением. Поэтому и по сей день в религии абис-
синцев соблюдаются обрезание, предписания о чистом и
нечистом мясе и многие другие иудейские обычаи и цере-
монии» (James Bruce, *Travels to Discover the Source of the Nile
in years 1768, 1769, 1770, 1771, 1772 and 1773*, 3rd edn.,
Edinburgh, 1813, vol. III, p. 13.)
42. Professor Edward Ullendorff, *Hebraic-Jewish Elements in Abyssinian (Monophysite) Christianity*, op. cit., p. 227.
43. Ibid., p. 251.
44. Лев. 16:2—13.
45. Лев. 16:13.
46. Professor Edward Ullendorff, *Hebraic-Jewish Elements in Abyssinian (Monophysite) Christianity*, op. cit., p. 238; цит. по:
Isenberg, *Dictionary of the Amharic Language*, London, 1841,
p. 112.
47. Бэгэгна — ручная десятиструнная деревянная арфа, в на-
стоящее время встречающаяся только в Эфиопии, но про-
исходящая, как предполагают, от библейской арфы Давида.
См.: Tesfaye Lemma, *Ethiopian Musical Instruments*, Addis
Ababa, 1975, p. 10.

48. II Цар. 6:5—16.
49. Wolfram von Eschenbach, *Parzival*, Penguin Classics, London, 1980, p. 121.
50. И на протяжении всей эпохи фараонов. См.: Adolf Erman, *Life in Ancient Egypt*, Dover Publications, New York, 1971, pp. 279, 296, 390.
51. II Пар. 5:12—13; см. также: III Цар. 8:11.
52. II Пар. 6:41 (Jerusalem Bible translation, Eyre & Spottiswoode, London, 1968, p. 464).
53. *Sir Gawain and the Green Knight*, translated by J.R.R. Tolkien and edited by Christopher Tolkien, Unwin Paperbacks, London, 1988, pp. 26, 21.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ЧУДОВИЩНОЕ ОРУДИЕ

Глава 12. Магия... или метод?

1. Дата приведена по хронологической таблице из издания *The Jerusalem Bible*, Eyre & Spottiswoode, London, 1968, p. 343.
2. Размеры в сантиметрах приведены на основании размеров в локтях, указанных в тексте Ветхого завета (из приблизительного расчета 1 локоть = 45 см). См.: Dr J.H. Hertz (ed.), *The Pentateuch and the Haftoracs*, Soncino Press, London, 1978, p. 327. См. также: *The Jerusalem Bible*, op. cit., p. 87, footnote (b).
3. Здесь дан перевод по Иерусалимской Библии. В Авторизованной версии короля Якова в Исх. 25:12 использован вариант «углы», а не «опоры».
4. Исх. 25:10—22.
5. Исх. 31:2—4.
6. Исх. 37:1—9.
7. По словам самого Моисея (Втор. 10:5): «И обратился я, и сошел с горы, и положил скрижали в ковчег». См. также: Исх. 40:20: «И взял [Моисей] и положил откровение в ковчег, и вложил шесты в [кольца] ковчега, и положил крышку на ковчег сверху».
8. Исх. 40:21: «...и внес [Моисей] ковчег в скинию, и повесил завесу, и закрыл ковчег откровения, как повелел Господь Моисею».
9. Лев. 10:1.
10. Ibid.

11. Лев. 10:2: «...и вышел огонь от Господа и сжег их, и умерли они пред лицом Господним» (Авторизованная версия короля Якова). В Иерусалимской Библии тот же фрагмент переведен с использованием имени «Яхве» — тайного имени Бога: «И вышло пламя от лица Яхве и гожрало их, и умерли они пред лицом Яхве». Важно отметить, что и здесь, и во многих других схожих эпизодах, при упоминании «Господа», «Яхве» или «лица Яхве» недвусмысленно подразумевается именно ковчег. Лучшей иллюстрацией тому служит отрывок из Чис. 10:35: «Когда поднимался ковчег в путь, Моисей говорил: восстань, Господи, и рассыплются враги Твои, и побегут от лица Твоего ненавидящие Тебя!» (версия короля Якова). В переводе того же стиха из Иерусалимской Библии, где в качестве имени Бога употребляется Яхве, сказано так: «Когда поднимался ковчег в путь, Моисей говорил: восстань, Яхве, и рассыплются враги Твои, и побегут, спасаясь, от лица Твоего!» В «Толковом библейском словаре» поясняется: «Ковчег воспринимался не просто как предводитель воинства Израиля: к нему обращались непосредственно как к Яхве. Яхве практически отождествляется с ковчегом. Нет сомнения, что ковчег рассматривался как продолжение или воплощение Яхве» (*The Interpreter's Dictionary of the Bible: The Illustrated Encyclopaedia*, Abingdon Press, Nashville, 1962, pp, 222—223).
12. Лев. 16:1—2.
13. Louis Ginzberg, *Legends of the Jews*, Jewish Publication Society of America, Philadelphia, 1911, vol. III, p. 210.
14. Ibid. Ср. Исх. 40:35.
15. Ковчег установили в скинии в первый день первого месяца второго года после исхода израильтян из Египта (Исх. 40:17). Но лишь на восьмой день того же месяца священники были призваны к служению, а Надава и Авиуда постигла смерть (Лев. 9:1 и далее). Упомянутое здесь посещение святая святых Моисеем произошло вскоре после того — очевидно, в том же месяце, поскольку о нем рассказывается в 7-й главе Книги Чисел, а 9-я глава той же книги описывает события, все еще происходящие в первый месяц второго года (Числ. 9:1).
16. Числ. 7:89.
17. Louis Ginzberg, *Legends of the Jews*, op. cit., vol. III, p. 210.
18. Ibid., vol. III, p. 157. См. также: *The Jewish Encyclopaedia*, Funk & Wagnells, New York, 1925, vol. II, p. 105.
19. Числ. 10:33, 35—36.
20. Louis Ginzberg, *Legends of the Jews*, op. cit., vol. III, p. 228.

21. Julian Morgenstern, «The Book of Covenant», in *Hebrew Union College Annual*, vol. V, 1928, reprinted by KTAV Publishing House, New York, 1968, p. 20, footnote 25. См. также: *The Jewish Encyclopaedia*, op. cit., vol. II, p. 105.
22. Например, во время перехода через Иордан. См.: *The Jewish Encyclopaedia*, op. cit., vol. II, p. 105.
23. Ibid. См. также: Louis Ginzberg, *Legends of the Jews*, op. cit., vol. III, p. 194.
24. Louis Ginzberg, *Legends of the Jews*, op. cit., vol. III, p. 395. Другая легенда, подкрепленная комментариями Мидраша, гласит, что во время странствий по пустыне «ковчег подавал знак к началу перехода, поднимаясь высоко в воздух, и далее быстро двигался перед станом на расстоянии трех дней пути» (Ibid., vol. III, p. 243).
25. Julian Morgenstern, «The Book of Covenant», op. cit., pp. 27—28: «Древнейшие библейские упоминания о ковчеге единодушно приписывают ему две различные функции: выбирать путь, которым он желал повести израильтян, и выступать в битвах перед войском Израиля, даруя ему победу. ...Исполнять две эти важнейшие функции ковчег, согласно всем имеющимся свидетельствам, мог благодаря тому, что в нем пребывала Божественная сила. И все древнейшие источники без исключения отождествляют эту Божественную силу с Яхве» (курсив мой. — Г.Х.). Вопрос о том, насколько часто ковчег использовали в битвах, рассматривается в кн.: Louis Ginzberg, *Legends of the Jews*, op. cit., vol. III, pp. 284, 409; vol. IV, p. 143.
26. *The Jewish Encyclopaedia*, op. cit., vol. II, p. 106.
27. Числ. 14:44—45.
28. Исх. 16:35. По вопросу о том, действительно ли израильтяне провели в пустыне сорок лет (в таком случае под конец странствий Моисею должно было исполниться 120 лет) или в действительности этот период был короче, между учеными долгое время шли жаркие споры. Схожим образом оспаривалась указанная в Библии огромная численность израильтян (600 тысяч дееспособных мужчин, не считая женщин, детей и стариков): в Синайской пустыне столь великое множество людей попросту не нашло бы себе пропитания. Для нашего исследования ответы на оба эти вопроса не столь уж важны. Однако позволю себе отметить, что, по моему мнению, израильтяне провели в пустыне не сорок лет, а гораздо меньше: цифра в *четыре* года представляется куда более правдоподобной. И численность их, подозреваю, было не так уж велика: несколько сотен или, в самом крайнем случае, несколько тысяч человек.

29. Числ. 31:2—11.
30. Числ. 22:1.
31. Числ. 20:28.
32. Числ. 20:24—28
33. Числ. 27:12—23.
34. Втор. 34:4—6, 10—12.
35. Втор. 31:14—15.
36. Ис. Нав. 3:3—4.
37. Ис. Нав. 3:6, 14—17; 4:18, 21, 23.
38. Ис. Нав. 6:11, 13—16, 20—21.
39. См., напр.: Ис. Нав. 7:3 и далее, где рассказывается о сражении, начавшемся без участия ковчега и завершившемся поражением израильтян; Ис. Нав. 7:6, где ковчег возвращается в повествование, и Ис. Нав. 8:1 и далее, где повествуется об окончательной победе израильтян. См. также: Ис. Нав. 10:10 и далее, где почти наверняка речь идет об участии ковчега в еще одном важном сражении, увенчанном победой. Схожий эпизод описан в Ис. Нав. 10:29—30 и далее (особенно стих 42).
40. См., напр.: Ис. Нав. 18:1—10, 19:51, 21:2, 22:9; Суд. 18:31, 21:19; I Цар. 1:3—9, 24; 3:21.
41. Julian Morgenstern, «The Ark, the Ephod and the Tent of Meeting», in *Hebrew Union College Annual*, vol. XVII, 1942—1943, reprinted by KTAV Publishing House, New York, 1968, pp. 235—236: «В обычные битвы его [ковчег] не носили».
42. I Цар. 4:1—2.
43. I Цар. 4:3.
44. I Цар. 4: 4—5.
45. I Цар. 4:6—9.
46. I Цар. 4:10—11.
47. I Цар. 4:13, 15—17.
48. *Encyclopaedia Britannica*, 15th edn., 1991, vol. XIV, p. 786.
49. I Цар. 4:22.
50. I Цар. 5, полный текст.
51. I Цар. 6:1.
52. I Цар. 6:2.
53. I Цар. 6:7.
54. I Цар. 6:12.
55. I Цар. 6:13—14, 19.
56. См., напр.: I Цар. 6:19, перевод Иерусалимской библии. См. тот же стих в *New English Bible*, Oxford and Cambridge University Press, 1970, p. 308 и в *Holy Bible: New International Version*, The Bible Societies/ Hodder & Stoughton, UK, 1988. В последней сказано: «Но Бог поразил жителей Вefсамиса,

- умертвив семьдесят из них за то, что они заглянули в ковчег Господа». См. также: *Handbook to the Bible*, Lion Publishing, London, 1988, p. 234.
57. В двух переводах Библии (Иерусалимская Библия и Новая английская Библия) подразумевается, что эти люди были убиты из-за того, что не возликовали при виде ковчега Яхве; в авторизованной версии короля Якова и Новой международной версии, напротив, прямо утверждается, что они погибли из-за того, что *заглянули в ковчег*. Эту последнюю интерпретацию поддерживают и «Библейский справочник» (*Handbook to the Bible*, op. cit., p. 234), и Джулиан Моргенштерн (Julian Morgenstern, «The Ark, the Ephod and the Tent of Meeting», op. cit., p. 241).
58. I Цар. 6:20.
59. I Цар. 6:15.
60. I Цар. 7:1. Ныне в Кириаф-Иариме стоит христианская церковь, посвященная «Деве Марии — ковчегу Завета». См. главу 3.
61. I Цар. 7:1. В Иерусалимской Библии утверждается, что некий Елеазар был приставлен «сторожить ковчег Яхве», а в Новой английской Библии — что он был его «хранителем».
62. Julian Morgenstern, «The Ark, the Ephod and the Tent of Meeting», op. cit., p. 241, footnote 143.
63. См.: *The Jerusalem Bible*, op. cit., Chronological Table, p. 343.
64. II Цар. 6:3—4, 6—7.
65. II Цар. 6:9—10.
66. II Цар. 6:10.
67. II Цар. 6:11.
68. Louis Ginzberg, *Legends of the Jews*, op. cit., vol. VI, p. 275.
69. II Цар. 6:12.
70. Напр., I Пар, 15:15.
71. II Цар. 6:15.
72. II Цар. 6:5.
73. I Пар. 16:1. См. также: I Пар. 17:45.
74. I Пар. 28:2.
75. *The Jerusalem Bible*, op. cit., Chronological Table, p. 344.
76. В III Цар. 6:38 сказано, что на строительство храма ушло одиннадцать лет.
77. III Цар. 8:1, 3, 4, 5, 6.
78. Некоторые подробности этого загадочного исчезновения приведены в 1-й главе. Выражение «во мгле» взято из III Цар. 8:12.
79. См., напр.: Professor Richard Elliott Friedman, *Who Wrote the Bible?*, Jonathan Cape, London, 1988, p. 156.

80. Как в эпизоде с неповиновением сестры Моисея Мариами (Числ. 12); этот случай обсуждается далее, в главе 13.
81. Исх. 12:40.
82. Начало Исхода, который Моисей возглавил уже на склоне лет, датируется обычно периодом между 1250 и 1230 гг. до н.э. (см., напр.: *The Jerusalem Bible*, op. cit., Chronological Table, p. 343). О времени недолгого правления Тутанхамона см.: Christiane Desroches-Noblecourt, *Tutankhamen: Life and Death of a Pharaoh*, Penguin, London, 1989, p. 105.
83. Christiane Desroches-Noblecourt, *Tutankhamen: Life and Death of a Pharaoh*, op. cit., pp. 15, 20.
84. Исх. 25:11.
85. Christiane Desroches-Noblecourt, *Tutankhamen: Life and Death of a Pharaoh*, op. cit., p. 131. См. также: Nicholas Reeves, *The Complete Tutankhamun*, Thames & Hudson, London, 1990, pp. 102, 104. Интересно, что и сам саркофаг был украшен рельефами этих фигур (см.: p. 105).
86. Исх. 25:18.
87. См.: Geoffrey Wigoder (ed.), *The Encyclopaedia of Judaism*, Jerusalem Publishing House, 1989, pp. 157—158.
88. Christiane Desroches-Noblecourt, *Tutankhamen: Life and Death of a Pharaoh*, op. cit., p. 185.
89. *Ibid.*, p. 185. См. также: John Anthony West, *Ancient Egypt*, Harrap Columbus, London, 1989, p. 268 и Jill Kamil, *Luxor*, Longman, London and New York, 1989, p. 28.
90. Alan Moorehead, *The Blue Nile*, Penguin, London, 1984, p. 17.
91. I Пар. 15:15 (перевод Иерусалимской Библии). В Авторизованной версии короля Якова этот стих переведен так: «И сыны левитов несли ковчег Божий на плечах своих, возложив его на шесть, как заповедал Моисей».
92. См., напр.: Edward Ullendorf, «Hebraic-Jewish Elements in Abyssinian (Monophysite) Christianity», *Journal of Semitic Studies*, vol. I, no. 3, 1956, p. 223, footnote 6. Уллendorф утверждает, что слово *табом* «происходит от арамейского *tebuta* (*tebota*), в свою очередь, производного от древнееврейского *tebah*».
93. E.A. Wallis Budge, *The Queen of Sheba and her Only Son Menelik: being the «Book of the Glory of Kings» (Kebra Nagast)*, Oxford University Press, 1932, pp. 14—15.
94. *Ibid.*, p. 14.
95. Я хотел бы выразить глубокую признательность д-ру Китчену за помощь и советы на различных стадиях этого проекта. Впервые я встретился с ним после того, как Кэролайн Ласко по моей просьбе взяла у него интервью 12 июня 1989 г. Он

- любезно согласился побеседовать со мной еще несколько раз, а также разъяснил в письмах ко мне некоторые важные вопросы. Мнение д-ра Китчена по проблеме древнеегипетского происхождения многих аспектов раннего иудаизма изложено в статье D-r Kitchen, «Some Egyptian Background to the Old Testament», *Tyndale House Bulletin*, no. 5—6, Cambridge, April 1960. О ковчеге Завета и его связи с ковчегами из гробницы Тутанхамона см.: pp. 10—11.
96. E.A. Wallis Budge. *From Fetish to God in Ancient Egypt*, Oxford University Press, 1934, p. 40.
97. A.H. Sayce, *Fresh Light from the Ancient Monuments*, Religious Tract Society, London, 1884, p. 67, p. 68.
98. Christiane Desroches-Noblecourt, *Tutankhamen: Life and Death of a Pharaoh*, op. cit., p. 186. См. также: Shalom M. Paul and William G. Dever (eds.), *Biblical Archaeology*, Keter Publishing House, Jerusalem, 1973, part III, p. 252: «Некоторые ученые сравнивали ковчег с ларцами (*нижняя часть которых обычно имела форму корабля*), которые египетские жрецы выносили из храма по праздникам и на которых помещались статуи богов» (курсив мой. — Г.Х.).
99. Julian Morgenstern, «The Book of Covenant», op. cit., p. 121.
100. J.A. West, *Ancient Egypt*, op. cit., p. 236.
101. Ibid.
102. Ibid.
103. Lady Flavia Anderson, *The Ancient Secret: Fire from the Sun*, RILKO Books, London, 1987, pp. 113—114.
104. Я сделал в своем дневнике следующую запись: «Ковчег, которые носили на празднествах Апета, первоначально имели форму кораблей и лишь потом преобразились в ящики. Поэтому нетрудно понять, каким образом в Библии слово «тебах» стало использоваться для обозначения Ноева ковчега и тростниковой корзины Моисея. Тот факт, что для обозначения ковчега Завета употреблялось другое слово — «арон», — может объясняться попросту тем, что в период официальной кодификации книг Ветхого Завета ковчег уже исчез из Иерусалима, а писцы, работавшие над записью устной истории еврейского народа, не имели достаточно полного представления о некоторых ключевых моментах религиозной традиции, к которой восходила утраченная реликвия. Если моя теория верна, то ковчег, разумеется, был не «утрачен», а перевезен в Эфиопию, где его вплоть до настоящего времени продолжали называть первоначальным именем — *тапет* или *табот*».
- Позднее я обнаружил, что схожую точку зрения высказал в

- 1-м томе своих «Путешествий» шотландский исследователь Джеймс Брюс. По пути в Эфиопию он посетил Луксор и предположил, что название «Фивы» может происходить от «Теба» — еврейского названия ковчега в том эпизоде, где Ной получил повеление построить его: «Сделай себе ковчег (Теба) из дерева гофер». Хотя, в отличие от меня, Брюс не связал *Tanem* (древнее египетское название Фив) со словом *табот*, меня заинтересовало то, что он попытался проследить ту же лингвистическую цепочку. И это послужило для меня дополнительным подтверждением того, что главной целью его путешествия в Эфиопию были поиски ковчега Завета, а вовсе не истоков Нила. См.: James Bruce, *Travels to Discover the Source of the Nile in years 1768, 1769, 1770, 1771, 1772 and 1773*, Edinburgh, 1790, vol. I, pp. 394—395.
105. Geoffrey Wigoder (ed.), *The Encyclopaedia of Judaism*, op. cit., p. 504.
106. *The Jerusalem Bible*, op. cit., Chronological Table, p. 343.
107. Josephus, *Jewish Antiquities*, translated by H. St J. Thackeray, Heinemann, London, 1930, vol. IV, books I—IV, p. 253.
108. *Ibid.*, pp. 257—259.
109. Деян. 7:22.
110. Philo Judaeus, *De Vita Moses*, translated by F.H. Colson, Heinemann, London, 1935, vol. VI, pp. 287—289.
111. Об этом идет речь как у Филона, так и у Иосифа Флавия, op. cit.
112. Из того, что мы знаем о жизни Моисея, следует, что «изучал различные области египетской магии» (Е.А. Wallis Budge. *From Fetish to God in Ancient Egypt*, op. cit., p. 8).
113. «Все фараоны были волшебниками: магия была одной из их функций» (С. Jacq, *Egyptian Magic*, Bolchazy-Carducci Publishers, Chicago, 1985, p. 12; см. также: pp. 9—13).
114. Деян. 7:22.
115. Лук. 24:19.
116. О том, что выражением «силен в словах» обозначается не ораторское красноречие, а именно знание слов силы, свидетельствует то, что позднее сам Моисей говорит Яхве: «О, Господи! человек я не речистый». В ответ Господь повелевает пророку говорить через его брата Аарона: «Я знаю, что он может говорить» (Исх. 4:10—17).
117. Е.А. Wallis Budge, *Egyptian Magic*, Kegan Paul, Trench, Trubner, London, 1901, p. 5.
118. Josephus, op. cit., footnote c, pp. 276—277. См. также: *The Jerusalem Bible*, op. cit., p. 63, footnote (3a).
119. Исх. 3:2.

120. Исх. 3:7—10.
121. Исх. 3:13.
122. J.G. Frazer, *The Golden Bough: A Study in Magic and Religion*, Macmillan, London, 1987 edn, p. 261.
123. Исх. 3:14, Исх. 3:6.
124. См.: Irving M. Zeitlin, *Ancient Judaism*, Polity Press, Cambridge, 1984, pp. 58—59. См. также: *Handbook to Bible*, Lion Publishing, London, 1988, p. 157. Значение древнееврейского глагола «быть» не сводится к понятию «существовать» и включает в себя значение активного присутствия. Подробнее см.: F.L. Cross and E.A. Livongstone (eds.), *The Oxford Dictionary of the Christian Church*, Oxford University Press, 1988, p. 1345. См. также: Geoffrey Wigoder (ed.), *The Encyclopaedia of Judaism*, op. cit., pp. 289—290.
125. См., напр.: Исх. 4:20, Исх. 17:9.
126. Исх. 4:2.
127. Исх. 4:3—4.
128. E.A. Wallis Budge, *Egyptian Magic*, op. cit., p. 5; E.A. Wallis Budge. *From Fetish to God in Ancient Egypt*, op. cit., pp. 119, 129.
129. Исх. 7:11—12.
130. Исх. 7:20—22.
131. Исх. 8:1—7.
132. Исх. 8:16—19.
133. Исх. 8:21—32.
134. Исх. 9:1—7.
135. Исх. 9:8—11.
136. Исх. 10:1—20; Исх. 10:21—23.
137. Исх. 12:23—30.
138. Исх. 12: 31—33.
139. Исх. 14:21—22.
140. Исх. 14:23.
141. Исх. 14:7—9.
142. E.A. Wallis Budge, *Egyptian Magic*, op. cit., p. 10.
143. E.A. Wallis Budge. *From Fetish to God in Ancient Egypt*, op. cit., p. 8.
144. Ibid., p. 43: «Невозможно представить себе, что жрецы высшего ранга не владели тайными знаниями, которые оберегались со всей мыслимой строгостью».
145. См., напр.: Lucie Lamy, *Egyptian Mysteries*, Thames & Hudson, London, 1981, p. 86.
146. Kuciano Canfora, *The Vanished Library: A Wonder of the Ancient World*, Hutchinson, London, 1989, p. 21.
147. Herodotus, *The History*, David Green (trans.), University of Chicago Press, Chicago and London, 1988, p. 132.

148. W.B. Emery, *Archaic Egypt*, Penguin, London, 1961, p. 206.
149. См. статью «Mathematics and Astronomy» в кн. J.R. Harris (ed.), *The Legacy of Egypt*, Oxford University Press, 1971.
150. Вывод об этом можно сделать на основании параметров целого ряда древнеегипетских построек. Сэр Уильям Флиндерс Петри, археолог XIX века (вообще-то весьма скептически относившийся к гипотезам о развитом научном знании у древних египтян), отметил, что пропорции Великой пирамиды в Гизе (ок. 2550 г. до н.э.) «свидетельствуют об использовании числа «пи», вычисленного с большой точностью». См.: A.J. West, *The Traveller's Key to Ancient Egypt: A Guide to the Sacred Places of Ancient Egypt*, Harrap, London, 1987, p. 90.
151. См.: *Mystic Places*, Time-Life Books, Amsterdam, 1987, p. 65.
152. См.: R. El-Nadoury, «The Legacy of Pharaonic Egypt», in *General History of Africa II*, UNESCO, Paris, 1981.
153. См. статью «Medicine» в кн. J.R. Harris (ed.), *The Legacy of Egypt*, op. cit.
154. См. выше, главу 5.
155. Цит. по: Robert Lawlor, *Sacred Geometry: Philosophy and Practice*, Thames & Hudson, London, 1982.
156. См.: William Anderson, *The Rise of the Gothic*, Hutchinson, London, 1985, p. 65.
157. Даты приведены по: J.A. West, *Ancient Egypt*, op. cit., pp. 249—250.
158. Ibid., pp. 249—250.
159. Ibid., p. 252.
160. Ibid., p. 424.
161. J.R. Harris, «Technology and Materials», in *The Legacy of Egypt*, op. cit., p. 103.
162. J.A. West, *Ancient Egypt*, op. cit., p. 251.
163. Ibid., p. 109.
164. Цит. по: Ibid., p. 40.
165. Все цифры приведены по: Ibid., pp. 112—123. См. также: A.J. Spencer, *The Great Pyramid*, P.J. Publications, London, 1989.
166. A. Abu Bakr, «Pharaonic Egypt», in the *UNESCO General History of Africa II*, op. cit.
167. *Mystic Places*, op. cit., pp. 49—50.
168. Ibid., p. 62.
169. Ibid., p. 62. Полное и современное изложение взглядов пирамидологов см. в кн.: Peter Lemesurier, *The Great Pyramid Decoded*, Element Books, Dorset, UK, 1989.
170. Peter Lemesurier, *The Great Pyramid Decoded*, op. cit., p. 7.
171. *Mystic Places*, op. cit., p. 59; Peter Lemesurier, *The Great Pyramid Decoded*, op. cit., p. 3. В действительности, как указывает по-

следний автор, углы пирамид отклоняются от точной ориентации по сторонам света приблизительно на пять минут дуги, или 1/12 градуса. Однако причина этого незначительного отклонения объясняется не какой-либо неточностью в расчетах древних строителей, а смещением земной оси в ходе веков.

172. См.: *Mystic Places*, op. cit., p. 47; J.A. West, *Ancient Egypt*, op. cit., p. 123; A.J. Spencer, *The Great Pyramid*, op. cit.
173. Herodotus, op. cit., 2. 125, p. 186.
174. Цит. по: J.A. West, *Ancient Egypt*, op. cit., p. 107.
175. *Ibid.*, Introduction, p. xi. Наряду с самой грандиозностью задач, стоявших перед строителями Великой пирамиды, имелись и другие факторы, усугублявшие мои подозрения в том, что древние египтяне располагали знаниями, неизвестными современной цивилизации. Например, в конце XIX в. сэр Уильям Флиндерс Петри, самый выдающийся из археологов своего поколения, посвятил несколько месяцев тщательно измерению пирамиды в Гизе — главным образом с целью опровергнуть некоторые домыслы пирамидологов. По большей части ему это удалось (позднее он заявлял, что «одним маленьким безобразным фактом уничтожил прекрасную теорию»). Однако в нескольких случаях ему пришлось признать, что некоторые достижения строителей пирамиды не поддаются никаким разумным объяснениям. По вопросу об исключительной точности, которой они добились при укладке 115 000-тонных каменных блоков, Петри заметил: «Даже просто подогнать такие камни друг к другу — и то непростая работа, а уж сделать так с цементом на стыках — это кажется почти невозможным; это все равно что тончайшая работа оптика в масштабе акров» (цит. по: J.A. West, *Ancient Egypt*, op. cit., p. 90).

Глава 13. Сокровища тьмы

1. Garth Fowden, *The Egyptian Hermes: A Historical Approach to the Late Pagan Mind*, Cambridge University Press, 1987, pp. 22—23.
2. См.: *New Larousse Encyclopaedia of Mythology*, Hamlyn, London, 1989, p. 28.
3. *Ibid.*, p. 27. См. также: E.A. Wallis Budge, *Egyptian Magic*, Kegan Paul, Trench, Trubner, London, 1901, p. xi: «...весь мир был сотворен силой слов Тота». Вскоре после того, как я узнал об этом, до меня дошло, что такие представления удивительным образом схожи с широко известным библейским пасажем: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово

было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть» (Ин. 1:1—3). Заинтригованный этим совпадением, я пошел дальше и, к изумлению своему, обнаружил, что библейские тексты позволяют провести еще множество других близких параллелей между Тотом — языческим лунным богом египтян и Яхве — Богом Моисея. Одна из самых потрясающих аналогий такого рода связана с десятью заповедями, врученными Моисею на горе Синай и якобы начертанных на каменных скрижалях, которые позднее были помещены в ковчег Завета: «...да не будет у тебя других богов пред лицом Моим. Не делай себе кумира... Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно... Помни день субботний, чтобы святить его... Почитай отца твоего и мать твою... Не убивай. Не прелюбодействуй. Не кради. Не произноси ложного свидетельства... Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего» (Исх. 20:3—17).

Я всегда полагал, что этот строгий свод законов — уникальное явление раннего иудаизма, не имеющее себе равных в других традициях. Однако мне пришлось пересмотреть свои представления: почти идентичные формулировки обнаружались в 125-й главе древней египетской «Книги Мертвых». Эта глава посвящена описанию так называемой отрицательной исповеди, которую должна пройти душа усопшего перед Тотом в его функции Божественного судьи и писца: «Я не преуменьшал бога... Я не совершал убийства... Я не совершал прелюбодеяния... Я не крал хлеба богов... Я не опозорил жены ни одного мужчины... Я не богохульствовал... Я не говорил лжи» (см.: E.A. Wallis Budge, *The Egyptian Book of the Dead: The Papyrus of Ani*, British Museum Publications, London, 1895, pp. 195—204). Но, возможно, самая поразительная параллель обнаруживается в том разделе «Книги Мертвых», где сказано: «Эта глава найдена на алебастровой пластине под стопой Владыки сего почтенного места, бога Тота, и написана она самим богом». Я, конечно, знал, что ковчег Завета в Библии нередко именуется «подножием ногам Бога» (напр., I Пар. 28:2) и что в нем заключались каменные скрижали Закона, начертанного перстом самого Яхве. Напрашивался вывод: образ мысли и поведение Яхве и Тота (равно как и верования народов, поклонявшихся двум этим божествам) настолько схожи между собой, что счесть это простым совпадением невозможно. И в равной мере невозможно предположить, что авторы «Книги Мертвых» испыта-

ли влияние соответствующих библейских эпизодов, ибо из двух этих текстов первый — гораздо более древней (часть содержания египетской «Книги Мертвых» восходит к IV тысячелетию до н.э., а древнейшие фрагменты Библии на целых два тысячелетия моложе).

4. Garth Fowden, *The Egyptian Hermes*, op. cit., p. 33.
5. Ibid., p. 23. См. также: E.A. Wallis Budge, *From Fetish to God in Ancient Egypt*, Oxford University Press, 1934, pp. 121—122 и *New Larousse Encyclopaedia of Mythology*, op. cit., p. 27.
6. *New Larousse Encyclopaedia of Mythology*, op. cit., p. 27.
7. John Anthony West, *The Traveller's Key to Ancient Egypt: a Guide to the Sacred Places of Ancient Egypt*, Harrap Columbus, London, 1987, pp. 74—75.
8. E.A. Wallis Budge (trans.), *The Egyptian Book of the Dead*, op. cit., Introduction, p. cxviii.
9. E.A. Wallis Budge, *From Fetish to God in Ancient Egypt*, op. cit., p. 157. См. также: M.V. Seton-Williams, *Egyptian Legends and Stories*, Rubicon Press, London, 1990, p. 16.
10. В наиболее полном варианте эта легенда изложена в трактате Плутарха «Об Исиде и Осирисе». См.: M.V. Seton-Williams, *Egyptian Legends and Stories*, op. cit., pp. 24—29. См. также: E.A. Wallis Budge, *From Fetish to God in Ancient Egypt*, op. cit., pp. 177 ff.
11. W.B. Emery, *Archaic Egypt*, Penguin, London, 1987, p. 192.
12. E.A. Wallis Budge (trans.), *The Egyptian Book of the Dead*, op. cit., Introduction, pp. xii, xiii.
13. W.B. Emery, *Archaic Egypt*, op. cit, p. 38.
14. Ibid., pp. 175—191.
15. Ibid., pp. 177, 31.
16. Ibid., p. 26.
17. Наставления, данные Сину в день сотворения Мардуком — главой месопотамского пантеона. Цит. по: *New Larousse Encyclopaedia of Mythology*, op. cit., p. 57.
18. Ibid.
19. E.A. Wallis Budge, *From Fetish to God in Ancient Egypt*, op. cit., p. 155.
20. W.B. Emery, *Archaic Egypt*, op. cit, p. 31.
21. Того же мнения придерживается и Эмери. См.: Ibid., pp. 122—123.
22. Plato, *Timaeus and Critias*, Penguin Classics, London, 1977, p. 39.
23. Ibid., pp. 35—38, 137—138.
24. Ibid., p. 38.
25. Ibid. См.: Sir Desmond Lee, *Appendix on Atlantis*, p. 158.
26. Ibid., p. 158.

27. Ibid., p. 40.
28. См.: Edmond Sollberger, *The Babylonian Legend of the Flood*, British Museum Publications, London, 1962. См. также: *The Epic of Gilgamesh*, Penguin Classics, London, 1960.
29. Peter Marshall, *Journey Through the Maldives*, Camerapix Publishers International, London, 1991, p. 191.
30. См.: *Encyclopaedia Britannica*, 15th edn., 1991, Micropaedia, vol. IV, pp. 441—442.
31. См. главу из египетской «Книги Мертвых», в которой Тот (в ипостаси вселенского демиурга) решает устроить потоп в наказание людям: «Они вели войну, они поддерживали раздор, они сотворили извергов, они устроили резню, они стали причиной тревоги... [Посему] истреблю я все, что сотворил. Ввергнется эта земля в водную бездну, из которой она возникла в стародавние времена» (фиванская версия «Книги Мертвых», цит. по: E.A. Wallis Budge, *From Fetish to God in Ancient Egypt*, op. cit., p. 198). Этот отрывок удивительным образом перекликается с 6-й главой Книги Бытия: «И увидел Господь, что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время; и раскаялся Господь, что создал человека на земле, и восскорбел в сердце Своем... И сказал Бог Ною: конец всякой плоти пришел пред лице Мое, ибо земля наполнилась от них злодеяниями... И вот, Я наведу на землю потоп водный, чтоб истребить всякую плоть, в которой есть дух жизни, под небесами; все, что есть на земле, лишится жизни» (Быт. 6:5—17).
32. E.A. Wallis Budge, *From Fetish to God in Ancient Egypt*, op. cit., pp. 197—198.
33. Краткое изложение версии Плутарха см.: M.V. Seton-Williams, *Egyptian Legends and Stories*, op. cit., pp. 24—29; E.A. Wallis Budge, *From Fetish to God in Ancient Egypt*, op. cit., pp. 178—183.
34. См., в особенности: E.A. Wallis Budge, *From Fetish to God in Ancient Egypt*, op. cit., p. 182. Версия Плутарха включает также эпизод, в котором сундук проплывает через Средиземное море к «Библосу» (близ современного Бейрута). Бадж опускает этот фрагмент, полагая упоминание о «Библосе» переводческой ошибкой: слово *byblos* в данном контексте означает «папирус».
35. Ibid., p. 180.
36. Josephus, *Jewish Antiquities*, translated by H. St J. Thackeray, Heinemann, London, 1930, vol. IV, books I—IV, p. 263.

37. Philo, *Life of Moses*, translated by F.H. Colson, Heinemann, London, 1935, vol. VI, p. 285.
38. E.A. Wallis Budge, *From Fetish to God in Ancient Egypt*, op. cit., pp. 181—182.
39. Samuel Noah Kramer, *The Sumerians: Their History, Culture and Character*, University of Chicago Press, 1963. См. также: John Oates, *Babylon*, Thames & Hudson, London, 1979.
40. *New Larousse Encyclopaedia of Mythology*, op. cit., pp. 58—60.
41. Ион. 2:10; 3:2.
42. Быт. 6:19.
43. Быт. 6:14.
44. Быт. 9:1.
45. Лук. 24:19.
46. Иоан. 3:5.
47. Марк 1:9—11.
48. См.: E.A. Wallis Budge, *Egyptian Magic*, Kegan Paul, Trench, Trubner, London, 1901.
49. J.A. West, *Ancient Egypt*, op. cit., p. 8.
50. Thor Heyerdahl, *The Ra Expedition*, Book Club Associates, London, 1972, p. 17.
51. J.A. West, *Ancient Egypt*, op. cit., pp. 132—133. См. также: A.J. Spencer, *The Great Pyramid*, P.J. Publications, London, 1989.
52. Christiane Desroches-Noblecourt, *Tutankhamen*, Penguin, London, 1989, pp. 89, 108, 113, 283.
53. A.J. Spencer, *The Great Pyramid*, op. cit.
54. См., напр.: W.B. Emery, *Archaic Egypt*, op. cit., p. 68.
55. *General History of Africa*, UNESCO, Paris, 1981, pp. 84—107.
56. Подробнее см.: W.B. Emery, *Archaic Egypt*, op. cit., в особенности главу 4; Lucy Lamy, *Egyptian Mysteries*, Thames & Hudson, London, 1981, p. 68; UNESCO *General History of Africa*, op. cit.
57. J.A. West, *Ancient Egypt*, op. cit., p. 158. Позднее греки провозгласили Имхотепа — под эллинизированным именем Асклепия — основателем медицинской науки.
58. E.A. Wallis Budge, *From Fetish to God in Ancient Egypt*, op. cit., p. 161.
59. Garth Fowden, *The Egyptian Hermes*, op. cit., p. 33.
60. Ibid., p. 23.
61. J.A. West, *Ancient Egypt*, op. cit., p. 12.
62. Ibid., p. 340.
63. Ibid., p. 343.
64. *The Jewish Encyclopaedia*, Funk & Wagnells, New York, 1925, vol. II, p. 497.
65. *Collins English Dictionary*, Collins, London, 1982, p. 261. (Курсив мой. — Г.Х.)

66. Malcolm Barber, *The Trial of the Templars*, Cambridge University Press, 1989, p. 62. См. также: pp. 61, 67, 69, 100, 101, 147, 163—164, 167, 175, 178, 182—183, 185—188, 210, 249.
67. G. Legman, *The Guilt of the Templars*, Basic Books, New York, 1966, p. 85.
68. См.: H.J. Schonfield, *The Essene Odyssey*, Element Books, London, 1984, pp. 162—165. Этот шифр носит название «атбаш». См. главным образом p. 164.
69. Ibid., p. 164.
70. E.A. Wallis Budge, *The Gods of the Egyptian*, Methuen, London, 1904, vol. I, p. 415.
71. Ibid., p. 414.
72. Ibid., p. 414.
73. David Stevenson, *The Origins of Freemasonry*, Cambridge University Press, 1990, p. 85. Масоны почитали Тота в его более поздней ипостаси Гермеса, греческого бога мудрости. Как поясняет Стивенсон, «греки отождествляли своего бога Гермеса с египетским Тотом, писцом богов и, в свою очередь, богом мудрости» (Ibid., p. 83).
74. Ibid., p. 85 (опять же Тот в ипостаси Гермеса).
75. Из трактата «Об обращениях небесных сфер»
76. Из трактата «Гармония сфер»; цит. по: Timothy Ferris, *Coming of Age in the Milky Way*, op. cit., p. 79.
77. Из трактата «Математические начала натуральной философии», цит. по: Richard S. Westfall, *Never at Rest: a Biography of Isaac Newton*, Cambridge University Press, 1980, p. 435.
78. Ibid., p. 434.
79. John Harrison, *The Library of Isaac Newton*, Cambridge University Press, 1978.
80. Frank Manuel, *The Religion of Isaac Newton*, Oxford University Press, 1974, p. 86.
81. Gale E. Christianson, *In the Presence of the Creator: Isaac Newton and His Times*, Collier Macmillan, London, 1984, p. 262.
82. Richard S. Westfall, *Never at Rest*, op. cit., p. 346.
83. Gale E. Christianson, *In the Presence of the Creator*, op. cit., pp. 256—257.
84. Ibid., p. 257.
85. Richard S. Westfall, *Never at Rest*, op. cit., p. 250.
86. John Meynard Keynes, «Newton the Man», in *Newton Tercentenary Celebrations*, Cambridge University Press, 1947, pp. 27—29.
87. Gale E. Christianson, *In the Presence of the Creator*, op. cit., p. 362.
88. Ibid.

89. Ibid., p. 222.
90. Yahuda Manuscript Collection, Jewish National and University Library, Jerusalem, MS 16.2, pp. 48, 50, 74.
91. Richard S. Westfall, *Never at Rest*, op. cit., p. 355.
92. Ibid., p. 356. См. также: Gale E. Christianson, *In the Presence of the Creator*, op. cit., p. 255.
93. См.: Gale E. Christianson, *In the Presence of the Creator*, op. cit., p. 256.
94. Piyo Rattansi, «Newton and the Wisdom of the Ancients», in John Fauvel, Raymond Flood *et al.* (eds), *Let Newton Be! A New Perspective on His Life and Works*, Oxford University Press, 1988, pp. 188, 195.
95. Цит. по: Jan Golinski in Ibid., pp. 159—160.
96. Gale E. Christianson, *In the Presence of the Creator*, op. cit., p. 222.
97. Ис. 45:3.
98. J.A. West, *Ancient Egypt*, op. cit., p. 33.
99. Ис. Нав. 6:11—21.
100. I Цар. 6:13—19.
101. I Цар. 5.
102. Louis Ginzberg, *The Legends of the Jews*, The Jewish Publication Society of America, Philadelphia, 1911, vol. III, p. 194.
103. Исх. 3:8.
104. Исх. 16:35.
105. Кратчайшим маршрутом была «Дорога к морю» (известная египтянам как «Дорога Гора», а в Библии именуемая «дорогой земли Филистимской»). Другой путь, лишь немногим более длинный, пролегал южнее и назывался «дорогой к Суру». См.: Itzhaq Beit-Arieh, «The Route Through Sinai», *Biblical Archeology Review*, May/June 1988, p. 31.
106. Намеки на это присутствуют в Библии. Так, согласно 13-й главе Книги Исход, «когда же фараон отпустил народ, Бог не повел [его] по дороге земли Филистимской, потому что она близка; ибо сказал Бог: чтобы не раскаялся народ, увидев войну, и не возвратился в Египет. И обвел Бог народ дороною пустынною к Черемному морю. И вышли сыны Израилевы вооруженные из земли Египетской» (Исх. 13:17—18).
107. См., напр.: Исх. 14:9—13; Исх. 14:31; Исх. 15:22—24; Исх. 15:25; Исх. 16:2—3; Исх. 16:4—36; Исх. 17:1—4; Исх. 17:6—7.
108. Исх. 17:6—7.
109. Исх. 15:25.
110. Исх. 16:4—36.
111. Числ. 12:1—2; вся 12-я глава Книги Чисел.
112. Числ. 12:10.

113. Числ. 12:10.
114. Числ. 16:2—3.
115. Числ. 16:4.
116. Числ. 16:5—7, 17. См. также в Числ. 16:39 подтверждение того, что кадилъницы были медные. Выражение «положите в них огня и всыпьте в них курения пред Господом», вне всякого сомнения, подразумевает, что курения следовало возжечь перед ковчегом.
117. Числ. 16:7.
118. Числ. 16:18.
119. Числ. 16:19.
120. Числ. 16:20—21.
121. Числ. 16:22, 16:35. В связи с этим эпизодом следует добавить, что израильтяне не поверили, что мятежников покарал Господь. Вину за смерть этих «двухсот пятидесяти мужей» возложили на людей, управлявших ковчегом. В Числ. 16:41 утверждается: «...все общество сынов Израилевых возроптало на Моисея и Аарона и говорило: вы умертвили народ Господень».
122. Числ. 17:12—13.
123. Подробнее см. главу 12.
124. Деян. 7:23—24.
125. Исх. 2:12—15.
126. Исх. 7:7.
127. Исх. 2:15—25.
128. Ahmed Osman, *Moses: Pharaoh of Egypt*, Grafton Books, London, 1990, p. 171. Осман отождествляет Моисея с фараоном Эхнатоном, который ввел в Египте монотеистическую религию, но вскоре был свергнут с престола.
129. Описание экспедиции Флиндерса Петри на Серабит эль-Хадем см.: Werner Keller, *The Bible as History*, Bantam Books, New York, pp. 126—129. См. также: William M. Flinders Petrie, *Researches in Sinai*, Dutton, New York, 1906.
130. Itzhaq Beit-Arieh, «The Route Through Sinai», op. cit., p. 33. См. также: William F. Allbright, *The Proto-Sinaitic Inscriptions and their Decipherment*, Harvard University Press, 1969; Frank Moore Cross, «The Evolution of the Alphabet», *Eretz-Israel*, vol. 8, 1967, p. 12; Joseph Naveh, *Early History of the Alphabet*, Hebrew University, Jerusalem, 1982.
131. Itzhaq Beit-Arieh, «The Route Through Sinai», op. cit., p. 33.
132. Подробнее см., напр.: Aviram Perevolotsky and Israel Finkelstein, «The Southern Sinai Route in Ecological Perspective», *Biblical Archaeology Review*, July/August 1985, pp.

- 27, 33. См. также: *Egypt: Insight Guide*, APA Publications, Singapoure, 1989, pp. 243—246.
133. Подробнее см.: Aviram Perevolotsky and Israel Finkelstein, «The Southern Sinai Route in Ecological Perspective», *op. cit.*, p. 27.
134. *Ibid.*, p. 33.
135. *Ibid.*, pp. 27, 33. См. также: *Egypt: Insight Guide*, *op. cit.*, pp. 243—246; Itzhaq Beit-Arieh, «The Route Through Sinai», *op. cit.*
136. Ицхак Бейт-Арие приводит в своей статье «Путь через Синайскую пустыню» (Itzhaq Beit-Arieh, «The Route Through Sinai», *op. cit.*, p. 37) полезную карту с другими претендентами на роль библейской горы Синай. Он приходит к выводу, что израильтяне почти наверняка следовали через Синайскую пустыню южной дорогой, ведущей к той самой горе Синай, о которой здесь идет речь. Такого же мнения придерживаются составители «Хронологического атласа Библии» (*Times Atlas of the Bible*, Guild Publishing, London, 1987, p. 56.)
137. Wolfram von Eschebach, *Parzival*, Penguin Classics, London, 1980, p. 232.
138. См.: Julian Morgenstern, «The Book of Covenant», *Hebrew Union College Annual*, vol. V, 1928; «The Ark, the Ephod and the Tent of Meeting», *Hebrew Union College Annual*, vol. XVII, 1942—1943; reprinted by KTAV Publishing House, New York, 1968. См. также главу 3.
139. Menahem Haran, *Temples and Temple Service in Ancient Israel*, Oxford, Clarendon Press, 1968; reprinted 1985 by Eisenbrauns, Winona Lake, Indiana, USA, p. 246.
140. Исх. 19:3.
141. Исх. 19:12—13.
142. Исх. 19:16, 19:18.
143. Исх. 24:12.
144. Исх. 24:15—18.
145. См.: Louis Ginzberg, *The Legends of the Jews*, *op. cit.*, vol. III, pp. 118—119.
146. Исх. 31:18; 32:15—16.
147. Исх. 32:19.
148. Исх. 32:28.
149. Исх. 34:28.
150. Исх. 34:29.
151. Исх. 34:29.
152. Исх. 33:7: «Моисей же взял и поставил себе шатер вне стана, вдали от стана, и назвал его скинией собрания».
153. Исх. 33:11.
154. Louis Ginzberg, *The Legends of the Jews*, *op. cit.*, vol. III, p. 119.

155. Исх. 34:29—35.
 156. Исх. 34:30.
 157. Исх. 34:33.
 158. Исх. 34:34—35.
 159. См.: Moshe Levine, *The Tabernacle: Its Structure and Utensils*, Soncino Press, Tel Aviv, 1969, p. 88.
 160. См., напр.: *The Oxford Reference Dictionary*, Guild Publishing, London, 1988, p. 793, согласно которому длина ладони составляет 9 дюймов, т.к. около 23. См. также: *The Oxford Library of Words and Phrases*, Guild Publishing, London, 1988, vol. III, p. 451.
 161. Рабби Шломо Ицхак родился в Труа в 1040 г. н.э., а умер в 1105 г. Он более известен под именем Раши, которое представляет собой акроним его полного имени. См.: Geoffrey Wigoder (ed.), *The Encyclopedia of Judaism*, Jerusalem Publishing House, Jerusalem, 1989, p. 583.
 162. Исх. 39:1—32.
 163. См., напр.: Исх. 28:43, Лев. 10:6.
 164. Числ. 4:5—6, 4:15: «Когда стану надобно подняться в путь, Аарон и сыны его войдут, и снимут завесу закрывающую, и покроют ею ковчег откровения; и положат на нее покров из кож синего цвета, и сверх его накинута покрывало всё из голубой [шерсти], и вложат шесты его... тогда сыны Каафа подойдут, чтобы нести; но не должны они касаться святилища, чтобы не умереть».
 165. Ibid.
 166. См.: Louis Ginzberg, *The Legends of the Jews*, op. cit., vol. III, p. 228: «Особо отмечены из левитов были сыны Каафовы, обязанностью коих было нести священный ковчег во время переходов. То была опасная честь, ибо из шестов, на которых покоился ковчег, исходили искры, поражавшие врагов Израиля, но временами губившие и самих носильщиков».
 167. См.: Числ. 4:5—6, где сказано, что ковчег обертывали «завесой закрывающей», слоем кожи и слоем ткани. Когда разбирали стан и устанавливали скинию, эту «завесу закрывающую» вешали на входе в святая святых. Она состояла из «голубой, пурпуровой и червленной шерсти и крученого виссона» (Исх. 26:31). Как ни странно для столь важного аксессуара, она не содержала золота — равно как и «покров из кож» и «покрывало... из голубой шерсти». Иными словами, перед транспортировкой ковчег тщательно упаковывали в несколько слоев изолирующих материалов.
 168. Предположение о том, что опасные свойства ковчега были как-то связаны с электричеством, подкрепляется приведен-

- ным выше (см. прим. 166) еврейским преданием. Далее в той же легенде утверждается, что сыны Каафовы не только не гордились своей священной обязанностью, но всячески старались уклониться от нее, и «каждый замышлял, как бы препоручить переноску ковчега другому» (Louis Ginzberg, *The Legends of the Jews*, op. cit., vol. III, p. 228).
169. Лев. 10:2: «...и вышел огонь от Господа и сжег их, и умерли они пред лицом Господним» (Авторизованная версия короля Якова). В Иерусалимской библии тот же фрагмент переведен с использованием имени «Яхвс» — тайного имени Бога: «И вышло пламя от лица Яхве и пожрало их, и умерли они пред лицом Яхве». Здесь, как и во многих других схожих эпизодах, при упоминании «Господа», «Яхве» или «лица Яхве» недвусмысленно подразумевается именно ковчег.
170. Лев. 10:4—5.
171. I Цар. 5.
172. Например, убийство Озы, по описанию напоминающее смерть от мощного электрического разряда. См.: II Цар. 6:3—7.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ ГДЕ ЖЕ СЛАВА?

Глава 14. «Отошла слава от Израиля...»

1. См. выше, главу 5.
2. Первые два — Мекка и Медина. Подробнее о времени возведения Скальной мечети см.: Dan Balat, *Carta's Historical Atlas of Jerusalem*, Carta, Jerusalem, 1989, pp. 44—49.
3. См. выше, главу 12. См. также: Zev Vilnay, *Legends of Jerusalem: The Sacred Land*, vol. I, Jewish Publication Society of America, Philadelphia, 1973, pp. 11—12.
4. Подробнее см. выше, главу 5, а также далее в этой главе.
5. Подробнее см.: Jerome Murphy-O'Connor, *The Holy Land*, Oxford University Press, 1986, pp. 84—86.
6. См. выше, главу 5.
7. I Пар. 28:2.
8. Краткую историю этапов строительных работ и разрушений на Храмовой горе см.: *Carta's Historical Atlas of Jerusalem*, op. cit. Археологическое подтверждение того, что Скальная мечеть действительно возведена на месте Соломонова храма см.: Kathleen Kenyon, *Jerusalem: Excavation 3000 Years of History*, Thames & Hudson, London, 1967, p. 55; Kathleen Kenyon, *Digging up Jerusalem*, Benn, London, 1974, p. 100.

9. Ислам также признает Иисуса Христа как пророка. Однако в мусульманстве Мухаммед играет исключительную роль, поскольку он был последним из пророков, заключительным в череде вестников, несущим на себе божественную миссию — наставлять и просвещать человечество. Трудно все-речь спорить с тем, что Бог, которому поклоняются иудеи, христиане и мусульмане, — это, по существу, одно и то же божество. Все три религии признают *единственность* этого божества, хотя мусульмане полагают, что христиане придерживаются нескольких ошибочных догматов (например, о Троице и о божественности Иисуса Христа). Арабская надпись в Скальной мечети гласит: «О, люди Писания! Не преступайте [границ истины] в вере и говорите об Аллахе только истину. Ведь Мессия, Иса [Иисус], сын Марйам [Марии], — посланник Аллаха и Его слово, которое он поведал Марйам, [он] — дух, сотворенный Им. Веруйте же в Аллаха и Его посланников. И не говорите: [Бог] — это Троица. Удержитесь [от этих слов] — так будет лучше для вас. Воистину, Аллах — Единый Бог, пречист Он, и не может быть у Него ребенка».
10. См.: Zev Vilnay, *Legends of Jerusalem: The Sacred Land*, op. cit., pp. 123, 324, footnote 136. См. также Neil Asher Silberman, *Digging for God and Country: Exploration, Archaeology and the Secret Struggle for the Holy Land 1799—1917*, Knopf, New York, 1982, p. 186.
11. Сирийский Апокалипсис Варуха, цит. по: H.F.D. Sparks (ed.), *The Apocryphal Old Testament*, Clarendon, Oxford, 1989, pp. 843—844.
12. Ibid., см.: «Introduction in the Syriac Apocalypse of Baruch», особ. p. 837.
13. См. выше, главу 5.
14. См. выше, главу 12.
15. III Цар., 8:1, 6, 10—11, 27.
16. III Цар., 11:4—5.
17. III Цар., 4:30.
18. Каждое крыло составляло пять локтей (около 2,3 метра) в длину. См.: II Пар. 3:11, III Цар. 6:24. По переводу Иерусалимской Библии, херувимы были изготовлены из древесины оливкового дерева и покрыты золотом.
19. III Цар. 6:19.
20. 20x20x20 локтей. См.: III Цар. 6:20.
21. В II Пар. 3:8 утверждается, что на покрытие стен, пола и потолка святая святых ушло 600 талантов золота. Один талант — около 34 килограммов; следовательно, 600 талантов

- приблизительно составляют 20 400 кг — более 20 тонн. Более подробные сведения и научное подтверждение библейских данных о количестве золота, пошедшего на отделку Соломонова храма см.: Professor Alan R. Millard, «Does the Bible Exaggerate King Solomon's Golden Wealth?», *Biblical Archaeology Review*, May/June 1989, pp. 21—34. См. также: III Цар. 6:20, 22, 30.
22. II Пар. 3:9.
 23. III Цар. 7:13—14.
 24. Chretien de Troyes, *Arthurian Romances* (translated by D.D.R. Owen), Dent, London, 1987, p. 375.
 25. Wolfram von Eschenbach, *Parzival*, Penguin Classics, London, 1980. См. особ.: pp. 62—67, 70—71.
 26. См.: Kenneth Mackenzie, *The Royal Masonic Cyclopaedia*, Aquarian Press, Wellingborough, 1987 (first published 1877), pp. 316—317. См. также: Alexander Horne, *King Solomon's Temple in the Masonic Tradition*, Aquarian Press, Wellingborough, 1988, pp. 262—268, 272—279. Тирского ремесленника Хирама не следует путать с *царем* Хирамом Тирским, который снабдил Соломона кедровым деревом для строительства храма и послал ему в помощь искусных мастеров.
 27. John J. Robinson, *Born in Blood*, op. cit., p. 219.
 28. III Цар. 7:23, 26.
 29. См.: Shalom M. Paul and Willian G. Dever (eds.), *Biblical Archaeology*, Keter Publishing House, Jerusalem, 1973, part III, p. 257.
 30. Bruce Metzger, David Goldstein, John Ferguson (eds.), *Great Events of Bible Times*, Guild Publishing, London, 1987, p. 89.
 31. Shalom M. Paul and Willian G. Dever (eds.), *Biblical Archaeology*, op. cit., p. 257.
 32. III Цар. 7:38.
 33. См. выше, главу 12.
 34. См. выше, главу 11.
 35. III Цар. 7:40, 45.
 36. III Цар. 7:15, 21—22.
 37. Kenneth Mackenzie, *The Royal Masonic Cyclopaedia*, op. cit., pp. 349—350. См. также: David Stevenson, *The Origins of Freemasonry*, Cambridge University Press, 1990, pp. 143—152.
 38. Alexander Horne, *King Solomon's Temple in the Masonic Tradition*, op. cit., p. 219.
 39. Ibid.
 40. Ис. Нав. 15:48; Суд. 10:1; Суд. 10:2; I Пар. 24:24.

41. Ср. Второзаконие 27:5: «...и устрой там жертвенник Господу Богу твоему, жертвенник из камней, не поднимая на них железа». См. также: Ис. Нав. 8:31.
42. По преданию, Моисей использовал шамир в пустыне, чтобы наносить надписи на драгоценные камни, украшавшие нагрудник первосвященника. См.: Louis Ginzberg, *The Legends of the Jews*, Jewish Publication Society of America, Philadelphia, 1909, vol. I, p. 34; vol. IV, p. 166.
43. Ibid., vol. I, p. 34.
44. Ibid., vol. IV, p. 166.
45. Ibid., vol. I, p. 34. Об исчезновении шамира см. также: Herbert Danby (transl.), *The Mishnah*, Oxford University Press, 1989, p. 305.
46. Louis Ginzberg, *The Legends of the Jews*, op. cit., vol. I, p. 34.
47. Из исламских преданий о шамире, по изд. Alexander Horne, *King Solomon's Temple in the Masonic Tradition*, op. cit., p. 165.
48. *Jerusalem Bible*, Eyre & Spottiswoode, London, 1968, Chronological Table, p. 344.
49. III Цар. 14:25—26.
50. Единственные особо упомянутые предметы — «золотые щиты, которые сделал Соломон» (III Цар. 14:26).
51. Подробнее см.: Professor Kenneth A. Kitchen, «Shishak's Military Campaign in Israel Confirmed», *Biblical Archaeology Review*, May/June 1989, pp. 32—33. См. также: Bruce Metzger, David Goldstein, John Ferguson (eds.), *Great Events of Bible Times*, op. cit., pp. 94—95.
52. Ibid., p. 95.
53. Ibid., p. 94. Эту точку зрения высказывает также видный специалист по данному вопросу профессор Менахем Харан из Еврейского университета (Иерусалим) в своей книге Professor Menahem Haran, *Temples and Temple Service in Ancient Israel*, Clarendon Press, Oxford, 1978, reprinted (with corrections) by Eisenbrauns, Winona Lake, Indiana, 1985, p. 286: «Можно сделать вывод, что египетская армия обогнула Иерусалим с севера, продвигаясь по маршруту от Аиалона до Вефорона и Гаваона и далее на северо-восток до Цемараима и вступив в долину Иордана в местности Суккот. Представляется, что кампания Шишака была направлена главным образом против Северного царства. Лишь часть его войск, по-видимому, дошла через пустыню Негев до Арада, не приближаясь к Иудейским холмам. Поэтому не исключено, что сокровища храма и сокровища царского дома вкупе с «золотыми щитами, которые сделал Соломон», Сусакиму передал сам Ровоам. Благодаря этому ему удалось убе-

- речь свои земли от вторжения египетской армии. Именно так, с нашей точки зрения, и следует понимать сообщение о том, что Сусахим «взял» все эти сокровища. В III Цар. 14:25—26 описана лишь часть маршрута Сусахима, представленная с точки зрения жителей Иерусалима».
54. Professor Menahem Haran, *Temples and Temple Service in Ancient Israel*, op. cit., p. 284.
 55. Ibid., pp. 284—285. В числе иудейских царей, опустошавших сокровищницы в своих личных целях, — Ахаз и Езекия. См.: II Цар. 28:24 и IV Цар. 18:15—16.
 56. *Jerusalem Bible*, op. cit., Chronological Table, p. 344. Иоас царствовал в 798—783 гг. до н.э. В IV Цар. 14:1 утверждается, что конфликт между Иоасом и Амасией произошел на втором году правления Иоаса, — т.е. в 796 году до н.э.
 57. IV Цар. 14:12—14.
 58. Professor Menahem Haran, *Temples and Temple Service in Ancient Israel*, op. cit., pp. 277, 285, footnote 19.
 59. *Jerusalem Bible*, op. cit., Chronological Table, p. 346. См. также перевод IV Книги Царств, pp. 423—424.
 60. IV Цар. 24:10—13.
 61. Professor Menahem Haran, *Temples and Temple Service in Ancient Israel*, op. cit., p. 287. В Авторизованной версии короля Якова термин «гекал» передан более общим понятием «храм», что послужило причиной путаницы для многих поколений ученых, не имевших возможности обратиться к древнееврейскому оригиналу. Гекал — это всего лишь часть храма, внешнее святилище, служившее преддверием к святой святым.
 62. Подробнее см. выше, главу 11.
 63. См.: Professor Edward Ullendorf, «Hebraic-Jewish Elements in Abyssinian (Monophysite) Christianity», in *Journal of Semitic Studies*, vol. I, no. 3, 1956, p. 235.
 64. Ibid., pp. 235—236: «Внешняя галерея, первая из трех концентрических частей абиссинской церкви (круглой, восьмиугольной или прямоугольной в плане) называется *кене махлет*, что означает место, где поют псалмы и где стоят *дебтара* — певчие. Эта внешняя часть соответствует *хасеру* скинии или *уламу* Соломонова храма. Следующее помещение — *кеддест*, где совершается обряд причастия; внутреннее же святилище, где хранятся *таботат*, называется *макдас*, и доступ туда имеют только священнослужители. В некоторых районах Абиссинии, особенно на севере, *кеддест* (*кодеш* скинии или *гекал* Соломонова храма) именуется *эн-да таамер* — «место чуда», а *макдас* — *кеддуса кеддусам*

- (*кодеи хаккодасим* скинии и *давир* храма). Это разделение на три части соблюдается во всех абиссинских храмах, даже в самых маленьких».
65. Из перевода можно заключить, что это был просто акт бессмысленного вандализма; однако я впоследствии выяснил, что дело обстояло не совсем так. «Изломал» — перевод древнееврейского слова, обозначающего не только разламывание на части, но и сдирание металлических пластин с покрытых ими предметов. Этот нюанс существенен, поскольку в Библии недвусмысленно утверждается, что в число «золотых украшений», стоявших в гекале, входили «жертвенник» и «стол для хлебов предложения»; и тот и другой — деревянные, покрытые золотом. Подробнее см.: Professor Menahem Haran, *Temples and Temple Service in Ancient Israel*, op. cit., p. 287, footnote 23.
 66. III Цар. 7:49—50.
 67. «И внесли священники ковчег Завета Господня на место его, в давир храма, во Святое Святых, под крылья херувимов» (III Цар. 8:6).
 68. Об этом свидетельствует их обращение с царем Иехонией (IV Цар. 24:11—12), насильственное переселение многих жителей Иерусалима в Вавилон (IV Цар. 24:14—16) и разграбление храма Яхве (IV Цар. 24:13).
 69. Исследовательские статьи на эту тему предоставлены Дэвидом Кейсом, корреспондентом археологической рубрики «Индепендент», Лондон.
 70. IV Цар. 24:17.
 71. IV Цар. 25:1.
 72. IV Цар. 25:1—3. Даты этих событий я привел по хронологической таблице из Иерусалимской Библии: *Jerusalem Bible*, op. cit., Chronological Table, p. 346. Однако некоторые археологи датируют окончание осады и разрушение храма 586 годом до н.э.; см., напр.: Kathleen Kenyon, *Jerusalem: Excavation 3000 Years of History*, op. cit., p. 55.
 73. IV Цар. 25:8. Следует заметить, что ученые расходятся в датировке этих событий: одни полагают, что это произошло в 587-м, другие — в 586 году до н.э.
 74. IV Цар. 25:8—10, 13—16. Параллельный перечень, ни в чем не противоречащий данному и также не включающий упоминаний о ковчеге Завета, приведен в Иер. 52:17—23.
 75. Точку зрения, согласно которой в число золотых и серебряных трофеев, захваченных Навуходоносором, входили лишь далеко не самые ценные предметы, подкрепляет параллельный список из Иер. 52:17—23, где в стихе 19 прямо

утверждается, что начальник телохранителей взял «блюда, и шипцы, и чаши, и котлы, и лампы, и фимиамники, и кружки, что было золотое — золотое, и что было серебряное — серебряное». См. также: Иер. 27:18—22, где говорится о предметах, *не* захваченных Навуходоносором в 598 году до н.э., и предрекается, что они будут взяты после второго завоевания города: «А если они пророки, и если у них есть слово Господне, то пусть ходатайствуют пред Господом Саваофом, чтобы сосуды, остающиеся в доме Господнем и в доме царя Иудейского и в Иерусалиме, не перешли в Вавилон. Ибо так говорит Господь Саваоф о столбах и о [медном] море и о подножиях и о прочих вещах, оставшихся в этом городе, которых Навуходоносор, царь Вавилонский, не взял, когда Иехонию, сына Иоакима, царя Иудейского... в Вавилон, ибо так говорит Господь Саваоф, Бог Израилев, о сосудах, оставшихся в доме Господнем и в доме царя Иудейского и в Иерусалиме: они будут отнесены в Вавилон и там останутся до того дня, когда Я посету их, говорит Господь, и выведу их и возвращу их на место сие».

76. См., например: Kathleen Kenyon, *Royal Cities of the Old Testament*, Barns & Jenkins, London, 1971, p. 148: «Возможно, ковчег погиб при пожаре в храме, хотя в последний раз эта реликвия была упомянута в связи с помещением ее в святая святых во времена Соломона».
77. IV Цар. 24:15—16.
78. IV Цар. 25:11, 21.
79. Пс. 137:1—6.
80. *Jerusalem Bible*, op. cit., Chronological Table, p. 346.
81. Peter Calvocoressi, *Who's Who in the Bible*, Penguin, London, 1988, p. 45.
82. Ibid.
83. Ездр. 1:7—11.
84. *Jerusalem Bible*, op. cit., Chronological Table, p. 346.
85. Ibid. См. также: Ездр. 3:8, 5:16.
86. В хронологической таблице из Иерусалимской Библии окончание строительства датируется 515 годом до н.э. (*Jerusalem Bible*, op. cit.). В «Энциклопедии иудаизма» приводятся несколько более ранние даты — 520—517 гг. до н.э. См.: Geoffrey Wigoder (ed.), *The Encyclopedia of Judaism*, Jerusalem Publishing House, Jerusalem, 1989, p. 694.
87. *Hebrew-English Edition of the Babylonian Talmud*, Soncino Press, London, Jerusalem, New York, 1974, *Tractate Yoma*, 21b.
88. См. также: Louis Ginzberg, *The Legends of the Jews*, op. cit., vol. VI, p. 442: «Следующие пять предметов имелись только в

- первом храме: небесный огонь, священное масло для умащения, ковчег, дух святой и урим и туммим». Библейские упоминания об урине и туммиме см.: Исх. 28:30, Лев. 8:8, Ездр. 2:63 и Неем. 7:65.
89. Zev Vilnay, *Legends of Jerusalem: The Sacred Land*, op. cit., vol. I, p. 123. См. также: Louis Ginzberg, *The Legends of the Jews*, op. cit., vol. VI, p. 378: «Соломон при воздвижении храма соорудил тайник, дабы впоследствии в нем можно было прятать священные предметы».
 90. *Hebrew-English Edition of the Babylonian Talmud*, op. cit., *Tractate Yoma*, 53b.
 91. *Jerusalem Bible*, op. cit., Chronological Table, p. 345.
 93. Louis Ginzberg, *The Legends of the Jews*, op. cit., vol. IV, p. 282. См. также: *Hebrew-English Edition of the Babylonian Talmud*, op. cit., *Tractate Yoma*, 52b; C. Roth, G. Wigoder (eds.), *The New Standard Encyclopaedia of Judaism*, W.H. Allen, London, 1970, p. 158.
 94. Louis Ginzberg, *The Legends of the Jews*, op. cit., vol. III, p. 158.
 95. Ibid.
 96. Herbert Danby (transl.), *The Mishnah*, op. cit., p. 158. См. также: Zev Vilnay, *Legends of Jerusalem: The Sacred Land*, op. cit., p. 122.
 97. См. статью о Книгах Маккавейских в F.L. Cross and E.A. Livingstone (eds.), *The Oxford Dictionary of the Christian Church*, Oxford University Press, 1988, p. 855.
 98. Ibid. Во «Введении к Книгам Маккавейским» (*Jerusalem Bible*, op. cit.) указывается, что, по всей вероятности, 2-я Книга Маккавейская была написана около 63 года до н.э.
 99. 2 Макк. 2:1, 4—5.
 100. *Jerusalem Bible*, op. cit., p. 605, сноска 2а и «Введение к Книгам Маккавейским», p. 569.
 101. F.L. Cross and E.A. Livingstone (eds.), *The Oxford Dictionary of the Christian Church*, op. cit., p. 855.
 102. Иеремия родился около 650 года до н.э. Точная дата его смерти неизвестна; полагают, что он умер в течение десяти лет после разрушения Соломонова храма. См.: F.L. Cross and E.A. Livingstone (eds.), *The Oxford Dictionary of the Christian Church*, op. cit., pp. 730—731. См. также: Peter Calvocoressi, *Who's Who in the Bible*, op. cit., pp. 101—102.
 103. 2 Макк. 2:1, 4.
 104. См.: Втор. 34:1.
 105. Гора Нево находится на восточном побережье Мертвого моря, на территории современного государства Иордания, неподалеку от Иерусалима и Иерихона.

106. Из-за того, что он предсказывал — и с радостью предвкусывал! — разрушение храма, усматривая в Навуходоносоре избранное Богом орудие наказания Иудеи. «Ему нередко грозила опасность от рук своих же соплеменников. Он подвергался физическим нападениям и несколько лет был вынужден скрываться от преследователей» (Peter Calvo-coressi, *Who's Who in the Bible*, op. cit., p. 101). См. также: F.L. Cross and E.A. Livingstone (eds.), *The Oxford Dictionary of the Christian Church*, op. cit., p. 730: Иеремия столкнулся с «враждебностью со стороны официальных представителей иудейской религии».
107. Louis Ginzberg, *The Legends of the Jews*, op. cit., vol. IV, p. 320: «Священный ковчег, жертвенник каждений и священную скинию ангел перенес на гору, с которой Моисей перед смертью обозревал землю, уделенную от Бога Израилю. Там Иеремия нашел просторную пещеру, в которой спрятал эти священные предметы».
108. Подробнее о Стене плача и нынешнем политико-религиозном статусе Храмовой горы см. соответствующие статьи в Geoffrey Wigoder (ed.), *The Encyclopedia of Judaism*, op. cit., pp. 696—697, 727—729.
109. См.: Meir Ben-Dov, *In the Shadow of the Temple: the Discovery of Ancient Jerusalem*, Harper & Row, New York, 1985, p. 24.
110. Ibid., p. 25.
111. Ibid., pp. 19—20.
112. См.: Geoffrey Wigoder (ed.), *The Encyclopedia of Judaism*, op. cit., pp. 695, 481—483.
113. Meir Ben-Dov, *In the Shadow of the Temple*, op. cit. См. в особенности главу 2 — «Развалины Иудейского царства». Остальные главы этой замечательной книги, начиная со стр. 57, посвящены археологическим находкам, относящимся к другим периодам истории.
114. Ibid., pp. 16—18. См. также: Neil Asher Silberman, *Digging for God and Country: Exploration, Archaeology and the Secret Struggle for the Holy Land 1799—1917*, Knopf, New York, 1982, pp. 89—99.
115. Neil Asher Silberman, *Digging for God and Country*, op. cit., pp. 89—99.
116. Ibid., p. 93.
117. Ibid., pp. 94—97.
118. Meir Ben-Dov, *In the Shadow of the Temple*, op. cit., p. 18.

119. Kathleen Kenyon, *Digging up Jerusalem*, op. cit., p. 31.
120. См.: Neil Asher Silberman, *Digging for God and Country*, op. cit., pp. 180—188. Из этой полезной и содержательной работы я почерпнул и дальнейшие сведения об экспедиции Паркера.
121. Ibid.
122. Kathleen Kenyon, *Digging up Jerusalem*, op. cit., p. 30.
123. См.: «Tom Crotser has found the Ark of the Covenant — or has he?», *Biblical Archeology Review*, May/June 1983, pp. 66—67.
124. Ibid., p. 66—67.
125. Ibid., p. 66.
126. Ibid., p. 67.
127. Ibid., p. 68, цит. по отзыву журналиста ЮПИ Даррелла Дэя.
128. Ibid., p. 68.
129. Ibid., p. 68.
130. Ibid., p. 68.
131. Ibid., pp. 68—69.
132. Ibid., p. 69.
133. Richard Elliott Friedman, *Who Wrote the Bible?*, Jonathan Cape, London, 1988, p. 156.
134. Ibid.

Глава 15. Тайная история

1. Richard Elliott Friedman, *Who Wrote the Bible?*, Jonathan Cape, London, 1988, p. 156.
2. Sie E.A. Wallis Budge, *The Queen of Sheba and her Only Son Menelik: being the «Book of the Glory of Kings» (Kebra Nagast)*, Oxford University Press, 1932, pp. 99—100.
3. Josephus, *Jewish Antiquities*, Loeb Classical Library (Heinemann), London, 1934, books V — VIII, p. 665.)
4. III Цар. 10:2.
5. E.A. Wallis Budge, *A History of Ethiopia, Nubia and Abyssinia*, London, 1928, Preface.
6. См.: David L. Edwards, *A Key to the Old Testament*, Fount Paperbacks, London, 1989, pp. 209—211, особ. p. 210.
7. Ibid., См. также: Richard Elliott Friedman, *Who Wrote the Bible?*, op. cit., p. 146.
8. III Цар. 8:6—8.
9. См.: David L. Edwards, *A Key to the Old Testament*, op. cit., p. 210.
10. William Shakespeare, *Hamlet*, Act III, Scene 2, line 25.

11. Julian Morgenstern, «The Book of the Covenant», in *Hebrew Union College Annual*, vol. V, 1928, reprinted by KTAV Publishing House, New York, 1968, p. 29, footnote 37.
12. III Цар. 8:9; в русском синодальном переводе фрагмент, выделенный курсивом, отсутствует.
13. Втор. 10:5.
14. Julian Morgenstern, «The Book of the Covenant», op. cit., p. 29, footnote 37.
15. Ibid.
16. Louis Ginzberg, *The Legends of the Jews*, Jewish Publication Society of America, Philadelphia, 1909, vol. IV, p. 282.
17. *Hebrew-English Edition of the Babylonian Talmud*, Soncino Press, London, Jerusalem, New York, 1974, *Tractate Yoma* 53b.
18. John Oates, *Babylon*, Thames & Hudson, London, 1988, p. 128.
19. Ibid., pp. 126—129.
20. II Пар. 34:33, 35:2—3.
21. II Пар. 35:19 (ср. II Пар. 35:1—3).
22. Эта дата получена посредством простых расчетов: известно, что Иосия взшел на трон в 640 году до н.э. (см.: *Jerusalem Bible*, Eyre & Spottiswoode, London, 1968, Chronological Table, p. 345), следовательно, 18-й год его царствования — 622 до н.э.
23. Иеремия был призван к пророческому служению в 626 году до н.э. (см.: Geoffrey Wigoder [ed.], *The Encyclopaedia of Judaism*, Jerusalem Publishing House, Jerusalem, 1989, p. 380). Цитируемые далее стихи я датирую 626 годом до н.э. по той причине, что ведущие специалисты по Библии называют их в числе «самых ранних пророчеств Иеремии». См.: Menahem Haran, *Temples and Temple Service in Ancient Israel*, Clarendon Press, Oxford, 1978, reprinted in 1985 by Eisenbrauns, Winona Lake, Indiana, p. 281.
24. Иер. 3:16—17.
25. Тот факт, что авторство Книги пророка Иеремии принадлежит самому Иеремии, не вызывает сомнений (хотя, по всей вероятности, книга записывалась под диктовку). См., среди прочего: Geoffrey Wigoder (ed.), *The Encyclopaedia of Judaism*, op. cit., pp. 380—381; *Jerusalem Bible*, op. cit., «Введение» к Книге пророка Иеремии, p. 1067; F.L. Cross and E.A. Livingstone (eds.), *The Oxford Dictionary of the Christian Church*, Oxford University Press, 1988, pp. 730—731.

26. Menahem Haran, *Temples and Temple Service in Ancient Israel*, op. cit., p. 281.
27. См.: *Jerusalem Bible*, op. cit., Chronological Table, pp. 344—345. Имена пятнадцати царей, правивших в период от Соломона до Иосии: Ровоам, Авия, Аса, Иосафат, Иорам, Охозия, Гофолия (царица), Иоас, Амасия, Озия, Иофам, Ахаз, Езекия, Манассия и Амон.
28. *The Holy Bible, King James Version* (Electronic First Edition, KJ21), Franklin Computer Corporation, New Jersey, 1989. Этот великолепный исследовательский инструмент не раз оказал мне бесценную помощь в ходе моих исследований.
29. См.: Числ. 12:10, а также главу 13 настоящей книги.
30. Исх. 25:22, Числ. 7:89, I Цар. 4:4, II Цар. 6:2, I Пар. 13:6.
31. IV Цар. 7:3.
32. *Jerusalem Bible*, op. cit., Chronological Table, p. 345.
33. II Пар. 26:16.
34. II Пар. 26:19.
35. См.: Лев. 10:1—2.
36. См. выше, главы 12—13.
37. II Пар. 26:21—23.
38. Geoffrey Wigoder (ed.), *The Encyclopaedia of Judaism*, op. cit., p. 575: «точно датировать отдельные псалмы невозможно».
39. F.L. Cross and E.A. Livingstone (eds.), *The Oxford Dictionary of the Christian Church*, op. cit., p. 1139. См. также: Geoffrey Wigoder (ed.), *The Encyclopaedia of Judaism*, op. cit., pp. 574—576; Steven Bigger (ed.), *Creating the Old Testament: The Emergence of the Hebrew Bible*, Blackwell, Oxford, 1989, pp. 254—258.
40. Иез. 10:2, Иез. 10:6, Иез. 10:7.
41. По вопросу о датировке Книги пророка Иезекииля см.: «The Book of the Prophet Ezekiel», *The Cambridge Bible Commentary*, Cambridge University Press, 1974, Historical Table, p. xi.
42. Иез. 8:1—3: «и поднял меня дух между землею и небом, и принес меня в видениях Божиих в Иерусалим».
43. Иез. 10:20—22, особ. 21.
44. Иез. 10:1, 10:15, 10:20.
45. Иез. 10:19, 10:5.
46. Ис. 37:16; IV Цар. 19:15.
47. Ис. 37:14—16.
48. IV Цар. 19:14—15.
49. Библиисты единодушно сходятся в том, что главы 1—39 Книги пророка Исайи, включая, разумеется, и рассматриваемую главу, были написаны самим Исайей. См.: Geoffrey Wigoder (ed.), *The Encyclopaedia of Judaism*, op. cit., p. 369. См.

- также: *Jerusalem Bible*, op. cit., «Введение» к Книге пророка Исайи, p. 970; Peter Calvocoressi, *Who's Who in the Bible*, Penguin, London, 1988, pp. 87—88. Некоторые из последующих глав Исайи, начиная с 40-й и далее, были написаны позже. Однако древность 37-й главы — той самой, в которой встречается выражение «между херувимами», — не подлежит сомнению. Более того, поскольку в этой главе упоминается известной историческое событие — вторжение Сенахирима, — ее можно точно датировать 701 годом до н.э. (см.: *Jerusalem Bible*, op. cit., Chronological Table, p. 345; F.L. Cross and E.A. Livingstone (eds.), *The Oxford Dictionary of the Christian Church*, op. cit., p. 715).
50. См.: *Jerusalem Bible*, op. cit., «Введение» к Книге пророка Исайи, p. 970. См. также: F.L. Cross and E.A. Livingstone (eds.), *The Oxford Dictionary of the Christian Church*, op. cit., p. 715.
51. Ис. 6:1—3; *Jerusalem Bible*, op. cit., p. 970.
52. Даты приведены по: *Jerusalem Bible*, op. cit., Chronological Table, p. 345.
53. F.L. Cross and E.A. Livingstone (eds.), *The Oxford Dictionary of the Christian Church*, op. cit., p. 715. См. также: *Handbook to the Bible*, Lion Publishing, London, 1988, p. 376. См. также: Geoffrey Wigoder (ed.), *The Encyclopaedia of Judaism*, op. cit., p. 369: «Современные ученые полагают, что Книга Исайи представляет собой компиляцию текстов нескольких пророков и что самому Исайе принадлежат только главы 1—39». Приведенные выше стихи из 37-й главы попадают в этот интервал.
54. Ис. 37:6—7. См. также: *Handbook to the Bible*, op. cit., p. 376; Geoffrey Wigoder (ed.), *The Encyclopaedia of Judaism*, op. cit., p. 369.
55. Ис. 37:14.
56. Ис. 37:17—20.
57. Ис. 37:33, 37:35.
58. Ис. 37:36—37.
59. См., напр.: Paul Johnson, *A History of the Jews*, Weidenfeld & Nicolson, London, 1988, p. 73.
60. Ibid.
61. См. выше, главы 12—13.
62. Ис. 37:14.
63. Ис. 37:14.
64. III Цар. 3:15.
65. II Цар. 6:5.
66. Втор. 10:8.

67. Даты приведены по: *Jerusalem Bible*, op. cit., Chronological Table, p. 345.
68. IV Цар. 21:2—7.
69. *Jerusalem Bible*, op. cit., p. 419. См. также: Irving M. Zeitlin, *Ancient Judaism*, Polity Press, Cambridge, 1986, p. 173.
70. III Цар. 6:19. Подразумеваемая именно ковчег Завета, Соломон вопрошал: «Поистине, Богу ли жить на земле? Небо и небо небес не вмещают Тебя, тем менее сей храм, который я построил, но призри на молитву раба Твоего и на прошение его, Господи Боже мой; услышь воззвание и молитву, которою раб Твой умоляет Тебя ныне. Да будут очи Твои отверсты на храм сей день и ночь, на сие место, о котором Ты сказал: «Мое имя будет там»; услышь молитву, которою будет молиться раб Твой на месте сем» (III Цар. 8:27—29). См. также: II Цар. 6:2: «...ковчег Божий, на котором нарицается имя Господа Саваофа, сидящего на херувимах».
71. См., напр.: I Пар. 28:2.
72. IV Цар. 21:16.
73. IV Цар. 21:20—21, 21:23—24.
74. IV Цар. 22:1.
75. II Пар. 34:3.
76. II Пар. 34:3.
77. IV Цар. 23:6.
78. II Пар. 34:7—8.
79. IV Цар. 22:6.
80. Professor Menahem Haran, *Temples and Temple Service in Ancient Israel*, op. cit., pp. 277, 278, 288, 281.

Глава 16. Врата южных стран

1. Jill Kamil, *Upper Egypt*, Longman, London and New York, 1989, p. 35.
2. *Ibid.*, p. 36.
3. Bezalel Porten, *Archives from Elephantine: the Life of an Ancient Jewish Military Colony*, University of California Press, Berkeley, Los Angeles, 1968, p. 110. «Длина храма составляла по меньшей мере шестьдесят локтей. Ширину — приблизительно двадцать локтей — можно оценить с учетом двух зданий стоящих по соседству, к северо-востоку от храма». Локоть равнялся приблизительно 45 сантиметрам; см.: Dr. J. H. Hertz (ed.), *The Pentateuch and the Haftorahs*, Soncino Press, London, 1978, p. 327; *Jerusalem Bible*, Eyre & Spottiswoode, London, 1968, footnote (b) p. 887.

4. Bezalel Porten, *Arch ives from Elephantine*, op. cit., p. 110.. Любопытно, что, по указаниям в Библии, такие же размеры имел храм Соломона в Иерусалиме: III Цар. 6:2: «...длиною был в шестьдесят локтей, шириною в двадцать».
5. Emil G. Kraeling (ed.), *The Brooklyn Museum Aramaic Papyri: New Documents of the fifth century BC from the Jewish Colony at Elephantine*, Published for the Brooklyn Museum by the Yale University Press, New Haven and London, 1953, p. 101.
6. III Цар. 6:9.
7. Bezalel Porten, *Archives from Elephantine*, op. cit., p. 133; Emil G. Kraeling (ed.), *The Brooklyn Museum Aramaic Papyri*, op. cit., p. 100.
8. Bezalel Porten, *Archives from Elephantine*, op. cit., pp. 13, 133.
9. Ibid., pp. 109, 152. См. также: Emil G. Kraeling (ed.), *The Brooklyn Museum Aramaic Papyri*, op. cit., p. 85.
10. См., напр.: Числа 10:33, 35—36.
11. Т.е. после обнаружения Девтерономического кодекса в период царствования Иосии; см.: Emil G. Kraeling (ed.), *The Brooklyn Museum Aramaic Papyri*, op. cit., p. 85.
12. Ibid., p. 85.
13. Ibid., p. 85.
14. Ibid., pp. 115—116.
15. Bezalel Porten, *Archives from Elephantine*, op. cit., p. 299.
16. См. выше, главу 15.
17. Bezalel Porten, *Archives from Elephantine*, op. cit., pp. 121—122.
18. Ibid., p. 115.
19. Ibid., pp. 115—116.
20. I Пар. 28:2.
21. Emil G. Kraeling (ed.), *The Brooklyn Museum Aramaic Papyri*, op. cit., p. 24.
22. См. выше, главу 14.
23. В 609 г. до н.э. См.: IV Цар. 23:29—30. См. также: Bruce Metzger, David Goldstein, John Ferguson (eds.), *Great Events of the Bible Times*, Guild Publishing, London, 1989, p. 105; *Jerusalem Bible*, op. cit., Chronological Table, p. 345.
24. Например, в 30-е гг. XX века итальянский ученый Игнацио Гвиди выдвинул именно такое предположение в своей работе Ignazio Guidi, *Storia della letteratura etiopica*, Rome, 1932, p. 95. Позднее, в 1960 г., бывший президент Израиля заявил, что разгадку происхождения фалаша следует искать именно на Элефантине (Y. Ben-Zvi, *Erets Israel*, Jerusalem, 1960, vol. VI, p. 146). Но самым убедительным образом эту гипотезу недавно изложил Дэвид Кесслер, президент лондонской Ас-

- социации социального обеспечения фалаша и автор великолепной книги: David Kessler, *The Falashas: the Forgotten Jews of Ethiopia*, Schocken, New York, 1985; см. в особенности pp. 41—47.
25. «Выдвигаемая время от времени гипотеза происхождения фалаша из еврейского гарнизона на Элефантине, равно как и предположение о том, что элементы иудаизма проникли в Абиссинию через Египет, лишены сколько-нибудь надежных исторических оснований» (Edward Ullendorf, *Ethiopia and the Bible*, published for the British Academy by the Oxford University Press, 1988, p. 117).
 26. Эту точку зрения Дэвид Кесслер аргументирует особенно убедительно; см.: David Kessler, *The Falashas*, op. cit.
 27. См. выше, главу 6.
 28. Bezalel Porten, *Archives from Elephantine*, op. cit., p. 201.
 29. См. выше, главу 6.
 30. Bezalel Porten, *Archives from Elephantine*, op. cit., pp. 109, 154—155; Emil G. Kraeling (ed.), *The Brooklyn Museum Aramaic Papyri*, op. cit., p. 91.
 31. Bezalel Porten, *Archives from Elephantine*, op. cit., p. 155.
 32. См. выше, главу 6.
 33. III Цар., 8:54.
 34. Bezalel Porten, *Archives from Elephantine*, op. cit., p. 19.
 35. Ibid., p. 20.
 36. Emil G. Kraeling (ed.), *The Brooklyn Museum Aramaic Papyri*, op. cit., pp. 102—103.
 37. См. выше, главу 9.
 38. James Bruce, *Travels to Discover the Source of the Nile in years 1768, 1769, 1770, 1771, 1772 and 1773*, Edinburgh, 1790, vol. IV, pp. 538—539. Независимое подтверждение того, что шотландский путешественник действительно открыл развалины Мерое, см.: Y. Adams, *Nubia: Corridor to Africa*, Allen Lane, Princeton University Press, 1984, p. 295.
 39. Bezalel Porten, *Archives from Elephantine*, op. cit., p. 45.
 40. См.: Professor Edward Ullendorf, *The Ethiopians: An Introduction to Country and People*, Oxford University Press, 1973, pp. 1—2.
 41. Например, в 592 году до н.э. См.: Bezalel Porten, *Archives from Elephantine*, op. cit., p. 15.
 42. Herodotus, *History*, translated by David Green, the University of Chicago Press, Chicago and London, 1988, pp. 142—143.
 43. Геродот прямо упомянул Псамметиха II. Даты приведены по John Baines and Jaromir Malek, *Atlas of Ancient Egypt*, Equinox Books, Oxford, 1990, p. 37.

44. Bezalel Porten, *Archives from Elephantine*, op. cit., p. 8, цитата из «письма Аристея».
45. Сэр Э.А. Уоллис Бадж, неутомимый исследователь Древнего Египта, также проанализировал сообщение Геродота и самостоятельно пришел к тому же выводу, что «земля перебежчиков» «наверняка находилась где-то на западе Абиссинии». См.: Sir E.A. Wallis Budge, *A History of Ethiopia, Nubia and Abyssinia*, London, 1928, p. 62.
46. Edward Ullendorf, *Ethiopia and the Bible*, op. cit., p. 5.
47. Числ. 12:1
48. См., напр.: Josephus, *Jewish Antiquities* (translated by H. St. J. Thackeray), Loeb Classical Library (Heinemann), London, 1978, vol. IV (books I—IV), pp. 269—275. См. также: Louis Ginzberg, *Legends of the Jews*, Jewish Publication Society of America, Philadelphia, 1909, vol. V, pp. 407—410. Обсуждение см.: Tessa Rajak, «Moses in Ethiopia: Legend and Literature», *Journal of Jewish Studies*, Oxford Centre for Postgraduate Hebrew Studies, vol. 29, no. 2, Autumn 1978.
49. Быт. 2:13.
50. См. выше, часть III.
51. См.: Major R.E. Cheesman, *Lake Tana and the Blue Nile: An Abyssinian Quest*, Cass, London, 1936, pp. 71, 75. См. также: Edward Ullendorf, *Ethiopia and the Bible*, op. cit., p. 2. По поводу эфиопских преданий о Голубом Ниле — Гихоне — Уллендорф утверждает, что «нет никаких веских оснований сомневаться в правильности такого отождествления».
52. Jon D. Levenson, *Sinai and Zion: An Entry into the Jewish Bible*, Harper & Row, San Francisco, 1987, p. 10.
53. Пс. 67:1: «Да восстанет Бог, и расточатся враги Его, и да бегут от лица Его ненавидящие Его». Это буквальное отражение древнего фрагмента из Книги Чисел, 10:35, где утверждается: «Когда поднимался ковчег в путь, Моисей говорил: восстань, Господи, и рассыплются враги Твои, и побегут от лица Твоего ненавидящие Тебя!»
54. Пс. 67:31.
55. Ibid.
56. Ис. 18:1—2.
57. См.: Jeffrey Wigoder (ed.), *The Encyclopedia of Judaism*, Jerusalem Publishing House, Jerusalem, 1989: «...современные ученые полагают, что Книга Исаяи — компиляция из текстов нескольких пророков, самому же Исаяе принадлежат только главы 1—39».
58. См. выше, главу 15.

59. Даты правления царей приведены по *Jerusalem Bible*, op. cit., Chronological Table, p. 345. Даты жизни Исаяи см.: F.L. Cross, E.A. Livingstone (eds.), *The Oxford Dictionary of the Christian Church*, Oxford University Press, 1988, p. 715.
60. F.L. Cross, E.A. Livingstone (eds.), *The Oxford Dictionary of the Christian Church*, op. cit., p. 715. См. также: Louis Ginzberg, *Legends of the Jews*, op. cit., vol. IV, pp. 287—279, vol. VI, pp. 371, 396.
61. См. выше, главу 9.
62. Быт. 21:33.
63. См.: Frederick C. Gamst, *The Qemant: A Pagan Hebraic Peasantry of Ethiopia*, Holt, Reinhart & Winston, New York, 1969, pp. 5—6., этнической группы, которая считается старейшим слоем населения Африканского Рога.
64. См., напр.: A.H.M. Jones and Elizabeth Monroe, *A History of Ethiopia*, Clarendon Press, Oxford, 1966, pp. 7—8.
64. См.: Donald N. Levine, *Greater Ethiopia: The Evolution of a Multiethnic Society*, University of Chicago Press, Chicago and London, 1974, pp. 34, 37. Языки агау, фалаша и кемантский принадлежат к центральной кушитской группе языков. См. также: Frederick C. Gamst, *The Qemant: A Pagan Hebraic Peasantry of Ethiopia*, op. cit., p. 1: «Кеманты, этническая группа численностью от 20 до 25 тысяч человек, — остатки народов агау, говоривших на языках кушитской группы и первоначально населявших Северную и Центральную Эфиопию». Современные фалаша уже почти не говорят на языке агау, за исключением некоторых старейшин из глухих деревень. См.: Wolf Leslau, *Falasha Anthology*, Yale University Press, New Haven & London, 1979, pp. xx—xxi. См. также: Edward Ullendorf, *The Ethiopians*, op. cit., pp. 37—38.
65. Balthazar Tellez, *The Travels of the Jesuits in Ethiopia*, цит. по: Sydney Mendelssohn, *The Jews of Africa*, London, 1920, p. 5.
66. Jacqueline Pirenne, «Des Grecs à l'aurore de la culture monumentale Sabéenne», in T. Fahd (ed.), *L'arabe preislamique et son environnement historique et culturel*, Actes de colloque de Strasbourg, 24—27 juin 1987; издано Université des sciences humaines de Strasbourg, 1989.
67. Ibid., p. 262.
68. R. Schneider, «Documents epigraphiques de l'Ethiopie», *Annales d'Ethiopie*, vol. X, 1976, pp. 88—89.
69. Ibid., pp. 88—89.
70. Jacqueline Pirenne, «Des Grecs à l'aurore de la culture monumentale Sabéenne», op. cit., pp. 264—265.

71. *Sir Gawain and the Green Knight*, translated with an introduction by Brian Stone, Penguin Classics, London, 1974, p. 100.
72. *Ibid.*, p. 100.
73. *Ibid.*, p. 103.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ БЕСПЛОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Глава 17. Ужин с демонами

1. Graham Hancock, Richard Pankhurst, Duncan Willetts, *Under Ethiopian Skies*, Editions HL, London and Nairobi, 1983 (reprinted 1987 and 1989).
2. Graham Hancock, *Ethiopia: the Challenge of Hunger*, Gollancz, London, 1985, p. 110.
3. Нежелательными лицами (*лат.*).

Глава 18. Сокровище, которое трудно найти

1. J. Theodore Bent, *The Sacred City of the Ethiopians: Travel and Research in Abyssinia in 1893*, Longmans, Green, London, New York and Bombay, 1896, p. 196.
2. См. выше, главу 1.
3. См. выше, главу 5.
4. См. выше, главу 5. См. также: B.T. Evetts (trans. and ed.), Abu Salih, *Churches and Monasteries of Egypt and some Neighbouring Countries*, Oxford, 1895, p. 288.
5. См. выше, главу 5.
6. Wolfram von Eschenbach, *Parzival*, Penguin Classics, London, 1980. См., напр.: pp. 393, 397.
7. Wolfram von Eschenbach, *Parzival*, *op. cit.*, p. 232.

БЛАГОДАРНОСТИ	5
Часть первая. Эфиопия, 1983 год	
ЛЕГЕНДА	7
Глава первая	
ПОСВЯЩЕНИЕ: 1983	9
Глава вторая	
РАЗОЧАРОВАНИЕ	31
Часть вторая. Европа, 1989 год	
СВЯТОЙ КОВЧЕГ И СВЯТОЙ ГРААЛЬ	49
Глава третья	
ШИФР ГРААЛЯ	51
Глава четвертая	
КАРТА КЛАДА	83
Глава пятая	
БЕЛЫЕ РЫЦАРИ, ЧЕРНЫЙ КОНТИНЕНТ	99
Глава шестая	
СОМНЕНИЯ РАЗРЕШЕНЫ	133
Глава седьмая	
БЕСКОНЕЧНЫЕ ТАЙНЫЕ ПОИСКИ	165
Часть третья. Эфиопия, 1989—1990	
ЛАБИРИНТ	203
Глава восьмая	
В ГЛУБЬ ЭФИОПИИ	205
Глава девятая	
СВЯЩЕННОЕ ОЗЕРО	215

Глава десятая	
ПРИЗРАК В ЛАБИРИНТЕ	236
Глава одиннадцатая	
«ДАВИД СКАКАЛ ИЗ ВСЕЙ СИЛЫ ПРЕД ГОСПОДОМ...»	257
Часть четвертая: Египет, 1989—1990	
ЧУДОВИЩНОЕ ОРУДИЕ	289
Глава двенадцатая	
МАГИЯ... ИЛИ МЕТОД?	291
Глава тринадцатая	
СОКРОВИЩА ТЬМЫ	329
Часть пятая: Израиль и Египет, 1990 год	
ГДЕ ЖЕ СЛАВА?	371
Глава четырнадцатая	
«ОТОШЛА СЛАВА ОТ ИЗРАИЛЯ...»	373
Глава пятнадцатая	
ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ	411
Глава шестнадцатая	
ВРАТА ЮЖНЫХ СТРАН	441
Часть шестая:	
БЕСПЛОДНАЯ ЗЕМЛЯ	475
Глава семнадцатая	
УЖИН С ДЬЯВОЛАМИ	477
Глава восемнадцатая	
СОКРОВИЩЕ, КОТОРОЕ ТРУДНО НАЙТИ	486
ПРИМЕЧАНИЯ	528

Грэм Хэнкок
КОВЧЕГ ЗАВЕТА

Ответственный редактор *Е. Басова*
Художественный редактор *Е. Савченко*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *Е. Мельникова*
Корректор *М. Фирстова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: Info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.

Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.

Информация по канцтоварам: www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Подписано в печать 31.10.2006.
Формат 60x90^{1/16}. Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 38,0 + вкл.
Тираж 6000 экз. Зак. № 4561.

Отпечатано в ОАО «Тульская типография».
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ЭРИХ ФОН ДЭНИКЕН

Имя Эриха фон Деникена хорошо известно всем, кто интересуется таинством зарождения нашей цивилизации.

Его гипотеза палеоконтакта приковала внимание миллионов преданных последователей и оппонентов.

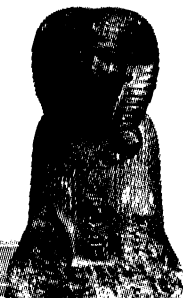
В глубокой древности нашу Землю посетили представители инопланетного разума, которые посредством целенаправленной искусственной мутации создали Homo sapiens на основе исчезнувших человекообразных существ. Следов этих «богов» на земле осталось очень много...

БУДУЩЕЕ

Книги ДЕНИКЕНА:

- «День, когда явились боги»
- «Каменный век был иным»
- «Небесные учителя»
- «По следам всемогущих»

СКРЫТО

- «Знаки, обращенные в вечность»
- «Пришельцы из Вселенной»
- «Наследие богов»
- «Страшный суд начался»

В ЗАГАДКАХ ПРОШЛОГО

По книгам автора снято три документальных фильма

Издательство «Эксмо» представляет

СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН»

*Серия «Исторический роман»
представляет уникальные романы,
рассказывающие о самых ярких
событиях, вошедших в мировую
историю.*

Также в серии:

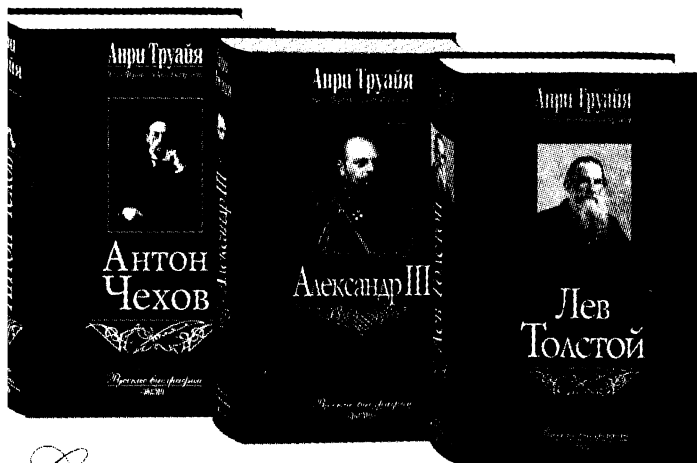
К. Хамфрис «Французский палач», К. Эссекс «Клеопатра»,
К. Маккалоу «Битва за Рим. (Венец из трав)»,
«Первый человек в Риме»

Анри Труайя

Член Французской академии литературы

в серии
«Русские биографии»

Собрание исследований известного французского писателя и биографа Анри Труайя представляет собой уникальную коллекцию книг о самых ярких и неоднозначных личностях русской политики, литературы и искусства.

Достоверные и важные факты!

Также в серии:

«Грозные царицы», «Марина Цветаева», «Федор Достоевский»,
Николай Гоголь», «Балерина из Санкт-Петербурга», «Александр II»,
«Павел Первый», «Екатерина Великая»

В тайну ковчега Завета пытались проникнуть многие. Она вдохновила охотников за сокровищами на организацию многочисленных экспедиций. Поисками древней реликвии занимались крестоносцы, тамплиеры, иезуиты, масоны, нацисты. И лишь английскому исследователю Грэму Хэнкоку, автору знаменитых бестселлеров «Следы богов» и «Власть Талисмана», удалось обнаружить следы утраченного ковчега.

При внимательном чтении Ветхого Завета можно обнаружить более двухсот отдельных упоминаний о Ковчеге Завета вплоть до времен Соломона; но после правления этого мудрого царя о ковчеге почти ничего не говорится. И это, разумеется, и есть основная проблема, подлинная историческая загадка: дело не в том, что бесследно исчез невероятно ценный золотой ящик, а в том, что – при столь огромной религиозной значимости – его исчезновение окружает столь неправдоподобное, абсолютное молчание. Слово черная дыра в космосе или изображение на негативе, он опознается в поздних книгах Ветхого Завета только тем, что его больше нет, — другими словами, замечен лишь своим отсутствием.

Грэм Хэнкок

ISBN 5-699-19265-4

9 785699 192656 >